A 279/7

ПРАВИТЕЛЬСТВО

ИМПЕРАТРИЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ДѢЛАМЪ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Изслѣдованіе

Б. В. Титлинова.

ВИЛЬНА.

Типографія „Русскій Починъ". Виленская улица № 25.

1905.

ПРАВИТЕЛЬСТВО

ИМПЕРАТРИЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ДѢЛАМЪ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Изслѣдованіе

Б. В. Титлинова.

ВИЛЬНА.

Типографія „Русскій Починъ“, Виленская улица № 25.

1905.

РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

Печатать разрѣшается Ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи Епископомъ *Сергіемъ*. 11 февраля 1905 года.

2007089623

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Литература предмета. Задача изслѣдованія.

Исторія русской церкви въ періодъ царствованія Анны Іоанновны не имѣетъ изслѣдователей, которые дали бы спеціальный цѣльный очеркъ церковной жизни въ Россіи, или даже одной ея стороны, въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія; не имѣетъ такихъ изслѣдователей и правительственная дѣятельность этого времени въ области церковныхъ вопросовъ. Надъ царствованіемъ императрицы Анны лежитъ какой то мрачный покровъ, и, кажется, будто рука адептовъ исторической науки нарочно не поднимаетъ таинственнаго покрывала, боясь открыть взору наблюдателя невеселую картину. Это и не удивительно. Нѣмецкое правительство оставило по себѣ не добрую память въ русскомъ общественномъ сознаніи; заклейменное прозвищемъ „бироновщины“, оно не слишкомъ привлекало даже научныя симпатіи, какъ предметъ для научнаго труда. Въ духовенствѣ, представителяхъ церкви, долго жило тяжелое воспоминаніе о режимѣ „Ѳеофановщины“, какъ по справедливости можно назвать первую половину аннинскаго царствованія, и о той непреклонной политикѣ въ области церковной, которая заставляла трепетать іерарховъ, отнимая у нихъ покой даже ночью (Ѳеофилактъ Лопатинскій), оставила въ запустѣніи сотни церквей и опустошила ряды чернаго и бѣлаго духовенства. Однако, все-таки въ различныхъ изслѣдованіяхъ вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, затрагивался, въ общемъ или по частямъ, и мы считаемъ долгомъ упомянуть о его существующей литературѣ.

Изъ общихъ историческихъ трудовъ, единственнымъ заслуживающимъ упоминанія по содержащимся въ немъ замѣткамъ о церковныхъ дѣлахъ въ аннинское время является „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева,

конецъ 19-го и 20-й томъ которой посвящены царствованію Анны. Здѣсь мы находимъ (т. XIX стр. 284—306 и т. XX, стр. 284—305) [1]) общее обозрѣніе правительственной дѣятельности въ сферѣ церковной и, такъ сказать, страничку изъ исторіи высшей іерархіи того времени—о борьбѣ Θеофана Прокоповича съ своими противниками. Но, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ труда, посвященнаго русской исторіи въ ея цѣломъ, отдѣлъ церковно-историческій у С. М. Соловьева не отличается ни подробностью, ни полнотою. Его два главныхъ источника въ вышепоказанныхъ двухъ частяхъ его исторіи аннинскаго времени—Полное Собраніе Законовъ и книга Чистовича „Θеофанъ Прокоповичъ и его время". Иногда онъ цитируетъ дѣла и журналы Сената (стр. 286, XIX т., 314, 315 XX т.), Тайной Канцеляріи (XX, 301), но эти ссылки крайне рѣдки. Послѣ чтенія исторіи Соловьева остаются, въ сущности, невыясненными ни положеніе высшей іерархіи въ отношеніи къ свѣтской власти, ни судьба бѣлаго и чернаго духовенства, ни состояніе духовнаго просвѣщенія, т. е. главныя стороны церковной жизни. Еще правительственная политика въ высшихъ церковныхъ сферахъ болѣе или менѣе уловима изъ приводимыхъ у Соловьева фактовъ: но понять и оцѣнить гражданское законодательство аннинскаго времени относительно бѣлаго и чернаго духовенства и духовнаго образованія на основаніи „Исторіи Россіи" невозможно. Такіе крупные факты, какъ разборы духовнаго сословія послѣднихъ лѣтъ правленія Анны, у Соловьева находятъ лишь краткое упоминаніе (XX, 295); а просвѣтительныя тенденціи аннинскаго царствованія намѣчены у нашего историка весьма блѣдно и неясно.

Въ 2-хъ томномъ трудѣ (представляющемъ собраніе статей разныхъ авторовъ) „Внутренній бытъ русскаго государства съ 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи", во второй книгѣ (Москва, 1886 г.) помѣщена обширная статья Н. И. Тихомирова „Св. Синодъ въ 1740 и 1741 годахъ" (стр. 275—398). Этотъ документальный трудъ, занимаясь преимущественно указанными двумя годами,

1) Изданіе 3-е.

нерѣдко сообщаетъ свѣдѣнія, относящіеся и къ прежнимъ годамъ аннинскаго царствованія. То, что даетъ въ качествѣ матеріала изслѣдованіе Тихомирова, цѣнно особенно потому, что представляетъ неопубликованный матеріалъ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Правда, авторъ имѣетъ въ виду не правительственныя отношенія къ церкви въ указанный имъ періодъ времени, а дѣятельность Синода и его положеніе. Но такъ какъ Синодъ былъ органомъ, чрезъ который свѣтская власть проводила свои распоряженія и мѣропріятія въ сферѣ дѣлъ церковныхъ, то трудъ Тихомирова имѣетъ отношеніе и къ нашему предмету (наприм. стр. 300—305, 312—321, 321—325 и т. д.).

Въ той же книгѣ „Внутренняго быта“ есть статья А. А. Голубева „Св Синодъ. Историческій очеркъ“ (стр. 225—274), гдѣ нѣсколько страницъ посвящено вопросу объ устройствѣ Синода при Аннѣ Іоанновнѣ (стр. 269—274).

Обѣ указанныя статьи лишь косвенно касаются нашего предмета. Тоже нужно замѣтить объ упоминаемыхъ ниже трудахъ: всѣ они не занимаются всѣми сторонами церковной жизни 30-хъ годовъ XVIII вѣка и правительственныхъ отношеній касаются только мимоходомъ. Дѣятельность верховной власти аннинскаго царствованія для церкви затрогивается въ этихъ трудахъ по частямъ, въ той или другой области церковной жизни, въ рамкахъ тѣхъ или иныхъ источниковъ.

Т. В. Барсовъ посвящаетъ немногія страницы своей книги „Св. Синодъ въ его прошломъ“ (СПБ. 1896 г.) положенію Синода при Аннѣ Іоанновнѣ, и преимущественно съ точки зрѣнія отношеній къ нему гражданской власти (стр. 271—283. 435—441). Но онъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ и лишь сообщаетъ голые факты.

Для исторіи высшей церковной іерархіи въ занимающій насъ періодъ времени имѣетъ важное значеніе книга проф. И. А. Чистовича „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ (СПБ. 1878 г.). Центральную фигуру изслѣдованія занимаетъ личность новгородскаго архіепископа, какъ видно изъ самаго заглавія; но это ни въ какомъ случаѣ не біографія одного лица, а исторія церковной жизни того времени, насколько

въ ней отражалось участіе ученѣйшаго іерарха. То была эпоха „Θеофановщины“. Эта Θеофановщина и служитъ предметомъ рѣчи автора въ большей части его книги. Главы съ XIV—XXVI рисуютъ намъ картину положенія высшей іерархіи при Аннѣ до самой смерти Θеофана († 1736 г.) и отчасти послѣ нея, картину ссылокъ и заточенія іерарховъ, розысковъ, допросовъ и пытокъ Тайной Канцеляріи, болѣзненной подозрительности правительства, трепета черного и бѣлаго духовенства предъ ужасомъ застѣнковъ и т. д. Такъ какъ исторія отношеній правительства къ высшей іерархіи въ царствованіе Анны тѣсно связана съ именемъ Θеофана, то для этой исторіи трудъ Чистовича оказываетъ незамѣнимую услугу; а насколько режимъ тогдашней политики отражался на бѣломъ духовенствѣ и монашествѣ,—это достаточно показываетъ длинный рядъ процессовъ Θеофана и множество лицъ, въ нихъ замѣшанныхъ, такъ что книга Чистовича имѣетъ значеніе и для исторіи правительственной политики по отношенію къ низшей іерархіи. Къ сожалѣнію только, у автора недостаточно выяснено, насколько вліялъ Θеофанъ на отношенія свѣтской власти къ церкви вообще. Чистовичъ говоритъ лишь, что Прокоповичъ возбуждалъ подозрительность правительства въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаяхъ. Намъ же кажется, что поведеніе Θеофана имѣло болѣе важное значеніе для взаимоотношеній государства и церкви въ ту эпоху. Постоянные политическіе розыски въ средѣ духовенства, возбуждаемые по иниціативѣ Θеофана, постоянныя предостереженія о заговорѣ и партіяхъ, несочувствующихъ иностранному господству; эта легкость, съ какою лица духовенства попадали отъ алтаря въ застѣнокъ, эти безпрестанныя разстриженія архіереевъ, архимандритовъ, іеромонаховъ, священниковъ и проч.—все это придавало отношеніямъ правительства къ духовенству извѣстный тонъ, на духовное сословіе клало нежелательный отпечатокъ, унижало представителей церкви въ глазахъ общества и народа. Затѣмъ, нужно замѣтить, что даже въ тѣхъ процессахъ іерарховъ, которые подробно излагаетъ Чистовичъ, участіе правительства и его роль не выяснены съ достаточной рельефностью въ трудѣ автора, занятаго преимущественно Θеофаномъ.

Проф. Знаменскій въ своемъ сочиненіи „Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра“ (Каз. 1873 г.) обозрѣваетъ всѣ правительственныя распоряженія аннинскаго времени относительно бѣлаго духовенства въ различныхъ отдѣлахъ своего труда (приходскіе выборы и назначеніе на церковныя должности—стр. 48—49, 59, 92, 95, 96, разборы духовенства—стр. 211—242; государств. повинности—406—8; привлеченіе къ свѣтск. суду—427—438). Здѣсь мы находимъ полноту изслѣдованія, но только въ извѣстныхъ рамкахъ, именно, печатныхъ источниковъ, которыми лишь располагалъ проф. Знаменскій. Мѣры правительства не приводятся безъ историческаго освѣщенія; имъ дается оцѣнка съ точки зрѣнія ихъ жизненнаго примѣненія; а широкія задачи изслѣдованія даютъ возможность сравнить мѣропріятія аннинскаго времени съ предшествующими, уяснить ихъ историческое положеніе. Но ограниченность источниковъ неизбѣжно влечетъ за собою не совсѣмъ желательныя слѣдствія: недостатокъ фактическаго матеріала, необходимаго для уясненія практическаго значенія нѣкоторыхъ мѣропріятій. Въ отдѣлѣ о разборахъ духовенства, которому проф. Знаменскій удѣляетъ довольно много мѣста, указанный пробѣлъ особенно ощутителенъ. Въ жизни бѣлаго духовенства аннинскаго времени и всей русской церкви послѣдніе годы царствованія императрицы были особенно знаменательны по разборамъ, и послѣдніе представляютъ характерный памятникъ церковной политики правительства. Между тѣмъ вся тяжесть разборовъ въ историческихъ условіяхъ времени не можетъ быть опредѣлена на основаніи одного законодательнаго матеріала (П С. З.—источникъ Знаменскаго). Какъ отзывались распоряженія центра на периферіи, какое движеніе въ жизни производила канцелярская бумага, вышедшая изъ рукъ чиновника,—этого во всей ясности невозможно представить на основаніи законодательнаго памятника: необходимо болѣе близкое знакомство съ практическимъ осуществленіемъ закона и условіями этого осуществленія. Послѣднее достигается изученіемъ архивныхъ документовъ, не доступныхъ проф. Знаменскому.

Для исторіи правительственныхъ отношеній къ монашеству въ Аннинское царствованіе, можно сказать, нѣтъ ни

одного научнаго труда, какъ нѣтъ его вообще для исторіи монашества XVIII вѣка. Въ нашей церковной исторической литературѣ разработанъ только одинъ вопросъ—церковно-имущественный. Здѣсь для нашего предмета можно отмѣтить труды: А. А. Завьялова, „Вопросъ о церковныхъ имуществахъ при императрицѣ Екатеринѣ II“ (СПБ. 1900 г.); Вл. Милютина, „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи;“ Т. В. Барсова, „Синодальныя учрежденія прежняго времени“ (СПБ. 1897 г.). Завьяловъ касается вопроса о церковныхъ имуществахъ въ аннинское царствованіе на стр. 74—76 и вопроса о монастырскихъ штатахъ на стр. 261—262. Милютинъ на стр. 530—536 излагаетъ узаконенія Анны Іоанновны о церковныхъ вотчинахъ, помѣщенныя въ П. С. З. Немногочисленный матеріалъ этого законодательнаго памятника авторъ исчерпываетъ весь. Въ книгѣ Т. В. Барсова въ главѣ VI на стр. 194—200 излагается внѣшняя исторія центральнаго управленія церковными имуществами при Аннѣ, т. е. Коллегіи Экономіи. Всѣ эти труды имѣютъ то значеніе для нашей цѣли, что, излагая исторію вопроса на протяженіи нѣсколькихъ царствованій, даютъ возможность прослѣдить историческую связь аннинскихъ мѣропріятій съ предшествующими и опредѣлить ихъ мѣсто въ ряду другихъ царствованій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ одномъ трудѣ вопросъ церковно-имущественный при императрицѣ Аннѣ не разсматривается во всей полнотѣ и всесторонности. Цѣльной его исторіи за 30-е года XVIII столѣтія нѣтъ. Даже положеніе аннинскаго царствованія въ ряду другихъ, то, что сдѣлало оно для разрѣшенія церковно-имущественаго вопроса, не выяснено ни въ одномъ изъ вышеозначенныхъ трудовъ, хотя матеріалъ для этого въ нихъ данъ. Причиною этого, конечно, служитъ иная задача, поставленная авторами передъ собою. Они касались времени Анны Іоанновны только мимоходомъ, не останавливаясь на немъ спеціально.

Правительственная дѣятельность въ области духовнаго просвѣщенія за царствованіе Анны Іоанновны находитъ для себя обстоятельное изслѣдованіе въ книгѣ проф. Знаменскаго „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года“ (Казань 1881 г.). Здѣсь на стран. 145—175 авторъ излагаетъ аннинское законодательство и исторію духовной школы за

это время. Въ рамкахъ своихъ источниковъ (печатныхъ) проф. Знаменскій разсматриваетъ предметъ довольно полно. Однако, правительственное участіе въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія у автора представляется далеко не всесторонне. Онъ не сопоставляетъ просвѣтительныя заботы правительства съ другими сторонами его церковной политики. Отсюда положеніе аннинской эпохи въ исторіи духовной школы и значеніе собственно государственной власти того времени для прогресса духовнаго просвѣщенія въ книгѣ Знаменскаго не отмѣчается съ желательной отчетливостью—опять, несомнѣнно, потому, что авторъ не занимался исключительно періодомъ 1730—1740 гг.

Въ книгѣ проф. Владимірскаго-Буданова „Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка“ (Яросл. 1874 г.) на стр. 312—322 также говорится о семинаріяхъ аннинскаго времени и правительственныхъ мѣропріятіяхъ для подъема духовнаго просвѣщенія. Но и здѣсь главная для нашей цѣли сторона дѣла не освѣщена ни полно, ни всесторонне, хотя по сравненію съ книгой Знаменскаго трудъ Владимірскаго-Буданова, пожалуй, болѣе даетъ для уясненія роли государственнаго участія въ области духовнаго просвѣщенія за 30-е годы XVIII вѣка.

Тотъ же трудъ Буданова (стр. 60—66; 70—76) разсматриваетъ просвѣщеніе инородцевъ и миссіонерскія школы за царствованіе императрицы Анны, что служитъ къ освѣщенію миссіонерской дѣятельности аннинскаго правительства. Подобнаго же рода данныя находятся въ статьѣ Е. Малова „О новокрещенскихъ школахъ въ XVIII вѣкѣ“ (Прав. Обозр. 1868 г. т. XXVI, стр. 350—380).

При такомъ состояніи литературы нашего предмета, задачи настоящаго изслѣдованія опредѣляются въ слѣдующемъ видѣ. Его цѣль—представить полный очеркъ правительственныхъ отношеній къ церковнымъ дѣламъ при Аннѣ Іоанновнѣ, выяснить принципы государственной церковной политики и прослѣдить ихъ обнаруженіе въ разныхъ областяхъ

церковной жизни. Конечно, было бы весьма желательно опредѣлить личное участіе въ этой политикѣ тѣхъ или иныхъ государственныхъ дѣятелей, опредѣлить по отношенію къ каждому болѣе или менѣе выдающемуся акту правительственной дѣятельности. Но это дѣло совершенно невозможное, разъ документальныя данныя не даютъ для этого матеріала. Роль государственныхъ дѣятелей того времени возможно опредѣлить только въ общемъ видѣ, указавъ ихъ политическое значеніе и вліяніе на государственныя дѣла. Этой цѣлью и задается „введеніе“, предпосылаемое настоящему изслѣдованію. Въ немъ дается характеристика лицъ, стоявшихъ у кормила власти, и, по возможности, опредѣляется ихъ участіе въ государственной политикѣ вообще и церковной въ частности. Здѣсь же выясняются основные принципы, характеризпрующіе отношеніе государственной власти къ церкви въ занимающее насъ время. Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ задачей показать, въ какія формы сложились эти отношенія, какъ на практикѣ проявились принципы правительственной политики въ различныхъ областяхъ церковной жизни, какъ отозвались они на реальной дѣйствительности, каково было ихъ значеніе для церкви. При этомъ мы старались по возможности кратко касаться тѣхъ фактовъ, которые нашли себѣ подробное изложеніе въ церковно-исторической литературѣ, выясняя всюду лишь правительственное участіе въ церковныхъ дѣлахъ и вліяніе правительственной политики на теченіе церковной жизни. Такъ же кратко касаемся прошлой исторіи тѣхъ вопросовъ, которые аннинское царствованіе унаслѣдовало отъ предшествующихъ, потому что наименѣе изслѣдовано именно царствованіе Анны Іоанновны; царствованіямъ же ея предшественниковъ и преемниковъ болѣе посчастливилось въ исторической литературѣ.

Насколько удалось намъ выполнить поставленныя себѣ задачи, судить не намъ. Нѣкоторые вопросы, разсматриваемые въ главахъ VI—VII быть можетъ покажутся разработанными не съ достаточной полнотою; но мы осмѣлимся сказать въ свою защиту, что это обстоятельство зависѣло или отъ недостатка матеріала, или отъ того, что болѣе детальное из-

ложеніе относящихся къ тѣмъ вопросамъ фактовъ не прибавляло никакихъ характерныхъ чертъ для занимающей насъ стороны дѣла.

Что касается плана настоящаго изслѣдованія, то онъ принятъ нами, какъ наиболѣе удобный для всесторонняго и отчетливаго изложенія предмета. Другая возможная постановка дѣла, группировка фактовъ по тѣмъ или инымъ принципамъ правительственной политики, въ нихъ проявившимся, повлекла бы за собою неизбѣжно много повтореній и лишила бы совершенно цѣльности обозрѣніе разныхъ сторонъ церковной жизни.

ВВЕДЕНІЕ.

Общій взглядъ на церковную политику правительства императрицы Анны Іоанновны.

Когда вступила на престолъ императрица Анна Іоанновна (1730-1740 г.), то архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ въ порывѣ радости воспѣлъ это событіе горячими стихами:

Прочь, уступай прочь
Печальная ночь.
Солнце восходитъ,
Свѣтъ возводитъ,
Прочь, уступай прочь
Печальная ночь.
Коликій у насъ мракъ былъ и ужасъ.
Солнце Анна возсіяла
Свѣтлый намъ день даровала .. [1])

Здѣсь слышится предчувствіе свѣтлыхъ дней для русскаго народа и, конечно, и для русскаго духовенства, представителемъ котораго былъ Ѳеофанъ. Въ Аннѣ онъ предвидѣлъ „солнце, грѣющее лучами всероссійскій вертоградъ широкій“ [2]), особенно благостное для него лично, послѣ неблагопріятныхъ лѣтъ двухъ предшествовавшихъ царствованій. Но минуло дѣсять лѣтъ, скончалась имп. Анна; прошелъ еще годъ—вступила на престолъ дщерь Петра Великаго—Елизавета. И вотъ какіе отзывы о временахъ „живительнаго солнца“ слышимъ мы изъ устъ представителей духовнаго сословія о тогдашнемъ положеніи „россійскаго вертограда“, о правительственномъ отношеніи къ церкви и ея интересамъ. Амвросій Юшкевичъ, архіеп. новгородскій, говоритъ о минувшихъ годахъ аннинскаго правленія (18 Но-

1) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 294.
2) Ibid. стр. 295.

ября 1741 г.): „На благочестіе и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! спросимъ—за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему негодный... Подъ образомъ будто храненія чести, здравія и интереса государства, о! коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ въ тайную похищали, въ страдныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали“ [1]). „Весь обще чинъ духовный, говоритъ позже (15 Іюля 1744 г.) тотъ же Амвросій, равно съ простымъ народомъ вмѣняли и почитали, ни единаго въ немъ посвященія и характеру пастырскаго не признавали, и для того сами собою пастырей и священниковъ безъ суда правильнаго назначали, предающе оныхъ на узы и темницы, на преисподнія заключенія и безвѣстныя ссылки; но еще тѣмъ недовольствовалась лютость оная, бросалась было звѣрски и на убожество монашеское... однихъ подъ претекстомъ интересу и тайнаго дѣла безчеловѣчно мучили, другихъ на презрѣніе и вѣчное ругательство вѣры нашея разстригали и въ солдаты отдавали, третьихъ въ далечайшія и безлюдныя ссылки на край свѣта посылали, а новыхъ на ихъ мѣсто принимать и постригать накрѣпко запрещали.“ [2])

„Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ,— говорилъ Кириллъ Флоринскій (18 Ноября 1741 г.),—что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сіе бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству россійскому, еже первѣйшее и дрожайшее все-

---

1) Тихонравовъ. Лѣтописи рус. литературы, т. II. Придворн. проповѣди въ царствов. имп. Елизаветы. Н. Поповъ. Стр. 5.

2) Ibid. стр. 25—26.

го въ Россіи, правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ". [1])

„Было неблагопріятное время",—слышимъ мы изъ устъ третьяго проповѣдника, Димитрія Сѣченова (25 Марта 1742 г.). „Противницы наши добрую дорогу, добрый ко утѣсненію насъ сыскали способъ, показывали себѣ, аки бы они вѣрные государству слуги, аки бы они сберегатели здравія государей своихъ, аки бы они все къ пользѣ и исправленію Россіи промышляютъ: а какъ прибрали все отечество наше въ руки, коликій ядъ злобы на вѣрныхъ чадъ россійскихъ отрыгнули; коликое гоненіе на церковь Христову и на благочестивую вѣру возставили, ихъ была година и область темная: что хотѣли, то и дѣлали... Догматы христіанскіе въ басни и ни во что поставляли; святыхъ угодниковъ Божіихъ не почитали; иконамъ святымъ не кланялись; преданія апостольскія и св. отецъ отвергали... А наипаче коликое гоненіе на самихъ священныхъ таинъ служителей, чинъ духовный: архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучали, казнили, разстригали; непрестанныя почты, и водою и сухимъ путемъ—куда? зачѣмъ?—монаховъ, священниковъ, людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города, въ Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ отвозятъ; и тѣмъ такъ устрашили, что ужеи самые пастыри, самые проповѣдники слова Божія молчали, и устъ не смѣли о благочестіи отверзти" [2]).

Много горечи и ненависти къ аннинскимъ временамъ слышится въ этихъ негодующихъ проповѣдяхъ елизаветинскаго царствованія. Нельзя, конечно, отрицать здѣсь ораторскаго преувеличенія, нельзя искать и вѣрнаго объясненія историческихъ фактовъ; но, все-таки, большая доля правды заключается въ обвиненіяхъ, возводимыхъ проповѣдниками на правительство 30-хъ годовъ XVIII вѣка. Православію не грозила опасность „искоренія"—это такъ; на догматы христіанскіе никто не покушался изъ правителей нѣмцевъ; но кровавое зарево сѣвернаго сіянія, залившее небосклонъ въ ночь съ 25 Февраля 1730 г.—

[1]) Ibid. стр. 9.
[2]) Ibid. стр. 12—14.

день провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны—не напрасно привело въ ужасъ суевѣрный народъ. Кровавый свѣтъ освѣщаетъ все аннинское царствованіе, озаряетъ и положеніе церкви русской. Не мало жертвъ вырвала изъ среды духовенства Тайная Канцелярія, не мало ихъ погибло, изувѣчено въ ея таинственныхъ, полныхъ ужаса, застѣнкахъ. Многіе извѣдали трудную дорогу въ холодную Сибирь, на далекій, непріютный сѣверъ; многіе испытали горькую солдатскую долю, послѣ служенія церкви, нерѣдко долголѣтняго. Все это мы увидимъ дальше; теперь предъ нами другой вопросъ: кто виновникъ этого положенія? Какія историческія условія создали его? Почему „широкій вертоградъ россійскій“, въ частности духовный, былъ озаренъ не свѣтлыми лучами солнца, какъ предсказывала поэтическая муза Ѳеофана Прокоповича, а кровавымъ свѣтомъ?

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ государственнаго управленія въ разсматриваемый нами періодъвремени.

Едва Анна Іоанновна вступила на престолъ и пріобрѣла права самодержавной императрицы (25 Февраля 1730 г.), какъ началось преобразованіе центральнаго управленія. Манифестомъ 4-го Марта 1730 года былъ уничтоженъ Верховный Тайный Совѣтъ, стоявшій во главѣ государства при Петрѣ II-мъ, и Высокій Сенатъ; возстановлялся вмѣсто нихъ по прежнему Правительствующій Сенатъ, „на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ при Петрѣ Великомъ былъ“ [1]). Однако, возстановленному Сенату не удалось стать во главѣ государственнаго управленія и пріобрѣсти большое вліяніе на дѣла. Многолюдный (21 членъ) и блестящій Сенатъ не былъ симпатиченъ государынѣ, напоминая ей отчасти верховный Т. Совѣтъ, покусившійся на ограниченіе ея власти. По мысли главнаго совѣтника императрицы Остермана, съ самаго же начала было предположено сосредоточить высшее управленіе и всѣ нити правительственной организаціи въ рукахъ учрежденія, близко стоящаго къ государынѣ, составляющаго ея домашній совѣтъ, вполнѣ ей преданный, дѣйствующій отъ ея имени и подъ

1) Полное Собр. закон. VIII, 5510.

ея руководствомъ. Въ 1731 году предположеніе уже перешло въ дѣйствительность. 18 Октября данъ именной указъ объ учрежденіи Кабинета, объявленный его членамъ-министрамъ и Сенату, а 10 (собственно 6-го) Ноября послѣдовалъ именной указъ Сенату, предназначенный во всеобщее опубликованіе: „Понеже мы, для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному Нашему Всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, заблагоразсудили учредить при дворѣ нашемъ Кабинетъ, и въ оный опредѣлить изъ министровъ нашихъ канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, дѣйст. тайнаго совѣтника кн. Черкасскаго, того де ради объ этомъ всемилостивѣйше объявляемъ". [1])

Съ этого времени до конца царствованія Анны, Кабинетъ стоялъ во главѣ правленія, занявъ мѣсто между Сенатомъ и верховною властью; Сенату, Синоду, коллегіямъ и канцеляріямъ приказано было подавать ежемѣсячно рапорты въ Кабинетъ о производящихся дѣлахъ, для наблюденія за своевременнымъ ихъ рѣшеніемъ, и этимъ новое учрежденіе пріобрѣтало право высшаго контроля [2]). Въ указѣ 18 Октября 1731 г. дѣятельность Кабинета опредѣлялась въ томъ видѣ, что кабинетъ-министры будутъ съ одной стороны докладчиками предъ императрицей „о всѣхъ дѣлахъ и о всемъ прочемъ, что и къ нашимъ интересамъ и пользѣ государства и подданныхъ нашихъ касаться будетъ", а съ другой, будутъ объявлять, кому надлежитъ, ея резолюціи. Такимъ образомъ, въ началѣ Кабинетъ былъ органомъ служебнымъ; но и въ этомъ положе-

---

[1]) П. С. З. VIII. 5871.

[2]) Сообщаемыя здѣсь и ниже свѣдѣнія о Кабинетѣ заимствуются изъ слѣд. трудовъ: „Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генералъ-прокуроры". А. Градовскаго, Спб 1866 г., стр 146-160; „Государственный совѣтъ въ Россіи". В. Щеглова, Яросл. 1892 г., стр. 609-625; „Новыя данныя о Кабинетѣ министровъ импер. Анны Іоанновны", А. Филиппова, Русск. Мысль 1901 г. №№ 1, 4, 12. Въ этихъ сочиненіяхъ, а также въ предисловіи къ „Бумагамъ Кабинета" (Сборн. русск. ист. общ. т. 104), и въ друг. сочиненіяхъ Филиппова о Кабинетѣ содержатся подробныя свѣдѣнія объ этомъ учрежденіи.

ніи, какъ ближайшій совѣтъ императрицы, посредникъ между ею и всѣми прочими правительственными учрежденіями, онъ фактически являлся правителемъ государства, хотя самъ оставался еще въ тѣни оффиціально, дѣйствуя подъ прикрытіемъ имени императрицы. Близость къ верховной власти, близость даже пространственная (Кабинетъ, обычно, помѣщался въ томъ дворцѣ, гдѣ пребывала государыня), его совѣщательное и исполнительное положеніе превращала въ первенствующее; чрезъ него обычно сообщалась высочайшая воля, а направленіе высочайшимъ рѣшеніямъ, естественно, давали близко знакомые съ ходомъ дѣлъ кабинетъ-министры, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ. Такъ было до половины 1735 года. Характеризуя дѣятельность Кабинета первыхъ лѣтъ Аннинскаго царствованія, проф. Филипповъ говоритъ, что при самомъ учрежденіи Кабинета „было ясно одно: Кабинетъ будетъ ближайшимъ оффиціальнымъ совѣтомъ императрицы; онъ, сосредоточивая въ себѣ всѣ свѣдѣнія о движеніи дѣлъ въ учрежденіяхъ и *докладывая* о нихъ время отъ времени государынѣ, получитъ возможность отдавать, именемъ императрицы, *приказы*, а также и *контролировать* всѣ дѣйствія тѣхъ или другихъ учрежденій, хотя бы прямо и опредѣленно изданныя узаконенія его къ этому не уполномочивали... На этой благодарной для развитія почвѣ и началась дѣятельность Кабинета. Поэтому, насколько блѣдна и бѣдна была вообще *указная* дѣятельность Кабинета въ первые годы его существованія, настолько богата и всесторонняя была его *приказная* дѣятельность. То въ силу своего положенія, какъ ближайшаго и постояннаго совѣта при императрицѣ, то въ силу особыхъ (большей частью словесныхъ) ея повелѣній, испрошенныхъ министрами на докладахъ, Кабинетъ постоянно отдавалъ-тоже по большей частью словесно—приказы всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, какимъ только находилъ это нужнымъ, и, въ цѣляхъ полноты и всесторонности тѣхъ же докладовъ императрицѣ, обращался къ нимъ за всевозможными свѣдѣніями и мнѣніями, которыя и получалъ то непосредственно, то черезъ государыню. Ничего не передѣлывая и ни на что, повидимому, непокушаясь, онъ держалъ учрежденія и лица въ по-

стоянномъ напряженіи и достигалъ простыми средствами очень важныхъ, съ своей точки зрѣнія, результатовъ“ [1]).

9 іюня 1735 г. послѣдовало высоч. распоряженіе, которымъ указы, подписанные тремя кабинетъ-министрами, получали силу именныхъ указовъ [2]). Съ этого момента начинается для Кабинета періодъ усиленной дѣятельности на новыхъ основаніяхъ. Теперь уже онъ не стоитъ въ тѣни, а дѣйствуетъ оффиціально, какъ органъ высшей государственной власти. Число указовъ, подписанныхъ кабинетъ-министрами, весьма многочисленно, гораздо многочисленнѣе въ этотъ періодъ времени, чѣмъ число указовъ, подписанныхъ самой императрицею. Относительно церковныхъ дѣлъ это мы можемъ сказать съ особенною опредѣленностью: громадное большинство указовъ послѣднихъ лѣтъ аннинскаго правленія, касающихся церкви, подписаны кабинетъ-министрами. При этомъ, хотя въ указѣ 9-го іюня признаются за именные указы за подписью трехъ членовъ Кабинета, въ дѣйствительности достаточною считалась подпись двухъ; въ большинствѣ случаевъ интересовавшіе насъ акты подписаны Остерманомъ и Черкасскимъ. Теперь всѣ органы государственнаго управленія, въ томъ числѣ и Св. Синодъ, представляли доклады на имя императрицы въ Кабинетъ, или же прямо на имя Кабинета, испрашивая „высокоповелительной“ резолюціи кабинетъ-министровъ. Во вторую половину тридцатыхъ годовъ Кабинетъ являлся фактически и оффиціально правителемъ государства, и его режимъ такъ тяжело ложился на прочія учрежденія, что лишалъ ихъ самодѣятельности даже въ вопросахъ, касающихся ихъ спеціальнаго вѣдомства. Такъ, именно, было съ Св. Синодомъ. Если Сенатъ къ концу царствованія Анны сталъ подниматься и проявлять попытки къ возвращенію прежняго значенія, то о Синодѣ сказать этого нельзя: его положеніе было унижено до возможнаго minimum'а. Отношенія Синода къ Кабинету иногда поражаютъ своею приниженностью. Синодъ подаетъ сообщенія, но въ дѣйствительности—это покорныя просьбы, часто даже не къ императрицѣ, а къ кабинетъ-министрамъ. Кабинетъ нерѣдко отказываетъ цер-

---

1) Вышеупом. статья Филиппова въ „Русск. Мысли“, № 1, стр. 11-12.
2) П. С. З. IX, 6745.

ковному правительству, не принимая его самыхъ убѣдительныхъ доводовъ; иногда онъ не обращаетъ вниманія на синодскіе доклады и оставляетъ ихъ безъ послѣдствій. Синодская дѣятельность въ вопросахъ, затрогивающихъ интересы государственные, подчинена самому строгому контролю и находится подъ доминирующимъ вліяніемъ внушеній свыше. Были случаи,—Кабинетъ больно затрогивалъ церковные интересы: тутъ бы, казалось, Синоду сказать свое слово, выступить съ рѣшительнымъ представленіемъ; но Синодъ молчитъ и безпрекословно исполняетъ кабинетскія распоряженія. Режимъ правительства уничтожалъ всякія попытки къ самозащитѣ. Доходило до того, что Синодъ не осмѣливался безъ кабинетскаго указа дѣлать распоряженія даже въ сферѣ, опредѣленной прежними указами верховной власти: за каждымъ недоумѣніемъ онъ обращался въ Кабинетъ и спрашивалъ „высокоповелительной“ резолюціи. Напуганное репрессіями и печальною судьбою нѣкоторыхъ іерарховъ, синодальное правительство, желая выказать свое рвеніе передъ свѣтскою властью, забѣгало въ иныхъ случаяхъ впередъ, издавало какое-либо суровое постановленіе прежде, чѣмъ получался о томъ указъ изъ Кабинета или отъ императрицы, опредѣляло наказанія и взысканія съ усиленною суровостью, часто излишней и непонятной въ лицѣ блюстителей интересовъ церкви.

Таково было устройство государственнаго управленія въ правленіе Анны Іоанновны. Кто же направлялъ ходъ правительственной машины и, въ частности, былъ иниціаторомъ политики въ церковныхъ дѣлахъ? Кабинетъ стоялъ у кормила власти; но выше Кабинета была государыня, отъ которой онъ получалъ свою санкцію. Не ей ли принадлежало первенствующее *фактическое* вліяніе надѣла, не она ли была душою своего ближайшаго совѣта? Характеристика императрицы Анны лучше всего отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

Средняя дочь царя Іоанна Алексѣевича, Анна Іоанновна въ своей жизни претерпѣла не мало невзгодъ. При Великомъ дядѣ ея положеніе было незавидно. Выданная замужъ изъ политическихъ разсчетовъ за герцога курляндскаго Фридриха Вильгельма, она чрезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы осталась молодою вдовою и съ тѣхъ поръ

(1711 г.), до выбора на императорскій престолъ, проводила грустную обездоленную жизнь въ Курляндіи. Быть можетъ, измѣнчивая судьба создала неровныя черты ея характера; какъ бы то ни было, современники указываютъ въ ея нравѣ и поведеніи черты, прямо противорѣчивыя. Она добра, сострадательна, великодушна. Леди Рондо говоритъ о ней: „Я нѣсколько разъ видѣла, какъ печальные разсказы вызывали на ея глазахъ слезы; она обнаруживала врожденный страхъ ко всему, что имѣетъ оттѣнокъ жестокости; сердце ея одарено такими хорошими качествами, какихъ мнѣ никогда не удавалось видѣть у кого бы то ни было, и это,—принимая въ соображеніе ту власть, которая ей принадлежитъ,—кажется особымъ знаменіемъ божественной благости“ [1]). Но рядомъ съ этимъ въ Аннѣ уживалась грубость и жестокость. Кн. М. М. Щербатовъ [2]) приписываетъ ей грубый природный нравъ, который „не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содраганія подписывала“. Никто изъ современниковъ не отказывалъ Аннѣ въ здравомъ разсудкѣ, природномъ умѣ, хотя онъ не былъ „блистательнымъ разумомъ“ (Щербатовъ). Всѣ говорятъ о ея религіозности, набожности женщины въ старомъ русскомъ стилѣ внѣшняго обрядоваго благочестія, переходящаго иногда даже въ суевѣріе [3]). Воспитанная въ патріархальномъ домѣ матери царицы Прасковьи Ѳеодоровны, Анна Іоанновна въ религіозномъ отношеніи тяготѣла всецѣло къ допетровской Руси. Она любитъ внѣшность, торжественныя церемоніи и выходы; охотно слушаетъ душеспасительныя бесѣды монаховъ и благочестивыхъ людей... Она заботится объ исправ-

1) Записки иностранцевъ о Россіи, т I. Письма Леди Рондо, стр. 64. Эти качества приписываютъ ей фельдмаршалъ Минихъ (Записки, Спб. 1874 г. стр 62), Вейдемейеръ (Обзоръ главн. происш. въ Россіи, ч. II, стр. 92—94), Манштейнъ (стр. 194) и др. современники (Дюкъ-де-Леріа, Записки, стр. 114).

2) О поврежденіи нравовъ въ Россіи. «Русск. Старина», 1870 г. Іюль, стр. 50-51).

3) Вейдемейеръ, стр. 107.

номъ поминовеніи по своей сестрѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ и о сооруженіи церкви надъ ея могилой въ Вознесенскомъ московскомъ монастырѣ; устраиваетъ новую богатую раку для мощей преп. Сергія Радонежскаго, входитъ въ мельчайшія подробности о снабженіи всѣмъ необходимымъ вновь строющейся въ Петербургѣ Петропавловской церкви и объ освященіи ея; вникаетъ подробно въ монастырскую жизнь... хлопочетъ о помѣщеніи въ монастыри бѣдныхъ и убогихъ старушекъ. Къ своему духовнику, архимандриту Троицкой лавры Варлааму, Анна выражаетъ искреннее почтеніе и сердечную привязанность: она называетъ его батюшкой и заботится объ удобствахъ его при поѣздкахъ изъ Петербурга въ Москву и при его пребываніи въ Москвѣ; она даетъ ему проводниковъ и проситъ Салтыкова, чтобы онъ оказалъ ему въ Москвѣ „всякое содѣйствіе въ его нуждахъ [1])".

Обладая многими хорошими качествами, Анна, однако, мало проявляла ихъ, какъ императрица. Она любила больше развлеченія, балы, маскарады, охоту, придворныхъ шутовъ и дураковъ, чѣмъ тяжелую обязанность заниматься государственными дѣлами. Первое время по вступленіи на престолъ, бывшая Курляндская герцогиня, почувствовавъ въ своихъ рукахъ власть, интересовалась еще дѣлами правленія и подавала надежды быть самостоятельною правительницею государства. Такъ долго удаленная отъ дѣлъ правленія, Анна Іоанновна „теперь желала знать о всѣхъ дѣлахъ сама и видѣть все собственными глазами" (Манштейнъ, I, 57), она „не хотѣла допускать, чтобы кто-либо управлялъ ею" (Ле-Фортъ) [2]). Испанскій посланникъ Дюкъ де-Леріа въ 1730 г. писалъ объ императрицѣ, что она „строго требуетъ повиновенія себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ [3]). Но это продолжалось не долго. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ государыня все больше удалялась отъ дѣлъ, предоставивъ ихъ своимъ министрамъ, все больше теряла самостоятельность, подчиняясь вліянію окружающихъ. Кн. Щербатовъ выражается въ этомъ отношеніи

---

1) Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Каз. 1880 г., стр. 60. 62.

2) Щегловъ. Госуд. Совѣтъ, стр. 610.

3) Записки Дюка Лирійскаго. Изд. 1845 г., стр. 114.

объ Аннѣ еще довольно умѣренно, когда говоритъ, что она „довольно для женщины прилежна въ дѣлахъ и любительница была порядку и благоустройства, ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея указанія суть ясны и основательны“[1]). Свидѣтельства современниковъ убѣждаютъ насъ, что императрица не просто совѣтовалась съ министрами и окружающими, а вполнѣ полагалась на нихъ и подчинялась ихъ вліянію. Фельдмаршалъ Минихъ пишетъ объ Аннѣ: „Эта великая государыня обладала отъ природы великими достоинствами. Она имѣла ясный проницательный умъ, знала свойства окружающихъ ея лицъ, любила порядокъ и великолѣпіе, и никогда дворъ не былъ такъ хорошо устроенъ какъ при ней; она была великодушна и однимъ изъ ея удовольствій было дѣлать добро и щедро награждать заслуги. Но недостатокъ ея заключался въ томъ, что она любила спокойствіе и совсѣмъ не занималась дѣлами, предоставляя все произволу своихъ министровъ. Этому обстоятельству должно приписать несчастье, постигшее Долгорукихъ и Голицыныхъ, которые сдѣлались жертвами Остермана и Черкасскаго... Бирономъ погубилъ Волынскаго, Еропкина и ихъ друзей... Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ императрица горько плакала, когда Бирономъ въ раздраженіи угрожалъ покинуть ее, если она не пожертвуетъ ему Волынскимъ и другими“[2]). А сынъ фельдмаршала. гр. Минихъ, говоритъ: „Даже ничто не помрачило бы сіянія сей императрицы, кромѣ, что она болѣе собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости слѣдовала. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ; но ея воля почти всегда зависѣла больше отъ другихъ, нежели отъ нея самой. Верховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ курляндскій даже до кончины ея неослабно“ [3]).

Изъ сказаннаго ясно, что характеръ императрицы не позволяетъ считать ее душою учрежденнаго ею Кабинета, кормчимъ государственнаго корабля. Нельзя видѣть въ ней

---

[1]) Щербатовъ. О поврежд. нр., стр. 51.

[2]) Записки, стр. 62-63.

[3]) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ. Спб. 1817 г. стр. 178-179.

и виновницу правительственныхъ отношеній къ церкви въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка. Правда, набожность и религіозность Анны еще не служитъ полнымъ ручательствомъ, что не она создала то положеніе дѣлъ, о которомъ съ такою ненавистью отзывалось духовенство при Елизаветѣ: противорѣчивыя черты ея характера, гдѣ жестокость уживалась съ добротою, допускали возможность проявленія жестокости и къ лицамъ духовнаго сословія, возбудившимъ ея неудовольствіе. Но мы не можемъ никакъ предположить, чтобы та систематическая, неуклонная и послѣдовательная политика, которой слѣдовала государственная власть при Аннѣ въ сферѣ церковныхъ вопросовъ, была дѣломъ императрицы: ея полупассивная роль въ правительственной машинѣ отрицаетъ такое предположеніе, а ея древнерусская набожность, допускающая случаи отдѣльныхъ суровостей, но не болѣе, окончательно дѣлаетъ его невозможнымъ.

Современники Анны указываютъ на Бирона, какъ главнаго руководителя волей государыни. На него впослѣдствіи возводили самыя тяжкія обвиненія, въ немъ видѣли виновника всѣхъ бѣдъ и жестокостей аннинскаго царствованія. Не наше дѣло разбирать справедливость этихъ обвиненій вообще (она весьма сомнительна); но что касается церкви, тутъ подобныя обвиненія совершенно не подтверждаются. Послѣ смерти императрицы ненависть духовнаго сословія обрушилась на Бирона, вмѣстѣ съ другими нѣмцами; голословныя рѣчи о „злобѣ временщика“, отъ которой страдала якобы и церковь православная, раздавались часто и раздаются доселѣ въ нашей литературѣ; но факты ихъ совсѣмъ не подтверждаютъ. Документальныхъ доказательствъ, что Биронъ вообще участвовалъ въ обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ церковныхъ, мы не имѣемъ. Отъ него зависѣло многое,— это такъ. Однако, вліяніе временщика простиралось больше на внѣшнюю политику и главнымъ образомъ дворцовую (если можно такъ выразиться); отъ дѣлъ внутренняго управленія онъ стоялъ въ сторонѣ. Конечно, при желаніи Биронъ могъ управлять и здѣсь; но для этого нуженъ былъ трудъ, хорошее знакомство съ дѣлами, а у Бирона не было для того ни нужды, ни охоты. Онъ самъ свидѣтельствовалъ, что во внутреннее управленіе онъ не вмѣшивался и за него не

можетъ отвѣчать. Когда, по низверженіи, его обвиняли въ такомъ вмѣшательствѣ, то онъ отвѣчалъ на это обвиненіе, что „если помимо своей оберъ-камергерской должности, онъ часто по дѣламъ въ совѣтъ призыванъ былъ, то въ томъ ему ослушну быть было невозможно, токмо что до государственныхъ дѣлъ, то въ тѣхъ онъ всегда публично отговаривался, представляя въ томъ свое недознаніе, въ чемъ онъ ссылается на тѣхъ, которые часто въ такихъ случаяхъ присутствовали, а въ противномъ случаѣ можетъ въ томъ и свидѣтелей по именамъ объявить, отъ чего слѣдуетъ, что въ такихъ дѣлахъ отъ него непорядку и интересу предосужденія быть не могло“ [1]). Въ письмахъ къ Салтыкову онъ говоритъ подобное же (Соловьевъ XX, 411). Правда, существуютъ довольно важныя отрицательныя свидѣтельства, говорящія, повидимому, противъ высказаннаго мнѣнія. Свидѣтельства эти указываютъ въ герцогѣ курляндскомъ негласную главу Кабинета и его руководителя. Такъ у Леди Рондо въ ея запискахъ мы читаемъ: „графу Остерману, вице-канцлеру имперіи поручены дѣла, но герцогъ управляетъ всѣмъ“ [2]). Фельдмаршалъ Минихъ пишетъ, говоря объ учрежденіи Кабинета и назначеніи въ него Остермана и Черкасскаго, что „оба названные министра находились въ совершенномъ подчиненіи у оберъ-камергера герцога Бирона, и не осмѣливались дѣлать ничего, что не нравилось бы этому фавориту“. [3]) Манштейнъ говоритъ о немъ: „Въ первые два года Биронъ какъ будто ни во что не хотѣлъ вмѣшиваться, но потомъ ему полюбились дѣла и онъ сталъ управлять уже всѣмъ“ [4]). Авторъ „безымянной записки“, хранящейся въ Дрезденскомъ государственномъ архивѣ, выражается объ Аннѣ, что „она въ сущности занята только своими удовольствіями и поощряетъ придворныхъ къ ускоренію ихъ полнаго раззоренія безумною роскошью. Касательно же правленія, она отдала всю власть своему дорогому герцогу курляндскому. Гр. Остерманъ считается по-

[1]) Карновичъ. Значеніе бироновщины. „Отеч. Записки“ 1873 г., т. 211, стр. 94-5.

[2]) Стр. 112.

[3]) Записки, стр. 63.

[4]) Записки о Россіи 1727—1744 гг. Спб. 1875 г. Стр. 32.

мощникомъ герцога, не будучи имъ на самомъ дѣлѣ. Правда, что герцогъ совѣтуется съ нимъ, какъ съ самымъ просвѣщеннымъ и опытнымъ министромъ въ Россіи, но онъ не довѣряетъ ему по многимъ важнымъ причинамъ“ [1]). Въ манифестѣ же Іоанна III-го о заключеніи Бирона прямо указывается на него, какъ на виновника бѣдъ и церкви русской въ царствованіе Анны. Онъ якобы „съ начала своего вступленія въ россійскую службу многихъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, которыхъ противными себѣ быть разсудилъ, чрезъ свои неправедныя и весьма ложныя вымышленныя клеветы, нѣкоторыхъ не весьма за важныя вины, а иныхъ и безвинно кровь пролилъ, а другихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ въ заточеніяхъ гладомъ и жаждою и несносными человѣческому естеству утѣсненіями даже до смерти умучилъ“ [2]).

Но всѣ отрицательныя инстанціи не могутъ поколебать нашего сомнѣнія въ участіи Бирона въ церковно-государственной политикѣ. Когда говорятъ о вліяніи герцога на государственныя дѣла, то здѣсь сфера дѣлъ внутреннихъ еще не включается въ сферу бироновскаго вліянія. Напротивъ, и Рондо, и Миниxъ, и Манштейнъ, и авторъ дрезденской записки, по всей видимости, имѣли въ виду указать придворную роль Бирона и его участіе во внѣшней политикѣ, а не то, чтобы онъ заправлялъ всѣмъ ходомъ государственной машины. Это ясно изъ общаго характера ихъ записокъ. Поэтому не вѣрить показанію самого Бирона мы не имѣемъ основаній, и, думается, не ошибемся, повѣривъ ему, не ошибемся особенно относительно интересующихъ насъ дѣлъ церковныхъ. Въ манифестѣ Іоанна Антоновича и невзгоды „духовныхъ чиновъ“ приписываются павшему временщику; но если здѣсь есть правда, то лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ лицахъ. Можетъ быть въ несчастіяхъ нѣкоторыхъ русскихъ іерарховъ Биронъ имѣлъ какое либо участіе, и то не непосредственно, а по своей связи съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, находившимъ у него поддержку; такое предположеніе еще допу-

---

[1]) Сборн. р. и. общ., т. XX, стр. 110—111.

[2]) Дѣло о Биронѣ—въ Чт. въ общ. исторіи и др. рос. 1862, кн I, стр. 101.

стимо, хотя никакихъ фактическихъ доказательствъ мы не имѣемъ. Но отсюда до роли иниціатора церковно-государственной политики еще далеко. Такую роль приписать Бирону невозможно. Если внутреннія дѣла въ широкомъ смыслѣ этого слова мало интересовали этого фаворита, то дѣла церкви еще менѣе. Эта область была для него совершенно чужда и незнакома. Недоброжелательства къ православной церкви у Бирона не было. Онъ былъ протестантъ, но, насколько извѣстны его религіозныя убѣжденія, отличался свойственною протестантамъ терпимостью, да и вообще не обладалъ большою религіозностью или религіознымъ рвеніемъ. Къ религіи русскаго народа онъ относился съ полнымъ уваженіемъ и отъ другихъ требовалъ того же. Такъ, онъ, по словамъ леди Рондо, убѣдилъ своего брата Густава исполнить погребальные обряды при погребеніи его жены, чтобы не оказать неуваженія къ религіи русскихъ[1]). По другому извѣстію, когда онъ получилъ въ Пелымѣ вѣсть о своемъ освобожденіи, то изъ накопленныхъ имъ въ ссылкѣ денегъ 1,500 р. послалъ 500 р. въ мѣстную приходскую церковь, прося священника отслужить напутственный молебенъ [2]).

Не имѣя права безъ документальныхъ доказательствъ приписать Бирону прямое вліяніе на направленіе правительственныхъ отношеній къ церкви при неимѣніи основаній видѣть въ немъ главу внутренняго управленія, мы, такимъ образомъ, должны отказаться отъ признанія за нимъ роли иниціатора и руководителя церковной политики. Есть соображенія, допускающія его участіе здѣсь косвеннымъ образомъ, вслѣдствіе его близости къ императрицѣ; мы встрѣтимся съ ними ниже. Теперь же обратимся къ дѣйствительному правителю Россіи въ царствованіе Анны—Остерману.

„Царствованіе Петра Великаго, говоритъ король прусскій Фридрихъ II, образовало человѣка, какъ бы нарочно созданнаго для того, чтобы нести на себѣ бремя государственнаго управленія при преемникахъ Петра,—графа Остер-

---

1) Письма леди Рондо, стр. 82.

2) „Отеч. Зап.“ 1873 г., т. 211, стр. 124. Значеніе бироновщины, Карновича.

мана. Подобно опытному кормчему, онъ, въ эпоху переворотовъ самыхъ бурныхъ, вѣрною рукою управлялъ кормиломъ имперіи, являлъ осторожность и отважность, смотря по обстоятельствамъ, и зналъ Россію, какъ Верней человѣческое тѣло". [1]) Одинъ изъ числа птенцовъ Петровыхъ, баронъ Андрей Ивановичъ (Генрихъ-Іоаннъ) Остерманъ вступилъ въ аннинское царствованіе умудреннымъ уже въ государственныхъ дѣлахъ, знатокомъ политики внѣшней и внутренней. Аннѣ, Остерманъ въ самомъ началѣ оказалъ важную услугу. Онъ съ своей партіей подготовилъ провозглашеніе ея самодержавія и крушеніе замысла верховниковъ, желавшихъ ограничить императрицу. Естественно, довѣріе и благодарность государыни были наградой министру, а, въ связи съ этимъ, признаваемыя всѣми умъ и опытность, упрочили его положеніе твердо на все время аннинскаго правленія. Уже въ 1730 г. испанскій посланникъ Дюкъ де-Лирія писалъ (3-го іюля): „Остерманъ до того забралъ въ руки всѣ дѣла, что здѣсь является настоящимъ распорядителемъ онъ, а не царица, безусловно покоряющаяся его вліянію". [2]) Кабинетъ былъ созданъ всецѣло по его мысли и его заботами: для Остермана это было лучшее средство забрать въ свои руки власть. Ставъ въ непосредственное отношеніе къ государынѣ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити правленія, да и никто не могъ замѣнить его, потому что, русскихъ, императрица избѣгала приближать къ себѣ, окруживъ себя нѣмцами (Бирономъ, Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ), а послѣдніе были чуть не полные профаны въ сложномъ государственномъ механизмѣ [3]). Какъ иниціаторъ Кабинета, Остерманъ сдѣлался его душою и фактическимъ правителемъ Россіи. Въ 1731 г. Ле-Фортъ съ полнымъ правомъ посылалъ своему двору слѣдующія донесенія: „Вновь учрежденный Кабинетъ, кажется, измѣняетъ систему царскаго двора. Изъ (его) членовъ можно вполнѣ положиться только

---

1) См. въ примѣч. къ письмамъ леди Рондо, стр. 200.

2) «Осьмнадцатый вѣкъ». Истор. сборн. изд. Бартеневымъ, кн. 3. Письма Лиріа, стр. 87.

3) Одинъ изъ нихъ-ф. Минихъ— самъ откровенно сознался въ этомъ говоря, что онъ «не былъ хорошо знакомъ ни съ иностранными, ни съ внутренними дѣлами имперіи, и потому радъ былъ возможности уклониться отъ занятія ими». Записки Миниха, стр. 45,

на Остермана съ Биромомъ, согласныхъ между собою. Головкинъ и Черкасскій участвуютъ въ немъ только для виду и изъ угожденія народу, а по всему видно, что всѣмъ управлять будутъ Остерманъ и Бирономъ... Этотъ Кабинетъ учрежденъ, повидимому, для обузданія власти Сената, вслѣдствіе чего Ягужинскій—(назначенный генералъ-прокуромъ) утрачиваетъ много своей власти и рѣдко въ немъ показывается, а Остерманъ, кажется, всѣмъ управляетъ„ [1]) „Теперь въ Россіи наступитъ то царствованіе, гдѣ требуется безпрекословное повиновеніе, и царица такъ ловко сумѣла удалить опасныхъ людей, что не осталось и слѣда той партіи русскихъ, изъ-за которой можно бы было опасаться дурныхъ послѣдствій. Совѣтъ царицы состоитъ изъ иностранцевъ... И она права, такъ какъ здѣсь мы находимъ только людей, способныхъ разглагольствовать о старыхъ русскихъ началахъ, уничтоженныхъ временемъ... Остерманъ честный человѣкъ и вѣренъ царицѣ. Онъ хочетъ, чтобы знали, что онъ многое можетъ, ибо его голосъ—голосъ рѣшающій. Онъ любитъ, какъ и другіе, чтобы ему льстили; впрочемъ, здѣсь нѣтъ русскаго, который бы пользовался довѣріемъ и былъ посвященъ въ тайну. Черкасскій только для виду стоитъ во главѣ управленія дѣлами внутренними и духовными“ [2]). Начало было вѣрнымъ предсказателемъ будущаго. Съ теченіемъ времени, вліяніе Остермана на дѣла не уменьшалось, а все усиливалось. У Ле-Форта рядомъ съ нимъ фигурируетъ имя Бирона. Но курляндскій фаворитъ, какъ мы уже видѣли, мало интересовался внутренними дѣлами: здѣсь Остерманъ царилъ всецѣло и нераздѣльно. Хотя впослѣдствіи согласіе Бирона съ Остерманомъ потеряло свою внутреннюю связь, и временщикъ не питалъ симпатіи къ умному министру, но, однако, чувствуя свое безсиліе и неспособность замѣнить его, онъ никогда не покушался на его авторитетъ въ сферѣ внутренней политики. Что касается сотоварищей Остермановыхъ по Кабинету, то это были, дѣйствительно, мало значущіе люди. У англійскаго резидента Рондо о Головкинѣ и Черкасскомъ мы находимъ такіе отзывы: „Лучшее качество Головкина—его привѣтливое и

1) Сборникъ р. и. о. V, 437.
2) Сборникъ р. и. о. V, 448.

ласковое обращеніе; благодаря ему, а также своему усердію и личинѣ набожности, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе между старыми русскими ханжами и особенно между духовенствомъ“ [1]). „Князь Черкасскій—человѣкъ строгой честности, свято соблюдаетъ свое слово, имѣетъ хорошія природныя дарованія, но скроменъ и застѣнчивъ. Всѣ его свѣдѣнія ограничиваются Россіею: иностранныя дѣла ему совершенно чужды и онъ противникъ чужеземныхъ обычаевъ и послѣднихъ нововведеній въ Россіи“ [2]). Оба эти министра не могли имѣть по своимъ качествамъ важнаго значенія въ Кабинетѣ: Головкинъ не имѣлъ для того внутреннихъ данныхъ, Черкасскій же неспособенъ былъ выдвинуться по недостатку энергіи и желанія, да и убѣжденія его не подходили къ духу времени. Поэтому вліяніе Остермана заслоняло ихъ всецѣло и дѣлало ихъ оффиціальное положеніе только „по виду“ вліятельнымъ. Въ интересующихъ насъ церковно-государственныхъ дѣлахъ голосъ Черкасскаго, по свидѣтельству документовъ, можно считать участвующимъ: его подпись, рядомъ съ подписью Остермана, фигурируетъ на множествѣ кабинетскихъ указовъ послѣднихъ лѣтъ аннинскаго правленія. Но, судя по его характеру и положенію вообще *русскихъ* министровъ, Черкасскій, вѣроятно, игралъ вполнѣ пассивную роль при всемогущемъ вице-канцлерѣ [3]). Затѣмъ мы встрѣчаемъ на короткое время въ составѣ Кабинета П. И. Ягужинскаго и А. П Волынскаго людей энергичныхъ, не способныхъ довольствоваться положеніемъ, а желающихъ дѣйствительнаго вліянія на дѣла. Ихъ недолговременное пребываніе, однако, не оставило прочнаго слѣда во внутренней государственной политикѣ, и первенствующее положеніе Остермана оставалось фактически непоколебимымъ до конца дней Анны, тѣмъ болѣе, что этотъ хитрый нѣмецъ умѣлъ скоро устранить своихъ соперниковъ.

---

1) Записка Рондо о нѣкоторыхъ вельможахъ русскаго двора въ „Письмахъ ледиРондо“, стр. 220.

2) Ibid. стр. 231.

3) Не даромъ фельдм. Минихъ, говоря объ учрежденіи Кабинета, замѣтилъ, что Остерманъ желалъ помѣстить въ него одного Черкасскаго „которымъ надѣялся управлять“. (Записки, стр. 44).

Что-же за человѣкъ былъ вице-канцлеръ, вращавшій судьбами Россійской имперіи въ аннинское царствованіе? Природа и самовоспитаніе надѣлили его данными, необходимыми для занимаемаго имъ поста въ измѣнчивыя времена переворотовъ, политическихъ пертурбацій, внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ въ государственномъ управленіи. „Графъ Остерманъ былъ безспорно одинъ изъ величайшихъ министровъ своего времени, говоритъ о немъ Манштейнъ. Онъ зналъ основательно интересы всѣхъ европейскихъ дворовъ, былъ очень понятливъ, уменъ, чрезвычайно трудолюбивъ, весьма ловокъ и неподкупной честности... Съ другой стороны онъ былъ чрезвычайно недовѣрчивъ, заходя въ подозрѣніхъ часто слишкомъ далеко. Онъ не могъ терпѣть никого ни выше себя, ни равнаго себѣ, развѣ когда это лицо было гораздо ниже его по уму. Никогда товарищи его по Кабинету не были довольны имъ; онъ хотѣлъ руководить всѣми дѣлами, а прочіе должны были раздѣлять его мнѣніе и подписывать... Онъ былъ до крайности скрытенъ, никогда не смотрѣлъ никому въ лицо и часто былъ тронутъ до слезъ, если считалъ ихъ нужными» [1]).

Въ своей государственной дѣятельности Остерманъ воплощалъ всѣ черты своего характера. Ловкій политикъ, честолюбивый человѣкъ, жаждавшій дѣйствительной власти и добившійся ее, онъ былъ по справедливости „честный нѣмецъ“. Какъ истый нѣмецъ, онъ отличался и спеціально нѣмецкими качествами: методичностью, послѣдовательностью, несокрушимымъ постоянствомъ и настойчивостью въ достиженіи цѣлей и осуществленіи своихъ предначертаній. Подобныя свойства дѣлали его политику неумолимой, разъ онъ былъ убѣжденъ въ ея пользѣ и необходимости; препятствій для этого человѣка не существовало. Онъ спокойно подписывалъ смертные приговоры и губилъ десятки людей, если это было нужно, по его мнѣнію, для его плановъ.

Политическая программа Остермана была всецѣло „Петровскою“. Вѣрный сотрудникъ великаго монарха, онъ сдѣлался послѣ его смерти главною опорою его идей. Въ царство-

---

[1]) Манштейнъ, Записки, стр. 240. Подобные же отзывы даютъ объ Остерманѣ дросни. транцы-современники (Дюкъ де-Лиріа).

ваніе Екатерины I и Петра II это было не легко. Во время реакціи нести петровское знамя могъ лишь такой ловкій политикъ, какъ вице-канцлеръ. Дюкъ де-Лирія съ правомъ писалъ на порогѣ аннинскихъ временъ (20 февраля 1730 г.), что „Остерманъ единственный человѣкъ, который доселѣ поддерживалъ идеи Великаго Петра“ [1]). Со вступленіемъ Анны на престолъ обстоятельства измѣнились: племянница первымъ дѣломъ провозгласила, что она пойдетъ по слѣдамъ великаго дяди. Не будетъ ошибкой думать, что люди, поддерживавшіе ея избраніе, а затѣмъ подготовившіе ея самодержавіе, между которыми Остерману принадлежитъ первое мѣсто [2]), много повліяли на настроеніе императрицы и на ея политическіе взгляды; да и по самымъ объстоятельствамъ того времени государыня не могла примкнуть, конечно, къ партіи, несочувствовавшей петровскимъ идеямъ, разъ въ средѣ ея именно зародилась попытка ограниченія самодержавной власти. Какъ бы то ни было, Остерману незачѣмъ было больше лавировать, защищать свое положеніе и бороться за свое знамя: онъ могъ смѣло высоко поднять его, могъ вести петровскую политику съ неуклонной прямолинейностью.

Такъ и случилось. Такъ случилось и въ церковно-государственной политикѣ. Въ этой области мы имѣемъ цѣнный документъ, характеризующій весьма рельефно церковно-политическія убѣжденія Остермана, а стало быть и тѣ принципы, которые руководили его политикой въ сферѣ государственныхъ отношеній къ церкви. Остерманъ составилъ въ 1740 году записку о состояніи и потребностяхъ Россіи для подачи ея правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Была-ли подана записка, неизвѣстно; но для насъ она очень интересна, такъ какъ несомнѣнно, взгляды министра, въ ней высказываемые, были его давними кореннымі убѣжденіями. Здѣсь онъ пишетъ слѣдующее о дѣлахъ вѣры.

„Что касается до внутренняго состоянія государства, то, вопервыхъ, представляется вѣра, которая заслуживаетъ вашего N. N. особливое вниманіе, во всякое время, а нынче для

---

1) «Осьмнадцатый Вѣкъ», кн. 3, стр. 41

2) Попытка ограничить самодержавіе, имѣвшая мѣсто при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, подробно изслѣдована у Корсакова. Воцареніе имп. Анны Іоанн.

многихъ въ государствѣ находящихся раскольниковъ и извѣстнаго слухъ злыхъ людей расположенія. Не можно ничего сказать предварительно особеннаго касательно сей матеріи, потому-что опредѣленія въ оной зависятъ отъ случаевъ и обстоятельствъ.

„По моему слабому всеподданнѣйшему разсужденію ваше N. N. никогда не погрѣшите, когда въ дѣлахъ вѣры соблаговолите всѣхъ вашихъ опредѣленій полагать основаніемъ опубликованный блаженныя памяти императоромъ Петромъ Великимъ духовный регламентъ и пещись о исполненіи онаго. Если ваше N. N. не изволили читать его, то пріемлю дерзость, всеподданнѣйше вамъ представить, дабы узнать регламентъ тотъ, онъ хорошо сочиненъ и совершенное получилъ одобреніе отъ всего народа, исключая, можетъбыть, только нѣкоторыхъ чревослужителей (угодниковъ, служителей мамонѣ): и потому всѣ опредѣленія, на немъ основанныя, не могутъ не принести вашему N. N. удовольствія и всему народу будутъ пріятны.

„Духовенству и монастырямъ дается то, что къ пристойному содержанію ихъ потребно, а прочее по благочестивымъ причинамъ употребляется на училища и больницы".

„Ничто такъ государству не нужно, какъ хорошія училища. Изъ остающихся церковныхъ доходовъ Богъ знаетъ сколько можно учредить и содержать оныхъ. И когда-бъ при томъ сдѣлать такое узаконеніе, чтобъ дѣти и юношество въ нихъ ежедневно по часу пристойно и основательно научаемы были, чѣмъ должны они Богу и верховному правительству, то бы сіе укореняясь съ приращеніемъ лѣтъ, послужило бъ со временемъ къ сильному искорененію злобы".

„По моему слабому всеподданнѣйшему мнѣнію небезполезно было бы, если-бы при самомъ началѣ счастливаго вступленія въ правленіе изданъ былъ манифестъ Синоду, и повелѣно бъ было онымъ стараться о распространеніи истиннаго и нелицемѣрнаго благочестія, также праздныя священническія мѣста отдавать людямъ извѣстнаго, честнаго и скромнаго житія и обращать живущихъ въ государствѣ невѣрующихъ» [1]).

1) Памятники новой русской исторіи. Сбор. изд. Кашпяревымъ. Спб. 1873 г. т. III, стр. 260—261.

Читая эту записку Остермана и обозрѣвая мысленно картину государственныхъ отношеній къ церкви въ царствованіе имп. Анны, мы видимъ какъ-бы книгу и оглавленіе къ ней: настолько Остермановская программа, предначертанная для Анны Леопольдовны, вѣрно и неуклонно выполнялась имъ въ предшествовавшее правленіе Анны Іоановны. Если еще раньше у насъ могло бы быть сомнѣніе въ роли Остермана, то теперь оно окончательно разсѣевается. Политика правительства въ церковныхъ дѣлахъ несомнѣнно имѣла въ вице-канцлерѣ своего инициатора, свою опору и осуществителя. Это не значитъ, что онъ былъ одинокимъ, что другіе министры, приближенные императрицы и сама Анна не раздѣляли его взглядовъ. Напротивъ, императрица раздѣляла убѣжденія Остермановскія и искренно желала идти по стопамъ дяди въ своихъ отношеніяхъ къ церкви; по крайней мѣрѣ думать иначе мы не имѣемъ основаній: ея религіозность этому не противорѣчитъ, такъ какъ сфера личной жизни одно, а политика другое. Анна всегда утверждала министерскія распоряженія; не дѣлала же она этого противъ своей воли. Окружающіе ее иностранцы и даже русскіе (напр. Ѳеофанъ Прокоповичъ) также раздѣляли мысли Остермановской программы, потому что всѣ они принадлежали по своимъ убѣжденіямъ новой а не старой Россіи. Остерману главная роль въ церковно-государственныхъ дѣлахъ принадлежала въ томъ смыслѣ, что онъ вообще руководилъ внутренними дѣлами посредствомъ созданнаго имъ Кабинета; всѣ же другіе государственные люди того времени въ этой сферѣ находились подъ его вліяніемъ, равно и сама императрица.

Мы познакомились съ его убѣжденіями въ этомъ отношеніи, также познакомились съ его характеромъ, какъ государственнаго дѣятеля вообще, и теперь можемъ сказать, что то и другое вмѣстѣ создало тогдашнее положеніе дѣлъ церковныхъ. Остерманъ былъ всею душою на сторонѣ Петровскаго регламента и тѣхъ началъ, которые были положены при Петрѣ въ основу церковныхъ преобразованій: по его мнѣнію, регламентъ петровскій и народу русскому былъ весьма пріятенъ; непріязнь къ нему питали одни ханжи и лицемѣры, возлюбившіе мамону болѣе Бога. Убѣ-

женіе Остермана въ правотѣ регламентскихъ началъ вполнѣ понятно. Для нѣмца, воспитаннаго на лонѣ западной культуры, на почвѣ протестантскихъ воззрѣній, другіе взгляды были-бы даже неестественны. Регламентъ Петра носилъ на себѣ несомнѣнные слѣды западнаго вліянія, и все петровское отношеніе къ церкви было построено на принципѣ западнаго протестантства, что церковь должна быть подчинена государству, какъ всякая общественная организація[1]). Государство выше церкви, его интересы, по сравненію съ церковными, стоятъ на первомъ планѣ—вотъ коренное убѣжденіе западной протестантской государственности, въ частности нѣмецкой. Это убѣжденіе было твердо усвоено преобразователемъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ великой роли образованія, необходимости религіознаго просвѣщенія народа и его пастырей—духовенства. Сотрудникъ Петра и носитель тѣхъ-же идей, Остерманъ только пошелъ дальше въ ихъ практическомъ примѣненіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ аннинское царствованіе не было ни одного значительнаго распоряженія касательно церкви, которое не опиралось бы на петровскіе указы. Правительство всегда или подтверждало лишь прежнія узаконенія, или давало имъ дальнѣйшее развитіе и болѣе широкое примѣненіе. Однако, результаты были не одинаковы. Тѣ же мѣры, которыя были

---

[1]) О вліяніи западно-протестантскихъ идей на Петра и его сподвижника въ церковныхъ преобразованіяхъ—Ѳеофана Прокоповича см. у Ю. Ѳ. Самарина, „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ", Сочиненія, т. V, стр. 249—255; а также въ ст. Громова: Преобразовательная дѣятельность Петра В. по церковному управленію, Вѣра и Разумъ 1891 г. №№ 1 2 (въ связи съ послѣднею ст. стоитъ другая статья Громова въ ж. Вѣра и Разумъ за 1890 г. №№ 17—18: Ученія объ отношеніи между церковью и государствомъ въ западной Европѣ). Близость къ протестантскимъ воззрѣніямъ Петра не укрылась отъ самихъ протестантовъ (см. у Морозова, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 272—275). Насколько Петръ подчинялъ церковные интересы государственнымъ, ярко характеризуетъ сообщаемое въ запискахъ герцога Сенъ-Симона извѣстіе о намѣреніи Петра, изъ политическихъ видовъ, признать главенство папы. Намѣреніе это, по извѣстію, не осуществилось изъ опасеній чисто политическаго же характера—папскихъ притязаній на свѣтскую власть (см. это извѣстіе у Самарина, стр, 250—256, прим. Не довѣрять этому извѣстію, сколько намъ извѣстно—основаній нѣтъ; напротивъ, фактическія подробности говорятъ, повидимому, за его истинность).

предпринятъ Петромъ, тѣ же законы, которые были изданы въ его время, въ рукахъ правительства Анны гораздо больше затрогиваютъ церковные интересы. Причина понятна: теперь прежнія начала проводились со всею неумолимой послѣдовательностью, на какую способна была твердая воля Остермана. Иностранецъ министръ былъ честный человѣкъ; онъ дѣйствовалъ во имя государственнаго блага. Но какъ чиновникъ бюрократъ, мало знакомый съ подробностями русской церковной жизни, съ истиннымъ положеніемъ обширныхъ провинцій Россіи, знавшій одинъ долгъ и обязанность, онъ управлялъ вмѣстѣ съ прочими иностранцами имперіей, какъ обширнымъ департаментомъ. Его ничто не трогало, онъ шелъ своей дорогой, не зная компромиссовъ и уступокъ до тѣхъ поръ, пока не убѣждался въ необходимости сдѣлать ихъ. Послѣднее убѣжденіе родилось въ немъ дѣйствительно въ концѣ аннинскаго царствованія, и мы видимъ, какъ правительство начинаетъ дѣлать шагъ за шагомъ отступленія отъ строгости прежнихъ своихъ узаконеній. Со смертью императрицы, такія отступленія усиливаются: главнѣйшія стѣснительныя постановленія аннинскаго времени относительно монашества и духовенства отмѣняются государственною властью. Между тѣмъ Остерманъ былъ по прежнему у кормила правленія вмѣстѣ съ другими иностранцами. Что-же это значитъ? Очевидно, правительство дѣлало уступки подъ вліяніемъ требованія времени и жизни. Политическія соображенія заставили смягчить прежнюю суровость. Начало новаго царствованія необходимо было ознаменовать милостями, да и факты жизни показывали наглядно печальныя послѣдствія нѣкоторыхъ мѣръ, предпринятыхъ въ предыдущіе годы. Тогда поняли, что дальше натягивать струну нельзя: иначе она лопнетъ. Министерская программа при Аннѣ Леопольдовнѣ не измѣнилась. Записка Остермана, предназначенная для подачи правительницѣ, предсказывала продолженіе аннинской политики, и если въ правленіе правительницы отмѣняются указы недавнихъ лѣтъ, то ошибочно было бы видѣть здѣсь личное ея вліяніе. Тотъ же Кабинетъ во главѣ съ вице-канцлеромъ разрѣшалъ теперь то, что раньше запрещалъ, удовлетворялъ представленія Синода, на которыя ранѣе отказывалъ. И это не было въ

сущности противорѣчіемъ себѣ со стороны правительства: оно продолжало дѣйствовать во имя государственныхъ соображеній, которыя требовали теперь уступокъ и мягкости по сравненію съ прежней непреклонностью и суровостью. Остерманъ до конца не измѣнилъ себѣ.

Царствованіе Анны въ исторіи русской церкви является продолженіемъ петровскаго царствованія. Для церкви, однако, оно казалось не такимъ, во-первыхъ потому, что два предыдущія правленія значительно сгладили петровское вліяніе и позволяли нѣкоторымъ лицамъ даже лелѣять мечту о возвратѣ къ русской старинѣ, во-вторыхъ потому, что теперь правительство послѣдовательнѣе и неумолимѣе проводило прежнія начала въ церковную жизнь и законодательство. Государственная власть несомнѣнно имѣла въ виду принести пользу всему народу и самой церкви, какъ имѣлъ это въ виду Петръ. Всѣ обвиненія министровъ Анны въ лютой злобѣ, желаніи искоренить православіе и посягательствахъ на вѣру, несправедливы; ихъ навѣяла ненависть къ нѣмцамъ и непріятныя воспоминанія. Въ дѣйствительности министры просто стояли на сторонѣ государственныхъ интересовъ, насколько понимали ихъ; а понимали они (вѣрнѣе Остерманъ) въ духѣ западныхъ отношеній государства къ церкви, западнаго взгляда на религіозныя дѣла. Поэтому-то аннинская эпоха наполнена заботами о просвѣщеніи духовенства, о религіозномъ развитіи народа, поднятіи нравственнаго уровня пастырей; а рядомъ съ тѣмъ идетъ стремленіе утилизировать въ государственныхъ видахъ монастырскія имущества, ограничить число монашескаго сословія, въ своемъ громадномъ большинствѣ безполезнаго, по мысли тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, очистить ряды духовенства отъ людей праздныхъ, заставить ихъ нести службу государству. Добрыя начинанія, созрѣвшія въ кабинетныхъ соображеніяхъ, въ жизни осуществлялись, между тѣмъ, съ трудомъ; а походъ противъ монашества и духовенства, какъ всякая *отрицательная* мѣра, шелъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ положительныя намѣренія. Въ результатѣ аннинское царствованіе оставило въ памяти церкви русской одно горькое и непріятное воспоминаніе.

До сихъ поръ мы говорили объ общемъ направленіи церковно-правительственной политики, которую можно назвать именемъ остермановской. Но мы видѣли, что проповѣдники елизаветинскаго времени говорятъ о несчастной участи множества лицъ изъ среды духовенства, говорятъ о гоненіи на пастырей церкви, ужасахъ Тайной Канцеляріи, пыткахъ, ссылкахъ и т. п. Какъ объяснить эти факты, дѣйствительно бывшіе во множествѣ, изъ политической программы тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей? Мрачный характеръ этого времени, озареннаго кровавымъ заревомъ человѣческихъ страданій, намъ кажется, былъ созданъ нѣкоторыми политическими условіями 30-хъ годовъ XVIII столѣтія.

Кандидатура герцогини курляндской Анны на престолъ русской имперіи, какъ извѣстно, была выдвинута въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ по смерти Петра II совершенно неожиданно и проведена до конца всецѣло въ небольшомъ кругу вельможъ, разсчитывавшихъ на свои личныя выгоды. По праву престолъ принадлежалъ дочерямъ Великаго Петра. Противъ Анны лично ничего не имѣли, повидимому, всѣ классы общества: потому ея избраніе было принято съ молчаливымъ согласіемъ. Но во всякомъ случаѣ Анна не была народною избранницей, не была лицомъ, привлекшимъ симпатіи не только всѣхъ, но даже многихъ. Ея положеніе зависѣло отъ того, какъ она поставитъ себя на новомъ мѣстѣ, кѣмъ окружитъ свой тронъ и кого приметъ въ свой ближайшій совѣтъ. Императрица окружила себя нѣмцами, возвысила до ближайшей ступени къ престолу курляндскаго выходца Бирона. Русскіе увидѣли себя подъ властью иностранцевъ. Правда, при Петрѣ I ихъ было не мало у дѣлъ правленія; но тогда они никогда не занимали первыхъ мѣстъ, не заслоняли природныхъ русскихъ: Петръ умѣлъ соблюдать въ этомъ отношеніи мѣру и не дозволялъ иностранцамъ переходить извѣстную грань, за которой, въ недоступности для нихъ, находились высшіе государственные посты. Не такъ было при Аннѣ: нѣмцы стали все, а русскіе ничто. Выходцы съ запада при этомъ съ презрѣніемъ смотрѣли на страну, ихъ пріютившую. Даже „честные“ изъ нихъ, какъ Остерманъ, не могли отрѣшиться отъ этого высокомѣрнаго взгляда на Россію и видѣли въ себѣ просвѣти-

телей варварской еще Московіи. Менѣе честные, какъ Биронъ, смотрѣли на русскую имперію, какъ на арену своего честолюбія и источникъ матеріальнаго благосостоянія.

Чѣмъ же могъ отвѣчать имъ народъ? Какъ долженъ былъ онъ относиться къ правительству, чуждому ему по національности, не связанному съ нимъ ни интересами, ни преданіями, ни общею внутреннею жизнью? Народное недовольство и недовѣріе необходимо должны были встрѣтить правленіе иностранцевъ уже по тому одному, что они были иностранцы. Когда былъ учрежденъ Кабинетъ, и въ его составъ вошелъ Остерманъ, ставши фактически его главою, народное недовольство встрѣтило новое учрежденіе [1]). Всѣ видѣли, что русскіе оттерты отъ трона, не пользуются довѣріемъ верховной власти, окружившей себя иностраннымъ элементомъ, видѣли и за русскими именами руку тѣхъ же нѣмцевъ, оскорблявшихъ народное сознаніе. Къ оскорбленію національнаго чувства и самолюбія присоединилось и общее неудовольствіе правительственными мѣропріятіями. Непопулярное правительство сдѣлалось еще непопулярнѣе, когда принялось за усиленное взысканіе накопившихся недоимокъ и тѣмъ затронуло больно матеріальные интересы. Въ этихъ взысканіяхъ обыкновенно обвиняютъ Бирона. Справедливо это или нѣтъ, мы рѣшать не будемъ; но народъ несъ съ трудомъ иго налоговъ, при корыстолюбіи сборщиковъ тяжелое вдвое, и требованіе недоимокъ причинило ему не мало бѣдствій. Пожары и неоднократные неурожаи—бичъ аннинскаго времени разрушали остатки народнаго благосостоянія, а между тѣмъ „правительство посылало строжайшіе указы о неослабномъ взысканіи доимокъ. Посланные отъ воеводъ съ командами солдатъ для понужденія къ платежу, опасаясь сами подвергнуться истязаніямъ, употребляли ужасныя безчеловѣчія съ крестьянами, продавали все, что могли найти въ домахъ, какъ-то: хлѣбъ, скотъ и всякую рухлядь, лучшихъ людей брали подъ караулъ, каждый день ставили ихъ рядомъ разутыми ногами въ снѣгъ и били по пятамъ палками. Помѣщики и старосты были отвозимы въ городъ, гдѣ

---

[1]) Сборникъ р. и. о. V, 439. Донесеніе Ле-Форта.

содержались подъ стражею по нѣсколько мѣсяцевъ; изъ нихъ большая часть умирали съ голоду и отъ тѣсноты въ жилищахъ. Въ деревняхъ повсюду были слышны удары палочные, вопли терзаемыхъ крестьянъ, стенанье женъ и дѣтей, голодомъ томимыхъ“ [1]). Эти экзекуціи чашу недовольства дополняли до краевъ, въ связи съ непріязнью къ иноземному господству, такъ что къ концу аннинскаго правленія народное настроеніе не было ни для кого тайной. Оно бросалось въ глаза всякому, жившему, хотя бы короткое время, въ Россіи, обрушиваясь преимущественно на Бирона, а за нимъ уже и на прочихъ иностранцевъ, стоявшихъ у трона [2]).

1) Вейдемейеръ, стр. 99. Объ аннинскомъ правленіи мы имѣемъ одинъ отзывъ противоположнаго характера. Кн. Щербатовъ говоритъ: „Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастья, но народъ былъ порядочно управляемъ: не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны и исполнялись въ точности; страшились вельможи подать какую причину къ несчастью своему, а не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что не правое сдѣлать, или мздоимству коснуться. Былъ установленъ Кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государынѣ при докладахъ противорѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастья то или другое сдѣлать, но искала правды. И такъ по крайней мѣрѣ лесть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей, ибо просто послѣдуя законамъ дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Чины и милости всѣ по совѣту, или лучше сказать, по изволенію Бирона истекали“ («О поврежденіи нравовъ», стр. 53). Но этотъ отзывъ о правленіи Анны Іоанновны противорѣчитъ гораздо болѣе авторитетнымъ отзывамъ. Миниху, напримѣръ, о Кабинетѣ говоритъ, что здѣсь вовсе не было такого свободнаго обсужденія дѣлъ *равными* министрами, и называетъ Кабинетъ «несовершеннымъ, и даже вреднымъ для государства» учрежденіемъ («Записки», стр. 63-64), а Миниху былъ самъ въ числѣ приближенныхъ Анны. Съ другой стороны, документальныя данныя противъ Щербатова: даже законодательство того времени свидѣтельствуетъ о стонахъ народа подъ игомъ взысканій недоимокъ и налоговъ. Что касается, впрочемъ, праваго суда, то онъ дѣйствительно былъ предметомъ правительственныхъ заботъ; но это обстоятельство не могло совершенно примирить народъ съ правленіемъ иноземцевъ и жестокостями податной системы.

2) Въ XX томѣ Сбор. русск. и. общ. стр. 121, помѣщено письмо одного офицера, служившаго въ Россіи, свидѣтельствующее объ этомъ народномъ недовольствѣ.

Правительство знало, конечно, о своей непопулярности и принимало съ своей стороны мѣры, чтобы упрочить свое положеніе и заставить недовольныхъ молчать и повиноваться. Недовольныхъ было много, начиная отъ вельможъ, униженныхъ выходцами съ запада, находящихся въ постоянномъ страхѣ за свою участь послѣ паденія Долгорукихъ и Голицыныхъ, и кончая простымъ народомъ, роптавшимъ глухо, но грознымъ по своей массѣ. Въ средѣ людей „сильныхъ“ живы были еще и ограничительныя тенденціи по отношенію къ самодержавію; характеръ новаго правительства заставлялъ, надо полагать, многихъ неоднократно съ сожалѣніемъ вспоминать о неудачѣ попытки верховниковъ. Недовольству массы легко было придать такую же окраску, при искусной агитаціи. Отсюда и призракъ верховническаго замысла продолжалъ безпокоить императорскую власть. Дѣйствовать необходимо было твердо и рѣшительно. И вотъ начинается мрачная система устрашенія, искорененія кромолы, со всею жестокостью времени, не богатаго гуманностью. 24 марта 1731 года выступаетъ на сцену знаменитая аннинская Тайная Канцелярія, названная собственно Канцеляріею тайныхъ розыскныхъ дѣлъ [1]),—учрежденіе, память котораго залита кровью, заклеймена страхомъ пытки и мучительства. Канцелярія стояла на стражѣ безопасности правительства и съ печальною честью исполняла свое назначеніе до конца аннинскаго царствованія. Чувствуя непрочность своего положенія безъ народнаго сочувствія, иностранные правители, ставшіе вокругъ трона, обладали болѣзненной подозрительностью ко всякому признаку грозящей имъ опасности; съ ревностью сыщика искали они всюду измѣны, противленія власти, заговора, ропота и съ неумолимою жестокостью карали подозрѣваемыхъ, выпытывая у нихъ сначала имена другихъ жертвъ. Мы знаемъ Остермана и можемъ вполнѣ представить, какъ могъ быть онъ неумолимъ и жестокъ, когда дѣло шло о томъ, быть или не быть ему и другимъ иностранцамъ. Для нихъ представлялась именно такая дилемма, потому что паденіе грозило никому другому, какъ нѣмцамъ, народная ненависть преслѣдовала ихъ. Нужно

1) Въ сенатскомъ указѣ 6 апрѣля, П. С. З., УШ, 5738.

было защищать себя, и они защищали съ помощью Тайной Канцеляріи, начальникъ которой—генералъ Ушаковъ—вполнѣ подходилъ къ своей роли и былъ вѣрнымъ исполнителемъ предначертаній Остермана. Что касается государыни, то она должна была стоять на сторонѣ своихъ министровъ. Разъ окруживъ себя иностранцами, а главное, приблизивъ къ себѣ Бирона, Анна соединила свои интересы съ интересами этихъ лицъ. Не чуждая сама жестокости, она была не менѣе окружающихъ подозрительна и ревнива къ своей власти; стало быть система Тайной Канцеляріи, вѣроятно, отвѣчала и ея желаніямъ, тѣмъ болѣе, что приближенные иностранцы, какъ Биронъ, постоянно поддерживали ея подозрительность.

По отзывамъ современниковъ и потомства, то было страшное время. Сдѣланныя въ стѣнахъ Петербургской крѣпости казармы не могли вмѣстить заключенныхъ, по словамъ кн. Щербатова [1]): заключали и влекли въ Тайную за малѣйшія вины, за случайно сказанное слово, по одному доносу или подозрѣнію. „Во всѣ мѣста разосланы были лазутчики, говоритъ Вейдемейеръ, которые днемъ и ночью подслушивали разговоры въ домахъ и на улицахъ. Два друга, встрѣтившіеся на улицѣ, не могли остановиться на нѣсколько минутъ, чтобы не возбудить подозрѣнія шпіоновъ. Родители въ семействахъ своихъ, мужъ съ женою не смѣли промолвить слова о бѣдственномъ состояніи отечества, изъ опасенія, чтобы кто либо изъ домашнихъ не подслушалъ и не донесъ на нихъ. Страхъ и ужасъ изображались почти на всѣхъ лицахъ; родственники или пріятели прощаясь при свиданіяхъ, думали, что разстаются на вѣкъ“ [2]). Въ этихъ словахъ есть доля преувеличенія, но много печальной правды, поразившей своимъ видомъ даже иностранца. Страхъ смыкалъ уста недовольныхъ: перспектива Тайной Канцеляріи сдерживала ропотъ въ самыхъ горестныхъ положеніяхъ. Но, несомнѣнно, эти мѣры устрашенія, розыски и шпіонство не способны были водворить въ сердцахъ подданныхъ искреннюю преданность правительству, ненависть къ нѣмцамъ замѣнить признательностью за ихъ попе-

1) О поврежденіи нравовъ,—стр 52,

2) Вейдемейеръ. стр. 99-100.

ченіе о „темной, варварской“ Россіи. Сознаніе нетвердости своего владычества и постоянно могущей возникнуть опасности, въ свою очередь, не покидали лицъ, стоявшихъ у кормила власти; всѣ безчисленные розыски только усиливали ихъ подозрительность; новые доносы возбуждали новыя подозрѣнія. Въ результатѣ система Тайной Канцеляріи упрочивалась и дѣлалась къ концу царствованія Анны все болѣе мрачной и болѣе безпощадной. Кровавое зарево непрерывно стояло на небосклонѣ Россіи и озаряло ее своимъ роковымъ свѣтомъ до заката нѣмецкаго правленія.

Духовное сословіе не избѣгло общей участи въ это темное время; болѣе того: оно возбудило особенное подозрѣніе правительства и принесло множество жертвъ на алтарь этой подозрительности. Обстоятельства сложились неблагопріятно для церкви. При вступленіи Анны Іоанновны на тронъ имперіи, верховная власть въ лицѣ духовенства нашла опору для своего самодержавія; церковь не поддержала верховниковъ, а одинъ изъ ея представителей, Ѳеофанъ Прокоповичъ, не мало способствовалъ паденію ихъ замысла. Это обстоятельство, повидимому, должно было повести къ довѣрчивымъ отношеніямъ государства къ церкви; однако, случилось иначе. Съ самаго начала новаго правленія возникаетъ запутанное дѣло о присягахъ. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до правительства, болѣе 5000 лицъ изъ среды духовнаго сословія въ однѣхъ С.-Петербургской и Новгородской епархіяхъ не принесли вѣрноподданническої присяги. Дѣйствительною причиною этого было вовсе не сознательное противленіе власти, не протестъ противъ новаго царствованія, а обстоятельства характера не политическаго. Но фактъ непрпсяганія бросилъ неизгладимую тѣнь на все духовенство, возбудившее подозрительное вниманіе къ себѣ. Другія условія времени способны были только поддержать правительственное настроеніе.

Въ аннинское царствованіе роковую роль для церкви сыграла личность того самаго Ѳеофана Прокоповича, архіеп. новгородскаго, поведеніе котораго при воцареніи Анны Іоанновны должно бы, кажется, быть залогомъ довѣрія между верховною властью и церковнымъ правительствомъ. Начало 30-хъ годовъ было для него временемъ торжества

послѣ униженія, временемъ расплаты со своими противниками. Правая рука Преобразователя въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій, искренній сторонникъ его идей, авторъ духовнаго регламента, Ѳеофанъ Прокоповичъ послѣ смерти Великаго государя попалъ въ осадное положеніе. Время Екатерины I и Петра II было временемъ реакціи въ пользу русской старины въ церковной сферѣ. Тогда мечтали—и не безъ вѣроятія—о возстановленіи патріаршества Принципіальные и личные недоброжелатели Ѳеофана подняли голову и оттѣснили на задній планъ новгородскаго архіерея, заставили его защищаться отъ нападеній и бороться за свое существованіе. При Аннѣ настала его пора заставить трепетать своихъ враговъ. Какъ Биронъ былъ временщикомъ и всемогущимъ фаворитомъ у ступени трона, такъ и Ѳеофанъ въ дѣлахъ церковныхъ былъ такимъ же временщикомъ, пользуясь личнымъ расположеніемъ императрицы. Шесть первыхъ лѣтъ аннинскаго правленія по справедливости можно назвать для церкви именемъ „ѳеофановщины“, именемъ страшнымъ не менѣе „бироновщины“. Ѳеофанъ устранялъ своихъ прежнихъ враговъ, боролся съ новыми съ помощью того-же оружія, которымъ подавляло правительство признаки недовольства Тайной Канцеляріи. Другъ Остермана, Черкасскаго, Ушакова и, пожалуй, даже Бирона, архіеп. новгородскій имѣлъ теперь въ своемъ распоряженіи всѣ правительственныя средства и пользовался ими для своихъ личныхъ цѣлей.

Ѳеофану нельзя было предъ лицомъ власти выступать съ мотивами личной безопасности; чтобы привлечь на свою сторону правительство и заставить его дѣйствовать согласно своимъ интересамъ и цѣлямъ, онъ долженъ былъ представлять ему дѣло въ такомъ видѣ, что недоброжелатели его въ тоже время и политически опасныя лица. Такъ и поступалъ Прокоповичъ. Когда ему было нужно, онъ всегда умѣлъ указать антиправительственное настроеніе непріятныхъ ему людей, умѣлъ всегда представить дѣло подъ политической окраской и, стало быть, получить въ свое распоряженіе страшное учрежденіе генерала Ушакова. Образъ дѣйствій Ѳеофана не могъ не отразиться на общемъ направленіи отношеній церкви и государства. Чѣмъ дальше шло

время, тѣмъ болѣе обострялась и подозрительность власти къ духовному сословію подъ вліяніемъ Ѳеофановскихъ внушеній. Постоянно фигурировавшее на аренѣ Тайной Канцеляріи духовенство, не покидавшее мрачныхъ глубинъ тюремъ и застѣнокъ, навсегда въ глазахъ правительства подорвало довѣріе къ церкви. Напуганные призраками заговоровъ, о которыхъ говорилъ Ѳеофанъ, министры сдѣлались сначала покорными орудіями его цѣлей, а потомъ и послѣ его смерти не ослабляли своей подозрительности. Факты прошлаго Петровскаго царствованія, когда церковная сфера была очагомъ оппозиціи, явной и тайной, мѣропріятіямъ Преобразователя, должны были, несомнѣнно, также оказывать свое вліяніе на правительственное настроеніе. Духовное сословіе должно было казаться особенно страшнымъ, какъ политическая сила, при небезъизвѣстномъ недовольствѣ народа. Вѣдь церковь такъ близко стоитъ къ народнымъ массамъ; послѣднія ненавидятъ иностранцевъ и въ тайнѣ ропщутъ на непопулярное правительство. Что если они получатъ опору и руководителей въ духовенствѣ? Угроза такой опасности неизбѣжно предносилась взору. Ждать въ духовенствѣ искренной преданности уже было нельзя теперь совершенно; тяжелая рука Ушакова и другихъ слѣдователей навсегда искоренила бы ее и тамъ, гдѣ она была прежде. Невольно оставалось дѣйствовать страхомъ до конца и идти кровавою дорогой.

Отсюда породились длинныя вереницы несчастныхъ жертвъ аннинскаго времени, при воспоминаніи о которыхъ произносили негодующія рѣчи проповѣдники въ царствованіе Елизаветы. Въ манифестѣ дщери Петровой, вскорѣ по ея вступленіи на престолъ, отвѣтственность за ужасы прежнихъ лѣтъ видимо возлагается на Остермана. „Остерманъ, гласитъ манифестъ, будучи въ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, жестокія и неслыханныя мученія и экзекуціи, не щадя и духовныхъ особъ, въ дѣйство производить старался“ [1]). Но если эта печальная слава заслужена,—а она заслужена, такъ какъ Тайная Канцелярія была въ близкихъ сношеніяхъ съ Кабинетомъ, во

[1]) П. С. З. XI, 8506.

главѣ котораго стоялъ Остерманъ, и постановленія Тайной Канцеляріи утверждались въ Кабинетѣ, контролировались и руководились имъ,—то ее во всякомъ случаѣ должны раздѣлить съ вице-канцлеромъ и другіе государственные люди того времени. Ѳеофану Прокоповичу, благодаря которому сотни человѣческихъ жизней были искалѣчены, принадлежитъ здѣсь первое мѣсто. Онъ подвергъ позорному низложенію и заточенію нѣсколькихъ видныхъ іерарховъ того времени; онъ запуталъ въ ихъ процессы—и процессы другихъ своихъ враговъ (Маркеллъ Родышевскій)—множество монашества и бѣлаго духовенства; онъ возбуждалъ подозрительность правительства. За Ѳеофаномъ слѣдуютъ императрица и Биронъ. Судя по всѣмъ данпымъ, они часто находились подъ вліяніемъ внушеній Прокоповича, смотрѣли на дѣло его глазами. Въ судьбѣ павшихъ іерарховъ это особенно замѣтно. Однако, императрица Анна и сама безъ содраганія подписывала суровые приговоры, когда дѣло касалось ея власти, въ какомъ свѣтѣ дѣлались представленія Ѳеофаномъ. Она способна была карать за малѣйшій признакъ противленія и недоброжелательства, и ее никакъ нельзя считать непричастной тому, что творилось ея именемъ. Бирономъ по своему положенію и близости къ трону могъ внести свою значительную долю участія въ режимъ подозрительной политики правительства. Послѣднее подозрѣвало духовенство въ недоброжелательствѣ—и не безъ основаній. Иностранцы, окружавшіе государыню, безъ труда могли догадаться, что если грозитъ кому опасность, то имъ и Бирону по преимуществу. Поэтому естественно ожидать было со стороны фаворита полной поддержки и одобренія всякихъ мѣръ, предпринятыхъ для огражденія настоящаго status quo. Близость же временщика съ архіеп. новгородскимъ позволяетъ не безъ основанія предполагать, что Ѳеофанъ не упускалъ случая дѣйствовать на государыню чрезъ близкаго ей человѣка, подготовляя осуществленіе своихъ плановъ.

Такъ сплетеніе историческихъ и политическихъ условій, образъ правленія и характеръ лицъ, стоявшихъ у его кормила, создали положеніе правительственныхъ отношеній къ церкви въ царствованіе Анны Іоанновны. Взоры историковъ приковываютъ къ себѣ мрачныя картины того времени

и они нерѣдко произносятъ свой судъ, обращая вниманіе на эти яркіе, вопіющіе факты. Историки церкви русской не любятъ говорить объ этой эпохѣ. Между тѣмъ мы не можемъ не сказать, что царствованіе императрицы Анны имѣетъ глубокій интересъ въ жизни русской церкви XVIII вѣка, взятое независимо даже отъ мрачныхъ фактовъ того времени. Съ Петра начинается новая эра нашей исторіи. Начало вѣка представляетъ изъ себя ломку старыхъ началъ, спѣшную работу надъ созданіемъ новой Россіи [1]). Церковныя преобразованія шли рядомъ съ государственными. Въ основу отношеній къ церкви при Петрѣ рѣшительно выдвигается государственный принципъ; церковная организація окончательно теряетъ свою самостоятельность и разсматривается, какъ служебная часть обще-государственной организаціи [2]). Совер-

---

1) Этимъ мы, конечно, отнюдь не утверждаемъ, что петровская Россія явилась ex nihilo. По какихъ бы корней она не имѣла въ прошломъ, ломка несомнѣнно была, хотя и не такая рѣзкая, какъ это хотѣли представить нѣкоторые историки стараго времени.

2) Вопросъ о значеніи петровской церковной реформы настолько многократно обсуждался въ нашей литературѣ, что вдаваться еще разъ въ его обсужденіе нѣтъ никакой нужды. Большинство авторовъ, подробно или кратко ея касавшихся, понимаетъ ее именно въ указанномъ смыслѣ (Ю. Ѳ. Самаринъ, во второй части своей диссертаціи „Стефанъ Яворскій и Оеофанъ Прокоповичъ", соч. т. V; Громовъ въ вышеупом. ст. В. и Р. 1890 г. № 22 и 1891 г. №№ 1—2; Авторъ статьи въ ноябрьской кн. Русск. Вѣстн. за 1891 г. „О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ В."; Т. В. Барсовъ, Св. Синодъ, стр. 193 и слѣд.; О. В. Благовидовъ, Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX ст. Казань 1899 г. стр. 2—3, 103—104; Бѣлогостицкій въ статьѣ „Реформа Петра В. по высшему церковному управленію", Журн. Мин. Нар. Пр. 1892 г. № 6 стр. 269—274; проф. Каптеревъ въ ст. Бог. Вѣстн. 1892 г. окт. стр. 71—74). Бывали, правда, попытки представить дѣло въ другомъ видѣ. Такъ авторъ статьи въ апрѣльской кн. Рус. В. за 1891 г. „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи" въ петровскихъ церковныхъ преобразованіяхъ видитъ не провозглашеніе верховенства свѣтской власти надъ церковью, а простое проявленіе исконнаго права ктиторства государя по отношенію къ церкви. Но несостоятельность такого воззрѣнія становится очевидной послѣ критики на эту статью въ ноябрьской кн. Р. В за тотъ же 1891 г. и у Т. В. Барсова, Св. Синодъ, стр. 209—259. Высказанныя по этому поводу соображенія отчасти примѣнимы и къ ранѣе сдѣланной аналогичной попыткѣ И. И. Кедрова въ его сочиненіи: Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго, Москва 1886 г. При этомъ взгляды послѣдняго настолько поразительно противорѣчатъ фактамъ ис-

шая коренную перемѣну въ церковномъ устройствѣ, государственная власть выставляла главнымъ мотивомъ своихъ дѣйствій заботу о благѣ самой церкви: она приняла на себя задачу „исправленія нестроеній духовнаго чина“. Признавъ, что существующая церковная организація не отвѣчаетъ своимъ цѣлямъ, она взяла на себя высшее руководство законодательной работой церковныхъ органовъ управленія. Но само собою разумѣется, что со времени такого важнаго шага на государственную власть легли и высшее попеченіе о цер-

---

торіи, изъ которыхъ нѣкоторые приведены даже у того-же самаго автора, что трудно постигнуть процессъ ихъ образованія. Такъ онъ утверждаетъ, что «въ памятникахъ того времени совершенно нѣтъ мысли о супрематѣ и верховенствѣ государя въ дѣлахъ церкви» (стр. 239), какъ будто въ регламентѣ не было ясно указано, что Духовная Коллегія представительница церкви—„подъ державнымъ монархомъ есть“, и какъ будто ея члены не присягали признавать, этого монарха „крайнимъ своимъ судьею“. Синодъ ему представляется органомъ соборнаго управленія, а не „государственнымъ учрежденіемъ“ (стр. 67—68), тогда какъ между его (Синода) устройствомъ,—съ составомъ, всецѣло зависящимъ отъ государственной власти,—и дѣйствительнымъ церковнымъ соборомъ трудно найти и отдаленное сходство (на послѣднее обстоятельство и на необходимость оживленія истинно соборнаго начала полтора вѣка спустя послѣ реформы, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, открыто указывали представители церкви при обсужденіи вопроса о церковно-судебной реформѣ. Барсовъ, Св. Синодъ, стр. 72, 75, 114—166). И. И. Кедрову, далѣе, кажется, что по проекту церковныхъ преобразованій Петра, отношенія государственной власти къ церкви остались прежними, и вся реформа состояла въ разграниченіи права церковнаго и государственнаго (стр. 240, 241), что церковная автономія не была нарушена учрежденіемъ Синода (стр. 72). Но онъ непонятнымъ образомъ забываетъ то право независимаго голоса, которое принадлежало церкви до Петра не только въ вопросахъ церковныхъ, но даже и государственныхъ (см. у проф. Ключевскаго, Боярская дума древней Руси изд. 1-е М. 1892 г. стр. 519—529), и котораго она совершенно лишилась съ петровскимъ режимомъ, забываетъ также, что у церковной власти была отнята самостоятельная инициатива даже въ вопросахъ чисто церковнаго законодательства (исторія „Прибавленія“ къ Регламенту, о которой говоритъ и Кедровъ на стр. 115, какъ нельзя лучше доказываетъ это); безъ разрѣшенія свѣтской власти церковное управленіе не могло провести никакой болѣе или менѣе важной законодательной мѣры. Вообще, слѣдуя историческимъ фактамъ, невозможно представить петровскую церковную реформу иначе, какъ провозглашеніемъ супремата верховной власти въ дѣлахъ церкви и превращеніемъ церковнаго управленія въ простую отрасль управленія государственнаго. Защита противоположныхъ тезисовъ, какъ показываютъ бывшіе примѣры, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ.

ковныхъ интересахъ и высшая отвѣтственность за правильный ходъ церковной жизни. Вотъ здѣсь то и предстоитъ исторической наукѣ изслѣдовать, насколько успѣшно пошло „исправленіе нестроеній духовнаго чина“ и преуспѣяніе церкви подъ ближайшимъ присмотромъ правительства, каковой присмотръ съ теченіемъ времени все болѣе усиливался [1]). Для XVIII вѣка царствованіе императрицы Анны Іоанновны, не смотря на свою кратковременность, представляетъ немало характерныхъ чертъ въ указанномъ отношеніи. Историческія обстоятельства поставили тогда у кормила правленія людей, которые какъ нельзя болѣе были склонны довести основныя начала, положенныя въ основу петровскихъ церковныхъ преобразованій, до ихъ крайнихъ послѣдствій (какихъ мы не видимъ даже и при Екатеринѣ II) и, такимъ образомъ, дать, такъ сказать, пробный урокъ результатовъ правительственной дѣятельности по „исправленію нестроеній духовнаго чина“. Напрасно было бы полагать, что аннинское время представляетъ нѣчто совершенно исключительное, зависящее отъ случайныхъ обстоятельствъ нѣмецкаго господства. Министры Анны—скажемъ еще разъ—прямые наслѣдники Петровы и ихъ режимъ—прямое дѣтище петровскаго режима. Правительственная политика въ церковныхъ дѣлахъ опирается на регламентъ. Страшная аннинская Тайная Канцелярія—возрожденная ея сомненная предшественница. Политическіе процессы ведутъ начало отъ петровскаго времени и только увеличиваются подъ вліяніемъ обстоятельствъ, и нельзя при томъ не вспомнить, что Петръ подвергъ колесованію одного епископа (Досиѳея ростовскаго, замѣшаннаго въ дѣло царевича Алексѣя П.), а при Аннѣ Іоанновнѣ іерархи въ такомъ

---

[1]) Объ этомъ см. у Благовидова, Оберъ-прокуроры. Высшей точки такое положеніе достигло въ извѣстное министерство Голицына (1817—1824 г.г). Насколько богаты вообще были результаты правительственной опеки спустя сто лѣтъ послѣ Петра В., можно судить по оффиціальному признанію оберъ-прокурора гр. Протасова, который во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1839 года писалъ, обозрѣвая исторію синодальнаго управленія, что въ то время, «когда на всѣ классы народа обращаемо было самое бдительное вниманіе правительства, когда всѣ части государственнаго управленія быстро совершенствовались, одно лишь званіе духовное было предоставлено, такъ сказать, самому себѣ» (Барсовъ, Св. Синодъ, стр. 361).

положеніи все такп не бывали. Стѣсненіе матеріальныхъ средствъ церкви и въ то-же время повышеніе требованій отъ нея, громкія фразы о возвышеніи матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго уровня бѣлаго духовенства при полномъ отсутствіи фактической дѣятельности на его пользу— повтореніе политики Преобразователя. Бюрократизмъ въ управленіи и свойственная ему наивная вѣра пересоздать жизнь указами получили прочную основу со времени превращенія органа высшаго церковнаго управленія въ государственное учрежденіе, введенное въ кругъ другихъ подобныхъ учрежденій. Незнаніе жизненныхъ условій и нежеланіе знать ихъ только въ особенно яркой формѣ проявлялъ Кабинетъ имп. Анны. Самое господство иностранцевъ, характеризующее 30-е годы XVIII в., было подготовлено при Петрѣ; теперь лишь иноземцы перешагнули съ одной ступени на другую, изъ вторыхъ сдѣлались первыми. Это отношеніе правленія Анны къ правленію ея дяди и дѣлаетъ его особенно любопытнымъ для исторіи церкви; его изслѣдованіе помогаетъ всестороннему освѣщенію эпохи преобразованій, во всемъ значеніи внесенныхъ ею въ жизнь идей и завѣщанныхъ ею политическихъ принциповъ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Святѣйшій Синодъ. Правительство Анны Іоанновны въ отношеніи къ высшему органу церковнаго управленія. — Вопросъ объ устройствѣ Синода. Мѣсто его въ ряду государственныхъ учрежденій. Вмѣшательство гражданской власти въ синодскія дѣла. Синодскій штатъ.

Петръ Великій во главѣ русской церкви на мѣсто прежнихъ патріарховъ поставилъ коллегіальное учрежденіе—Св. Синодъ. Какъ органъ высшей власти церковной, Синодъ ближе всего стоялъ къ верховному правительству и прежде всего долженъ былъ поэтому чувствовать вліяніе перемѣнъ на престолѣ имперіи. Правительственныя отношенія къ церкви должны были сразу-же коснуться высшей церковной власти тѣмъ болѣе, что Синодъ, подобно другимъ учрежденіямъ, вызваннымъ къ жизни Преобразователемъ, къ аннинскому царствованію не сформировался твердо, не пріобрѣлъ вполнѣ законченной формы, какая созидается десятилѣтіями и вѣками. Начавъ свое существованіе при Петрѣ, онъ уже при Екатеринѣ I подвергся измѣненію въ своемъ устройствѣ, измѣненію, необходимость котораго сознавалъ даже самъ его творецъ. При Аннѣ Іоанновнѣ процессъ выработки формы церковнаго управленія въ ея деталяхъ продолжался. Впрочемъ, измѣненія, сдѣланныя въ устройствѣ Синода, были незначительны. Гораздо важнѣе для церкви русской были тѣ отношенія, въ какія стало правительство къ высшему церковному управленію и которыя были вѣрнымъ отблескомъ правительственной политики того времени, ея характера и настроенія лицъ, стоявшихъ у кормила власти.

Въ манифестѣ 17 марта 1730 года новое правительство выразило свою заботливость о церковныхъ дѣлахъ и торжественное провозгласило свою ревность по „закону Божію“[1]).

---

[1]) П. С. З. VIII, 5518.

Какъ и слѣдовало ожидать, заботливость эта первымъ дѣломъ обратилась на Св. Синодъ. Императрица Анна хотѣла слѣдовать по стопамъ своего великаго дяди. Между тѣмъ созданное имъ коллегіальное управленіе церкви къ царствованію его племянницы уже успѣло измѣнить свой видъ. Вмѣсто 11 членовъ—президента, 2-хъ вице-президентовъ, 4 совѣтниковъ и 4 ассессоровъ,—назначенныхъ въ Синодѣ при Петрѣ[1]), по указу 12 Іюля 1726 года[2]) Синодъ имѣлъ только 6 архіереевъ. Архимандриты (совѣтники) и протопопы и попы (ассессоры) были исключены изъ синодскаго присутствія. Самъ Синодъ былъ раздѣленъ на два аппартамента—духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ. Въ первомъ засѣдали 6 указанныхъ архіереевъ и занимались исключительно „духовными дѣлами“; во второмъ присутствовало 6 свѣтскихъ персонъ, вѣдѣнію которыхъ поручены дѣла „земскія“ и „экономическія“. Второй аппартаментъ 26 сентября 1726 года получилъ наименованіе „Коллегіи Экономіи синодальнаго правленія“ [3]). Аннѣ Іоанновнѣ, объявившей себя съ самаго начала продолжительницею дѣлъ Петра В., такое положеніе „Духовной Коллегіи“, естественно, должно было показаться ненормальнымъ; особенно малочисленность синодскихъ членовъ не отвѣчала совершенно видамъ Преобразователя. Свое недовольство императрица выразила въ указѣ Синоду 20-го мая 1730 года, которымъ поднимался и вопросъ о преобразованіи синодского управленія. „Всѣмъ извѣстно,—гласилъ указъ,—коимъ образомъ блаженныя памяти, Его императорское величество, дядя нашъ, Петръ Великій, Правительствующій Духовный Синодъ учредилъ и регламентами надлежащими удовольствовалъ, который тогда состоялъ въ довольномъ числѣ персонъ, а нынѣ оный Синодъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ прежде былъ;—того ради прилежно о томъ, яко о зѣло благопотребномъ дѣлѣ, разсуждая, благоизволяемъ оный Синодъ въ добрый порядокъ привесть.—Того ради повелѣваемъ Духовному Правительствующему Синоду, снесшись

---

1) По проекту Регламента членовъ въ Синодѣ предполагалось 12 (Ч. III, пар. 1); но назначено было только 11.

2) П. С. З. VII, 4919. П. С. П. и Р. V, 1819.

3) П. С. П. и Р. V, 1843.

съ Правительствующимъ Сенатомъ, общимъ совѣтомъ учинить слѣдующее: Первое: толикому ли числу персонъ быть въ Синодѣ, колпкое положено въ Регламентѣ, или еще прибавить, и по скольку изъ какихъ чиновъ быть. Второе: персонамъ, опредѣленнымъ въ Синодѣ, непремѣннымъ ли быть или перемѣннымъ; и ежели разсуждено будетъ быть перемѣннымъ, то во сколько времени перемѣнять. Третіе: выбрать кандидатовъ по именамъ, и для избранія въ число, какое опредѣлено будетъ, и оное все учпня, Духовному Синоду обще съ Сенатомъ представить намъ для конфирмаціи. А понеже нынѣ въ Синодѣ число персонъ зѣло мало, только четыре [1]), обрѣтается, и такъ малому числу вступить въ совѣтъ съ Сенатомъ невозможно, того ради повелѣваемъ Духовному Синоду, для совѣту вышеписанныхъ дѣлъ, взять въ прибавокъ изъ духовныхъ персонъ, которыя нынѣ есть въ Москвѣ, шесть персонъ, людей къ тому достойныхъ, и прилежно стараться немедленно по вышеписанному указу учинить, дабы въ настоящихъ духовныхъ дѣлахъ непорядку и остановки не было“ [2]).

Такимъ образомъ вопросъ объ упорядоченіи синодскаго управленія ставился серьезно и энергично. Правительству Анны, съ самаго начала проявившему усиленную дѣятельность въ переустройствѣ центральнаго управленія, положеніе Синода должно было казаться требующимъ немедленнаго измѣненія. Въ немъ не было даже 6 членовъ, назначенныхъ по указу Екатерины, а для успѣшнаго выполненія своихъ функцій, по убѣжденію новаго правительства, Синоду былъ необходимъ не только такой личный составъ, какой былъ при Петрѣ, но даже, можетъ быть, и больше.

Синодъ немедленно по полученіи указа избралъ въ прибавку къ находящимся въ Москвѣ синодальнымъ членамъ 8 персонъ: 3-хъ архіереевъ—Леонида сарскаго, Питирима нижегородскаго и Іоакима суздальскаго, и 5 архимандритовъ Варлаама, арх. Тропцко-Сергіева монастыря, Новоспасскаго

---

[1]) Эти четыре были: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Георгій Дашковъ, Игнатій Смола и Ѳеофилактъ Лопатинскій. Остальныя двѣ вакансіи были не заняты.

[2]) П. С. П. и Р. Т. VII. 2324.

Евѳимія, Савина-Сторожевскаго Досиѳея, Петровскаго-Высокаго-Сергія, Горицкаго-Иларіона Чтобы во время конференціи Синода съ Сенатомъ прежній порядокъ вещей не могъ уже неблагопріятно отзываться на ходѣ дѣлъ, императрица повелѣла, черезъ Ѳеофана Прокоповича, всѣмъ этимъ избраннымъ лицамъ до окончанія совѣщанія присутствовать въ Синодѣ на правахъ членовъ [1]).

Но конференція Синода съ Сенатомъ не принесла ожидаемыхъ отъ нея результатовъ. Она открылась 9-го іюня. Со стороны Сената присутствовали въ ней государственный канцлеръ гр. Головкинъ, кн. А. М. Черкасскій, кн. Д. М. Голицынъ, генералъ-фельдмаршалъ Трубецкой. Свѣтскіе персоны подавали голосъ за перемѣну членовъ, съ разными варіаціями въ частностяхъ. Однако, 9-го іюня ничего не рѣшили [2]). 26-го іюня состоялось второе засѣданіе конференціи и оно выяснило, что Синодъ и Сенатъ едва-ли могутъ сойтись мирно въ своихъ мнѣніяхъ. Синодъ представлялъ, что члены его должны быть постоянными, а не перемѣнными; число ихъ должно быть одиннадцать или больше, при чемъ большая часть изъ архіереевъ (7 и не меньше 6), а остальные изъ архимандритовъ. Бѣлое духовенство Синодъ не хотѣлъ допустить въ свое присутствіе, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что оно „отъ степени архіерейскаго гораздо нижнее“ и протопопы и попы „въ дѣлахъ архіерейскихъ и монастырскихъ никакого искусства не имѣютъ“. Послѣдній доводъ указываетъ на узость взгляда синодальныхъ членовъ: они всѣ интересы церкви склонны были сводить къ интересамъ высшей іерархіи и монашества. Но и вторая конференція не привела ни къ чему положительному. На третьей, бывшей черезъ нѣсколько дней, рѣшили, наконецъ, быть въ Синодѣ одиннадцати членамъ; вопросъ же о несмѣняемости ихъ остался по прежнему предметомъ спора. Синодъ отстаивалъ свое мнѣніе и подалъ его письменно въ Сенатъ, изложивъ въ 18 пунктахъ. Сенатъ не хотѣлъ отступиться отъ своего и обратился съ докладомъ къ государынѣ, опровергая синодскіе доводы. Настойчивость Синода Сенатъ при-

---

1) П. С. П. и Р. VII. 2334.

2) А. С. С. Дѣло 1730 г. № 11. О. А. С. С. т. X. № 200/11.

писывалъ здѣсь ни чему иному, какъ желанію съ его стороны „получить большую власть и силу [1]). Онъ видѣлъ въ неперемѣнности членовъ Синода опасность такого же рода, какую видѣлъ Петръ въ единоличномъ управленіи патріарха, и указывалъ на нее правительству, какъ на главный аргументъ въ пользу своего мнѣнія. Любопытенъ взглядъ, какой высказываетъ Сенатъ на „духовную команду“, отстаивая перемѣнность ея членовъ предъ императрицей. „Въ Синодѣ, разсуждаемъ, что весьма надлежитъ членамъ быть перемѣннымъ“, писалось въ докладѣ, „а ежели быть непремѣннымъ, то не произошлибы таковыя опасности, каковы въ Регламентѣ, на 6-мъ и 7-мъ листахъ, его императорское величество изобразить и напечатать указалъ. И хотя тѣ опасности къ единой персонѣ употреблены, а не ко всему духовному правительству, однако-жъ ясной и у всѣхъ еще въ памяти образъ тому былъ: что Ѳеодосъ, бывшій архіепископъ новгородскій, который хотя не одинъ въ правленіи Синодскомъ былъ, но какъ членъ присутствовалъ впце-президентомъ, усиляся милостью блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ихъ величествъ государя императора и государыни императрицы, происходилъ лукавно и вымышленно и ложными клеветами приводилъ многихъ въ немилость его императорскаго величества, о чемъ и письма у него вынуты. Потомъ же чинилъ и самаго его государя высокому соизволенію нѣкоторыя дѣла противныя, желая себѣ сильнаго властолюбія и несытнаго сребролюбія и лакомства, пося на себѣ милость блаженныя памяти государя императора Петра Великаго и ея величества государыни императрицы, взявъ на себя неумѣренную амбицію, еще при жизни императора Петра Великаго нѣкоторыя противныя волѣ его величества дѣла показывалъ. Потомъ и святѣй церкви явныя противности чинилъ и святыхъ божіихъ угодниковъ и иконы святыя не почиталъ, оклады и прочія церковныя утвари грабитель-

---

1) Тутъ сказывается старое соперничество Сената съ Синодомъ изъ за ихъ взаимнаго положенія. Находя твердый отпоръ своимъ притязаніямъ на подчиненность Синода въ членахъ послѣдняго, Сенатъ думалъ достигнуть своихъ цѣлей перемѣнностью синод. членовъ. Осуществившееся впослѣдствіи желаніе Сената дѣйствительно привело къ уменьшенію (de facto) силы и власти синод. правительства.

ски бралъ и въ свои непотребные домовные сосуды употреблялъ... А и при нынѣшнемъ синодскомъ правленіи на нѣкоторыхъ синодскихъ персонъ, которые сами въ Синодѣ присутствуютъ, явились какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ многіе доносы и челобитья, въ которыхъ объявляютъ нѣкоторыя церковныя противности и грабленіе изъ церковныхъ имѣній, которые доносители по нѣскольку лѣтъ подъ карауломъ держатся. И по тѣмъ ихъ доносамъ еще неизслѣдовано, для того, что въ Синодѣ члены еще не премѣнны и судить и слѣдовать въ церковныхъ противностяхъ некому, и можетъ быть, чтобъ и еще на кого такіе же доносы были, но для того опасаются и боятся, о чемъ вашему императорскому величеству, ежели соизволите, впредь пространно донесено будетъ. Тако же не точію въ епархіяхъ и монастыряхъ, но и въ самой Москвѣ, гдѣ ваша императорская резиденція, многое церковное неустройство происходитъ и никакого церковнаго благочинія по уставамъ церковнымъ не имѣется... И ежели впредь синодальные члены будутъ безъ перемѣны, то бъ хотя отъ нихъ кому какія противности и обиды происходили,—бить челомъ и доносить на нихъ не посмѣютъ. Что жъ Синодъ въ разсужденіи своемъ, въ 7-мъ пунктѣ, за важный резонъ представляетъ: ежели де синодальные члены премѣнны будутъ, то во всякой перемѣнѣ нужда будетъ мѣсяцъ, другой и третій дожидаться, покамѣстъ новые осмотрятся; но и тогда заобычайными къ прежнимъ и вновь текущимъ дѣламъ быть вскорѣ не могутъ И то представленіе за важное почтено быть не можетъ, понеже въ Синодѣ не другое какое свѣтское и разныхъ дѣлъ правленіе, токмо одно духовное и церковное состоитъ. А духовное правленіе не точію архіереомъ приличествуетъ въ своей епархіи знать, но и прочимъ духовнымъ особамъ тогда, какъ они еще по степенямъ своимъ въ начальство происходятъ, каковыхъ по достоинству въ Синодъ членами и опредѣлить должно, и каждый архіерей такія духовныя дѣла въ своихъ епархіяхъ управляетъ, развѣ который какого важнаго дѣла одинъ рѣшить не можетъ, о такихъ Синоду представлять долженъ. И тако каждому вновь пришедшему архіерею или архимандриту присматриваться и обучаться церковнымъ дѣламъ

нужды быть не можетъ. Къ тому жъ перемѣна быть имѣетъ не всѣмъ вдругъ, но по нѣкоторой части въ годъ, и всегда большая часть будетъ старыхъ, нежели новыхъ". При этомъ докладѣ Сенатъ прилагалъ и объясненіе Синода [1]).

Аргументацію Сената нельзя назвать совершенно слабой; факты злоупотребленія со стороны синодальныхъ членовъ оправдывали опасенія Сената; даже примѣръ Ѳеодосія Яновскаго не даромъ пугалъ сенаторовъ: Ѳеофанъ Прокоповичъ впослѣдствіи, опираясь также на милость государыни, во многихъ чертахъ повторилъ поведеніе Ѳеодосія. Но, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ мотивовъ, императрица не вняла сенатскимъ доводамъ. Видя, что конференція ни къ чему положительному не приведетъ, а споръ грозитъ стать безконечнымъ, императорская власть сама рѣшила положить конецъ медленнымъ совѣщаніямъ. 21 іюля, по именному указу, въ Синодъ назначены были членами: 4 архіерея—Ѳеофанъ новгородскій, Леонидъ крутицкій, Питиримъ нижегородскій, Іоакимъ суздальскій; 3 архимандрита—харьковскій Платонъ, новоспасскій Евѳимій Колетти, горицкій Иларіонъ; 2 протопопа—успенскій Иванъ и благовѣщенскій Иванъ [2]). Ни Сенатъ, ни Синодъ не получили утвержденія своихъ мнѣній вполнѣ. Вопреки синодскому желанію, были введены въ его составъ протопопы. Вопреки соглашенію на конференціи, членовъ назначено было 9, а не 11; хотя императорскій указъ 20 мая признавалъ необходимымъ для Синода петровское число членовъ (11) или даже болѣе. Вопреки сенатскому докладу, о перемѣнности членовъ ничего не говорилось и, стало быть, молчаливо утверждалась ихъ несмѣняемость [3]). Очевидно, кто-то повліялъ на императрицу со стороны; быть можетъ, то былъ Ѳеофанъ. Во всякомъ случаѣ правительство по всѣмъ признакамъ не обратило вниманія на мнѣніе

---

[1]) Внутренній бытъ русскаго государ. кн. II, стр. 269-274.

[2]) II С. П. и Р. VII, 2355.

[3]) Несмѣняемость эта, конечно, была далеко не безусловной. Уже самымъ указомъ 21 іюля увольнялись прежніе члены—Ѳеофилактъ, Игнатій, Георгій. И послѣ того члены выбывали не только естественною смертью Несмѣняемость членовъ Синода не была закономъ и они смѣнялись, но смѣняемость ихъ была не регулярною, а зависящею отъ случайнаго усмотрѣнія верховной власти

Сената и Синода и свело къ нулю всѣ ихъ конференціонныя совѣщанія своимъ указомъ, изданнымъ независимо отъ конференціи. Если же сопоставить этотъ указъ 21 іюля съ другими событіями, то роль Ѳеофана станетъ, пожалуй, очевидной. Дѣло въ томъ, что императорскій указъ исключалъ изъ состава Синода, кромѣ Ѳеофана, всѣхъ остальныхъ архіереевъ –Георгія Дашкова, Игнатія Смолу, Ѳеофилакта Лопатинскаго, бывшихъ непріятными новгородскому архіепископу. Исключеніе это было для двухъ первыхъ началомъ печальнаго конца ихъ архіерейства: скоро они пали жертвами Ѳеофановскихъ интригъ. Ихъ удаленіе изъ Синода было необходимо Прокоповичу какъ можно скорѣе, чтобы начать процессъ, ихъ погубившій. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ и содѣйствовалъ прекращенію длившихъ совѣщаній съ Сенатомъ распоряженіемъ верховной власти, удаляющимъ его враговъ. Безъ сомнѣнія въ его интересахъ также была несмѣняемость синодальныхъ членовъ, такъ какъ возможность удаленія отъ власти должна была ему мало улыбаться.

Синодъ остался съ прежнимъ раздѣленіемъ на два апартамента, какъ при Екатеринѣ I, и съ 9-ю членами въ своемъ составѣ (т. е. въ составѣ апартамента духовныхъ дѣлъ). Но количество членовъ синодскихъ далеко не всегда отвѣчало своей нормѣ. Къ концу царствованія Анны Іоанновны высшее „духовное правительство“ находилось въ такомъ же точно неудовлетворенномъ положеніи, какъ при его началѣ. Въ декабрѣ 1738 года (16) Синодъ докладывалъ императрицѣ, что вмѣсто опредѣленныхъ въ него 9 членовъ на лицо имѣется только 4: одинъ архіерей, два архимандрита и одинъ протопопъ; онъ просилъ опредѣлить въ синодальные члены вятскаго епископа Кипріана, случайно находившагося въ Петербургѣ, и перевесть его для удобства въ ближнюю епархію, такъ какъ съ наличнымъ числомъ членовъ, изъ которыхъ еще нѣкоторые иногда отсутствуютъ по разнымъ причинамъ, успѣшное отправленіе дѣлъ невозможно [1]). Однако, правительство такъ мало интересовалось

1) Книга всеподданѣйшихъ докладовъ въ Архивѣ Синода 1738 г. № 108. Это оскудѣніе синодальнаго состава началось еще въ 1736 году и постепенно увеличивалось. См. у Барсова «Св. Синодъ въ его прошломъ», стр. 278-280.

теперь Синодомъ, что полтора года и послѣ упомянутаго доклада не предпринимало ничего къ заполненію убылыхъ мѣстъ въ составѣ высшаго церковнаго учрежденія до надлежащей нормы. Только въ іюлѣ (4) 1740 года мы встрѣчаемъ сообщеніе изъ Кабинета въ Синодъ, чтобы для избранія недостающихъ членовъ Синода были представлены по 3 кандидата на каждое мѣсто изъ архіереевъ и архимандритовъ [1]). Въ это время въ Синодѣ уже осталось только 3 члена: 2 архіерея и одинъ протоіерей [2])

Нельзя не видѣть въ этомъ фактѣ оскудѣнія синодскихъ членовъ и продолжительности такового оскудѣнія свидѣтельства объ нѣкоторой униженности Синода въ правленіе Анны Іоанновны. Первоначальное намѣреніе правительства поднять это учрежденіе, обнаружившееся въ указѣ объ устройствѣ Синода, очевидно скоро было оставлено; а перемѣны въ правительственномъ механизмѣ низвели синодальное правительство ниже прежняго. Съ формальной стороны, правда, Синодъ имѣлъ ту же власть и тѣ же полномочія, какъ въ прежніе годы своего существованія. Въ системѣ правительственныхъ учрежденій онъ стоялъ оффиціально на ряду съ Сенатомъ. Старый споръ о равенствѣ между этими двумя органами управленія, начавшійся со времени учрежденія Синода [3]), къ 30-мъ годамъ XVIII в. уже потерялъ свою прежнюю остроту; но при случаѣ Сенатъ былъ не прочь представить изъ себя высшее, чѣмъ Синодъ, правительство. Однако, онъ не встрѣчалъ себѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ поддержки у трона. Столкновенія между Синодомъ и Сенатомъ произошли въ первый годъ царствованія императрицы. Поводомъ къ первому изъ нихъ послужилъ вопросъ о сборѣ вѣнечныхъ пошлинъ на лазареты. Съ вѣнечныхъ памятей было положено до Петра

1) Книга высочайшихъ указовъ въ Синодскомъ Архивѣ 1740 г. № 35.

2) А. С. С. Дѣло 1740 г. № 498.

3) О борьбѣ Сената съ Синодомъ при Петрѣ В. см. книгу Ѳ. Жорданія «Святѣйшій Синодъ при Петрѣ Великомъ въ его отношеніи къ Правительственному Сенату», Тифлисъ, 1882 г.; очеркъ А. Голубева «Св. Синодъ» (Внутренн. бытъ, II), стр. 232-259; Т. В. Барсовъ, Св. Синодъ, стр. 407-428; Благовидовъ, Оберъ-прокуроры, стр. 12-20; Востоковъ. Ж. М. Н. Пр. 1875 г. авг., стр. 153-163; Бѣлогостицкій, Ж. М. Н. Пр, 1892 г. № 6, стр. 274-281.

брать сборъ въ опредѣленномъ количествѣ. Петръ Великій своимъ указомъ обратилъ эти сборы на лазареты и увеличилъ ихъ вдвое. Въ 1730 году до свѣдѣнія Сената дошло, что въ Москвѣ и въ прочихъ епархіяхъ съ вѣнечныхъ памятей берутъ сверхъ указа лишнія деньги, „отъ чего народная, а паче маломочнымъ людямъ и крестьянамъ чинится не малая тягость". Сенатъ указомъ 10 іюня [1]) запретилъ подъ угрозою штрафа брать лишнее и велѣлъ публиковать всенародно объ этомъ. Синоду не понравилось такое вмѣшательство въ дѣла духовнаго вѣдомства. Его оскорбилъ поступокъ Сената; въ немъ онъ увидѣлъ посягательство на свои права, такъ какъ указами Петра Великаго велѣно дѣла общія между Сенатомъ и Синодомъ рѣшать всегда съ обоюднаго согласія, а между тѣмъ Сенатъ и не спрашивалъ мнѣнія синодскаго. Синодъ рѣшилъ, поэтому, никакого дѣйствія по сенатскому указу не производить и отъ себя послалъ указы, чтобы свѣтскія власти въ провинціяхъ не исполняли сенатскаго постановленія впредь до разсмотрѣнія. Для послѣдняго, Синодъ потребовалъ конференціи съ Сенатомъ [2]). Тогда Сенатъ привлекъ къ допросу синодскаго оберъ-прокурора Алексѣя Баскакова, почему онъ не настоялъ, чтобы синодскіе члены разослали по епархіямъ сенатскіе указы о вѣнечныхъ пошлинахъ, а отъ Синода потребовалъ объясненія по поводу его образа дѣйствій. Въ 1731 году синодское объясненіе было представлено. Тогда Сенатъ представилъ о немъ особый докладъ государынѣ, опровергнувъ синодское объясненіе по всѣмъ пунктамъ. Въ заключеніи своего доклада Сенатъ просилъ императрицу собственнымъ указомъ подтвердить, чтобъ лишнія деньги съ вѣнечныхъ памятей не брали. Государыня приказала рѣшить дѣло на конференціи Синода съ Сенатомъ, чего требовалъ Синодъ [3])—Второе столкновеніе съ Сенатомъ у

1) П. С. З. VIII, 5575.

2) С. П. и Р. VII, 2363.

3) Внутренній бытъ, II, 255-256. Подобный этому случай произошелъ въ 1733 году. Синодъ выразилъ Сенату свое неудовольствіе за то, что Сенатъ безъ сношенія съ нимъ опубликовалъ указъ о сборѣ драгунскихъ лошадей съ монастырей и архіерейскихъ домовъ (9 октябр. 1733 г). Сенатъ на это отвѣтилъ, что конференціи съ Синодомъ имѣть не былъ обязанъ, такъ какъ указъ о сборѣ драгунскихъ лошадей стоитъ наравнѣ съ обычными указами о сборѣ рекрутъ. Синодъ жаловался на „обиду" Государынѣ (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету. кн. № 8/1085. л. л. 163-167).

Синода произошло по поводу секретаря Замятнина. Этотъ секретарь былъ опредѣленъ въ Синодъ въ Сентябрѣ 1730 года, будучи уволенъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, по синодской просьбѣ. Но въ октябрѣ мѣсяцѣ вдругъ Синодъ узнаетъ, что Сенатъ намѣренъ потребовать Замятнина назадъ въ свою команду. Синодъ разсудилъ, что „ежели оное исполнено быть имѣетъ, то зѣло будетъ Синоду предосудительно, и покажется между такихъ главныхъ правительствъ непорядокъ", будутъ нарушены права Синода, какъ равнаго Сенату учрежденія, дарованныя ему высочайшей властью. Поэтому было рѣшено подать докладъ императрицѣ, дабы она соизволила „Синодъ своею высокою протекціею охранить, чтобы, кромѣ чаянія, отъ онаго Правительствующаго Сената намѣренія Синоду не нанеслось какого уничтоженія, *и не сравненъ бы былъ коллегіямъ подъ сенатскимъ вѣдѣніемъ обрѣтающимся*", и чтобъ Замятнину повелѣно было быть при синодскихъ дѣлахъ [1]). Замятнинъ остался въ Синодѣ.

Такимъ образомъ, хотя Сенатъ и покушался разыграть роль высшей инстанціи по отношенію къ Синоду и это ему иногда удавалось; однако и въ царствованіе Анны Іоанновны Синодъ успѣвалъ отстаивать свое оффиціальное положеніе выше коллегій, наравнѣ съ Правительствующимъ Сенатомъ [2]). Въ разрядъ коллегій верховное правительство Синодъ никогда не ставило, и во время спора о вѣнечныхъ пошлинахъ, хотя императрица не признала превышенія власти въ дѣйствіяхъ Сената, но тѣмъ не менѣе вопросъ повелѣла рѣшить на конференціи этихъ двухъ учрежденій,

1) П. С. П. и Р. VII, 2387. Описаніе Син. Арх. X, № 340-17.

2) Но фактическое положеніе Синода не совсѣмъ соотвѣтствовало его оффиціальному положенію, и это видимо отражалось даже въ провинціяхъ, такъ что Синодъ принужденъ былъ и здѣсь вступаться за свою честь. Такъ въ 1733 г. нѣсколько священниковъ города Борисоглѣбска жаловались, что воевода борисоглѣбскій Иванъ Брюховъ говоритъ „не слушаю де я вашего Синода, и плюетъ на него, вашъ де Синодъ у нашего Сената подъ ногами", и беретъ къ себѣ силою въ гражданское судилище духовныхъ лицъ и держитъ ихъ подъ карауломъ. Синодъ потребовалъ у Сената разсмотрѣть это дѣло о поносительныхъ словахъ, объявляя, что, по высочайшимъ указамъ, Синодъ стоитъ наравнѣ съ Сенатомъ и долженъ пользоваться равнымъ уваженіемъ (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду. кн. № 10/772. ЛЛ. 152-153).

какъ равнымъ между собою. Но будучи равенъ съ Сенатомъ, Синодъ въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія вмѣстѣ съ Сенатомъ же долженъ былъ испытывать пониженіе своего значенія по сравненію съ своимъ положеніемъ при Петрѣ I. Дѣло въ томъ, что между императорской властью, Синодомъ и Сенатомъ стояло при Аннѣ еще другое высшее учрежденіе—императорскій Кабинетъ, какъ прежде, въ правленіе ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, стоялъ Верховный Тайный Совѣтъ. Кабинетскій режимъ былъ, однако, тяжелѣе режима Тайнаго Совѣта [1]), такъ что значеніе Синода при Аннѣ значительно понизилось даже по сравненію съ переходнымъ временемъ послѣпетровскимъ. Юридически Синоду продолжало принадлежать высшее управленіе въ церкви; его права и полномочія не были ограничены никакими новыми указами. Но на практикѣ мы видимъ, что высшее церковно-административное учрежденіе утратило значительную долю своей самостоятельности. Удаленіе отъ верховной власти всегда отражается на значеніи того учрежденія, которое испытываетъ такую судьбу. Такъ было и съ Синодомъ. Подчиненіе Кабинету понижало его на ступеняхъ іерархической лѣстницы. Съ другой стороны, самый характеръ кабинетнаго правительства отзывался на положеніи Синода. Кабинетъ хотѣлъ подчинить себѣ не формально только, но и фактически, всѣ государственныя учрежденія. Подъ вліяніемъ этого давленія, а также вообще подозрительнаго отношенія правительства къ церкви, Синодъ принужденъ былъ держать себя съ меньшей долей самостоятельности, чѣмъ прежде, по отношенію къ правительству, воплотившемуся въ лицѣ Кабинета. Онъ обращался къ его авторитету и испрашивалъ у него резолюціи по многимъ церковнымъ вопросамъ, которые могъ бы рѣшить и самъ, и изъ Кабинета получалъ направленіе своей дѣятельности.

Подчиненность Синода Кабинету выступила наружу главнымъ образомъ съ извѣстнаго момента въ бытіи этого Остермановскаго созданія—указа 1735 года, которымъ кабинетскія распоряженія получали силу именныхъ высочайшихъ повелѣній. Но и прежде этого, пока кабинетская дѣя-

1) Объ отношеніи Верховнаго Совѣта къ Синоду—у Т. В. Барсова, Св. Синодъ, стр. 429-433.

тельность не выходила изъ сравнительно узкихъ рамокъ Синодъ, долженъ былъ утратить часть своего значенія, утратить не для своихъ подчиненныхъ, а какъ коллегіальное учрежденіе, стоящее во главѣ церкви. Съ самаго начала анненскаго царствованія „духовное правительство“ получило видъ, не вполнѣ соотвѣтствующій его достоинству. Въ первую половину правленія императрицы Синодъ находился въ фактическомъ подчиненіи Ѳеофану Прокоповичу. Новгородскій архіепископъ имѣлъ доминирующее вліяніе на своихъ сотоварищей по присутствію. Изъ знакомства съ теченіемъ синодальныхъ дѣлъ того времени выносится твердое убѣжденіе, что по существу дѣла весь Синодъ сосредоточивался въ личности Прокоповича. Пользуясь милостью государыни и своей близостью къ ней, Ѳеофанъ сталъ постояннымъ почти объявителемъ ея воли въ Синодѣ. Онъ словесно представлялъ въ синодскихъ засѣданіяхъ, что государыня указала то-то; остальные члены лишь выслушивали эти высочайшіе указы и постановляли чинить по нимъ исполненіе. Почти всѣ важнѣйшія императорскія повелѣнія за шесть лѣтъ жизни Прокоповича при Аннѣ Іоанновнѣ были получены въ Синодѣ такимъ образомъ... Ставъ же посредникомъ между императрицей и церковной властью въ лицѣ Синода, Ѳеофанъ получилъ, естественно, первенствующее значеніе среди своихъ сотоварищей. Никто не осмѣливался поднять голосъ противъ всемогущаго временщика—іерарха. Озабоченный борьбою съ врагами и преслѣдованіемъ противниковъ, Прокоповичъ пользовался для этихъ своихъ цѣлей всею властью Синода съ такою же беззастѣнчивостью, какъ средствами Тайной Канцеляріи; и если послѣдняя была завалена дѣлами, поднятыми по иниціативѣ Ѳеофана, то и Синодъ былъ занятъ ими не меньше. Много полицейскихъ талантовъ пришлось проявить синодальнымъ членамъ въ угоду новгородскому архіерею; еще благо было, что въ большинствѣ случаевъ онъ лично велъ запутанную нить допросовъ и розысковъ, требуя отъ своихъ коллегъ только подтвержденія своихъ предначертаній. Какъ бы то ни было, коллегіальное учрежденіе сдѣлалось орудіемъ въ рукахъ одного лица; а это уже не могло не отозваться пониженіемъ его значенія въ правитель-

ственномъ механизмѣ. „Захудалость“, если можно такъ выразиться, была результатомъ Ѳеофановщины для Синода. Послѣ такой Ѳеофановщины неудивительна та робость и не самостоятельность, какія проявились синодальными членами во вторую половину аннинскаго правленія. Подчиненныя отношенія къ Кабинету послѣ Ѳеофановскаго режима не должны были показаться слишкомъ тяжелыми церковному правительству.

Униженіе Синода открывается и въ другихъ сторонахъ его положенія.

Верховная власть никогда слишкомъ не довѣряла членамъ синодальнаго правленія, не переставала зорко слѣдить за ними. Самъ Преобразователь, при довѣріи къ коллегіальному управленію самому по себѣ, питалъ недовѣріе къ членамъ коллегіальныхъ учрежденій и считалъ съ своей стороны долгомъ постоянно напоминать имъ о ихъ обязанностяхъ. „Око государево“,—оберъ-прокуроръ Синода,- предназначенъ былъ наблюдать за исправнымъ теченіемъ дѣлъ въ синодскомъ присутствіи и доносить государю въ случаѣ замѣченныхъ имъ непорядковъ, нарушеній закона, медлительности и неповоротливости. Правительство Анны Іоанновны еще менѣе петровскаго было довѣрчиво къ синодальнымъ членамъ. Высшее наблюденіе за веденіемъ дѣлъ въ Синодѣ, принадлежащее верховной власти, взялъ на себя теперь сразу-же по своемъ учрежденіи Кабинетъ. Въ ноябрѣ 1731 года Синодъ, на ряду съ Сенатомъ и прочими учрежденіями, получилъ указъ ежемѣсячно вносить въ Кабинетъ краткіе реестры о всѣхъ, имѣющихся въ Синодѣ, Духовной Дикастеріи, Коллегіи Экономіи, Дворцовомъ и Казенномъ приказахъ и въ московской типографіи дѣлахъ по челобитіямъ [1]); а 30 декабря 1731 года состоялся высочайшій указъ о составленіи въ Синодѣ и подчиненныхъ ему мѣстахъ реестровъ о государственныхъ и интересныхъ (экономическихъ) дѣлахъ и о подачѣ ихъ также ежемѣсячно въ Кабинетъ [2]). Такимъ образомъ, Св. Синодъ сразу же былъ поставленъ подъ контроль Кабинета, хотя въ началѣ своего существованія по-

---

[1]) С. П. и Р. т. VII, 2505.

[2]) П. С. П. и Р. VII. 2531.

слѣдній, какъ мы знаемъ, оффиціально не имѣлъ права контролировать синодскія рѣшенія. Эта подача реестровъ имѣла въ виду какъ бы только доведеніе до *свѣдѣнія* Кабинета дѣлъ Синода; посредничество новаго учрежденія между императорской властью и Синодомъ тогда еще не выступило явно, и Кабинетъ былъ лишь какъ бы личнымъ секретаремъ императрицы по отношенію къ Синоду: ни резолюцій, ни указовъ въ Синодъ отъ лица самаго Кабинета не посылалось; но фактически Кабинетъ сталъ для Синода уже и въ первые годы своего бытія почти тѣмъ, чѣмъ была власть императрицы, ибо въ немъ сосредоточивались нити управленія государствомъ.

Замѣчательно, что почти во все время царствованія Анны Іоанновны, именно съ декабря 1730 года, въ Синодѣ не было „ока государева"—оберъ-прокурора. Послѣ того, какъ былъ уволенъ именнымъ указомъ императрицы отъ этой должности Алексѣй Баскаковъ, мѣсто его осталось не замѣщеннымъ до смерти государыни. Но и безъ „ока государева" Синодъ не остался предоставленнымъ самому себѣ. Роль оберъ-прокурора исполнялъ теперь синодальный оберъ-секретарь, что было для Синода несомнѣннымъ униженіемъ [1]). Онъ теперь сталъ побуждать синодскихъ членовъ, когда замѣчалось замедленіе въ теченіи дѣлъ; ему поручено было смотрѣть за точнымъ и скорымъ исполненіемъ императорскихъ повелѣній, соблюденіемъ законовъ, безволокитнымъ

---

[1]) Баскаковъ былъ уволенъ по дѣлу арх. Георгія и Игнатія (см. объ этомъ въ главѣ второй). Нужно замѣтить, что еще Верховный Совѣтъ Екатерины I въ 1726 г. возымѣлъ намѣреніе уничтожить оберъ-прокуратуру въ Синодѣ, замѣнивъ ее простой прокуратурой—(П. С. П. и Р. V, 1824 г.) Тогда Синодъ, видимо, увидѣлъ въ этомъ желаніе его унизить и не исполнилъ указа. Баскаковъ продолжалъ отправлять обязанности оберъ-прокурора до конца 1730 года. При Аннѣ Іоанновнѣ времена перемѣнились: не только былъ смѣщенъ оберъ-прокуроръ, но и его роль перешла даже не къ прокурору, а къ оберъ-секретарю—лицу, подчиненному Синоду. Между тѣмъ еще прежде правительственный опытъ, на примѣрѣ Сената, доказалъ (1720 -1722 г.г.) все неудобство совмѣщать обязанности контролирующаго надзора съ подчиненною должностью оберъ-секретаря (см. у Петровскаго, О сенатѣ въ царствованіе Петра В., Москва 1875 г. стр. 163–165). Утѣшеніемъ для Синода могло, развѣ, быть то, что и Сенатъ находился въ сходномъ положеніи: съ 1731—1740 г.г. въ немъ не было генералъ-прокурора.

рѣшеніемъ. Повидимому, главное зло въ Синодѣ было то, что дѣла слишкомъ долго залеживались; синодальные члены не отличались ревностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Впрочемъ, волокита составляла общій недугъ правительственной администраціи. Верховная власть безпрестанно торопила и сенаторовъ, устанавливала часы ихъ засѣданій, предписывая пріѣзжать и уѣзжать въ опредѣленные часы. Поэтому то часты были и напоминанія Синоду о его обязанностяхъ. Въ 1738 году такое напоминаніе было сдѣлано Синоду изъ Кабинета съ приложеніемъ строжайшей инструкціи оберъ-секретарю Левандову. Кабинетъ-министры писали: „понеже по многимъ изъ Кабинета ея величества въ Св. Синодъ сообщеніямъ чрезъ многое время рѣшенія не чинится, а между тѣмъ и въ рѣшеніи самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ остановка, а отъ чего то происходитъ—неизвѣстно; того ради, какъ о съѣздѣ и о засѣданіи, такъ и о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ по регламентомъ и указомъ чрезъ сіе напоминается". Левандову въ свою очередь напоминалось, что онъ обязанъ наблюдать за скорѣйшимъ представленіемъ дѣлъ на Синодское рѣшеніе. Всякое замедленіе впредь Кабинетъ угрожалъ взыскивать на немъ съ жестокимъ „истязаніемъ". Если же Синодъ будетъ медлить безъ всякой причины и послѣ представленія дѣла оберъ-секретаремъ, то послѣдній долженъ доносить о томъ въ Кабинетъ [1]) Но, конечно, угрозы не приводились въ исполненіе, и употреблялись болѣе для формы, чѣмъ для практическаго дѣйствія. Волокита настолько укоренилась въ администраціи, что ее нельзя было уничтожить скоро никакими указами. Жалобы на медленное рѣшеніе дѣлъ никогда не прекращались. Самая неоднократность правительственныхъ понуканій - по адресу Сената, Синода и другихъ низшихъ учрежденій—свидѣтельствуетъ, что всякія угрозы и напоминанія мало приносили пользы.

Отношеніе верховной власти къ церковному правительству, не отличающееся особеннымъ вниманіемъ, всего рельефнѣе проявлялось въ пунктахъ ихъ непосредственнаго соприкосновенія по тѣмъ или другимъ дѣламъ. Одною изъ главныхъ функцій высшей церковной власти было замѣще-

[1]) А. С. С. Книга высоч. указовъ 1738 г. № 41. іюля 16.

ніе свободныхъ архіерейскихъ каѳедръ. Въ этой области Синодъ всегда находился въ зависимости отъ правительства свѣтскаго. Узаконеннымъ порядкомъ было, что синодальные члены выбирали кандидатовъ по 2 на каждую арх. каѳедру и представляли ихъ на императорское усмотрѣніе, дѣло котораго было остановиться на томъ или другомъ кандидатѣ; при этомъ вовсе не предполагалось, что могутъ быть отвергнуты оба [1]). Такой порядокъ не былъ отмѣняемъ и при Аннѣ Іоанновнѣ. Но императорская власть не стѣснялась закономъ, мало уважала синодальныя мнѣнія и часто не обращала вниманія на синодскіе доклады и синодскихъ кандидатовъ. Для примѣра мы можемъ взять нѣсколько случаевъ изъ начальнаго времени царствованія Анны, случаевъ особенно характерныхъ.

Къ началу 1731 года было нѣсколько праздныхъ архіерейскихъ каѳедръ: кіевская (архіеп. кіев. Варлаамъ Вонатовичъ 20-го ноября 1730 года лишенъ сана и сосланъ), ростовская (Георгій Дашковъ 28 декабря 1730 г. лишенъ сана и сосланъ), астраханская (Варлаамъ 7 іюня 1730 г. перемѣщенъ въ Переяславль), коломенская (митроп. Игнатій 4 декабря 1730 г. лишенъ сана и сосланъ). холмогорская (еп. Холмогор. Варнава умеръ 8 октября 1730 года). Синодъ, опираясь на указъ петровскій, постановилъ избрать кандидатовъ на свободныя мѣста и представить на утвержденіе государынѣ. Способомъ избранія было выбрано голосованіе, къ которому были приглашены и находившіеся въ то время въ Москвѣ епархіальные архіереи. Всѣхъ избирателей составилось 13 человѣкъ, и они подавали по установленному способу голоса за того или другого кандидата на ту или другую каѳедру. Такимъ способомъ были намѣчены кандидатами слѣдующіе лица. На кіевскую каѳедру: Гедеонъ, еп. смоленскій (6 голосовъ), Лаврентій, еп. устюжскій (4 гол.), Гавріилъ, еп. рязанскій (3 гол.), Антоній, митр. тобольскій (6 гол.), Варлаамъ, еп Переяславскій (1 гол.), Рафаилъ, еп. псковскій (6 гол.), Арсеній, еп. могилевскій (3 гол.). На ростовскую каѳедру: Гавріилъ, еп. рязанскій (4 гол.), Варлаамъ, еп. переяславскій (6 гол.), архимандр. Варлаамъ, духовникъ императрицы (10 гол.), Ѳео-

[1]) П. С. П. и Р. I, 3.

филъ, архим. новоспасскій (3 гол.), Филаретъ, архим. нижегород. печерскаго мон. (4 гол.), Евѳимій, архим. чудовскій (5 гол.), арх. Платонъ Малиновскій, (7 гол.), Иларіонъ, архим. Донской (7 гол.). На коломенскую каѳедру: Ѳеофилъ, архим. новоспасскій (4 гол.), Филаретъ, архим. нижегород. печер. мон. (5 гол.), Досифей, архим. савинскій (5 гол.), Сергій, архим. петровскій (6 гол.), Гавріилъ, архим. свіяжскій (4 гол.), Иларіонъ, архим. горицкій (9 гол.). На астраханскую каѳедру: Гавріилъ, архим. свіяжскій (7 гол.), Платонъ Малиновскій (9 гол.), Иларіонъ, архим. астраханскій (4 гол., кромѣ того за него просили астраханское духовенство и купечество), іером. Никодимъ Ленкевичъ, калмыкскій миссіонеръ (8 гол.), Арсеній, бывшій архим. чудовскій (5 гол.). На холмогорскую каѳедру: Евѳимій, архим. чудовскій (10 гол.), Павелъ, архим. Добраго мон. крутицк. еп. (5 гол.), Іоасафъ, архим. колязинскій, (5 гол.), Аввакумъ, игуменъ угрѣшскій (6 гол.), Германъ, архим. Спасскій (9 гол.). Докладъ объ этомъ голосованіи былъ поданъ государынѣ 28 февраля. 14 апрѣля 1731 года онъ былъ возвращенъ съ слѣдующею подписью: опредѣлить: „псковскаго Рафаила въ Кіевъ, переяславскаго Варлаама во Псковъ, суздальскаго Іоакима въ Ростовъ, Иларіона, архимандрита астраханскаго, посвятить въ архіереи въ Астрахань, Германа, архимандрита Спасскаго - училищнаго монастыря, посвятить въ архіереи въ Холмогоры, а въ Суздальскую, Коломенскую, Переяславскую епархіи представить впредь кандидатовъ“. [1]).

Высочайшая резолюція, какъ видно, мало обратила вниманія на синодскій докладъ. Въ ростовскую епархію не опредѣленъ ни одинъ изъ представленныхъ туда кандидатовъ, а переведенъ изъ Суздаля Іоакимъ; коломенская каѳедра оставлена совсѣмъ не замѣщенною, хотя выборъ кандидатовъ былъ далеко не бѣденъ и произведенъ большимъ числомъ іерарховъ. Съ слѣдующимъ докладомъ Синода повторилась таже исторія. 5 Мая Синодъ представилъ кандидатовъ на епархіи Суздальскую,, Коломенскую и вновь освободившуюся Рязанскую. Въ голосованіи на этотъ разъ участвовало 14 избирателей и голоса получили слѣдующія лица. Въ Рязан-

[1]) О. А. С. С. т. XI. № 6/108. П. С. П. и Р. VII, 2422, 2440.

скую епархію: Лаврентій, еп. устюжскій (7 гол.), Θеофилъ, архим. новоспасскій (8 гол.), Евѳимій, архим. чудовскій (5 гол.), Платонъ, архим. ипатскій (11 гол.). Въ Суздальскую епархію: Иларіонъ, архим. горицкій (12 гол.), Гавріилъ, арх. свіяжскій (7 гол.), Сергій, архим. высокопетровскій (9 гол.), Досифей, архим. савинскій (5 гол.), Иларіонъ, архим. донской (8 гол.). Въ коломенскую епархію: Павелъ, архим. Добраго мон. крутицкой еп. (6 гол.), Іоасафъ, архим. Колязинскій (5 гол.), Аввакумъ, игуменъ угрѣшскій (7 гол.), Никодимъ Ленкевичъ (7 гол.). Кромѣ того, Θеофанъ Прокоповичъ съ своей стороны лично просилъ императрицу перевесть въ другія епархіи псковскаго и устюжскаго архіереевъ. Но государыня на этотъ разъ обратила еще меньше вниманія на синодскій докладъ и даже не исполнила вполнѣ просьбы Θеофана. 14 мая Синоду былъ объявленъ именной указъ, повелѣвавшій перевесть только устюжскаго архіерея въ рязанскую епархію, а остальныя каѳедры остались пока не замѣщены [1]). 15 іюля Θеофанъ словесно объявилъ Синоду, что императрица приказала посвятить въ коломенскую епархію архимандрита псковско-печерскаго монастыря Веніамина: лицо, даже не упоминаемое вообще въ числѣ синодскихъ кандидатовъ [2]). Только 28 октября 1731 года было позволено Синоду по своему усмотрѣнію опредѣлить въ суздальскую и устюжскую епархіи изъ числа прежде представленныхъ кандидатовъ [3]). Какими мотивами руководилась государыня въ своихъ назначеніяхъ, почему она пренебрегала синодскими выборами—неизвѣстно. Очевидно она руководилась посторонними вліяніями и соображеніями, а не представленіями высшей церковной власти.

Что касается замѣщенія архимандричьихъ мѣстъ, то ими императорская власть распоряжалась еще болѣе по своему собственному усмотрѣнію. Синодъ могъ самъ замѣщать эти вакансіи, и Регламентъ не предусматривалъ вмѣшательство здѣсь верховной власти. Но часто въ дѣйствительности

---

[1]) О. А. С. С. XI. № 6/138.

[2]) О. А. С. С. № 259/109.

[3]) П. С. П. и Р. VII, 2500.

назначенія дѣлались прямо по высочайшей волѣ [1]); иногда она отмѣняла и синодскихъ кандидатовъ [2]). Этою же волею совершались увольненія архимандритовъ отъ должности: такъ въ 1731 году былъ уволенъ архимандритъ Данилова Переяславскаго монастыря Викентій за „непорядочные поступки", а на его мѣсто назначенъ былъ іеромонахъ Николаевскаго монастыря Моисей [3]).—Бывали высочайшія повелѣнія о назначеніи низшихъ іерархическихъ лицъ—іеромонаховъ, поповъ, діаконовъ [4]).

Но наиболѣе осязательно сказались для Синода правительственныя отношенія въ вопросѣ экономическомъ—о средствахъ содержанія. Источникомъ такового были доходы, собиравшіеся прежде въ патріаршую казну—пошлины съ духовенства синодальной области и сборы съ бывшихъ патріаршихъ, а теперь синодальныхъ вотчинъ. Этими доходами вѣдали два приказа казенный и дворцовый [5]). Ко времени правленія Анны Іоанновны эти финансовыя учрежденія находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода и были изъяты изъ подчиненія Коллегіи Экономіи [6]). Но хотя финан-

---

1) О. А. С. С. т. X, № 108—112: назначеніе архимандрита Саввина-Звенигородскаго монастыря въ Никольскій Переяславль-Залѣсскій монастырь. О. А. С. С. т. XI, № 290 135: опредѣленіе въ Саввинъ мон. въ архимандриты Іеромонаха Антонія изъ Донского мон. О. А. С. С. XII, № 32/134: о посвященіи въ Моск. Знаменскій м. архимандритомъ Іеромонаха Варлаама.—Подобн. О. А. С. С. XII, № 278/103.

2) Чистовичъ. Θеофанъ, стр. 501.

3) О. А. С. С. XI. № 343/148.

4) О. А. С. С. XI, №№ 297/207, 424/461.

5) При учрежденіи Синода не было указано источника, откуда получать членамъ его жалованье, и въ первый годъ они получили его сами, изъ наличныхъ синодальныхъ суммъ (П. С. П и Р. I, 225, 325). Въ іюнѣ 1724 года Петромъ В. былъ указанъ источникъ, изъ котораго слѣдуетъ выдавать жалованье на содержаніе Синода, а именно,—изъ доходовъ синодскаго вѣдѣнія, бывшихъ патріаршихъ, за исключеніемъ государственныхъ сборовъ и штрафовъ съ раскольниковъ (П С. П и Р. IV, 1280), т. е. изъ суммъ синодальныхъ приказовъ Но выдавалось оно не иначе, какъ по ассигновкамъ штатсъ-конторы. Въ сентябрѣ того-же 1724 года Синодъ докладывалъ государю, чтобы на штатъ Синода производить жалованье безъ подобныхъ ассигновокъ, которыя ведутъ только къ задержкамъ (П. С. П. и Р. IV, 1297); въ скоромъ времени послѣдовало распоряженіе въ указанномъ смыслѣ (П. С. П. Р. IV, 1363).

6) П С. П. и Р. II, 708. П. С. З. VI, 4045.

совыя средства находились подъ синодскимъ вѣдомствомъ, самъ Синодъ не могъ произвольно опредѣлять себѣ размѣры содержанія. Послѣднее назначалось государственною властью и ограничивалось рамками штата. Тутъ то и возникало не мало затрудненій вслѣдствіе того, что вполнѣ опредѣленнаго синодскаго штата не существовало. Этимъ дѣломъ поручено было при Петрѣ I озаботиться самому Синоду; но оно все не могло закончиться. Самъ Синодъ находился еще въ періодѣ образованія. Синодальнымъ членамъ было назначено жалованье въ 1721 году: президенту 3000 р., вице-президентамъ по 2,500 р., совѣтникамъ по 1000 р., ассесорамъ по 600 р.; при этомъ такая дача назначалась имъ съ тѣмъ, что они могутъ получить денегъ изъ своихъ мѣстъ, а именно: архіерей изъ епархіи, архимандриты изъ монастырей, протопопы—жалованія. Но составъ Синода подвергался перемѣнамъ, равно и составъ многочисленныхъ служебныхъ чиновъ при этомъ церковномъ правительствѣ и въ учрежденіяхъ, ему подвѣдомственныхъ. Медленность въ сочиненіи штатнаго опредѣленія въ 1726 году вызвала даже именной указъ объ удержаніи жалованья членамъ Синода впредь до сочиненія штата[1]). Запрещеніе это было отмѣнено а штата все-таки не сочинили. При Аннѣ Іоанновнѣ на этой почвѣ синодальному правительству пришлось испытать самыя серьезныя непріятности.

Указомъ 21-го іюля 1730 года составъ Синода былъ опредѣленъ въ новомъ видѣ. Членами назначались 4 архіерея, 3 архимандрита, 2 протопопа. Съ подобной перемѣной должно было измѣниться и опредѣленіе жалованья на личный синодальный составъ. Но указъ 21 іюля объ жалованіи ничего не упоминалъ. При такихъ обстоятельствахъ синодскіе члены совсѣмъ пока не получали жалованія, кромѣ Ѳеофана, который получалъ содержаніе изъ доходовъ своей неопредѣленной епархіи. 19-го января 1731 года Синодъ доложилъ, наконецъ, объ этомъ государынѣ, говоря, что за неполученіемъ жалованія члены Синода „имѣютъ нужду“ [2]).

---

1)П. С. П. и Р. V, 1759. Исторію штата см. у Завьялова: «Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при императрицѣ Екатеринѣ II». Стр. 155—167.

2) А. С. С. Книга всеп. докл. 1731 г. № 1.—П. С. П. и Р. VII, 2415.

Но только 26 ноября высочайшій указъ отвѣтилъ на просьбу синодальнаго правительства. Синодальнымъ членамъ повелѣно было давать „за особливый ихъ трудъ при дѣлахъ Синода“, новгородскому архіепископу его прежній вице-президентскій окладъ 2.500 р., прочимъ архіереямъ каждому по 1.500 р., архимандритамъ по 1.000 р., протопопамъ—ассесорамъ по 600 р. [1]). Иниціаторомъ новаго штата былъ, кажется, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Но въ штатѣ была неопредѣленность, приведшая впослѣдствіи къ непріятнымъ осложненіямъ.

Когда Петръ Великій назначалъ жалованье синодальнымъ членамъ, то повелѣлъ включить въ него то, что они получаютъ изъ своихъ мѣстъ, архіереи изъ домовъ архіерейскихъ, архимандриты изъ монастырей. Этотъ указъ своей неопредѣленностью уже возбудилъ въ свое время много недоумѣній. Было не ясно, что понимать подъ получаемымъ „изъ своихъ мѣстъ“. Синодъ толковалъ эти слова въ томъ смыслѣ, что подъ ними разумѣются остающіяся за содержаніемъ церковныхъ учрежденій въ архіерейскихъ и монастырскихъ казнахъ денежныя суммы [2]); свѣтскія инстанціи показывали тенденцію включать въ жалованіе членамъ Синода все получаемое ими содержаніе [3]). Когда былъ поданъ Аннѣ Іоанновнѣ синодскій докладъ о выдачѣ жалованія, то въ ноябрѣ мѣсяцѣ (11) Ѳеофанъ Прокоповичъ, видимо напоминая о синодальной просьбѣ, въ особомъ письмѣ предупреждалъ Государыню отъ прежней ошибки и высказывалъ свой взглядъ на возбуждавшія недоумѣніе слова Петра Великаго, фактически удостовѣряя правильность синодскаго толкованія. Онъ писалъ слѣдующее: „Подано В-му И. В. отъ синодальныхъ членовъ прошеніе о подтвержденіи имъ жалованья, каковое отъ блаж. и вѣчно-

1) П. С. З. VIII, 5891. П. С. П. и Р. VII, 2506.

2) П. С. П. и Р. IV, 1158. П. С. З. VII, 4407. Такое толкованіе было санкціонировано высочайшимъ разъясненіемъ. Впрочемъ включенія этого не производилось, такъ какъ остаточныхъ денегъ, по показаніямъ членовъ, почти не было, да и Синодъ считалъ справедливымъ такого включенія не производить (О. А. С. С. I, № 151).

3) Такъ въ 1727 г. Верховный Совѣтъ потребовалъ вѣдомостей о взятыхъ синодальными членами изъ архіер. домовъ и мон. не только деньгахъ, но и припасахъ (П. С. П. и Р. V, 1915).

дост. памяти дяди Вашего, Государя Имп. Петра I, своеручнымъ писаніемъ опредѣлено. А не показано (забвеніемъ), кое потомъ учинилось изъ стороны будто бы сумнительство, и каковое на то его жъ Государя было рѣшеніе. И то я нынѣ вспомнная, всепокорнѣйше В-му И. В-ву симъ во извѣстіе предлагаю. Государь императоръ Петръ I. опредѣляя синодальнымъ членамъ, за синодскіе труды денежное жалованіе, приписалъ сіи рѣчи: брать сіе съ тѣмъ, что они отъ мѣстъ своихъ получаютъ, архіереи изъ домовъ, а архимандриты изъ монастырей своихъ. Стало же было сумнительство, о чемъ получаемомъ изволилъ написать Его Величество? Однако же, согласно говорено, что Его В-во слово не о пищѣ и одеждѣ и о прочемъ, что къ житію нужно есть, написалъ то, но развѣ о томъ, что архіереямъ и архимандритамъ приходитъ денегъ на персону изъ своихъ мѣстъ сверхъ того, что ядятъ они и чѣмъ обычно содержатся. А въ 1723 г. въ бывшемъ вышнемъ судѣ (который тогда для нѣкіихъ особливыхъ дѣлъ чрезъ обычно учрежденъ былъ), по слѣдованію нѣкоего дѣла къ нѣкоторому духовному лицу касающагося, онаго суда члены, въ которыхъ числѣ и я былъ, вмѣсто депутата, совѣтовали намъ, чтобъ мы у Его В-ва востребовали толку, въ какой силѣ Его В-во написалъ „съ тѣмъ, что они получаютъ“. И тогда же мы, я, бывшій тогда псковскій, да Ѳеофилактъ тверскій, посланы отъ Синода были для прошенія онаго толку къ Его В-ву. И Его В-во, слышавъ наше прошеніе, зѣло гнѣвнымъ себя показалъ, и говорилъ, что тѣмъ докладомъ и прошеніемъ великій дѣлается ему порокъ и стыдъ, и сказалъ, что онъ не житейское членовъ синодалныхъ содержаніе (что имѣли бы они и безъ синодскихъ трудовъ) въ число жалованія синодскаго включилъ, но то, что имъ, всякому на персону ихъ, приходитъ окладное, помышляя будто бы архіереямъ и архимандритамъ сверхъ неокладныхъ доходовъ (напр. молебнахъ, погребальныхъ и проч.) были какіе и окладные, на персону всякаго, доходы, и въ тотъ же часъ велѣлъ Его В-во искать секретаря Макарова для записки своей резолюціи, да его Макарова тогда не сыскано. А въ наставшемъ 1724 г., въ навечеріе Богоявленія, въ Сенатской избѣ, передъ вечернею, были мы, вышепомянутые архіереи, у Его

В-ва и тутъ же Макаровъ, секретарь. И Его В-во изволилъ помянутый толкъ свой приказывать записать и многословесно, не безъ гнѣва, говорить, каковъ ему дѣлается стыдъ отъ онаго сумнительства, включать ли въ жалованье синодальнымъ членамъ содержаніе ихъ изъ мѣстъ своихъ. По Г. Макаровъ, слышавъ тотъ Его В-ва именной при насъ указъ, никогда нигдѣ не изволилъ объявить, хотя мы неоднократно о томъ стужали ему. А для чего не изволилъ того дѣлать оный господинъ, совѣсть его знаетъ и на судѣ божіи оправдить или осудить его. А мы, вышепомянутые архіереи, именной оный толковый Петра I указъ въ Синодѣ сказали и подписались [1]). И по сплѣ того дѣлалось даже до 1726 году. А въ томъ 1726 году, когда навожденіемъ Георгія, бывшаго архіерея Ростовскаго, многія дѣлались на Синодъ и на другихъ, внѣ Синода, духовныхъ властей нападенія и отъ того произошли и плача и смѣха достойныя смуты (о которыхъ развѣ особливое повѣстіе В-му В-ву, если изволите, донесемъ), присланъ былъ отъ В. Т. Совѣта, подъ именемъ блаж. и вѣчнодост. памяти Государыни Имп. Екатерины Алексѣевны указъ, дабы синодальные члены показали порознь и собственно всякъ, кто что изъ мѣстъ своихъ къ житію своему получаютъ [2]). И тогда мы всѣ письменныя о томъ подавали вѣдомости. А одинъ изъ архіереевъ написалъ въ своихъ вѣдомостяхъ и бѣлыя и сѣрыя капусты, и грыбы, и грузди и пр., что съ великимъ соблазненнымъ стыдомъ въ слухъ народа происходило. Однако-жъ тогда о прекращеніи жалованія ничего не сдѣлалось и доселѣ еще отмѣны не было. А при блаж. и вѣчнодост. памяти Государѣ Петрѣ II, генеральнымъ указомъ, какъ правительствамъ прочимъ, такъ и Синоду, жалованіе подтверждено. И о семъ В-му П. В-ву я, нижайшій, доношу для того, дабы кто изъ ненавидящихъ чина духовнаго, и самаго правительства синодальнаго, воспоминая бывшее напрасное сумнительство, не нанеслъ сердцу Вашему какого

---

1) Очевидно, дѣло идетъ о постановленіи помѣщ. въ П. С. П. и Р. IV, 1058. Такъ какъ тамъ говорится объ остающихся въ казнахъ архіерейскихъ и монастырскихъ суммахъ, то значитъ ихъ то Петръ и считалъ какими то «окладными» доходами синодальныхъ членовъ.

2) П. С. П. и Р. V, 1915.

смущенія и высочайшей чести нарушенія, ибо отъ жалованья синодальныхъ членовъ никакого интересу государственному убытка не дѣлается, понеже опредѣлено то штатомъ изъ доходовъ синодальныхъ же приказовъ, дворцоваго и казеннаго. А если оное жалованіе отнять, то синодскіе члены за особливые труды особливаго награжденія имѣть не будутъ, да и не малую въ пропитаніи своемъ возымѣютъ нужду и не надѣяться отъ нихъ охотнаго въ дѣлахъ тщательства. Да и какова изъ того слава россійской націи? и будетъ Синодъ и отъ нутрь, и отъ внѣ, весьма недѣйствительный. Сіе я предлагаю не ради моей приватно каковой нуждопотребности, будучи весьма благонадеженъ на премилостивѣйшее В-го И. В-ва къ моей худости призрѣніе, но къ обереженію превысокой В-го В-ва чести и пользы, по присяжной моей вѣрности“ [1]). Очевидно, были данныя предвидѣть, что новое правительство склонно примѣнить къ вопросу о жалованіи членамъ Синода то толкованіе, которое такъ возмущало Петра и къ которому склонялся Верх. Т. Совѣтъ. Личная просьба Θеофана, видимо, подѣйствовала на императрицу. Въ указѣ 26 ноября не было ничего сказано, чтобы включать по прежнему въ синодское жалованіе получаемыя ими изъ своихъ мѣстъ деньги. Поэтому денежное жалованіе синодскимъ членамъ стали выдавать безъ таковаго включенія, хотя необходимы были особыя разъясненія Синода по этому поводу [2]). Что касается штата синодальной канцеляріи и другихъ подвѣдомыхъ Синоду учрежденій, то, проэктированное еще въ 1722 году, штатное положеніе при Аннѣ Іоанновнѣ не состоялось. Синодъ распорядился отъ себя, чтобы секретари и чины канцеляріи получали по прежнимъ указамъ и генеральному положенію [3]).

---

1) Сборн. р. и. о. т. 104, стр. 18-20.

2) П. С. П. и Р. VIII, 2708. Характерно также то, что всѣ члены Синода, почти одновременно съ письмомъ Θеофана императрицѣ, обращались письменно къ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, по случаю дня ея рожденія, съ просьбой замолвить свое «высоковажное» слово предъ государыней на счетъ выдачи имъ жалованія (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 8/1085, Л. 29). Не будь этихъ частныхъ просьбъ, быть можетъ, еще долго пришлось бы синодальнымъ членамъ терпѣть «нужду».

3) П. С. П. и Р. VII, 2525.

Для Синода не предвидѣлось особенныхъ финансовыхъ затрудненій до тѣхъ поръ, пока въ его вѣдомствѣ находились Казенный и Дворцовый приказы. Доходы синодальной области и синодальныхъ вотчинъ, изъ которыхъ отпускалась сумма на жалованіе синодальнымъ членамъ и содержаніе Синода, давали возможность покрывать расходы по синодальному управленію; кромѣ того въ распоряженіи Синода всегда находилась сумма въ 10.000 рублей на экстраординарные расходы [1]). Но въ послѣдніе годы царствованія императрицы финансовая политика правительства по отношенію къ церкви поставила Синодъ въ критическое положеніе [2]).

15-го апрѣля 1738 года изъ подъ вѣдомства Синода была изъята Коллегія Экономіи, перешедшая въ вѣдѣніе Сената. А 30-го октября того-же года были отданы въ полное вѣдѣніе Коллегіи Казенный и Дворцовый приказы[3]). Мотивомъ этихъ распоряженій была накопившаяся на синодальныхъ вотчинахъ недоимка въ 40.000 р. [4]). Правительство нашло, что духовной власти нествойственно и некогда заниматься хозяйственными дѣлами, и что экономическое управленіе пойдетъ лучше въ рукахъ свѣтскихъ людей,

---

1) Въ 1734 году Синодъ просилъ высоч. власть, чтобы сумма эта ежегодно пополнялась, и получилъ разрѣшеніе (П. С. П. и Р. VIII, 2801).

2) Отчасти финансовыя затрудненія начались для Синода еще въ 1736 году. Тогда (указами 24 сентября и 12 ноября) была отобрана отъ него десятитысячная сумма, шедшая на экстраординарные расходы. Сумма эта составлялась изъ сборовъ съ вѣнечныхъ памятей, собиравшихся въ казенный приказъ. Въ 1736 году эти деньги велѣно было отсылать въ военную коллегію на госпиталь. Вслѣдствіе этой мѣры, Синодъ долженъ былъ уже тогда сократить свои расходы. Ссылаясь на это отобраніе отъ него десятитысячной суммы, Синодъ рѣшилъ уменьшить съ 500 руб. до 300 руб. жалованіе вызываемымъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія архимандритамъ (по ук. 1732 г. 5 іюня; П. С. З. VIII, 6086), которые получали содержаніе изъ отобранныхъ денегъ, каковое рѣшеніе было утверждено Кабинетомъ (1738 г. 25 апрѣля П. С. З. X, 7508).

3) П. С. З. X, 7679. Подробно вопросъ о церковныхъ имуществахъ въ царствован. Анны Іоан. излагается нами ниже, въ главѣ о монашествѣ.

4) Доимка эта накоплялась постепенно. Въ 1732 г. ея (съ 728 по 732 гг.) было 19.198 р. 30¾ к., да хлѣба 3.583 четверти 3½ четверика (Опис. Д. и Д. Арх. Св. Син. XII, № 276/3).

подъ вѣдѣніемъ государства. Съ этого времени и возникаютъ для Синода финансовыя затрудненія, которыя онъ вполнѣ вѣрно предвидѣлъ отъ подобной мѣры [1]). Лишившись управленія и завѣдыванія экономическою частью, Синодъ поставленъ былъ въ полную зависимость отъ Коллегіи Экономіи. Онъ просилъ оставить себѣ хотя сумму въ 10.000 руб. на экстраординарные расходы; но ему позволили имѣть у себя лишь 3.000 руб. для этой цѣли [2]).

Вмѣстѣ съ передачей синодскихъ финансовыхъ учрежденій въ вѣдомство Коллегіи, вновь приказано было составить о содержаніи Синода штатъ и подать въ Кабинетъ для утвержденія. По этому штату предполагалось отпускать деньги на содержаніе Синода изъ доходовъ Казеннаго и Дворцоваго приказовъ. Синодъ теперь поспѣшилъ составленіемъ штата и 15 февраля 1739 года представилъ его въ Сенатъ; но дѣло его разсмотрѣнія затянулось Штатъ, составленный Синодомъ, окончательно выразился въ денежной суммѣ 32.867 руб. 27 коп., не считая хлѣбнаго жалованія. Сообщая Сенату этотъ штатъ, Синодъ замѣчалъ, что онъ составленъ въ обрѣзъ. Предвидя возраженія, онъ старался заранѣе защитить свой проэктъ. Вновь составленная смѣта превосходила на 11.799 руб. денежные доходы Синодальныхъ приказовъ, исчисляемые въ 21.067 руб. По этому поводу Синодъ оговаривался, что если прежде можно было довольствоваться этими доходами, то происходило это „чрезъ таковое вспоможеніе, что въ Святѣйшемъ Синодѣ синодальныхъ членовъ было число не полное, и канцелярскихъ служителей не всегда противу учиненнаго въ 725-мъ году штата обрѣталось, чего ради наличные служители, какъ Св. Синоду довольно извѣстно, принуждены были нести крайнюю въ трудѣхъ тягость и изнеможеніе. А если отнынѣ въ Св. Синодѣ канцелярскимъ и прочимъ служителямъ быть не такому числу, каковое нынѣ полагается, то совершенно въ дѣлахъ исправиться будетъ невозможно, и того ради Св. Синодъ въ ономъ штатѣ показанное приказныхъ

---

1) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 8/1085, л. 143-144. Сообщеніе изъ Синода въ Кабинетъ.

2) А. С. С. Книга имен. ук. 1737 г. № 63. Ноября 12.

и прочихъ служителей число и имъ оклады жалованія, и на канцелярскіе и прочіе расходы денежную сумму положилъ по самой необходимости, безъ чего совершенно обойтись невозможно". Однако, Сенатъ не согласился на этотъ Синодальный проэктъ штата и въ своемъ мнѣніи, сообщенномъ Синоду въ началѣ декабря 1739 года, проэктировалъ значительныя измѣненія. Всѣ онѣ сводились къ сокращенію расходовъ по синодальному вѣдомству. Главнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: 1) Въ Московской Синодальнаго Правленія Канцеляріи присутсвовать изъ членовъ Синода 1 архіерею, 1 архимандриту, 1 протопопу съ жалованіемъ 600—300—200 руб., вмѣсто синодскихъ окладовъ; если-же Синодъ найдетъ безусловно необходимымъ присутствіе въ ней особыхъ лицъ, то жалованья имъ не давать, а довольствоваться архіерею отъ епархіи, а архимандритамъ отъ монастырей. 2) Духовному Правленію въ С.-Петербургѣ, на существованіи котораго настаивалъ Синодъ, особо не быть, а быть при Синодѣ экспедиціею; если-же Синодъ и его найдетъ непремѣнно нужнымъ, то пусть въ немъ присутствуютъ по очереди архимандриты изъ членовъ синодальныхъ. 3) Такъ же точно не быть въ Москвѣ Духовной Дикастреріи, а быть ей экспедиціею при М. Син. Канцеляріи. Синодъ энергично защищалъ свой проэктъ, настаивая на необходимости, для правильнаго теченія дѣлъ, особаго существованія Духовнаго Правленія въ С.-Петербургѣ съ членами не изъ синодальныхъ, Московской Духовной Дикастеріи и присутствія особыхъ членовъ въ Моск. Синод. Канцеляріи съ особымъ жалованіемъ. Первые два пункта Синоду отстоять удалось; но въ третьемъ восторжествовало сенатское мнѣніе. По составленному, наконецъ, окончательно штату (въ концѣ 1740 года) въ Синодѣ полагалось быть только 6-ти членамъ (3 архіерея, 2 архимандрита и 1 протопопъ), а трое назначались въ Москву (1 архіерей, 1 архимандритъ и 1 протопопъ) съ жалованіемъ въ двое меньше синодальнаго (750 - 500—300 руб.). Въ самомъ Синодѣ уничтожался прежній вице-президентскій окладъ и членамъ назначалось: архіереямъ по 1.500 руб., архимандритамъ по 1.000 руб. и протопопамъ по 600 руб., такъ что расходъ на жалованіе синодальнымъ членамъ сразу сократился съ

прежнихъ 11.200 руб. до 7.100 руб. Въ общемъ весь штатъ былъ составленъ на 26.665 руб. 43 коп., не считая хлѣбнаго жалованія и нѣкоторыхъ припасовъ. Значитъ, по сравненію съ синодальнымъ проэктомъ, урѣзано было болѣе 6 тысячъ рублей. Въ такомъ видѣ штатъ былъ поданъ въ Кабинетъ для утвержденія; но послѣдняго не состоялось [1]). Въ Мартѣ 1742 года Синодъ вновь подавалъ Государынѣ, уже Елизаветѣ, докладъ объ немъ и опять не получилъ отвѣта [2]).

Между тѣмъ какъ шли переговоры съ Сенатомъ, Коллегія Экономіи не выдавала совсѣмъ денегъ, ссылаясь на отсутствіе штатнаго опредѣленія. Освободившихсь изъ подъ синодскаго вѣдома, Коллегія приняла по отношенію къ Синоду тонъ въ высшей степени заносчивый. Въ Январѣ 1739 года Синодъ потребовалъ отъ Сената, чтобы Коллегія Экономіи выдала жалованье на январьскую треть Сенатъ приказалъ выдать, но Коллегія денегъ не выдала, а вдругъ дерзко запросила у Моск. Синод. Прав. Канцеляріи, по какимъ указамъ дачи на штатъ Синода производятся. Обиженный Синодъ сообщилъ Сенату, что ревизовать его Коллегія права не имѣетъ, что указы эти въ Сенатѣ должны быть извѣстны, и что запросъ сдѣланъ очевидно для нанесенія обиды Синоду и промедленія. Сенатъ послалъ новый указъ— выдать деньги, но Коллегія лишь отчасти его исполнила. На майскую треть жалованья опять не выдали. Теперь и Сенатъ сталъ на сторону Коллегіи. Онъ объявилъ, что у него указовъ о жалованіи членамъ Синода не имѣется, и Синодъ принужденъ былъ сообщить таковые. Затѣмъ вспомнили о указахъ петровскихъ о включеніи въ жалованіе синодальныхъ членовъ доходовъ ихъ изъ своихъ мѣстъ, и Сенатъ потребовалъ у Синода извѣстія, сколько, съ 1721 года, какихъ членовъ въ которомъ году въ Синодѣ присутствовало, и по чему они получали жалованья и причитая-ль полученное изъ епархій и монастырей, какъ то Петромъ повелѣно. Сенатъ, какъ видно, стремился истолковать слова Петра такъ, какъ ихъ тотъ, по слухъ Ѳеофана, толковать не позволялъ [3]).

1) А. С. С. Дѣло 1738 г. № 43.
2) П. С. П. и Р. Царствованіе Елизаветы П. т. I, № 64.
3) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 29/791, лл. 245—272.

Пробовалъ Синодъ обращаться и въ высшую инстанцію—въ Кабинетъ, но встрѣтилъ и здѣсь полное невниманіе. Еще 13-го Апрѣля 1739 года Синодъ докладывалъ Кабинету, жалуясь, что канцелярскіе служители за невыдачей жалованья должны терпѣть крайнюю нужду. Члены Синода еще могли существовать безъ жалованія на свои доходы, но чиновники не имѣли таковыхъ побочныхъ источниковъ содержанія [1]). Но Кабинетъ, кажется, полагалъ, что Синоду можно быть и безъ жалованія, и не отвѣтилъ ничего. Доходы Казеннаго и Дворцоваго приказовъ тѣмъ временемъ издержали на покупку ружей для арміи, и Коллегія Экономіи говорила, что у нея денегъ для Синода нѣтъ. Въ февралѣ 1740 года (26-го) Синодъ выступилъ съ новымъ докладомъ. Докладъ представлялъ, что жалованія на питатъ Синода не выдано за весь 1739 годъ; подчиненные голодаютъ; чтобы спасти ихъ отъ голода, Синодъ принужденъ былъ даже сдѣлать заемъ. Требуя выдачи жалованія изъ Коллегіи Экономіи, Синодъ требовалъ также, чтобы впредь опредѣленныхъ на содержаніе его денегъ не употребляли на другіе расходы [2]). Гр. Мусинъ-Пушкинъ—(начальникъ Коллегіи) съ своей стороны подалъ докладъ Кабинету. Онъ говорилъ, что требуемое въ Синодъ жалованіе (за послѣднюю треть 1738 года и 1739 годъ—15.327 руб.) выдать не можетъ потому, что деньги издержаны на ружья. Мало того, Мусинъ-Пушкинъ высказывалъ мнѣніе, что такъ какъ на бывшихъ въ синодскомъ вѣдомствѣ Казенномъ и Дворцовомъ приказахъ числится болѣе 24.000 р. недоимки то Синоду жалованіе совсѣмъ не давать, пока не будетъ сколько въ приходѣ изъ этой доимки. Такое предложеніе весьма характерно: оно свидѣтельствуетъ, съ какой безцеремонностью относилась къ Синоду теперь Коллегія, такъ сильно (когда была въ его вѣдѣніи) стремившаяся къ независимости отъ него. Завѣдываніе финансовыми синодскими учрежденіями находилось въ ея рукахъ уже въ теченіи $1^1/_2$ лѣтъ; а она все хотѣла вымѣщать недоимку на Синодѣ —Однако, высочайшая власть (23 апрѣля) не приняла безцеремоннаго предложенія. Она

---

1) А. С. С. Книга всепод. докладовъ 1739 г. № 29.

2) А. С. С. Книга всепод. докладовъ 1740 г. № 10.

признала, что теперь Синодъ нельзя винить въ недоимкахъ, такъ какъ приказы Казенный и Дворцовый находятся въ вѣдомствѣ Коллегіи, которая обязана и взыскать недоимки. Приказано было немедленно выдать жалованіе на содержаніе Синодское, если же на это не хватитъ находящагося въ наличности дохода съ синодальныхъ приказовъ, то выдать изъ другихъ коллежскихъ суммъ. При этомъ подтверждалось, чтобы какъ можно скорѣе оконченъ былъ синодскій штатъ и поданъ въ Кабинетъ. До окончанія штата и жалованіе повелѣвалось выдать пока только на 1740 годъ; за прежніе годы, стало быть, Синодъ такъ и не получилъ ничего [1]).

Затрудненія не прекратились и послѣ этого. Составленный, наконецъ, съ взаимнаго согласія Сената и Синода штатъ, какъ сказано, не былъ утвержденъ [2]). Въ 1741 году опять нужна была высочайшая резолюція [3]), чтобы Коллегія выдавала жалованіе. Такъ дорого обошлась Синоду передача его финансовыхъ учрежденій въ вѣдѣніе государства.

Конечно, не одна Коллегія Экономіи была виновата въ финансовыхъ синодскихъ затрудненіяхъ. Коллегія своими дѣйствіями только выражала кабинетскія желанія и кабинетскую политику. Кабинетъ относился съ удивительнымъ недоброжелательствомъ къ экономическимъ нуждамъ духовной власти и долго не отвѣчалъ на ея требованія. Мы знаемъ, что цѣлый годъ (1739) прошелъ послѣ синодальнаго доклада о невыдачѣ жалованія, а отвѣта не было. Зная, что на верху не очень обращаютъ вниманіе на синодскія нужды, не сдерживала своей безцеремонности и Коллегія. Въ экономическомъ вопросѣ на синодскія требованія обращала вни-

[1]) П. С. З. XI. 8072.

[2]) При этомъ совершенно непонятно, чего медлилъ Кабинетъ. Молчаливо, видимо, штатъ былъ признанъ въ немъ еще въ Октябрѣ 1740 года, по крайней мѣрѣ относительно распредѣленія синодальныхъ членовъ. По резолюціи на докладъ Синода (4 Августа) 3 Октября о назначеніи новыхъ членовъ, одинъ архіерей назначался въ Москву, и въ Петербургѣ оставалось всего 6 человѣкъ. Нельзя не отмѣтить, что высочайшая власть такъ далеко отступила отъ заявленнаго ею въ 1730 году убѣжденія о численномъ составѣ Синода (А. С. С. Дѣло 1740 г. № 498).

[3]) А. С. С. Дѣло 1741 г. № 33, лл. 19—20.

маніе уже лично императрица, когда до нея доходило дѣло. По крайней мѣрѣ, она иногда прямо сдерживала Кабинетъ въ его поползновеніяхъ всѣми мѣрами стѣснить и урѣзать синодское правительство въ экономическомъ отношеніи. Это проявилось между прочимъ въ другомъ вопросѣ, поднятомъ также въ 1740 году. Именно, въ этомъ году Кабинетъ вдругъ вспомнилъ, (какъ Сенатъ въ предшествующемъ), что по указу 1721 года, разъясненному указомъ 1724 года, въ размѣръ жалованія синодскимъ членамъ включались ихъ денежные доходы изъ своихъ мѣстъ. Но въ указѣ 1731 года не упоминалось ничего о такомъ включеніи, и включенія при Аннѣ Іоанновнѣ не дѣлали, а выдавали положенное жалованіе полностью. Въ 1740-мъ же году кабинетъ-министры разсудили, что указомъ 1731 года повелѣніе Петра Великаго не было отмѣнено, и рѣшили: „того ради подлежитъ означеннымъ синодальнымъ членамъ опредѣленное, по вышеобъявленному именному 1731 года указу, жалованіе производить, причитая къ нему, что они могутъ получить архіереи отъ епархій, архимандриты отъ монастырей, а протопопы съ опредѣленныхъ имъ деревень денежныхъ доходовъ". — Въ такомъ смыслѣ былъ представленъ докладъ императрицѣ отъ Кабинета. Но государыня рѣшила иначе (15 Апрѣля): на 1740 годъ выдавать безъ включенія по прежнему; о будущемъ не упоминалось [1]). — Такъ было повелѣно и Коллегіи экономіи въ резолюціи на докладъ Мусина-Пушкина (23 Апрѣля).

Въ указанныхъ рамкахъ вращались правительственныя отношенія къ высшему органу церковнаго управленія. Уже здѣсь выступаютъ нѣкоторыя отличительныя черты аннинскаго царствованія: невниманіе къ голосу церковныхъ властей, рѣзкое обращеніе съ церковнымъ правительствомъ, недовѣріе къ нему, вмѣшательство въ его сферу дѣйствія, съ нарушеніемъ законовъ, и стѣсненія финансоваго характера. Но всѣ эти черты по отношенію къ Синоду проявились сравнительно въ слабыхъ формахъ, не такъ ясно и отчетливо, чтобы вполнѣ обрисовать церковную политику правитель-

[1]) Внутренній бытъ, II, 284—285.

ства. Тѣмъ не менѣе въ этихъ правительственныхъ отношеніяхъ къ высшему церковному учрежденію намѣчается уже общій характеръ правленія императрицы. Въ другихъ сферахъ церковной жизни правительственная политика даетъ знать себя съ большей опредѣленностью, принимаетъ направленіе, болѣе отчетливо выражающее тѣ принципы, которые положены были при Аннѣ Іоанновнѣ въ основу церковно-государственныхъ отношеній. Къ разсмотрѣнію другихъ областей жизни церкви мы и обратимся, начавъ съ высшей іерархіи, какъ стоящей во главѣ церковнаго строя по своему іерархическому положенію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе правительства къ высшей іерархіи.

Процессы архіереевъ: Льва Юрлова, Георгія Дашкова, Игнатія Смолы, Сильвестра Казанскаго, Варлаама Вапатовича, Ѳеофилакта Лопатинскаго, Варлаама Пековскаго.

Проповѣдники елизаветинскаго царствованія съ негодованіемъ вспоминали, что нѣмцы-министры въ правленіе Анны Іоанновны погубили множество невинныхъ лицъ изъ высшаго духовенства. Хотя причина гибели іерарховъ представляется въ этихъ негодующихъ отзывахъ не вполнѣ вѣрно, но факты низложенія и ссылки епископовъ дѣйствительно случались при Аннѣ въ количествѣ, не встрѣчавшемся ни прежде, ни послѣ. Первый годъ аннинскаго правленія былъ ознаменованъ нѣсколькими процессами іерарховъ политическаго характера, и это печальное начало положило отпечатокъ на всю жизнь высшей церковной іерархіи при племянницѣ Петра. Та подозрительность правительства, которую питало оно къ духовенству, какъ мы замѣчали выше, обрушилась прежде всего на первыхъ представителей церкви. Пятно подозрѣнія въ политической неблагонадежности, наброшенное на высшую іерархію послѣ ссылки нѣсколькихъ видныхъ архіереевъ въ самомъ началѣ аннинскаго царствованія, по иниціативѣ Ѳеофана Прокоповича, осталось не смытымъ до его конца. Разъ заподозривъ въ недоброжелательствѣ къ себѣ нѣсколькихъ епископовъ, правительство подозрительно стало смотрѣть на всѣхъ ихъ; а его положеніе не было настолько твердо, чтобы пренебрегать противниками, даже скрытыми, стоящими во главѣ церкви. Архіепископъ новгородскій своими нашептываніями на своихъ личныхъ враговъ безпрестанно поддерживалъ правительственное настроеніе. Въ результатѣ для іерарховъ создалась такая атмосфера жизни, что они ежечасно дрожали за свою судьбу, особенно тѣ изъ нихъ, которые, такъ

или иначе, не разсчитывали на благосклонность Ѳеофана. „Спать не могу, во снѣ пугаюсь и на яву всегда боюсь“— говорилъ въ дружеской бесѣдѣ Ѳеофилактъ Лопатинскій въ 1731 году [1]) И никто не могъ быть увѣренъ, что его не запутаютъ въ процессъ того или другого лица; случайно найденное письмо, необдуманно сказанныя слова, -все это могло легко привести къ заточенію въ монастырь, низложенію, ссылкѣ. Было чего дѣйствительно бояться во снѣ и на яву и не одному Ѳеофилакту Лопатинскому. Съ другой стороны, страхъ за свою судьбу, гнетъ подозрѣнія, висящій надъ головою, вселяли, естественно, неискоренимое недоброжелательство къ правительству, создавшему такое положеніе вещей. Чувствуя за собой это „преступленіе“, іерархи, хотя прятали его въ глубинѣ души, но все-же еще основательнѣе имѣли поводъ безпокоиться, тѣмъ болѣе, что трудно было не выразить какъ нибудь случайно своихъ чувствъ; въ доносчикахъ же не существовало недостатка. А сдѣлалъ кто либо небольшое упущеніе, вродѣ не служенія царскаго молебна,- почти неминуемо грозили лишеніе сана, ссылка, заточеніе.

Одинъ только епископъ русской церкви, повидимому, не имѣлъ основаній дрожать за свою судьбу. Это былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, новгородскій архіепископъ, церковный временщикъ аннинскаго царствованія, другъ Остермана и Бирона, человѣкъ, лично уважаемый императрицей. Но странная участь этого епископа! Его вся жизнь- борьба. И въ царствованіе благосклонной къ нему государыни, рядомъ съ апогеемъ власти для него былъ и разгаръ борьбы съ врагами. Правда, эта борьба теперь была безспорно побѣдоносной и имѣла скорѣе характеръ расплаты за прошлое. Но все-таки Ѳеофанъ принужденъ былъ защищаться, оправдываться, напрягать всю свою энергію и изворотливость, чтобы побѣда была полной; такъ что и этотъ іерархъ въ концѣ концовъ не наслаждался спокойствіемъ. Онъ долженъ былъ быть всегда насторожѣ, слѣдить, выискивать, сочинять прямые и перекрестные допросы, быть готовымъ отражать удары противниковъ. Въ ореолѣ власти перваго іерарха церкви, онъ, быть можетъ, чувствовалъ себя такъ же безпокойно, какъ смиренный Ѳеофилактъ; только по-

1) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Стр. 468.

послѣдній трепеталъ отъ страха и безсилія, а первый несъ тягость своего положенія у подножія трона, тягость борьбы и напряженной охраны своего фавора.

Личность Ѳеофана Прокоповича тѣсно связана съ судьбою высшей іерархіи при Аннѣ Іоанновнѣ. Поэтому на немъ нельзя не остановиться подробнѣе, чтобы понять его участіе въ послѣдующей печальной исторіи. Что это былъ за человѣкъ? Воспитанникъ запада, получившій на лонѣ западной культуры свое образованіе, Ѳеофанъ былъ ученѣйшій епископъ своего времени. Объ его умѣ и образованіи, его современникъ, датскій путешественникъ фонъ-Гавенъ, говоритъ: „По знаніямъ у него мало или почти никого нѣтъ равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ никакого употреблять, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. По гречески и еврейски онъ тоже понимаетъ хорошо, и въ самой глубокой старости охотно занимается ими, оказывая любезное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками“ [1]). Какъ просвѣщенный человѣкъ, Прокоповичъ скоро обратилъ на себя вниманіе Преобразователя Россіи, привлекавшаго къ себѣ всѣ лучшія умственныя силы. Петръ увидѣлъ въ этомъ молодомъ кіевскомъ ученомъ именно того помощника, какой былъ ему нуженъ въ замышляемыхъ имъ церковныхъ реформахъ. Воспитанникъ протестантскаго богословія, ревностный поклонникъ его [2]), Ѳеофанъ былъ убѣжденный противникъ русскихъ старинныхъ церковныхъ формъ жизни. Обрядовое благочестіе, ханжество, суевѣріе, слѣпое почитаніе всякихъ чудесъ, мощей, были органически противны натурѣ Ѳеофана. Такъ же несимпатична была ему монашеская жизнь, сложившаяся въ русской церкви. Праздное и невѣжественное монашество, эксплоатировавшее въ свою очередь на-

---

1) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прок. стр. 627-628.

2) О вліяніи протестантскаго богословія на богословскую систему Ѳеофана см. у Самарина, сочиненія т. V, стр. 69-152.

родное невѣжество и на немъ созидавшее свое благосостояніе, въ Прокоповичѣ имѣло непримиримаго противника. Съ нескрываемой ироніей смотрѣлъ онъ на патріархальныя формы жизни русскаго духовенства, стоявшаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ своими пасомыми. Коренное преобразованіе церкви казалось необходимымъ человѣку съ такими убѣжденіями. Нечего и говорить, что онъ выше всего ставилъ просвѣщеніе, въ немъ видѣлъ лечебное средство противъ всѣхъ золъ, созданныхъ вѣковымъ невѣжествомъ. Такой человѣкъ именно былъ драгоцѣнной находкой для Преобразователя. И вотъ Петръ быстро выдвигаетъ его впередъ, возводитъ въ епископскій санъ, дѣлаетъ своею правою рукою. Замѣна патріаршества Синодомъ, Духовный Регламентъ, вводящій новые принципы въ церковную жизнь,—все это было дѣтище Θеофана настолько же, какъ и дѣтище государя. Церковныя реформы сдѣлались жизненнымъ дѣломъ Прокоповича, ихъ осуществленіе и доведеніе до конца стало задачей его служенія церкви. И когда умеръ Петръ, онъ могъ быть увѣренъ, что его ближайшій помощникъ не откажется отъ начатаго дѣла, а понесетъ его на своихъ плечахъ, хотя бы кругомъ кипѣла ненависть, возставали враги, надвигалась реакція.

Такъ дѣйствительно и случилось. Преемники Петра—Екатерина и Петръ II не были въ силахъ такъ же стойко нести знамя реформы, какъ дѣлалъ это желѣзный человѣкъ, повернувшій Россію на новый путь. Церковная жизнь подверглась той же участи. Старая партія русскихъ іерарховъ, противная Θеофану, подняла голову, чуя новое вѣяніе. А противниковъ у Прокоповича было много.

Петровскія преобразованія не пользовались сочувствіемъ среди массы русскаго духовенства. Только немногіе передовые люди были на сторонѣ государя и его помощника, на сторонѣ регламентскихъ принциповъ, положенныхъ въ основу реформы въ церкви. Недовольные элементы сомкнулись въ партію, противную Прокоповичу. Если иностранецъ Фоккеродтъ,—человѣкъ запада,—отзывался о Θеофанѣ, что „онъ отличался такими добродѣтелями, которыя обыкновенно не составляютъ общей принадлежности духовенства: чрезвычайной скромностью, совершеннымъ без-

корыстіемъ, пылкимъ желаніемъ содѣйствовать благу отечества, даже на счетъ выгодъ духовенства“ [1]); то само русское духовенство не очень цѣнило эти добродѣтели. Для него не важно было, что Прокоповичъ одушевленъ пылкимъ желаніемъ блага отечеству; а важно было, что наносится ущербъ его выгодамъ. Старый строй церковной жизни много давалъ высшей іерархіи и мало требовалъ отъ нея; не предъявлялъ онъ большихъ запросовъ и къ низшему духовенству, не нарушалъ сладкой бездѣятельности—физической и умственной—многочисленнаго монашескаго сословія. Коренныя преобразованія разбудили спящее царство, и сно ополчилось на виновниковъ своего пробужденія. Привычное теченіе жизни было нарушено; а извѣстно, какую ненависть способно вызвать это нарушеніе вѣковыхъ привычекъ въ некультурной, полу-невѣжественной средѣ. Низлагались прежніе кумиры,—ибо свое обрядовое благочестіе, старые русскіе люди считали неприкосновенной святыней,—и это еще болѣе усиливало раздраженіе. Ненависть къ реформамъ, затрагивающимъ обряды (свидѣтельствованіе мощей, акаѳистовъ, чудесъ, запрещеніе строить часовни, ходить по домамъ съ иконами), особенно усиливалась тѣмъ, что при этомъ страдали матеріальныя выгоды: никакая мѣра, бьющая по карману, не бываетъ популярной.

Ѳеофана считали главнымъ виновникомъ нарушенія вѣковыхъ привычекъ, инпціаторомъ всѣхъ нововведеній. Въ духовенствѣ укоренилось убѣжденіе, что этотъ епископъ не можетъ быть „православнымъ“: оно такъ привыкло считать „православными“ только тѣхъ, кто на него похожъ. Борьба противъ обрядоваго суевѣрнаго благочестія казалась взгляду недоброжелателей Ѳеофановыхъ покушеніемъ на правую вѣру. Они провозгласили его еретикомъ, лютеранином. Насколько справедливы обвиненія въ лютеранствѣ новгородскаго архіепископа рѣшать не будемъ. Кажется, можно сказать несомнѣнно, что онъ питалъ симпатію къ протестантству [2]). Но въ своей реформаторской дѣятель-

[1]) Трегубовъ. Религіозный бытъ русскихъ въ XVIII ст. по мемуарамъ иностранцевъ, стр. 144.

[2]) Впрочемъ, мы говоримъ это не о догматическихъ воззрѣніяхъ. Въ этомъ отношеніи, очевидно, онъ не могъ признать въ протестантахъ

ности Θеофанъ, опять несомнѣнно, не обнаружилъ ничего „неправославнаго“, понимая, конечно, православіе не по масштабу древнихъ русскихъ книжниковъ. А его борьба противъ суевѣрій, невѣжества и эксплоатаціи этого невѣжества, его стремленіе очистить церковную жизнь отъ болѣзненныхъ придатковъ и наслоеній, ничего общаго съ вѣрой и христіанствомъ не имѣющихъ,—все это только заслуживаетъ уваженія, а не обвиненія въ ереси, построяемаго именно на этомъ непрочномъ базисѣ.

Кабъ бы то ни было, Θеофанъ былъ окруженъ врагами. Въ числѣ его противниковъ были видные іерархи—ростовскій архіерей Георгій Дашковъ, коломенскій Игнатій, тверской Θеофилактъ Лопатинскій; а за этими стояли не столь явные, но примыкающіе къ той же партіи, вродѣ Льва воронежскаго, Варлаама кіевскаго. Партія эта въ періодъ царствованія Петра II быстро возвысилась и приняла грозное положеніе. Прокоповичъ остался одинъ, безъ твердой подпержки сильной руки монарха. Въ церковной сферѣ онъ былъ единственною опорою петровскихъ преобразованій. Онъ принужденъ былъ видѣть, какъ эти преобразованія постепенно начинаютъ вытѣсняться изъ жизни; регламентскія начала, продолжая сохранять оффиціально силу закона, на практикѣ потеряли свое дѣйствіе. Георгій Дашковъ мечталъ съ своими единомышленниками о патріаршествѣ, что грозило полнымъ возвращеніемъ къ прошлому, такъ чуждому θеофановскимъ убѣжденіямъ. Новгородскій архіепископъ продолжалъ занимать постъ вице-президента Синода, но золотое время его миновало. Его завѣтнымъ убѣжденіямъ грозила опасность погибнуть навсегда въ русской жизни. Онъ и его друзья были въ загонѣ, въ униженіи предъ торжествомъ людей, стоявшихъ ниже ихъ и по развитію и по образованію. Положеніе „ученой дружины“, видное мѣсто въ которой занималъ Θеофанъ, было такъ не приглядно, что вызвало у Кантеміра—друга Θеофана—слѣдующіе рѣз-

«истинныхъ христіанъ» (посланіе къ Михаилу Шію, см. у Самарина стр. 156). Выражая имъ свои симпатіи (Самаринъ 155-158), Θеофанъ, надо думать, имѣлъ въ виду преимущественно практическую, внѣшнюю сторону религіи.—Любопытно, что при Николаѣ I оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ оффиціально обвинялъ Θеофана въ протестантскомъ свободомысліи (см. у Благовидова, стр. 420-421).

кіе и горькіе стихи:

„Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
„Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы она раздѣляла,
„Будучи способъ одна къ высшему восходу.
„Златой вѣкъ до нашего не дотянулся роду;
„Гордость, лѣность, богатство мудрость одолѣло,
„Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло,
„Подъ митрой гордится то, въ питомъ платьѣ ходитъ,
„Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
„Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
„Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
„Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
„Какъ страдавши на морѣ корабельной службы".

Но петровскіе дни, золотые для Ѳеофановскихъ идей, не миновали безвозвратно. Реакція не была продолжительна; „гордость, лѣность и богатство" не долго праздновали свою побѣду надъ мудростью. Вступила на престолъ императрица Анна, и „невѣжество, увѣнчанное митрой" [1]), принуждено было уступить свое мѣсто учености. Племянница Петрова пошла по стопамъ дяди. Теперь вокругъ трона стали люди, воспитанники той же западной культуры, на почвѣ которой выросли Ѳеофановскія убѣжденія; и хотя государыня по личному религіозному характеру принадлежала скорѣе Руси до-петровской, но въ церковной политикѣ она слѣдовала петровскимъ идеямъ, на сторонѣ которыхъ стояли всѣ ея приближенные. Для Прокоповича настало, наконецъ, время полнаго торжества надъ всю жизнь преслѣдовавшими его противниками. Не нужно было больше прятаться, не нужно было защищать самые свои принципы. Оставалось только побороть личныхъ своихъ враговъ, совершенно обезвредить ихъ. И окружающія условія сложились такъ, что выдвинули Ѳеофана впередъ на высоту власти, никогда не достигаемую имъ доселѣ.

Ѳеофанъ еще до восшествія на престолъ герцогини Курляндской пользовался ея милостями, какъ видно изъ рѣчи его при воспріятіи ею самодержавія: „въ такомъ же всенародномъ благополучіи—говорилъ онъ тогда,—и персо-

1) Въ этихъ словахъ Кантеміръ въ частности намекалъ на Георгія Дашкова.

нальное во мнѣ самомъ обрѣтается блаженство, когда того впжду и прославляю на всероссійскомъ престолѣ, отъ котораго многократнымъ благосклонности изъявленіемъ и прежде уже обрадованъ былъ“ [1]). Его ревностная агитація въ пользу самодержавія противъ попытки верховниковъ [2]) безъ сомнѣнія еще болѣе укрѣпила благосклонность новой государыни. Самъ Бпронъ выражался объ Θеофанѣ, что онъ „былъ въ великомъ уваженіи у императрицы“. Ему удавалось достигать у ней иногда больше, чѣмъ могли достигнуть ея близкіе министры,—настолько велико было вліяніе новгородскаго архіерея. Такъ, по словамъ Бирона же, чрезъ Прокоповича дѣйствовали на государыню Остерманъ и Левенвольдтъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, и Θеофанъ успѣлъ тамъ, гдѣ безплодно домогались Остерманъ съ Левенвольдтомъ [3]). По отношенію къ всемогущему фавориту новгородскій архіепископъ поставилъ себя такъ искусно, что и здѣсь снискалъ благосклонное расположеніе [4]). Другіе иностранцы, окружавшіе тронъ, всѣ принадлежали къ дружескому кругу Прокоповича, какъ истинно образованнаго, просвѣщеннѣйшаго человѣка своего времени. Нечего и говорить, что при такихъ обстоятельствахъ для Θеофана настала золотая эра его жизни въ смыслѣ власти и могущества. Онъ сталъ церковнымъ временщикомъ. Синодъ былъ въ его рукахъ и покорно исполнялъ его волю. На враговъ и недоброжелателей своихъ онъ сумѣлъ набросить тѣнь политическаго подозрѣнія, что отдало въ его распоряженіе средства Тайной Канцеляріи. Въ дѣлахъ, поднятыхъ благодаря ему, министры обычно приглашали его для участія въ засѣданіяхъ. Онъ бывалъ членомъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ. Вообще всюду, гдѣ было замѣшано его имя, было и его дѣятельное участіе. Понятно, что при такой сплетенности интересовъ и лицъ, личность Θеофана вліяла весьма сильно на церковныя отношенія правительства. Въ исторіи же высшей іерархіи въ правленіе Анны Іоанновны, правительственныя отношенія къ этой іерархіи стоятъ въ самой тѣсной связи съ ролью Проко-

1) Чистовичъ, стр. 257,.
2) Объ этомъ у Корсакова.
3) Чистовичъ, стр. 296.
4) Ibid. стр. 295.

повича, потому что аннинское царствованіе въ этой области церковной жизни характерно именно процессами архіереевъ, большая часть которыхъ возникла при участіи Ѳеофана. Какъ курляндскій фаворитъ держалъ въ своихъ рукахъ участь придворныхъ и сильныхъ міра сего, такъ церковный временщикъ распоряжался судьбою архіереевъ, конечно, не собственною властью, а властью императорскаго правительства. При этомъ въ средствахъ не стѣснялись оба, и трудно сказать, гдѣ было больше хитрости, безпощадности, жестокости: въ бироновщинѣ или въ ѳеофановщинѣ?

Чтобы лучше уяснить себѣ разыгравшуюся въ жизни русской церковной іерархіи драму, которая будетъ предметомъ нашего дальнѣйшаго изложенія, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. На какой почвѣ возникла и развивалась та правительственная подозрительность, которая въ началѣ правленія императрицы выразилась въ небываломъ никогда въ другое время фактѣ низложенія пяти видныйшихъ епископовъ? Ниже мы увидимъ, что ихъ процессы вращались около обстоятельствъ вступленія на престолъ государыни. Но были ли какія-нибудь общія реальныя основанія для того, чтобы пастыреї церкви вмѣшать въ борьбу политическихъ партій? Какъ ничто въ исторіи не стоитъ внѣ связи съ общимъ ходомъ исторической жизни, такъ и суровая расправа аннинскаго правительства съ архіереями имѣла своею основною причиною нѣкоторыя общія условія, на фонѣ которыхъ дѣйствовалъ уже болѣе случайный факторъ—личныя отношенія Ѳеофана Прокоповича. Такими условіями были въ настоящемъ случаѣ отношенія высшей іерархіи къ вопросу о замѣщеніи престола имперіи послѣ смерти Петра II и къ попыткѣ верховниковъ ограничить самодержавную императорскую власть.

Всѣхъ кандидатуръ на русскій престолъ при избраніи Анны Іоанновны было 4: невѣсты Петра II княжны Екатерины Долгорукої, цесаревны Елизаветы Петровны, царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной (первої жены Петра Великаго, матери царевича Алексѣя, постриженной въ монахини подъ именемъ Елены) и Анны Іоанновны, герцогини курляндской. Первыя двѣ кандидатуры скоро отпали; но цар. Евдокія имѣла за себя сильную партію и ядро ея составляло высшее духовенство. Съ именемъ монахини Елены связыва-

лисѣ традиціи, которымъ сочувствовало большинство русскихъ епископовъ. Мать царевича Алексѣя Петровича всею душею стояла на сторонѣ сына и подобно ему относилась отрицательно къ петровскимъ нововведеніямъ. Вмѣстѣ съ нимъ она была тѣмъ центромъ, около котораго группировалась партія недовольныхъ. Большинство архіереевъ стояли въ рядахъ этой партіи, и царевичъ совершенно вѣрно разсчитывалъ, что архіереи за него, что стоитъ ему „шепнуть“ имъ—и они готовы будутъ даже „нехотя“ учинить его царемъ [1]). Одинъ изъ нихъ, стоявшій близко къ Евдокіи, ростовскій Досиѳей, оказался только несчастнѣе другихъ; но едвали онъ былъ преступнѣе. Почти всѣ его собраты были въ душѣ одинаковаго съ нимъ настроенія и съ восторгомъ встрѣтили бы воцареніе Алексѣя Петровича. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что это настроеніе измѣнилось ко времени смерти Петра II. Архіерейскія симпатіи теперь лежали, конечно, къ матери несчастнаго сына, съ именемъ которой было нераздѣльно и печальное дѣло послѣдняго. Достанься ей престолъ—дѣла приняли бы такой же оборотъ, какъ и въ случаѣ воцаренія царевича.

Такимъ образомъ высшая іерархія тяготѣла отнюдь не на сторону герцогини курляндской, хотя и не имѣла возможности активно проявить свои симпатіи. Однако и къ Аннѣ Іоанновнѣ она не могла питать никакихъ непріязненныхъ чувствъ. Герцогиня по личному религіозному характеру подавала надежды быть чѣмъ-то вродѣ царицы Евдокіи. Поэтому, принужденная силою вещей отказаться впдѣть на престолѣ Евдокію, партія, ей сочувствовавшая, должна была встрѣтить не безъ удовольствія и избраніе Анны, быть можетъ мечтая даже о возстановленіи патріаршества [2]).

Но каково было отношеніе епископской среды къ попыткѣ ограниченія самодержавія? Изслѣдователь этой попытки, проф. Корсаковъ полагаетъ, что духовенство было противъ ея. Однако основаніемъ для такого заключенія является для него только роль Ѳеофана Прокоповича, котораго онъ считаетъ выразителемъ общаго епископскаго настроенія,

1) Дѣло о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ въ приложеніяхъ къ VI тому «Исторіи Петра Великаго» Устрялова.

2) Такія мечты приписываетъ духовенству Корсаковъ (102).

да еще фактъ синодскаго постановленія о помпповеніи Анны Іоанновны самодержавною императрицею, сдѣланнаго уже послѣ объявленія синодальнымъ членамъ подписанныхъ Анною кондицій. Но сами по себѣ эти основанія не доказываютъ опирающагося на нихъ утвержденія. Едва-ли нужно и разъяснять, что Ѳеофанъ Прокоповичъ [1]) не былъ въ данномъ случаѣ непременно выразителемъ общаго настроенія. Онъ, мы знаемъ, по своимъ воззрѣніямъ стоялъ одиноко въ средѣ іерархіи. Дѣло его,—автора регламента и дѣятельнаго участника тѣхъ церковныхъ преобразованій, къ которымъ масса архіереевъ относилась съ живѣйшей антипатіей,—не было дѣломъ всей русской церковной іерархіи. Изъ двухъ кандидатуръ на престолъ онъ, конечно, былъ на сторонѣ Анны Іоанновны: царица Евдокія для него, сичинителя „Правды воли монаршей“, грозила полнымъ паденіемъ. Личныя же обстоятельства заставляли его принять активное участіе въ испроверженіи замысла антисамодержавной партіи. Иниціаторами послѣдняго вѣдь были Долгорукіе, Голицыны,—люди, вліянію которыхъ и обязанъ былъ Ѳеофанъ своимъ униженнымъ и труднымъ положеніемъ въ царствованіе Петра II. Отъ нхъ удачи Прокоповичъ не могъ ожидать ничего хорошаго и ему не оставалось ничего другаго, какъ сдѣлаться союзникомъ Остермана.

Нельзя считать доказательствомъ приверженности высшей іерархіи къ самодержавію и упомянутое синодское постановленіе [2]). Въ синодѣ въ то время состояли 4 архіерея: Ѳеофанъ, Георгій ростовскій, Игнатій коломенскій и Ѳеофилактъ тверскій. Ѳеофанъ былъ, дѣйствительно, ревностнымъ сторонникомъ самодержавія государыни. Были ли таковыми другіе, изъ которыхъ, впрочемъ, на лицо было двое—Ѳеофилактъ и Георгій, такъ какъ Игнатій находился въ отсутствіи? Мы рѣшительно отказываемся представить, чтобы эти лица отнеслись къ проекту ограниченія самодержавной вла-

---

1) Пристрастное отношеніе къ дѣлу верховниковъ Ѳеофана ярко выразилось въ его «Сказаніи о кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны». Сочиненіе это представляетъ тенденціозный памфлетъ на побитую верховническую партію, а не объективное повѣствованіе. «Сказаніе» имѣетъ нѣсколько изданій, о которыхъ у Корсакова стр. XX—XXI

2) А. С. С. Дѣло 1730 г. № 34. О. А. С. С. X, № 27/34.

сти съ активнымъ отрицаніемъ. Дѣло въ томъ, что ихъ личные интересы были связаны какъ разъ съ благополучіемъ и интересами антисамодержавной партіи. Θеофилактъ былъ близокъ къ Голицынымъ, Георгій къ Долгорукимъ. По личнымъ этимъ отношеніямъ они не могли противодѣйствовать дѣлу своихъ покровителей, опасность неудачи котораго для его виновниковъ была очевидной: никто не роетъ ямы для себя. При такихъ обстоятельствахъ синодское постановленіе надо считать не иначе, какъ дѣломъ того-же Θеофана. Провести это опредѣленіе Прокоповичу не представляло большого труда: въ такомъ щекотливомъ и опасномъ вопросѣ коллеги Θеофана не рѣшились, очевидно, ему активно противодѣйствовать. У нихъ не хватило ни мужества, ни политической дальновидности настоять на измѣненіи обычной формы возношенія императорскаго имени, и предложеніе Θеофана оставить прежнюю формулу, надо полагать, было принято съ молчаливымъ согласіемъ.

Личныя отношенія не однихъ только Θеофилакта и Георгія связывали съ партіей верховниковъ. Долгорукіе и Голицыны были покровителями многихъ архіереевъ. Съ Голицыными имѣлъ, напримѣръ, связи Варлаамъ Вонатовичъ. Нѣкоторые были связаны съ Θеофилактомъ, Георгіемъ, а чрезъ нихъ, стало-быть, и съ верховниками. Вообще вся старо-церковная партія, насчитывавшая въ своихъ рядахъ большинство русскихъ епископовъ, должна была примыкать къ указаннымъ старымъ боярскимъ фамиліямъ уже по самому своему направленію: вѣдь фамиліи эти поддерживали именно тотъ режимъ, который позволялъ питать надежду на возвращеніе къ прежнимъ церковнымъ порядкамъ (временъ патріаршества). Все это дѣлало невѣроятнымъ противодѣйствіе антисамодержавному замыслу со стороны массы высшей іерархіи и, наоборотъ, заставляло ее сочувствовать дѣлу своихъ главныхъ покровителей.

Не было ли, однако, съ принципіальной стороны препятствій подобному отношенію? Давно уже выяснена роль русскаго духовенства, и высшаго по преимуществу, въ воспитаніи на Руси политическихъ понятій, состоявшая въ распространеніи и ревностной апологетикѣ идеи самодержа-

вія [1]). Въ іосифлянской проповѣди теократическаго абсолютизма [2]) идея эта достигла своего высшаго развитія. Но нельзя забывать, что духовенство агитировало въ пользу самодержавія, вовсе не имѣя въ виду, что послѣднее посягнетъ на церковные интересы. Самые ревностные пропагандисты абсолютическихъ понятій іосифляне до тѣхъ поръ только готовы были поддерживать идею безусловнаго повиновенія монархіи, пока монархія дѣйствовала въ ихъ видахъ, [3]) и, приглашая безпрекословно чтить царя, они же съ церковнаго амвона грозили проклятіями всѣмъ, посягающимъ на церковныя имущества, „обидящимъ церкви Божіи“ [4]). Между тѣмъ окрѣпшувшее самодержавіе не заставило долго ждать и церковь прикосновенія своей властной руки; и когда Грозный сталъ травить архіереевъ медвѣдями [5]), сотнями рубить монаховъ [6]) и посягнулъ на церковныя имущества (соборъ 1580 г.) [7]), то мы не можемъ сомнѣваться, что будь тутъ Іосифъ волоколамскій, онъ разразился бы всей грозой церковной анаѳемы противъ „державнаго“. Въ XVII вѣкѣ, благодаря личностямъ первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, церковь не имѣла подобныхъ поводовъ чувствовать неограниченную силу монархіи. Но какъ далеки были уже тогда русскіе іерархи отъ іосифлянскихъ идей теократическаго абсолютизма, наглядно доказываютъ дѣло п. Никона и живѣйшія опасенія іерарховъ провозглашенія главенства „царства“ надъ „священствомъ“, выразившіяся на соборѣ 1667

---

1) Подробно говоритъ объ этомъ В. Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ 1869 г. стр. 313—365.

2) Спеціальное «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Саввина» Хрущова. Сжатое прекрасное резюме іосифлянскихъ воззрѣній у проф. М. Дьяконова, Власть московскихъ государей, Спб. 1889 г. стр. 95—114.

3) Эту черту іосифлянскихъ воззрѣній удачно подмѣтилъ тотъ-же Дьяконовъ, стр. 128—132.

4) Проф. Павловъ, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 51.

5) Казни архіереевъ медвѣдями въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются подъ 1575 г.

6) При разгромѣ Новгорода, Грозный первымъ дѣломъ приказалъ собрать новгородскихъ монаховъ, числомъ до 500, и казнить ихъ.

7) Павловъ, стр. 147—149.

года по поводу споровъ о власти царской и патріаршей [1]). При Петрѣ Великомъ то, что страшило русскихъ епископовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, перешло въ самую реальную дѣйствительность. Супрематъ государства надъ церковью былъ провозглашенъ открыто, а церковная политика правительства шла прямо въ разрѣзъ интересамъ высшей іерархіи. Вопросъ о церковныхъ имуществахъ получилъ безповоротное направленіе въ сторону полной секуляризаціи; между тѣмъ не тайна чувствительность епископовъ къ матеріальной сторонѣ своего положенія. Митр. Исаія нижегородскій, обнаружившій въ рѣзкихъ словахъ свое неудовольствіе петровскимъ монастырскимъ приказомъ, былъ только смѣлѣе и неосторожнѣе своихъ собратовъ, думавшихъ и чувствовавшихъ съ нимъ одинаково. Не могъ не оскорблять до глубины души іерархію и тотъ тонъ, въ какомъ выражался о санѣ епископскомъ Петръ словами Регламента (глава о епископахъ). Ужели же все это прошло безслѣдно для политическаго настроенія епископской среды? Невозможно допустить такого предположенія. Высшее русское духовенство ко времени имп. Анны тяжелымъ историческимъ опытомъ познало, къ чему для него ведетъ абсолютизмъ монархіи. Два вѣка, прошедшіе послѣ Іосифа волоколамскаго, представляли наглядныя доказательства, что чѣмъ неограниченнѣе власть государей, тѣмъ сильнѣе давленіе государства на церковь и тѣмъ менѣе гарантирована неприкосновенность самой личности носителей епископскаго сана. Поэтому, какъ бы ни было политически недальновидно и малоразвито духовенство, оно не могло не понимать, что абсолютно-самодержавная власть служитъ далеко не всегда достаточно прочнымъ обезпеченіемъ его благосостоянія. Византійскій идеалъ „святого царя“, пересаженный на русскую почву и воспитанный здѣсь церковной средой, далъ такіе осязательные практическіе результаты, что нѣтъ никакой психологической возможности предполагать въ іерархіи XVIII столѣтія такое же ревностное поклоненіе этому идеалу, какимъ были когда-то одушевлены іосифляне. Ограниченіе самодержавія, проектированное верховниками,

---

1) Н. Ѳ. Каптеревъ, Сужденіе московскаго собора 1667 г. о власти царской и патріаршей (Бог. Вѣстн. 1892 г. № 6, 8, 10).

не могло, такимъ образомъ, вызвать принципіальнаго протеста іерархіи. И хотя въ пунктахъ кондиціи, подписанныхъ Анной Іоан., не было условій, опредѣляющихъ церковныя отношенія, но неприкосновенность боярства, ограждаемая кондиціями, во всякомъ случаѣ служила нѣкоторой гарантіей для подобной же неприкосновенности и сановниковъ церкви; а это заставляетъ ожидать со стороны послѣднихъ скорѣе сочувствія проекту верховниковъ, чѣмъ противодѣйствія.

Русская церковная іерархія не выразила, однако, активно ничѣмъ своего отношенія къ антисамодержавному движенію. Она пребывала безмолвной свидѣтельницей замышлявшагося переворота и не только не оказала ему поддержки, но своею пассивностью въ лицѣ синодальныхъ членовъ дала даже возможность Ѳеофану Прокоповичу безпрепятственно дѣйствовать на ниспроверженіе верховническаго замысла. И тѣмъ не менѣе выясненное выше ея политическое настроеніе сыграло свою роковую роль въ полной драматизма судьбѣ нѣсколькихъ видныхъ ея представителей. Не будучи тайной для правительственныхъ сферъ, настроеніе это и сообщало окраску инкриминируемымъ политическимъ процессамъ, давая Ѳеофану Прокоповичу пищу для обвиненій и поощряя сыщическіе таланты сотрудниковъ генерала Ушакова.

Главнымъ врагомъ и самымъ сильнымъ противникомъ Ѳеофана былъ Георгій Дашковъ, архіепископъ ростовскій. Выдвинувшійся въ петровское время изъ старцевъ троицкаго астраханскаго монастыря, за участіе въ укрощеніи стрѣлецкаго бунта въ Астрахани въ 1706 году, до ростовской каѳедры (1718 г.), назначенный синодальнымъ членомъ при Екатеринѣ, Дашковъ былъ опорою и надеждою людей, несочувствовавшихъ реформѣ Петровой и питавшихъ глухую вражду къ Прокоповичу и петровскимъ церковнымъ преобразованіямъ. Въ противоположность Ѳеофану, онъ, будучи самъ не изъ ученыхъ, не любилъ послѣднихъ и ненавидѣлъ малороссіянъ, изъ среды которыхъ выдвигались ученые люди въ духовенствѣ [1]). Когда при Екатеринѣ I началась реакція въ пользу церковной старины, реакціонное движеніе, естественно, нашло себѣ представителя въ лицѣ Георгія. Ѳеофанъ не могъ смотрѣть на такого человѣка иначе, какъ на против-

---

1) Чистовичъ, стр. 185—187.

ника; а Георгіи въ свою очередь видѣлъ въ Прокоповичѣ своего принципіальнаго врага. Ихъ взаимное положеніе при Екатеринѣ и Петрѣ II [1]) принципіальную розпь довело до степени личной, непримиримой вражды, естественный конецъ которой составляла гибель одного изъ нихъ. Въ недолгія царствованія ближайшихъ преемниковъ Преобразователя перевѣсъ въ борьбѣ склонялся на сторону Георгія. Онъ выдвинулъ противъ Ѳеофана назойливаго и докучливаго врага—Маркелла Родышевскаго—и съ его помощью доставлялъ не мало непріятныхъ минутъ Прокоповичу. На сторонѣ Георгія была сила –Меньшиковъ, Долгорукіе, многіе люди реакціонной партіи, поднявшей голову послѣ смерти Петра Великаго. Меньшиковъ называлъ его въ письмахъ „сіятельнѣйшимъ господиномъ“, сообщалъ ему приказы и распоряженія по духовному вѣдомству частнымъ образомъ, а Георгіи въ видѣ указа передавалъ ихъ Синоду Долгорукіе прямо прочили Дашкову патріаршество, и это намѣреніе было весьма недалеко отъ осуществленія. Такое положеніе поставило Дашкова при Петрѣ II въ роль церковнаго временщика, какимъ въ послѣдствіи явился Ѳеофанъ. На сторонѣ Прокоповича были-дружба немногихъ лицъ, птенцовъ гнѣзда Петрова, какъ Остерманъ, людей, не имѣвшихъ первенствующаго значенія въ то время, слава выдающагося государственнаго человѣка, правой руки великаго императора, и замѣчательная изворотливость и умѣніе отражать удары враговъ. Борьба велась въ темную, а не открыто: лицомъ къ лицу Ѳеофанъ стоялъ съ Маркелломъ; но онъ прекрасно зналъ, что это не болѣе, какъ креатура болѣе сильныхъ и опасныхъ противниковъ [2]), „что были нѣкіи прилежныи наустители, которые плута сего къ тому привели, отводя ему страхъ новой нѣкой имѣющей быть перемѣны, новаго въ государствѣ сочтенія, и обнадеживая дурака великимъ высокаго чина за таковой его трудъ награжденіемъ“[3]). „Нѣкто единъ, или нѣкіи суть,--писалъ Прокоповичъ,--которые для интересовъ своихъ, имъ душепагубныхъ, церкви же и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ таковому возмущенію и его въ продерзостяхъ безпечальна

---

1) Ibid. стр. 187—248.

2) Вся эта борьба Ѳеофана весьма подробно изложена въ книгѣ Чистовича, стр. 195—222, 229-244.

3) Чистовичъ, стр. 222.

творятъ“ [1]). „Единъ“—Георгій Дашковъ; „иѣкіи“—члены его партіи. Нечего говорить, что Ѳеофанъ питалъ къ нимъ и особенно къ Дашкову чувства не очень дружелюбныя. Его оскорбляли и унижали, заставляя въ качествѣ подсудимаго давать отвѣты на допросы Преображенскаго приказа, изворачиваться и оправдываться предъ людьми, которые были несомнѣнно его ниже. Гордый ростовскій архіерей мѣтилъ въ патріархи. Ѳеофанъ стоялъ на второмъ планѣ въ Синодѣ, глубоко уязвленный приближающимся торжествомъ противниковъ. Дашковъ былъ олицетвореніемъ всѣхъ ѳеофановскихъ враговъ.

Къ партіи Дашкова примыкали другіе лица, съ которыми также у Ѳеофана были счеты. Первое мѣсто среди нихъ занималъ коломенскій митрополитъ Игнатій Смола. Составившій при Петрѣ свою карьеру и въ 1719 году назначенный на крутицкую епархію съ званіемъ митрополита, онъ при Петрѣ же печально, повидимому, закончилъ ее, уволенный на обѣщаніе въ Ипилову пустынь за участіе въ дѣлѣ бывшей царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной. Но въ 1727 году онъ снова былъ назначенъ митрополитомъ коломенскимъ; а 13 Іюля того же года тайный совѣтникъ Степановъ отъ имени Верховнаго Тайнаго Совѣта словесно объявилъ Синоду, что государь императоръ повелѣлъ м. Игнатію быть въ числѣ синодальныхъ членовъ [2]).

И Георгій и Игнатій были коллегами Ѳеофана по Синоду. Не на сторонѣ Прокоповича былъ и третій архіерей изъ засѣдавшихъ въ Синодѣ -Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ тверскій. Лопатинскій былъ центромъ ученаго кружка противниковъ Ѳеофана, адептовъ кіевской школы съ католическими симпатіями. Какъ истинный питомецъ и поборникъ послѣдней, онъ видѣлъ въ новгородскомъ архіереѣ лютеранина и первый въ 1716 году выразилъ протестъ противъ посвященія его въ епископы. Издатель „Камня вѣры“, Ѳеофилактъ усматривалъ признаки руки Ѳеофановой и въ опроверженіи этого творенія Стефана Яворскаго. Послѣ Георгія Дашкова, тверскій архіепископъ былъ второй кандидатъ на патріаршество въ общественномъ мнѣніи того вре-

---

1) Чистовичъ, стр. 239.

2) Чистовичъ, стр. 190—194; 225.

мени (при Петрѣ II), имѣвшій сильную поддержку въ кругу вельможъ. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, Мусинъ-Пушкинъ, фельдмаршалъ Голицынъ считались его друзьями. Ѳеофилактъ не былъ личнымъ врагомъ Ѳеофана въ томъ смыслѣ, какъ ростовскій архіерей: онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы находить удовольствіе въ униженіи хотя бы и непріятнаго ему лица, онъ не старался уязвить самолюбіе Прокоповича, не величался подобно Дашкову. Но принципіальная рознь на почвѣ убѣжденій дѣлала этого достойнаго пастыря настолько ненавистнымъ новгородскому архіепископу, что, какъ гласила молва между приближенными Ѳеофана, когда на смертномъ одрѣ его духовникъ увѣщевалъ его простить Ѳеофилакта, то умирающій злобно вскрикнулъ: „о, духъ проклятый, Лопатинскій“ [1]).

Лишь только перемѣна на престолѣ отдала перевѣсъ въ борьбѣ на сторону Прокоповича, онъ не преминулъ воспользоваться благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, чтобы заставить императорскую власть сокрушить его враговъ. Первый ударъ былъ направленъ, однако, не сразу противъ главнаго противника Георгія, а противъ одного члена его партіи; посредствомъ его уже добрались и до Дашкова и Смолы. Этою жертвою явился воронежскій епископъ Левъ Юрловъ.

Левъ былъ связанъ довольно тѣсно судьбою съ Георгіемъ. Еще при Петрѣ I, въ бытность іеромонахомъ, онъ по нѣсколько мѣсяцевъ гостилъ въ Ростовѣ у Георгія въ качествѣ бывшаго духовнаго сына. Въ петровское же время Юрловъ опредѣленъ былъ архимандритомъ въ переяславскій горицкій монастырь рязанской епархіи, а въ 1727 году произведенъ въ воронежскіе епископы. Связи съ ростовскимъ архіереемъ у него не прерывались. Левъ принадлежалъ къ его партіи и пользовался его покровительствомъ. Когда для Ѳеофана Прокоповича наступили лучшія времена со вступленіемъ на престолъ императрицы Анны Іоанновны, Левъ воронежскій не могъ ожидать ничего хорошаго въ случаѣ, если бы судьба дала Ѳеофану оружіе противъ него. Къ несчастью этого епископа, онъ, видимо, не отличался осмотри-

---

1) Ѳеофилактъ Лопатинскій. Статья Морошкина въ Русской Старинѣ 1886 г., Февраль, стр. 278.

тельностью и самъ подалъ поводъ къ нападенію на себя и своей гибели. Дѣло завязалось слѣдующимъ образомъ [1]).

14-го Февраля 1730 года былъ полученъ въ Воронежѣ манифестъ объ избраніи императрицы Анны. Въ немъ говорилось, что на россійскій императорскій престолъ избрана государыня царевна Анна Іоанновна, дщерь великаго государя царя Іоанна Алексѣевича, и „чтобъ всякаго чина люди, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго о томъ вѣдали и о воспріятіи ея императорскимъ величествомъ россійскаго престола Бога благодарили“ [2]). Манифестъ былъ препровожденъ изъ воронежской губернской канцеляріи вице-губернаторомъ Пашковымъ къ Льву для соотвѣтственнаго исполненія. Но епископъ ограничился тѣмъ, что на слѣдующій день, 15 го Февраля, въ недѣлю православія, за литургіей, которую служилъ самъ, поминать велѣлъ и самъ на великомъ входѣ поминалъ сначала „о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и о державѣ ихъ“; потомъ о благовѣрныхъ государяхъ, цесаревнахъ и царевнахъ, не упоминая даже отдѣльно имени Анны Іоанновны. Многолѣтіе новой императрицѣ не пѣли и манифеста въ церкви не читали.

Чѣмъ объяснить такое поведеніе епископа? Былъ ли это открытый протестъ сторонника царицы Евдокіи противъ непріятнаго ему избранія, или что либо иное? Что Левъ, какъ и многіе другіе, симпатизировалъ матери царевича Алексѣя Петровича, въ этомъ мы не сомнѣваемся: онъ былъ человѣкъ старо-церковной партіи. Но трудно предположить въ немъ мужество для демонстративнаго отрицанія совершившагося факта: дальнѣйшее его поведеніе говоритъ противъ подобнаго предположенія, да и не было, какъ мы знаемъ, основаній у іерархіи для рѣзкой антипатіи къ Аннѣ. Пусть даже въ партіи Георгія Дашкова, къ которой принадлежалъ Левъ, открыто прежде высказывалась нелюбовь къ царевнамъ Іоаннова дома [3]): нелюбовь эта вовсе не дохо-

1) Дѣло Льва изложено далѣе по синодскому дѣлу 1730 г. № 105, по дѣлу 1741 г. № 627. У Чистовича объ этомъ стр. 282—292. Синодское дѣло см. въ „Описаніи д. и д. Арх. Св. Син. т. X. № 1171/05.

2) П. С. З. и Р. VII, № 2283.

3) Асеньевъ, Царствованіе Петра II, Спб. 1839 г. стр. 67. см. у Чистовича стр. 239.

дила до вражды и уже во всякомъ случаѣ она не въ состояніи была побудить на явное непризнаніе новой императрицы, соединенное съ неизбѣжной опасностью жестоко поплатиться за такой поступокъ. Очевидно для воронежскаго епископа самое воцареніе Анны не было еще несомнѣннымъ фактомъ, а съ другой стороны были основанія, опредѣляющія его какъ бы открытое заявленіе о государствованіи Евдокіи. Только тогда будетъ понятнымъ его поведеніе и не трудно найти, дѣйствительно, для послѣдняго причины въ положеніи вещей. Хотя герцогиня курляндская согласилась быть государыней на предложенныхъ ей условіяхъ, но въ началѣ февраля 1730 года далеко не было ясно, какъ сложатся событія. Новая государыня еще не пріѣхала въ Москву, и въ обществѣ и придворныхъ кругахъ ходили самые неустойчивые слухи на счетъ будущаго. Всѣ знали, что борются между собой противныя партіи, и было неизвѣстно, кто побѣдитъ Такъ какъ съ одной стороны верховники имѣли намѣреніе въ случаѣ если государыня станетъ нарушать подписанныя ею условія, арестовать ее и отправить назадъ въ Курляндію; съ другой же стороны агитація въ пользу самодержавія, извѣстная императрицѣ. была настолько сильна, что не позволяла надѣяться на соблюденіе ею принятыхъ на себя обязательствъ: то въ результатѣ многіе были не увѣрены, останется ли Анна на престолѣ. Не было ничего невѣроятнаго, что какъ только она обнаружитъ покушеніе разорвать связывающія ее условія, ея государствованіе кончится, и на престолъ вступитъ кто-либо другой. Этимъ другимъ лицомъ вполнѣ могла оказаться царица Евдокія, имѣвшая сильную партію. Всѣ эти обстоятельства, должно быть, были извѣстны Льву воронежскому. Онъ находился въ сношеніяхъ съ партіею Дашкова; а въ этой партіи, конечно, живѣйшимъ образомъ интересовались дѣломъ ц. Евдокіи. Дальше мы увидимъ, что назначенное правительствомъ слѣдствіе усиленно искало у Льва писемъ изъ Москвы. Подозрительныхъ писемъ не нашли, но тѣмъ или другимъ путемъ Левъ зналъ о положеніи вещей въ столицѣ и потому рѣшилъ на время подождать съ молебствіемъ и даже рискнулъ помнить пока на первомъ мѣстѣ царицу Евдокію Послѣднее, послѣ манифеста о вступленіи на престолъ новой государыни, отзывало нѣсколько демонстраціей. Однако

архіерей въ то время могъ себѣ позволить и подобную выходку, не разсчитывая поплатиться за нее: Анна еще не была самодержавною императрицей; при дѣйствіи же подписанныхъ ею кондицій, Льву не угрожало большой опасности за его образъ дѣйствій.

Все показываетъ, что епископъ воронежскій плохо вѣрилъ въ твердость положенія новой государыни. Когда 18 февраля вице-губернаторъ Пашковъ послалъ ко Льву полковника Барыкова освѣдомиться, будетъ ли исполненіе по манифесту и когда, то Левъ отвѣтилъ, что „церковнаго помиповенія о государѣ императорѣ и о ея императорскомъ величествѣ молебнаго торжества безъ присланнаго къ нему о томъ особливаго точнаго указа изъ Синода собою чинить опасенъ, разсуждая то, что можетъ быть не сдѣлается-ль впредь другой какой отмѣны". Левъ въ это время былъ въ своей вотчинѣ, внѣ Воронежа. Получивъ приведенный отвѣтъ, Пашковъ въ тотъ же день послалъ къ епископу при промеморіи печатный формуляръ съ требованіемъ, „дабы онъ безъ сомнѣнія благодареніе Богу учинилъ того-жъ мѣсяца 19 числа", что архіерей и обѣщалъ, наконецъ, исполнить по пріѣздѣ своемъ въ Воронежъ. При этомъ онъ говорилъ посланному, что положенное торжество отправлено имъ 15-го числа, чего вовсе не было; онъ выдавалъ за таковое торжество молебствіе въ недѣлю православія. 20-го февраля молебенъ былъ дѣйствительно отправленъ. Что касается епархіи, то туда указы были посланы сразу же безъ всякаго промедленія: Левъ разрѣшилъ только самому себѣ не исполнить немедленно указа. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ столицѣ выяснилось. Разсчеты на перемѣну не оправдались; напротивъ, государыня возвратила себѣ самодержавіе, и Левъ могъ теперь дорого поплатиться за свою демонстрацію. Тогда воронежскій архіерей испугался. Вице-губернаторъ обвинялъ его въ умышленномъ уклоненіи отъ исполненія указа. Левъ боялся, что Пашковъ донесетъ объ этомъ куда слѣдуетъ, а можетъ быть уже и донесъ. И вотъ онъ шлетъ въ Синодъ оправданіе, хотя никакого доноса отъ вице-губернатора не было, и стало быть и оправдываться то еще было рано [1]). Въ

1) У Чистовича сказано (стр. 285), что Пашковъ донесъ Синоду и Синодъ потребовалъ у Льва объясненія, на что онъ и прислалъ свое

оправданіи Левъ опять скрывалъ истину, говоря, что Пашковъ обвиняетъ его по злобѣ, что молебенъ и поминовеніе имъ были отправлены 15 февраля, только вице-губернаторъ при томъ не присутствовалъ [1]). Видимо, епископъ струхнулъ не мало. Но пока дѣло успѣли замять: въ Синодѣ засѣдали еще благопріятели Льва—Игнатій и Георгій. Впослѣдствіи Игнатій коломенскій показывалъ, что при слушаніи донесенія-оправданія Льва ростовскій Георгій сказалъ: „у воронежскаго архіерея съ воронежскимъ вице-губернаторомъ давняя ссора и другъ на друга пишутъ по ссорѣ“. Синодъ рѣшилъ подождать, не будетъ-ли отъ губернатора какого доношенія. Собственно Левъ самъ въ порывѣ страха напрашивался на дѣло. Если бы онъ не прислалъ своего оправданія и приложенныхъ къ нему промеморій вице-губернатора, то, быть можетъ, дѣло такъ бы и не возникло, потому что Пашковъ никакого доноса не прислалъ.

Но Θеофанъ не упустилъ случая погубить своихъ противниковъ. Онъ зналъ, конечно, о присланномъ оправданіи Льва, но пока молчалъ, приготовляя почву. Онъ сразу же увидѣлъ, что насталъ моментъ сломить, воспользовавшись трусливостью Льва, всю противную ему партію, имѣя за собой расположеніе и близость къ государынѣ и всему новому правительству. Быть можетъ даже хитрый новгородскій архіерей нарочно далъ на время замолкнуть доношенію Льва: впослѣдствіи онъ воспользовался проволочкой, какъ сильнымъ оружіемъ противъ Георгія и Игнатія. Кромѣ того тѣмъ временемъ возникъ вопросъ объ устройствѣ Синода, тоже не безъ участія Θеофана. Прокоповичъ замышлялъ такъ сгруппировать событія, чтобы разомъ поразить всѣхъ своихъ главныхъ враговъ. И это вполнѣ удалось ему.

Когда вопросъ о преобразованіи Синода былъ поднятъ, новгородскій архіерей нашелъ возможнымъ вытянуть на свѣтъ Божій злосчастное оправданіе Юрлова. Безъ сомнѣнія онъ донесъ императрицѣ о бывшемъ въ Воронежѣ фактѣ и, надо думать, не пощадилъ красокъ для его освѣ-

---

оправданіе. Это не правда. Изъ подлиннаго дѣла ясно, что никакого доноса и запроса не было, что впослѣдствіи между прочимъ подтверждалось и въ высочайшемъ приговорѣ Георгію и Игнатію.

1) Въ этой лжи епископъ самъ сознался.

щенія, тѣмъ болѣе, что политическія симпатіи Льва ясно обнаружились въ его неосмотрительномъ поведеніи. 15-го іюля Ѳеофанъ словесно заявилъ Синоду, что наканунѣ государыня указала: „по присланному въ Синодъ отъ преосвященнаго Льва воронежскаго доношенію и по пріобщеннымъ при немъ съ двухъ промеморій копіямъ, изъ которыхъ одна промеморія въ домъ его архіерейской прислана изъ воронежской губернской канцеляріи, якобы въ неотправленіи имъ епископомъ о здравіи ея императорскаго величества по вступленіи на россійскій императорскій престолъ благодарнаго молебна и о его императорскомъ величествѣ Петрѣ Второмъ поминовенія по присылкѣ отъ тамошняго вице-губернатора, и по тому доношенію и по копіямъ долговременно въ Синодѣ не слѣдовано и умолчано, о томъ, кѣмъ надлежитъ, въ Синодѣ изслѣдовать безъ упущенія“ [1]).

Послѣднія слова были направлены по адресу Георгія и Игнатія. Но было бы, конечно, затруднительно вести слѣдствіе и надъ этими лицами—членами Синода—и надъ Львомъ воронежскимъ, когда самъ Св. Синодъ во всемъ тогдашнемъ своемъ составѣ, кромѣ Ѳеофана, принадлежалъ къ партіи подсудимыхъ и на половину состоялъ изъ нихъ. Ѳеофанъ и не разсчитывалъ на это. По всей видимости, онъ нарочно выдвинулъ дѣло Льва въ этотъ моментъ, когда поданы были на императорское усмотрѣніе синодское и сенатское мнѣнія о составѣ Синода, чтобы повліять на верховную власть въ дѣлѣ организаціи Синода. 21 іюля, какъ извѣстно, Георгіи Дашковъ, Игнатіи, Ѳеофилактъ были уволены молчаливо изъ синодскаго присутствія; въ Синодъ были назначены совершенно новые члены, сдѣлавшіеся покорными орудіями въ рукахъ новгородскаго архіерея. Такимъ образомъ дѣло воронежскаго епископа помогло Ѳеофану и удалить изъ Синода непріятныхъ ему лицъ и начать погубившій ихъ процессъ

Началось слѣдствіе и выяснилось слѣдующее. Вина Льва воронежскаго состояла въ томъ, что онъ до 20-го февраля не отслужилъ благодарственнаго молебна о вступленіи Анны на престолъ и до 20-го же февраля не помя-

---

1) П. С. П. и Р. VII, 2354.

палъ имени императрицы при богослуженіи. Какъ ни изворачивался епископъ, эти факты были твердо установлены. Онъ самъ въ концѣ концовъ долженъ былъ неоднократно отрекаться отъ своихъ прежнихъ показаній и признать свою виновность. Мы видѣли, что онъ доносилъ Синоду въ своемъ несчастномъ оправданіи, якобы въ недѣлю православія имъ всенародно отправлено молебствіе о здравіи ея величества. Но такъ какъ свидѣтели показали, что въ дѣйствительности этого не было, то епископъ сознался, что донесъ ложно. О причинѣ, почему онъ молебна по полученіи манифеста не отправилъ, Левъ показывалъ двояко. Сначала онъ говорилъ, что объ этомъ не было точнаго указа ни откуда; потомъ сталъ ссылаться, якобы онъ „отъ простоты своей вмѣнилъ то дѣйствіе за молебенъ, которое отправлялось въ недѣлю православія“. Сознался онъ во лжи своей и посланному вице-губернатора, которому онъ сказалъ, что молебенъ отправленъ 15-го февраля; сказалъ онъ это „выкручая себя отъ того, что долго того молебства не отправлялъ“.

Въ своихъ объясненіяхъ, почему онъ не возносилъ до 20-го февраля имени государыни, Левъ спутался уже окончательно. Сначала онъ объявилъ, что на ектеніяхъ и при отправленіи дѣйствія (обряда православія) воспоминаніе было чинено такимъ образомъ: „о благовѣрной государынѣ цесаревнѣ и великой княгинѣ Аннѣ Іоанновнѣ“, чинено было по его приказу безъ всякаго разсужденія, „отъ простоты его“ и „забвеніемъ“; а „о томъ онъ епископъ подлинно зналъ, что въ манифестѣ напечатано не таковымъ образомъ“. Потомъ онъ сталъ говорить иначе: онъ не помнитъ, было-ли воспоминаніе о здравіи ея величества въ недѣлю православія, а первый разъ показалъ вышеуказаннымъ образомъ „отъ безпамятства своего“. Теперь епископъ ссылался на священнослужителей своей соборной церкви, считая, очевидно, память ихъ лучше своей. 23-го августа, по именному указу, велѣно было послать въ Воронежъ нарочнаго, капитана Наумова, для допроса священнослужителей. Они единогласно показали, что возношеніе на литургіи недѣли православія дѣлалось сначала „о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и державѣ ихъ“, потомъ о цесаревнахъ и

царевнахъ безъ упоминанія даже имени Анны Іоанновны. Дѣлалось такъ по приказанію Льва. Левъ опять былъ уличенъ во лжи и сталъ оправдываться „простотою“; не объявилъ де онъ о томъ въ прежнихъ отвѣтахъ своихъ „забвеніемъ“ и въ томъ не виноватъ [1]). Такимъ образомъ факты, которые ставились въ вину Льву, были безспорно установлены.

Нечего и говорить, что спутанныя показанія воронежскаго архіерея не внушали ни малѣйшаго довѣрія слѣдователямъ. Объясненія Юрлова были до очевидности несостоятельны, и хотя онъ отрицалъ настойчиво всякое „умышленіе“ съ своей стороны, присутствіе такового подозрѣвали непреклонно. Факты, установленные слѣдствіемъ, были важны не сами по себѣ, а именно по своимъ мотивамъ, и ихъ то старались допскаться. Слѣдователи ясно видѣли, что у Льва было сомнѣніе въ твердости положенія Анны Іоанновны, и направили свои усилія на то, чтобы выяснить и эти сомнѣнія и источникъ ихъ. Левъ сказалъ полковнику Барыкову, что онъ боится отправлять молебствіе, ибо не увѣренъ, не будетъ ли впредь какой перемѣны. Его не премпнули спросить, какую перемѣну онъ тутъ разумѣлъ. Левъ отрекся отъ сказанныхъ Барыкову словъ; онъ де говорилъ ему не такъ, а говорилъ о томъ, „чтобъ къ нему вице-губернаторъ Пашковъ прислалъ письменно, какъ о ея имиер. величествѣ воспоминать на ектеніяхъ и на прочихъ возношеніяхъ, гдѣ надлежитъ, дабы впредь на ектеніяхъ какой перемѣны не было“. Но въ существѣ дѣла и такое показаніе мало что нибудь измѣняло: неувѣренность въ твердости титула уже показываетъ неувѣренность и въ твердости положенія императрицы. Только теперь выходило, какъ будто Левъ не зналъ, помнитъ ли ее самодержавной государыней, не былъ увѣренъ въ характерѣ ея царствованія; по прежнимъ же его словамъ можно было заключить, что онъ сомнѣвается, останется ли Анна Іоанновна и вообще на престолѣ.

Но не столько интересовали слѣдователей сомнѣнія Льва, сколько ихъ источникъ. Въ сомнѣніяхъ они были

---

1) См. „вопросные пункты бывшему воронежскому епископу Льву“ и отвѣты на нихъ въ „Описаніи“, т. X, стр. 229-236.

убѣждены; источникъ же ихъ только подозрѣвали. Было ясно, что воронежскій архіерей имѣлъ свѣдѣнія изъ столицы о перипетіяхъ вступленія на престолъ государыни и при томъ отъ партіи, стоявшей не на сторонѣ Анны Іоанновы. Откуда же шли эти свѣдѣнія? Кто эти лица, несочувствовавшія, по всѣмъ признакамъ, герцогинѣ курляндской? У Льва были довольно многочисленныя связи въ Москвѣ. Къ этимъ связямъ онъ обратился, когда почуялъ опасность и послалъ въ Синодъ свое первое донесеніе. Вмѣстѣ съ послѣднимъ, посланникъ Льва привезъ отъ него въ Москву частныя письма къ Георгію ростовскому, Игнатію коломенскому, генералъ-фельдмаршалу Голицыну, генералу Чернышеву и Степану Андреевичу Колычеву, у которыхъ архіерей просилъ заступленія. Слѣдователи не безъ основанія полагали, что если Левъ въ трудную минуту обращался къ заступничеству этихъ лицъ, то онъ и прежде находился съ ними въ сношеніяхъ, а можетъ быть, и еще съ кѣмъ нибудь. Не отсюда ли получалъ онъ вѣсти о политическихъ переворотахъ и новостяхъ, вѣсти, побудившія его не исполнить манифеста? Въ допросныхъ пунктахъ на эту сторону дѣла было обращено особенное вниманіе. Льва спрашивали (допросн. пункты 23 іюля): „Были ль къ вашему преосвященству съ Москвы словесныя или письменныя циркулярныя вѣдомости еще до полученнаго манифеста: о избраніи ея величества, и что иной царствованія ея имѣлъ быть образъ, а не по прежнему“ (п. 5)? „ Не было ль вашему преосвященству отъ кого словеснаго приказанія или письменнаго увѣдомленія, дабы вы о воспріятіи престола всероссійскаго ея императорскимъ величествомъ благодарственнаго молебнаго пѣнія до будущаго времени отправлять удержались, и буде оное было, отъ кого именно и для чего“ (п. 8, 24-го Іюля)? „Пріѣзжей изъ Москвы въ Воронежъ съ манифестами о кончинѣ государя императора Петра Втораго и о вступленіи на россійскій императорскій престолъ ея императорскаго величества, кто именно былъ и въ бытность свою у васъ онъ былъ ли и какъ вамъ самому, такъ духовнаго и свѣтскаго чина людямъ вѣдомства вашего, не отдавалъ ли какихъ письменныхъ извѣстій, или словесно чего не разговаривалъ ли приличнаго о вступле-

ніи на россійскій престолъ ея императорскаго величества“ (п. 11, 27-го іюля)? Левъ на все отвѣтилъ отрицательно.

Конечно, въ Синодѣ не удовлетворились такимъ отвѣтомъ. Найти тѣхъ лицъ, откуда въ Воронежъ получались извѣстія, было самымъ интереснымъ для слѣдователей, и потому они сдѣлали новую попытку. Выслушавъ отвѣты Льва на приведенные вопросы, Синодъ нашелъ ихъ „не отъ прямой совѣсти происшедшими“, не къ показанію истины служащими, но къ „утаенію своей, его и другихъ ему содѣйствовавшихъ вины“, устроенными съ злаго умышленія, „да такъ несоставно, что и простой малой отрокъ потрудно узнать можетъ ложные въ нихъ притворы и виды весьма безстудные“. За все это архіерей подлежалъ бы лишенію сана архіерейскаго, священнаго и монашескаго чина. Но, по духу „Христовой кротости“, еще разъ рѣшили допросить его по чистой совѣсти о слѣдующемъ: „1) Что и отъ кого вѣдая, 2) чего и къ какой себѣ пользѣ надѣяся, 3) на кого именно и для чего уповая, 4) и съ кѣмъ именно словесно или письменно, или каковымъ другимъ образомъ дѣйствуя, скоро и не пропуская ни мало времени, какъ былъ долженъ, соборнаго о вступленіи на престолъ ея императорскаго величества молебствія не отправлялъ и весьма, какъ по всему видно, дѣлать того не хотѣлъ“? „И на сіи вопросы ему Льву епископу трижды по срокамъ отвѣтствовать, подпадая за всякій срокъ, если что не сущею истиною покажетъ, тягчайшему осужденію, а именно: за первый срокъ пріиметъ запрещеніе отъ всякаго архіерейскаго и іерейскаго священнослуженія; за другій, никоторой епархіи не можетъ получить; за третій, сана архіерейскаго и всего священнаго и монашескаго чина лишенъ и гражданскому суду преданъ будетъ“. Сроки назначены были слѣдующіе: 10 ч. утра 28-го Іюля, 7 ч. вечера того же числа, 10 ч. утра 29-го Іюля. При этомъ Синодъ обнадеживалъ Льва „что если онъ скоро по самой сущей истинѣ, ничего отнюдь не утаивая, о всемъ подробно скажетъ, то ея императорское величество всѣхъ членовъ собраніемъ всепокорнѣйше полнаго за вину его прощенія или хотя легчайшаго наказанія просить будутъ и получить надѣются“ [1]). Въ этихъ словахъ ясно выразилось, что не Левъ

1) Описаніе Син. Арх. X. стр. 235—236.

былъ важенъ для того лица, которое подняло этотъ процессъ. Левъ былъ только поводомъ и средствомъ добраться до другихъ.

Однако, воронежскій архіерей не оказался предателемъ. Если и были у него какія съ кѣмъ сношенія, онъ не выдалъ никого. Въ 12 часовъ дня 28-го Іюля онъ въ присутствіи Синода заявилъ—(въ то время Левъ былъ уже привезенъ въ Москву),—„что на вышепоказанные четыре пункта отвѣтствовать онъ епископъ ничего не имѣетъ и никакого вѣдѣнія и ни къ кому себѣ пользы надѣянія и ни на кого и ни для чего не уповая и ни съ кѣмъ словесно или письменно никакой корреспонденціи не имѣлъ и того ничего не чинивалъ“. Больше ничего не могли вынудить у епископа и въ два послѣдующіе раза. Такъ и не удалось узнать о письмахъ и сношеніяхъ Льва съ Москвой. Ни допросы постороннихъ лицъ, ни обыски не открыли и слѣда пути, какимъ получались въ Воронежѣ политическія новости, не обнаружили тѣхъ людей, на которыхъ опирался и къ которымъ примыкалъ Юрловъ

Чего, собственно, добивались? Въ чемъ подозрѣвали Льва воронежскаго? Мы видѣли, насколько прозрачно въ этомъ дѣлѣ проглядываетъ участіе Ѳеофана Прокоповича. Онъ выдвинулъ дѣло Льва, чтобы погубить Георгія и Игнатія. Хотя Левъ принадлежалъ тоже къ партіи Дашкова, но самъ по себѣ онъ былъ слишкомъ слабый и неопасный противникъ, чтобы привлекать вниманіе новгородскаго архіерея. Къ нему лично Ѳеофанъ не питалъ, надо думать, никакой вражды. Это было только оружіе противъ сильныхъ и старыхъ противниковъ. Поэтому то Синодъ готовъ былъ хлопотать о полномъ прощеніи Льва, лишь бы онъ выдалъ своихъ „соучастниковъ“. Но мы не должны забывать, что Прокоповичъ дѣйствовалъ съ помощью правительственной власти. Предъ ней онъ не могъ быть откровеннымъ и въ глазахъ правительства онъ выставлялъ своихъ противниковъ не какъ своихъ, а какъ враговъ императорскаго престола. Отсюда все дѣло Юрлова носитъ политическую окраску.

На лицо были голые факты—неслуженіе молебна, не поминаніе императрицы. Какъ Левъ ни объяснялъ ихъ, было очевидно, что это сдѣлано не „отъ простоты“. Своимъ поступкомъ воронежскій архіерей обнаружилъ свои политиче-

скія убѣжденія. Упоминаніе Лопухиной вмѣсто новой императрицы и неупоминаніе совсѣмъ послѣдней, неслуженіе молебствія, въ самомъ меньшемъ случаѣ свидѣтельствовали, что Левъ былъ бы болѣе радъ видѣть на престолѣ не Анну Іоанновну. А такъ какъ поведеніе его обнаружило знакомство съ политикой изъ столичныхъ источниковъ, то было ясно, что онъ не одинокъ, что онъ одинъ изъ числа той партіи, которая если и не была открытой противницей вступленія на престолъ Анны, то во всякомъ случаѣ не сочувствовала ей; а послѣднее было несомнѣннымъ преступленіемъ въ глазахъ правительства, которое политическія условія заставляли быть подозрительнымъ болѣе всякаго другого.

Затѣмъ поступокъ Льва можно было объяснить еще и слѣдующимъ образомъ. Партія воронежскаго епископа стоитъ на сторонѣ верховниковъ, замыслившихъ ограничить самодержавіе. Манифесты, посланные въ провинціи, были составлены такимъ образомъ, что въ нихъ не было никакого намека на перемѣну въ образѣ правленія. Замыслы верховниковъ держатся въ тайнѣ. Герцогиня курляндская подписала предложенныя условія; но эти условія и фактъ ограниченія самодержавія держатся пока въ секретѣ. Въ манифестахъ поэтому и нельзя было ничего написать, что намекало бы на перемѣну политическаго строя. Получившіе ихъ не иначе могли ихъ понять, какъ въ смыслѣ объявленія о вступленіи на престолъ *самодержавной* государыни, по примѣру прежнихъ императоровъ. Какъ же помнить императрицу? Если по прежнему, то весь народъ пойметъ, что она будетъ царствовать по прежнему. Это нежелательно для сторонниковъ верховниковъ. И вотъ друзья извѣщаютъ Льва, что лучше пока подождать совсѣмъ упоминать Анну Іоанновну императрицей и служить благодарственный молебенъ. Левъ такъ и дѣлаетъ. Это опять было преступленіемъ въ глазахъ правительства государыни, преступленіемъ особенно тяжкимъ, ибо Аннѣ Іоанновнѣ были весьма непріятны воспоминанія о ея временномъ униженіи верховниками.

Въ какомъ видѣ представлялось дѣло правительству съ помощью Ѳеофановыхъ внушеній? Ходъ слѣдствія показываетъ, что слѣдователи руководились болѣе вторымъ предположеніемъ, т. е. подозрѣвали Льва, а главнымъ образомъ болѣе сильныхъ членовъ его партіи, въ сочувствіи ограни-

ченію самодержавія. Этимъ путемъ направилъ дѣло Ѳеофанъ; такъ, вѣроятно, освѣтилъ онъ его и предъ государней. Едва ли, впрочемъ, онъ упустилъ выставить на видъ и вообще недоброжелательство къ Аннѣ, обнаружившееся въ поведеніи Льва. Какъ бы то ни было, правительству было важно открыть, кто принадлежалъ къ партіи Юрлова, кто стоялъ во главѣ ея. Поэтому то такъ усиленно искали писемъ у воронежскаго архіерея, усиленно домогались вырвать у него признаніе въ своихъ сношеніяхъ съ Москвой. Ѳеофанъ, заправлявшій слѣдствіемъ, мѣтилъ въ Георгія и Игнатія. Зная о связи съ ними Льва, онъ былъ увѣренъ, что не безъ ихъ участія разыгралась воронежская исторія. Для того, чтобы добраться до нихъ, онъ затѣялъ все дѣло и теперь ему страстно хотѣлось найти фактическіе доказательства ихъ политической преступности. Убѣдить въ таковой государыню было не трудно, такъ какъ Георгій и Игнатій еще прежде находились подъ надзоромъ Остерманової партіи, за свою нелюбовь къ царевнамъ дома Іоаннова [1]). Георгій пользовался покровительствомъ Долгорукихъ въ періодъ ихъ фавора, былъ другомъ ихъ фамиліи; а Долгорукіе—инпціаторы замысла верховниковъ, враги императрицы. Теперь на этихъ епископовъ прежде всего падало подозрѣніе, что они то и сообщали Льву свѣдѣнія о политическихъ переворотахъ, они то изъ среды іерарховъ и стояли во главѣ недоброжелателей императрицы въ томъ или иномъ смыслѣ. Но хотя устроить гибель Дашкова и Игнатія удалось Прокоповичу, искомыхъ фактическихъ доказательствъ не нашлось.

Между тѣмъ Левъ долженъ былъ испытать горькую судьбу за свою вину. Онъ не захотѣлъ купить предательствомъ свое спасеніе и потерпѣлъ кару, какъ политическій преступникъ, сдѣлался первой жертвой изъ русскихъ іерарховъ, принесенной на алтарь ѳеофановщины и правительственной подозрительности и жестокости въ анпинское время 20-го Сентября 1730 года экстрактъ изъ дѣла о епископѣ Львѣ былъ посланъ генералу Ушакову для доклада императрицѣ Правительствующій Сенатъ потребовалъ было кон-

---

1) Арсеньевъ. Царствованіе Петра II, стр. 67. См. у Чистовича стр. 289.

ференціи съ Синодомъ, но Синодъ 25-го Сентября отвѣтилъ: „если Правительствующій Сенатъ требуетъ съ Синодомъ конференціи о дѣлѣ бывшаго воронежскаго епископа Льва для того, чтобъ согласно опредѣлить, что съ нимъ епископомъ за его великую и многимъ подозрѣніямъ подлежащую продерзость дѣлать, на то Св. Синодъ благопочтенно симъ отвѣтствуетъ: чего онъ, епископъ, по суду духовному за вину свою *и за крайнее упрямство и истины молчаніе* достоинъ, то уже Синодомъ приговорено, а именно быть ему лишену всего священнаго и монашескаго чина и предану на судъ гражданскій, а приговора того экзекуція не учинена до крайней ея императорскаго величества резолюціи; а какого онъ, Левъ епископъ, тѣлеснаго наказанія и истязанія достоинъ, о томъ суду духовному опредѣлять не надлежитъ, но единаго о томъ суда гражданскаго власть и дѣло“ [1]). Руководимый Θеофаномъ, Синодъ былъ безпощаденъ, да видимо и боялся проявить какое либо снисхожденіе къ своему собрату, заподозрѣнному въ недоброжелательствѣ къ государынѣ. 29-го сентября Сенатъ сообщилъ Синоду, что его приговоръ утвержденъ императрицей; а 2-го октября епископъ воронежскій Левъ, превратился къ разстригу Лаврентія. Въ началѣ декабря (2-го) ему назначила императрица ссылку въ Крестный монастырь, гдѣ велѣно содержать его „за карауломъ въ кельѣ неисходна, никого къ нему не допускать, чернилъ и бумаги для письма не давать, присылаемыя ему письма отобрать, читать и отсылать губернатору для рапортованія Сенату, и въ церковь допускать за карауломъ“.

Прямыхъ уликъ противъ главныхъ враговъ Θеофана—Георгія и Игнатія—не могло найти все усердіе слѣдователей. Θеофанъ впуталъ ихъ, однако, въ дѣло и погубилъ, при чемъ судъ обнаружилъ во всемъ блескѣ свое пристрастіе, такъ какъ вины этихъ архіереевъ были слишкомъ незначительны. Когда затѣялось дѣло о Львѣ и именнымъ указомъ было повелѣно произвести слѣдствіе, то было сказано въ указѣ, чтобы слѣдовали и о тѣхъ лицахъ, благодаря которымъ случилось промедленіе съ допросомъ Льва. Здѣсь подразумѣвались коломенскій и ростовскій архіерей. Ихъ заподозрили въ умышленномъ укрывательствѣ воронежскаго

1) Опис. Син. Арх. X, стр. 240—241.

епископа. Фактическое преступленіе ихъ, какъ выяснило слѣдствіе, состояло въ слѣдующемъ.

Синодальный секретарь Тишинъ на допросы, почему долго не слѣдовано дѣло по доношенію Льва, объявилъ, что, по докладѣ Синоду этого доношенія, Синодъ рѣшилъ подождать, не будетъ ли какого донесенія отъ губернатора. Кто былъ тогда въ синодальномъ засѣданіи, онъ не помнитъ. А по справкѣ оказалось, что присутствовалъ Игнатій, и въ черновомъ протоколѣ того засѣданія было написано: „приказали оное доношеніе и копіи отдать по повытіямъ и ничего не производить, понеже отъ помянутаго вице-губернатора въ Св. Синодъ ничего о томъ не показано". Игнатій былъ привлеченъ къ допросу, хотя сразу же видимо мѣтили больше въ Георгія. 17-го іюля отъ коломенскаго митрополита потребовали отвѣта на вопросъ: „когда отъ него сообщено архіерею ростовскому доношеніе воронежскаго архіерея на воронежскаго вице-губернатора, будто онъ вице-губернаторъ напрасно на него архіерея клевещетъ отрицаніемъ благодарственнаго о вступленіи на престолъ ея императорскаго величества молебствія, что онъ ему на то отвѣтствовалъ и приговаривалъ, и не имѣлъ ли онъ преосвященный и кромѣ Синода отъ самого воронежскаго епископа, или отъ другого кого, извѣстія и ко утайкѣ дѣла того не совѣтовалъ ли кому и самъ онъ не дѣйствовалъ ли чего"? Игнатій отвѣтилъ, что онъ не помнитъ, говорилъ ли что Георгій ростовскій, потому что доношеніе „чтено было въ обществѣ"; что сдѣлали секретари по тому доношенію, „о томъ вѣдомо въ Синодѣ"; „съ ростовскимъ архіереемъ совѣту никакого ни о чемъ не имѣлъ и самъ онъ ничего и ни съ кѣмъ не дѣйствовалъ".

Между тѣмъ Левъ на допросѣ 24-го іюля объявилъ, что писалъ о заступленіи и помощи между прочимъ Игнатію коломенскому. Видя, что его втянутъ непремѣнно въ дѣло, Игнатій спохватился и рѣшилъ лучше сразу сказать, что ему извѣстно. Память его вдругъ прояснилась, и 30-го іюля онъ пишетъ письмо синодальному секретарю Дудину съ просьбой объявить его въ Синодѣ въ дополненіе къ прежнему своему показанію. Въ письмѣ онъ говорилъ, что прежній отвѣтъ отъ него былъ потребованъ экстренно, и онъ не могъ припомнить всего, теперь же вспомнилъ, что при чтеніи того доношенія ростовскій архіерей говорилъ: „у воронежскаго

архіерея съ воронежскимъ вице-губернаторомъ давняя ссора между ими произошла и другъ на друга пишутъ по ссорѣ". И вышелъ де онъ изъ Синода вонъ. Послѣ того, тотъ ростовскій архіерей въ Синодѣ при немъ не бывалъ; а онъ остался съ оберъ-прокуроромъ Баскаковымъ и съ секретаремъ Тишинымъ и говорилъ тому Тишину, чтобъ противъ доношеній губернаторскаго (несуществующаго!) и архіерейскаго учинилъ выписку къ отсылкѣ въ Правительствующій Сенатъ, и чтобъ то дѣло отправлено было въ самой скорости незабвенно, и онъ Тишинъ что по тому дѣлу учинилъ, о томъ онъ не вѣдаетъ.

Георгій Дашковъ на сдѣланный ему запросъ отвѣтилъ (5-го сентября), что не помнитъ, говорилъ ли вышеприведенныя слова и о ссорѣ ничего не знаетъ. Что же касается показанія Игнатіева, будто онъ говорилъ Тишину о выпискѣ, то оно оказалось несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, такъ какъ доношенія губернаторскаго не существовало.

Этимъ только и ограничивались вины архіереевъ. Какъ видно изъ предыдущаго, еще съ большимъ основаніемъ можно было обвинить Игнатія, чѣмъ Георгія. Именно, Игнатій не сказалъ всего сразу, видимо солгалъ на счетъ разговора съ Тишинымъ. Все это показывало, что онъ говоритъ не по чистой совѣсти, что-то утаиваетъ, въ чемъ то считаетъ нужнымъ оправдываться. Впрочемъ, на основаніи его отвѣтовъ, его можно было только заподозрить, но не уличить въ укрывательствѣ Льва воронежскаго. Противъ Георгія уликъ прямо никакихъ не было, кромѣ словъ показанныхъ Игнатіемъ, отъ которыхъ къ тому же Дашковъ отказывался и которыхъ никто больше изъ свидѣтелей не подтвердилъ. Но даже если эти слова дѣйствительно были сказаны, то ничего преступнаго тутъ не было и укрывательства видѣть было нельзя, потому что въ самомъ дѣлѣ было странно начинать слѣдствіе по *оправданію*, когда не существовало формальнаго *обвиненія*. Подождать доноса вице-губернатора было весьма естественно. Никакихъ другихъ подозрительныхъ фактовъ слѣдствіе не открыло

Мы уже говорили, что въ глазахъ правительства дѣло Льва было представлено въ политическомъ свѣтѣ, и по этому направленію велось слѣдствіе. Ядро той партіи, къ которой принадлежалъ Левъ, очевидно, находилось въ Москвѣ. Все

давало возможность предполагать, что его составляли изъ духовенства Георгіи и Игнатіи. Воронежская исторія, по мысли слѣдователей, была несомнѣнно въ связи съ московскими событіями и лицами. Послѣднихъ искали усиленно или, вѣрнѣе, старались ревностно уличить, такъ какъ личности ихъ подозрѣвали Но поиски были тщетны. Письма изъ Москвы не были обнаружены. Письма Льва къ Игнатію и Георгію съ просьбой о защитѣ въ подлинникѣ не нашлись, а по словамъ ихъ адресатовъ они не содержали ничего важнаго. Самое большее, что можно было вывести изъ факта ихъ существованія—это существованіе связи между всѣми подозрѣваемыми епископами; но связь эта могла быть вовсе не на почвѣ политическихъ убѣжденій. Левъ могъ обратиться къ знакомымъ ему лицамъ за помощью въ трудную минуту, и не будучи ихъ единомышленникомъ.

Но Θеофанъ убѣдилъ, должно быть, государыню, что, не смотря на отсутствіе фактическихъ доказательствъ, политическая преступность ростовскаго и коломенскаго архіереевъ несомнѣнна. Правительство сочло возможнымъ подозрѣваемыя вины вмѣнить за дѣйствительныя и обвинить Георгія и Игнатія за соучастіе въ дѣла Львѣ или вѣрнѣе за единомысліе съ нимъ въ политикѣ. Обвиненіе было построено только на тѣхъ жалкихъ обвиненіяхъ въ укрывательствѣ, которыя единственно можно было извлечь изъ слѣдственнаго дѣла.

Георгій ростовскій зналъ, откуда исходятъ направленные противъ него удары, и предвидѣлъ, что торжествующій противникъ будетъ безпощаденъ. Поэтому онъ задумалъ спасти себя, попросивъ увольненія на покой по собственной волѣ. 13-го сентября онъ послалъ государынѣ прошеніе, а Синоду доношеніе, что онъ по болѣзненности своей не можетъ уже править епархіей и проситъ уволить его отъ должности и отпустить на обѣщаніе въ толгскій монастырь. Синодъ (3-го октября) поддержалъ просьбу Георгія, только въ своемъ докладѣ императрицѣ добавилъ, чтобы Дашкова „въ толгской и въ другіе той епархіи монастыри для пребыванія его не опредѣлять, дабы не воспослѣдовало отъ того всей той епархіи смущенія и неспокойства, съ немалымъ христіанства соблазномъ“ [1]).

1) Опис. д. и д. Арх. Св. Син. X, № 388/101.

Но Θеофанъ не удовлетворился этимъ добровольнымъ удаленіемъ противника со сцены. Онъ готовилъ ему участь болѣе печальную. Георгію не дали уйти спокойно, а постарались поскорѣе поставить его въ положеніе подсудимаго. Его привлекли къ отвѣтственности за подозрѣваемую политическую вину—участіе въ воронежской исторіи. Дашкова потребовали съ Игнатіемъ къ отвѣту въ серединѣ октября. Правительство считало тяжкимъ преступленіемъ уже тѣ подозрѣнія, которыя навлекли на себя ростовскій и коломенскій архіереи. Пусть не было фактическихъ доказательствъ ихъ виновности, ихъ принадлежности къ партіи, несимпатизировавшей государынѣ. Новгородскій архіерей сумѣлъ подозрѣніе довести до степени полнаго убѣжденія.

Дѣло о Георгіѣ и Игнатіѣ перешло въ вѣдѣніе Сената. Сенатъ посылалъ курьеровъ за ними, и когда ихъ привезли въ Москву, то былъ въ Сенатѣ же назначенъ на 28-ое октября имъ допросъ, при которомъ со стороны Синода присутствовали два члена—архіепископъ сарскій Леонидъ и суздальскій епископъ Іоакимъ. 17-го ноября состоялся высочайшій указъ: „Хотя ростовскій епископъ Георгій по дѣлу разстриги Лаврентія въ показанныхъ противностяхъ и въ преслушаніи ея императорскаго величества указовъ явнымъ сообщникомъ и не явился, однако жъ не весьма въ томъ безъ подозрѣнія остался, какъ о томъ явствуетъ въ дѣлѣ: къ тому жъ и самъ онъ, оставя свою епархію, самовольно жилъ въ Ярославскомъ Толгскомъ монастырѣ и потомъ билъ челомъ ея величеству, чтобъ отъ епархіи его уволить и отпустить на келейное обѣщаніе, того ради, какъ по первому резону, такъ и по его прошенію, оставя ему епископскій санъ, ея императорское величество повелѣла быть ему въ монастырѣ харьковскомъ“ [1]). Но это было только вступленіе: находили неловкимъ все-таки слишкомъ тяжко покарать человѣка, стараго архіерея, по одному только подозрѣнію, безъ всякихъ доказательствъ. Георгій даже и не былъ въ харьковскомъ монастырѣ; это считалось слишкомъ малымъ наказаніемъ. 5-го декабря Θеофанъ объявилъ Синоду, что государыня велѣла подать докладъ, въ какой монастырь послать Георгія: стало быть

---

1) П. С. П. и Р. VII, № 2396.

прежнее распоряженіе уже безмолвно отмѣнили. Синодъ указалъ на нѣсколько монастырей. Высочайшимъ указомъ 24-го декабря велѣно сослать Дашкова въ Каменный вологодскій монастырь; а 28-го декабря преосвященный Георгій былъ лишенъ епископскаго сана и простымъ монахомъ отправился въ назначенную ссылку.

Что повліяло на такое отягченіе участи опальнаго архіерея? Новыя ли обстоятельства, или, дѣйствительно, только считали неловкимъ сразу произнести грозный приговоръ за весьма проблематичное фактически преступленіе? Можно предположить и новыя обстоятельства. Именно, мы знаемъ, что какъ только Георгій былъ потребованъ въ Москву, назначили по высочайшему указу слѣдствіе въ его епархію съ цѣлью обнаружить злоупотребленія по управленію ею. 24-го октября Θеофанъ объявилъ Синоду, что наканунѣ императрица объявила ему, что ей извѣстно учинилось, „что ростовскій архіерей Георгій въ ростовской епархіи чинилъ тамошнимъ обывателямъ и монастырямъ разореніе“, и повелѣла „изъ Св. Синода въ ростовскую епархію послать указъ, дабы той епархіи духовнаго и мірского всякаго званія люди объявили безъ утайки, какія кому разоренія учинилъ тотъ архіерей Георгій“ [1]). Злоупотребленія были обнаружены въ многочисленномъ количествѣ, преимущественно въ видѣ взятокъ. Слѣдователь прислалъ о нихъ донесеніе во вторую половину ноября мѣсяца. Профессоръ Чистовичъ полагаетъ [2]), что это слѣдствіе и повліяло на отягощеніе участи Георгія. Но едва ли это было такъ, потому что, объявляя архіерею карательные приговоры, правительство не упомянуло ни разу о его епархіальныхъ злоупотребленіяхъ. Между тѣмъ несправедливость приговора, основаннаго на одномъ подозрѣніи, требовала для своего смягченія таковаго упоминанія. По всему кажется, что на обнаруженныя злоупотребленія вниманія мало обратили, какъ на незначительную вину, тѣмъ болѣе, что взяточничество было общимъ порокомъ времени, и если бъ за него ссылать виновныхъ, то пришлось бы наполовину очистить администрацію. Вѣрнѣе думать, что пра-

1) Описаніе дѣлъ и документовъ Син. архива X, № 422-259.

2) Стр. 292.

вительство, убѣжденное Θеофаномъ въ „политической неблагонадежности“ Дашкова, сначала же предрѣшило его судьбу, но нашло благоразумнымъ исполнить свой приговоръ постепенно. Вѣдь во всякомъ случаѣ была большая разница, сразу ли обратить архіепископа въ разстригу и послать въ заточеніе, или сперва уволить его на покой, а потомъ, когда впечатлѣніе отъ этого улеглось, можно было незамѣтно уволеннаго лишить сана и сослать.

Игнатія коломенскаго постигла участь, одинаковая съ Дашковымъ. Эти два лица мыслились нераздѣльно. Какъ для Θеофана оба были непріятны, такъ и правительство подозрѣвало обоихъ въ воронежской исторіи и преступныхъ убѣжденіяхъ. Приговоръ надъ Игнатіемъ былъ объявленъ изъ Сената Синоду 2-го февраля. „Коломенскаго митрополита Игнатія, что онъ въ допросахъ своихъ сказывалъ и на очныхъ ставкахъ говорилъ, подтверждая къ истинѣ самомъ своего архіерейства, 1) будто какъ доношеніе того разстриги (Лаврентія-Льва) въ синодѣ чтено, тогда при томъ былъ ростовскій и имѣлъ разсужденіе, что воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ съ нимъ, разстригою, пишутъ другъ на друга по старой ссорѣ, чего по протокольной запискѣ и по допросамъ секретаря Тишина не явилось, и тверской архіепископъ и Алексѣй Баскаковъ того не показали; 2) онъ же, коломенскій, сказалъ, будто по выходѣ ростовскаго изъ Синода онъ, коломенскій, тверской архіепископъ и Баскаковъ приказывали секретарю Тишину сдѣлать изъ доношенія разстригина выписку для посылки въ Сенатъ, и будто на то доносилъ имъ Тишинъ, что Богъ де знаетъ, что ростовскій ничего не говорилъ,—и на то будто онъ съ Баскаковымъ ему, Тишину, еще подтверждали, чтобъ ту выписку сдѣлалъ, и Баскаковъ де особливо говорилъ, что ежели онъ той выписки не сдѣлаетъ, то онъ станетъ доносить,—а того всего по изслѣдованію не явилось, а Пашкова въ Синодъ и доношенія не было; а говорилъ онъ, коломенскій, все вышеписанное, затѣвая ложно; и за ту его вину, лиша сана архіерейскаго послать въ Свіяжскій Богородицкій монастырь“ [1]). Тѣмъ же указомъ уволнялся отъ должности оберъ-прокуроръ Баскаковъ. Такимъ

1) Опис. Син. Арх. X, стр. 245-246.

образомъ, коломенскій митрополитъ по оффиціальному приговору поплатился за „укрывательство“ Льва воронежскаго, а потомъ за собственное неудачное оправданіе. Въ его присутствіи читалось доношеніе Льва и было отложено дѣло о немъ—это была прямая вина архіерея. Несостоятельными оправданіями онъ подтвердилъ только ее. Но, конечно, всѣ эти „преступленія“ были не настолько тяжелы, чтобы заслуживать такого строгаго наказанія. Важно было то, что подозрѣвали за фактомъ „укрывательства“, а вѣрнѣе промедленія дѣла—политическія убѣжденія Игнатія, его приверженность къ царицѣ Евдокіи и, быть можетъ, сочувствіе верховническому замыслу. Теперь, безъ сомнѣнія, вспомнили его связи съ Лопухиной, разъ уже приведшія къ его низложенію, сопоставили ихъ съ возношеніями ее въ Воронежѣ еп. Львомъ по полученіи манифеста о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, и рѣшили, что все это люди одной партіи, которую слѣдуетъ уничтожить для безопасности императорскаго престола и покарать за ея недоброжелательство къ императрицѣ.

Недолго, однако, и въ ссылкѣ оставались въ покоѣ опальные архіереи. Ихъ испытынія не кончились: 1730 годъ былъ только первымъ актомъ трагедіи ихъ жизни. Игнатій первый былъ потревоженъ въ своемъ ссыльномъ мѣстопребываніи.

Въ сентябрѣ 1731 года архимандритъ владимірскаго Рождественскаго монастыря Гавріилъ донесъ Синоду, что Игнатій въ бытность свою въ Свіяжскомъ монастырѣ ѣздилъ, въ февралѣ 1731 года, въ Раиѳскую пустынь къ казанскому архіерею Сильвестру, по приглашенію послѣдняго. Потомъ въ маѣ самъ Сильвестръ пріѣзжалъ въ Свіяжскъ и на другой день по пріѣздѣ звалъ къ себѣ Игнатія на подворье, въ праздникъ Николая Чудотворца служилъ въ монастырѣ и былъ послѣ литургіи у Игнатія въ кельѣ, а на другой день опять Игнатій былъ у Сильвестра. Синодъ поручилъ Ѳеофану донести объ этомъ государынѣ. 6-го сентября Ѳеофанъ доложилъ, что государыня именнымъ указомъ повелѣла по доношенію Гавріила „изслѣдовать въ самой крайней скорости и по изслѣдованіи, учиня краткой экстрактъ, доложить ея императорскому величеству“. Началось обширное слѣдственное дѣло, погубившее Сильвестра ка-

занскаго и увеличившее тягость положенія бывшаго коломенскаго митрополита [1]).

Свиданіе двухъ архіереевъ возбудило подозрѣніе, что партія Игнатіева не уничтожена окончательно, что Сильвестръ казанскій сочувствуетъ опальному архіерею и является его единомышленникомъ, что свиданіе было, вѣроятно, не безцѣльно, заточенный митрополитъ не забытъ, а его друзья сносятся съ нимъ и продолжаютъ дѣйствовать. При слѣдствіи выяснилось еще яснѣе сочувствіе Сильвестра къ свіяжскому узнику. Оказалось, что кромѣ факта свиданія, казанскій архіерей велъ себя по отношенію къ Игнатію подозрительно. Онъ отдавалъ ему почтеніе на подобіе архіерея, въ разговорахъ именовалъ „владыко святый“ цѣловался съ нимъ, какъ съ равнымъ, садилъ его за публичными столами на первое послѣ себя мѣсто, возилъ въ разные дома съ собою, допускалъ при себѣ благословлять. Все это говорило за сочувствіе сосланному, и, стало быть, давало предполагать единство ихъ убѣжденій, бросало такое же пятно подозрѣнія на Сильвестра, какое лежало на Игнатіѣ. Слѣдователямъ представлялась такая комбинація. Сильвестръ человѣкъ той же партіи, что Игнатій, Георгій, Левъ; поэтому онъ относится къ узнику съ такимъ уваженіемъ и сочувствіемъ; его свиданія съ сосланнымъ епископомъ—результатъ тайной дѣятельности ихъ партіи, которая сносится съ заключеннымъ и во время ссылки, сносится отчасти чрезъ казанскаго митрополита. Быть можетъ, на свиданіяхъ этихъ Сильвестръ сообщалъ Игнатію какія либо важныя свѣдѣнія, сокровенныя надежды и виды ихъ общихъ единомышленниковъ, касающіеся существующаго политическаго порядка вещей; быть можетъ, дѣлалъ это Игнатій. Что всѣ эти подозрѣнія были у слѣдователей, ясно изъ многочисленныхъ допросовъ, сдѣланныхъ во время этого продолжительнаго слѣдствія.

Игнатія и Сильвестра усиленно выспрашивали, не было ли у нихъ какихъ важныхъ разговоровъ, особенно тайныхъ, „и буде были, о чемъ именно“. При этомъ такіе секреты ставились въ связь съ подозрѣваемыми сноше-

---

1) Послѣдующее изложено по синодскому дѣлу 1731 г. № 294 и по дѣлу 1741 г. № 627. Дѣло 1731 г. № 294 см. въ Опис. дѣлъ и док. Арх. Св. Син. т. XI, № 338/294.

ніями съ Москвою. Опять, какъ нѣкогда у Льва, усиленно искали писемъ изъ Москвы. Въ сношеніяхъ съ нею подозрѣвали обоихъ—и узника и сочувствующаго ему архіерея. Сильвестру задавали вопросъ: „Не объявлялъ ли оный Игнатій тебѣ митрополиту тайно или явно каковыхъ присланныхъ къ нему изъ Москвы писемъ, и буде объявлялъ, отъ кого тѣ письма были писаны, и очемъ именно и давно ль, и не писано ль чего въ тѣхъ письмахъ скрытно и буде было написано, что именно, и чрезъ оное что ты митрополитъ и оный Игнатій разумѣли и признавали, и не касалось ли какой важности и буде касалось, какая та важность была именно, и тѣ письма у него ль Игнатія обрѣтаются“ (п. 3.) Архимандриту Свіяжскаго монастыря Алексѣю Раѳескому, ведшему на мѣстѣ слѣдствіе, было поручено между прочимъ: „У того монаха Игнатія въ кельѣ его, гдѣ онъ жительство имѣетъ, всякія письма пересмотрѣть, не имѣется ли въ нихъ каковыя о чемъ важности, а болѣе въ тѣхъ письмахъ того смотрѣть накрѣпко, что не явится ли какихъ писемъ, писаныхъ къ нему монаху уже по присылкѣ его въ тотъ монастырь изъ Москвы или изъ другихъ мѣстъ отъ кого, и буде явятся таковыя, и хотя бъ и важности въ нихъ никакой не было, то тѣ всѣ и съ важными явившимися взять и прп немъ монахѣ Игнатіи описать“ и прислать въ Синодъ. Прикосновеннаго къ дѣлу архимандрита Питирима спрашивали (п. 17): „Въ бытность твою, Архимандрита Питирима, у монаха Игнатія въ кельяхъ наединѣ, письма какія, писанныя къ нему монаху изъ Москвы или отъ него монаха къ Москвѣ, показыванныя видѣлъ ли и ихъ читалъ ли и буде видѣлъ и читалъ, кто именно къ нему монаху изъ Москвы или онъ къ Москвѣ ихъ кому писали и о чемъ и давно ль и не было ль въ тѣхъ письмахъ писанныхъ каковыхъ подозрительныхъ и къ важности склонныхъ рѣчей, и буде были, каковыя именно; и преосвященному Сильвестру митрополиту тотъ монахъ Игнатіи таковыхъ не писалъ ли и въ такой же силѣ подобныхъ какъ выше сего изображено въ которое нибудь время по свиданіи не показывалъ ли, или чрезъ кого казать не присылалъ ли, и отъ себя тотъ преосвященный митрополитъ къ тому Игнатію или отъ Игнатія къ нему митрополиту писемъ не писали ль?“ Допрашивали о письмахъ и дру-

гихъ лицъ, именно, келаря Свіяжскаго монастыря и келейниковъ Игнатія. Сношенія узника съ свободнымъ міромъ больше всего интересовали слѣдователей; по нимъ хотѣли они добраться до доброжелателей сосланнаго епископа.

Побужденіе Сильвестра къ свиданію съ Игнатіемъ казалось также весьма подозрительнымъ. И здѣсь подозрѣвали постороннее вліяніе, какую то тайную цѣль, чувствовали слѣды дѣла партіи. Сильвестра спрашивали: самъ ли онъ собою, *„или по чьему приказанію и согласію“*, призывалъ Игнатія. Солидарность съ опальнымъ казанскаго архіерея представлялась дѣломъ очевиднымъ. Сильвестру прямо ставили на видъ: „вѣдая ты митрополитъ о его Игнатіевѣ немаловажномъ подозрѣніи, за какого человѣка ты митрополитъ онаго Игнатія признавалъ, и компанію, какъ съ честными людьми имѣть принадлежитъ, ты митрополитъ съ нимъ Игнатіемъ имѣть бы былъ долженъ ли, и тебѣ митрополиту, яко честной духовной особѣ, къ тому монаху Игнатію въ келью сущу немалоподозрительну, хотя бъ кто другіе такое дерзновеніе и имѣли, смотря на тѣхъ ходить было, *ежели не для какого согласія*, отнюдь не должно“. Тайные разговоры Сильвестра съ Игнатіемъ считались безспорнымъ фактомъ, потому что, говорили имъ, „между вами имѣлось любленіе не малое“, и „безъ того обойтися вамъ было невозможно“. Въ явныхъ разговорахъ искали словъ, въ которыхъ выразились бы политическія симпатіи, недовольство правительствомъ. Поводомъ къ этому могъ быть суровый приговоръ надъ Игнатіемъ, и потому его спрашивали, не говорилъ ли съ нимъ Сильвестръ какихъ „важныхъ словъ“ о лишеніи его сана и ссылкѣ [1]).

Но поиски писемъ были совершенно без лодны, какъ и въ Воронежѣ. Даже намека на ихъ существованіе не нашли. Была, правда, найдена въ чуланѣ у келейниковъ Игнатьевыхъ „тетрадка въ четверть“, въ которой написано, „яко бы форма письму къ незнаемой персонѣ“, таковымъ образомъ: „сй сумнѣваюся о васъ, понеже не знаемъ, гдѣ вы обрѣтаетеся, уже тому цѣлый годъ, ниже письма отъ преподобія вашего получихомъ, ниже честнаго лица вашего

---

1) Вопросные пункты Игнатію 7-го ноября 1731 г .(въ особ. Прилож. къ XI т. Опис. Арх. Св. Син. № В/53, п. 8).

сподобихомся видѣти, нынѣ же любовью горя къ вамъ, желая о васъ извѣстія, вседушно дерзну къ вамъ писаніемъ моимъ бесѣдовати, хотя и писаніемъ, обаче духомъ всегда съ вами". Игнатія тотчасъ же запросили: „таковое письмо не отъ тебя ль монахъ Игнатій къ кому было писано и буде отъ тебя, къ кому именно, и для чего и давноль, или не къ тебѣ ль монаху Игнатію кто писалъ" [1]). Однако, такъ и не удалось выяснить происхожденія чуланной находки. У Игнатія въ кельѣ нашли еще лоскутокъ бумаги, на которомъ уставомъ было написано: „зло есть навѣтъ", потомъ—„никогда же есть бездѣленъ сатана, находитъ же всегда на всѣхъ сильныхъ разрѣшая, преподобныхъ искушая, сотвори же и предателя апостола, горе мнѣ нѣкто рече, аще и концы земные претечеши, и тамо есть злоба". И эту находку не оставили безъ вниманія, а спросили у Игнатія: „тѣ рѣчи изъ которой книги выписаны, и кто той книги авторъ, или тѣ рѣчи написаны кѣмъ отъ собственнаго своего ума, и буде такъ оное дѣлано, кто именно счинялъ, и давноль, и для чего, и какую тѣ рѣчи съ себѣ силу заключаютъ, и къ чему приличествуетъ, *и не на укоризну ль каковымъ знатнымъ персонамъ*, которые никаковой причины подозрительной за собою не знаютъ, оныя рѣчи писаны, и буде на укоризну, оное чинено кому именно" [2])? Но опять любопытство слѣдователей не было удовлетворено, такъ какъ «укоризны» не открыли.

У Сильвестра сдѣлано было три литературныхъ находки, но политическаго и здѣсь ничего не нашли; только одна изъ нихъ задѣвала новгородскаго архіепископа. Находками явились: 1) Тетрадь, писанная на подобіе исторіи о бѣломъ клубокѣ съ нѣкоторою припискою, сдѣланною рукою Сильвестра. Сильвестръ показалъ, что тетрадь онъ получилъ по смерти новгородскаго архимандрита Іова, а что въ той тетради приписано его рукой, то писано не къ поношенію чести императорскаго величества, а укоряя римлянъ. 2) Тетрадь, содержащая копію съ указа о монастыряхъ и монахахъ, опять съ приписками Сильвестра. О нихъ митрополитъ показалъ, что сдѣланы онѣ отъ безумія, а не по злобѣ

1) Ibid. n. 15.
2) Ibid. n. 14.

и не къ поношенію чести императорскаго величества. 3) Письмо на полулистѣ съ приписками и цидулкою архіерея, въ которой сначала написано такимъ образомъ: „сыпове восточныя церкви, вси православные христіане, по ревности своей отъ всея души жалѣя, объявляемъ главную обиду святыя соборныя нашея церкви, во-первыхъ, первыхъ духовныхъ дѣлъ судія присмотру о ней не имѣетъ, и о полезномъ не радѣетъ, и о другихъ соборныхъ церквахъ небрежетъ. И по всему видно суть, что онъ не православенъ". На счетъ этой приписки Сильвестръ сознался, что написалъ ее о Θеофанѣ, „по злобѣ и отъ безумія, а неправославія и противности никакой церковной за тѣмъ архіепископомъ онъ митрополитъ не знаетъ; и въ томъ онъ виновенъ".

Что касается свиданія Сильвестра съ ссыльнымъ митрополитомъ, то и узникъ и казанскій архіерей объясняли его самыми безхитростными мотивами. Въ пустынь Игнатіи пріѣзжалъ помолиться. Сильвестръ то же.. Звалъ къ себѣ Игнатія Сильвестръ потому, что не зналъ указа, при которомъ присланъ былъ въ монастырь Игнатіи, и думалъ, что ему не запрещено выѣзжать изъ монастыря (запрещенія дѣйствительно въ указѣ не было).

Болѣе посчастливилось слѣдователямъ въ области „разговоровъ". Сначала и здѣсь ничего подозрительнаго не находили. Но потомъ архимандритъ Спасскаго Преображенскаго монастыря Питиримъ показалъ, что въ бытность въ Раѳской пустыни Сильвестръ съ Игнатіемъ зашли въ келью къ намѣстнику, гдѣ квартировалъ Игнатій, и сѣли на конецъ стола, оба шумные. И пагнувшись къ митрополиту Сильвестру, Игнатій говорилъ тайно, вотъ де лишили меня архіерейскаго сана напрасно, и ей ли бабѣ архіерея судить. Митрополитъ ничего на то не выговорилъ и умолчалъ.

Тотчасъ, конечно, ухватились за это показаніе. Оно показалось, какъ и слѣдуетъ ожидать, весьма важнымъ. Наконецъ то слѣдователи открыли доказательство „политическаго характера", доказательство недоброжелательства къ императрицѣ. 15 ноября 1731 года Синодъ подалъ докладъ государынѣ о показанныхъ Питиримомъ словахъ и испрашивалъ ея указа, „какими мѣрами съ вышепоказанными персонами поступать надлежитъ". Питирима, находившагося уже прежде въ оковахъ при синодальной канцеляріи, стали послѣ

этого стеречь еще строже. 19 ноября Ѳеофанъ объявилъ Синоду, что на Синодскій докладъ государыня указала взять Игнатія въ Москву подъ крѣпкимъ арестомъ для допроса, а Сильвестра допросить, гдѣ Синодъ разсудитъ. Синодъ назначилъ для допроса Сильвестра Благовѣщенскій мон. въ Нижнемъ Новгородѣ, куда онъ долженъ былъ пріѣхать изъ Казани. Начались допросы. Игнатій показалъ, что таковыхъ словъ не говорилъ, а говорилъ только, что „онъ страждетъ напрасно и вины своей никакой не знаетъ“. Сильвестръ также подтвердилъ, что высказанныхъ словъ не слыхалъ. Келарь Свіяжскаго монастыря іеромонахъ Макарій подтвердилъ съ своей стороны показанія Игнатія, дополнивъ тѣмъ, что Игнатій прибавилъ: „воля Божія и ея императорскаго величества“, а Сильвестръ на тѣ слова говорилъ Игнатію: „терпи, отче, и благодари Бога“. Келейники Игнатіевы тоже свидѣтельствовали, что вышепоказанныхъ Питиримомъ важныхъ словъ Игнатій не говорилъ при нихъ, а неоднократно лишь говаривалъ, что сосланъ безъ вины. Все это, повидимому, доказываетъ, что, дѣйствительно, важныхъ словъ сказано не было. Откуда же взялъ ихъ Питиримъ? Если судить по предыдущимъ показаніямъ, то онъ ихъ прибавилъ отъ себя. Но есть фактъ, говорящій и за то, что Питиримъ показывалъ правду. Именно, на очной ставкѣ съ Питиримомъ, Игнатій сталъ говорить, что не помнитъ, говорилъ ли важныя слова, такъ какъ былъ пьянъ. И Сильвестръ теперь сталъ ссылаться на забывчивость, свойственную старости. Въ результатѣ, пожалуй, приходится болѣе повѣрить Питириму, потому что едва ли бы стали ссылаться подсудимые на забывчивость, если бы факта не было: имъ было естественнѣе стоять на прежнихъ показаніяхъ.

Какъ видно изъ всего предыдущаго, вина казанскаго митрополита состояла въ близкихъ отношеніяхъ къ заточенному Игнатію коломенскому. Хотя слѣдствіе не открыло ничего важнаго, никакого политическаго преступленія за подсудимыми, кромѣ „важныхъ“ словъ Игнатьевыхъ; но слѣдователи остались при своихъ подозрѣніяхъ. Не найдя писемъ изъ Москвы, не открывъ „тайныхъ“ мотивовъ свиданія и его предполагаемой цѣли, объясненіямъ архіереевъ все таки не повѣрили. Свое недовѣріе Синодъ высказывалъ открыто и потому дважды объ одномъ и томъ же допрашивалъ Силь-

вестра, внушая ему отвѣтить по чистой совѣсти. Но кромѣ вышеприведенныхъ фактовъ ничего не открыли. Факты эти могли послужить къ обвиненію развѣ только Игнатія, именно, его непочтительныя слова о государынѣ. Сильвестръ *юридически* не имѣлъ за собою никакого преступленія. Тѣмъ не менѣе его завинили. Его постигла участь, подобная Георгіевой: обвиненія основаны были на одномъ подозрѣніи – Участіе Θеофана въ дѣлѣ Сильвестра несомнѣнно. Но что же подозрѣвалъ этотъ архіерей и что заставилъ онъ подозрѣвать правительство?

Что касается самого Θеофана, то, надо полагать, казанская исторія представлялась ему въ такомъ видѣ. Сильные архіереи сносятся между собою и, главное, съ своими единомышленниками. Враги Прокоповича не дремали. Они постоянно подкапывались подъ него, все на почвѣ обвиненія въ лютеранствѣ, и въ царствованіе Анны разыгрывались главныя сцены подпольной борьбы съ Θеофаномъ его противниковъ [1]). Во главѣ послѣднихъ, прежде, до низложенія, стояли Георгій и Игнатій. Теперь Θеофанъ увидѣлъ, что партія ихъ не раздавлена, что у сосланныхъ есть доброжелатели, къ которымъ Прокоповичъ причислялъ казанскаго архіерея, что, быть можетъ, они замышляютъ что либо противъ него новое и дѣйствуютъ въ пользу заключенныхъ. Θеофанъ постарался подавить эти признаки дѣятельности своихъ враговъ въ самомъ началѣ. А такъ какъ слѣдствіе убѣдило его въ томъ, что Сильвестръ также не только простой доброжелатель его врага, но и самъ его противникъ— (письмо, найденное у Сильвестра), то новгородскій архіерей употребилъ усиліе устранить и его съ своего пути. На свободѣ Сильвестръ, занимавшій видное мѣсто, былъ опасенъ для Θеофана.

Но это были его собственные разсчеты. Предъ правительствомъ онъ не могъ обнаружить ихъ. Здѣсь онъ представилъ дѣло, по обыкновенію, въ политическомъ свѣтѣ и въ такомъ направленіи повелъ слѣдствіе чрезъ Синодъ. О политическихъ подозрѣніяхъ, обнаружившихся въ дѣлѣ Сильвестра и Игнатія, мы уже говорили выше. Это было продолженіемъ воронежской исторіи. Какъ для Θеофана всѣ

1) Мы не будемъ касаться этой борьбы, такъ какъ она весьма подробно изложена въ книгѣ Чистовича.

преслѣдуемыя имъ лица были единомышленниками, людьми одной партіи, такъ и въ глазахъ правительства они были таковыми, при чемъ партіи приписывались антиправительственныя симпатіи. Разъ очернивъ своихъ противниковъ предъ государыней, Прокоповичу было легко представить новыхъ изъ нихъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Интересы императорской власти сливались съ личнымъ интересомъ Ѳеофана, благодаря его ловкому маневру. Само того не подозрѣвая, правительство играло въ руку церковнаго временщика. Это замѣчается даже въ частностяхъ дѣла Такъ, напримѣръ, знаменитыя „письма изъ Москвы“: чрезъ нихъ хотѣли открыть членовъ партіи, къ которой принадлежалъ Игнатій, оставшихся въ тайнѣ для правительства и Ѳеофана. Такое открытіе было весьма желательно и интересно для обоихъ. Ѳеофанъ же разомъ достигалъ двухъ цѣлей: предъ государыней онъ обнаруживалъ ревностное усердіе въ дѣлѣ открытія крамолы, а тѣмъ временемъ, подъ прикрытіемъ такого флага, допекался до своихъ враговъ и недоброжелателей.

Сильвестръ предчувствовалъ, что ему придется плохо. Когда онъ получилъ вызовъ въ Нижній Новгородъ и по ходу дѣла увидѣлъ, что ему не разубѣдить слѣдователей въ своей политической преступности, тѣмъ болѣе, что всѣмъ дѣломъ заправлялъ Ѳеофанъ чрезъ покорный ему Синодъ; то онъ вздумалъ прибѣгнуть къ личному объясненію съ императрицей, чтобы избѣжать Ѳеофановскаго посредства. Въ декабрѣ Сильвестръ написалъ слезное прошеніе великой княгинѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, прося ее заступиться предъ государыней за него, – именно, испросить ему личную аудіенцію, „чтобы онъ могъ оправдаться въ своемъ прегрѣшеніи, учиненномъ отъ одной простоты“. Однако, попытка не удалась. Прошеніе попало въ концѣ концовъ въ руки Ѳеофана, который передалъ его въ Синодъ. Аудіенціи Сильвестръ не получилъ.

Въ концѣ декабря разразился приговоръ. 28-го декабря Салтыковъ отъ имени государыни потребовалъ дѣло Сильвестра или экстрактъ изъ него, а 31-го, чрезъ Салтыкова же, полученъ былъ указъ императрицы. О Игнатіѣ опредѣлялось слѣдующее: „Бывшаго коломенскаго архіерея, который по лишеніи архіерейства посланъ былъ въ Свіяжскій монастырь, однако-жъ нынѣ впалъ паки въ жесточайшее

преступленіе, за что подлежалъ былъ жестокаго истязанія, токмо ея императорское величество милосердуя изволила указать: его Игнатія за показанныя его вины нынѣ послать къ городу Архангельску въ Никольской корельской монастырь, который на устьѣ рѣки Двины, подъ карауломъ, и быть ему въ томъ монастырѣ безвыходно и писемъ никакихъ ему писать не давать, и къ нему никого не допускать, а буде къ нему отъ кого присылать будутъ письма, оныя осматривать и читать, и ежели какое подозрѣніе явится, то онаго чернеца Игнатія держать подъ крѣпкимъ карауломъ, и содержать его въ пищѣ и въ прочемъ, какъ простого монаха“ [1]).

О Сильвестрѣ было подано два экстракта: одинъ по дѣлу о свиданіи, другой о найденныхъ у него письмахъ, которыя мы упоминали выше. Государыня указала: казанскаго архіерея „послать на обѣщаніе въ Александроневскій монастырь, и велѣть ему быть въ томъ Невскомъ монастырѣ безъисходно, такъ, какъ и прочіе архіереи на обѣщаніи живутъ, токмо будучи ему архіерею въ томъ монастырѣ въ служеніи не быть, и мантіи архіерейской также и панагіи носить ему не велѣть“.

Участь Сильвестра и въ этомъ напоминаетъ судьбу Георгія Дашкова. Такъ какъ на казанскомъ митрополитѣ лежало лишь одно подозрѣніе, то слишкомъ суровое наказаніе назначить было не ловко. Но спустя немного времени, церемониться перестали, причемъ отчасти Сильвестръ самъ подалъ поводъ къ ухудшенію своей участи.

Уже черезъ три мѣсяца, 28-го марта 1732 года, казанскій митрополитъ былъ переведенъ изъ Невскаго въ другой, болѣе отдаленный, монастырь Крыпицкій псковской епархіи. Въ высочайшемъ указѣ въ вину ему ставилось, что онъ „содержитъ себя не такъ, какъ надлежитъ, но и употребляетъ свои коварственныя ханжества, чего было ему Сильвестру отнюдь чинить не надлежало, а можетъ что и еще изъ того коварства надѣятись больше возможно худыхъ дѣлъ“ [2]). Въ Крыпицкомъ монастырѣ 20-го іюля, во время утрени, Сильвестръ кричалъ всенародно „слово и дѣло“ и требовалъ, что-

---

1) И за Игнатіемъ, дѣйствительно, слѣдили зорко сверху и напоминали о немъ тотчасъ, какъ только мѣстныя власти давали поводъ заподозрить ослабленіе въ нихъ вниманія (П. С. П. и Р. VII, 2558).

2) П. С. П. и Р. VII, 2561. Опис. д. и д. Арх. Св. Син. XII, 103/374.

бы его отвезли въ Москву въ Сенатъ съ солдатомъ Ѳедоромъ Сукинымъ, что онъ съ нимъ Сукинымъ имѣетъ дѣло великое. Несчастный думалъ этимъ способомъ облегчить свое положеніе, а вышло наоборотъ. Такъ какъ „великаго дѣла“ въ дѣйствительности не было, то этимъ случаемъ воспользовались, чтобы окончательно покончить съ архіереемъ. 21-го декабря изъ Тайной Канцеляріи было объявлено, что кабинетъ-министры Остерманъ, Черкасскій, Ушаковъ приговорили: снять съ бывшаго казанскаго архіерея архіерейскій санъ, лишить его іеромонашества и быть ему простымъ монахомъ, „дабы отъ него Сильвестра впредь продерзостей болѣе не происходило; а по исполненіи онаго, для содержанія его велѣно послать въ Выборгъ“.

Въ обществѣ и народѣ, повидимому, ходили слухи, что Сильвестръ пострадалъ невинно; участь его вызывала негодованіе съ самаго начала на несправедливость приговора. Поэтому 11-го мая 1732 года Синодъ, для успокоенія общественнаго мнѣнія, счелъ нужнымъ подать государынѣ докладъ, предлагая послать во всѣ епархіи указы объ отрѣшеніи казанскаго митрополита отъ каѳедры, въ которыхъ написать, что Сильвестръ осужденъ за „весьма важныя вины“, „дабы, якобы за невѣдѣніемъ того, неразсудные и простые люди, а паипаче коварники и злодѣи не дерзали произносить въ словахъ укорительно, будто бы тотъ бывшій казанскій митрополитъ отъ епархіи отрѣшенъ и въ подначальство посланъ за какую маловажную, а паче и ни за какую вину“ [1]). Предложеніе Синода было принято. Однако, едва ли эта мѣра могла положить предѣлъ толкамъ, потому что Синодъ совѣтовалъ „винъ тѣхъ имянно не упомнпать“. Это совѣтъ естественный, ибо упомнпать то было нечего, такъ какъ въ дѣйствительности „вины“ были довольно проблематичны и ограничивались всецѣло подозрѣніями, которыя выводить наружу правительство никогда бы не захотѣло. А голословное утвержденіе о „весьма важныхъ винахъ“ могло внушить довѣріе развѣ лишь людямъ съ ограниченными умственными способностями.

Въ декабрѣ же 1731 года завязалось новое дѣло о Георгіѣ Дашковѣ, который къ тому времени былъ уже схимона-

1) С. П. и Р. VII, 2575.

хомъ Гедеономъ [1]). Это дѣло возникло всецѣло по Ѳеофановской инициативѣ. Дашковъ, главный врагъ новгородскаго архіерея, интересовалъ всемогущаго временщика и въ ссылкѣ, по тѣмъ же мотивамъ, какъ Игнатій. Цѣлью Прокоповича было совершенно подавить своихъ противниковъ, и онъ зорко наблюдалъ, не покажетъ ли признаковъ жизни и дѣятельности противная ему партія, наблюдалъ за ссыльнымъ Георгіемъ, не обнаружатъ ли себя его доброжелатели, не сносится ли онъ съ ними, не зрѣютъ ли у нихъ новые замыслы въ ущербъ интересамъ Прокоповича. Казанская исторія, повидимому, натолкнула Ѳеофана на предположеніе, что нѣчто аналогичное могло быть и въ уединенномъ вологодскомъ Каменномъ монастырѣ, а онъ объ томъ и не вѣдаетъ. Прокоповичъ рѣшилъ провѣрить возникшее предположеніе и поручилъ развѣдать о житіи—бытіи схимонаха Гедеона синодальному оберъ-секретарю Дудину. Тотъ, подъ предлогомъ покупки лошадей, послалъ нарочнаго съ секретными письмами къ архіерейскому вологодскому секретарю Степану Осипову, поручая ему тайно собрать свѣдѣнія о каменно-монастырскомъ узникѣ и донести въ Москву. Тутъ были опять обычные вопросы, не оказываютъ ли особаго почтенія и уваженія Георгію, не переписывается ли онъ съ кѣмъ, не отлучается ли изъ монастыря, не пріѣзжаютъ ли къ нему, не ведетъ ли онъ себя, какъ архіереи и т. д.; т. е. тѣ вопросы, которые отвѣчали возникшимъ у Ѳеофана подозрѣніямъ. При этомъ Дудинъ писалъ, намекая прозрачно на Ѳеофана, что свѣдѣнія эти требуются „высокой персонѣ“, отъ которой Степановъ можетъ ожидать себѣ всякаго милосердія, снисхожденія и защиты отъ могущихъ возникнуть непріятностей отъ мѣстнаго епископа, котораго строго воспрещалось посвящать въ тайну порученія. Однако, епископъ Аѳанасій тѣмъ или инымъ путемъ узналъ о возникшихъ на верху подозрѣніяхъ и поспѣшилъ предупредить ихъ. Онъ извѣстилъ секретнымъ письмомъ Ѳеофана, будто слышалъ о слабомъ содержаніи Георгія въ Каменномъ монастырѣ и уже собралъ нѣкоторыя показанія объ этомъ отъ архимандрита Іессея. Новгородскій архіепископъ, имѣя въ рукахъ письменные документы, доложилъ о дѣлѣ госу-

1) Это дѣло см. въ „Описаніи дѣлъ и документовъ Арх. Св. Син“, т. XI, № 127/433. У Чистовича объ немъ стран. 347—365.

дарынѣ. Безъ сомнѣнія, онъ продолжалъ прежнюю игру и представилъ собственныя подозрѣнія въ прежнемъ политическомъ освѣщеніи Въ послабленіи Георгію и его поведеніи онъ умѣлъ указать руку его доброжелателей и сторонниковъ, ихъ подпольную дѣятельность. А партія Дашкова въ глазахъ правительства была проникнута тенденціями, противными настоящему императорскому правительству.

5-го, 6-го и 9-го декабря Θеофанъ объявилъ въ Синодѣ именные указы, которыми назначалось слѣдствіе по доношенію Аѳанасія. Для изслѣдованія дѣла посланы въ Вологду надежные люди [1]); для усиленія надзора за Гедеономъ назначено послать сержанта съ тремя солдатами [2]) Спасокаменскій архимандритъ Іессей и келарь Аврамій Дамаскинъ взяты въ Синодъ для допроса. Но подозрѣнія на счетъ сношеній съ свободнымъ міромъ узника, сношеній подозрительнаго характера, какъ и въ Казани, не нашли себѣ оправданія въ фактическихъ доказательствахъ. Однако, они не были и уничтожены. Узнали, что къ Гедеону присылала человѣка съ гостинцами племянница его, жена казанскаго вице-губернатора Кудрявцева; въ кельѣ у него нашли подъ поломъ чернильницу и свертокъ бумаги, въ срединѣ котораго было завѣщаніе Гедеона. Эти факты способны были только поддержать подозрѣнія, не смотря на отсутствіе доказательствъ.

Узнали также, что со стороны окружающихъ, Георгій пользовался почтеніемъ. Архимандритъ называлъ его „честнѣйшій отче“, кланялся ему, уступалъ мѣсто выше себя за столомъ. Послѣ посхимленія Гедеонъ продолжалъ благословлять всѣхъ къ нему приходящихъ. Въ монастырѣ онъ часто говаривалъ, что страдаетъ невинно, что сослали его „своя братія“ (намекъ на Θеофана), а государыня того и не вѣдаетъ, что она къ нему милостива и онъ предъ нею отъ собратовъ обнесенъ напрасно. Съ слѣдователями Георгій велъ себя гордо и заносчиво.

Такимъ образомъ, на счетъ Георгія интереснаго узнали не много, интереснаго съ правительственной политической точки зрѣнія. Но фактъ „послабленія“ съ этой же точки зрѣнія былъ уже важнѣе, обличая Георгіевыхъ доброже-

1) П. С. П. и Р. VII, 2516.
2) П. С. П. и Р. VII, 2513.

лателей. Въ дѣло было замѣшано множество лицъ, все, конечно, въ виду подозрѣваемыхъ сношеній и сочувствія узнику. Синодъ потребовалъ ихъ съ разныхъ концовъ Россіи въ цѣпяхъ или подъ карауломъ. Притянули и вологодскаго епископа Аѳанасія, которому было поставлено въ вину то обстоятельство, что онъ самовольно перемѣнилъ караулъ у Георгія. Въ указѣ, при которомъ присланъ былъ впервые Гедеонъ въ Каменный монастырь, было приказано стеречь его мѣстными монастырскими силами. Но унтеръ-офицеръ, его сопровождавшій, возвращаясь назадъ, донесъ Аѳанасію, что мѣстный надзоръ слишкомъ слабъ. Аѳанасій тогда послалъ изъ архіерейскаго дома сержанта съ солдатами, каковое распоряженіе было утверждено Синодомъ. Однако, черезъ нѣсколько времени эти караульные были отозваны назадъ, вслѣдствіе представленія монастыря, что тяжело содержать ихъ. Надзоръ за Гедеономъ опять перешелъ къ отставнымъ солдатамъ, которые находились въ монастырѣ и были плохими стражниками. Слѣдствіе открыло это положеніе вещей, и Аѳанасія заподозрили въ умышленномъ послабленіи Георгію, стало быть въ сочувствіи къ нему. Вологодскій епископъ сильно испугался: ему уже мерещилась участь Сильвестра казанскаго. И вотъ онъ сталъ клясться предъ Синодомъ, что перемѣну караула устроилъ отнюдь не изъ какой либо любви къ Гедеону, что онъ никогда не проявлялъ къ узнику благосклонности и снисхожденія, ни разу не посѣтилъ его, не высказалъ ему сочувствія. Епископъ кощунственно какъ бы гордился и ставилъ въ свое оправданіе то, что онъ не питаетъ, подобно Христу, любви къ врагамъ своимъ, а Георгій и его личный недругъ. Онъ призывалъ на голову свою проклятіе даже по смерти въ случаѣ, если его слова окажутся несправедливы. Такъ страхъ заставляетъ унижаться человѣка! Потомъ Аѳанасій приводилъ въ свою защиту и то, что въ именномъ указѣ о содержаніи Георгія его велѣно стеречь монастырскими силами, такъ что посылка стражи изъ архіерейскаго дома противорѣчила этому указу, почему и была отмѣнена.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на клятвы, Аѳанасій не могъ совершенно очистить себя отъ подозрѣнія. Но съ нимъ поступили милостиво, потому что уже абсолютно

никакихъ фактическихъ доказательствъ противъ него не было, даже смѣна караульныхъ произошла, по его словамъ, по точному смыслу именного указа. 20-го марта 1733 года объявлено императорское повелѣніе, чтобы Аѳанасію сдѣлали въ Синодѣ выговоръ (Аѳанасій въ то время былъ въ Петербургѣ на архіерейской чредѣ). Синодъ постановилъ учинить выговоръ такой: „хотя онъ, епископъ, по слѣдующемуся въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣлу о слабомъ схимонаха Гедеона подъ карауломъ содержаніи виновенъ нынѣ, якобы не явился; однако жъ по всѣмъ въ вышеупомянеиномъ слѣдованномъ дѣлѣ обстоятельствамъ признанъ въ немаломъ подозрѣніи“, потому что Гедеонъ „за важныя причины“ сана лишенъ и сосланъ, какъ человѣкъ непотребный, а Аѳанасій, презирая присягу въ вѣрности, которая требуетъ охранять самодержавіе, силу и власть государыни [1]), „тому Гедеону, угождая, служилъ, а именно: опредѣленныхъ къ нему караульныхъ перемѣнилъ, а потомъ и вовсе свесть приказалъ; а, какъ видно, что оное имъ чинено, уповая, какъ (паче чаянія) онъ, Гедеонъ, отъ того ареста свободится и воспріиметъ первое свое достоинство, то за слабое содержаніе будетъ его, епископа, благодарить или служить, а за крѣпкое содержаніе въ арестѣ станетъ мстить злобою. И того его преосвященству не токмо самому думать и къ слабому того Гедеона подъ карауломъ содержанію склоняться, но и подчиненныхъ ему къ такому весьма подозрительному дѣйству допущать не довелось, а надлежало бъ того Гедеона содержать весьма подъ крѣпкимъ карауломъ неотмѣнно, и за подчиненными смотрѣть накрѣпко“ [2]). Изъ приговора этого, между прочимъ, видно, что слѣдователи подозрѣвали Георгіевскую партію въ тайной дѣятельности въ пользу его освобожденія и надеждахъ на таковое.

Архимандритъ Іессей умеръ еще въ 1732 году отъ пережитыхъ имъ волненій.

Что касается Георгія—Гедеона, то тѣмъ же высочайшимъ указомъ, который постановлялъ выговоръ Аѳанасію, повелѣвалось усилить надзоръ за узникомъ. Пока этимъ ограничилось наказаніе ссыльнаго. Въ 1734 году участь

---

1) Здѣсь сказались политическіе мотивы осужденія Георгія.

2) Полное собраніе постановл. VIII, 2702.

Георгія ухудшилась. Въ февралѣ того года онъ призывалъ къ себѣ караульнаго подпрапорщика и говорилъ, чтобъ тотъ донесъ новому вологодскому губернатору, что онъ имѣетъ слово и дѣло государево, о которыхъ Синоду или епископу Аѳанасію донести не возможно, такъ какъ на нихъ онъ имѣетъ не малое подозрѣніе. Когда вологодскій архіерей съ архимандритами стали спрашивать Гедеона объ этомъ „словѣ и дѣлѣ“ и подозрѣніи, то онъ имъ отвѣчать отказался, говоря, что станетъ доносить самой государынѣ. Извѣщенный объ этомъ, Синодъ рѣшилъ убрать подальше безпокойнаго арестанта Государынѣ было рѣшено доложить (6-го ноября 1734 г.) мнѣніе синодское о необходимости перемѣстить схимонаха Гедеона Дашкова, за „неспокойство его и подозрѣнія“, изъ Каменнаго въ Троицкій Селенгинскій или въ Успенскій Нерчинскій монастырь иркутской епархіи [1]). 2-го декабря 1735 года изъ Тайной Канцеляріи было сообщено Синоду, что кабинетъ-министры и генералъ Ушаковъ, слушавъ дѣло о Дашковѣ, приказали послать его въ Нерчинскій монастырь и содержать его тамъ до смерти неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ и къ нему никого не допускать иначе, какъ подъ карауломъ; если же онъ впредь будетъ объявлять за собою или за другими слово и дѣло, то ему не довѣрять. Теперь Ѳеофанъ могъ успокоиться, и правительство также: въ далекой Сибири колодникъ былъ безопасенъ, хотя бы имѣлъ доброжелателей и соумышленниковъ [2]).

1) П. С. П. и Р. VIII, 2841.

2) Четыре несчастные іерарха, грустную исторію которыхъ мы изложили выше, были въ глазахъ правительства политическими преступниками, пострадали за подозрѣваемую принадлежность къ партіи, непріязненной императрицѣ Аннѣ. Со смертью послѣдней, исчезли причины ихъ заточенія. Ѳеофанъ умеръ уже давно и не могъ болѣе ни любить, ни ненавидѣть, ни преслѣдовать. Воспользовавшись перемѣною на престолѣ, Синодъ рѣшилъ ходатайствовать о двухъ оставшихся къ тому времени въ живыхъ страдальцахъ—Львѣ и Игнатіи, прося (21 апрѣля 1741 г.) отпустить имъ вины ихъ, ссылаясь при томъ на всеобщую амнистію новаго царствованія. Въ октябрѣ 1741 г. Левъ и Игнатій были освобождены изъ заточенія. Когда вступила на престолъ Елизавета, то Синодъ рѣшился на новую просьбу—возвратить архіерейскій санъ этимъ страдальцамъ аннинскаго царствованія. Игнатій умеръ, не дождавшись новой милости. По Льву, по императорскому повелѣнію, архіерейскій санъ былъ возвращенъ, и онъ умеръ въ 1755 году на покоѣ въ Московскомъ Знаменскомъ монастырѣ.

II.

Одновременно съ февральскими событіями 1730 года въ Воронежѣ, разыгралась подобная же исторія въ Кіевѣ, и параллельно съ процессомъ Льва воронежскаго тянулся процессъ кіевскаго архіепископа Варлаама Вонатовича. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ [1]).

Въ Кіевѣ манифестъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны былъ полученъ 18-го февраля. Въ такихъ случаяхъ, по обычаю, духовенство, мѣщане, чиновники, гарнизонъ собирались въ каѳедральный монастырь и здѣсь совершался послѣ чтенія манифеста благодарственный молебенъ. Получивъ манифестъ, вице-губернаторъ послалъ его къ архіепископу, но безъ указа, при которомъ манифестъ былъ присланъ, при чемъ манифестъ былъ посланъ черезъ подъячаго Боровскаго какъ бы отъ лица секретаря, а не вице-губернатора. Впослѣдствіи архіерей говорилъ даже, что не получалъ въ этотъ разъ манифеста и въ архіерейской канцеляріи, дѣйствительно, не было записи о его полученіи. Но, однако, потомъ Варлаамъ уже не сталъ отрицать полученія манифеста. Получивъ манифестъ, архіепископъ не отправилъ торжественнаго молебствія и въ церкви манифеста не читалъ, какъ говорилъ онъ впослѣдствіи, „отъ недоумѣнія своего и по совѣту консистористовъ“. Именно, архіерей передалъ указъ въ консисторію, члены которой рѣшили, что поминовеніе по умершемъ Петрѣ II-мъ и возношеніе ея величества чинить надлежитъ, а съ молебномъ „надобно подождать по то время, какъ присланъ будетъ изъ Синода указъ“. Архіепископъ подтвердилъ это распоряженіе.

Между тѣмъ вице-губернаторъ Штокъ и мѣщане 19-го февраля, безъ вѣдома архіерея, служили молебенъ въ лаврѣ. Такая сепаративность объясняется тѣмъ, что у мѣщанъ кіевскихъ и свѣтскихъ властей былъ давній антагонизмъ съ архіепископомъ изъ за пользованія монастырскими землями и угодьями. Скоро былъ полученъ указъ и манифестъ изъ Синода и переданы опять въ консисторію. Въ мани-

---

1) Дѣло Варлаама см. Описаніе документовъ и дѣлъ хранящихся въ Архивѣ Св. Синода X, № 273-43. Труды К. Д. А. 1861 г., I: ст. Крыжановскаго „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Вонатовичъ“.

фестѣ было сказано, чтобы всякаго чина люди „о воспріятіи ея императорскимъ величествомъ россійскаго престола Бога благодарили“. Однако, молебенъ не былъ отправленъ и теперь; даже вопроса о немъ не поднималось. Лишь въ апрѣлѣ, при полученіи указовъ о коронаціи императрицы, 30-го числа Варлаамъ торжественно служилъ молебствіе въ каѳедральномъ монастырѣ. Вице-губернаторъ, чиновничество и мѣщане опять демонстративно не явились къ епископскому служенію, а присутствовали на молебнѣ въ лаврѣ. 3-го мая предъ полуднемъ на магистратской площади выстроились ряды городской гвардіи съ цехами и потребовали отъ соборнаго протопопа молебствія о коронаціи государыни. Протопопъ сначала отказался, ссылаясь на служеніе уже молебна, но потомъ согласился, по приказанію Варлаама; только, за проволочками, служеніе совершилось на слѣдующій день. Но народъ, гвардія и цехи, не дождавшись молебна наканунѣ, отпраздновали безъ молебна, и на другой день на молебенъ никто изъ мѣщанъ не явился.

Дѣло поднялось изъ за неслуженія Варлаамомъ молебствія по первому манифесту вплоть до 30-го апрѣля. Въ Москвѣ узнали объ этомъ отъ кіевскаго войта, который пріѣхалъ хлопотать по тяжебному дѣлу кіевскаго магистрата съ монастырями и архіепископомъ. Лично настроенный противъ Варлаама, войтъ надѣялся безъ сомнѣнія завлечь его въ дѣло и обратился съ своимъ доносомъ къ Ѳеофану Прокоповичу.

Авторъ статьи „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Варлаамъ Вонатовичъ“ приписываетъ иниціаторскую роль въ гибели кіевскаго архіепископа новгородскому архіерею. Варлаамъ былъ выдвинутъ и сдѣлалъ свою карьеру при помощи Ѳеодосія Яновскаго—смертельнаго врага Прокоповича. Въ тяжелое время реакціи, въ Кіевѣ находилось гнѣздо ученыхъ противниковъ Ѳеофана и на полной свободѣ дѣйствовала анти-ѳеофановская партія, во главѣ которой стоялъ Ѳеофилактъ Лопатинскій. Варлаамъ самъ никогда не сталкивался съ Ѳеофаномъ, не былъ его недоброжелателемъ, по крайней мѣрѣ активнымъ, да и не могъ имъ быть по своему болѣзненному, робкому характеру. Однако, онъ и не противодѣйствовалъ ученымъ противникамъ Ѳеофана, нашедшимъ въ Кіевѣ себѣ пріютъ, и такимъ образомъ пассивно

являлся для новгородскаго архіепископа непріятнымъ человѣкомъ; а связь съ Ѳеодосіемъ Яновскимъ навлекала на него прямое недоброжелательство Прокоповича.

Если принять во вниманіе эти соображенія, то можно предположить участіе Ѳеофана въ судьбѣ, постигшей Варлаама. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя допустить со стороны церковнаго временщика такую же роль въ этомъ дѣлѣ, какъ въ дѣлѣ Льва воронежскаго, Георгія, Игнатія, Сильвестра. Настолько Ѳеофанъ не былъ заинтересованъ Варлаамомъ, чтобы сильно желать его погибели. Вѣроятнѣе всего, что онъ просто представилъ это дѣло правительству, а послѣднее само дало ему извѣстное направленіе. Впрочемъ возможно, что Ѳеофанъ и освѣтилъ его въ политическомъ свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что начало кіевскаго дѣла совпадаетъ съ началомъ воронежскаго, даже опережаетъ его. Движеніе по дѣлу Варлаама началось съ 1-го іюля, а 15-го было велѣно изслѣдовать о Львѣ. Такъ какъ случаи въ Кіевѣ и Воронежѣ произошли аналогичные, то и освѣщеніе ихъ, естественно, было аналогичнымъ. Опредѣлить въ точности участіе Ѳеофана конечно, невозможно. Но какъ мало считалъ его своимъ недоброжелателемъ самъ Варлаамъ Вонатовичъ и какъ, стало быть, мало разсчитывалъ на непріязненныя отношенія съ его стороны, показываетъ то, что въ самомъ же началѣ дѣла, онъ пишетъ къ нему письмо изъ Кіева съ просьбой заступиться за него предъ государыней, „защитить, сохранить и отечески помиловать“ [1]). Трудно допустить, чтобы къ своему противнику Варлаамъ обращался за помощью. Правда, онъ былъ человѣкъ простой, безхитростный. И все-таки мы не рѣшаемся приписывать Ѳеофану гибель Вонатовича Онъ только не спасъ его, не оправдывалъ, не защищалъ. А дѣло завязалось независимо отъ его иниціативы, по доносу войта. Разъ возникло дѣло, Ѳеофанъ явился усерднымъ ревнителемъ интересовъ императрицы, хорошимъ сыщикомъ и слѣдователемъ, заправляя синодскими членами. Но Прокоповичъ не искалъ погибели кіевскаго архіепископа.

Узнавъ о происшедшемъ въ Кіевѣ, правительство энергично взялось за слѣдствіе. Въ ночь на 1-е іюля, спѣш-

---

1) Опис. д. и д. Арх. Син. X, стр. 444.

по отправленъ былъ гонецъ въ Кіевъ, поручикъ Зиновьевъ. Предварительно онъ заѣхалъ къ Ѳеофану и вручилъ ему письмо Остермана и Черкасскаго, которымъ тѣ просили дать немедленно Зиновьеву послушный указъ къ кіевскому преосвященному, съ требованіемъ отвѣчать на всѣ вопросы, предложенные посланнымъ. Ѳеофанъ написалъ по этому требованію личное письмо къ Варлааму, которое должно было имѣть силу синодскаго указа—за спѣшностью онъ представилъ собою все синодское присутствіе.

Вопросы, предложенные Варлааму, имѣли своимъ предметомъ исполненіе по манифестамъ о вступленіи на престолъ императрицы, о коронаціи, о возношеніи ея имени при богослуженіи. Такъ началась кіевская драма, концомъ которой была печальная участь Вонатовича. Сначала слѣдствіе велось правительствомъ, а потомъ, въ концѣ іюля, передано Синоду. 1-го августа была учреждена особая секретная комиссія изъ предсѣдателя Прокоповича, Ушакова, Леонида крутицкаго, Іоакима суздальскаго, секретаря Дудина. Она и повела слѣдствіе.

У Варлаама допытывались, почему онъ не служилъ молебствія по манифесту 18-го февраля? Въ его дѣйствіяхъ усмотрѣли признаки какихъ то сомнѣній и старались выяснить ихъ. Варлаамъ говорилъ, что молебствіе не было отправлено потому, что ни въ манифестѣ, ни въ указѣ синодскомъ „имянно о молебствіи не упомянуто“. Но слѣдователи были весьма искусны въ своемъ дѣлѣ, особенно Ѳеофанъ. Вопросы были поставлены съ чисто іезуитской хитростью. Сначала спрашивали, было ли благодарственное молебствіе по вступленіи на престолъ Екатерины I, Петра II, какіе тогда указы были; потомъ уже задавали вопросъ, почему „тогда и съ оныхъ указомъ сумнительства не было, но по нимъ были благодарственныя публичныя молебствія, а нынѣ по указу въ одной силѣ и въ однѣхъ рѣчахъ съ тѣми прочими прежними указы-стало сумнительство? Когда въ какомъ дѣлѣ, производить ли оное или не производить, станетъ сумнительство, тогда то дѣлать, что есть не опасно и страха никакого не наводитъ. Въ семъ же дѣлѣ, если было сумнительство совершать ли публичное благодарственное молебствіе, или не совершать, что было безопаснѣйшее и страха не наводящее—совершать ли молебствіе

или не совершать? Если совершать, для чего не совершено? если же не совершать, то какой и откуда страхъ былъ совершать молебствіе"? Въ Кіевѣ ждали другаго указа, гдѣ бы «имянно» о молебствіи было упомянуто. На это слѣдователи спрашивали: „какого другаго указа ожидать было, понеже въ прежнихъ подобныхъ случаяхъ не бывало указовъ иныхъ, кромѣ подобныхъ сему? Почему было надѣяться, что скоро будетъ еще какой то указъ? Недождався другаго указа, было ли и когда, или никогда не было, даже до коронаціи, благодарственнаго о вступленіи на престолъ ея величества молебствія"? Слѣдователи увѣренно заявляли Варлааму, что „конечно нѣчто было, что о молебствіи претило и сумнительные чинило помыслы, и невѣдомо чего впредь опасаться показывало, но что то было,— должны показать по совѣсти и присяжной своей къ ея императорскому величеству вѣрности [1])".

Самый фактъ неслуженія молебна былъ твердо установленъ. Варлаамъ не пытался, подобно Льву, утверждать противное, хотя могъ бы сдѣлать это. Именно, какъ извѣстно, 19-го февраля былъ отслуженъ молебенъ въ лаврѣ, въ присутствіи вице-губернатора намѣстникомъ лавры. Вице-губернаторъ Штокъ съ своей стороны при вопросѣ показалъ, что хотя манифестъ былъ имъ посланъ къ архіепископу, но въ немъ не было показано о молебствіи; однако жъ молебенъ въ лаврѣ былъ отслуженъ. Варлаамъ могъ бы придраться къ этому и сказать, подобно Льву, что счелъ этотъ молебенъ достаточнымъ. Но архіерей не прибѣгъ къ подобнымъ средствамъ. Онъ прямо признался въ фактѣ, давая лишь ему собственное объясненіе. Именно, Варлаамъ говорилъ во все время, и послѣ вызова въ Москву съ консистористами (2-го августа), что онъ, по полученіи манифеста, Господа Бога „соборне и келейне" о здравіи государыни молилъ и имя ея велѣлъ въ церкви возносить; „а молебнаго пѣнія особенно объ избраніи на престолъ ея императорскаго величества не было, для того, что въ указѣ имянно молебствовать не положено". Упущеніе объяснялось, такимъ образомъ, „незнаніемъ" истиннаго смысла мани-

1) Ibid. стр. 444-446.

феста и указа. Слова о „благодареніи“ Господа Бога всякаго чина людьми, которыя, по словамъ слѣдователей, нельзя было понять иначе, какъ въ смыслѣ молебна, Варлаамъ опять не понялъ будто бы въ ихъ настоящемъ значеніи, „и въ память ему того ни какъ не пришло“. Архіепископъ говорилъ даже, стараясь оправдать свое неслуженіе молебна, послѣ совершенія его по требованію вице-губернатора въ лаврѣ, что о послѣднемъ онъ и не слыхалъ совсѣмъ. Особенно ударялъ Вопатовичъ на то, что о возношеніи имени государыни онъ распорядился тотчасъ же по полученіи манифеста [1]).

На ряду съ вопросомъ о „сумнительствѣ“ Варлааму задавали вопросы, какъ Льву, и о письмахъ, которыя подозрѣвались въ качествѣ источниковъ сомнѣній. Отъ того и другаго архіерей всѣми силами отрекался. Онъ увѣрялъ, что „сумнительства въ томъ отправленіи молебствія никакого не было“ и никто къ нему „ни отколь не писалъ о томъ молебствіи“. Были ли молебны въ прежнихъ случаяхъ новаго вступленія на престолъ, онъ „не упомнитъ“ за „частыми болѣзнями“. Свои показанія Варлаамъ заканчивалъ новымъ увѣреніемъ: „ей, воистину о молебствіи никто и ничего мнѣ не претило и сумнительныхъ никакихъ у меня не было помысловъ, на тое по совѣсти и присяжной моей къ ея императорскому величеству вѣрности присягнути тысяче-кратно паки готовъ и цѣловати крестъ святый, а въ томъ моемъ погрѣшеніи за нецѣніе молебствія, по единомъ недоумѣніи ставшемся, у ея императорскаго всепресвѣтлѣйшаго величества всемилостивѣйшаго благоутробія ищу прощенія и помилованія“ [2]).

Допросы постороннихъ лицъ существенно не измѣнили показаній Варлаама. Они только выяснили одну сторону дѣла, что по личной винѣ архіепископа не было молебна. Варлаамъ сначала заявилъ, что не отправилъ молебствія отчасти по совѣту консистористовъ. Но консистористы ему совѣтовали только подождать синодскаго указа, а почему архіерей послѣ этого указа не служилъ все-таки молебствія, въ томъ консистористы не были виновны.

---

1) Ibid. стр. 454—456.
2) Ibid. стр. 459—461.

Съ Варлаамомъ во многомъ повторилась исторія Льва воронежскаго. Повторилась она и въ судьбѣ его показаній. Синодъ отнесся къ нимъ совершенно такъ же, какъ къ показаніямъ воронежскаго архіерея. Они, по мнѣнію слѣдователей, происходили не „отъ прямой совѣсти“, не для показанія истины, „но къ утаенію своей его и другихъ ему содѣйствовавшихъ вины“, ихъ неискренность понятна малому ребенку. Поступокъ Варлаама есть презрѣніе чести ея императорскаго величества, „продерзость и презорство“, достойныя лишенія его за нихъ архіерейскаго, священнаго и монашескаго чиновъ. По духу „Христовой кротости“ опять задавались подсудимому четыре рѣшительныхъ вопроса, въ случаѣ искренняго отвѣта на которые обѣщалась просьба предъ государыней о полномъ прощеніи. Вопросы эти были слѣдующіе. „1) Что и отъ кого вѣдая, 2) чего и къ какой себѣ пользѣ надѣяся, 3) на кого имянно и для чего уповая, 4) и съ кѣмъ имянно словесно или письменно, или каковымъ другимъ образомъ дѣйствуя, скоро и не пропуская ни малаго времени, какъ былъ долженъ, соборнаго о вступленіи на престолъ ея императорскаго величества молебствія не отправлялъ“ кіевскій архіепископъ? Снова были назначены три срока, съ угрозою усиленнаго наказанія послѣ каждаго. Сроками были 17, 19, 21 октября [1]).

Съ Варлаамомъ слѣдователямъ посчастливилось болѣе, чѣмъ съ Львомъ воронежскимъ. Правда, онъ никого не выдалъ; на всѣ четыре вопроса онъ отвѣтилъ сначала отрицательно. Варлаамъ писалъ: „Не вѣдалъ я ничего, ни отъ кого ни отъ коль. Надежды себѣ не имѣлъ ни единыя и ни какой себѣ пользы не надѣялся. Упованія у меня ни на кого имянно не было, никогда же уповалъ и не уповаю ни для чего, кромѣ на Бога и на милость ея императорскаго величества. Дѣйствія у меня ни о чемъ не было нигдѣ, ни съ кѣмъ имянно, ниже письменно отъ кого, ниже словесно, и не единымъ какимъ образомъ другимъ не дѣйствовалъ никогда и не дѣйствую. А что скоро и безъ упущенія времени, какъ былъ долженъ, соборнаго о вступленіи на престолъ ея императорскаго величества молебствія не отправилъ, о семъ поистинѣ и совѣстно объявляю, что оное соборное молебствіе ни въ

1) Ibid. стр. 455—456.

какое презрѣніе и ни въ какую противность, едино токмо отъ слабоумія, простотою и недоумѣніемъ учинилось; чего горько жалѣю и всеподданнѣйше умоляю премилостивѣйшее ея императорскаго величества благоутробіе простить мя и помиловать падшаго,—виноватъ есмь въ томъ“ [1]).

Но во второй срокъ 19-го октября архіерей сталъ откровеннѣе и далъ драгоцѣнное показаніе. Именно, онъ объявилъ между прочимъ, что какъ узналъ о поѣздкѣ изъ Москвы князя Долгорукаго съ прочими въ Курляндію къ ея величеству, то „въ мысли своей держалъ и молилъ Бога, дабы ея императорское величество изволила воспріять россійскій императорскій престолъ“ [2]).

Это было то, что искали слѣдователи. Наконецъ нить дѣла была у нихъ въ рукахъ, ихъ подозрѣнія получили подкрѣпленіе. 21-го октября комиссія призвала Варлаама и словесно увѣщевала его, чтобы онъ принесъ „подлинное повиновеніе“, за что можетъ ожидать милостиваго прощенія. Отъ кого узналъ онъ о поѣздкѣ Долгорукаго?—задали нетерпѣливо вопросъ подсудимому. Но Варлаамъ сразу сжался и объявилъ, что этого не упомнитъ и больше того, что сказалъ, объявить ничего не имѣетъ. Судейское любопытство осталось неудовлетвореннымъ въ тотъ самый моментъ, когда судьба, повидимому, сулила его удовлетвореніе.

Но вырвавшееся у Варлаама сознаніе, не смотря на всю его глухость, помогаетъ намъ освѣтить его дѣло, служитъ точкою опоры для этого. Что подозрѣвало правительство въ кіевской исторіи? Каковы дѣйствительно были мотивы Вонатовича? Вотъ вопросы, требующіе разрѣшенія.

Мы видѣли, что въ поступкѣ архіепископа видѣли выраженіе существовавшихъ у него сомнѣній, обнаружить которыя было весьма желательно. Слѣдователи, безъ сомнѣнія, были убѣждены въ связи кіевскихъ происшествій съ московскими, какъ были убѣждены въ зависимости воронежскаго дѣла отъ сношеній съ Москвою. Подозрѣнія вращались въ области замысла верховниковъ, тѣхъ политическихъ смутъ, которыя сопровождали начало аннинскаго царствованія. Какъ ни таили верховники свой замыселъ, вѣсть о немъ проникла

1) Ibid. стр. 457.
2) Ibib. стр. 458.

во многіе уголки Россіи, по крайней мѣрѣ въ среду людей, стоявшихъ во главѣ администраціи, свѣтской и духовной. Правительство знало это. Раздавивъ движеніе, начатое противъ самодержавія, на верху, въ Москвѣ, оно стремилось искоренить всѣ слѣды его. Подозрительность императрицы и ея министровъ искала всюду признаковъ сочувствія партіи смѣлыхъ членовъ Тайнаго Совѣта. Долгорукихъ уже успѣли убрать къ срединѣ 1730 года въ мѣста отдаленныя, назначивъ до поры до времени почетную ссылку. Теперь озирались кругомъ, ища новыхъ жертвъ своей мстительности, добрались до периферій круга, средина котораго была уже сломлена. Неслуженіе благодарственнаго молебна о вступленіи на престолъ императрицы было такимъ фактомъ, который сразу заставилъ многое подозрѣвать: архіепископъ не служитъ молебна, не смотря на то, что его служатъ мѣщане, гвардія, народъ, не служитъ вплоть до коронаціи государыни, какъ бы не признавая ея таковою. Очевидно, онъ или не увѣренъ въ томъ, что она останется на престолѣ, или не симпатизируетъ ея воцаренію, или ждетъ какой то перемѣны въ образѣ правленія. Послѣднее всего вѣроятнѣе. Онъ узналъ о предложенныхъ государынѣ и подписанныхъ ею условіяхъ и, сочувствуя затѣянному перевороту, не хочетъ совершить благодарственнаго молебна, пока не будетъ открыто провозглашенъ новый порядокъ вещей. 25-е февраля должно было положить предѣлъ этимъ надеждамъ. Тогда архіерей демонстративно выражаетъ свои чувства, недовольство свершившимся, продолжая не служить молебствія. Только коронація убѣждаетъ его въ конечной гибели плана верховниковъ, и онъ, наконецъ, примиряется съ фактомъ. Такъ, или приблизительно такъ, думало правительство. Оно было увѣрено, что перемѣна въ образѣ правленія предвидѣлась архіепископомъ; было увѣрено въ томъ, что онъ на сторонѣ ея: иначе, подобно всѣмъ прочимъ архіереямъ, онъ поспѣшилъ бы отслужить молебствіе, даже зная о планахъ верховниковъ Слѣдователи вѣдь справедливо спрашивали: что было безопаснѣе-служить или не служить молебствіе? Этимъ вопросомъ они выводили на свѣтъ сокровенныя симпатіи архіерея. Отслужить молебенъ было безопаснѣе, ибо если бы даже замыселъ верховниковъ осуществился, то за молебенъ взыскивать бы никто не сталъ, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Разъ

верховники держали въ тайнѣ свои планы, то они не могли потомъ претендовать на послѣдствія этого обстоятельства. Поэтому архіепископъ, подвергая себя риску за неслуженіе молебна, несомнѣнно сдѣлалъ это только потому, что сочувствовалъ замышляемому перевороту и не хотѣлъ признавать, такъ сказать, императрицу до объявленія ея ограниченной государыней. Всѣ эти подозрѣнія находили въ свою очередь опору въ другихъ обстоятельствахъ. Варлаамъ былъ въ связи съ лицами анти-самодержавной партіи Вопервыхъ, онъ, по всѣмъ признакамъ, зналъ о замыслѣ: знать это онъ могъ всего скорѣе отъ членовъ партіи верховниковъ, такъ какъ открыто они не объявляли о своихъ затѣяхъ. Фактъ его освѣдомленности въ московскихъ событіяхъ онъ подтвердилъ самъ вырвавшимся у него 19-го октября признаніемъ. Во вторыхъ, у Варлаама, повидимому, были связи съ фамиліей Голицыныхъ. Мы знаемъ, что онъ, по пріѣздѣ Зиновьева въ Кіевъ, послалъ письмо Ѳеофану съ просьбой о помощи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ письмо такого же содержанія фельдмаршалу Голицыну. Едва ли сталъ бы онъ обращаться къ незнакомому человѣку, человѣку, на содѣйствіе котораго не имѣлъ бы права разсчитывать. Связь съ партіей верховниковъ, въ томъ или иномъ видѣ, считали слѣдователи источникомъ свѣдѣній Варлаама о политическихъ событіяхъ, источникомъ его сомнѣній, служить ли молебенъ. Сомнѣнія же эти рисовались имъ на почвѣ выше указанныхъ соображеній: онъ ждалъ перемѣны въ образѣ правленія, государственнаго переворота. Четыре вопроса, заданные въ концѣ слѣдствія архіепископу, должны были выяснить точнѣе лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ и на которыхъ опирался. Этого, правда, не удалось достигнуть. Но признаніе о посольствѣ Долгорукаго, сдѣланное къ тому же послѣ рѣшительныхъ увѣреній въ невѣдѣніи чего бы то ни было, утвердило слѣдователей вполнѣ въ ихъ подозрѣніяхъ. „Сумнительства“ Варлаама для нихъ перестали быть загадкой.

Послѣ всего сказаннаго не такъ затруднительно рѣшить второй вопросъ кіевской исторіи: каковы дѣйствительные мотивы поступка Вонатовича? Можемъ ли мы повѣрить его чуть не клятвеннымъ увѣреніямъ, что онъ не служилъ молебна отъ одного „незнанія“, непониманія манифеста, отъ „безумія своего“. не имѣя никакихъ „помысловъ“, ника-

кихъ тайныхъ соображеній и сомнѣній? Нѣтъ. Все показываетъ, что сомнѣнія существовали и именно въ показанномъ видѣ. О непониманіи и говорить нечего—это прямо дѣтская отговорка. Архіепископа вѣрно спрашивали: почему прежде сомнѣній въ такихъ случахъ не было? Его ссылка на безпамятство прежнихъ примѣровъ опять довольно наивна. Справедливо скажемъ еще разъ и то, что безопаснѣе во всѣхъ отношеніяхъ было отслужить молебенъ. Какія то сомнѣнія существовали у Вонатовича. Не будетъ ошибкой видѣть ихъ источникъ, подобно тогдашнему правительству, въ освѣдомленности архіерея на счетъ состоянія политическаго горизонта, посылки Долгорукаго въ Курляндію съ условіями Верховнаго Тайнаго Совѣта. Варлаамъ былъ извѣщенъ о происходящей въ Москвѣ борьбѣ партій и, какъ человѣкъ, болѣе близкій къ фамиліи Голицыныхъ, надѣялся на успѣхъ замышленнаго ограниченія власти. Сочувствовалъ онъ ему, или нѣтъ, сказать мы не можемъ; но во всякомъ случаѣ онъ нашелъ благоразумнымъ подождать событій и не служить молебна, предвидя перемѣну: манифесты были разосланы о вступленіи на престолъ самодержавной государыни; въ случаѣ побѣды верховниковъ, вѣроятно, были бы новые манифесты. Какъ человѣкъ робкаго характера, Варлаамъ боялся всякой оплошности. Онъ не сообразилъ въ данномъ случаѣ, что ничѣмъ не рискуетъ, отслуживъ молебенъ; напротивъ, ему представилось, что безопаснѣе не служить и ждать. Такъ онъ могъ думать по полученіи манифеста отъ вице-губернатора; а по полученіи манифеста и указа изъ Синода не отслужилъ молебна потому, что считалъ уже позднимъ; въ лаврѣ молебенъ былъ; Варлаамъ надѣялся, что никто вопроса о немъ больше не возбудитъ, и, по своей болѣзненности, самъ сдалъ бумаги въ консисторію и на этомъ успокоился. Къ тому же служеніе молебна только подчеркнуло бы то обстоятельство, что прежде онъ его не совершилъ. Архіепископъ предпочелъ не напоминать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что и въ указѣ Синода „имянно“ о молебствіи, какъ и въ манифестѣ, упомянуто не было. На это, вѣроятно, думалъ опереться Варлаамъ въ случаѣ запроса, никакъ не разсчитывая, что возникнетъ дѣло серьезнаго характера.

Участь Варлаама рѣшилась скоро послѣ его послѣднихъ допросовъ. 6-го ноября 1730 года былъ сочиненъ эк-

стрaктъ изъ дѣла о немъ, для доклада ея величеству чрезъ генерала Ушакова. 20-го же ноября въ сенатскомъ вѣдѣніи Синоду объявлялся приговоръ надъ архіепископомъ. Онъ гласилъ: „ея императорское величество указала кіевскаго архіепископа Варлаама, за вину его, о которой явно по дѣлу, которое слѣдовано объ немъ въ Синодѣ лишить сана и свящества и послать въ Кирилловъ монастырь Бѣлозерскаго простымъ монахомъ, и быть ему тамъ неисходно, а скарбъ его весь, переписавъ, взять на ея императорское величество". Консистористы кіевской консисторіи отрѣшались на время отъ должности за свой совѣтъ архіерею. 25-го ноября архіепископъ кіевскій превратился въ простого монаха [1]).

---

1) Участь Варлаама въ ссылкѣ не такъ была тяжела, какъ участь Георгія, Игнатія, Сильвестра. Его не тревожили, не переводили изъ монастыря въ монастырь. Отчасти, конечно, это зависило отъ спокойнаго характера архіепископа: онъ жилъ въ ссылкѣ тихо и смирно. Но отчасти его спокойствіе зависило и отъ того, что у него не было такого недруга, какимъ Ѳеофанъ являлся для трехъ вышеупомянутыхъ архіереевъ. Не заинтересованный особенно въ осужденіи Варлаама, Прокоповичъ не искалъ случая увеличить тяжесть его наказанія, не подстрекалъ къ этому правительство, не сгущалъ красокъ, въ какихъ рисовалось дѣло въ глазахъ послѣдняго. Поэтому то даже кабинетъ-министры относились къ осужденному съ сравнительной мягкостью. Когда въ 1737 году Варлаамъ прислалъ прошеніе опредѣлить ему на нужды его денежное жалованіе, то кабинетъ-министры 2-го апрѣля 1737 года опредѣлили ему давать изъ имѣющихся въ Синодѣ 220 руб. 75 коп. по 20 руб. въ годъ.

Съ концомъ царствованія Анны Іоанновны наступилъ конецъ и для страданій Варлаама, подобно другимъ сосланнымъ епископамъ. Политическіе преступники прежняго времени всѣ могли теперь надѣяться на амнистію. Варлаама Вонатовича вспомнили ранѣе другихъ, потому, вѣроятно, что въ общественномъ мнѣніи это былъ одинъ изъ самыхъ невинныхъ страдальцевъ, поплатившійся за незначительную вину, обусловленную его робкимъ характеромъ. 20-го ноября 1740 года Синодъ уже подалъ на имя императора докладъ, съ просьбой о прощеніи Варлаама и опредѣленіи его въ Москву для архіерейскаго священнослуженія. Докладъ былъ утвержденъ правительницей 22-го декабря. Но больной, разбитый окончательно превратностями жизни, Варлаамъ уже не могъ нести архіерейскаго служенія. Онъ жаждалъ лишь покоя для заката дней своихъ и просилъ отпустить его въ новгородскій большой Тихвинскій монастырь на обѣщаніе. Правительница утвердила и эту просьбу. Варлааму было отведено помѣщеніе въ монастырѣ и назначено содержаніе и денежное жалованіе по 300 руб. въ годъ. (Дѣло въ архивѣ Синода 1740 г. № 142).

III

Въ царствованіе Анны Іоанновны пришлось раздѣлить участь другихъ ссыльныхъ іерарховъ и Ѳеофилакту Лопатинскому, архіепископу тверскому. Мы упоминали уже объ его отношеніяхъ къ Ѳеофану Прокоповичу. „Духъ проклятый, Лопатинскій“ былъ ненавистенъ церковному временщику, и онъ постарался искоренить его. Однако, до Ѳеофилакта добрались сравнительно поздно. Его процессъ особенно интересенъ. Здѣсь дѣйствовали со стороны правительства побужденія иныя, чѣмъ въ вышеизложенныхъ случаяхъ; Прокоповичъ низложилъ своего ученаго противника другимъ оружіемъ, впутавъ его въ исторію, отличную отъ прежнихъ. Дѣло Лопатинскаго отличается выдающимся интересомъ именно по обнаружившимся въ немъ правительственнымъ отношеніямъ. На основаніи участи Ѳеофилакта, въ литературѣ иногда высказывалась мысль, что нѣмецкое протестантское правительство не было корректнымъ въ отношеніи къ религіознымъ убѣжденіямъ русскаго народа, къ принципамъ православія русской церкви. Въ Ѳеофилактѣ видятъ страдальца за вѣру, жертву протестантской ревности правителей того времени. Когда проповѣдники Елизаветинскаго царствованія изливали свое негодованіе на нечестивыхъ гонителей, замыслившихъ истребить православіе, то образъ Лопатинскаго имъ предносился всего прежде, на него они намекали по преимуществу. Поэтому исторія Ѳеофилакта должна намъ выяснить, справедливы ли эти укоры по адресу правительства Анны Іоанновны, дѣйствительно ли архіепископъ тверскій сдѣлался жертвою своихъ убѣжденій религіозныхъ и религіозной нетерпимости правительства.

Дѣло Лопатинскаго стоитъ въ тѣсной связи съ другими Ѳеофановскими процессами первой половины правленія императрицы, съ богословской литературной борьбой, происходившей въ то время. Этихъ вопросовъ мы должны необходимо коснуться, чтобы понять разыгравшуюся съ Ѳеофилактомъ драму [1]).

---

1) Подлинное дѣло о Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ потеряно въ Синодскомъ архивѣ Дальнѣйшія фактическія свѣдѣнія заимствованы у Чистовича. О немъ же Русск. Стар. 1886, № 2; Прав. Об. 1872 г. № 12; Чт О. И. и Др. 1863 г. кн. 4.

Еще во второй половинѣ XVII вѣка обнаружился антагонизмъ двухъ направленій въ русской богословской наукѣ— католическаго и протестантскаго; въ началѣ XVIII столѣтія борьба между ними возгорѣлась въ лицѣ двухъ ихъ представителей: Стефана Яворскаго, находившагося подъ вліяніемъ католической науки, и Ѳеофана Прокоповича, сторонника протестантскаго богословія[1]). Участіе послѣдняго въ дѣлѣ реформъ, мы знаемъ, возбуждало много неудовольствія противъ правой руки Преобразователя. Ѳеофана обвиняли въ протестантствѣ, называли лютеранином. Замѣтка Сильвестра казанскаго, найденная у него при обыскѣ, съ мнѣніемъ о новгородскомъ архіепископѣ, что „онъ не православенъ", была общимъ убѣжденіемъ людей школы Яворскаго, кіевскихъ ученыхъ, несимпатизировавшихъ богословскому направленію Прокоповича, и всѣхъ почти старыхъ архіереевъ русскихъ. Монашество, больно затронутое Регламентомъ, твердо было убѣждено въ „еретичествѣ" Ѳеофана. Враги послѣдняго строили противъ него козни на почвѣ этихъ обвиненій и доставили много непріятностей своею назоїливостью. Маркеллъ Родышевскій, креатура Дашкова, писалъ доносы за доносами на новгородскаго архіерея, подробно обличая его ереси. Въ послѣ—петровское время антиѳеофановское направленіе нашло себѣ полную свободу. Еще Стефанъ Яворскій написалъ противъ протестантства рѣзкую книгу „Камень вѣры", возводя на него справедливыя и несправедливыя обвиненія. Книга была написана косвенно въ пику Прокоповичу, въ него мѣтила. Петръ запретилъ изданіе Стефанова творенія; но сторонники изложенныхъ къ ней убѣжденій превозносили и автора и его произведеніе, будучи частнымъ образомъ знакомы съ нимъ. Въ 1728 году, съ разрѣшенія Верховнаго Тайнаго Совѣта, наконецъ, книга Яворскаго увидѣла свѣтъ. Ея редакторомъ былъ Ѳеофилактъ Лопатинскій. Конечно, это было непріятно Ѳеофану; но его положеніе не позволяло ему противодѣйствовать въ то время. Въ маѣ 1729 года въ лейпцигскихъ ученыхъ актахъ появился разборъ на „Камень вѣры", который положилъ начало продолжительной полемикѣ. Вскорѣ затѣмъ вышла въ свѣтъ книга извѣстнаго протестантскаго ученаго Буддея, подробно и основательно

1) Объ этомъ у Самарина, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прок., ч. I, Соч. т. V.

опровергавшая Стефановское твореніе. Сторону Яворскаго противъ Буддея принялъ католическій патеръ, доминиканецъ Рибейра, бывшій тогда въ Россіи. Буддеевское произведеніе затронуло и русскихъ богослововъ, симпатизировавшихъ убѣжденіямъ Яворскаго. Противъ него ополчилась ученая партія противниковъ Прокоповича во главѣ съ Ѳеофилактомъ. Послѣдній рѣшилъ написать апологію „Камня вѣры“. Въ авторѣ Буддеевой книги Лопатинскій подозрѣвалъ не протестантскаго ученаго, а самого Ѳеофана, и приписывалъ ей чисто русское происхожденіе.

По удаленіи изъ Синода, по указу 21-го іюня 1730 года, Ѳеофилактъ занялся предполагаемымъ сочиненіямъ. Плодомъ этихъ занятій явился „Апокрисисъ“ или „Возраженіе на письмо Буддея“. Но времена уже перемѣнились. Правила Анна, окруженная нѣмцами—протестантами, Прокоповичъ былъ въ фаворѣ. Для изданія книги Ѳеофилакту было необходимо получить высочайшее разрѣшеніе. Архіепископъ отправилъ архимандрита Колязинскаго мон. Іоасафа Маевскаго къ кн. Д. М. Голицыну, который прежде ему совѣтовалъ писать опроверженіе, прося его выхлопотать разрѣшеніе „писать ту книгу“, хотя она была уже написана. Не встрѣтивъ содѣйствія у Голицына, понимавшаго, что теперь уже не политично издавать сочиненіе противъ протестантовъ. Ѳеофилактъ обратился къ духовнику императрицы Варлааму. Но тотъ выдалъ его, кому слѣдуетъ, и Лопатинскаго потребовали въ Москву, гдѣ Тайная Канцелярія въ лицѣ Ушакова и Черкасскаго взяла съ него шисьменное обязательство не писать на Буддея. Ѳеофилактъ приписывалъ такой оборотъ дѣла Прокоповичу. Именно, когда онъ пріѣхалъ въ Москву и былъ допущенъ во дворецъ, то ему удалось получить желаемое разрѣшеніе. Но вдругъ его потребовали опять во дворецъ и взяли указанное обязательство, подъ страхомъ смерти запретивъ даже говорить о немъ. Объяснялъ Ѳеофилактъ перемѣну тѣмъ, что „въ бытность его во дворцѣ, въ полдень пріѣхалъ другъ новгородскаго преосвященнаго, кн. А. М. Черкасскій и, знатно что по наговору онаго архіепископа, князь о томъ разговорилъ ея императорскому величеству. И все это препятствіе учинилось стараніемъ преосвященнаго новгородскаго“ [1]).

1) Чистовичъ. стр. 381—383.

Въ какомъ же свѣтѣ представлялось дѣло правительству? Какъ оно относилось къ сторонникамъ „Камня вѣры“ и его издателю Ѳеофилакту? Ѳеофанъ справедливо считалъ и Лопатинскаго и его единомышленниковъ своими принципіальными врагами, зналъ, что они въ таинѣ считаютъ его лютеранномъ. Ученая борьба противъ него озлобляла Ѳеофана, пожалуй, болѣе вражды личной. Духъ партіи Лопатинскаго ненавистенъ ему даже предъ лицомъ смерти. Но какъ рисовалъ онъ предъ государыней и ея министрами своихъ враговъ? Опять въ видѣ политически-опасныхъ людей, но только въ иномъ родѣ, чѣмъ вышеуказанныхъ жертвъ своей вражды. Государыня окружила себя нѣмцами, иновѣрцами. Русскому народу ненавистны были они не только какъ иноземцы, но и какъ люди иной вѣры, „еретики“. Въ правленіе Анны негодованіе, высказываемое противъ лютеранъ, почти всегда имѣло смыслъ выраженія неудовольствія правительствомъ иностранцевъ. Послѣдніе такъ и понимали дѣло; понимали они также то, что всякое нападеніе на протестантство, „ересь“, разжигаетъ вражду къ „еретикамъ“, заправляющимъ судьбами православнаго народа. Чувствуя свое шаткое положеніе, народную ненависть, министры привыкали смотрѣть на ярыхъ противниковъ протестантскихъ идей, какъ на враговъ правительства, скрывающихъ свою ненависть къ правителямъ подъ флагомъ богословской полемики. Въ такомъ видѣ должны были представляться правительству всѣ защитники „Камня вѣры“. Еще первый рецензентъ Лейпцигскихъ ученыхъ актовъ говорилъ, что авторъ книги „питаетъ безразсудную ненависть къ лютеранамъ“, въ порывѣ которой „не стыдится клеветать открыто, лгать нагло и обольщать неразумный народъ нелѣпыми баснями“ [1]). „Камень вѣры“ явился до правленія Анны Іоанновны и ея министровъ. Но въ самомъ своемъ происхожденіи онъ не чуждъ былъ тенденціи уколоть иностранцевъ, въ изобиліи проникнувшихъ въ русскую администрацію при Петрѣ. Петръ запретилъ его изданіе, не желая оскорблять религіозныхъ убѣжденій своихъ главныхъ помощниковъ, тѣмъ болѣе, что авторъ „Камня“ далеко не всегда отличался безпристрастіемъ, свойствен-

1) Чистовичъ. Стр. 366-367.

нымъ истинному ученому. Пропагандированіе идей творенія Яворскаго, ихъ горячая апологетика, въ аннинское время еще болѣе принимала видъ вражды къ иноземному иновѣрному элементу въ правительственной администраціи, нападенія на приближенныхъ государыни. Обличеніе „ересей“ лютеранскихъ могло лишь усиливать ненависть общества и народа къ иноземному господству. Въ такомъ освѣщеніи представлялась правительству богословская борьба, въ которой участвовалъ Ѳеофилактъ. Ѳеофанъ, конечно, съ своей стороны внушалъ, какъ опасно разжигать религіозную вражду полемикой въ такое время, когда во главѣ народа стоятъ иновѣрцы. Въ силу указанныхъ соображеній, Тайная канцелярія и взяла подписку съ Ѳеофилакта и строго запретила ему даже говорить о своей затѣѣ и взятомъ съ него обязательствѣ. Самъ архіепископъ тверскій навлекъ на себя, несомнѣнно, сильное подозрѣніе: въ этомъ ревностномъ противникѣ протестантства не могли не предположить скрытой непріязни къ наступившему порядку вещей, а въ его предполагаемомъ опроверженіи—тайный ударъ противъ нѣмцевъ-правителей.

Прикосновенность къ защитѣ „Камня вѣры“ погубила не мало людей при Аннѣ Іоанновнѣ. Но было ли это преслѣдованіемъ религіознымъ или политическимъ? Вотъ вопросъ, насъ интересующій. Его мы и коснемся здѣсь, прежде чѣмъ перейти къ процессу Ѳеофилакта.

Наиболѣе выдающіяся лица, пострадавшія за свои симпатіи къ творенію Яворскаго, были два синодальные члена—Евѳимій Коллети и Платонъ Малиновскій.

Сторонники „Камня вѣры“, враги протестантства, правительству Анны Іоанновны казались политически-опасными лицами; ихъ апологетическая ревность представлялась желаніемъ возмутить народъ противъ иностранцевъ. На этой почвѣ Ѳеофанъ могъ удобно направлять правительственную Немезиду противъ непріятныхъ ему лицъ. Всѣ апологіи „Камня“ мѣтили болѣе или менѣе въ Ѳеофана. Такое назначеніе имѣла между прочимъ книга доминиканца Рибейры. Синодальный членъ, архимандритъ Евѳимій Коллети, оказался переводчикомъ на русскій языкъ Рибейрова произведенія. Это тотчасъ же навлекло на него преслѣдованіе. 10 августа 1732 года Евѳимій былъ арестованъ; а черезъ

2 дня арестовали и Платона Малиновскаго. Θеофанъ подозрѣвалъ, что не только Евѳиміи переводилъ книгу, но и изданіе ея на латинскомъ языкѣ произошло въ Россіи. Евѳиміи попалъ въ дѣло, какъ переводчикъ. Это еще понято. Но какъ тутъ оказался прикосновенень Малиновскій? Его отношеніе къ дѣлу о Рибейровой книгѣ довольно не ясно. По всему видно, что его считали соумышленникомъ Евѳимія, членомъ той же „факціи", которая дѣйствовала подъ флагомъ богословскихъ обвиненій противъ Θеофана и, по правительственному убѣжденію, противъ правительства. Θеофанъ сумѣлъ придать дѣлу Коллети, въ принадлежности котораго къ своимъ противникамъ убѣдился, важный политическій смыслъ. Послѣ допросовъ, онъ донесъ государынѣ, что Евѳимій не только „внутренней факціи членъ", но и „внѣшней", шпіонъ иностранныхъ государствъ. Переводъ книги сдѣланъ имъ съ умысломъ, между прочимъ, поссорить Россію съ Англіей. Такой неожиданный выводъ Θеофанъ сдѣлалъ изъ того, что въ книгѣ Рибейры англійскимъ королемъ назывался не настоящій король, а претенденть на корону-Іаковъ [1]). На основаніи перевода книги, Θеофанъ построилъ подозрѣніе цѣлаго заговора, грозящаго опасностью спокойствію государства. „Внѣшняя нѣкіихъ иностранныхъ факція съ внутреннею злодѣевъ нашихъ компаніею имѣютъ согласіе", писалъ Прокоповичъ. „Ищутъ враги Россіи и внутренней болѣзни и внѣшняго бѣдствія, а тому прописку служатъ и съ нашей стороны лица духовные и присяжные". А когда Θеофану было поручено написать объясненіе, не имѣется ли въ книгѣ Рибейры „противностей церкви православной вѣры греческаго закона и иныхъ неприличныхъ рѣчей къ лицу ея величества и къ поношенію и укоризнѣ россійской имперіи", то отвѣтъ Θеофана долженъ былъ возбудить до крайности правительственную подозрительность. „Иностранныхъ въ Россіи мужей",—писалъ Θеофанъ,—Рибейра „ругательно нарицаетъ человѣчками и людишками и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно на кого онъ за пропитаніе иностранныхъ въ россійскомъ государствѣ нарѣкаетъ!.. Всѣхъ сплошь

1) Отзывъ Θеофана о книгѣ Рибейры у Чистовича въ «Рѣшиловскомъ дѣлѣ». Спб. 1861 г. Стр. 25-26 приложеній.

протестантовъ,—изъ которыхъ многое число честныя особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и гражданскомъ чинахъ, рангами высокими почтены служатъ, неправдою и невѣрностью помаралъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ немалое учинилъ огорченіе“ [1]). Въ заключеніе Ѳеофанъ говорилъ, что Рибейра имѣлъ намѣреніе сѣять „вредные плевелы“ „къ раздраженію иностранныхъ народовъ на россійскій народъ и къ междуусобной внутренней въ народѣ россійскомъ смутѣ“ [2]).

Можно себѣ представить, какъ перепугались министры! Ѳеофанъ не жалѣлъ красокъ, расписывая Рибейру, потому что зналъ, что онъ этимъ характеризуетъ своихъ враговъ, распространявшихъ такую книгу. Сторонники Ребейрова произведенія являлись возмутителями государства. Своимъ ловкимъ маневромъ Прокоповичъ достигъ того, что въ его распоряженіи были и министры и учрежденіе генерала Ушакова. Принялись искоренять крамолу. Переводчика книги Рибейры въ іюнѣ 1735 года кабинетъ-министры приказали лишить священства и монашества. Платонъ Малиновскій, рѣшительно ни въ чемъ не виновный и лишь подозрѣваемый, томился въ заключеніи до 1738 года, когда раздѣлилъ участь Евфимія. Изъ Синода оба—Евфимій и Платонъ были уволены еще въ 1734 году: тогда же лишены и архимандритства [3]).

Дѣло Коллети отразилось косвенно и на Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ. Мы видѣли, какія важныя обвиненія возводилъ Ѳеофанъ на своихъ ученыхъ противниковъ, сплотившихся около „Камня вѣры“. Ѳеофилактъ не былъ замѣшанъ въ исторію Рибейровой книги, но такъ какъ его считали въ томъ же лагерѣ, то тѣнь политическаго обвиненія отъ Евфимьевскаго процесса падала и на тверского архіепископа. Впослѣдствіи это обстоятельство не осталось безъ вліянія на его судьбу.

Дѣло, погубившее Лопатинскаго, началось въ половинѣ 1732 года. Въ это время появилось анонимное письмо

---

1) Ibid. Стр. 22-23.

2) Ibid. Стр. 30.

3) Дѣло Евфимія и Платона у Чистовича, Ѳеофанъ Прок., стр. 416-434.

съ пасквилемъ на Ѳеофана. Письмо было написано отъ лица папы римскаго къ Прокоповичу. Авторъ пасквиля принадлежалъ, судя по его произведенію, къ партіи коренныхъ враговъ новгородскаго архіерея, приверженцевъ русской старины и противниковъ петровскихъ реформъ, иноземныхъ обычаевъ, нововведеній. Ѳеофанъ обвинялся въ лютеранствѣ. Уничтоженіе патріаршества служило предметомъ особыхъ сожалѣній автора. Вся петровская реформа подвергалась открытымъ порицаніямъ или осуждалась намеками. Пасквиль задѣвалъ и правительство, говоря о крайнемъ раззореніи народа, скрываемомъ отъ государыни льстивыми министрами, призывая гнѣвъ Божій на виновниковъ печальной судьбы ссыльныхъ іерарховъ, потерпѣвшихъ „неправедное озлобленіе за благочестіе“.

Ѳеофанъ ревностно взялся за розыскъ творца пасквиля и письма. Онъ заподозрилъ въ немъ признаки цѣлаго заговора своихъ враговъ и напрягъ всю гибкость своего полицейскаго таланта на поиски заговорщиковъ. Возникъ долгій процессъ, характерный тѣмъ искусствомъ, съ какимъ игралъ Ѳеофанъ на слабыхъ струнахъ правительства, какъ онъ умѣлъ придать политическій интересъ своимъ личнымъ дѣламъ и счетамъ [1]).

Императрицѣ и министрамъ Прокоповичъ внушилъ, что пасквиль-произведеніе политическихъ заговорщиковъ, смущающихъ народъ своими кознями. Намеки на политическія обстоятельства въ пасквилѣ были для него лучшимъ аргументомъ. Тайная Канцелярія приялась съ особымъ усердіемъ за розыски.

Подозрѣнія Ѳеофана остановились на іеромонахѣ Іосифѣ Рѣшиловѣ, человѣкѣ, находившемся въ близкихъ сношеніяхъ съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. Вмѣстѣ съ калязинскимъ архимандритомъ Іоасафомъ Маевскимъ, Рѣшиловъ пользовался довѣріемъ тверскаго архіепископа, хотя по своимъ качествамъ и не заслуживалъ его. Эти два лица не мало вечеровъ коротали въ дружеской бесѣдѣ съ Ѳеофилактомъ, который, какъ человѣкъ простой и откровенный, говорилъ иногда много такого, что навлекло на него потомъ не мало бѣдъ. Въ 1731 году связь Маевскаго и Рѣшилова

---

1) У Чистовича, стр. 407-415; 460-493.

съ Лопатинскимъ порвалась, такъ какъ Іоасафъ перешелъ въ вѣдѣніе Ѳеофана Прокоповича въ Бизюковъ монастырь, ссылаясь якобы на худое житье у Ѳеофилакта. Въ Бизюковѣ монастырѣ очутился и Рѣшиловъ. Сначала Ѳеофанъ покровительствовалъ Іоасафу, отдавшемуся подъ его вѣдѣніе. Но когда появился пасквиль, нѣкоторыя обстоятельства заставили его заподозрить искренность Маевскаго. Именно, у него явилась мысль, что пріятель Іоасафа, Іосифъ Рѣшиловъ, сочинитель пасквиля. Тогда завязалось сложное Рѣшиловское дѣло, въ которое было запутано множество лицъ всякаго званія, въ томъ числѣ и Ѳеофилактъ.

Ѳеофанъ былъ весьма искусный слѣдователь. Пасквиль, представлявшій для него загадку въ своемъ происхожденіи, сильно интересовалъ его. Онъ подвергъ этотъ документъ всевозможному разсмотрѣнію, между прочимъ внимательно изучилъ его съ стилистической и вокабулярной сторонъ, ища хотя здѣсь ключа къ тайнѣ авторства. Одна ничтожная вещь навела его мысль на Рѣшилова. Въ пасквильномъ письмѣ часто употреблялось слово „динкую“. Тутъ Прокоповичъ вдругъ вспомнилъ, что слыхалъ это слово отъ Рѣшилова. Тотчасъ же онъ захотѣлъ провѣрить свое подозрѣніе и привлекъ Рѣшилова къ допросу. Іосифа привезли въ Петербургъ и, по высочайшему повелѣнію 26-го октября 1733 года, велѣно Синоду изслѣдовать это дѣло. По сличеніи найденныхъ у арестованнаго писемъ съ почеркомъ пасквильнаго письма, Ѳеофанъ пришелъ къ убѣжденію, что его подозрѣніе вѣрно; свои соображенія онъ представилъ въ письменномъ доношеніи Кабинету. Учреждена была особая слѣдственная комиссія изъ кабинетъ-министровъ, Ушакова и Ѳеофана. Дѣло сразу приняло серьезный характеръ, потому что пасквиль считали дѣломъ политическихъ возмутителей, противниковъ правительства, обвинявшихъ его въ лютеранскихъ симпатіяхъ и ведшихъ подпольную борьбу.

Какъ же, однако, попалъ въ эту исторію Ѳеофилактъ?— Его погубили: его откровенность, которую допускалъ онъ въ разговорахъ съ Іосифомъ и Іоасафомъ, который привлеченъ былъ къ слѣдствію въ первую голову, его связь съ подозрѣваемыми лицами, подозрѣнія, которыя онъ навлекъ на себя уже прежде.

На слѣдствіи выяснилось, что Рѣшиловъ и Маевскій, въ дружескихъ бесѣдахъ, свободно обсуждали петровскія нововведенія, Синодъ, отмѣну патріаршества, регламентъ и проч. О патріаршествѣ бесѣдовали они особенно часто. Въ эпоху реакціи прочили въ патріархи между прочимъ Ѳеофилакта Лопатинскаго. Его приближенные дѣлали это открыто, часто въ его личномъ присутствіи. Всѣ они были приверженцами стараго порядка вещей; патріаршество казалось имъ желаннымъ счастіемъ. „Лучше быть патріарху, говорили они, и дай Боже быть патріархомъ нашему преосвященному". Послѣ смерти Петра Второго, когда надежды эти окончательно разсѣялись, Маевскій приписывалъ неудачу Ѳеофилактова патріаршества его любви къ музыкѣ, „скрипочкамъ и дудочкамъ", отвлекавшимъ его отъ общественныхъ дѣлъ. Разговаривали и о новгородскомъ архіереѣ При этомъ самъ Ѳеофилактъ не разъ говорилъ, что Ѳеофанъ „лютеранскій защитникъ" и сѣтовалъ, что некому наставить на истинный путь юнаго государя Петра II [1]).

Близость Ѳеофилакта съ людьми, настроенными въ реакціонномъ духѣ, его дружескіе разговоры, гдѣ открыто высказывались порицанія нѣкоторымъ преобразованіямъ и провозглашалось лютеранство Прокоповича—все это заставляло причислять его съ ними къ одной „компаніи". А какою представлялась „компанія" правительству при помощи Ѳеофановыхъ очковъ, мы уже знаемъ. Это—„факція" злодѣевъ внутреннихъ, ищущихъ государству смущенія. Ихъ толки о патріаршествѣ, ихъ недовольство реформой, ихъ нападенія на лютеранство Ѳеофана—все направлено къ возмущенію противъ власти, противъ господства иноземцевъ—лютеранъ. Пасквиль вышелъ, по убѣжденію Прокоповича, изъ этой „факціи". Его авторъ Рѣшиловъ—приближенное лицо Ѳеофилакта, другъ Маевскаго, также Ѳеофилактова постояннаго собесѣдника. На Лопатинскаго падала тѣнь подозрѣнія: не причастенъ ли и онъ къ дѣлу? Есть основаніе думать, что Ѳеофанъ предполагалъ даже его участіе въ составленіи пасквильнаго письма. Именно, подавая въ Кабинетъ свое донощеніе о сдѣланныхъ имъ выводахъ, что авторъ—Рѣшиловъ, Ѳеофанъ оговаривался: „кромѣ нѣкихъ

1) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Стр. 463-468.

немногихъ частей, которыя кажутся выше ума его“ [1]). На кого намекалъ Прокоповичъ? Весьма возможно, что на Лопатинскаго. Но даже если бы не было позрѣнія въ участіи Ѳеофилакта въ пасквильномъ письмѣ, хотя бы косвенномъ, то принадлежность его къ „компаніи“ пасквильниковъ, дружескія бесѣды съ ними, сами собою заставляли заподозрить его политическую благонадежность. Прежняя борьба Ѳеофилакта противъ лютеранства, изданіе „Камня вѣры“, замыселъ письма противъ Буддея въ защиту творенія Яворскаго, ручались за то, что онъ раздѣляетъ антилютеранскія чувства, одушевлявшія составителя пасквиля. Такой человѣкъ не могъ равнодушно смотрѣть на господство протестантовъ нѣмцевъ. Прежде онъ сѣтовалъ, что не кому оградить отъ лютеранскихъ вѣяній Петра II. Что же долженъ былъ думать онъ теперь, когда министры государыни, ея приближенный фаворитъ, были лютеранами; а „лютеранскій защитникъ“ Ѳеофанъ, безпрекословно правилъ судьбами церкви русской? Сердце Лопатинскаго не могло не болѣть о такомъ положеніи дѣлъ, не могъ онъ не желать, чтобы порядокъ вещей измѣнился. Правда, онъ молчалъ. Но его недовольство прорывалось въ дружескихъ бесѣдахъ. Когда съ него брали подписку, подъ страхомъ смертнымъ, не писать на Буддея, то, несомнѣнно, уже подозрѣвали его, какъ недоброжелателя правительства и опаснаго человѣка. Дѣло Евфимія Коллети запугало еще болѣе государыню и министровъ, благодаря Ѳеофановскому освѣщенію. Антипротестантское движеніе, шедшее подъ знаменемъ „Камня вѣры“, представилось въ видѣ опаснѣйшей революціонной пропаганды. Глава его, ученый защитникъ, сдѣлался еще подозрительнѣе. Пасквильное дѣло дополнило и подтвердило подозрѣнія, представивъ Ѳеофилакта покровителемъ антиправительственной „факціи“, ютившейся въ Тверп подъ его крыломъ. Лопатинскаго притянули къ дѣлу.

Еще въ засѣданіи слѣдственной коммиссіи по Рѣшиловскому дѣлу 5-го марта 1734 года, послѣ показанія Маевскаго, Ушаковъ предлагалъ допросить Ѳеофилакта по дѣлу о патріаршествѣ [2]). Но еще годъ архіепископа оставляли въ

1) Чистовичъ. Рѣшиловское дѣло. Стр. 15 приложеній.

2) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Стр. 476.

покоѣ. 10-го апрѣля 1735 года прискакалъ къ нему изъ Петербурга курьеръ съ пакетомъ. Въ пакетѣ заключался вопросъ, за подписью кабинетъ-министровъ—Остермана, Ягужинскаго, Черкасскаго, слѣдующаго содержанія: „вѣдаете ли вы такого человѣка, который бы таковыхъ рѣчей: наимилшій, коханый, благословенство, дпкую и прочихъ, якобы на образецъ польскаго языка устроенныхъ, употреблять пріобыкль?“ Дѣло, какъ видно, шло о Рѣшиловѣ и идіотизмахъ пасквильнаго письма. Хотя Рѣшилова подозрѣвали въ авторствѣ его, но подозрѣнія все таки не могутъ имѣть характеръ твердаго убѣжденія. Воспоминанія Ѳеофана о Рѣшиловскихъ разговорахъ были не очень опредѣленны. Рѣшили обратиться къ Ѳеофилакту, долго обращавшемуся съ подсудимымъ. Впрочемъ, не столько хотѣли удостовѣриться въ авторствѣ Рѣшилова, въ которомъ уже почти убѣдились, сколько притянуть къ слѣдствію Лопатинскаго. Дальнѣйшее покажетъ это.

Ѳеофилакту дали три часа на размышленіе. Въ теченіи этого времени курьеръ долженъ былъ находиться при немъ. Отвѣтъ требовалось написать на той же бумагѣ. Эта обстановка свидѣтельствуетъ, что вопросъ вовсе не былъ простой справкой, что самого Ѳеофилакта подозрѣвали и считали съ его стороны возможнымъ желаніе скрыть истину, не быть откровеннымъ. Ѳеофилактъ отвѣтилъ: „отнюдь не вѣдаю“. Черезъ нѣсколько дней, 22-го апрѣля, прискакалъ другой курьеръ съ новыми вопросами: „не такъ ли иногда съ вами разговаривалъ бывшій іеромонахъ, что нынѣ разстрига Іосифъ Рѣшиловъ? И въ своихъ къ вамъ письмахъ таковыхъ, будто бы польскихъ, нарѣчій не употреблялъ ли? Такожде и вы, въ вашихъ къ нему поговоркахъ и письмахъ, таковыхъ же на стать такую словъ, хотя и насмѣшкою, не произносили ль? На сіе вамъ отвѣтствовать, какъ и прежде, при вручителѣ сего въ три часа“. Третій изъ предложенныхъ здѣсь вопросовъ даетъ предполагать, что Ѳеофановское подозрѣніе на счетъ участія Ѳеофилакта въ составленіи пасквильнаго письма передалось и къ правительству. Ѳеофилактъ отвѣчалъ, „что можетъ быть и говорилъ, но не помнитъ этого, потому что Рѣшиловъ жилъ не при немъ, а въ дальнемъ отъ него разстояніи“ [1]).

1) Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Стр. 485—486.

Кабинетъ потребовалъ Ѳеофилакта въ Петербургъ, признавъ его показанія не удовлетворительными. Очевидно, въ его отрицательныхъ отвѣтахъ усмотрѣли прикрытіе Рѣшилова; полагали, что Лопатинскій зналъ о пасквилѣ, что его отрицанія не искренни, проистекаютъ изъ желанія отклонить отъ себя всякое подозрѣніе Въ самомъ дѣлѣ, что же кромѣ этого представлялось слѣдователямъ? Вѣдь въ сущности Ѳеофилактъ ровно ничѣмъ не рискovалъ, если бы сказалъ, что Рѣшиловъ употреблялъ показанныя слова. Это только важно было для подсудимаго, служа противъ него уликой; а архіепископъ не былъ виновенъ въ томъ, что Рѣшиловъ любилъ употреблять тѣ или другія выраженія. Но слѣдователи были заранѣе убѣждены, что Ѳеофилакту извѣстенъ пасквиль, что онъ скрываетъ рѣшиловскіе идіотизмы рѣчи нарочно, чтобы не выдать лицо, ихъ употреблявшее, и тѣмъ не навлечь грозы на свою голову; послѣднее могло случиться потому, что Рѣшиловъ и его компанія нашли себѣ пріютъ у Лопатинскаго, пользовались его довѣріемъ. Пасквильная исторія представлялась правительству общимъ дѣломъ цѣлой „факціи“ „злодѣевъ внутреннихъ“, къ которой причисляли и тверскаго архіерея.

Въ Петербургѣ Ѳеофилакта сначала заарестовали на тверскомъ подворьѣ. 30-го мая, 26-го и 29-го іюня дѣлали новые допросы Ѳеофилакту. Его отвѣтами опять не удовлетворились и рѣшили привесть его къ присягѣ. Указъ объ этомъ за подписью Синода и кабинетъ-министровъ 7 го іюля 1735 года былъ объявленъ Ѳеофилакту. Въ указѣ весьма ясно высказывалось, что архіерея подозрѣвали въ укрывательствѣ пасквильщика. Онъ гласилъ слѣдующее. „Понеже ты на посланные къ тебѣ четыре допроса отвѣтствовалъ весьма, повидимому, не прямо, ибо на первый апрѣля 10-го и на второй апрѣля 22-го писанные сказалъ ты, что весьма не вѣдаешь, чего нельзя, кажется было тебѣ не вѣдать; а на третій мая 30-го писанный, гдѣ Рѣшилова именованнаго такожъ незнаніемъ отговаривался, чего никто не надѣялся; а въ Кабинетѣ 26-го дня іюня, первѣе въ незнаніи томъ утверждался, покамѣсть Рѣшиловыхъ тебѣ и твоихъ къ Рѣшилову писемъ не показали, а по объявленіи писемъ оныхъ сказалъ ты, что забытіемъ прежде того не писалъ и твое въ томъ незнаніе показывалъ; а на четвертый вопросъ, іюня

29-го тебѣ посланный, еще паче прежнихъ отвѣтовъ твоихъ отвѣтствовалъ ты не совѣстно, суетно, огурно и самымъ, какъ въ прежнихъ отвѣтахъ твоихъ, такъ и въ послѣднемъ томъ, написанныхъ словамъ твоимъ не согласно и отнюдь не сходно, и потому показалъ ты самъ себя къ подозрѣнію извѣстнаго слѣдуемаго злаго умысла близкимъ; того ради, по имянному ея императорскаго величества указу, высокоучрежденные кабинетные министры и синодальные члены согласно приговорили: привесть тебя при знатныхъ духовнаго и мірскаго чина особахъ къ присягѣ, по приложенной при семъ формѣ. И дабы ты впредь не отговаривался малымъ къ разсужденію даннымъ тебѣ временемъ и торопкимъ домогательствомъ, дается тебѣ на разсужденіе, идти ли тебѣ къ присягѣ, или сказать, что знаешь, довольное время, а именно до 10-го числа сего іюля мѣсяца. А между тѣмъ и то тебѣ во извѣстіе предлагается, что если ты, не вступая въ присягу, не скрытно и прямо покажешь, что надлежащее къ прежнимъ даннымъ тебѣ допросамъ вѣдаешь: то, какъ бы ни былъ виноватъ, по благоутробному ея императорскаго величества милосердію получишь прощеніе. Если же присягою завяжешься, а послѣ съ другой какой стороны покажется, что присягалъ ты ложно: то нельстя себѣ вѣдай несумнѣнно, что какового суда и осужденія самъ ты признаешь достойными во лжу призывающихъ Бога свидѣтеля, таковый судъ и осужденіе съ тобою будутъ“ [1]).

Ѳеофилакта, такимъ образомъ, считали въ курсѣ дѣла пасквильной компаніи; думали, что онъ могъ бы сообщить цѣнныя свѣдѣнія, если бы захотѣлъ. Своими отрицаніями даже отъ знакомства съ Рѣшиловымъ архіерей убѣдилъ окончательно слѣдователей, что у него совѣсть не чиста. Но справедливы ли были эти подозрѣнія въ сообществѣ Лопатинскаго съ Рѣшиловымъ и компаніей? Зачѣмъ архіерей отрицалъ несомнѣнный фактъ своего знакомства съ Іосифомъ? По совѣсти давалъ онъ показанія или нѣтъ? Рѣшить эти вопросы было бы интересно, но не легко. Что касается сообщества съ пасквильниками, то, судя по благородному характеру Ѳеофилакта, мы не можемъ допустить его участіе въ такомъ грязномъ дѣлѣ. Какъ бы ни была велика его

---

1) Ibid. стр. 487.

принципіальная рознь съ Прокоповичемъ, онъ личной злобы къ нему никогда не выражалъ и никогда не сталъ бы дѣйствовать подпольными средствами. Его область— ученая, открытая борьба, а не подметная литература. Но, можетъ быть, онъ зналъ о пасквилѣ? И это едва ли возможно; вѣрнѣе всего, что продажный іеромонахъ или кто другой тайкомъ оборудовалъ свое грязное предпріятіе, воплотивъ въ него тѣ мысли, которыя высказывались въ ихъ дружескихъ бесѣдахъ съ Маевскимъ, и тѣ обвиненія, которыя возводила на Ѳеофана реакціонная партія. Если бы Ѳеофилактъ узналъ объ этомъ дѣлѣ, то не одобрилъ бы затѣю. Потому, должно быть, и перекочевалъ Іосифъ Рѣшиловъ отъ тверскаго архіепископа въ Бизюковъ монастырь къ Маевскому, также подозрительно оставившему Ѳеофилакта предъ возникновеніемъ дѣла о пасквилѣ.—Зачѣмъ же Ѳеофилактъ отрицалъ одно время свое знакомство съ Рѣшиловымъ? Смиренный архіерей въ простотѣ души думалъ этимъ, вѣроятно, избѣгнуть причастности къ дѣлу. Что касается идіотизмовъ рѣчи Рѣшилова, о которыхъ вопрошали архіепископа, то возможно, что онъ и впрямь ихъ не замѣчалъ за іеромонахомъ, они не бросались ему въ глаза.

Поэтому, надо думать, Ѳеофилактъ съ чистой совѣстью подписалъ страшную клятву, которая гласила: „я, нижеподписавшійся, клянусь Богомъ живымъ, что на поданные мнѣ, по именному ея императорскаго величества указу, допросы: первый—апрѣля 10-го дня, другой –апрѣля 22-го, третій—мая 30-го, четвертый іюня 29-го дня 1735 года писанные, отвѣтствовалъ по сущей истинѣ, ничего не утаивая, но столько, сколько зналъ я и знаю, произнося, и что съ бывшимъ іеромонахомъ Іосифомъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ, и съ кѣмъ другимъ, какого бы то ни было званія, въ словесныхъ и письменныхъ на ея императорское величество нареканіяхъ, не имѣлъ согласія и сообщества, и никакихъ отъ него Рѣшилова или отъ другого кого ни есть говоренныхъ на ея императорское величество нареканій и поношеній никогда не слыхалъ и не видалъ, и никакимъ другимъ способомъ не вѣдалъ и нынѣ не вѣдаю. Тако же, что писанные отъ меня на вышеупомянутые вопросы отвѣты, безъ всякаго таинаго въ сердцѣ моемъ толку и подложнаго другого образа, прямые и истинные суть, въ такой силѣ и разумѣ,

въ каковой силѣ и разумѣ писанными мною рѣчами показуются, и какъ отъ чтущихъ, такъ и отъ слышащихъ оные разумѣются, тоже сказую по сихъ клятвенныхъ словахъ моихъ. И все то сею моею присягою предъ всевѣдающимъ Богомъ нелестно и нелицемѣрно, и не за страхъ какой, но христіанскою совѣстью утверждаю. Буди мнѣ единый Онъ Сердцевѣдецъ свидѣтель, яко не лгалъ въ отвѣтахъ и не лгу въ сей клятвѣ моей; а если лгалъ, или лгу, той же Богъ, яко праведный Судья, да будетъ мнѣ отмститель. И въ заключеніе всего, цѣлую крестъ и слова Спасителя моего, и рукописаніемъ моимъ сію мою присягу закрѣпляю“ [1]).

Но не повѣрили министры и клятвенной присягѣ Ѳеофилакта. Дѣло о пасквилѣ продолжалось, хотя никакихъ доказательствъ противъ Лопатинскаго не было; его продолжали держать подъ арестомъ до конца 1738 года. Въ этомъ же году съ нимъ покончили. То былъ тяжелый годъ аннинскаго царствованія. Подозрительность правительства была напряжена до послѣдней степени подъ вліяніемъ заговора Долгорукихъ, процесса Волынскаго. Тверскій архіепископъ въ мнѣніи министровъ принадлежалъ также къ компаніи возмутителей государственнаго спокойствія. Однако, не имѣя фактическихъ доказательствъ его виновности (кромѣ разговоровъ съ Маевскимъ и Рѣшиловымъ, въ которыхъ по существу не было ничего преступнаго), доселѣ не находили возможнымъ осудить его. Разъ дѣло ограничивалось одними подозрѣніями, несправедливость которыхъ архіерей утверждалъ клятвою, то приговоръ произнести было затруднительно даже для того деспотичнаго правительства, безконтрольно распоряжавшагося судьбою подданныхъ. Въ декабрѣ 1738 года, однако, церемониться перестали, не смотря на то, что къ винѣ Ѳеофилакта ничего не прибавилось. Въ Кабинетѣ состоялось слѣдующее опредѣленіе о Ѳеофилактѣ. „По слушаніи взнесеннаго изъ Тайной Канцеляріи экстракта изъ дѣла о тверскомъ архіепископѣ Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, разсуждено, что помянутый архіерей Ѳеофилактъ, по обстоятельству производимаго съ прочими о немъ дѣла, явился въ важныхъ винахъ; но при слѣдствіи не только о тѣхъ своихъ винахъ не принесъ чистой повинной, но коварно въ

1) Ibid. стр. 487—488.

томъ себя закрывалъ: ибо вѣдая, что имѣлъ онъ съ монахомъ Іосифомъ, нынѣ разстригою Иваномъ Рѣшиловымъ, письменную корреспонденцію, къ тому же и персонально съ нимъ неприличныя рѣчи, каковы въ тѣхъ ихъ пасквиляхъ явствуютъ, говаривалъ, и отъ Рѣшилова слыхалъ, на посланные къ нему именные указы съ явною безсовѣстною лжею объявлялъ, что того будто бы не бывало: но когда тѣ его безсовѣстные отвѣты письмами Рышилова явно были обличены, тогда никакого уже оправданія онъ не принесъ, кромѣ отговорки, что прежде не объявилъ онъ якобы отъ безпамятства; когда и потомъ, сверхъ онаго, по слѣдствію о происходимыхъ отъ него важныхъ непристойныхъ словахъ и нареканіяхъ явно показалось,—онъ и въ томъ въ отвѣтахъ вину свою скрывалъ, паче же присягою предъ всемогущимъ Богомъ съ клятвою себя въ ономъ утверждалъ и не о чемъ на себя и на другихъ не показалъ и въ томъ подъ присягою своеручно подписался: но послѣ того по отвѣту его явно означилось, что оную присягу учинилъ онъ умышленно ложно, дабы тѣмъ закрыть нижеобъявленныя вины свои; ибо самъ онъ, Ѳеофилактъ, показалъ, что по словеси апостольскому всякому прекословію кончина клятва есть, и потому думалъ, что оною учиненною имъ присягою дѣло о немъ кончилось; но по слѣдствію Тайной Канцеляріи онъ явно явился въ злоумышленныхъ, непристойныхъ и продерзостныхъ разсужденіяхъ и нареканіяхъ, въ чемъ самъ вышился въ распросѣ [1]). За оныя важныя вины подлежитъ лишить его архіерейства и всего священнаго и монашескаго чина, и за надлежащимъ карауломъ послать его въ Выборгъ и содержать тамъ въ замкѣ, называемомъ Германъ до смерти его никуда неисходно, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему никого, такожъ бумаги и чернилъ ни для чего ему отнюдь давано-бъ не было“.—Послѣ этого, выборгскаго

---

[1]) „Разсужденія и нареканія“, ставящіяся здѣсь въ вину Ѳеофилакту, не заключали опять таки преступленія; это были разговоры о политикѣ, которые велъ онъ съ Маевскимъ. Напримѣръ, они говорили, что Цесаревна Елизавета сама отказалась отъ престола послѣ смерти Петра II, что Анна Леопольдовна крещена въ лютеранство, что сынъ Анны Петровны, супруги голштинскаго герцога, наслѣдникомъ русскаго престола быть не можетъ, потому что отецъ уступилъ ему право на шведскій престолъ и содержитъ онъ вѣру лютеранскую, и т. д.

узника еще разъ брали въ маѣ 1739 года въ Тайную Канцелярію для допросовъ, такъ какъ нашелся новый доносчикъ, указавшій близкихъ къ Ѳеофилакту лицъ, одно изъ которыхъ умѣло писать полууставомъ, почеркомъ пасквиля. Допросы эти, впрочемъ, ни къ чему не привели. Въ Выборгѣ Ѳеофилактъ томился до смерти Анны Іоанновны [1]).

Осужденіе Ѳеофилакта Лопатинскаго состоялось уже послѣ смерти его врага и ненавистника Ѳеофана Прокоповича. Церковный временщикъ скончался 8-го сентября 1736 года, окруженный раболѣпіемъ, на верху своей власти и въ самомъ разгарѣ процессовъ, имъ затѣянныхъ. Его дѣла должны были продолжать Тайная Канцелярія и кабинетъ-министры. Такимъ образомъ, приговоръ надъ Ѳеофилактомъ произнесенъ былъ спустя два года послѣ кончины новгородскаго архіепископа, и послѣдняго нельзя винить въ судьбѣ Лопатинскаго. Правительство, впрочемъ, не нуждалось въ какихъ либо новыхъ внушеніяхъ со стороны, чтобы свершить свой судъ. Взглядъ на тверскаго архіерея у него установленъ былъ твердо, съ самаго начала дѣла. Ѳеофилактъ былъ лицомъ политически неблагонадежнымъ съ начала дней правленія Анны Іоанновны. Рѣшиловскій процессъ далъ поводъ разгорѣться и усилиться прежнимъ подозрѣніямъ, и участь Лопатинскаго, причисленнаго къ злодѣйской факціи, была предрѣшена заранѣе.

Но палъ ли Ѳеофилактъ жертвой своихъ анти-протестантскихъ убѣжденій? Правительство осудило его, какъ убѣжденнаго ли защитника „Камня вѣры“, или какъ политическаго преступника? Иначе говоря, руководила ли приговоромъ втайнѣ вѣроисповѣдная ревность, религіозная вражда къ апологету „Камня“ и противнику лютеранства, исповѣдовавшагося министрами-нѣмцами? Въ дѣлѣ Ѳеофилакта мы не имѣемъ никакого намека на такія побужденія. Еще разъ нужно сказать, что анненскіе министры въ своей церковной политикѣ не были отнюдь протестантами. Въ отношеніяхъ правительства къ вѣрѣ и церкви русской вѣроисповѣдная рознь не имѣла замѣтнаго вліянія. Поэтому мы не можемъ разсматривать Ѳеофилакта Лопатинскаго, какъ страдальца за вѣру православную. Архіепископъ тверскій пострадалъ,

---

1) Чистовичъ, стр. 653—657.

какъ политическій преступникъ, какъ человѣкъ анти-правительственной партіи. Правда, его ревностная защита „Камня“ сыграла нѣкоторую роль въ его судьбѣ; но сыграла только потому, что бросила на него пятно политическаго подозрѣнія. Его борьба съ протестантами, его нападки на лютеранство, также не прошли безслѣдно; но опять по той причинѣ, что за ними видѣли нападеніе на правителей—иностранцевъ, негодованіе противъ нѣмцевъ, окружившихъ престолъ государыни. Религіозныя убѣжденія Лопатинскаго были безразличны для кабинетъ-министровъ; для нихъ важно было одно— въ какихъ отношеніяхъ стоялъ Ѳеофилактъ къ существующему въ государствѣ порядку вещей, связи его съ врагами трона, тайными и явными недоброжелателями императрицы и ея приближенныхъ. Лопатинскій погибъ, какъ жертва политической подозрительности того мрачнаго царствованія, когда никто не могъ поручиться за свою безопастность, когда учрежденіе генерала Ушакова царило всюду и надъ всѣми [1]).

IV.

Въ послѣдніе годы правленія Анны Іоанновны правительство развило до крайнихъ предѣловъ свою подозрительность къ іерархамъ церкви русской. Процессы архіереевъ, продолжавшіеся безпрерывно съ самаго начала царствованія, настолько обострили эти отношенія, что даже малѣйшаго повода было достаточно, чтобы епископа заподозрили въ недоброжелательствѣ къ царствующей императрицѣ и императорскому дому. Карали за простую оплошность, карали лицъ совершенно не виновныхъ. Въ этомъ родѣ характерна исторія, разыгравшаяся съ архіепископомъ псковскимъ Варлаамомъ.

Еще въ 1735 году Варлаамъ былъ посланъ въ Святогорскій монастырь для неисходнаго пребыванія въ теченіе времени съ первой недѣли великаго поста по 25-ое марта, по самому мелочному случаю. Именно, онъ въ одномъ частномъ письмѣ сообщилъ между прочимъ содержаніе словъ,

1) Ѳеофилактъ вмѣстѣ съ другими политическими ссыльными былъ освобожденъ въ правленіе Анны Леопольдовны, 31-го декабря 1740 года и снова получилъ знаки архіерейскаго достоинства. Больной и изможденный страдалецъ скончался 6-го мая 1741 года.

сказанныхъ ему лично государыней, о перемѣнѣ псковскаго воеводы, и именовалъ ее въ этомъ письмѣ ея величествомъ вмѣсто полнаго титула „ея императорское величество“. Письмо Варлаама попало въ Тайную Канцелярію, и кабинетъ-министры поручили Синоду разсмотрѣть дѣло. Синодъ и приговорилъ архіерея къ вышеупомянутому наказанію за то, что онъ сообщалъ о словахъ государыни, сказанныхъ ему частнымъ образомъ и неправильно ее титуловалъ [1]). Но въ 1737 году Варлаамъ попалъ въ дѣло посерьезнѣе [2]).

Въ началѣ октября этого года два секретаря псковскаго архіерейскаго дома, Башиловъ и Мухинъ, бѣжали изъ Пскова и явились въ Синодъ съ доносомъ на архіепископа въ 13 пунктахъ. Дѣло завязалось по поводу двухъ пунктовъ этого доноса, 4-го и 5-го. Первый изъ нихъ гласилъ, что архіепископъ не упоминаетъ за литургіей при принятіи потира, на великомъ выходѣ, вторично титула государыни, царской фамиліи, Св. Синодъ и проч., а прямо говоритъ: „васъ и всѣхъ православныхъ христіанъ“. Второй имѣлъ слѣдующее содержаніе. Въ августѣ 1737 года Варлаамъ былъ на семскомъ островѣ; между тѣмъ 4-го числа ему надлежало служить соборно панихиду по усопшей царицѣ монахинѣ Еленѣ (Евдокіи Ѳеодоровнѣ, умершей въ 1731 году). Никакого извѣстія съ острова архіерей не посылалъ, будетъ онъ служить или нѣтъ. Тогда консисторія, придававшая дѣлу о „царской службѣ“ большое значеніе, зная, какъ можно поплатиться за упущеніе, отправила на островъ протодіакона и пѣвчихъ, чтобы Варлаамъ могъ тамъ совершить служеніе. Архіепископъ на протодіакона и консисторію весьма разгнѣвался и говорилъ, что по монахинѣ Еленѣ онъ панихиды отправлять самъ не долженъ. Однако же панихиду онъ отправилъ, но приказалъ, чрезъ протодіакона, консисторіи выключить имя монахини Елены изъ имѣющагося въ тронцкой церкви реестра, въ которомъ были показаны лица царствующаго дома, по которымъ архіерей долженъ былъ самъ совершать служеніе, ибо впредь онъ по Еленѣ отправлять панихиды не будетъ.

---

1) П. С. П. VIII, 2843

2) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 113.

Донось секретарей, какъ видно изъ его содержанія, въ сущности не заслуживалъ никакого вниманія по своей мелочности. Но не такъ думали въ Синодѣ. Наученные опытомъ, синодальные члены усмотрѣли здѣсь нить дѣла, за которое ухватится Тайная Канцелярія. Въ поступкахъ Варлаама тотчасъ померещились признаки его недоброжелательства къ царствующему дому, къ высочайшимъ особамъ. Синодъ отправилъ и донось и доносителей къ генералу Ушакому.

Варлаамъ тѣмъ временемъ, узнавъ, какой сюрпризъ хотѣли преподнести ему бѣжавшіе отъ него секретари, почуялъ, что дѣло плохо. Грозный призракъ предшественниковъ—архіереевъ, замѣшанныхъ въ политическія дѣла, стоялъ передъ нимъ. Перспектива Тайной Канцеляріи никому не улыбалась. И вотъ архіепископъ, еще пока не дошелъ донось до Синода, пишетъ (10-го октября) просьбу уволить его на обѣщаніе въ Печерскій монастырь или въ Псково-печерскій, опредѣливъ содержаніе противъ четырехъ братій, ссылаясь на подагру, недозволяющую ему служить. Но Варлааму не удалось избѣжать слѣдствія. Высочайшимъ указомъ 29-го октября было повелѣно изслѣдовать по доносу. Слѣдствіе предлагалось произвести или на мѣстѣ, опредѣливъ для того духовную персону изъ Синода, или вызвавъ Варлаама въ Петербургъ. Синодъ (9-го ноября) послалъ вызовъ Варлааму, приказавъ отправиться въ недѣльный срокъ.

Когда архіерей пріѣхалъ въ столицу, то ему были предложены вопросы на счетъ 4 и 5 пунктовъ доноса. Его спрашивали: 1) чего ради не воспоминалъ онъ вторично императорскаго титула, 2) какого ради винословія съ крикомъ говорилъ протодіакону, что не подлежитъ служить панихиды по Еленѣ, 3) чего ради сказалъ онъ, что впредь отправлять панихиды по ней не будетъ и велѣлъ вычеркнуть ея имя изъ реестра.

Отвѣты Варлаама были, повидимому, вполнѣ удовлетворительны. Именно, онъ на первый вопросъ сказалъ, что однократно титулъ императорскій онъ дѣйствительно воспоминалъ, преимущественно въ тѣ дни, когда въ церкви было мало народу, воспоминалъ такъ для сокращенія. Дѣлалъ онъ это, опираясь на извѣстные ему примѣры. Такъ, на-

примѣръ, поступалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, совершая служеніе даже въ присутствіи ихъ величествъ. Такъ поступалъ самъ Варлаамъ въ 1719 г. въ присутствіи Петра Великаго, въ 1726 году въ присутствіи Екатерины I, совершая богослуженіе въ Петербургѣ. Когда онъ въ 1733 году былъ въ Петербургѣ для отправленія поминовенія по государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, то тогда также дѣлалъ однократное возношеніе. Тогда никто ему ничего не говорилъ.

На второй вопросъ архіепископъ отвѣтилъ, что протодіакону онъ сказалъ, что панихида могла быть отправлена и безъ него, потому что они съ секретаремъ Башиловымъ еще прежде рѣшили, что по государынѣ монахинѣ Еленѣ самому архіерею отправлять поминовенія не надлежитъ, а надлежитъ совершать его архимандриту. Мотивомъ для такого рѣшенія было то, что въ присланномъ печатномъ къ поминовенію реестрѣ имя умершей царицы написано монахинею; между тѣмъ по тому реестру архіерейское служеніе бываетъ лишь „по государяхъ, царяхъ и императорахъ россійскихъ и по государыняхъ царицахъ“, начиная съ Михаила Ѳеодоровича и по государыню Екатерину Алексѣевну. Поэтому изъ этого реестра онъ, архіерей, приказалъ выписать особо имена лицъ царской фамиліи, по которымъ полагается архіерейское служеніе, не внося туда имя монахини Елены.

На третій вопросъ Варлаамъ отвѣчалъ, что выключить имя Елены изъ печатнаго реестра онъ не приказывалъ. О томъ, что ему лично не надлежитъ отправлять панихидъ по Еленѣ, онъ говорилъ въ вышеупомянутомъ смыслѣ: но, что впредь отправлять не будетъ, не говаривалъ. До сихъ поръ онъ совершалъ эти панихиды самъ.

Полгода тянулось дѣло Варлаама. Никакихъ новыхъ обвиненій и доказательствъ противъ него не было представлено. Его объясненія по доносу секретарей должны бы, кажется, были удовлетворить слѣдователей. При всемъ желаніи нельзя было заподозрить политическую благонадежность Варлаама, какой либо умыселъ въ его дѣйствіяхъ. Но Синодъ, наученный Ѳеофановскими розысками и боясь, очевидно, оправдать архіерея, сумѣлъ признать его виновнымъ, усмотрѣть въ его поступкахъ нѣчто, заслуживающее наказанія. 19-го іюля 1739 г., въ докладѣ Кабинету, Синодъ

заявлялъ безаппелляціонно, что все, сказанное Варлаамомъ въ свою защиту, „ему не въ оправданіе“. О приводимыхъ архіереемъ примѣрахъ единократнаго возношенія императорскаго титула слѣдователи говорили: „Хотя бъ вышепоказанные образцы и были, однакожъ того, а наппаче какъ при присутствіи ихъ императорскихъ величествъ случалось, во образецъ, когда его архіерея служеніе было внѣ ихъ императорскихъ величествъ присутствія, принимать не слѣдуетъ. Въ чиновникѣ архіерейскаго служенія изображено имянно, что какъ по принятіи дискоса первѣе воспоминаемо бываетъ, тако-жъ и по принятіи потира возглашать, якоже и первѣе, чего ради и надлежало ему архіерею болѣе въ томъ воспоминаніи слѣдовать, какъ въ ономъ чиновникѣ указано, и то воспоминаніе по чиновнику чинить съ неотмѣннымъ превысочайшаго ея императорскаго величества и высокой ея императорскаго величества фамиліи титула и прочихъ возношеніяхъ“. На отвѣты Варлаама по поводу панихиды по царицѣ монахинѣ Еленѣ и выключенія ея имени изъ реестра, синодальный докладъ давалъ такую реплику: „во означенномъ печатномъ реестрѣ того, чтобъ оное поминовеніе самимъ архіереемъ отправлять точію по государыню Екатерину Алексѣевну, не показано, и такое оное о вынесеніи имени государыни царицы Елены изъ поминовешнаго (по которому ему архіерею тѣ поминовенія надлежало отправлять самому) реестра приказаніе онъ архіерей учинилъ весьма не осмотрительно“. Если бы были сомнѣнія, то онъ долженъ былъ сначала снестить съ Св. Синодомъ. Да и „сумнительства и разсужденія употреблять ему не надлежало“. За такія вины Синодъ предлагалъ послать Варлаама въ новгородскій старо ладожскій монастырь на полгода съ лишеніемъ на это время посоха и мантіи архіерейскихъ.

Высочайшая резолюція (января 8-го 1739 года) повелѣвала отрѣшить Варлаама отъ епархіи, въ два мѣсяца окончить слѣдственное дѣло надъ нимъ и, по окончаніи, отпустить его на обѣщаніе. Но когда Синодъ доложилъ Государынѣ, что дѣло Варлаама скоро рѣшить невозможно, то было повелѣно отпустить архіерея на обѣщаніе въ Кіево-печерскій монастырь, согласно его просьбѣ, не дожидаясь окончанія дѣла.

Такимъ образомъ, псковскій архіепископъ потерпѣлъ сравнительно легкое наказаніе. Его не постигла участь Льва, Варлаама кіевскаго и др. архіереевъ. Конечно, это объясняется тѣмъ, что онъ былъ рѣшительно ни въ чемъ невиновенъ, и даже подозрительность правительства не могла открыть въ его дѣйствіяхъ выраженія недоброжелательства къ императорскому дому. Но тѣмъ характернѣе этотъ процессъ, возникшій на почвѣ ничтожныхъ и мелочныхъ обвиненій. Варлаамъ, безъ вины виноватый, все же лишился епархіи, благодаря доносу своихъ секретарей. Знаменательно здѣсь самое возникновеніе дѣла по поводу, едвали не курьезному по своей незначительности; знаменательно отношеніе Синода къ показаніямъ Варлаама. Такъ страшно царилъ тогда призракъ политическихъ подозрѣній, такъ запуганы были синодскіе члены, такъ властенъ былъ страхъ застѣнковъ Тайной Канцеляріи!

Процессъ Варлаама псковскаго заканчиваетъ собою эпопею аннинскихъ розысковъ надъ іерархами церкви русской. Только на этой почвѣ и стяжало себѣ славу царствованіе императрицы Анны въ жизни высшей іерархіи. Оглядываясь на вереницу жертвъ, усѣявшихъ путь, которымъ шла государыня, ея министры, объ руку съ Тайной Канцеляріей; на условія жизни, созданныя правительственнымъ режимомъ,—представляется такая картина.

Надъ всѣмъ царилъ первенствующій іерархъ, церковный временщикъ, Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій. Ему все покорно въ церковномъ мірѣ, все трепещетъ навлечь гнѣвъ и подозрѣніе могучаго архіерея. Императрица и министры смотрятъ на іерархическій міръ сквозь призму, подставленную Ѳеофаномъ. Ставъ на точку зрѣнія, имъ внушенную, они стали орудіемъ Ѳеофановыхъ замысловъ въ его личныхъ дѣлахъ. Привыкнувъ видѣть кругомъ политическихъ враговъ, возмутителей, подкапывающихся подъ иноземныхъ правителей, правительство всюду и вездѣ видѣло признаки недоброжелательства. Возникнувшее однажды подозрѣніе и недовѣріе не умирало никогда; напротивъ, съ теченіемъ времени принимало все болѣе обостряющуюся, болѣзненную форму, способную создавать процессы вродѣ

псковскаго. Подъ взоромъ народной ненависти, тяготѣвшей надъ непопулярнымъ царствованіемъ, охранители трона зорко смотрѣли по сторонамъ, готовые подавить всякій открытый признакъ недоброжелательства. Генералъ Ушаковъ прекрасно исполнялъ свое застѣночное ремесло, и въ его цѣпкихъ рукахъ задыхалось все, къ нему попавшее.

Общій духъ времени отражался даже и на провинціальной администраціи, которая не очень церемонилась съ епископами, считая видимо своимъ долгомъ быть мѣстными агентами генерала Ушакова. Въ этомъ родѣ мы знаемъ также одно дѣло изъ анненской эпохи, о черниговскомъ архіепископѣ Иларіонѣ, относящееся къ 1737 году.

Въ началѣ этого года, посланный для набора рекрутъ, капитанъ Кобылинъ пріѣхалъ въ Черниговскій елецкій монастырь и потребовалъ тамъ въ службу 12 человѣкъ монастырскихъ подсусѣдковъ съ провіантомъ. При этомъ онъ чинилъ всякія безобразія: хваталъ монастырскихъ работниковъ, билъ публично монаховъ, держалъ сутки подъ карауломъ людей монастырскихъ, эконома, намѣстника, требуя немедленной поставки означенныхъ рекрутъ. Объ этомъ было донесено черниговскому архіепископу Иларіону Рогалевскому. Когда послѣ этого 10 іюля 1737 года, во время богослуженія въ соборномъ черниговскомъ храмѣ, присутствовавшій тутъ капитанъ Кобылинъ хотѣлъ подойти ко кресту, то Иларіонъ закричалъ на него, что онъ не достоинъ, что онъ срываетъ кресты съ церквей, называлъ его проклятымъ и рекрутомъ, говорилъ, что онъ не Кобылинъ, а кобыла, и не дворянинъ, и что наборъ онъ чинитъ не по указу, а самъ собою; до креста не допустилъ. А когда Кобылинъ на это возразилъ, что наборъ онъ чинилъ по указу Ея Величества, то Иларіонъ кричалъ: „чортъ развѣ далъ тебѣ указъ, покажи указъ“.

Отсюда возникло дѣло. Кобылинъ принесъ жалобу. Происшествіе дошло до губернатора, князя Борятинскаго. Кобылинъ обвинялъ архіерея, что тотъ говорилъ нѣкоторыя „противности“, ясно намекая на политическую неблагонадежность. Борятинскій, вспомнивъ, должно быть, о прежнихъ процессахъ архіереевъ, не долго думая, собственною властью нарядилъ надъ Иларіономъ слѣдствіе. Онъ поручилъ

капитану Данилову секретно распросить епископа и свидѣтелей о произнесенныхъ въ черниговскомъ соборѣ словахъ, нѣтъ ли тутъ какой важности, говорилъ ли архіерей Кобылину „чортъ тебѣ далъ указъ“, и если говорилъ, то кого тутъ разумѣлъ, и не знаетъ ли онъ какихъ „къ тайности подлежащихъ дѣлъ“. Если архіерей покажется „подозрительнымъ“, то Данилову давалось право немедленно арестовать его и посадить подъ крѣпкій караулъ. Капитанъ Даниловъ нашелъ Иларіона, дѣйствительно, подозрительнымъ и посадилъ подъ арестъ. Но Кабинетъ, когда ему о всемъ донесъ Борятинскій, не могъ одобрить подобнаго самоуправства. Онъ выслушалъ донесеніе съ крайнимъ „удивленіемъ“ и „непріятностью“ и велѣлъ немедленно освободить Иларіона. Впрочемъ, слѣдствіе повелѣвалось довести до конца и результаты сообщить Кабинету.

При слѣдствіи произошла обычная исторія: и архіепископъ и Кобылинъ отрицали свои вины; хотя въ концѣ концовъ первый сознался, что въ гнѣвѣ сказалъ вышеупомянутыя слова объ указѣ, ни на кого, конечно, не намекая. Но архіерей видимо, перепугался такъ-же, какъ Варлаамъ псковскій. Когда онъ узналъ о доносѣ Кабылина, то, предчувствуя близость Тайной Канцеляріи, усиленно просилъ Борятинскаго прекратить дѣло, отказываясь отъ всякой претензіи къ Кобылину, ибо,—говорилъ онъ,—ему, за болѣзненностью, не до тяжбы [1]).

Въ такой атмосферѣ протекала жизнь высшей іерархіи. Никто не зналъ покоя, не могъ разсчитывать на безопасность. Даже люди, далекіе отъ всякихъ соприкосновеній съ Ѳеофаномъ и политикой, иногда неожиданно чувствовали удары свыше. Такъ, рязанскій архіепископъ Алексѣй въ 1735 году, по именному указу, получилъ выговоръ, съ угрозой лишенія на будущее время за подобное же преступленіе сана архіерейскаго, получилъ за то, что какъ-то говорилъ о болѣзни ногами Ѳеофана и позволилъ, или, можетъ быть, приказалъ написать прошеніе самой государынѣ о непереводѣ его изъ рязанской епархіи въ другую [2]).

---

1) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 94/1171, л. л. 923-1021.

2) Дѣло въ архивѣ св. Синода 1734 г. № 118. Подавать прошенія на Высочайшее имя было запрещено.

Конечно, все молчало въ страхѣ, но глухое недовольство, несомнѣнно, жило, развивалось и крѣпло въ средѣ іерархіи. Оно вылилось открыто при Елизаветѣ въ страстныхъ негодующихъ рѣчахъ проповѣдниковъ, вылилось нѣсколько слѣпо,—но то былъ вопль долго сдерживаемаго чувства. Неудивительно, что высшая іерархія сохранила самыя худшія воспоминанія о царствованіи Анны Іоанновны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Государственная политика по отношенію къ бѣлому духовенству. Общій взглядъ. Замѣщеніе церковныхъ должностей.—Бродячее духовенство.—Матеріальное обезпеченіе духовенства.—Ружный штатъ.—Государственныя повинности.—Политическія дѣла.—Разборы.

Въ жизни бѣлаго духовенства русской церкви Аннинское царствованіе составляетъ печальную эпоху въ теченіи всего XVIII вѣка. И прежде забитое и униженное, не многимъ отличающееся отъ крѣпостного сословія, при Аннѣ оно выпило чашу горести до дна. Нельзя, правда, отказать правительству имп. Анны въ нѣкоторыхъ заботахъ о поднятіи нравственнаго и образовательнаго уровня пастырей. Но заботы эти выражались болѣе во всевозможныхъ указахъ и проектахъ, чѣмъ въ реальной помощи назрѣвшимъ нуждамъ; а между тѣмъ многочисленныя повинности, безпощадная политика разборовъ, съ предваряющимъ и сопровождающимъ ее дѣломъ о присягахъ, подрывали и то незавидное „благополучіе“, которымъ пользовался классъ священнослужителей до сего времени. Слишкомъ спѣшная просвѣтительная горячка въ свою очередь доставила не мало непріятностей просвѣщаемымъ, такъ какъ далеко не всегда согласовалась съ наличными условіями жизни. Если сюда присоединить тревожный характеръ того времени, богатаго политическими розысками, безпощадно карающаго за неосторожное слово, въ которомъ какъ либо можно усмотрѣть нѣчто „къ чести Ея Императорскаго Величества оскорбительное“, то 30-е годы XVIII вѣка по справедливости будутъ „мрачнымъ временемъ“. Сегодня у алтаря—завтра въ желѣзныхъ оковахъ, на пути въ застѣнокъ; сегодня служитель церкви—завтра разстрига, заклейменный, изувѣченный, солдатъ, ссыльный поселенецъ безпріютной Сибири, каторжникъ горныхъ рудниковъ; въ лучшемъ случаѣ—нѣ-

сколько мѣсяцевъ или лѣтъ въ глубинѣ тюрьмы, въ судебной волокитѣ; въ худшемъ—смерть. Вотъ какія перспективы открывались для духовенства, и при томъ не для единичныхъ рѣдкихъ людей: несчастные считались сотнями, а тернистый путь военной службы извѣдали тысячи. Вообще въ своихъ отношеніяхъ къ бѣлому духовенству правительство Анны примѣнило въ самыхъ рѣзкихъ формахъ тотъ, положенный въ основу петровскихъ церковныхъ преобразованій, взглядъ на церковь, по которому она является подчиненной государству организаціей. Низшей церковной іерархіи пришлось испытать на себѣ всѣ плоды безстрастно-холодной политики Остермана и всѣ печальныя слѣдствія бюрократическаго управленія чиновниковъ-правителей, незнакомыхъ съ жизнью и нежелающихъ считаться съ ея требованіями.

I.

Свою созидательную работу на пользу церковнаго благоустроенія анненскому правительству предстоялъ случай прежде всего проявить въ улучшеніи состава церковныхъ причтовъ; и оно, дѣйствительно, оставило по себѣ память въ исторіи своими просвѣтительными стремленіями, предъявлявшими къ клиру церквей довольно высокіе запросы. Прежній типъ русскаго священнослужителя, отъ котораго требовалось только „благообразное житіе“ и умѣніе совершать священнослуженіе, не удовлетворялъ уже больше требованіямъ времени. Въ лицахъ духовнаго званія новая петровская Россія искала далеко не то, что прежде: рядомъ съ „честнымъ житіемъ“ теперь стоитъ и „учительность“. Царствованіе Преобразователя рѣшительно выдвинуло образованіе, какъ необходимое условіе для полученія священнаго сана. Учрежденныя по духовному регламенту школы въ епархіяхъ должны были служить дорогой къ священству, и въ священнослужители повелѣвалось производить только окончившихъ школьный курсъ [1]). Разъ выдвигалось на первый планъ образованіе, то неизбѣжно этимъ ослаблялась сила приходскаго вліянія на выборы причта. По

1) Реглам. о Еписк. п. 9.

петровскимъ указамъ, кандидатъ на церковную должность, имѣвшій преимущество образовательнаго ценза, имѣлъ болѣе правъ на замѣщеніе ваканцін, чѣмъ выбранный прихожанами, неучившійся въ школѣ человѣкъ [1]). А ученые лица находились всецѣло въ распоряженіи епархіальной власти, которая стояла во главѣ образовательныхъ учрежденій духовенства и могла избирать достойныхъ кандидатовъ изъ школьниковъ, не стѣсняясь выборомъ приходскихъ людей.

При императр. Аннѣ высшая гражданская власть, конечно, не могла понизить требованій, предъявляемыхъ къ духовенству. Проникнутое всецѣло западными идеями, нѣмецкое правительство ставило выше всего просвѣщеніе и неуклонно требовало „учености“ отъ служителей церкви. Петровскіе указы были подтверждены въ первый же годъ аннинскаго правленія: во священство и діаконство повелѣвалось производить учившихся въ школахъ студентовъ, согласно постановленію Великаго дяди [2]). Отъ духовенства ждали просвѣтительнаго вліянія на народъ, въ немъ хотѣли видѣть истинныхъ служителей евангелія, своимъ пастырскимъ словомъ наставляющихъ мірянъ. Обязанность проповѣдованія стояла на первомъ мѣстѣ. Въ Москвѣ государыня повелѣла непремѣнно говорить проповѣди въ церквахъ въ торжественные и „приличные“ дни (23 дек. 1730 г.). [3]) При этомъ „учительность“, болѣе или менѣе солидное образованіе, становились сами собою необходимы.

Запросы, предъявляемые къ священно-служителямъ, правительство не оставляло никогда; но дѣйствительность, повидимому, не отвѣчала имъ. Церковныя должности замѣщались большею частью лицами, далеко отстоявшими отъ правительственнаго идеала. Громадная Россія не могла сразу выставить необходимое число „ученыхъ“ служителей церкви, такъ какъ образовательныя средства были скудны; да и во всякомъ случаѣ осуществленіе предначертаній власти не могло совершиться скоро. Поэтому, не отказываясь въ теоріи отъ своихъ требованій, правительство къ концу аннинскаго

---

1) П. С. З. №№ 3932, 4120, 4190, п. 18. Реглам. о Еписк. п. 9-10

2) Высоч. ук. 9 ноября 1730 г. П. С. П. и Р. VII, 2430.

3) П. С. П. и Р. VII, 2409.

царствованія на практикѣ принуждено было ихъ умѣрить: жизнь доказала старую истину, какъ не прочны и безпочвенны бываютъ кабинетныя бюрократическія распоряженія. Въ именномъ указѣ 8-го января 1739 года Св. Синоду звучитъ уже грустное сознаніе неприложимости къ жизни прежнихъ замысловъ полнаго школьнаго образованія для кандидатовъ на священство. „Особливая должность Св. Синода, читаемъ здѣсь, избирать къ церквамъ въ священнослужители безъ всякаго пристрастья, но по сущей совѣсти, усматривая достойныхъ и разумныхъ людей, благочестнаго и безпорочнаго житія и прочая, и опыхъ свидѣтельствовать не въ томъ одномъ, умѣетъ ли онъ псалмы читать и можетъ ли евангеліе прочесть, но чтобъ всякъ совершенно Бога зналъ и по достоинству почиталъ, и вѣдалъ, что есть его божественныя заповѣди, и что преданія Апостольскія и церковныя. И для того весьма нужно и надобно, чтобъ прежде нежели въ попа или діакона кто поставленъ будетъ, всячески обученъ и твердо наставленъ былъ христіанскому закону и страху Божію, такъ, чтобъ онъ не словомъ, но самымъ дѣломъ образъ самъ собою могъ показывать другимъ простымъ людямъ. И хотя на первое время и трудно то учинить, чтобъ учительными священниками всѣ церкви удовольствовать, по величеству государства и по множеству приходскихъ церквей, которыхъ по нынѣшнимъ вѣдомостямъ до 16.000 показано; однако жъ по крайней мѣрѣ такихъ надлежитъ выбирать въ священники, которые бъ законъ христіанскій основательно знали и ко чтенію священнаго писанія прилежали и по возможности разсудить могли, что читаютъ“ [1]). Мечта о студентахъ, окончившихъ школьный курсъ, какъ о постоянныхъ замѣстителяхъ церковныхъ вакацій, на долгое время официально признавалась мечтою...

Въ XVIII вѣкѣ при избраніи лицъ на церковныя должности играли не малую роль приходскіе выборы. При Петрѣ, какъ мы видѣли, образованію отдавалось преимущество предъ выборомъ, и такое положеніе вещей немпуемымъ образомъ ограничивало самые выборы. Нужно замѣтить, что приходскіе выборы становились при тогдашнихъ условіяхъ тормозомъ увеличенія образованныхъ служителей церкви. Въ ра-

[1]) П. С. З. X, 7734.

споряженіи прихожанъ всегда было ограниченное количество кандидатовъ; послѣдніе принадлежали обыкновенно къ семьямъ мѣстнаго духовенства и считались естественными наслѣдниками своихъ отцовъ, занимая до ихъ смерти низшія церковныя должности. Живя въ приходѣ, они привлекали симпатіи прихожанъ и, какъ люди имъ извѣстные, при открытіи свободной ваканціи были первыми на нее кандидатами. Между тѣмъ эти то именно лица въ громадномъ большинствѣ случаевъ наименѣе отвѣчали образовательнымъ требованіямъ: это были типичные духовные недоросли, знакомые лишь съ элементарнымъ образованіемъ, а иногда и безграмотные или малограмотные. Было бы вполнѣ логично, поэтому, со стороны правительства ограничивать по мѣрѣ возможности институтъ выборовъ, или по крайней мѣрѣ гарантировать „достоинство“ избираемыхъ, разъ оно стремилось замѣстить приходскія мѣста учеными людьми. Петръ I такъ и поступалъ. Онъ съ одной стороны предоставлялъ архіереямъ по усмотрѣнію отдавать предпочтеніе образованнымъ кандидатамъ предъ выборными; съ другой стороны и прихожанамъ предоставлялось право избирать достойныхъ лицъ на свободныя священнослужительскія мѣста [1]). Правительство Анны въ данномъ случаѣ почему то не совсѣмъ слѣдовало петровскимъ указаніямъ и даже противорѣчило имъ, а вмѣстѣ и себѣ самому, отстаивая иногда выборное начало безусловно, съ явной опасностью его отрицательныхъ послѣдствій. Малороссійскіе архіереи, стоявшіе всегда во главѣ всякихъ просвѣтительныхъ намѣреній и предпріятій, повидимому во имя соображеній образовательнаго характера, не стѣснялись дѣйствительно выборами прихожанъ и назначали своихъ кандидатовъ къ церквамъ. Свѣдѣнія объ этомъ дошли до правительства, и 24-го апрѣля 1735 г. послѣдовалъ именной указъ Синоду: „Понеже извѣстно намъ учинилось, что въ Малой Россіи архіереи въ своихъ епархіяхъ по своей волѣ и соизволенію, подъ образомъ учительныхъ людей, въ города и села владѣльческія безъ согласія старшинъ и владѣльцевъ и прихожанъ насильно поповъ и діаконовъ опредѣляютъ, и тако тѣ попы и діаконы, призирая въ городахъ старшину, а въ селахъ владѣльцевъ, вступаютъ въ ссоры

1) П. С. П. и Р. II, 439. П. С. З. VI, 3911.

нетокмо съ прихожанами, но и съ своими старшинами и владѣльцами, а иные многіе безъ вѣдома владѣльцевъ покупаютъ казачьи грунты, отъ чего казачьей службѣ есть умаленіе немалое; того ради указали Мы Нашему Синоду въ Малую Россію къ Кіевскому, Черниговскому и Переяславскому архіереямъ послать наши указы, чтобъ они, по силѣ Регламента, въ города и села, безъ согласія прихожанъ, поповъ и діаконовъ насильно не посылали" [1]). Правительство сослалось на регламенъ некстати: тамъ оно нашло бы нѣчто иное; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно подрывало силу и своихъ собственныхъ образовательныхъ требованій, потому что выборы прихожанъ, согласіе старшинъ и владѣльцевъ, совсѣмъ не гарантировали „учительность" священно-служителей. Здѣсь, очевидно, соображенія государственныя—неудовольствіе свѣтскихъ людей и „умаленіе пользы государственной"—заслонили интересы церкви.

Желательно, конечно, было сохранить то и другое и участіе въ выборѣ прихожанъ и интересы образованія. Духовная и свѣтская власть старалась дѣйствовать въ этомъ духѣ. Въ указѣ 15 марта 1737 г. Синодъ подтверждаетъ выборный институтъ [2]), а правительство въ январьскомъ указѣ 1739 г. даетъ ему опредѣленную форму. Именно, въ послѣдній разъ повелѣвалось Синоду послать во всѣ епархіи указы, „дабы приходскіе люди по сущей справедливости выбирали бъ ко всякой приходской церкви на одно порожнее священническое или діаконское мѣсто по два или по три кандидата, и если отъ одной церкви выбрать толикаго числа нельзя, то и отъ другихъ ближнихъ приходовъ въ кандидаты дополнять". Но, для соблюденія интересовъ просвѣтительныхъ, учреждался особый институтъ обученія ставленниковъ, не получившихъ школьнаго образованія. Архіереи должны были сами свидѣтельствовать избранныхъ приходами кандидатовъ „о разумѣ, о наученіи закона и о прилежаніи къ Священному Писанію, а притомъ и о безпорочномъ житіи, и потомъ, чрезъ нѣкоторое довольное время, а именно не меньше трехъ мѣсяцевъ, всѣхъ оныхъ священниковъ имѣютъ архіереи каждый при своемъ домѣ или въ ближайшихъ городахъ въ мо-

1) П. С. З. IX, 6724.
2) П. С. З. X, 7204.

пастырях содержать и пищею довольствовать, а между тѣмъ учительнымъ священникамъ велѣть обучать заповѣдямъ Божіимъ и преданіямъ церковнымъ и прочей должности священника, съ толкованіемъ Священнаго Писанія, въ чемъ состоитъ законъ христіанскій и прочая, и каждую недѣлю всѣхъ оныхъ имѣютъ сами архіереи экзаменовать; а между тѣмъ велѣть примѣчать состояніе житія ихъ и поступковъ, и кто изъ нихъ по достовѣрному свидѣтельству обрящется достойнѣе чина священничества, тѣхъ имѣютъ и посвящать; такимъ же образомъ и въ діаконы посвящать, а потомъ въ причетники опредѣлять". Учителей для ставленниковъ „изъ учительныхъ священниковъ или изъ іеромонаховъ" повелѣвалось опредѣлить по одному или по два на епархію „съ надлежащимъ жалованіемъ, выбравъ изъ вышнихъ наукъ, и чтобъ были добродѣтельнаго сами житія; должность же ихъ въ томъ состоитъ, чтобъ они ставленниковъ съ крайнимъ прилежаніемъ обучали, приведя къ совершенному познанію должности священнической, выбирая изъ Священнаго Писанія, такожъ и изъ вселенскихъ соборовъ и прочая, что долженъ священникъ знать, и какъ имѣетъ правильно по своему званію поступать" [1]).

Синодъ, посылая надлежащіе указы въ епархіи, однако, сдѣлалъ нѣкоторую существенную поправку въ правительственномъ распоряженіи. Правительство хотѣло сохранить приходскіе выборы, но въ то же время принимало мѣры, чтобъ были кандидаты на священство и „учительны". Совмѣщеніе того и другого было не всегда возможно и при новой организаціи, по вышеуказаннымъ условіямъ выборовъ. Высочайшій указъ не предвидѣлъ препятствій къ исполненію своихъ предначертаній, но, ближе знавшій положеніе дѣла, Синодъ счелъ нужнымъ прибавить: „ежели при вышеозначенной экзаменаціи требующіе въ священный чинъ ставленники явятся въ чемъ недовольны или недостойны, таковыхъ бы архіереямъ, хотя и приходскіе люди тѣхъ ставленниковъ одобряютъ, въ священный чинъ не производить, и хотя тоя приходской церкви изъ церковнослужителей достойнаго, къ которой опый востребуется, и не обрящется, то избравъ отъ другихъ церквей (ежели изъ обучающихся въ

1) П. С. З. X, 7734.

школахъ готовыхъ не имѣется), производили бъ, чтобъ изъ того не могли проискивать недостойные и неученые“ [1]). Такимъ образомъ, архіерейское назначеніе ставилось, согласно петровскому времени, впѣ полной зависимости отъ выборовъ прихожанъ. Правительственное постановленіе безъ синодскаго дополненія можно было понимать не иначе, какъ въ смыслѣ права выбора епархіальной власти лишь изъ числа двухъ-трехъ представленныхъ приходомъ кандидатовъ. Но въ томъ видѣ, въ какомъ были посланы указы по епархіямъ, преимущество нравственнаго и образовательнаго ценза предъ выборами ограждалось по прежнему.

Впрочемъ, жизнь сейчасъ же доказала несостоятельность новаго указа, изданнаго безъ вниманія къ условіямъ дѣйствительности. Сами приходскіе выборы въ проэктируемомъ видѣ оказались невозможны. Уже 13 марта 1740 г. Рафаилъ кіевскій доносилъ Синоду, что выбирать двухъ или трехъ кандидатовъ нельзя, во первыхъ потому, что часто не изъ кого, а во вторыхъ, вслѣдствіи отказовъ отъ такой кандидатуры. Дѣло въ томъ, что желающихъ подвергнуться риску конкурса не находилось. Люди съ меньшимъ образованіемъ и меньшими достоинствами, не надѣявшіеся оказаться достойнѣе другихъ въ глазахъ епархіальной власти, естественно не рѣшались стать рядомъ съ людьми, имѣвшими болѣе шансовъ на полученіе церковной должности, и отказывались отъ кандидатуры съ проблематичнымъ исходомъ. Съ другой стороны, новому порядку противодѣйствовала укоренившаяся въ духовномъ сословіи наслѣдственность. Дѣти священнослужителей всегда почти дожидались отцовскихъ мѣстъ. Идти въ другой приходъ и выставлять свою кандидатуру имъ не было никакого разсчета. Въ результатѣ каждый приходъ былъ ограниченъ сферою своего причта въ выборѣ на свободныя вакансіи, и правительственный проэктъ расширенія такой сферы оказывался опять неприложимымъ на практикѣ [2]). То, что было въ еп. кіевской, по всей вѣроятности было и вездѣ, даже въ большей степени, потому что въ Великороссійскихъ областяхъ наслѣдственность въ духовенствѣ была развита особенно сильно, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Малороссіи.

---

1) П. С. З. X, 7734.

2) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 551.

Подобная же участь постигла и другія правительственныя предначертанія январьскаго указа 1739 г. Вновь учреждаемый институтъ обученія ставленниковъ въ жизни прививался съ трудомъ. Учительныхъ священниковъ и іеромонаховъ было не такъ то много. Изъ многихъ епархій (рязанской, ростовской, нижегородской, коломенской, архангельской, устюжской, астраханской) доносили, что таковыхъ „нигдѣ не изыскалось“. Синоду пришлось самому позаботиться о назначеніи требуемыхъ учителей. Въ другихъ епархіяхъ учителя нашлись и были назначены; но опять таки часто это были лица, „высшихъ наукъ“ никогда и не вкушавшіе, обладавшіе лишь низшимъ образованіемъ или, просто говоря, грамотные. Они сами были далеки отъ образовательнаго идеала, начертаннаго для ихъ учениковъ въ правительственной программѣ. Каковы же могли быть результаты ихъ педагогической дѣятельности? Ученое монашество порѣдѣло въ своихъ рядахъ подъ тяжелой рукою нѣмецкаго правленія и не могло болѣе обильно выставлять изъ своей среды ученыхъ педагоговъ. Южная Россія, -всегдашній центръ образованія, —сама ощущала теперь недостатокъ въ учителяхъ и отпускала ихъ отъ себя съ неохотой (Донесеніе изъ Черниговской еп.). Харьковская и Московская школы оставались главными источниками для удовлетворенія нужды въ учителяхъ, но и онѣ могли дать ихъ весьма ограниченное количество [1]). Все это не говоритъ за успѣшность выполненія правительственнаго проекта.

Характерной чертой отношенія государственной власти при Аннѣ къ замѣщенію церковныхъ должностей служитъ также та ревность, съ какою ограждались отъ всякаго ущерба государственные интересы. Правительство зорко наблюдало, чтобъ въ ряды духовенства не попали лица другихъ сословій, обязанные государственной службой и повинностями. Въ Великороссіи, гдѣ всецѣло царило наслѣдованіе церковныхъ мѣстъ дѣтьми послѣ отцовъ, эта наслѣдственность духовнаго сословія лучше всего ограждала его отъ вторженія чужихъ элементовъ и охраняла государственные выгоды. Не то было въ Малой Россіи. Здѣсь наслѣдственность мало привилась, и доступъ въ ряды духовенства иносословныхъ

1) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 551.

былъ свободенъ. Государство нашло такое положеніе дѣлъ для себя нежелательнымъ и постаралось оградить здѣсь свою „пользу“. Въ 1734 г. послѣдовалъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія. Архіереямъ Кіевскому, Черниговскому и Переяславскому запрещалось посвящать въ попы и діаконы изъ Малороссійской Старшины и казаковъ и Старшинскихъ и казачьихъ дѣтей безъ аттестатовъ полковничья и Старшины полковой, а знатныхъ и безъ позволенія Генеральной Войсковой Канцеляріи, „дабы отъ того казакамъ и службѣ нашей умаленіе быть не имѣло“. „А которые до того нашего указа такимъ образомъ въ діаконы и въ попы посвящены, и имѣли за собою жалованные и казацкіе грунты, и о тѣхъ будутъ челобитчики, и тѣ дѣла разсматривать и рѣшать по правамъ; а кто за симъ нашимъ указомъ, утаясь, посвященъ будетъ, а дѣтей ихъ мужеска пола въ нашей службѣ не будетъ, и у тѣхъ казацкіе грунты отбирать и отдавать ближнимъ ихъ родственникамъ, кои въ службѣ нашей обрѣтаются“ [1]).

Въ томъ же 1734 году было запрещено малороссійскимъ архіереямъ посвящать въ священники и постригать въ монахи кого-либо изъ жителей въ описныхъ на ея В-во малороссійскихъ городахъ и мѣстностяхъ безъ сношенія съ княземъ Шаховскимъ, начальникомъ Малороссіи [2]).

Иногда условія жизни вызывали, однако, у правительства отступленіе отъ принципа и заставляли разрѣшать доступъ въ ряды духовенства свѣтскимъ лицамъ. Но только громко вопіющая необходимость приводила къ такимъ уступкамъ, да и въ такихъ случаяхъ по возможности сохранялись интересы государства. Такъ было въ Сибири, гдѣ постоянно ощущался недостатокъ въ приходскомъ причтѣ. Къ концу аннинскаго царствованія, подъ гнетомъ разборовъ, недостатокъ этотъ сталъ особенно чувствоваться. Въ началѣ 1739 г. еп. иркутскій Иннокентій доносилъ „о крайней въ его епархіи скудости и неимуществѣ у многихъ церквей, а наипаче въ камчедальскихъ острогахъ и въ Охотскѣ и въ прочихъ мѣстахъ, какъ въ Иркутскѣ и Иркутской десятинѣ, такъ и въ ильгинскомъ и кереискомъ заказахъ (въ которыхъ свя-

1) П. С. З. IX, 6614, II. С. П. и Р. VIII, 2815, 2818.
2) П. С. П. и Р. VIII, 2828.

щенниковъ и причетниковъ не имѣется у 35 церквей), нидѣ самихъ священниковъ, а обрѣтаются только причетники, нидѣ же токмо единъ священникъ, а причетниковъ нѣтъ; а на тѣ праздные мѣста производить весьма не изъ кого, понеже пришлыхъ изъ разныхъ городовъ людей, которые были къ церквамъ опредѣлены, по указомъ отъ свѣтской команды отсылаютъ на прежнія жилища, а изъ прежнихъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей, за малолѣтствомъ, въ тѣ чины годныхъ не обрѣтается"; производить же къ церквамъ лицъ изъ свѣтскихъ людей губернское начальство не дозволяетъ. Поэтому Иннокентій ходатайствовалъ предъ Синодомъ, ради вышепоказанныхъ причинъ, дозволить въ его епархіи „во священство и въ прочіи церковные чины производить изъ свѣтскихъ чиновъ людей, годныхъ и ученыхъ, отъ свѣтской команды и отъ подушнаго платежа и прочихъ службъ уволенныхъ за выборами всѣхъ прихожанъ". Синодъ подалъ по этому поводу 23 февраля 1739 г. вѣдѣніе Сенату съ такимъ разсужденіемъ, „что ежели кто изъ свѣтскихъ чиновъ въ священный чинъ вступить пожелаетъ, а онъ отъ гражданскихъ всѣхъ службъ можетъ быть свободнымъ, или буде кто хотя и въ подушный окладъ положены, а приходскіе люди въ платежѣ за таковыхъ подушныхъ денегъ и прочихъ податей обяжутся добровольно, тѣмъ свободу къ произведенію во священный чинъ давать, понеже оная епархія отъ другихъ епархій имѣется въ немаломъ отдаленіи, а дѣло въ томъ весьма есть нужное" [1]). Сенатъ въ указѣ 15 іюня согласился съ синодальнымъ разсужденіемъ [2]). Но и въ этомъ случаѣ, хотя правительство открыло доступъ людямъ, несшимъ доселѣ государственные обязанности, въ ряды привилегированнаго духовнаго сословія „государственная польза" не пострадала: казна ничего не потеряла, такъ какъ подати и повинности за освобожденныхъ отъ нихъ несли другіе.

---

1)Внутренній бытъ рус. госуд. кн. II, стр. 305—306.

2) П. С. З. X, 7836. Въ іюлѣ 1739 года съ подобною же просьбою обратился въ Синодъ казанскій архіерей, прося позволенія производить въ церковный причтъ изъ крестьянъ обученныхъ грамотѣ, такъ какъ, вслѣдствіе разборовъ, ощущается крайній недостатокъ въ діаконахъ и пономаряхъ (А. С. С. Дѣло 1739 г. № 251).

II.

Заботясь о замѣщеніи церковныхъ должностей людьми, достойными какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, правительство имп. Анны должно было обратить вниманіе на крестцовыхъ и волочащихся священниковъ, которые часто позорили духовенство своимъ поведеніемъ. Въ рядахъ этихъ бродягъ-священнослужителей попадались запрещенные, разстриженные, даже совсѣмъ не имѣющіе священнаго сана; въ столицахъ они стояли на всѣхъ перекресткахъ и продавали свои услуги. Еще въ царствованіе Петра были сдѣланы попытки прекратить такую недостойную продажу. Ѳеодосій Яновскій въ то время предлагалъ „тяжко“ штрафовать волочащихся поповъ и не пропускать вообще поповъ къ С.-Петербургу безъ пропусковъ архіерейскихъ [1]). Въ 1731 г. (30 августа) Синодъ, разсуждая о московскомъ бродячемъ духовенствѣ, приказалъ такихъ священниковъ забирать и отправлять въ Духовную Дикастерію и поступать съ ними по строгости законовъ [2]). Но, повидимому, зло не прекращалось; и духовная власть принуждена была обратиться за содѣйствіемъ къ свѣтской. Въ мартѣ 1732 г. (21) Св. Синодъ рѣшилъ сообщить въ Сенатъ вѣдѣніе съ требованіемъ, чтобы свѣтскимъ людямъ было запрещено принимать къ себѣ бродячихъ поповъ и діаконовъ [3]). Въ апрѣлѣ (17) Сенатъ издалъ требуемое постановленіе, повелѣвъ публиковать всюду указами, „чтобъ свѣтскаго всякаго званія и достоинства люди, никто нигдѣ поповъ, діаконовъ и церковнаго причта людей бродящихъ, безъ объявленія и надлежащаго въ Духовныхъ Правительствахъ опредѣленія, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ бъ кто не обрѣтался, сами собою, и не смотря на объявляемыя ими, хотябъ и правильныя, ставленныя ихъ грамоты, также и паспорты, (понеже и тѣ являются у нихъ подложные и неправильные), ни для какого исправленія священнослуженія и церковныхъ потребъ въ домахъ своихъ, и въ полки, и въ адмиралтейскую команду отнюдь не допускали, и не призывали, и не опредѣляли“. За нарушеніе такого запрещенія полагался штрафъ на госпиталь въ 50 руб. „А ежели изъ

1) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 79.
2) П. С. П. и Р. VII, 2482.
3) П. С. П. и Р. VII, 2555.

священниковъ въ полки и въ адмиралтейство кто надобенъ будетъ, или кто и въ дома свои для священнослуженія похочетъ принять, о томъ требовать позволенія отъ духовнаго правительства“ [1]).

III.

Заботы о поднятіи нравственнаго уровня пастырей естественнымъ путемъ должны были бы вести за собою заботы о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, которое въ первой половинѣ XVIII вѣка было крайне незавидно. Источникомъ содержанія церковныхъ причтовъ служили и тогда, какъ служатъ доселѣ, преимущественно приходскіе дворы, а затѣмъ земли, угодья, приписанныя къ церквамъ. Кромѣ того, нѣкоторыя городскія и бѣдныя церкви получали казенное жалованіе, такъ называемую ругу, денежную или хлѣбную, или ту и другую вмѣстѣ. Всѣ указанные источники доходовъ не всегда обезпечивали безбѣдное существованіе служителямъ алтаря. При измельчаніи приходовъ того времени (отъ 25 дворовъ, а иногда и меньше), сельское духовенство вело жизнь, ничѣмъ не отличающуюся отъ жизни крестьянъ: священнослужители занимались хлѣбопашествомъ на ряду съ прихожанами. Такія условія не могли не препятствовать поднятію авторитета священнаго сана, возвышенію нравственнаго и умственнаго уровня пастырей церковныхъ на приличную служителю церкви высоту. Матеріальная скудость неизбѣжно отзывалась приниженностью духовнаго сословія, грубостью нравовъ, невѣжествомъ и неразвитостью. Возвышеніе духовенства невозможно было безъ улучшенія его матеріальнаго благосостоянія. Это понимали прекрасно нѣкоторые государственные люди аннинскаго времени. Татищевъ въ завѣщаніи сыну писалъ въ то время: „Старайся имѣть попа ученаго... награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобы отъ него навозомъ не пахло; голодный, хотя бы патріархъ былъ, кусъ хлѣба возметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ неприлично и

---

1) П. С. З. VIII, 6025. П. С. П. и Р. VII, 2571.

чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ“ [1]). А. П. Волынскій въ своемъ „генеральномъ разсужденіи о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“ высказывалъ проектъ, замѣчательный для своего вѣка. Онъ желалъ избавить духовенство отъ унизительнаго собиранія съ прихожанъ доходовъ и занятія хлѣбопашествомъ, а для этого „учредить по приходамъ сборъ“ на содержаніе причта [2]). Но правительство императрицы Анны не сдѣлало ровно ничего, что послужило бы къ обезпеченію матеріальнаго благосостоянія священнослужителей. Оно лишь отъ нихъ требовало, а само ничего не давало, не шло на встрѣчу ихъ нуждамъ, считая свои обязанности исчерпанными, если изданы указы съ „крѣпкими подтвержденіями“. Конечно, государство не могло принести съ своей стороны значительныхъ денежныхъ жертвъ. Однако, мы вправѣ были бы ожидать хотя нѣкоторыхъ попытокъ въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ аннинское правительство дѣйствовало совсѣмъ въ обратномъ направленіи: оно постаралось совершенно устранить всякіе расходы съ своей стороны на духовенство, даже тѣ, которые производились прежде.

Наиболѣе рельефно выразилось такое отношеніе въ исторіи ружнаго штата. Ружниками назывались приходскіе причты, монастыри, архіерейскіе дома, пользовавшіеся казенною дачею, хлѣбною или денежною. Ружниковъ было немного сравнительно съ общей цифрой приходовъ. Но эти церкви были преимущественно самыя бѣдныя, неимѣющія другихъ источниковъ дохода, кромѣ царскаго жалованія. При Петрѣ Великомъ требованія фиска вызвали уменьшеніе на половину дачи ружныхъ церквамъ, а имѣющимъ приходскіе дворы дача была и совсѣмъ прекращена. Въ 1730 г. правительство, въ отвѣтъ на жалобы на невыдачу ружнаго жалованья, приказало выдать невыданное, кому слѣдуетъ; но отобранное отъ имѣющихъ приходскіе дворы церквей жалованіе не возвратило [3]). Затѣмъ, по поводу частныхъ жалобъ, Сенату и впредь приходилось подтверждать, чтобы

---

1) Соловьевъ. Исторія Россіи. XX, 269.

2) Чтен. Моск. Общ. Исторіи 1858 г. кн. 2. Стр. 155. Намѣреніе обезпечить духовенство было присуще и Петру В. (Приб. къ регл. п. 22).

3) П. С. З. VIII, 5631.

надлежащія учрежденія выдавали жалованье безъ задержки. Въ отдаленной Сибири такая задержка случалась особенно часто, и требовались неоднократные указы, чтобъ своевременно отпускали дачи ружникамъ [1]). Повидимому, на практикѣ ружныя церкви не получали нерѣдко и половиннаго оклада: постоянныя жалобы на невыдачу жалованья доказываютъ это.

Ружное жалованье производилось изъ средствъ государственнаго казначейства [2]) и въ провинціяхъ выдавалось чрезъ губернскія канцеляріи. Такой расходъ, видимо, показался непроизводительнымъ кабинетъ-министрамъ. И вотъ, съ открытіемъ оффиціальной дѣятельности Императорскаго Кабинета, рѣшено было отъ него избавиться, хотя и подъ видомъ заботъ о духовенствѣ. Въ январѣ (30) 1736 года Кабинетъ опредѣлилъ на дачу ружникамъ доходы Коллегіи Экономіи и Раскольнической Конторы, остающіеся за обычными расходами, а Синоду поручилъ „учинить разсмотрѣніе, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ, и по чему кому и по какимъ указамъ руга опредѣлена быть имѣетъ“ и сообщить свое опредѣленіе начальнику Коллегіи Экономіи генералъ-лейтенанту Волкову, который по этому опредѣленію долженъ былъ выдавать жалованье [3]). А вмѣстѣ съ тѣмъ въ губернскія канцеляріи были посланы указы: жалованье, какъ прежде, не производить ни на 1736 годъ, ни впредь [4]). Теперь, какъ слѣдовало ожидать, ружники остались совсѣмъ безъ жалованья. Ружники жаловались, что они „гладомъ помираютъ“; но Штатсъ-Контора отсылала ихъ въ Коллегію Экономіи, говоря, что со времени указа 1736 года имъ оттуда слѣдуетъ получать жалованье. А Коллегія Экономіи имъ отвѣчала, что до полученія штата изъ Синода и до опредѣленія на нихъ суммы ей выдавать не изъ чего, ибо ея остаточные доходы употребляются на ежегодныя окладныя дачи и извѣстные расходы [5]). Штатъ между тѣмъ по-

1) П. С. З. IX. 6777. X, 7387.

2) П. С. П. и Р. VII, 2311.

3) П. С. З. IX, 6878.

4) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 31/793, л. 8.

5) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 31/793, л. л. 84-89. „Извѣстные расходы“ были, очевидно, государственные. Отъ окладныхъ дачъ у Коллегіи оставались большія суммы (см. у Завьялова, стр. 79); но онѣ шли на нужды правительства.

двигался очень медленно. Въ маѣ 1736 года было изъ Кабинета подтвержденіе о его скорѣйшемъ сочиненіи; Синодъ потребовалъ отъ Коллегіи Экономіи сочинить необходимыя вѣдомости о доходахъ и расходахъ и ей же поручилъ составленіе штата. Началась длинная переписка съ Штатсъ-Конторою, при чемъ послѣдняя обвиняла въ волокитѣ Коллегію, а Коллегія Штатсъ-Контору [1]). Не смотря на безпрестанныя понуканія [2]), штатъ такъ и остался въ проэктѣ до кончины имп. Анны, и слѣдующему царствованію Елизаветинскому пришлось начинать все дѣло снова. Ружники же жалованья почти нигдѣ не получали, за неимѣніемъ штатнаго опредѣленія, и лишь на отдѣльныя просьбы, въ виду критическаго положенія, приказывалось выдавать жалованье по прежнему изъ провинціальныхъ канцелярій [3]). Да и въ будущемъ было мало надежды на улучшеніе дѣла, такъ какъ трудно сочинить штатъ и выдавать содержаніе изъ суммъ несуществующихъ: вѣдь, по словамъ Коллегіи Экономіи, „остаточныхъ“ доходовъ у нея не было... И едвали Кабинетъ не предвидѣлъ такихъ результатовъ своихъ распоряженій: кабинетъ-министры уже, навѣрно, знали состояніе коллежскихъ финансовъ и просто, ловкимъ маневромъ, хотѣли избавить государственное казначейство отъ лишняго расхода, предоставивъ Синоду изыскивать средства для содержанія ружниковъ.

Въ относительно лучшемъ положеніи находилось всегда столичное духовенство. Близко стоящее къ центральному правительству, оно пользовалось исключительнымъ вниманіемъ самой императрицы, которая время отъ времени изливала на него свое благоволеніе. Священнослужители Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ, по волѣ государыни, получили въ 1737 г., по новому штату, содержаніе въ нѣсколько разъ большее прежде получаемаго ими. Протопопу Петропавловскому было назначено 500 р. въ годъ (вм. 125 р.), четыремъ священникамъ по 250 р. (вм. 70-60 р.), протодіакону по 200 р., діакону по 150 р., дьячкамъ и по-

---

1) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 31/793, л. 249 об.

2) Указы 16 марта 1738 г., 18 ноября 1738 г., 14 марта и 29 декабря 1739 г. (Архив. Прав. Сената, Барановъ П. С. З. X, 7690, 7992).

3) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 31/793, л. 8-9, 14 П. С. З. X, 7992.

номарямъ по 100 р., кромѣ хлѣбнаго жалованья [1]). Причтъ Архангельскаго Собора въ Москвѣ получилъ въ царствованіе Анны высочайшую грамоту на вотчины, подтверждающую прежнія грамоты и указы [2]). Удостоилась вниманія также Малороссія: здѣсь приказано было дать приходскимъ не ружнымъ церквамъ, неимѣющимъ земель, „указное число по писцовому наказу земли изъ владѣльческихъ земель и быть тѣмъ землямъ вѣчно при тѣхъ церквахъ, и церковникамъ отнюдь ихъ не продавать, и не отдавать и не мѣнять“ [3]). Подобнымъ же образомъ правительство ограждало неприкосновенность церковной земли въ Псковѣ, гдѣ купечество, пожертвовавшее земли на содержаніе приходскихъ церквей, предъявляло притязанія на управленіе ими. Споръ купечества съ епархіальной властью здѣсь тянулся съ второй половины XVII столѣтія. Купечество отстаивало свои права на управленіе церковными вотчинами весьма энергично, приводя и юридическіе доводы и практическія соображенія. Аннинскому правленію пришлось положить спору рѣшительный конецъ. Когда Сенатъ и Синодъ представили на высочайшую резолюцію доклады по этому поводу, то правительство рѣшило вопросъ въ пользу епархіальнаго управленія: приходскія вотчины отдавались подъ вѣдѣніе архіерейскаго дома, хотя допускалось и участіе мірянъ въ завѣдываніи ими [4]). Но всѣ подобныя частныя мѣры исходили не изъ общей заботы о матеріальномъ благосостояніи духовенства, а носили чисто случайный характеръ. Общею мѣрою былъ единственно вопросъ о ружномъ штатѣ, окончившійся для ружниковъ весьма печально.

IV.

Не сдѣлавъ ничего для улучшенія матеріальнаго положенія пастырей церкви, правительство Анны своею эко-

---

1) П. С. З. X, 7314. Проэктъ новаго штата принадлежитъ, впрочемъ, Синоду (П. С. П. и Р. VII, 2585), который въ свою очередь шелъ на встрѣчу просьбѣ самихъ священнослужителей (Опис. д. и д. Арх. Св. С. XII, № 80/92).

2) П. С. З. IX, 6544.

3) П. С. З. IX, 6891.

4) П. С. З. VIII, 5574, 6084; IX. 6303. См. о спорѣ у Знаменскаго, „Приходское духов.“, стр. 728-744. У А. А. Папкова, „Упадокъ православнаго прихода“, 1899 г., стр. 38-46.

номическою политикою содѣйствовало подрыву и той незначительной обезпеченности, которой пользовались приходскіе священнослужители. Повидимому, государство сознательно закрывало глаза на нужды духовнаго сословія, несшаго и такъ весьма много повинностей и сборовъ въ государственную казну, и, какъ только требовались экстраординарные расходы, обращалось къ платежнымъ силамъ духовенства наряду съ другими сословіями, а иногда даже исключительно къ нимъ. Въ аннинское время Россія вела тяжелыя и изнурительныя войны съ Турціей. Немпуемыя матеріальныя траты отозвались и на служителяхъ церкви, которые должны были нести свою долю участія въ напряженіи государства поставкою драгунскихъ лошадей для арміи. Въ 1733 г. правительство нашло прежній способъ покупки неподходящимъ и, во имя крайней „государственной нужды", для укомплектованія полковъ лошадьми, рѣшило собирать ихъ безденежно какъ съ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ людей. Священники съ остальнымъ причтомъ должны были также поставить по одной лошади съ 370 душъ имѣющихся за церквами крестьянъ; но расходъ этотъ предписывалось сдѣлать изъ личныхъ средствъ, „не располагая на крестьянъ своихъ". Неимѣющіе за церквами деревень (напримѣръ, ружники) должны были ставить съ 370 рублей жалованья по лошади, складываясь вмѣстѣ при меньшемъ размѣрѣ содержанія [1]). Въ 1736 г. сборъ увеличивался: платежная единица опредѣлялась уже въ 353 души или рубля [2]). Лица, имѣющіе конскіе заводы болѣе, чѣмъ въ 15 лошадей, кромѣ того, должны были поставить еще по одной лошади съ 5 [3]). Въ ноябрѣ 1737 г. (3) именнымъ указомъ послѣднее распоряженіе еще усиливалось: повелѣно брать одну ихъ 4-хъ лошадей [4]). Послѣдніе годы аннинскаго царствованія война особенно изнуряла государство, такъ что въ 1738 г. объявленъ былъ наборъ 2500 лошадей, и приходское духовенство уже съ каждыхъ 200 душъ теперь обязано было поставить по лошади [5]). Подать драгунскими лошадьми не

---

1) П. С. З. IX, 6497.
2) П. С. З. IX, 7048.
3) П. С. З. IX, 7070.
4) П. С. З. X, 7424.
5) П. С. З. X, 7611.

была повостью: при Петрѣ I (въ 1707 г.) она была установлена, какъ ежегодная повинность духовенства вмѣсто государственной службы. Но тогда она была гораздо легче, чѣмъ въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія: сельское духовенство тогда платило, напримѣръ, по лошади съ 300 дворовъ (не душъ). Превратившись въ денежный сборъ, эта повинность при Петрѣ же была оставлена, вслѣдствіе настойчивыхъ жалобъ духовенства (въ 1724 г.) [1]). Тѣмъ тяжелѣе отозвалась она при Аннѣ. Своеволіе сборщиковъ, на которое даютъ намеки сами правительственные указы [2]), усиливало тягость повинности, и такъ не легкой.

На ряду съ матеріальными жертвами на государство, духовенство въ аннинское время должно было нести еще по прежнему полицейскія обязанности, совершенно неприличныя духовному сану, наслѣдованныя отъ петровской эпохи. То были рогаточные караулы, полицейскіе наряды и посылки. Дома священнослужителей не были свободны отъ военнаго постоя. Со стороны духовенства было естественно стремиться къ свободѣ отъ унизительныхъ для служителя алтаря и затруднительныхъ для пастыря обязанностей. По просьбамъ московскихъ священнослужителей, Синодъ еще въ 1727 г. рѣшилъ представить Верховному Совѣту объ освобожденіи ихъ отъ рогаточнаго караула [3]); но безуспѣшно. Въ Новгородѣ и Москвѣ, какъ вновь доносили Синоду въ 1729 году, свѣтскія власти насильно принуждали духовныхъ лицъ къ строенію рогатокъ, заставляли поповъ и дьяконовъ ходить на караулъ. Церковники высылались на караулъ не только въ простые дни, но и въ праздничные и высокоторжественные, посылались дневать и ночевать на съѣзжіе дворы, на посылки офицерамъ, въ качествѣ стражниковъ къ колодникамъ, на ночные дозоры, пожары и другіе работы, иногда „во время службы церковной“. „Таскаютъ ихъ на съѣзжіе дворы безвременно съ поруганіемъ, и готовящихся къ святой литургіи священниковъ и діаконовъ до того не допускаютъ, а церковниковъ, во время божественной службы и отъ благовѣсту взявъ,

1) П. С. П. и Р. IV, 1375. Горчаковъ. Монастырскій Приказъ, стр. 220-226: о петровской драгунской повинности.

2) П. С. З. X, 7205.

3) П. С. П. и Р. VI, 1984.

держать за карауломъ въ нетопленныхъ палатахъ скованныхъ и бьютъ, отчего въ священнослуженіи и мірскихъ требахъ происходитъ остоновка и помѣшательство; да къ нимъ же ставятъ въ домы солдатскіе посты, и тѣмъ чинятъ имъ не токмо обиды, но и разоренія". Священно и церковнослужители опять просили освободить ихъ отъ рогаточныхъ карауловъ и прочихъ полицейскихъ работъ и постоя. Синодъ сообщилъ тогда же соотвѣтствующее вѣдѣніе Сенату, но отвѣта не получилъ. Въ 1732 году причты новгородскихъ церквей прислали новую слезную жалобу на полицейскія насилія. Синодъ вторично (1733 г.) просилъ у Сената освободить, какъ новгородскихъ и московскихъ, такъ и всѣхъ вообще священно и церковнослужителей отъ полицейскихъ обязанностей и дома ихъ отъ постоевъ [1]). Сенатъ опять молчалъ. Потребовалось въ слѣдующемъ (1734 году) новое вѣдѣніе Синода все съ прежнимъ настоятельнымъ требованіемъ [2]). Очевидно, государство не хотѣло пожертвовать полицейскою службою духовенства, не смотря на явную несовмѣстимость ея съ служеніемъ церкви. Только въ 1736 г. 10-го мая, наконецъ, послѣдовало сенатское распоряженіе: постоевъ на тѣхъ дворахъ, гдѣ живутъ священнослужители, до указу не ставить, „дневать и ночевать на съѣзжіе дворы и къ офицерамъ въ домъ для работъ и посылокъ и къ колодникамъ для караула тѣхъ священниковъ и священнослужителей, дабы въ церковной службѣ остановки не было, не спрашивать". Но „караулы къ рогаткамъ и хожденіе на пожары, по силѣ полицеймейстерской инструкціи, исправлять имъ съ прочими на ряду", потому что „Сенатъ отъ карауловъ и отъ хожденія на пожары свободить собою не можетъ, а чтобъ о томъ отъ Святѣйшаго Синода представлено было въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества" [3]).

Кабинетъ, однако, еще менѣе Сената былъ расположенъ удовлетворить просьбу духовнаго вѣдомства. По всей видимости, и здѣсь отмалчивалась, какъ и прежде отмалчивались въ Сенатѣ. По крайней мѣрѣ Синодъ, получивъ

---

1) П. С. П. Р. VIII, 2705.
2) П. С. П. и Р. VIII, 2812.
3) П. С. З. IX, 6957.

Сенатское постановленіе, рѣшилъ тогда же ходатайствовать въ Кабинетѣ объ освобожденіи духовенства отъ рогаточныхъ карауловъ и пожарной повинности (21 іюня 1736 г.). Между тѣмъ, положеніе дѣлъ оставалось въ прежнемъ видѣ и далѣе. Двѣ вышеуказанныя обязанности, отъ которыхъ духовенство не было освобождено, были самыми унизительными и затруднительными, открывавшими широкое поле всякимъ злоупотребленіямъ грубой мѣстной администраціи. Одинъ изъ возмутительныхъ случаевъ провинціальнаго самоуправства вызвалъ въ 1738 г. новый докладъ Синода Кабинету. Въ Москвѣ сотскіи съ десятскими схватили одного священника въ то время, когда онъ шелъ съ запасными дарами, и повели въ съѣзжую избу къ дежурному капралу, который требовалъ у него грубо исправленія рогаточнаго караула; а другого священника, схвативъ, били, драли публично на улицѣ за волосы и всячески бранили за то, что онъ не ходитъ къ рогаткамъ. Св. Синодъ, возмутившись такимъ варварствомъ по отношенію къ служителямъ алтаря, опять просилъ у Кабинета освободить духовенство отъ унизительныхъ полицейскихъ повинностей, указывая на то, что священнослужители за своими прямыми обязанностями не имѣютъ времени для полицейской службы, не могутъ служить исправно въ храмѣ, если они будутъ принуждены стоять на караулѣ. Чтобы подѣйствовать на правительство, Синодъ, зная правительственную ревность о строгомъ наблюденіи царскихъ церковныхъ службъ, указалъ „особливо“ на то, что и въ молебствіяхъ въ высокоторжественные дни можетъ случиться остановка [1]). Но мы не видимъ, чтобы Кабинетъ внялъ даже послѣднему доводу; отвѣта на Синодскій докладъ не послѣдовало. Государственная власть не принесла и этой незначительной жертвы своими интересами интересамъ церкви, хотя и вопіющіе факты жизни и громко заявляемыя заботы о „достойныхъ“ пастыряхъ требовали освободить духовное сословіе отъ противныхъ пастырскому достоинству и дѣлу обязанностей [2]).

---

1) Книга всеподданѣйшихъ докладовъ въ Синодскомъ Архивѣ 1738 г., № 38, апрѣля 30.

2) Только въ 1742 году, при императрицѣ Елизаветѣ, была удовлетворена просьба духовнаго вѣдомства (П. С. И и Р. Царствованіе имп. Елизаветы, т. I, № 72).

Съ неохотой освобождая духовенство отъ разныхъ видовъ государственной службы, правительство зорко слѣдило за тѣми ограниченіями его правъ, которыя установились въ предшествующее время. Духовныя лица не имѣли права владѣть людьми и землею лично. Государство наблюдало, чтобъ какъ нибудь не было нарушенія такого ограниченія, потому что переходъ земель и крестьянъ въ руки духовенства всегда угрожалъ государственнымъ интересамъ и всегда встрѣчаемъ былъ непріязненно со стороны свѣтской власти. Никто изъ правительство менѣе всякаго другого способно было сдѣлать какое либо послабленіе въ этомъ отношеніи. Когда въ 1739 г. случился фактъ, какъ будто нарушающій прежнія узаконенія, то не замедлило послѣдовать ихъ подтвержденіе. Въ петровское время была допущена запись церковниковъ въ подушный окладъ за священнослужителями. Съ теченіемъ времени отношенія тѣхъ и другихъ стали похожи на крѣпостныя. Одинъ священникъ тарусскаго уѣзда продалъ записанныхъ за нимъ церковниковъ и тѣмъ присвоилъ себѣ неприпадлежащія ему крѣпостныя права. Когда узналъ объ этомъ Сенатъ, то разразился по этому поводу указомъ (1732 г. янв. 27), напоминая, что „хотя поповскія дѣти изъ платежа подушныхъ денегъ за дѣйствительными при церквахъ попами и діаконами на церковныхъ земляхъ и написаны; но токмо они попы и діаконы, какъ тѣмъ церковнымъ землямъ, такъ и причисленнымъ къ нимъ въ подушный окладъ недѣйствительнымъ причетникамъ и поповымъ и діаконовымъ и причетниковымъ дѣтямъ и братіямъ и племянникамъ и внучатамъ не наслѣдные владѣтели“ и продавать и закладывать ихъ не имѣютъ права. Почему и впредь подтверждалось, „на таковыхъ причисленныхъ при церквахъ никакихъ крѣпостей не писать, и попамъ, и діаконамъ нигдѣ никому таковыхъ причисленныхъ къ нимъ въ подушный окладъ не продавать и не поступаться и никакими сдѣлками не укрѣплять, и крѣпостей не давать, подъ опасеніемъ тяжкаго штрафа и отвѣта“ [1]).

Малороссійское духовенство, происходящее въ значительномъ количествѣ изъ дворянскаго сословія, по праву своего происхожденія часто владѣло недвижимыми имуществами.

1) П. С. З. VIII, 5944.

Правительство смотрѣло на это съ неудовольствіемъ. При Аннѣ было приказано (1734 г.) отбирать казацкіе грунты отъ посвящающихся въ священнослужители [1]); но право владѣнія наслѣдственными имѣніями такъ и не удалось уничтожить. За то законъ Уложенія, воспрещающій покупку и всякое вновь пріобрѣтеніе земель духовнымъ лицамъ, поддерживался въ полной силѣ. Въ ноябрѣ 1735 г. малороссійское духовенство чрезъ своихъ архіереевъ ходатайствовало было предъ императрицей объ отмѣнѣ этого узаконенія, прося дозволить покупку недвижимыхъ имѣній у мірскихъ людей и пріемъ земель, жертвуемыхъ на поминъ души; при этомъ оно ссылалось на свои прежнія права и постановленія. Но Кабинетъ-министры нашли просьбу архіереевъ „весьма предосудительною“, и велѣно было сдѣлать строгій выговоръ епископамъ, подписавшимся подъ нею, а кн. Шаховскому, начальнику Малороссіи, было внушено, чтобъ онъ секретно склонялъ генеральнаго старшину, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ прислать просьбу о неукрѣпленіи мірскаго чина людей, земель и угодій за монастырями и духовными лицами, на которую просьбу получатъ желаемую резолюцію [2]). А еще прежде, въ февралѣ 1735 г. (11), данъ былъ именной указъ Шаховскому, которымъ повелѣвалось разсмотрѣть объявленныя отъ священниковъ и другихъ духовныхъ особъ крѣпости на недвижимыя имѣнія, отъ кого тѣ земли имъ проданы, или даны, и имѣли ли продавцы право продавать ихъ или отдавать; позволялось утвердить только тѣ крѣпости, на которыя челобитья и спора не будетъ, „а впредь всѣмъ тѣмъ деревни и земли покупать воспретить, кому по Уложенью земель и деревень имѣть запрещено“. Относительно великороссійскаго духовенства мы не встрѣчаемъ въ анпиское правленіе подобныхъ узаконеній, потому что среди него земельная личная собственность встрѣчалась лишь какъ рѣдкое исключеніе. Однако, по всей вѣроятности, и въ Великороссіи правительственная политика отзывалась на практикѣ совершенно такими же результатами, какъ на югѣ Россіи.

1) П. С. З. IX, 6614, 6724.

2) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XX, 314. Сборн. рус. истор. общ. т. 114, стр. 84—85.

V.

Такимъ образомъ даже въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ правительству имп. Анны представлялся прямой поводъ и настоятельная необходимость проявить свое попеченіе о благѣ церкви въ отношеніи къ ея рядовымъ служителямъ, правительственная политика имѣла или ничтожные или отрицательные результаты. Когда же эта политика принимала положительно неблагопріятное направленіе, то она стала угрожать духовному сословію терроромъ и разгромомъ.

Въ тридцатые годы XVIII столѣтія русскому бѣлому духовенству, на ряду съ высшей іерархіей и монашескимъ сословіемъ, много пришлось перенести горя изъ за подозрительности тогдашняго правительства ко всякому признаку политической неблагонадежности. Первымъ источникомъ непріятностей и опасности здѣсь были для священнослужителей такъ называемыя царскія службы. Провозгласивъ еще въ вступительномъ манифестѣ (17 марта 1730 г.) Синоду свою заботливость въ этомъ отношеніи, правительство съ теченіемъ времени обратило совершеніе молебствій и панихидъ въ высокоторжественные дни въ своего рода свидѣтельство и ручательство вѣрности и преданности верховной власти со стороны духовенства. Печальные процесы Льва воронежскаго, Варлаама Вонатовича, начавшіеся изъ-за несовершенія молебствія по вступленіи на престолъ Анны, открыли рядъ многочисленныхъ процессовъ монашества и бѣлаго духовенства. Зная свою непопулярность, люди, стоявшіе у кормила правленія, искали съ ревностной зоркостью сыщика намековъ на несочувствіе правительству въ дѣйствіяхъ служителей церкви. Опущеніе служенія въ какой либо высокоторжественный день, неотправленіе панихиды или благодарственнаго молебствія давали возможность заподозрить въ этомъ выраженіе политическихъ убѣжденій, открывая полный просторъ придирчивымъ розыскамъ, широко распахивая двери Тайной Канцеляріи для несчастныхъ жертвъ своей неосмотрительности.

Чтобы избавить духовенство отъ риска попасть подъ слѣдствіе по невѣдѣнію, Синодъ въ 1734 году разослалъ во всѣ епархіи табели о дняхъ рожденія и тезоименитствъ особъ Императорской фамиліи, и о дняхъ помшновенія усопшихъ

государей русскихъ и другихъ особъ царственнаго дома [1]), строго подтвердивъ при этомъ неопустительное совершеніе въ царскіе дни надлежащаго богослуженія. Но эта мѣра нисколько не охранила духовенство отъ перспективы попасть въ учрежденіе генерала Ушакова. Напротивъ, съ этого то именно времени умножились доносы и розыски по указанному поводу, какъ засвидѣтельствовалъ впослѣдствіи самъ Синодъ въ докладѣ императрицѣ Екатеринѣ II [2]). Теперь нельзя стало уже отговариваться невѣдѣніемъ; между тѣмъ житейскія обстоятельства не рѣдко ставили духовенство въ необходимость нарушать указъ. Дѣла о неотправленіи молебновъ и поминовеній возникали массами. Слѣдствіе по нимъ сначала производилось въ Синодѣ, а потомъ передавалось въ Тайную Канцелярію. Но въ 1735 г., обремененный ихъ огромнымъ количествомъ, Синодъ, ссылаясь на „немалое утружденіе“, рѣшилъ передать подобныя дѣла всецѣло въ Тайную Канцелярію. Послѣ производства слѣдствія въ епархіяхъ, теперь повелѣвалось тѣхъ, кто „является совершенно виновнымъ, а не за правильною коею либо виною того неотправилъ, т. е. не за болѣзнью своею, или же самъ не былъ позванный, прихода своего къ смертнѣ болящему какому человѣку, исповѣди ли или причастія ради божественныхъ таинъ, или же къ родильницѣ, которые будутъ въ мѣсто разстоянія отъ церкви его верстъ въ десять или далѣе, а хотя же кто, для коей либо изъ оныхъ нужды, и будетъ куда позванъ, да по возвращеніи своемъ отъ того болящаго, или родильницы, того, что ему по табели или же реэстрамъ тогда исполнить надлежало, вскорѣ, а всеконечно на другой день не исполнитъ же, или же который священникъ бывъ самъ болѣнъ, а потомъ пришедъ въ здравіе, тѣ празднованія или поминовенія, которыя приключились быть во дни болѣзни его (а другимъ никѣмъ при той его церкви отправлены не были), по той своей отъ болѣзни свободѣ, не исправитъ въ скорости же: таковыхъ для надлежащаго рѣшенія отсылать изъ всѣхъ мѣстъ, (не утруждая тѣми дѣлами Святѣйшаго Правительствующаго Синода), въ Канцелярію или Кон-

---

1) П. С. П. и Р. VIII, 2703. Подобное же постановленіе было сдѣлано еще ранѣе—въ 1732 г. (П. С. П. и Р. VII, 2539).

2) П. С. З. XVII, 12618.

тору Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ немедленно". Чтобы хоть сколько-нибудь уменьшить случаи такого рода проступковъ, Синодъ распорядился: предъ наступленіемъ царскихъ праздноваиій и помиповеній, какъ священнослужители сами, такъ и ихъ причетники, „никто бъ изъ домовъ своихъ, для партикулярныхъ своихъ нуждъ, кромѣ вышерѣченныхъ правильныхъ винъ, отнюдь бы никуда не отлучались подъ опасеніемъ, за преступленіе онаго, не только чиновъ ихъ лишенія, но, по лишеніи тѣхъ, и жесточайшаго въ свѣтскомъ судѣ истязанія, сверхъ же того и вѣчныя ссылки, куда тяжко виповныхъ по указамъ ссылать повелѣно" [1]).

Но и Тайная Канцелярія не обрадовалась такому предоставленію всецѣло въ ея распоряженіе виповныхъ священнослужителей. Не смотря на всякія предохранительныя мѣры духовной власти, духовенство часто впадало въ вышеуказанную вину, по причинамъ, конечно, не политическаго характера, а по чисто житейскимъ обстоятельствамъ. Злаго умысла почти никогда не могли найти при самомъ придирчивомъ слѣдствіи. Тайную Канцелярію не могли интересовать подобныя дѣла, гдѣ негдѣ было развернуться ея талантамъ; а между тѣмъ своей многочисленностью онѣ задерживали дѣла другія, болѣе важныя. Поэтому 21 іюня 1736 г. Тайная Канцелярія обратилась съ докладомъ на высочайшее имя, въ которомъ предлагала слѣдующее. Чтобы не было остановки въ секретныхъ дѣлахъ отъ процессовъ священнослужителей въ неотправленіи царскихъ службъ, Канцелярія считала лучшимъ дѣла эти разрѣшать въ епархіяхъ, и только въ томъ случаѣ, если „явятся такія, что того неотправляли съ какого противнаго вымысла", переносить ихъ въ Тайную Канцелярію [2]). 15 апрѣля докладъ былъ утвержденъ [3]).

Многочисленность дѣлъ разбираемаго свойства много зависѣла отъ пагубнаго порока тогдашняго времени страсти къ доносамъ. Страсть эта, вселявшая недовѣріе въ отношенія даже семейныя, погубила много жизней въ царствованіе

---

1) П. С. З. IX, 6832. А. С. С. Дѣло 1735 г. № 400.

2) П. С. З. IX, 6937. А. С. С. Дѣло 1735 г. № 400.

3) Однако и послѣ этого нерѣдко изъ провинціальныхъ консисторій отсылали виновныхъ въ неотправленіи царскаго богослуженія въ вѣдомство Тайной Канцеляріи, не рѣшаясь брать ихъ на свою отвѣтственность [см. напр. А. С. С. Дѣла 1736 г. №№ 184, 189].

импер. Анны. Подозрительность правительства давала ей обильную пищу, поощряя и развивая ее: доносчики награждались за свои подлыя услуги, какъ вѣрные подданные государства. Въ среду духовенства ядъ доносовъ не преминулъ проникнуть, служа могущественнымъ орудіемъ низкаго мщенія въ мелочныхъ личныхъ счетахъ священно и церковнослужителей, какъ между собою, такъ и съ міряпами. Дѣла о неотправленіи царскаго богослуженія почти всѣ возникали путемъ подобнаго доносительства. Въ 1736 г. самъ Св. Синодъ обратилъ вниманіе на это явленіе и рѣшился его ограничить. Опредѣлено было, для избѣжанія происходящихъ по злобѣ поздныхъ доносовъ, подать докладъ на имя императрицы съ проэктомъ такого рода. Лица, знающія о несовершеніи духовенствомъ надлежащаго богослуженія по императорской фамиліи, должны донести объ этомъ: на городское духовенство—въ тотъ же день; на уѣздное, ближайшее къ городу, на другой день; а на отдаленное отъ города, смотря по разстоянію, но не позже, какъ на третій день. Въ случаѣ неисполненія этого указа, доносителей подвергать наказанію въ свѣтскомъ судѣ. Доносчики обязывались также указать, почему не было совершено богослуженіе въ надлежащее время. Проэктъ воспрещалъ доносить, если опущеніе было совершено по уважительной причинѣ [1]). — Какова была судьба Синодскаго доклада,—мы не знаемъ.

Много духовныхъ лицъ поплатились при Аннѣ за свою оплошность, по дѣламъ царскихъ церковныхъ службъ, многихъ сломила тяжелая рука Тайной Канцеляріи, сломила безъ милосердія, безъ пощады [2]). Перечислить всѣ эти несчастныя жертвы невозможное дѣло, такъ какъ имена многихъ изъ нихъ такъ и умерли въ мрачныхъ таинникахъ застѣнковъ; но, чтобы познакомиться съ употребляемыми въ то время за это наказаніями, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

---

1) А. С. С. Дѣло 1736 г. № 182.

2) Впрочемъ и епархіальныя власти, на судъ которыхъ съ 1735 года стали отдаваться подобныя дѣла, расправлялись не менѣе жестоко, чѣмъ Тайная Канцелярія, боясь, конечно, показать какое либо послабленіе. Такъ псковскій архіепископъ Варлаамъ приговаривалъ за такія вины даже къ лишенію сана (А. С. С. Дѣло 1735 г. № 238), хотя по синодальному опредѣленію 8 іюня 1730 г. за неслуженіе царскихъ службъ полагалось только наказывать шелепами и ссылать въ монастыри подъ начало на время (См. въ дѣлѣ А. С. С. 1733 г. № 226).

Одни изъ священнослужителей еще отдѣлывались сравнительно легкимъ взысканіемъ, какъ то: плети и ссылка въ монастырь. Такъ въ 1734 году: битъ плетьми нещадно, за неслуженіе всенощной, литургіи и молебна въ день тезоименитства государыни, попъ села Окоемова вотчины рязанскаго Богословскаго монастыря Автамонъ Васильевъ; [1]) приговоренъ Тайн. Канцеляріею къ тому-же и ссылкѣ въ монастырь на 3 года, за неслуженіе въ дни рожденія и тезоименитства принцесы Анны церковной службы, діаконъ Петропавловской церкви гор. Риги Миронъ [2]); попалъ въ монастырскіе труды, за отправленіе обыкновеннаго, а не торжественнаго, всенощнаго бдѣнія на день тезоименитства государыни, протопопъ успенской церкви, села Завеличья псковской еп., Игнатій Яковлевъ [3]); жестоко избитъ плетьми, за опущеніе службы въ одинъ изъ царскихъ дней, священникъ дворцоваго села Краснаго, С.-Петерб. еп., Петръ Ивановъ [4]). Въ 1736 году: наказанъ плетьми за неотправленіе въ табельные дни богослуженія протопопъ города Пскова Климентъ Ивановъ [5]); приговоренъ Т. Канцеляріею къ нещадному наказанію плетьми и ссылкѣ въ монастырь, за такую же вину, попъ Козмодемьяновской церкви пригорода Опочки, г. Пскова, Герасимъ Теренъевъ [6]); подобному же взысканію подвергнутъ, за опущеніе службы на память княгини Агафіи Симеоновны, попъ псковской еп. села Зейбова Аѳанасій Дмитріевъ [7]).

Но другіе священнослужители испытывали гораздо болѣе печальную участь, терпѣли кару наравнѣ съ самыми тяжелыми преступниками. Такъ, въ 1732 году Таіная Канцелярія приговорила, за неотправленіе богослуженія въ день коронаціи государыни, протопопа гор. Тюмени Димитрія Васильева лишить священства, битъ кнутомъ и сослать въ дальній монастырь въ вѣчные труды [8]). Въ 1733 году: былъ лишенъ сана и сосланъ въ Сибирь, по опредѣленію Т. К., свя-

---

1) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 269.
2) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 273.
3) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 277.
4) Описаніе С. Петерб. еп., вып. I, стр. 214—215.
5) А. С. С. Дѣло 1736 г. № 191.
6) А. С. С. Дѣло 1736 г. № 186.
7) А. С. С. Дѣло 1736 г. № 188.
8) О. А. С. С. т. XII, № 283/219.

щенникъ гор. Калуги Иванъ Ефимовъ, за неотправленіе церковнаго торжества въ день коронаціи [1]); былъ сосланъ въ Охотскъ, по лишеніи священства, священникъ церкви Преображенія на невскихъ кирпичныхъ заводахъ, Ѳеоктистъ Гавриловъ, за неслуженіе всенощной на день восшествія на престолъ императрицы [2]), а его сотоварищи попъ Иродіонъ Ѳедосѣевъ и діаконъ Ѳедотъ Алексѣевъ наказаны плетьми и посланы въ монастырскіе труды съ запрещеніемъ священнослуженія [3]); были биты нещадно плетьми и сосланы съ женами въ Охотскій острогъ на житье вѣчно два священника церкви Іоанна Предтечи, что въ Ямской слободѣ въ С.-Петербургѣ, Ефремъ и Андрей Ивановы, за то, что, получивъ приказаніе отслужить 28 іюня всенощную литургію и молебенъ о здравіи Е. И. Величества и въ награду за это 50 р., они службы не совершили за разными обстоятельствами [4]). Въ 1734 году были лишены священства и подвергнуты тѣлесному наказанію черниговской еп. протопопъ с. Бряхлова Стародубск. у. Ѳома Герасимовъ, протопопъ с. Туболецъ Тимофей Борисовъ и попъ Ѳеодосій Ивановъ, за неслуженіе царскихъ службъ [5]). Въ 1736 г. Тайн. Канцелярія приговорила къ лишенію сана, нещадному наказанію плетьми и отдачѣ въ солдаты священника гор. Нарвы соборной Преображенской церкви Ефима Евстафьева [6]) и діакона Козмодемьяновской церкви гор. Пскова Агаѳопа Иванова [7]), за неслуженіе въ нѣкоторые торжественные и викторіальные дни. Въ 1735 году лишеніемъ священства поплатился за то же священникъ Горскаго погоста, Копорскаго уѣзда С. Петер. еп. Иванъ Никитинъ [8]). Въ 1737 г. осуждены на лишеніе сана два священника села Липецъ, Бѣлградской еп., Иванъ и Василій, за неотправленіе всенощной, литургіи и молебна въ день восшествія на престолъ императрицы [9]). Въ Сибири было характерное дѣло

---

1) А. С. С Дѣло 1742 г. № 449: о возвращеніи ему сана.

2) П. С. П. и Р. Царств. имп Елизаветы. т. I. № 99; о возвращеніи ему сана.

3) А. С. С. Дѣло 1733 г. № 226.

4) А. С. С. Дѣло 1733 г. № 227.

5) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 268.

6) А. С. С. Дѣло 1736 г. № 187.

7) А. С. С. Дѣло 1736 г. № 185.

8) Описаніе С.-Петерб, еп., вып I, стр. 214—215.

9) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 270.

одного Илимскаго протоіерея, Ивана Петрова, который, за неслуженіе въ 1733 г. въ день тезоименитства императрицы обѣдни и молебна, сначала два года томился на цѣпи въ Иркутской тюрьмѣ, потомъ лишенъ священства, наказанъ кнутомъ и посланъ въ ссылку [1]). А кромѣ подобныхъ наказаній, сколько мукъ въ колодкахъ, въ застѣнкахъ, при допросѣ и судебной волокитѣ, продолжавшейся годами!

Вмѣстѣ съ доносами въ аннинское царствованіе съ особенною силою развился обычай сказывать за собою слово и дѣло государево, обычай, характерный для того времени. При господствѣ политическихъ розысковъ, болѣзненной подозрительности правительства, „слову и дѣлу“ придавали большое значеніе. Лица, объявившія за собою то или другое, тѣмъ отдавали себя въ вѣдѣніе Тайной Канцеляріи. Правда, послѣдняя не была такимъ мѣстомъ, куда бы добровольно можно было стремиться; но „словомъ и дѣломъ“ тѣмъ не менѣе пользовались часто, или по злобѣ и мести, желая погубить кого либо, или въ ссорѣ, или желая избѣжать суда и наказанія за какое либо преступленіе другого характера [2]). Въ большинствѣ случаевъ „слово и дѣло“ приносило только еще больше страданія, еще усиливало тягость наказанія; но оно его отсрочивало, а это много значитъ для человѣка, который не любитъ заглядывать въ будущее, лишь бы избыть бѣду настоящую. Въ средѣ духовенства „слово и дѣло“ раздавалось въ аннинское время безпрерывно, такъ что даже нельзя не удивиться этому явленію. „Слово и дѣло“ объявляли нерѣдко люди, неимѣющіе ничего на него похожаго, объявляли напрасно, вслѣдствіе указанныхъ причинъ. При слѣдствіи они не могли доказать своего заявленія, т. е. не могли сообщить никакого важнаго („по первымъ двумъ пунктамъ“) государственнаго дѣла ни за собой, ни за другими. Происходила напрасная волокита и безполезная трата времени. Со стороны власти явн-

1) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 271. Иркутскія Еп. Вѣдом. 1867 г. № 9. Дѣло объ Илимскомъ протопопѣ.

2) Отчасти само правительство было виновато въ распространеніи пагубнаго обыкновенія, грозя смертною казнью за недонесеніе про государственное дѣло (Опис. д. и д. Арх. Св. Синод. X, № 151/9 и Приложеніе XIII).

лось стремленіе прекратить подобное злоупотребленіе, увеличивъ строгость наказанія за недоказанное заявленіе. До 1733 года лицъ духовнаго сословія, виновныхъ въ напрасномъ сказываніи въ пьянствѣ слова и дѣла, по указу 1728 г., епархіальнымъ судомъ присуждали обыкновенно къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ монастырь [1]). Въ іюнѣ 1733 года въ Петербургѣ Синодъ получилъ донесеніе отъ Св. Синода въ Москвѣ, что тамъ недоумѣваютъ, что дѣлать съ многими лицами священнаго чина, присужденными указаннымъ образомъ допускать ли ихъ до священнаго служенія или нѣтъ? Синодъ сдѣлалъ по этому поводу суровое постановленіе (6 іюня) [2]), повторенное затѣмъ (2 ноября) въ именномъ высочайшемъ указѣ. Послѣднее обстоятельство буквальное повтореніе синодальнаго постановленія въ указѣ правительства даетъ основаніе думать, что и Синодъ сдѣлалъ свое распоряженіе не безъ вліянія свѣтской власти, быть можетъ, прямо по внушенію свыше. По крайней мѣрѣ въ указѣ 2-го ноября звучатъ сильно негодующія ноты противъ духовенства. „Извѣстно Намъ учинилось,—возвѣщаетъ онъ, что многіе священнаго чина люди, какъ бѣлыцы, такъ и монахи, не страшася суда Божія и пренебрегая святыя правила, имѣютъ житіе невоздержное и употребляютъ ссоры и драки, и безмѣрно упиваются и тѣмъ зазорнымъ и весьма непотребнымъ житіемъ наводятъ на чинъ священный и монашескій немалыя и весьма тяжкія подозрѣнія, а простому народу изъ того непорядочнаго таковыхъ священнаго чина людей житія, придается соблазнъ, а отъ другихъ произносятся не малыя нареканія“. Послѣ такого грознаго вступленія, правительство высказываетъ свое недовольство легкими наказаніями, къ которымъ присуждаютъ духовенство за напрасное сказываніе слова и дѣла, „не вѣдая того за собою и ни за кѣмъ“, „отчего и паки въ тѣхъ священнаго и монашескаго чина, зазорно житіе свое препровождающихъ, умножается неспокойство“. Для уничтоженія такового предлагается радикальное средство: „ежели кто изъ священнаго и монашескаго чина скажетъ за собою или за другимъ за кѣмъ наше дѣло или слово по первымъ двумъ пунктамъ

---

1) П. С. П. и Р. VII, 2302.

2) А. С. С. Дѣло 1733 г. № 235. П. С. П. и Р. VIII, 2715.

и отосланъ будетъ въ гражданскій судъ, а тамо разспросомъ покажетъ, что онъ то наше дѣло и слово за собою сказалъ со злости, хотя кого обезчестить, или въ пьянствѣ и въ ссорѣ, или отбывая по надлежащимъ винамъ достойнаго отъ начальствующихъ наказанія, и тѣ священнаго и монашескаго чина люди изъ гражданскаго суда присланы будутъ къ духовному суду, и таковымъ людямъ, кто въ такой погрѣшности явится, во всѣхъ духовныхъ судахъ за тѣ ихъ продерзости, яко презирателей Святыхъ Апостолъ правилъ и богоносныхъ отецъ ученію, лиша всего священнаго и монашескаго чина, и остригши на головѣ и на бородѣ волосы, и одѣвъ въ свѣтское платье, изъ духовныхъ правительствъ отсылать къ надлежащему наказанію въ гражданскія правительства, кого куда надлежитъ, и поступать съ ними такъ, какъ и о свѣтскихъ людяхъ въ объявленномъ, состоявшемся въ 1730 году апрѣля 10-го дня нашемъ указѣ изображено, а именно: молодыхъ, учиня наказаніе плетьми, писать въ солдаты, а старыхъ, которые въ службу негодны, бивъ кнутомъ и вырѣзывая ноздри, посылать въ Сибирь въ работу вѣчно; а которые будутъ являться въ сказываніи жъ за собою нашего дѣла или слова просто, а не по первымъ двумъ пунктамъ, и тѣмъ по Уложенію чинить наказаніе жъ кнутомъ, и чтобъ по свободѣ праздно таковые не скитались, сылать ихъ безъ вырѣзыванія ноздрей въ Сибирь же на житье, не взирая ни на каковыя ихъ отрицанія, дабы священнаго и монашескаго чина люди, взирая на таковое наказаніе, имѣли отъ непотребныхъ и возбраненныхъ святыми правилами священному и монашескому чину поступковъ воздержаніе, но больше бъ упражнялись во всякомъ благочестіи и прочихъ священному и монашескому чину приличествующихъ дѣйствіяхъ“ [1]).

---

1) П. С. З. IX, 6506. Объ отягченіи участи говорящихъ „слово и дѣло“ просто, а не по первымъ двумъ пунктамъ, позаботилась Тайная Канцелярія. Синодъ сначала таковыхъ повелѣлъ лишь лишать свящ. сана, бить кнутомъ и освобождать. Канцелярія нашла, что „таковые лишенные священнаго сана люди по свободѣ будутъ скитаться праздно“ и подала (24 сент. 1733 г.) государынѣ докладъ, чтобъ ихъ, хотя и безъ вырѣзыванія ноздрей, «ссылать въ Сибирь же на житье». Государыня докладъ утвердила, и это постановленіе вошло окончательно въ указъ 2 ноября (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду. кн. № 20/782, л. 1282-84).

Но даже такія страшныя взысканія не могли пресѣчь пагубную болѣзнь времени. Выросшее на почвѣ подозрительной правительственной политики, обыкновеніе сказывать „слово и дѣло“, по разнымъ, указываемымъ выше, поводамъ, было неискоренимо въ средѣ духовенства. И сотни людей извѣдали всю горечь ноябрьскаго указа 1733 г., извѣдали изувѣченье, дорожку въ Сибирь и солдатчину. Лишь послѣ смерти императрицы Анны, въ началѣ 1741 года, Св. Синодъ рѣшился ходатайствовать предъ новымъ правленіемъ о возвращеніи изъ ссылки и военной службы священно и церковно-служителей, угодившихъ туда за „слово и дѣло“, и получилъ милостивую резолюцію на свою просьбу [1]). Здѣсь еще новое подтвержденіе того, что не духовная власть была виновницей постановленія 1733 года, а исходило оно всецѣло отъ правительства и было результатомъ его общаго взгляда на духовенство, проскальзывавшаго въ рѣзкихъ вступительныхъ словахъ ноябрьскаго указа...

Подозрительность мрачнаго царствованія окутывала тяжелою мглою жизнь духовнаго сословія. Жестокая кара постигала въ то время за самыя незначительные проступки, въ которыхъ только какъ либо можно было усмотрѣть политическую тенденцію. Въ этомъ отношеніи бывали факты, изумительные, даже курьезные. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Дьячекъ Дмитрій Емельяновъ (псковской еп.), по злобѣ на протопопа своей церкви (въ Ревелѣ соборная), сдѣлалъ въ присланномъ для публичнаго прочтенія императорскомъ указѣ къ имени „Анна“ приписку „па“, разсчитывая вовлечь протопопа въ дѣло. И онъ не ошибся. Дѣло возникло, и въ результатѣ, по приговору Тайной Канцеляріи, дьячка били кнутомъ и отослали въ Охотскій острогъ; а попутно приговорили къ наказанію шелепами и плетьми и двухъ поповъ той церкви, косвенно прикосновенныхъ къ дѣлу [2]). Священникъ деревни Рождественки Тамбовскаго уѣзда Венедиктъ произносилъ непристойныя слова: „радуйся россійски, принимайся за спски“. Его подвергли жестокому наказанію

---

1) Дѣла въ Архивѣ Св. Синода 1741 г. №№ 401 (января 28) и 402 февраля 4). Здѣсь можно найти имена многихъ жертвъ, пострадавшихъ за несмотрительное «слово и дѣло».

2) О. А. С. С. т. X, № 396-169.

плетьми и сослали на три года въ тяжкіе труды въ соловецкій монастырь [1]). Попъ Кольскаго острога (Холмогорск. еп.) (въ 1730 г.) велѣлъ діакону Петрову вытвердить къ 24 декабря многолѣтіе по новопечатной формѣ; но другой попъ Трифонъ не велѣлъ діакону учить многолѣтіе по новой формѣ, такъ какъ еще не было о томъ указа и въ формѣ о томъ не напечатано. Въ повечеріе Рождества Христова многолѣтіе было отправлено по общей Минеѣ. Возникло дѣло, замѣшалась Тайная Канцелярія, и въ результатѣ получилось синодское постановленіе: „наказать его (Трифонова) шелепами и всѣхъ ихъ отпустить пока въ дома ихъ, дабы впредь въ принадлежащихъ по ихъ должностямъ исправленіяхъ поступали осмотрительно, безъ всякой пропики“ [2]). Священникъ Троицкаго собора въ С.-Петербургѣ Титовъ, будучи на поминкахъ въ домѣ одного купца, за столомъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, говорилъ между прочимъ слѣдующія слова въ разговорѣ: „у насъ въ соборѣ бывало не велѣли и Государя поминать, и нынѣ то не умно“. За это онъ угодилъ на сибирскіе горные заводы [3]). Наказывали не только за собственные проступки, а и за недоношеніе о проступкахъ другихъ. Подпалъ подъ шелены, напримѣръ, въ Тайной Канцеляріи протопопъ города Петровска Ѳеодоръ Сергѣевъ лишь за то, что не донесъ о непристойныхъ словахъ одного гренадера [4]).

„За непристойныя“ и „противныя“ слова платились въ то время весьма жестоко. Такъ, за подобную вину, въ 1732 году былъ лишенъ сана и сосланъ въ Сибирь священникъ черниговской епархіи Иванъ Якимовичъ [5]); въ 1738 году лишенъ сана, битъ кнутомъ и сосланъ въ Оренбургъ діаконъ псковскаго Козмодемьянскаго монастыря Иванъ Васильевъ [6]); въ 1739 году лишенъ сана и битъ кнутомъ попъ соборной Архангельской церкви Нижняго Новгорода Петръ Васильевъ [7]); въ 1740 году лишенъ сана попъ новгородской

1) О. А. С. С т. X, № 234-42.
2) О. А. С. С. XI, № 189/366.
3) О. А. С. С. XI, № 191/193.
4) О. А. С. С. XI, № 346/194.
5) А. С. С. Дѣло 1742 г. № 439 (о возвращеніи сана).
6) А. С. С. Дѣло 1738 г. № 339.
7) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 354.

еп. Пусторжевскаго уѣзда, стегновскаго погоста, Трофимъ Ларіоновъ [1]). Множество лицъ бѣлаго духовенства замѣшаны были въ процессы архіереевъ, бывшіе при Аннѣ, и не мало потерпѣли безъ вины, безъ повода. Въ Казанской епархіи по дѣлу Сильвестра о невозношеніи титула св. Синода почти всѣ священники цѣлыхъ двухъ уѣздовъ казанскаго и свіяжскаго понесли безпощадное шелепами наказаніе, и это еще былъ милостивый приговоръ, потому что въ испугѣ преемникъ Сильвестра, Иларіонъ Рогалевскій, предлагалъ всѣхъ ихъ не только пересѣчь, но и сана лишить [2]). По секретнымъ дѣламъ Тайная Канцелярія произносила свои приговоры, не сообщая даже Синоду о преступленіи виновныхъ. Такъ, въ 1732 году, „за нѣкую важную вину“, приговоренъ къ лишенію сана, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь діаконъ церкви Воздвиженья, села Зелья, псковск. у., Осипъ Ѳеофилактовъ [3]); въ 1736 году лишенъ сана, „за многія вины“, діаконъ Вышневолодскаго погоста, новгородской губ., Дмитрій Исаковъ и съ семьею сосланъ въ Оренбургъ для опредѣленія самого его на пашню, а дѣтей въ солдаты [4]); въ 1737 году сосланъ въ одинъ изъ сибирскихъ монастырей, „по нѣкоторому дѣлу“, протопопъ московскаго Архангельскаго собора Продіонъ Никитинъ [5]); въ томъ же году лишенъ сана, по секретному дѣлу, попъ симбирскаго уѣзда дворцоваго села Николаевскаго Борла Ларіонъ Семеновъ [6]); въ 1738 году лишенъ сана, „за важныя вины“, ораніембаумскій священникъ Иванъ Тихоновъ [7]). Горе было тѣмъ, кто давалъ поводъ заподозрить себя въ сочувствіи опальнымъ лицамъ, павшимъ вельможамъ, возмутителямъ противъ власти. Въ 1738 году 4 священника города Березова жестоко поплатились за общеніе съ ссыльными князьями Долгорукими, у которыхъ они бывали и ихъ къ себѣ принимали. Кабинетъ приговорилъ ихъ къ ссылкѣ въ Охотскъ послѣ

---

1) А. С. С. Дѣло. 1740 г. № 313

2) Знаменскій, Духовенство, стр. 427-428.

3) О. А. С. С. XII, № 36/229.

4) П. С. П. и Р. Царствов. имп. Елизаветы, т. I, № 402: синодальное опредѣленіе о выключеніи изъ солдатъ невинныхъ дѣтей.

5) А. С. С. Дѣло 1741 г. № 419: о прощеніи.

6) А. С. С. Дѣло 1743 г. № 253: о прощеніи.

7) А. С. С. Дѣло 1738 г. № 340.

наказанія плетьми и не смягчилъ своего приговора даже въ виду просьбы Синода оставить ихъ въ Томскѣ, гдѣ ощущался сильный недостатокъ священнослужителей [1]). Въ началѣ 1738 года появился на югѣ замозванецъ. Священникъ села Ярославца, по его приказанію, встрѣтилъ его въ ризахъ съ крестомъ на блюдѣ, допустилъ въ церковь и служилъ здѣсь молебенъ, упомнпая и новаго „царя Алексѣя Петровича“. Самозванецъ пробылъ на свободѣ всего два дня; а бѣдный священникъ подвергся варварской казни, наравнѣ съ новымъ „царемъ“: оба были посажены на колъ [2]).

Основанное на подозрительности, отношеніе правительства императрицы Анны къ духовному сословію, жестокія казни и приговоры, обрушивавшіеся даже на незначительно виновныхъ, политическіе розыски все это было пагубно для служителей церкви не только само по себѣ, но и по своимъ послѣдствіямъ. Настроеніе высшей власти не оставалось безъ вліянія на провинціальныхъ правителей, на все общество и народъ, подкапывая въ нихъ уваженіе къ духовному сану. Духовенство и такъ находилось въ униженномъ положеніи; при забитости и робости, оно не обладало авторитетомъ, ему подобающимъ, ни въ обществѣ, ни въ народѣ. Правительственное настроеніе аннинскаго времени еще увеличило недостатки этого положенія. Областному начальству настроеніе „верха“ открывало путь къ развитію его самоуправства, подталкивало на несдержанный произволъ грубой натуры того вѣка. Намеки на это мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ фактахъ. Такъ, Чебоксарскій воевода Алексѣй Заборовскій, по доношенію м. Сильвестра, подвергая ругательствамъ и битью ботагами духовныхъ лицъ, говорилъ, что „убьетъ лучшаго духовнаго судью и что архіерешку разстригутъ“ [3]). Очевидно, провинціальное начальство почувствовало, какъ мало пользуется симпатіями правительства духовное сословіе, и въ этомъ находило поддержку своей

---

1) П. С. З. X, 7646.

2) Соловьевъ, т. XX, стр. 408-409. Въ виду подобныхъ жестокостей аннинскаго царствованія не удивительно, что бывали лица изъ среды духовенства, которыя пытались примѣнять къ государынѣ и министрамъ даже апокалипсическія предсказанія о временахъ антихристовыхъ (О. А. С. С. XI, № 273/243).

3) Описаніе дѣлъ Синодскаго Арх. X, № 416-428.

разпузданности. Какова была послѣдняя, показываютъ факты. Въ Кронштадтѣ, напримѣръ, комендантъ (въ 1734 г.) посадилъ на гауптвахту, вмѣстѣ съ преступниками, протопопа только за то, что тотъ законно отказалъ ему въ одномъ требованіи, и протопопъ, по освобожденіи, не могъ найти никакой управы на оскорбителя [1]). А тайный совѣтникъ Татищевъ передовой для своего времени человѣкъ посадилъ на цѣпь оренбургскаго протоіерея Антипа Мартиніанова, водилъ его въ такомъ видѣ по улицамъ на показъ народу и продержалъ до вечера [2]). Какова бы ни была вина протоіерея, такъ распорядиться Татищевъ не имѣлъ никакого права, и Синодъ потребовалъ у Кабинета сатисфакціи за неслыханное варварство, указывая между прочимъ на великій соблазнъ новокрещеннымъ, на глазахъ которыхъ, какъ собаку, водили священника [3]). Но правительство не обратило вниманія на синодское заявленіе.

Глядя на начальство, помѣщики и даже крестьяне допускали самоуправство по отношенію къ служителямъ церкви. Бывали случаи, что тѣ или другіе самовольно удаляли отъ церкви священнослужителей, такъ что Синодъ въ 1733 г. по поводу этого долженъ былъ обратиться къ Сенату съ требованіемъ положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ [4]). Но нельзя было, конечно, измѣнить взглядъ общества на духовенство никакими указами, когда власть сама не питала довѣрія къ священному сану, смотрѣла на церковь зоркими глазами сыщика. И мы, вѣроятно, не ошибемся, думая, что общая атмосфера правительственныхъ вѣяній, симпатій и убѣжденій, въ ходѣ церковной жизни отзывалась съ немепьшей нежелательной реальной силой, чѣмъ официальные указы, исходящіе изъ центра правленія.

VI.

Но ничего не было тяжелѣе для церкви и бѣлаго духовенства въ царствованіе Анны, какъ знаменитые разборы

---

1) Историко-Статистич. опис. Спб еп., II, стр. 216-217.

2) А. С. С. Дѣло 1738 г. № 330. Соловьевъ, т. XX, стр. 337-338.

3) Книга всеподданѣйшихъ докладовъ въ Архивѣ Син. 1738 г., № 22.

4) П. С. П. и Р. VIII, 2679. Но подобные случаи бывали и послѣ: А. С. С. Дѣло 1736 г. № 179, объ удаленіи крестьянами попа отъ прихода.

церковнослужителей и священно и церковнослужительскихъ дѣтей въ послѣдніе годы правленія императрицы.

Русское духовенство всегда страдало однимъ недостаткомъ многочисленностью своего сословія, далеко превышающею потребности дѣйствительности, обиліемъ въ своей средѣ праздныхъ людей, пользовавшихся привиллегированнымъ положеніемъ, но не приносящихъ никакой пользы. Недостатокъ этотъ развился на почвѣ замкнутости духовенства, которая къ XVIII вѣку твердо укоренилась въ немъ, воспитанная вѣковыми условіями жизни. Приростъ населенія въ духовномъ вѣдомствѣ, всегда весьма значительный, создавалъ неизбѣжное переполненіе его при отсутствіи выхода для этого излишка людей. Въ первой половинѣ XVIII вѣка, по словамъ Фоккеродта и Манштейна, численность духовенства съ его семействами простиралось до 300,000 душъ [1]). Приходы были раздроблены до послѣдней крайности: были приходы въ 15 дворовъ съ двумя священниками; въ приходѣ дворовъ 400 помѣщались до семи поповъ и т. д. [2]). При всемъ томъ, въ началѣ XVIII вѣка праздныхъ лицъ въ духовномъ сословіи было много. Правительству такое положеніе вещей не могло нравиться, потому что не въ государственныхъ интересахъ было оставлять въ привиллегированномъ положеніи массу безполезныхъ для государства людей. Отсюда возникли всѣ мѣры очищенія духовенства отъ излишняго переполненія. Правительство, обычно, употребляло для этой цѣли наборъ въ военную службу священно и церковно-служительскихъ дѣтей, безъ дѣла живущихъ при своихъ отцахъ, или же запись ихъ въ податное сословіе. Другихъ выходовъ государственная власть не открывала, да и не могла открыть, потому что необразованные недоросли никуда больше не годились; получившіе же школьное образованіе и не подвергались разборамъ: хотя такихъ людей съ радостью принимали на гражданскую службу, но духовное вѣдомство, естественно, и у себя имъ всегда находило мѣсто.

Еще Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ попытку, посредствомъ набора въ военную службу, очистить нѣсколько ду-

---

1) Чтен. въ общ. истор. 1874 г., IV, 113. Записки Манштейна. 294. При десяти, приблизительно, милліонахъ всего населенія имперіи.

2) *Знаменскій.* Духовенство. Стр. 184.

ховенство отъ излишка накопившихся людей; однако, только съ начала XVIII столѣтія гражданская власть твердо вступила на этотъ путь. Начиная съ 1705 года, наборы повторялись при Петрѣ чуть не ежегодно [1]), а съ 20-хъ годовъ ихъ смѣнила запись съ подушный окладъ. Съ того времени разборы стали грозою, постоянно заставлявшею трепетать духовное сословіе. И никогда они не были такъ жестоки, какъ въ правленіе Анны Іоанновны. Уже царствованіе Преобразователя значительно сократило ряды духовенства непрерывнымъ рядомъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ [2]). Тѣмъ тяжелѣе были новые указы тридцатыхъ годовъ. Къ тому же правительство Анны дѣйствовало гораздо неумолимѣе и послѣдовательнѣе петровскаго, такъ что результаты получились крайне печальные для церкви. Факты, ниже приведенные, лучше всего докажутъ это.

Жестокости аннинскихъ разборовъ много способствовало тѣсно связанное съ ними дѣло о присягахъ 1730 и 1731 годовъ, набросившее тѣнь подозрѣнія на бѣлое духовенство и придавшее характеръ кары за политическое преступленіе обращенію въ солдаты церковниковъ и дѣтей священно и церковно-служителей. Съ этимъ дѣломъ необходимо познакомиться, чтобы понять дальнѣйшія правительственныя распоряженія.

---

1) *Знаменскій.* Духовенство. Стр. 181—197.

2) Запись въ подушный окладъ должна была, собственно, совершенно освободить духовенство отъ излишнихъ членовъ. Въ 1722 г. всѣ священно и церковнослужительскія дѣти, оставшіяся излишними за опредѣленіемъ въ причетники къ церквамъ, должны были быть записанными въ окладъ за тѣми вотчинниками, которымъ принадлежитъ село [П. С. П. и Р. II. 513; П. С. З. VI, 3932). Въ томъ же году, при введеніи приходскихъ штатовъ, велѣно записать въ окладъ всѣхъ оставшихся безмѣстными причетниковъ (П. С. П. и Р. II, 745; П. С. З. VI, 4072). Такой же участи подвергались нерадивые ученики, исключенные изъ школъ (П С. П. и Р. II, 648; П. С. З. VI 4021). А что всѣ эти указы не оставались только на бумагѣ, достаточно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ концѣ 1727 г., по доношеніямъ епархіальныхъ архіереевъ, Синодъ принужденъ былъ обратиться въ Верховный Совѣтъ съ просьбою о позволеніи поставлять на священно и церковнослужительскія мѣста церковниковъ, записанныхъ въ подушный окладъ, если окладъ за нихъ согласятся платить крестьяне или помѣщики. Значитъ уже тогда сталъ ощущаться недостатокъ въ кандидатахъ на церковныя должности.

По вступленіи на престолъ императрицы Анны и воспріятіи ею самодержавія, въ концѣ февраля 1730 г. были разосланы всюду присяжные листы для приведенія къ присягѣ подданныхъ. Такіе же листы были разосланы и по духовному вѣдомству, при чемъ въ синодскомъ указѣ повелѣвалось „присягу, какъ самимъ архіереямъ, которые въ епархіи, такъ и всѣмъ духовнымъ персонамъ, исполнить въ самой скорости; а въ прочіе, въ тѣхъ епархіяхъ обрѣтающіеся города къ духовнымъ начальникамъ, изъ тѣхъ посланныхъ печатныхъ манифестовъ и присягъ, сколько куда надлежитъ, разослать онымъ архіереямъ отъ себя съ парочными домовыми служителями немедленно, и велѣть въ тѣхъ городахъ присягу чинить по вышеписанному же, и для множества людей у присяги велѣть подписываться человѣкамъ тремъ, или четыремъ и больше, по скольку на первой страницѣ и на другой страницѣ вмѣстить можно, съ званіемъ чиновъ, именъ, отчествъ и прозваній. А гдѣ сколько какихъ чиновъ порозно къ присягѣ приведено будетъ, о томъ рапортовать въ Св. Синодъ“ [1]).

Между тѣмъ новое правительство чувствовало себя неспокойно и вдругъ, въ концѣ 1731 года, потребовало новой подтвердительной присяги императрицѣ и ея высокимъ наслѣдникамъ, имени которыхъ не объявлялось. Мотивировалось это распоряженіе довольно странно: правительство почти открыто сознавалось, что его положеніе не твердо и, чтобы „утвердить благополучное состояніе государства“, избѣгнуть безпорядковъ, подобныхъ происшедшимъ при избраніи Анны Іоанновны (замыслы верховниковъ), ради „спокойнаго и несумнительнаго жительства всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ и для пресѣченія всѣхъ сему благополучію противныхъ толкованій“, привлекало граждан къ новой присягѣ [2]).

Манифестъ былъ объявленъ въ самое неудобное для духовенства время —17 декабря, предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова. Священно и церковно-служители, занятые обычнымъ праздничнымъ служеніемъ и обходомъ прихожанъ, принуждены были отрываться отъ своего дѣла для исполненія указа. Но, зная уже тогда настроеніе власти, слу-

---

1) П. С. П. и Р. VII. 2298.

2) Полное Собр. Постановл., VII, 2518.

жители церкви поспѣшили, по мѣрѣ возможности, принести присягу въ скорѣйшемъ времени.

Двойная присяга показала, что наверху смотрятъ подозрительно и не очень-то надѣются на „несумнительное спокоїйное жительство“. Это было плохое предзнаменованіе для будущаго, заставляло всѣхъ быть осторожнѣе и осмотрительнѣе. Общественная атмосфера предвѣщала грозу. Надъ духовенствомъ послѣдняя разразилась весьма скоро.

Какъ только стали приходить изъ епархій требуемые рапорты съ присяжными листами и извѣстіями о ходѣ присяги, такъ обнаружилось явленіе, давшее пищу политической подозрительности. Оказалось, что многіе священно и церковнослужители и дѣти ихъ не принесли требуемыхъ присягъ. Впослѣдствіи правительство насчитывало таковыхъ болѣе 5.000 человѣкъ [1]). Государственная власть объяснила, повидимому, этотъ фактъ тѣмъ, что тутъ скрывалось недоброжелательство къ правительству; по крайней мѣрѣ дальнѣйшія ея дѣйствія свидѣтельствуютъ за такое предположеніе. Въ дѣйствительности же часто и тамъ, гдѣ съ перваго раза можно было заподозрить политическую подкладку, при внимательномъ разсмотрѣніи таковая оказывалась игрою воображенія. Такъ епископу рязанскому Гавріилу игуменъ муромскаго Спасскаго монастыря донесъ, что болѣе 50 священно и церковно-служителей Муромскаго уѣзда „отъ злого умыслу“ къ присягѣ не явились. Но когда было произведено слѣдствіе, то оказалось, что на самомъ дѣлѣ одни не были потому, что во время приведенія къ присягѣ отсутствовали, другіе были больны, двое учились, иные малолѣтны; а иные ошибочно показаны небывшими [2]). Подобными же причинами объяснялъ преемникъ Гавріила, Лаврентій, небытіе у присягъ 53 человѣкъ изъ духовенства [3]); отъ подобныхъ же причинъ, причисливъ сюда еще пьянство и неудобство времени второй присяги, происходили всѣ факты этого рода. Нѣкоторые были у присяги, но только не подписывались почему-либо подъ присяжными листами. Многія дѣти духовенства не присягали потому, что не знали, относится ли къ нимъ указъ о присягѣ. Въ послѣднемъ ничего не говорилось

---

1) П. С. З. IX, 7070.
2) Описаніе дѣлъ Синодскаго архива X, № 230—148.
3) Дѣло Синодскаго архива 1731 г. № 185.

о возрастѣ, съ какого присяга обязательна. Впослѣдствіи таковой былъ установленъ въ 8 лѣтъ. Но кто же могъ подумать, что такихъ юныхъ еще дѣтей нужно заставлять приносить присягу? Сюда же присоединились неопредѣленные толки при воцареніи императрицы, затуманившіе многихъ, вселяя неувѣренность, не будетъ ли въ скоромъ времени какой-либо перемѣны. Были случаи, когда, какъ будто, и сознательно уклонялись духовныя лица отъ присяги [1]); однако они немногочисленны, да и то нельзя доказать здѣсь политическую тенденцію.

Власть посмотрѣла иначе на дѣло. Сразу же увидѣли въ неприсяганіи политическое преступленіе и жестоко стали карать преступниковъ, большею частью мнимыхъ. Въ новгородской епархіи неприсягавшіе считались сотнями: ихъ жестоко били плетьми и приводили къ присягѣ [2]). Вмѣшалась въ дѣло Тайная Канцелярія, почуявшая для себя добычу; а отъ генерала Ушакова ждать пощады было напрасно. Для нашего времени прямо поразительно то несоотвѣтствіе вины и наказанія, которое наблюдается въ безчисленныхъ слѣдствіяхъ по присяжнымъ дѣламъ. Вотъ одинъ примѣръ. Въ 1733 году въ руки Тайной Канцеляріи попали 17 человѣкъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей, неприсягавшихъ; 9 человѣкъ изъ нихъ между прочимъ показали, что у присяги 1731 года они были и, по прочтеніи присяжныхъ листовъ, къ кресту и Евангелію прикладывались, а „на присяжныхъ листахъ не подписались для того, что поповскіе старосты, которые къ той присягѣ приводили, на тѣхъ присяжныхъ листахъ подписываться имъ не велѣли“. Другіе показали, что они не были у присяги потому, что отъ старовѣты поповскаго имъ повѣстки не было. Старосты поповскіе съ свою очередь сказали, что учинили они то „простотою“, „для того, что въ оном̀ъ указѣ о приводѣ поповыхъ и причетническихъ дѣтей имянно не написано, чего ради они вышеупомянутыхъ, также и другихъ церквей поповыхъ и причетническихъ дѣтей къ той присяги не повѣщали“. Потому и на присяжныхъ листахъ подписываться не велѣли. Тайная Канцелярія приговорила: „вышеупомянутыхъ поповскихъ ста-

1) Описаніе С. А., X, № 473—479.

2) Дѣло въ архивѣ Св. Синода, 1731 г. № 186.

рость за означенныя ихъ вины и за то, что они, при высылкѣ таковыхъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей у присягъ не бывшихъ въ Новгородъ, о томъ, что зачѣмъ они у тѣхъ присягъ не были, письменно не объявили, и къ тѣмъ присягамъ приводить и на присяжныхъ листахъ подписываться, указу, откуда надлежитъ, не требовали, учинивъ имъ плетьми нещадное наказаніе, послать, не лишивъ священства, въ Охотскъ и съ женами ихъ на житіе вѣчно". А тѣмъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ учинено наказаніе плетьми и они отпущены были домой [1]).

Въ епархіяхъ были учреждены спеціальныя комиссіи для слѣдствія о неприсягавшихъ [2]). Виновные изъ ближайшихъ мѣстъ къ Петербургу или Москвѣ, повидимому, отсылались въ Тайную Канцелярію, въ мѣстахъ же болѣе отдаленныхъ дѣла рѣшались на мѣстѣ. Новгородъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ къ первой категоріи; но въ 1734 г. Синодъ предложилъ Канцеляріи предоставить слѣдованіе о неприсягавшихъ новгородской епархіи управителямъ новгородскаго архіерейскаго дома и имъ же налагать и наказаніе, такъ какъ виновныхъ явилось слишкомъ много. Тайная Канцелярія согласилась. Быть можетъ, мѣстное начальство было и снисходительнѣе генерала Ушакова... [3]). За то относительно петербургскаго духовенства Синодъ поступилъ обратнымъ образомъ. Въ 1735 году сдѣлано Синодское постановленіе, чтобы всѣхъ неприсягавшихъ, подлежащихъ слѣдствію, изъ С.-Петербургскаго Духовнаго Правленія отсылали въ Тайную Канцелярію, хотя послѣдняя сама предлагала дѣла о небывшихъ у присягъ „безъ противнаго умысла" рѣшать въ духовномъ судѣ, если они начались тамъ, а въ Тайную передавать лишь тѣхъ преступниковъ, за которыми откроется „противный умыселъ" [4]).

Наказанія за неприсяганіе избѣгали лишь малолѣтніе, которые были во время присяги не болѣе 8 лѣтъ. За дѣтей, бывшихъ отъ 8 12 лѣтъ, расплачивались своею спиною ихъ

---

1) Въ дѣлѣ архива Св. Синода, 1736 г., № 177. Правительство, кажется, пользовалось политическими преступниками для снабженія далекихъ окраинъ Сибири священнослужителями.

П. С. З. IX, 7070 (упоминаніе объ этихъ комиссіяхъ).

Дѣло 1736 г., № 177.

4) Дѣло 1735 г., № 211

отцы [1]), а съ двѣнадцатилѣтняго возраста отвѣтственность возлагалась на самихъ дѣтей, при чемъ взыскивали вмѣстѣ и съ отцовъ.

Въ то время, какъ происходила разборка дѣлъ о присягахъ, жизнь шла своимъ чередомъ. Требовалось пополнять ряды священно и церковно-служителей, и на убылыя мѣста, между прочимъ, попали многіе неприсягавшіе. Въ пылу розысковъ забыли рѣшить самый важный практическій вопросъ: дозволять ли неприсягавшимъ поступленіе въ церковный причтъ? Когда поднялись слѣдственныя дѣла, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали спрашивать, предъ посвященіемъ въ священный санъ или опредѣленіемъ къ церкви, на счетъ присяги. Оказалось много кандидатовъ изъ неприсягавшихъ. Слухъ объ этомъ дошелъ до Синода и сильно встревожилъ духовное правительство. Поспѣшили исправить оплошность по крайней мѣрѣ на будущее время. Дѣло было опасное: было бы не желательно, чтобы правительство само припяло мѣры противъ поступленія въ ряды служителей церкви заподозрѣнныхъ политически личностей. И вотъ въ началѣ 1735 года Синодъ приказалъ всюду требующихъ произведенія въ церковный причтъ церковно-причетниковъ и ихъ дѣтей сначала спрашивать, были ли они у присягъ, и дѣлать о томъ справку, и, пока не будетъ удостовѣрено присяганіе, въ церковный причтъ ихъ не опредѣлять. Кромѣ того, повсемѣстно учинить свидѣтельствованіе: „у вышеозначенныхъ присягъ священно и церковно-служительскія дѣти какъ дѣйствительно при церквахъ обрѣтающіяся, такъ коп въ дѣйствительную службу и не опредѣлены, а въ подушный окладъ не положены, отъ рожденія же себѣ въ оныхъ 1730-мъ и 1731-мъ годахъ имѣли не меньше 8 лѣтъ, а при томъ и сами священно и церковно-служители всѣ-ль коегождо ихъ вѣдомства были и на присяжныхъ листахъ подписались“. Всѣхъ небывшихъ у одной или обѣихъ присягъ обязать не отлучаться изъ своихъ жилищъ подъ страхомъ наказанія, до тѣхъ поръ, пока ихъ „по указамъ въ надлежащія мѣста спросятъ“ [2]), для расправы.

---

1) Дѣло 1736 г., № 177.

2) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1735 г. № 206.

Грозящей расправы нельзя было уже избѣгнуть никакимъ способомъ. Какъ только начались слѣдствія о неприсягавшихъ и посыпались строгіе указы, всѣ непринесшіе присяги устремились къ ней, просили, умоляли привести ихъ, какъ о милости. Но было поздно. Пятно подозрѣнія нельзя было смыть позднимъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. За дѣйствительную считалась теперь только присяга тѣхъ, кто поступалъ въ церковный причтъ изъ подушнаго оклада или же кто былъ не болѣе 8 лѣтъ въ 1730 1731 годахъ [1]). А въ 1736 году не замедлила разразиться во всей силѣ надъ мнимыми политическими преступниками и правительственная гроза. Послѣ плетей имъ пришлось извѣдать солдатчину.

Въ 1736 году потребовалось усиленіе арміи для турецкой войны. Въ половинѣ года русскіе войска должны были удалиться изъ Крыма съ огромными потерями, а между тѣмъ зарождались новые обширные военные планы, требующіе усиленнаго вооруженія. Государство изыскивало всевозможныя средства пополнить порѣдѣвшіе полки, чтобы съ 1737-мъ годомъ сдѣлать рѣшительное наступленіе на Турцію. Тутъ-то государственные люди и вспомнили объ одномъ еще неисчерпанномъ ресурсѣ духовномъ сословіи, во времена петровскіе поставившемъ не мало рекрутъ въ войска. Убѣжденія правительства, его взглядъ на духовенство вообще и въ частности русское -все указывало ему обратиться къ разбору въ духовной средѣ, какъ хорошему средству помочь государственной нуждѣ. Многочисленность духовенства вселяла неискоренимое убѣжденіе въ правителей, что здѣсь много лишнихъ, праздныхъ людей, даромъ пользующихся привиллегированнымъ положеніемъ, не несущихъ главной государственной повинности солдатства. Этотъ праздный людъ, по правительственному убѣжденію, былъ даже вредепъ, такъ какъ „праздность всему злу корень“ [2]). Необразованный, безграмотный, онъ былъ безполезенъ и для церкви, которая нуждалась лишь въ „учительныхъ“, „достойныхъ“ людяхъ. Да даже если церковь и понесетъ какой ущербъ отъ разбора, то, разсуждали, вѣроятно, министры, это нормально, разъ того требуетъ „государственная польза“, стоящая выше

1) Синодскій протоколъ 1736 г., 31 октября.
2) П. С. З. X, 7533.

и прежде всѣхъ иныхъ соображеній. Кстати вспомнили и о неприсягавшихъ. Открывался самый удобный случай покарать ихъ за ихъ „безстрашіе“, а вмѣстѣ извлечь изъ этой кары и выгоду для государства.

Гдѣ зародилась мысль о разборѣ духовенства,—мы не знаемъ. Думается, она вышла изъ Кабинета и потомъ была передана для обсужденія и осуществленія въ Сенатъ. Какъ бы то ни было, 3-го сентября 1736 года Правительствующій Синодъ слушалъ полученную изъ Сената меморію слѣдующаго содержанія. „Синодальныхъ и архіерейскихъ дворянъ и монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ и ихъ дѣтей, также протопопскихъ, поповскихъ, діаконскихъ и прочаго церковнаго причта дѣтей и церковниковъ, неположенныхъ въ подушный окладъ, есть число не малое; того ради взять въ службу годныхъ 7,000 человѣкъ, а сколько оныхъ нынѣ гдѣ на лицо есть, переписать вновь, и за тѣмъ взятіемъ, что гдѣ остается годныхъ въ службу жъ и гдѣ имъ всѣмъ вѣдомымъ впредь быть, о томъ опредѣленіе учинить, дабы они съ прочими въ поборахъ были на ряду.

„Вышеописанныхъ же чиновъ нѣкоторыхъ губерній у присяги не было болѣе 5,000 человѣкъ, изъ которыхъ взять въ службу годныхъ всѣхъ, сколько по разбору явится.

„И о тѣхъ всѣхъ людѣхъ опредѣленіе учинить подъ нѣкоторымъ претекстомъ, чтобъ дознаться не могли и сказки-бъ о нихъ брать безъ утайки, и ту переписку и разборъ кому поручить; и ежели изъ нихъ кто похочетъ напять, тѣмъ дать на волю, смотря по состоянію, одного или двухъ, а прочихъ, кои пожелаютъ, приписывать въ посады, также и въ разсыльщики или куда за способнѣе разсудятся, а дѣтей въ подъячіе“.

Разборка, такимъ образомъ, предстояла генеральная. Не только въ военную службу предполагалось брать церковниковъ и дѣтей духовенства, а часть ихъ записать въ подушный окладъ или другимъ образомъ привлечь на службу государству. Хотѣли, очевидно, радикально очистить духовное сословіе.

Духовному правительству, конечно, нельзя было, по тѣмъ временамъ, противорѣчить правительству свѣтскому. Трудно допустить, чтобы Синодъ искренно сочувствовалъ новому

проекту; церковь всегда смотрѣла на разборы, какъ на бѣдствіе. Но мнѣнія Синода не спрашивали при составленіи проекта; ему только предоставлялось обсудить и развѣ внести нѣкоторыя поправки въ мѣру, уже заранѣе рѣшенную. Синоду оставалось лишь согласиться съ сенатскою меморіею, хотя онъ не преминулъ сдѣлать свои замѣчанія и даже нѣкоторыя ограниченія. Послѣ обсужденія проекта, Сенату отъ Синода было предложено слѣдующее. Изъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей необходимо оставить потребное число для замѣщенія убылыхъ мѣстъ; оставить въ покоѣ обучающихся въ школахъ, посвященныхъ дьячковъ и пономарей, или не посвященныхъ, но дѣйствительно служащихъ. Оставшіеся за разборомъ священно и церковно-служительскіе дѣти должны быть оставлены на разсужденіе Св. Синода для произведенія въ церковныя должности, отвѣтъ на правительственный замыселъ и ихъ изъять изъ духовнаго вѣдомства. Небывшихъ у присягъ взять всѣхъ годныхъ въ службу, *кромѣ* приведенныхъ къ присягамъ отъ коммиссіи и опредѣленныхъ послѣ того въ причтъ; а гдѣ явятся не бывшими всѣ дѣти духовенства, тамъ оставить и изъ нихъ необходимое число для замѣщенія праздныхъ мѣстъ. Свое опредѣленіе Синодъ постановилъ держать въ секретѣ до публикаціи указа.

Замѣчанія Синода были приняты во вниманіе. Указъ былъ составленъ и присланъ изъ Сената въ Синодъ для окончательнаго обсужденія. Послѣднее происходило 21-го сентября. Синодомъ были сдѣланы предложенія новыхъ поправокъ, нѣкоторыя изъ которыхъ были опять приняты, другія нѣтъ (см. ниже примѣчанія). Наконецъ 28-го сентября вышелъ знаменитый именной указъ о разборѣ, за подписаніемъ кабинетъ-министровъ, Сената и Синода.

Указъ гласилъ: „Протопопскихъ, поповскихъ, діаконскихъ, дьячковыхъ и прочаго церковнаго причта дѣтей и самихъ церковниковъ, неположенныхъ въ подушный окладъ, во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ всѣхъ до сущаго младенца переписать, а именно: въ Москвѣ Синодальнаго вѣдомства конторамъ Синодской и Сенатской, въ Губерніяхъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ, какъ по епархіямъ, такъ и Синодальнаго вѣдомства, губернаторамъ и воеводамъ обще съ архіереи, или съ опредѣленными отъ тѣхъ духовными и свѣтскими

персонами, не обходя ни единаго, не ѣздя по уѣздамъ, но при домахъ архіерейскихъ, а для того въ епархіяхъ протопопамъ и попамъ и опредѣленнымъ закащикамъ и старостамъ поповскимъ и діаконамъ и прочимъ церковнаго причта подать сказки немедленно, сколько такихъ нынѣ при церквахъ, или праздно живущихъ находится, и въ каковы кто лѣта, не причитая и не умаляя лѣтъ безъ всякоі утайки, подъ опасеніемъ смертноі казни... и по тѣмъ сказкамъ пересмотрѣть, которые при смотрѣ явятся чѣмъ больны или увѣчны, о томъ на спискахъ отмѣтить". Изъ явившихся по вѣдомостямъ „оставить дѣйствительно при церквахъ служащихъ, сколько такихъ при каждой церкви быть опредѣлено [1]), да сверхъ того по необходимоі нуждѣ, для произведенія на умершія и прочія убылыя мѣста, въ попы и прочіі церковныі причетъ, изъ недѣйствительныхъ толикое жъ число, сколько дѣйствительно служащихъ при каждоі церкви быть опредѣлено, по разсмотрѣнію архіереевъ, въ церковную службу достойныхъ".

По вслѣдъ за послѣдними словами, указъ тотчасъ же дѣлаетъ оговорки весьма существенныя и, къ сожалѣнію, даже неопредѣленныя. Въ число оставляемыхъ на убылыя мѣста включаются, во-первыхъ, школьники, кромѣ учениковъ Славяно-Греко-Латинскоі Академіи [2]); во-вторыхъ, была сдѣлана такая странная вставка: „и которые имѣются при церквахъ посвященные во дьячки и пономари, а хотя и не посвящены, да дѣйствительно тое при церквахъ должность за непмѣніемъ дьячковъ и пономарей правятъ: всѣхъ тѣхъ вмѣщать въ то число, что оставить при церквахъ надлежитъ, по вышеписанному положенію". Эта тирада подала сразу поводъ къ недоумѣнію: вѣдь дѣйствительные церковники занимаютъ штатное мѣсто; какъ же ихъ считать въ числѣ оставленныхъ сверхъ штата, для замѣщенія открывающихся вакансій? Синодъ 21-го сентября хорошо усмотрѣлъ эту неопредѣленность

---

1) По петровскимъ штатамъ 1722 г. (П. С. З. VI, 4072).

2) Это исключеніе было сдѣлано по предложенію Синода 21-го сентября. Въ первоначальномъ указѣ его не было. Но Синодъ потребовалъ или не брать въ лѣкари изъ студентовъ академіи, что практиковалось до сихъ поръ, или же не зачислять ихъ на убылыя мѣста, такъ какъ иначе подобное зачисленіе будетъ отчасти фиктивнымъ они могутъ стать врачами, и церковь лишится кандидатовъ въ причтъ.

и потребовалъ у Сената разъясненія: то ли тутъ „разумѣется, что сколько нынѣ дѣйствительныхъ есть, тѣхъ точію и оставить, или для произведенія на мѣсто умирающихъ и прочими случаи убывающихъ, толикое число оставится сверхъ того изъ недѣйствительныхъ, которые, по разсмотрѣнію архіереевъ, въ такую церковную службу достойны... явятся". Но указъ былъ опубликованъ въ прежнемъ неопредѣленномъ видѣ, что на практикѣ вело къ большимъ затрудненіямъ и давало поводъ къ его разнообразному толкованію.

Желающіе поставить за себя наемщика могли сдѣлать это, причемъ указъ 28-го сентября говорилъ опредѣленнѣе (опять по указанію Синода), чѣмъ первый проектъ: наемщиковъ полагалось брать по „одному и по два человѣка" съ каждой персоны, „смотря по пожиткамъ ихъ".

Оставшихся за опредѣленіемъ къ церквамъ и въ военную службу взрослыхъ не оставили въ вѣдомствѣ Синода. Относительно ихъ повелѣвалось: „кто пожелаетъ, приписывать къ посадамъ, и опредѣлять по канцеляріямъ въ разсыльщики, или куда за пристойно разсудится; а дѣтей ихъ, кои явятся способны, гдѣ есть нужда, въ подъячіе и въ гарнизонныя школы опредѣлять". Въ вѣдомствѣ Синода оставлены были лишь тѣ малолѣтніе дѣти духовенства, которые ни въ воинскую, ни въ церковную службу еще негодны; ихъ опредѣлять въ школы и воспитывать изъ нихъ кандидатовъ на церковныя должности. Учениковъ славяно-греко-латинской академіи „по прежнимъ указамъ опредѣлять въ хирургическую науку, а изъ той науки достойныхъ—въ полки въ лекари". Дѣти духовенства, служащіе канцеляристами и копіистами въ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства, освобождались отъ службы въ войскѣ и не включались также и въ число оставленныхъ на убылыя мѣста [1]).

Мы видѣли, что правительство желало держать дѣло въ секретѣ и перепись духовенству хотѣло произвести подъ „нѣкоторымъ претекстомъ", дабы узнать настоящую правду о количествѣ подлежащаго разбору люда. „Претекстъ" предоставлялось измыслить Синоду по его усмотрѣнію. Синодъ исполнилъ порученіе и въ сентябрьскомъ указѣ предлогъ былъ выставленъ слѣдующій: „Чтобъ обо всѣхъ вышеписан-

1) По предложенію Синода въ предварительномъ обсужденіи указа.

ныхъ чинахъ сказки подавали, и они во опредѣленныхъ мѣстахъ явились безъ утайки: о томъ во всемъ государствѣ публиковать печатными указами подъ такимъ претекстомъ, что та перепись чинится для того, что всѣхъ дѣйствительныхъ священнослужителей съ причетники дѣтямъ велѣно въ надежду священства учиться въ школахъ, чего для онѣ и въ подушный окладъ не положены. А нынѣ вѣдомо учинилось, что многіе дѣтей своихъ въ школы не отдаютъ, но въ подъячіе, по канцеляріямъ и въ прочіе чины производятъ, и другими разными виды отъ того ихъ укрываютъ: того ради велѣно ихъ всѣхъ отъ мала до велика переписать и годныхъ къ ученію отъ негодныхъ разобрать, по которой переписи и разсмотрѣніе учинено будетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ обще съ Святѣйшимъ Синодомъ, а по разобраніи годныя въ школу будутъ опредѣлены, а переросльіхъ и негодныхъ спрашивать будетъ не велѣно, чтобъ потомъ архіереи и ихъ управители болѣе имъ священнослужителямъ съ причетники за негодныхъ утружденія не чинили, и опые священнослужители съ архіереями въ напрасной враждѣ не были". Такимъ образомъ предлогомъ переписи выставлялись интересы самого духовенства. Но Синодъ и правительство не заблуждались на счетъ того, что и въ школу члены духовнаго сословія съ неудовольствіемъ отдаютъ своихъ дѣтей; стало быть и вышеприведенный претекстъ не гарантировалъ показаній „безъ утайки". Поэтому сочли нужнымъ въ указѣ къ разсужденіямъ „претекста" присоединить болѣе осязательное побужденіе: если кто кого утаитъ или покажетъ лѣта ложно, то „тѣмъ учинена будетъ смертная казнь безъ всякія пощады".

Къ неприсягавшимъ нашли возможнымъ отнестись съ еще большей строгостью, чѣмъ къ праздньімъ церковникамъ и священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ. Всѣхъ ихъ (по счету правительства болѣе 5,000 чел.), гдѣ только сыскаться могутъ, велѣно розобрать немедленно, и изъ нихъ „годныхъ въ службы, сколько по разбору явится, (кромѣ тѣхъ, кои изъ церковниковъ и церковническихъ дѣтей, хотя и не были у присягъ, но послѣ по указамъ, по слѣдствію отъ Коммиссіи, къ тѣмъ присягамъ приведены, и какъ въ попы и діаконы посвящены, такъ и въ прочіи церковный причетъ

произведены) [1]), взять въ солдаты немедленно, дабы видя то, другіе такъ безстрашно чинить не отваживались... Ежели жъ такія не бывшія у присягъ поповскія, діаконскія и причетническія дѣти въ которой епархіи явятся всѣ, то изъ тѣхъ оставить, сколько по самой нуждѣ необходимо потребно для церковной службы [2]), хотя и изъ годныхъ въ службу, а прочихъ годныхъ по тому жъ взять въ службу, неотмѣнно“ [3]).

Таковъ былъ грозный указъ 28-го сентября 1736 года, доставившій много горя русскому бѣлому духовенству, послужа началомъ жестокихъ разборовъ аннинскаго времени, опустошившихъ много церквей православной Руси. Одна Малороссія осталась въ сторонѣ отъ разразившейся грозы, благодаря особымъ условіямъ своего быта. Дѣло въ томъ, что тамъ не было наслѣдственнаго духовнаго сословія, не было въ средѣ его и празднаго люда, очищеніе котораго предприняло правительство. Какъ только пришли въ малороссійскія епархіи указы о разборѣ, кіевскій, переяславскій и бѣлгородскій архіереи поспѣшили донести Синоду, что въ ихъ епархіяхъ „такого обыкновенія, дабы дьячкамъ и пономарямъ быть при церквахъ наслѣдственно, не бываетъ, того ради и дѣти ихъ при своихъ приходахъ наслѣдственно не живутъ; но какъ сами церковнослужители, такъ и дѣти ихъ больше въ казачьемъ званіи обрѣтаются, чего ради и въ дѣйствительную службу къ церквамъ не бываютъ опредѣлены, много-жъ того бываетъ, что въ дьячкахъ и пономаряхъ служатъ по мѣсяцу, и по два, и по три, и перемѣняются“. Св. Синодъ рѣшилъ при такихъ обстоятельствахъ „священно и церковно-служительскихъ дѣтей числить при церквахъ за дѣйствительныхъ тѣхъ, которые при тѣхъ церквахъ въ служеніи пребываютъ по новичнымъ отъ архіерейскихъ домовъ даннымъ грамотамъ и указамъ; а у кого такихъ грамотъ и указовъ не имѣется, а служатъ временно по наймамъ, переходя отъ церкви до церкви, а не наслѣдственно, таковыхъ бы числить съ прочими малороссійскаго народа мірскими разныхъ чиновъ людьми по чинамъ отцовъ ихъ“. Такимъ образомъ кругъ малороссійскаго духовенства ограничивался дѣйствительными приходскими штатами. Поэтому Сенатъ

---

1) Синодская вставка.
2) Тоже.
3) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 160. П. С. 3, IX, 7070.

разсудилъ, а Кабинетъ утвердилъ, что въ Малороссіи „священно и церковно-служительскихъ дѣтей и церковниковъ переписывать не надлежитъ“. Точно также исключались еще изъ круга дѣйствій сентябрьскаго указа С.-Петербургъ, Троицкій Александро-Невскій монастырь (его вотчины), Ингерманландскій, Выборгскій и Кексгольмскій уѣзды, „ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ означенныхъ чиновъ людей и ихъ дѣтей излишнихъ... быть не уповаемо“ [1]). А когда изъ земли Войска Донскаго было получено извѣстіе, что эта мѣстность находится въ аналогичномъ положеніи съ малороссійскими епархіями, такъ какъ священно и церковно-служители у нихъ издавна были и есть изъ казаковъ и казачьихъ дѣтей, дѣти духовенства обучаются „Божественныхъ книгъ“ въ особыхъ школахъ, всѣ они служатъ «на войсковомъ жалованіи, и многіе по возрастѣ воспринимаютъ подлинно казачью службу и за службу ихъ въ подушный окладъ не положены»;—то и въ донскихъ казачьихъ городкахъ разборъ былъ отмѣненъ“ [2]).

Когда начался разборъ, то нѣкоторыя лица въ духовенствѣ выразили желаніе вмѣсто братій, дѣтей и племянниковъ своихъ, которые подлежали взятію въ военную службу, поставить купленныхъ людей. При этомъ они выставляли весьма пріятный правительству мотивъ: именно, что они желаютъ обучать своихъ дѣтей и родственниковъ „грамматикѣ, риторикѣ и отчасти философіи, чтобъ они для произведенія въ тотъ духовный чинъ на ихъ мѣста достойны быть могли; а такихъ, которые къ наукамъ не понятны, употреблять будутъ въ купечество, въ цехи и приказные чины“. Узнавъ о такихъ благихъ намѣреніяхъ, правительство рѣшило пойти имъ на встрѣчу, разсудивъ, что изъ того „какъ государственная, такъ и ихъ собственная польза быть можетъ“. Но, кажется, оно позаботилось больше о пользѣ государственной, потому что предложило слѣдующія условія. Уже въ указѣ 28-го сентября собственно было разрѣшеніе ставить наемщиковъ, такъ что просьбы, исходящія отъ духовныхъ лицъ, имѣли по всей вѣроятности въ виду выхлопотать болѣе льготныя и опредѣленныя условія (въ указѣ 28 сент. было сказано: брать одного или двухъ наемщиковъ, смотря по пожиткамъ тѣхъ, кто

1). П. С. З. X, 714
2) П. С. З. X, 7331.

ихъ ставить; а опредѣлять степень зажиточности можно было различно). Теперь правительство, дѣйствительно, высказалось опредѣленнѣе, но мало было утѣшительнаго въ этой опредѣленности. Повелѣвалось брать за каждаго, подлежащаго разбору, изъ купленныхъ людей по одному, но кромѣ того еще 30 рублей „на жалованье имъ и на мундиръ, ружье и амуницію". Можно было откупиться и деньгами; только сумма откупа была назначена въ 200 рублей—цѣлое состояніе по тому времени [1]). Однако, этого мало. Чтобы откупившіеся не подумали, что они могутъ не исполнить свои обѣщанія учиться, правительственный указъ требовалъ отъ нихъ строгаго обязательства къ тому, а для большей внушительности опять припугнулъ и той солдатчиной, которой они мечтали избѣгнуть. Когда будутъ приняты люди или деньги, говорилось въ указѣ, тогда заплатившихъ то или другое „самихъ отъ службы освобождать и давать имъ паспорты; однако-жъ, при отпускѣ ихъ, брать съ нихъ реверсы, чтобъ они, кто пожелаетъ въ духовенство, обучались грамматикѣ и риторикѣ, и кто охоту возъимѣетъ, и философіи; тако жъ кто пожелаетъ вступить въ приказный чинъ, тѣ бъ обучились ариѳметикѣ и геометріи, и чтобъ тѣ науки окончить могли конечно въ три года, и для того всѣхъ тѣхъ освобожденныхъ отъ службъ, по происшествіи тѣхъ трехъ лѣтъ, освидѣтельствовать въ епархіяхъ архіереямъ обще съ губернаторами и воеводами и съ ихъ товарищами, чему кто обучались, и кто изъ нихъ отчасти науку приняли, такихъ опредѣлить по достоинствамъ въ духовные и приказные чины; а кто все то время праздно проводили безъ науки, такихъ тогда писать въ солдаты безъ всякаго зачета; а ежели кто изъ нихъ нынѣ въ духовный и приказный чинъ не пожелаютъ, такимъ позволить записываться въ купечество и въ цехи и класть ихъ въ подушный окладъ" [2]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что число лицъ, воспользовавшихся приведеннымъ указомъ правительства было ничтожно. Лишь рѣдкіе, весьма состоятельные люди могли располагать такими средствами, чтобы откупиться отъ солдатства; а строгія обязательства относительно

---

1) Рубль 1730—1740 гг; по вычисленію Семевскаго, равнялся 7 р. 75 к. нынѣшнимъ (В. И. Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II", т. II, Спб. 1901 г., стр. 15, примѣч.).

2) П. С. З. X, 7169, 6 февраля 1737 г.

обученія, заставлявшія взрослыхъ недорослей садиться за учебную скамью, съ рискомъ въ случаѣ неприлежанія или тупости угодить въ военную службу, отнимали охоту пріобрѣсти себѣ свободу и у состоятельныхъ [1]).

Между тѣмъ указъ 28-го сентября всколыхнулъ всѣ уголки Россіи, все русское духовенство. Едва онъ встрѣтился съ дѣйствительною жизнью, какъ сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что это было чисто кабинетно выработанное произведеніе. Новый законъ, при дѣйствіи на практикѣ, оказался наполненнымъ противорѣчіями, нисколько не сообразованнымъ съ условіями дѣйствительности.

Правительство приступало къ разбору въ полной увѣренности, что духовное сословіе переполнено праздными людьми, что многочисленность его ручается за то, что и церкви будутъ удовольствованы и полки укомплектованы. Св. Синодъ, кажется, не совсѣмъ раздѣлялъ это убѣжденіе. Разсылая свои указы во исполненіе указа сентябрьскаго, онъ усплепно настаивалъ, чтобы было оставлено „падлежащее число людей для замѣщенія убылыхъ мѣстъ [2]); а въ январѣ 1737 г., когда правительство стало торопить рзборъ, Синодъ опять дѣлалъ предостереженія епархіальнымъ властямъ, чтобы церкви „конечно были удовольствованы, и никакой въ томъ преобиды отнюдъ чинено не было“, чтобъ въ церковный причтъ опредѣляемы были „конечно достойные люди, т. е. немалолѣтніе и непрестарѣлые и во чтеніи книжномъ искусные, и сколько возможно бъ были бъ состоянія добраго, въ лѣтахъ же своихъ къ произведенію впредь въ діаконы и попы отъ 25—30 лѣтъ, а во дьячки и пономари не меньше 15

---

1) Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя по этому поводу. Откупившіеся считались прямо большею частью единицами, причемъ всетаки, видимо, было легче поставить купленнаго человѣка и отдать 30 р., чѣмъ заплатить 200 р. Въ пензенской провинціи поставили за себя рекрутъ 8 чел.; въ крутицкой епархіи—11 ч. и 1 заплатилъ 200 р. (Дѣло 1740 г. № 279); въ костромской—6; тульской—2; владимірской—3; орловской -11; симбирской—12; устюжской—4. Большія цифры въ епархіяхъ тверской—49, казанской—65, нижегородской -111; но это объясняется тѣмъ, что количество подвергшихся разбору здѣсь гораздо значительнѣе другихъ мѣстъ. Такъ въ тверской еп. взято въ службу 506 ч., въ казанской—1,464, въ нижегородской—1,233 (Дѣло 1742 г. № 401).

2) Дѣло въ арх. Св. Синода 1736 г. № 160.

лѣтъ“ [1]). Такія усиленныя предостереженія даютъ замѣтить скрытое опасеніе, что указъ грозитъ „преобидить“ церковь. Такъ дѣйствительно и случилось. Едва въ началѣ 1737 года стали приходить донесенія изъ епархій о ходѣ разбора, какъ опредѣлилось, что радужная увѣренность правительства не оправдывается. Во многихъ мѣстахъ, если исполнить въ точности указъ 28-го сентября, то отдавать въ солдаты было некого. Въ указѣ повелѣвалось, кромѣ полнаго штатнаго комплекта причтовъ церквей, оставить еще такое же число для замѣщенія освобождающихся вакансій. Между тѣмъ вотъ что писали изъ первопрестольной Москвы въ Петербургъ.

„По учиненнымъ изъ сказокъ московскихъ соборовъ и всѣхъ церквей о протопопскихъ, поповыхъ, дьяконовыхъ, дьячковыхъ и прочаго церковнаго причта дѣтяхъ и самихъ церковникахъ наличныхъ при церквахъ обрѣтающихся вѣдомостямъ... является, что не токмо изъ оныхъ московскаго причта людей кого на службу взять возможно, но... ежели числить при каждой церкви по единому дьячку да по единому пономарю и противъ того еще по толикому числу оставить, то нетокмо дѣйствительныхъ, но и малолѣтнихъ считая отъ 9 лѣтъ и выше (кромѣ обрѣтающихся въ славяно-греколатинской академіи учениками), не наполняется, и тако, хотя оным московскимъ церковнаго причта людемъ смотръ производить и начать, но токмо, какъ видно, въ службу брать некого“ [2]). При этомъ приводили и цифровыя данныя. Во всей Москвѣ имѣлось 293 церкви, при нихъ имѣется дѣйствительнаго причта: дьячковъ и псаломщиковъ 221, пономарей и сторожей 237; итого 458. Считая по одному дьячку и пономарю при церкви, для наполненія даже числа дѣйствительнаго причта не хватало 129 человѣкъ; по указу же нужно было еще оставить въ запасъ равное штатному число.

Синодъ, было, усомнился сильно въ истинности показанія московской синодальнаго правленія канцеляріи, „ибо сколько откуду изъ епархій извѣстій въ присылкѣ въ Св. Синодъ не имѣется, подобнаго образца и скудости толикой въ церковномъ причтѣ и въ числѣ дѣтей ихъ нигдѣ еще не показалось“. Поэтому духовное правительство распорядилось:

1) Дѣло въ арх. Св. Синода 1737 г. № 200.

2) Дѣло въ арх. Св. Синода 1736 г. № 177. Доношн. отъ 16 февраля 1737 г.

собравъ священно и церковно-служителей московскихъ, съ угрозой ссылки въ Сибирь или въ вѣчную работу въ Оренбургъ, опросить ихъ вновь о ихъ дѣтяхъ „по сущей правдѣ“, не утаили ли они кого, контролируя ихъ показанія посторонними свидѣтельствами. Однако, повидимому, сомнѣніе Синода было не совсѣмъ искренно и онъ не надѣялся на результатъ новаго грознаго опроса, потому что вслѣдъ за тѣмъ прибѣгъ къ слѣдующей комбинаціи. Приказывалось собрать справки, нѣтъ ли гдѣ дѣтей духовенства—сиротъ, о которыхъ некому было сообщить свѣдѣнія. Ихъ Синодъ обрекалъ на жертву правительственному указу, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ неисправности. Если таковые найдутся, то изъ нихъ годныхъ велѣно взять въ солдаты; а негоднымъ присуждалось, весьма несправедливо, учинить плетьми нещадное наказаніе за то, что „они себя отъ переписки утаили и не явились“. Равнымъ образомъ безпощадно обрекались на солдатчину всѣ тѣ дѣти духовенства, которыя или покинули духовное вѣдомство, или безполезны для него по другимъ причинамъ. Таковы—избѣгавшіе школьнаго ученія, выбывшіе въ подъячіе, въ купечество, живущіе у помѣщиковъ, служащіе въ сторожахъ, приставахъ, на фабрикахъ. Этихъ отщепенцевъ духовнаго сословія Синодъ не жалѣлъ въ угоду правительству и теперь даже нѣкоторымъ образомъ какъ бы мстилъ имъ за уходъ отъ церкви и служенія ей [1]).

Изъ Архангельска было получено донесеніе такого же неутѣшительнаго характера, какъ и изъ Москвы. Въ февралѣ 1737 года епископъ Ааронъ послалъ краткую вѣдомость, изъ которой Синодъ могъ убѣдиться, что поразившій его „образецъ скудости“ первопрестольной столицы былъ далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ архангельской епархіи оказалась скудость еще большая. Здѣсь на 233 церкви требовалось по штату 786 человѣкъ причта. До этого числа недоставало въ данное время 50 человѣкъ (11 поповъ, 7 дьяконовъ, 16 дьячковъ, 16 попомарей). Требовалось, такимъ образомъ, 50 кандидатовъ для замѣщенія существующихъ свободныхъ вакансій, да, согласно правительственному указу, 736 человѣкъ для опредѣленія впредь на убылыя мѣста; всего 786. Въ наличности же было всего изъ дѣтей духо-

1) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 177.

венства: бывшихъ у одной присяги—64 ч., неприсягавшихъ совсѣмъ 236 ч.; изъ нихъ 107 грамотныхъ и достойныхъ опредѣленія въ причтъ, 48 полуграмотныхъ и 87 неграмотныхъ; малолѣтнихъ отъ 6—15 лѣтъ, подлежащихъ опредѣленію въ школы, 376 ч., да самыхъ малолѣтнихъ до 7 лѣтъ отъ рожденія, которые никуда еще негодны, 222 ч. Если, говорилъ еп. Ааронъ, въ требуемое число 786 челов. включить и присягавшихъ (64) и неприсягавшихъ, грамотныхъ и полуграмотныхъ, то будетъ всего 219 ч. и не достанетъ еще 567 ч. А если даже сюда присоединить и 376 ч. малолѣтнихъ отъ 6—15 лѣтъ, считая ихъ впредь кандидатами на свободныя мѣста, то всетаки ничѣмъ не покроется недостатокъ 191 чел. [1]).

Нижегородская консисторія донесла о состояніи обширной нижегородской епархіи также недобрыя вѣсти. Здѣсь оказалось, что „сколько дѣйствительно служащихъ при церквахъ святыхъ церковниковъ и священно и церковно-служительскихъ дѣтей по сказкамъ нынѣ имѣется, сверхъ того толикаго же числа недѣйствительныхъ священно и церковнослужительскихъ же дѣтей, которыхъ, по силѣ указа, повелѣно оставить для произведенія на умершія и прочія убылыя мѣста, въ попы и прочій церковный причетъ, кромѣ неумѣющихъ грамотѣ и малолѣтнихъ, коихъ въ число за дѣйствительные включать не велѣно, не имѣется; и не точію ко взятію въ службу остатка не будетъ, но и святыхъ церквей таковымъ полнымъ числомъ по силѣ указа укомплектовать не можно". Консисторія подтверждала свое доношеніе убѣдительными статистическими данными. Въ нижегородской епархіи и приписныхъ къ ней городахъ синодальной области значится 945 церквей; 9 изъ нихъ праздныхъ, не имѣютъ ни священниковъ, ни причетниковъ; 160 великоприходныхъ (отъ 200—600 дворовъ), такъ что къ нимъ требовалось бы еще прибавить по дьячку и пономарю—320 человѣкъ. При тѣхъ церквахъ необходимо всего быть 1.916 церковниковъ, да 9 поповъ къ праздным 9-ти церквамъ—итого 1.925 ч.; если сюда присоединить 320 чел., требуемыхъ къ церквамъ великоприходнымъ, то получится цифра въ 2.245 ч. Между тѣмъ, считая дѣйствительныхъ наличныхъ церковниковъ и

---

1) Дѣло въ арх. Св Синода 1736 г. № 166.

тѣхъ грамотныхъ и полуграмотныхъ дѣтей духовенства, которыхъ можно опредѣлить къ церквамъ, то будетъ всего 2.087 человѣкъ—число, недостаточное для пополненія существующихъ вакансій. Были еще безграмотные взрослые священно и церковно-служительскія дѣти (825 ч.) и малолѣтніе отъ 7—15 лѣтъ (1.208 ч.), которыхъ можно было бы зачислить впредь на убылыя мѣста; но все-таки недоставало еще нѣсколько сотъ для точнаго выполненія правительственнаго указа. Всѣ же остальныя дѣти духовенства были никуда негодны—отбылыя, безумныя, дряхлыя, престарѣлыя, больныя, малолѣтнія до 7 лѣтъ [1]).

Преосвященный Аѳанасій Суздальскій представилъ Синоду, что и въ его епархіи ощущается недостатокъ духовенства, не позволяющій не только разбора, но даже исполненія указа о удовольствованіи церквей. При 497 церквахъ суздальской епархіи требовалось быть 994 церковниковъ (по одному дьячку и пономарю): столько же, стало быть, нужно оставить для замѣщенія праздныхъ мѣстъ. По переписи же явилось „церковнаго причта людей и ихъ дѣтей“ 2.595 человѣкъ, изъ которыхъ 1.188 малолѣтнихъ (773 до семи лѣтъ, остальные отъ 7—15), „которые всѣ, по нашему разсмотрѣнію,—говорилъ архіерей,—негодны въ церковную службу“. Гдѣ же тутъ думать о разборѣ? [2]).

Такъ жизнь громко вопіяла противъ правительственнаго замысла. Указъ 28-го сентября, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался безпочвеннымъ созданіемъ. Кромѣ того, самый способъ начатаго разбора и его обстановка причиняли немало замѣшательствъ въ церковной жизни. Правительство хотѣло въ началѣ держать дѣло въ секретѣ и выдумало „претекстъ“, чтобы обмануть духовенство насчетъ истиннаго смысла объявленной переписи. Разсылая указы по епархіямъ, Синодъ требовалъ строго соблюдать тайну и не объяснять дѣтямъ духовенства, „что ко взятію изъ нихъ въ воинскую службу касается, ни подъ какимъ видомъ“, до самаго взятія въ военную службу [3]). Вообще предполагалось сдѣлать всѣ предварительныя къ разбору приготовленія тихо и незамѣтно. Въ дѣйствительности же это было не всегда возможно. Такъ,

1) Дѣло въ арх. Св. Синода 1736 г. № 171.
2) Дѣло въ арх. Св. Синода 1736 г. № 164.
3) Дѣло въ арх. Св. Синода 1736 г. № 160.

тотъ же суздальскій епископъ Аѳанасій въ своемъ донощеніи представлялъ, что „при разборѣ явилось, что при многихъ церквахъ церковниковъ никого не имѣется, а при многихъ имѣется излишество, токмо не опредѣлены дѣйствительно, а живутъ при родителяхъ своихъ у присяги небывшіе. И ежели изъ таковыхъ назначить при оныхъ къ церквамъ на праздныя мѣста толико, колико надлежитъ быть токмо дѣйствительныхъ, то надобно перевести ихъ отъ села въ село, и потому надлежитъ имъ объявить, что они назначены быть дьячкомъ и пономаремъ при такихъ церквахъ, дабы нынѣшнимъ зимнимъ путемъ могли строеніемъ себѣ удовольствоваться, у кого на сѣмена хлѣба не имѣется, въ благое время себѣ промыслить, пахать и сѣять, чтобы имѣли чѣмъ жить съ женами и дѣтьми весь годъ. А указомъ запрещено имъ сіе объявить, а содержать за самымъ секретомъ, еже и содержится“. Потому Аѳанасій спрашивалъ, „что повелится, перевести ихъ, объявить сіе, или нѣтъ„ [1]).

Но самое сильное осложненіе въ церковную жизнь внесло, въ связи съ разборомъ духовенства, дѣло о неприсягавшихъ. Разъ вспомнивъ о нихъ въ сентябрьскомъ указѣ 1736 года, правительство не покидало ихъ уже своимъ вниманіемъ и съ холодною жестокостью вело ихъ отдачу въ солдаты. Мы видѣли, что при раннѣйшихъ слѣдствіяхъ неприсягавшихъ были плетьми; теперь имъ предстояла кромѣ того военная служба. Но такъ какъ многіе еще не получили осязательнаго возмездія за свое „безстрашіе“, ибо дѣло о присягахъ и розыски не были далеко кончены въ 1736 году, то правительство сочло нужнымъ подтвердить, чтобы и теперь, при разборѣ, не подвергшихся тѣлесному наказанію не лишали этого удовольствія и уже послѣ плетей брали въ солдаты [2]). Самое слѣдствіе о присягахъ съ 28-го сентября 1736 года возобновилось съ новою силою. Послѣ указа о разборѣ, Синодъ приказалъ учредить (вѣроятно, прежнія коммиссіи прекратили свою дѣятельность, или же онѣ поощрялись къ новому рвенію) особливыя коммиссіи „для слѣдопроизвожденія о вышереченныхъ неприсягавшихъ церковнослужителяхъ и ихъ дѣтяхъ“ изъ представителей свѣтской и духовной власти (воеводы и архіереи). Въ эти коммиссіи, учрежденныя по

1) Дѣло въ арх. Св. Синода 1736 г. № 164.
2) П. С. З. IX, 7133.

губернскимъ городамъ, вызывались неприсягавшіе на допросъ. Любопытны тѣ допросные пункты, которые имъ предъявлялись. По этимъ пунктамъ можно отчасти судить, что подозрѣвала власть въ фактѣ неприсяганія. Авторство ихъ принадлежало, кажется, Тайной Канцеляріи, такъ что они проливаютъ свѣтъ именно на тѣ подозрѣнія, которыя имѣло правительство. Неприсягавшихъ допрашивали слѣдующимъ образомъ. „У въ прошлыхъ 1730-мъ и 1731-мъ годахъ состоявшихся присягъ не были они чего ради, и не имѣли-ль въ томъ тѣхъ присягъ исполненіи каковаго сумнительства, сверхъ того и сицеваго, ежели они тѣ присяги дѣйствительно исполнятъ, то имъ будетъ (яко бы) во грѣхъ, разсужденія, и буде такое разсужденіе у нихъ имѣлось, съ чего именно, т. е. съ словесныхъ ли съ кѣмъ разговоровъ или съ какого и письменнаго поученія; и буде то было, давно-ль, и какимъ образомъ; и гдѣ такое злое наставленіе, ежели было письменное, у кого нынѣ имѣется, и чего ради они о такомъ плевосѣяніи напредь сего ни словесно, ни письменно нигдѣ не объявили, и не имѣли ли въ томъ отъ кого, дабы имъ нигдѣ и никому того не объявлять, подъ каковымъ либо страхомъ запрещенія .. Также къ ея императорскому величеству и къ россійской имперіи не было ли отъ нихъ какого недоброжелательства, и, буде было, для чего“. Упоминаемыя здѣсь письма повелѣвалось особенно розыскивать „со всякимъ испытаніемъ“, и въ случаѣ, если таковыя найдутся, то лицъ, у кого онѣ найдены, вмѣстѣ съ находкой отсылать немедленно въ Тайную Канцелярію „подъ крѣпкимъ карауломъ“ [1]).

Изъ приведенныхъ допросныхъ пунктовъ очевидно, что подозрѣвали какую-то тайную пропаганду, отчасти политическую, отчасти религіозную. Политическая понятна: въ пунктахъ намекается ясно на нерасположеніе къ правительству и тѣ слухи („сумнительство“), которые бродили въ обществѣ и народѣ при смутныхъ обстоятельствахъ вступленія на престолъ императрицы [2]). Менѣе ясно замѣчаніе о

---

1) Дѣло въ арх. Св. Синода 1737 г. № 199. Синод. указ. Питириму нижегор.

2) Ясные намеки на подозрѣніе политической пропаганды даютъ допросы Т. К. нѣкоторымъ лицамъ. Такъ архим. Крестнаго мон. новг. еп. Сергія, не приводившаго церковнич. дѣтей къ присягѣ, а заставившаго

„грѣхѣ“, дающее мысль о религіозной подкладкѣ неприсяганія; рѣчь здѣсь касается, надо думать, тѣхъ теченій съ сектантскимъ характеромъ, которыя существовали въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка. При этомъ въ глазахъ правительства могъ и тутъ примѣшиваться политическій оттѣнокъ. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ участниковъ Ѳеофановскихъ процессовъ, Михаилъ Петровичъ Аврамовъ, подавшій въ 1730 г. императрицѣ Аннѣ проектъ „о должности, какъ ея императорскому величеству управлять... имперіею“, писалъ въ этомъ проектѣ нижеслѣдующее. „Въ началѣ всего, по заповѣди Христовой, настоящую присяжную страшную клятву впредь весьма оставить надобно, понеже о томъ и св. Златоустъ въ бесѣдахъ на дѣянія въ нравоученіи восьмомъ пишетъ, яко клянущіеся ниже на прагъ церковный вступить суть достойны и не клясться отнюдь, паче же Бога свидѣтеля не призывати“ [1]). Аврамовъ принадлежалъ, какъ извѣстно, къ той партіи, борьбѣ съ которой посвятилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ послѣдніе годы своей жизни и которую онъ всегда выставлялъ въ глазахъ правительства политически не благонадежной. Не поставила ли изворотливая сообразительность Тайной Канцеляріи фактъ неприсяганія въ средѣ духовенства въ связь съ Аврамовскими убѣжденіями? Весьма возможно, что тѣ письма, которыхъ такъ ревностно доискивались, считали исходящими отъ противоправительственной фракціи, сѣющей плевелы въ народѣ на религіозной почвѣ. Тогда уклоненіе отъ присяги, хотя бы по религіознымъ побужденіямъ, становилось вмѣстѣ и политическимъ преступленіемъ.

Какъ бы то ни было, дѣло о присягѣ значительно усиливало тяжесть разбора. Высшія духовныя власти, опасаясь обвиненія въ послабленіи, относились съ такой же почти без-

---

ихъ просто подписаться, спрашивали: какія онъ имѣлъ при этомъ темныя мысли, „на кого надѣялся“, и „не было ль ему архимандриту, чтобъ такъ чинить, отъ кого письменнаго или словеснаго сообщенія“ (А. С. С. Дѣло 1735 г. № 153).

1) *Чистовичъ.* Ѳеофанъ Прокоповичъ. Стр. 268-269. Отрицательные взгляды на присягу, ходившіе среди людей старо-церковной партіи, были настолько распространены, что Ѳеофанъ Прокоповичъ въ опроверженіе ихъ долженъ былъ въ 1731 году написать свое «Разсужденіе о присягѣ или клятвѣ: подобаетъ ли христіанамъ присягать или клятися всемогущимъ Богомъ» (П. Морозовъ, «Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель»; Спб. 1880 г., стр. 358).

пощадностью къ неприсягавшимъ, какъ свѣтское правительство. Учрежденнымъ по епархіямъ комиссіямъ даны были самыя строгія инструкціи. Дѣйствительной считалась присяга не позднѣе полгода по полученіи указовъ о присягѣ и присяжныхъ листовъ къ духовному начальству. Присягавшіе позже этого времени подлежали отвѣтственности за неприсяганіе. Бывшіе во время присяги выше 12-ти лѣтъ наказывались плетьми, равно и отцы ихъ, и верстались въ солдаты. За дѣтей до 12-ти лѣтъ отвѣчали спиною отцы [1]). Это прежнія еще постановленія. Но были, какъ мы знаемъ, неприсягавшіе, произведенные уже въ попы и діаконы Объ нихъ Синодъ распорядился—учинить и имъ нещадное плетьми наказаніе, хотя и оставить въ своемъ чинѣ [2]). Несмотря на указъ 1735 года, воспрещавшій производить въ причтъ неприсягавшихъ, часто, по требованіямъ жизни, это распоряженіе нарушалось. Даже послѣ указа 28-го сентября 36-го года производство неприсягавшихъ продолжалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Объ этомъ узнала Тайная Канцелярія и предложила (31 янв. 1737 г.) таковыхъ, посвященныхъ послѣ сентябрьскаго указа, наказать плетьми и забрать въ солдаты, по примѣру прочихъ, а о тѣхъ, кто произвелъ ихъ въ причтъ, „изслѣдовать“. Однако, на этотъ разъ Синодъ (3 февр. 1737 г.) рѣшился вступиться, такъ какъ слишкомъ уже унизительно было для священнаго сана попасть въ солдатчину, къ тому же за невольную вину. Тайной Канцеляріи было представлено отъ Синода, что въ посвященіи послѣдняго рода лицъ посвящавшіе виноваты болѣе посвященныхъ, ибо прежними синодскими указами подобныя посвященія были запрещены. Поэтому священниковъ и діаконовъ слѣдуетъ лишь только наказать плетьми—(приведеніе къ присягѣ во всѣхъ такихъ случаяхъ разумѣется само собою)—и оставить въ санѣ, а вмѣсто того съ архіереевъ, посвящавшихъ ихъ, взять, за каждаго, наемнаго рекрута или 50 рублей штрафу, изъ ихъ личныхъ средствъ, въ военную коллегію; церковниковъ же (опредѣленныхъ послѣ указа 28 сент.) брать въ солдаты, но лишь отъ тѣхъ церквей, гдѣ

1) Дѣло 1737 г. № 199.
2) Дѣло 1736 г. № 172

отъ этого не можетъ воспослѣдовать нужда [1]).

Строгость правительства къ церковнослужителямъ и дѣтямъ духовенства, не бывшимъ у присягъ, открывала широкое поле для утрированной ревности областнаго начальства. Хотя указъ 28-го сентября освобождалъ отъ разбора дѣйствительныхъ церковниковъ, приведенныхъ къ присягѣ отъ комиссій, хотя и послѣ срока; но провинціальныя власти не стѣснялись особенно этимъ распоряженіемъ. Въ декабрѣ 1736 года изъ Новгорода Синоду донесли, что новгородскій вице-губернаторъ, несмотря на представленія опредѣленныхъ духовныхъ особъ, побралъ и записалъ въ солдаты опредѣленныхъ къ церквамъ въ причтъ церковниковъ, приведенныхъ къ присягамъ коммиссіей, „и за тѣмъ взятіемъ при церквахъ, у которыхъ оные были опредѣлены, за неимѣніемъ другихъ священно-служителей, тѣ церкви опустѣли, и никого на тѣ мѣста къ произведенію въ чины не имѣется, зачѣмъ какъ въ праздничные, такъ и викторіальные дни во многихъ церквахъ будетъ не безъ остановки". Синодъ потребовалъ отъ Сената, чтобы ревность вице-губернатора была пріостановлена, чтобы дѣйствительныхъ церковниковъ, присягу принесшихъ по слѣдствію отъ коммиссіи, въ солдаты бы не брали, а отмѣченныхъ, но не отданныхъ еще, возвратили бы къ церквамъ по прежнему. Кромѣ этихъ подвиговъ, вице-губернаторъ отличился и другими:—вопреки указу, повелѣвавшему наполнить церковные причты и оставить такое же число въ запасѣ, „и послѣднихъ дѣйствительныхъ церковниковъ отъ нѣсколькихъ церквей отнялъ и взялъ въ солдаты, въ томъ числѣ нѣсколько и школьниковъ, которые въ надежду священства въ архіерейской школѣ обучены были и нѣсколько жъ и подъяковъ побралъ". Затѣмъ исполнительный администраторъ Новгорода вмѣстѣ съ губернской канцеляріей разсудили, что слѣдуетъ считать вторую присягу дѣствительной только ту, которая была принесена въ 1731 году; присягавшихъ же позже, даже въ началѣ 1732 года, новгородская губернская канцелярія обрекала на солдатчину. Синодъ постарался умѣрить ревность администратора и здѣсь, представляя Сенату, что хотя „въ томъ 1731 году оной присяги" вся новгородская епархія и

---

1) Дѣло 1737 г. № 199.

не исполнила, „а въ 1732 году въ первой половинѣ года исполнили“, однако этого въ вину ставить нельзя, потому что указъ о присягѣ вышелъ въ концѣ декабря, стало быть исполнить его въ томъ же году не было физической возможности. Поэтому Синодъ прямо обвиняетъ вице-губернатора Бредихина въ умышленномъ придирательствѣ и пристрастіи, требуя, во избѣжаніе недоразумѣній, точно установить срокъ, послѣ котораго присяга не вмѣняется за истинную и своевременную (срокъ потомъ установленъ въ полгода).

Губернія стала оправдываться и обвинять въ свою очередь духовное начальство. Послѣднее будто бы препятствуетъ разбору, не позволяя брать въ военную службу приведенныхъ къ присягамъ отъ коммиссіи, хотя и не опредѣленныхъ въ причтъ, не присылаетъ нужныхъ вѣдомостей. Извѣстіе о взятіи дѣйствительныхъ церковниковъ губернія признавала ложнымъ; взято, правда, 19 человѣкъ таковыхъ, но это число легко наполнить изъ оставшихся безмѣстныхъ церковниковъ и дѣтей и школьниковъ (193 ч.), Кромѣ того, губернія жаловалась, что въ кандидаты на убылыя мѣста, коихъ велѣно оставлять по указу, духовныя власти опредѣляютъ годныхъ въ военную службу, тогда какъ, по мнѣнію губернскаго начальства, въ это число должно зачислять лишь негодныхъ въ солдаты, такъ какъ иначе можно почти всѣхъ расписать на убылыя и престарѣлыя мѣста и въ кандидаты на будущія вакансіи, къ чему видимо и стремятся епархіальные управители.

Сенату предстояло рѣшить споръ двухъ вѣдомствъ. Была конференція съ Синодомъ, и результатомъ ея явилось сенатское опредѣленіе. Въ вопросѣ о взятіи въ службу присягавшихъ по слѣдствію коммиссіи и не опредѣленныхъ въ причтъ, правительство приняло сторону новгородской губерніи: всѣхъ таковыхъ годныхъ, „за таковое ихъ преступленіе и чтобъ, видя, другіе такъ безстрашно чинить не отваживались“, не обходя никого, брать въ солдаты. Но на счетъ взятія дѣйствительныхъ церковниковъ Синодомъ были представлены такія убѣдительныя данныя, что нельзя было не внять имъ. Не 19 человѣкъ таковыхъ было взято, какъ говорилъ вице-губернаторъ, а цѣлыхъ 200. Сенатъ приказываетъ возвратить тѣхъ изъ нихъ, которые въ полки не отосланы, а на мѣсто отосланныхъ опредѣлить изъ оставшихся за разборомъ въ

службу негодныхъ; если и таковыхъ къ удовольствію церквей не хватитъ, то взять и изъ годныхъ въ службу, но присягавшихъ, и то не больше потребнаго на дѣйствительный штатъ числа. Вообще, видимо, правительство съ большою неохотой дѣлало ограниченія ревностныхъ администраторовъ. Свое распоряженіе о возвращеніи взятыхъ незаконно въ войска оно обставляетъ многочисленными замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: „если по необходимой нуждѣ безъ нихъ пробыть невозможно“, „если подлинно безъ нихъ при церквахъ обойтись не можно“, если „другихъ на ихъ мѣста опредѣлить будетъ некого“. [1]).

Правительственный указъ 28-го сентября между тѣмъ все больше расходился съ жизнью, и все отчетливѣе выступали его внутреннія противорѣчія. Дѣло о разборѣ неприсягавшихъ дѣлало совершенно невозможнымъ исполненіе другихъ пунктовъ сентябрьскаго опредѣленія. Донесенія изъ многихъ епархій, какъ мы уже видѣли, показали, что духовное сословіе тамъ не настолько вовсе многочисленно, чтобы выставить изъ своей среды даже такой контингентъ, какой требовался для замѣщенія существующихъ вакансій и для запаса впредь на свободныя мѣста. Предписаніе же взять въ

---

1) П. С. З. X, 7198. Злоупотребленія при разборѣ были неизбѣжны. Люди, завѣдывавшіе этимъ дѣломъ, не упускали случая поживиться на счетъ духовенства или дать разгулъ своей грубой натурѣ, такъ что множество обидъ приходилось претерпѣть духовенству не только отъ высшихъ властей, но и отъ второстепенныхъ. Въ той же новгородской губерніи, напримѣръ, великолуцкій воевода Черцовъ съ канцеляристомъ Сивцовымъ, безжалостно обирали и тиранили служителей церкви. Отъ 30 апрѣля 1737 года новгородская коммиссія о разборѣ доносила Синоду, что, по приказанію Черцова, многіе священнослужители, дьячки и пономари безъ опредѣленія биты плетьми, а за что, про то невѣдомо, да къ тому же еще многіе священно-служители и причетники особливо биты руками канцеляриста Потала Сивцовскаго .. Берутъ за сказки съ каждаго попа по 30 и по 50 к., съ дьячка и пономаря по 15 и по 20 к., а съ другихъ по 80 и по 100 к. и болѣе, а ежели кто не даетъ, то таковыхъ вышепоказанный канцелярнстъ Сивцовскій своими руками деретъ за волосы и бьетъ по щекамъ и топчетъ ногами, яко злодѣевъ, и продолжаетъ многое время волокитами для своихъ бездѣльныхъ корыстныхъ цѣлей и не пишетъ сказокъ, по недѣлѣ и по двѣ волочитъ, отъ чего уже многіе не токмо священнослужители, діаконы и прочіе церковные причетники и ихъ дѣти, но и сущіе младенцы съ матерями бѣдствуютъ и плачутъ неутѣшно“ (Дѣло 1737 г. № 206).

службу всѣхъ годныхъ неприсягавшихъ еще болѣе обострило положеніе дѣлъ. Неприсягавшихъ позволялось оставлять *только* на дѣйствительныя приходскія должности, не выходя изъ предѣловъ крайней потребности. Сенатское опредѣленіе по поводу новгородской тяжбы подтверждало это. Но число неприсягавшихъ было огромное (гораздо болѣе 5,000). Большинствво дѣтей духовенства не были у присяги, а изъ нижегородской епархіи пришло извѣстіе, что тамъ лишь 13 человѣкъ въ городѣ Арзамасѣ значятся бывшими у присяги, да и то у одной 1731 года [1]). Итакъ, если исполнить указъ о разборѣ неприсяжныхъ, то объ отчисленіи въ запасъ равнаго составу приходскихъ причтовъ числа людей нечего было и думать. Кромѣ того, вѣдь могло оказаться и оказалось, что неприсягавшіе болѣе достойны быть опредѣленными къ церквамъ, чѣмъ присягавшіе. Поэтому епархіальныя начальства, во вниманіе опять къ правительственному распоряженію избирать „достойныхъ“ кандидатовъ, иногда дѣйствительно на свой страхъ отдавали предпочтеніе грамотнымъ, хотя и неприсяжнымъ, предъ присяжными безграмотными, отдавая послѣднихъ въ солдаты, а первыхъ опредѣляя въ причтъ (въ Тамбовѣ, въ Москвѣ) [2]). Но свѣтскія власти въ провинціи съ трудомъ рѣшались назначать къ церквамъ изъ неприсягавшихъ, несмотря даже на разрѣшеніе правительства уступать „крайней нуждѣ“; очевидно онѣ опасались, какъ бы не привлечь на себя молніи гнѣва сверху. Во владимірской епархіи, напримѣръ, въ обрѣзъ должны были оставить 54 человѣка неприсяжныхъ. Но воевода Засѣцкій опасался оставить такъ много, по его мнѣнію, и согласился лишь на то, чтобы „у которыхъ церквей значатся оставшіе весьма малолѣтніе и престарѣлые и церковной службы править нынѣ не могутъ, учинить прибавку по одному человѣку въ церкви“. Оставлено было только 18 человѣкъ, а епархія находилась далеко не въ утѣшительномъ положеніи. Изъ Владиміра писали (отъ 20 февр. 1737 г.), что „при нѣкоторыхъ, какъ городскихъ, такъ и уѣздныхъ, церквахъ имѣется церковниковъ весьма малое число, а у иныхъ церквей возрастныхъ и въ церковную службу достойныхъ церковниковъ и

---

1) Дѣло 1736 г. № 171.

2) Дѣла въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 169 и 177.

ихъ дѣтей, кромѣ малолѣтнихъ, никого не имѣется“ [1]).

Тѣмъ временемъ положеніе становилось критическимъ, если съ такою строгою осмотрительностью остерегаться назначенія неприсягавшихъ. Церковная жизнь прямо тормозилась. Провинціальныя духовныя и свѣтскія начальства, видимо, подобно владимірскому воеводѣ, находились въ нерѣшительности, которая и понятна, если принять во вниманіе, что еще въ 1735 году неприсягавшимъ былъ закрытъ доступъ въ причтъ, а разрѣшеніе, данное въ сентябрьскомъ указѣ 1736 года, было какъ бы вынужденное и во всякомъ случаѣ не совсѣмъ опредѣленное (тамъ говорилось, что если въ которой епархіи неприсягавшіе явятся всѣ, то оставлять и изъ нихъ, по самой крайней нуждѣ). Гедеонъ Смоленскій въ февралѣ 1737 г. доносилъ Синоду, что, по пересмотрѣ 141 церкви его епархіи, назначено къ разбору въ солдаты 36 чел., но на умершія и убылыя мѣста еще никого не опредѣлено и опредѣлить не изъ чего, такъ какъ епархія его малолюдная, а почти всѣ церковно-служительскія дѣти у присягъ не были и онъ ихъ назначать не рѣшается. Въ іюнѣ, по его другому доношенію, дѣла оставались въ прежнемъ видѣ: свободныя вакансіи пустовали [2]).

Въ Суздалѣ разборъ неприсягавшихъ угрожалъ прямо кризисомъ: „Если, писалъ еп. Аѳанасій—(2 февр 1737 г.), небывшихъ у присягъ церковниковъ и ихъ дѣтей, по силѣ ея императорскаго величества указовъ, отдать всѣхъ въ службу, то въ епархіи моей при церквахъ хотя и по два человѣка опредѣлить дѣйствительныхъ, то въ такое число не достанетъ 520-ти человѣкъ“ [3]).

Рязанскій еп. Алексѣй (25-го апр. 1737 г.) жаловался, что въ его епархіи совсѣмъ нѣтъ достойныхъ кандидатовъ въ причтъ. Церкви не удовольствованы, потому что какъ присягавшихъ, такъ и неприсягавшихъ дѣтей духовенства, „достойныхъ людей и во чтеніи книжномъ искусныхъ“ и имѣющихъ указанный возрастъ, не находится; нашлось, да слишкомъ мало, и ни въ дѣйствительный причтъ, ни впредь на убылыя мѣста назначать некого; „а которыя хотя по нуждѣ изъ оныхъ церковниковъ къ церквамъ святымъ и назначены—

---

1) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 165.
2) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 163.
3) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 164.

ниже и свыше указанныхъ лѣтъ—и тѣ во чтеніи книжномъ не изъ самаго искусства, а больше явилось малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, вдовыхъ, двоеженцовъ и троеженцовъ". При такихъ условіяхъ было не до различія присяжныхъ отъ неприсяжныхъ; руководились лишь грамотностью и отдали въ солдаты безграмотныхъ, а хоть мало-мальски грамотныхъ оставили. Высшему духовному правительству, повидимому, это не совсѣмъ понравилось, такъ какъ оно нашло нужнымъ подтвердить, чтобы изъ небывшихъ у присягъ въ Рязани оставляли въ церковномъ причтѣ „только при таковыхъ церквахъ, гдѣ того необходимая нужда востребуетъ, т. е. гдѣ не имѣется дѣйствительныхъ дьячка и пономаря, да и то съ таковымъ усмотрѣніемъ, буде кромѣ тѣхъ непрнсягавшихъ изъ прочихъ, кои у присягъ были, на тѣ мѣста опредѣлить будетъ некого, или достойныхъ не явится". Синодъ готовъ былъ, въ чувствѣ трепета предъ грознымъ правительствомъ, наполнить церкви скорѣе старикамп, чѣмъ непрнсягавшими, и поучалъ рязанскаго епископа: „А при которой церкви нѣтъ попа или діакона дѣйствительныхъ, и къ такимъ церквамъ въ дѣйствительную службу распредѣлить... оставленныхъ для пріисканія праздныхъ мѣстъ вдовыхъ и престарѣлыхъ поповъ же и діаконовъ;... а чего изъ таковыхъ на тѣ убылыя мѣста уже недостанетъ, или за негодностью толикаго числа, елико потребно быть надлежитъ, изъ присягавшихъ не взыщется, то опредѣлить изъ непрнсягавшихъ церковниковъ. А прочихъ непрнсягавшихъ всѣхъ отдать въ службу, и впредь изъ нихъ ко опредѣленію на убылыя мѣста никого отнюдь не оставлять" (25 мая 1737 г.) [1]).

Изъ Костромы извѣщали (14 іюня 1737 г.) въ Петербургъ, что тамъ для опредѣленія къ церквамъ нужнаго числа не находится и четвертой доли изъ присягавшихъ. Пока поставлены непрнсягавшіе церковники и ихъ дѣти. Но епархіальное начальство было не увѣрено въ правотѣ своего распоряженія и спрашивало у Синода, можно ли утверждать таковыхъ въ должности [2]).

Не одни только низшія степени клира невозможно было замѣстить безъ непрнсяжныхъ. Жизнь выдвинула и другой

1) Въ дѣлѣ 1736 г. № 164.

2) Тамъ же.

вопросъ—о посвященіи въ священный санъ безпощадно караемыхъ за „безстрашіе“ мнимыхъ политическихъ преступниковъ. Правительственные указы не говорили ничего о произведеніи въ священно-служители непрнсягавшихъ; они позволяли съ неохотой лишь опредѣлять ихъ церковниками. Синодальныя распоряженія, начиная съ 1735 года, безусловно запрещали такое производство. Мы уже упомнпали, что тѣмъ не менѣе нарушенія этого запрещенія случались нерѣдко. Однако, то были сравнительно единичные случаи Теперь же, съ половины 1737 года, поступаетъ въ Синодъ рядъ ходатайствъ разрѣшить посвященіе непрнсягавшихъ, чтобы не нарушать нормальное теченіе религіозной жизни народа.

Въ іюнѣ 1737 года было получено нѣсколько донесеній изъ епархій, которыя свидѣтельствовали, что разборъ и слѣдствіе о прнсягахъ все больше затрогиваютъ церковную жизнь. Изъ Суздаля Аѳанасій писалъ, что февральскій указъ 1735 года воспрещаетъ посвященіе непрнсягавшихъ въ причтъ, а, по справкѣ, въ его епархіи при 13 церквахъ нѣтъ священниковъ, при 73—діаконовъ, при 139—дьячковъ, при 238—пономарей, а при 5 церквахъ ни поповъ, ни причетниковъ нѣтъ. Нѣкоторыя церкви стоятъ безъ всякаго священно-служенія, нѣкоторыя „неправляются съ нуждою“. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ приходскіе люди писали, что родившія жены лежатъ долгое время безъ молитвъ, многіе люди помираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Прихожане просили о произведеніи поповъ, діаконовъ и причетниковъ изъ непрнсягавшихъ церковниковъ и дѣтей духовенства. Епископъ съ своей стороны присовокуплялъ, что въ его епархіи „не точію изъ бывшихъ у прнсягъ зѣло малое число имѣется, такъ что, по одному дьячку и по одному пономарю къ каждой церкви опредѣлить толикаго числа не имѣется, за тѣмъ, что иные явились въ подозрѣніи, иные грамоты не умѣютъ, и которые умѣютъ - зѣло плохо умѣютъ и надежды учиться нѣтъ, понеже за 30 и за 40 лѣтъ имѣется, за что и за небытіе у прнсягъ такіе всѣ отданы въ службу. А я, по силѣ ся императорскаго величества запретительныхъ указовъ, въ попа, діакона, во дьячка, пономаря изъ небывшихъ у прнсягъ производить не смѣю“ [1]).

---

1) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 164.

Веніаминъ коломенскій представлялъ, „что многихъ мѣстъ прихожане и вкладчики... представляютъ, что, кромѣ неприсягавшихъ, другихъ церковниковъ при тѣхъ церквахъ не обрѣтается и за непосвященіемъ къ такимъ церквамъ священниковъ, тѣ церкви стоятъ безъ пѣнія долгое время". Можно ли посвящать во священный чинъ неприсягавшихъ?[1])

Совершенно тожественнаго характера съ послѣднимъ было прислано доношеніе отъ псковскаго архіепископа Варлаама.

Св. Синодъ не могъ остаться равнодушнымъ къ громко вопіющей нуждѣ епархіи. Боясь, однако, сдѣлать малѣйшее послабленіе неприсяжнымъ, онъ на этотъ разъ (6 іюля 1737 года) постановилъ весьма осторожную мѣру. Епархіальнымъ архіереямъ предписано было: „гдѣ при церквахъ поповъ и діаконовъ не имѣется, на тѣ праздныя мѣста, дабы св. церкви безъ пѣнія и приходскія требы... безъ отправленія не были, производить изъ присягавшихъ дѣйствительныхъ дьячковъ и пономарей, которые у присягъ были, а на тѣ церковническія мѣста опредѣлить за нужду, гдѣ изъ присягавшихъ достойныхъ не сыщется, и изъ неприсягавшихъ, кои за разборомъ остались, только-бъ не болѣе опредѣленнаго числа". На просьбы неприсяжныхъ посвятить ихъ въ священники или діаконы велѣно отказывать до „генеральнаго о нихъ опредѣленія". Кромѣ того, самое положеніе ихъ даже на низшихъ ступеняхъ клира было не твердо: какъ только, — гласило синодское постановленіе,—они будутъ спрошены къ слѣдствію, представлять ихъ въ падлежащія мѣста [2]). Страхъ предъ правительствомъ, очевидно, былъ сильнѣе голоса интересовъ церкви.

Впрочемъ, чувствуя, что подобное постановленіе слишкомъ мало обезпечиваетъ удовлетвореніе епархіальныхъ требованій, Синодъ (31-го августа) рѣшилъ обратиться къ свѣтской власти за разрѣшеніемъ, дабы ради „крайне благословныхъ винъ, изъ дѣтей священнаго чина и прочаго причта неприсягавшихъ, кои за нынѣшнимъ разборомъ при церквахъ останутся, а по слѣдствіямъ никаковаго противнаго умыслу въ небытіи ихъ у оныхъ присягъ не покажется, по

1) Тамъ же.
2) Тамъ же.

учпненіи имъ наказанія, соблаговолено было-бъ во священный чинъ, кто въ какой будетъ достоинъ, производить невозбранно, а дѣйствительныхъ священно- и церковно-служителей оставлять при церквахъ по прежнему“ [1]). Но судьба этого представленія не извѣстна.

II болѣе счастливая, чѣмъ Великороссія, Малороссія не избѣжала совершенно послѣдствій слѣдственнаго дѣла о присягахъ. II въ жизнь малороссійскаго духовенства дѣло это внесло свою каплю горечи, служа источникомъ различныхъ недоразумѣній. Здѣсь не было наслѣдственнаго духовнаго сословія: церковные причты наполнялись большею частью людьми, бывшими до поступленія въ него въ подушномъ окладѣ; а всѣ, положенные въ подушный окладъ, къ присягамъ обыкновенно не приводились, такъ что при опредѣленіи таковыхъ къ церквамъ возникалъ вопросъ о приводѣ ихъ къ присягѣ. Затѣмъ въ Малой Россіи было не мало церковниковъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, но присяги не принесшихъ, равно бывали и дѣти ихъ неприсягавшіе. Всѣ они, по указу о разборѣ неприсягавшихъ, должны были понести отвѣтственность за свою вину. Счастье все-таки не покидало малороссіянъ, и они отдѣлались гораздо легче своихъ великороссійскихъ собратіевъ.

Что касается перваго недоумѣнія, на счетъ желающихъ поступленія въ клиръ изъ подушнаго оклада въ Малороссіи, то оно встрѣтилось скоро. Въ половинѣ 1737 года кіевскій архіепископъ обратился къ Синоду съ доношеніемъ, что онъ не рѣшается посвящать неприсягавшихъ (изъ подушнаго оклада), хотя они имѣютъ аттестаты отъ командировъ и приходовъ. Синодъ представилъ докладъ объ этомъ въ Кабинетъ, предлагая просто приводить такихъ предъ посвященіемъ къ присягамъ [2]). На этотъ докладъ, однако, Кабинетъ ничего не отвѣтилъ, а 13-го октября изъ Тайной Канцеляріи было объявлено Синоду общее кабинетское постановленіе о неприсягавшихъ малороссіянахъ духовнаго чина. Оно гласило: „небывшимъ у присягъ кіевской, черниговской и переяславской епархій... священно- и церковно-служительскимъ дѣтямъ и церковникамъ..., сыскавъ изъ тѣхъ мѣстъ къ губернато-

1) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 177.

2) Книга всеподдан. докладовъ въ Син. арх. 1737 г., № 44, іюля 1-го.

рамъ, объявить, что за небытіе ихъ у присягъ надлежало имъ, по изслѣдованіи, учинить жестокое наказаніе, но, по милосердію ея императорскаго величества, повелѣвается взять съ нихъ штрафа съ каждаго человѣка по 30 рублей, и по взятьѣ того штрафа, приведчи къ присягамъ, кто у которой не былъ, учинить свободныхъ, и о произведеніи изъ нихъ годныхъ въ священный чинъ отдать на разсужденіе вышепомянепныхъ епархій архіереямъ; такожъ и съ тѣхъ, которые небывшіе у присягъ во священный чинъ произведены до полученія о непроизведеніи таковыхъ изъ Св. Синода указу, взять штрафъ противъ вышеписаннаго съ каждаго по 30 рублей и по взятьѣ того оставить при нихъ священствѣ [1]). Милостивое, сравнительно, отношеніе правительства къ малороссійскому духовенству вытекало, конечно, не изъ „милосердія ея императорскаго величества“, а изъ чисто политическихъ соображеній. Дѣло въ томъ, что Малороссія въ первой половинѣ XVIII вѣка вообще находилась на привилегированномъ положеніи. Связь этой страны съ коренной Россіей была не настолько тѣсна, чтобы государственная власть не опасалась ея разрыва. Близость Польши и вообще западное положеніе страны заставляли правительство съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдить за настроеніемъ малороссійскаго народа; отсюда оно всегда относилось мягче къ нему, чтобы не потерять народныхъ симпатій, давало льготы казачеству и дѣлало всѣ возможныя послабленія. Въ анненское время политика правительства была совершенно та же, а турецкія и польскія осложненія только еще болѣе закрѣпляли такое политическое направленіе. Потому и къ малороссійскому духовенству, которое было тѣсно связано съ казачествомъ, нельзя было относиться съ такой же безцеремонностью, какъ къ великороссійскому. Вотъ истинный источникъ неожиданнаго „милосердія ея величества“.

Впослѣдствіи (въ 1738 году) въ Малороссіи же возникъ вопросъ о людяхъ духовнаго чина, бывшихъ во время присягъ за границей, и заграничныхъ выходцахъ польской и литовской націи, переселившихся въ Россію послѣ 1731 года, какъ духовныхъ, такъ и мірянахъ, принявшихъ священный санъ уже въ Россіи. Синодъ докладывалъ объ этомъ Каби-

1) Изъ дѣла 1740 г. № 263, л. 153.

нету съ своимъ мнѣніемъ, что русскихъ, бывшихъ за границей и возвратившихся чрезъ годъ или два послѣ присягъ, слѣдуетъ уволить отъ штрафа, ибо они могли не знать о присягахъ; тѣхъ же, которые возвратились спустя послѣ присягъ не болѣе полгода, подвергнуть надлежащему взысканію; съ заграничныхъ выходцевъ штрафа не брать [1]). Кабинетъ согласился только съ послѣдней частью синодскаго предложенія, а россіянъ неприсягавшихъ неумолимо обрекъ на дѣйствіе указовъ о штрафѣ, объявивъ, что „такихъ отговорокъ въ оправданіе ихъ принять невозможно“ [2]).

Мы старались, насколько располагали документальными данными, представить картину тѣхъ затрудненій, недоумѣній, того хаоса въ церковной жизни, которые были результатомъ объявленнаго въ сентябрѣ 1736 г. правительственнаго указа. Указъ оказался неразсчитаннымъ на дѣйствительныя средства русскаго духовнаго сословія. Но тѣмъ временемъ, какъ жизнь открывала все новые недостатки правительственнаго замысла, разборъ дѣйствовалъ во всей силѣ. Въ епархіяхъ набирались дѣятельно рекруты и отправлялись въ полки. Духовныя власти сначала старались отдавать безполезныхъ для церкви лицъ -неграмотныхъ дѣтей духовенства [3]), но этого, конечно, было мало. Отдавались тѣ, которые должны бы были войти въ число оставленныхъ на убылыя мѣста [4]), отдавались, наконецъ, дѣйствительные церковники, хотя пока и въ незначительномъ количествѣ [5]) Воеводы не внимали представленіямъ духовнаго начальства, забирали кого только можно, а на убылыя мѣста оставляли дѣтей даже до 7 лѣтняго возраста [6]). Количество праздныхъ церковныхъ мѣстъ увеличивалось. Въ суздальской епархіи, напримѣръ, къ сентябрю 1737 года оно выросло до 65 [7]). Правительство ничего не хотѣло знать о печальныхъ резуль-

---

1) Книга всепод. докладовъ 1738 г., № 68, авг. 9,

2) П. З. X, 7717. Книга высоч. указовъ 1739 г., № 24.

3) Такъ было въ епархіяхъ архангельской, суздальской, московской смоленской, ростовской и др.

4) Дѣло 1736 г. № 164.

5) Дѣло 1736 г. № 166.

6) Дѣло 1736 г. № 164.

7) Леонидъ крутицкій доносилъ, что впредь на убылыя мѣста воеводы никого не оставляютъ (Дѣло 1737 г. № 200).

татахъ своего распоряженія, о его противорѣчіяхъ и неопредѣленностяхъ. Оно не хотѣло понять той истины, что русское духовенство дѣйствительно многочисленно, но что и церкви и приходы также многочисленны [1]), несоразмѣрно населенію государства, и требовало удовольствовать церкви, а въ то же время желало укомплектовать и полки на счетъ духовнаго сословія. Не принимались во вниманіе и мѣстныя условія: разборъ дѣйствовалъ всюду, тогда какъ не вездѣ количество духовенства было равномѣрно потребностямъ епархіи. Въ глазахъ государственной власти на первомъ планѣ стояла насущная необходимость наполнить составъ войска, и она торопила лихорадочно ходъ разбора. Въ концѣ 1736 г. и началѣ 1737 года подтвердительные указы начинаютъ издаваться одинъ за другимъ [2]). Требовалось поставить рекрутъ и окончить разборъ къ февралю мѣсяцу. Но издать указъ—одно, а исполнить его—другое. Дѣло подвигалось плохо впередъ, что при всѣхъ вышеуказанныхъ условіяхъ было весьма естественно. Съ средины 1737 года начали торопить еще энергичнѣе [3]). Въ правительственныхъ указахъ начинаютъ звучать грозныя ноты все болѣе и болѣе, а 20-го августа 1737 года въ Сенодъ изъ Сената послано вѣдѣніе такого содержанія. „Нынѣ въ сообщеніяхъ изъ Кабинета Ея Величества въ Правительствующій Сенатъ объявлено: Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что... перепись (дѣтей духовенства) и по се время не окончена, а между тѣмъ, когда армія по окончаніи нынѣшней компаніи къ своимъ границамъ возвратится, и будутъ требовать въ комплектъ людей, тогда не имѣя помянутымъ тунеядцамъ исправной переписи, которые отъ начала переписи и до сего времени службъ никакихъ не служатъ и податей не платятъ, но всѣ въ распутномъ житіи и праздности находятся, принуждено раскладывать рекрутъ съ купечества и съ крестьянства, и они одни всю ту тягость нести будутъ принуж-

---

1) По вѣдомостямъ 30-хъ годовъ XVIII в. число церквей показывалось неодинаково, но въ общемъ отъ 17 до 18 тысячъ. (Въ О. А. С. С X, № 499;32 ихъ значится 17,213; въ О. А. С. С. XI, 198/248—17,763; въ дѣл. Сената по Кабинету М. А. М. Ю. кн. № 14 1091, л. 416 -18,441).

2) П. С. З. IX, 7138; X, 7164.

3) *Барановъ.* Архивъ Прав. Сената, указы 27 іюля и 2 авг. изъ Кабинета.

дены. Того ради изъ Сената указами.. подтвердить, чтобъ такая перепись была окончена". Сенатъ постановилъ: „представить въ недѣльный срокъ вѣдомости о священно и церковнослужительскихъ дѣтяхъ, за чѣмъ губернаторы и воеводы должны наблюдать подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва и конечнаго раззоренія" [1]).

Но правительство видѣло, что разборъ на объявленныхъ имъ въ 1736 году основаніяхъ не оправдаетъ его надежды. Голоса изъ провинцій показывали, что, оставляя запасъ на убылыя мѣста, можно въ это число удобно расчислить весь наличный составъ духовнаго сословія. Было уже взято въ службу 6557 человѣкъ, по свѣдѣніямъ правительства, взято было уже съ нарушеніемъ пункта прежняго указа о удовольствованіи церквей. Больше взять было нельзя, не измѣнивъ самыхъ основаній разбора. Тогда рѣшили издать болѣе строгое распоряженіе, прикрываясь якобы умышленною медленностью духовныхъ властей, ихъ укрывательствомъ и потаканіемъ. 7-го сентября 1737 года въ именномъ указѣ было написано: „Нынѣ Намъ извѣстно учинилось, что опредѣленные къ разбиранію ихъ (дѣтей духовенства) какъ духовныя, такъ и свѣтскія особы самыхъ лучшихъ изъ ихъ людей въ штатъ пишутъ и подъ другими разными видами отъ службы крютъ и защищаютъ, не разсуждая того, что при нынѣшнемъ военномъ времени въ укомплектованіи полковъ крайняя нужда и что такими въ праздности живущими людьми въ поставкѣ рекрутъ купечеству и крестьянству вспоможеніе учинить надлежитъ, которые кромѣ того великія тягости несутъ, а именно: все войско на своемъ коштѣ содержатъ, работниковъ и подводы ставятъ, а сверхъ того и своихъ собственныхъ господъ довольствуютъ". Указавъ, такимъ образомъ, на насущныя государственныя потребности, правительство далѣе дѣлаетъ экскурсъ и въ церковныя правила, по которымъ „въ священники менѣе 30 лѣтъ ставить не позволено, по опредѣленію жъ епископскому въ церковные чины производить велѣно людей, честно и непорочно живущихъ и въ книгочтеніи достаточныхъ, и когда въ нихъ такое достоинство потребно, то чтобъ они и совершенныхъ лѣтъ были". Послѣ этихъ предпосылокъ указъ прямо переходитъ

1) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1737 г. № 200.

къ дѣлу. Вотъ къ какимъ результатамъ привели государственныя и церковныя соображенія: „симъ нашимъ послѣднимъ указомъ напкрѣпчайше подтверждаемъ всѣмъ онымъ чинамъ перепись окончать конечно до половины будущаго октября, и которые изъ нихъ во время той переписи явятся отъ 15 до 40 лѣтъ, такихъ всѣхъ взять безъ разбору въ военную службу и отправлять къ полкамъ, изъ которыхъ мѣстъ куда способнѣе, развѣ кто изъ нихъ увѣчны, такихъ оставлять". Но какъ же быть съ церковью, какъ быть съ алтарями, требующими постоянно новыхъ служителей? Для нихъ довольно малыхъ и старыхъ. „Что надлежитъ до опредѣленія впредь въ церковные чины, то могутъ употребляемы быть изъ малолѣтнихъ церковническихъ дѣтей, такожъ и изъ тѣхъ, которые за опредѣленіемъ нынѣ въ службу выше сорока лѣтъ останутся, для того, что по извѣстіямъ изъ нѣкоторыхъ городовъ такихъ малолѣтнихъ многое число является". Стоитъ ихъ обучить -вотъ и кандидаты на церковныя вакансіи. Правительство совершенно забыло, что хотя церковныя правила повелѣваютъ опредѣлять въ священники не менѣе 30 лѣтъ, но они не говорятъ, во первыхъ, что на церковныя должности можно опредѣлять дѣтей (такое опредѣленіе неизбѣжно вытекало изъ указа, такъ какъ малолѣтніе составляли главный контингентъ запаса, а жизнь вѣдь не могла ждать, пока они выростутъ,—вакансіи открывались безпрерывно); во вторыхъ, что на всѣ степени клира слѣдуетъ назначать преклоннаго возраста людей: 40 лѣтъ—не 30, да если назначить 40-лѣтнихъ, напримѣръ, въ церковники, то сколько же лѣтъ имъ будетъ, когда ихъ посвятятъ въ священный чинъ? Мудрые государственные люди, очевидно, были плохіе каноницты и лучше бы имъ не ссылаться на церковныя правила... Впрочемъ, рекрутъ и деньги, по прежнему, принимали съ желающихъ замѣниться на прежнихъ условіяхъ: „государственная польза" здѣсь не страдала, а, скорѣе, выигрывала... [1]).

Издавъ такое распоряженіе, правительство еще боялось, какъ бы не ускользнули отъ него «тунеядцы». Не надѣясь особенно на правдивость духовенства въ показаніи лѣтъ

---

[1]) П. С. З. X. 7364. О томъ же № 7389. Синод. дѣла 1737 года №№ 211,213.

своимъ дѣтямъ, оно рѣшило обезпечить себя такого рода мѣрой. Въ указѣ 19-го сентября объ общемъ наборѣ рекрутъ на счетъ разбора духовенства присоединили слѣдующее. „Понеже для избѣжанія отъ службы многіе изъ нихъ будутъ показывать въ лѣтахъ несходство, а именно: средовѣчные лѣтъ пріумножать, а молодые убавливать; того ради наборщикамъ, а особливо отправляемымъ гвардіи нашей офицерамъ накрѣпчайше подтверждается при переписи всѣхъ такихъ осматривать и которыхъ они усмотрятъ, что роста довольнаго, здоровы и крѣпки, такихъ всѣхъ, хотя бъ кто изъ нихъ въ лѣтахъ написаны выше сорока, или ниже пятнадцати, писать въ солдаты и отправлять обще съ рекрутами“ [1]). Послѣ такого распоряженія открывался полный произволъ разборщикамъ своимъ собственнымъ глазомѣромъ опредѣлять возрастъ разбираемыхъ. Глазомѣръ же вѣдь могъ быть весьма различенъ и, вѣроятно, нерѣдко становился строже или мягче отъ блеска „презрѣннаго металла“.

Ревностные исполнители правительственныхъ распоряженій, кажется, сразу же стали пересаливать въ своей исполнительности. По крайней мѣрѣ въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ потребовался новый правительственный указъ, разъяснявшій, что дѣйствительныхъ церковниковъ въ службу брать нельзя. Опекаемая правительствомъ духовная школа тоже подверглась нападенію наборщиковъ. Поэтому о ней было сдѣлано особое распоряженіе. Учащихся дѣтей духовенства, разсудилъ Кабинетъ, слѣдуетъ опредѣлить „къ такимъ дѣламъ, чему выучились и охоту имѣютъ, дабы отъ нихъ польза государству и отечеству быть могла“. И „чтобъ при переписи и разборѣ ихъ никакой конфузіи не было, и такіе ученые люди употреблены были къ тому, чему они обучались и охоту имѣютъ; того ради, въ дополненіе въ вышеписанному послѣднему указу, Ея Императорское Величество указала: имѣющихся въ школахъ церковническихъ дѣтей, и которые по се число обучались, нынѣ въ военную службу не брать“. Съ ними приказано поступить такимъ образомъ. Забывая еще недавно цитуемыя правила церковныя, правительство окончившихъ курсъ наукъ и желающихъ принять духовный санъ повелѣвало освидѣтельствовать въ ихъ нау-

1) П. С. З. X. 7378. Пар. 17.

кахъ и *тотчасъ* же опредѣлять къ мѣстамъ, наказавъ накрѣпко, „чтобъ они по искуству своему во всѣ воскресные дни предики сказывали и, что надлежитъ къ доброму и честному и непорочному житію, народъ обучали". Не желающихъ быть въ духовномъ чинѣ отсылать къ губернаторамъ и воеводамъ для опредѣленія въ гражданскую службу. Подать вѣдомость о всѣхъ окончившихъ доселѣ школьникахъ; если кто изъ таковыхъ не опредѣлены еще никуда, опредѣлить немедленно, дабы могли они приносить пользу государству. Учащихся въ школахъ не выпускать оттуда, хотя бы они и курсъ кончили, пока не найдутъ себѣ мѣста.—Но уволивъ школьниковъ отъ разбора, правительство лишило этой льготы тѣхъ изъ нихъ, которые „непонятны въ наукахъ". Таковыхъ безъ всякихъ разговоровъ велѣно отсылать въ военную службу, „дабы на такихъ глупыхъ и лѣнивыхъ людей напрасного расхода и другимъ трудолюбивымъ людямъ въ ихъ наукахъ препятствія отъ нихъ не было" [1]).

Правительство покушалось разобрать духовенство совершенно до чиста. Въ предѣлахъ указанныхъ лѣтъ, т. е. отъ 15 до 40, могли встрѣтиться и, конечно, встрѣчались люди, негодные въ военную службу. Таковыхъ можно было бы оставить въ духовномъ вѣдомствѣ. Но какъ прежде въ 1736 году послѣдняго не было сдѣлано, такъ и теперь. Негодныхъ въ солдаты и немогущихъ заплатить за себя наемщиковъ или деньги, велѣно писать въ разсыльщики [2]). Но были старые, дряхлые, которые ни на что не годились; для нихъ открывался другой выходъ – подушный окладъ. Въ пензенской провинціи, гдѣ встрѣтились такіе, сначала не знали, что съ ними дѣлать. Однако, Кабинетъ не замедлилъ разрѣшить это недоумѣніе; при чемъ, въ непонятномъ для государственныхъ людей ослѣпленіи, предъявилъ слѣдующее требованіе: „Всѣмъ имъ объявить, чтобы они, поставя за себя рекрутъ или заплатя деньги, записывались въ посады и цехи; а ежели того не похотятъ, то посланы будутъ на поселеніе въ Сибирь, а въ праздности жить позволено быть не можетъ, ибо, по Святому писанію, праздность всему злу ко-

---

1) П. С. З. X. 7385.
2) П. С. З. X 7490.

рень". Трудно было болѣе некстати проявить свои богословскія познанія. Кабинету доносили главнымъ образомъ о старыхъ и дряхлыхъ, которые ни къ чему негодны; весьма возможно, что никто изъ нихъ не могъ поставить за себя рекрутъ или отдать деньги. И вдругъ имъ ставится дилемма— Сибирь или откупайся и записывайся въ посады и цехи. Должно быть совѣсть зазрила даже министровъ, изрѣкшихъ такой приговоръ, потому что въ концѣ указа было прибавлено: „однако жъ, до полученія впредь нашего указа, въ Сибирь ихъ не посылать" [1]).

Съ указомъ 7 сентября разборъ духовенства вступилъ во вторую фазу своего развитія. Содержаніе указа само по себѣ ясно показываетъ, какимъ разгромомъ грозилъ онъ духовному сословію. Все, на что теперь могла разсчитывать церковь,—это дѣйствительные церковные причты, да малолѣтніе дѣти и старики. Полномочіе забирать ниже и выше предѣльнаго возраста создавало въ полномъ смыслѣ такое положеніе вещей. Оставлять достаточное число кандидатовъ теперь нечего было и мечтать. Хорошо, если бы удалось укомплектовать по крайней мѣрѣ наличный составъ духовенства. Къ сожалѣнію, и это было не вездѣ возможно. Указъ засталъ нѣкоторыя епархіи прямо въ расплохъ: многія праздныя вакансіи не были замѣщены; теперь же тѣ лица, которыя предполагались для ихъ замѣщенія, попали въ солдаты. Напримѣръ, владимірскую провинцію постигла такая участь. Оттуда писали, что тамъ, по первой переписи, при многихъ церквахъ дьячки и пономари выбыли по разнымъ причинамъ, и чтобы „священнослуженія и мірскихъ приходскихъ требъ не учинилась крайняя остановка", духовное правленіе назначило на выбылыя мѣста „изъ священно церковно-служительскихъ дѣтей, кои свыше 15 лѣтъ находятся, на каждое мѣсто по одному человѣку, понеже таковыхъ, кои ниже 15 лѣтъ имѣются, за взятіемъ оныхъ впредь въ школьное ученіе, оставить невозможно", хотя при нѣкоторыхъ церквахъ, гдѣ нѣтъ никого изъ церковниковъ выше 15 лѣтъ, пришлось оставить и ниже этого возраста, „а при нѣкоторыхъ церквахъ на оныя убылыя мѣста за неимѣніемъ ни возрастныхъ, ни малолѣтнихъ церковно-служительскихъ дѣ-

1) П. С. З. X, 7533.

тей кромѣ сущихъ младенцевъ, въ оставку произвести нѣкого". Теперь разборъ угрожалъ захватить всѣхъ оставленныхъ, но еще неопредѣленныхъ. При этомъ произволъ „глазомѣра" гулялъ невозбранно: во Владимірѣ, на основаніи указа 19-го сентября, брали годныхъ въ солдаты отъ 10—50 лѣтъ [1]).

Въ тверской епархіи было 137 свободныхъ священно и церковно-служительскихъ вакансій. Кандидаты на эти убылыя мѣста теперь вмѣсто алтаря угодили въ полки, а церкви пустовали. Между тѣмъ уже прежде, при первомъ разборѣ, тверская провинціальная канцелярія на убылыя мѣста впредь записывала дѣтей духовенства отъ 7—14 лѣтъ или же даже отъ 2 лѣтъ, не слушая никакихъ представленій духовнаго начальства, и отдавала всѣхъ остальныхъ въ службу [2]). Сколько же времени должны были дожидаться церкви, пока подростутъ младенцы?

Еп. смоленскій Гедеонъ въ октябрѣ 1737 г. писалъ въ Синодъ, жалуясь на крайне затруднительное положеніе. Въ его епархіи было оставлено лишь всего 90 человѣкъ на убылыя мѣста; всѣ остальные оставшіеся были престарѣлые, малолѣтніе или калѣки. Если теперь разобрать по новому указу этихъ 90 человѣкъ, то въ его епархіи скоро «послѣдуетъ во священно-служителяхъ великая скудость, а въ заведенныхъ въ Смоленскѣ школахъ крайнее истощеніе». Гедеонъ рисовалъ неутѣшительную картину будущаго для смоленской епархіи. Послѣдняя имѣетъ 273 церкви; изъ нихъ довольно такихъ, которыя не имѣютъ ни священниковъ, ни причетниковъ; много и такихъ, гдѣ нѣтъ дьячка или пономаря или обоихъ вмѣстѣ, потому что епархія малолюдная и изъ тѣхъ, которые написаны по генералитетской переписи дѣйствительными, многіе умерли. Производить въ священный чинъ изъ дѣйствительныхъ и недѣйствительныхъ церковниковъ некого; къ тому же всѣ почти неприсягавшіе, а ихъ производить нельзя. Малолѣтніе въ школахъ. По взятіи въ службу оставленныхъ для замѣщенія свободныхъ мѣстъ, пустыя церкви такъ и останутся пустыми, а новыя будутъ

---

1) Дѣло въ Архивѣ Св. Синода 1737 г. № 213. Доношн. 18 дек. 1737 года.

2) Дѣло въ Архивѣ Св. Синода 1737 г. № 202.

все пустѣть и пустѣть. Школьниковъ ждать долго. Прихожане останутся безъ священнослуженія и таинствъ и должны будутъ обращаться къ уніатскимъ священникамъ, отчего грозитъ ущербъ православію. Церкви требуютъ постоянно и усиленно новыхъ служителей, особенно потому, что при первомъ разборѣ опредѣлено къ нимъ много старыхъ и вдовыхъ на долголѣтнюю службу которыхъ нельзя разсчитывать; даже въ незначительный промежутокъ времени послѣ пересмотра уже упразднилось 15 мѣстъ.

Любопытны и тѣ опасенія, которыя высказываетъ Гедеонъ за судьбу школъ. Его донесеніе написано отъ 7-го октября, когда, очевидно, онъ еще не получилъ указа 25 сентября, запрещающаго брать школьниковъ; и вотъ какія мысли его тревожатъ. Въ школы, учрежденныя въ Смоленскѣ, Рославлѣ, Дорогобужѣ и Бѣлой, набраны дѣти духовенства отъ 8 -20 лѣтъ; изъ нихъ многія достигли богословія, философіи, риторики, пінтики, синтаксисы, грамматики, ариѳметики и прочаго. Четыре человѣка изъ окончившихъ школу уже опредѣлены учителями въ Смоленскѣ и другихъ мѣстахъ. Но ученики и 4 учителя всѣ включены были при первомъ разборѣ въ комплектъ запаса, и старшіе изъ учениковъ и учителя находятся въ возрастѣ отъ 15—40 лѣтъ. Если ихъ взять въ военную службу, чего боится Гедеонъ, то ученіе должно прекратиться въ старшихъ классахъ за неимѣніемъ учениковъ, въ младшихъ—за неимѣніемъ учителей. Тогда смоленское шляхетство будетъ съ правомъ отдавать своихъ дѣтей въ зарубежныя школы и держать у себя римскихъ инспекторовъ. Погибнетъ все дѣло обученія, на которое положено много силъ и матеріальныхъ средствъ [1]). Опасенія Гедеона за школы, къ счастью, не оправдались; но епархія его потерпѣла разгромъ безъ сожалѣнія.

Провинціальныя свѣтскія власти не теряли своего рвенія въ разборѣ, а духовныя, запуганныя окриками свыше, въ свою очередь не отставали отъ нихъ. Боялись нарушить малѣйшимъ образомъ указъ правительства и предпочитали спрашивать Синодъ, чѣмъ дѣйствовать на свой страхъ при каждомъ недоумѣніи. Въ Суздалѣ былъ, напримѣръ, такой случай. Изъ 552 человѣкъ, представленныхъ въ провинці-

1) Дѣло въ Синод. Архивѣ 1736 г. № 163.

альную канцелярію для солдатчины, канцелярія 51 челов. вернула назадъ для опредѣленія къ церквамъ, такъ какъ у присягъ они были, а епархія сильно нуждалась въ служителяхъ церкви. И тѣмъ не менѣе, хотя по словамъ управителей архіерейскаго дома „не бывшіе у присягъ церковники и священно и причетническія дѣти мало не всѣ отданы въ службу и за тою отдачею при многихъ церквахъ ни дьячка, ни пономаря не осталось, а остались точію единіи священницы“, да и то не вездѣ, епархіальное начальство не рѣшалось опредѣлить упомянутыхъ 51 человѣкъ, потому что по указу освобождались отъ службы только бывшіе въ школахъ, а тѣ въ школахъ не были [1]). Синодъ, впрочемъ, дозволилъ имъ такое опредѣленіе.

Епархіальныя власти отдавали всѣхъ, кого можно, отдавали въ ущербъ интересамъ церкви, а свѣтскіе командиры не всегда были еще довольны. Въ архангельской епархіи, скудость которой мы видѣли выше, гдѣ было болѣе 60 праздныхъ мѣстъ, по указу 7 сентября 1737 года набрали съ трудомъ 17 человѣкъ и объявили поручику Перепечину, что больше брать некого, да и этихъ собственно брать не слѣдуетъ. Перепечинъ донесъ въ Кабинетъ, что ему къ разбору никого не представляютъ. Кабинетъ сообщилъ въ Синодъ, „чтобъ всемѣрно въ поставкѣ опыхъ къ смотру поступали по указамъ, не чиня въ разборѣ ихъ никакой остановки“. Тогда Синодъ, не смѣя противорѣчить, приказалъ собрать трапезниковъ, сторожей, вторыхъ дьячковъ, гдѣ таковые имѣются, и представить ихъ ревностному поручику [2]).

Въ Москвѣ и московской епархіи, гдѣ скудость первопрестольной столицы поразила Синодъ въ началѣ 1737 года, по полученіи указа о новомъ разборѣ сочли лишнимъ заявлять снова о положеніи вещей и безпрекословно отдали приказъ: взять какъ въ Москвѣ, такъ и въ епархіи всѣхъ, кромѣ дѣйствительно служащихъ, оставя по одному дьячку и пономарю при церкви.

---

1) Дѣло въ Архивѣ Синода 1736 г. № 164. Доношн. отъ 18 мая 1738 г.

2) Дѣло въ Архивѣ Синода 1736 г. № 166. Такъ же жаловалась орловская провинціальная канцелярія, хотя тамъ еще въ 1736 году говорили, что отдавать некого, и такъ же Синодъ предписывалъ поступать по указамъ (Дѣло 1738 г. № 319).

Разборъ шелъ энергично во всей обширной Россіи. Вездѣ, вѣроятно, вызвалъ онъ одинаковыя осложенія, но многіе предпочитали молчать, чѣмъ заявлять тщетно свои жалобы. Доносили лишь, что указы Ея Императорскаго Величества исполняются, а сколько печальныхъ фактовъ скрывалось подъ этой небольшой и холодной фразой, то знало одно русское духовенство. Злосчастное дѣло о присягахъ и во второй разборъ 1737 года сыграло свою печальную роль. Выше мы уже читали въ донесеніи изъ Суздаля, что тамъ отданы въ службу дѣйствительные неприсягавшіе церковники. Мы не знаемъ правительственнаго указа до половины 1738 года, который бы повелѣвалъ это дѣлать; и потому надо думать, что подъ вліяніемъ грознаго отношенія правительства къ неприсягавшимъ, на практикѣ оно выразилось взятіемъ въ солдаты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣйствительныхъ церковниковъ. Въ началѣ 1738 года было сдѣлано, кажется, и синодское распоряженіе въ этомъ родѣ, или, быть можетъ въ епархіяхъ неправильно поняли прежніе указы о разборѣ неприсягавшихъ, но только, какъ бы то ни было, мы узнаемъ, что въ 1738 году стали свѣтскія власти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ требовать и брать въ службу неприсяжныхъ дѣйствительныхъ церковниковъ [1]). Отъ 16-го Марта 1738 года изъ Москвы писали, что „Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія по онымъ разборамъ находитъ не малое сумнительство изъ того: ежели священно и церковно-служительскихъ дѣтей и самихъ церковниковъ, небывшихъ у присягъ, по силѣ сего марта 7-го дня полученнаго изъ Св. Правительствующаго Синода указа, всѣхъ отдать въ службу, то при многихъ церквахъ церковниковъ никого не будетъ, понеже во время привожденія къ присягамъ были у присягъ токмо сами священно и церковнослужители, а дѣти ихъ едва не всѣ не были; и тако церковно-служители, бывшіе въ настоящее время у присягъ, чрезъ только лѣтъ изъ цер-

1) Эта мѣра могла произойти такимъ образомъ. Въ указахъ о разборѣ 1736 г. были исключены изъ службы только тѣ неприсягавшіе, которые приведены къ присягамъ отъ коммиссій и опредѣлены въ причтъ. Но послѣ того и раньше попали въ причтъ и такіе лица, которые были приведены къ присягамъ не отъ коммиссій до 1736 года, а послѣ того, или и совсѣмъ неприведены. Вотъ этихъ то и стали разбирать. Подъ разборъ попадали, вѣроятно, тѣ, которые по разбору 1736—1737 года были опредѣлены „по самой крайней нуждѣ“ въ причтъ изъ неприсягавшихъ.

ковнаго причта выбыли многіе ово прекращеніемъ жизни, ово произошли въ священническій и діаконскій чинъ, а при церквахъ на мѣста ихъ остались дѣти ихъ и свойственники, небывшіе у присягъ". Да и этихъ церковнослужителей находится не въ изобиліи. По опредѣленію, при каждой церкви полагается одинъ дьячекъ и пономарь. Въ московской же епархіи такое число далеко не вездѣ; у многихъ церквей и до разбора было по одному церковнику и теперь осталось столько, а у нѣкоторыхъ и прежде не было ни одного и теперь нѣтъ. Московская Синодальнаго Правленія Канцелярія спрашивала, отдавать ли въ солдаты дѣйствительныхъ церковниковъ, небывшихъ у присягъ? При разчисленіи духовенства канцелярія старалась оставить въ причтѣ грамотныхъ, присягавшихъ и неприсягавшихъ; излишка никакого нѣтъ—всѣ отданы. Взятіе неприсягавшихъ отъ церквей грозитъ ихъ полнымъ опустошеніемъ. Канцелярія предлагала оставить при церквахъ тѣхъ неприсягавшихъ, которые злаго умысла не имѣли, и учинить наказаніе плетьми тѣмъ изъ нихъ, которые во время присягъ были выше 12 лѣтъ [1]). Синодъ подалъ по этому поводу докладъ въ Кабинетъ, но получилъ въ отвѣтъ молчаніе.. [2]).

Въ Москвѣ, кромѣ церковниковъ, власти забирали даже школьниковъ, которыхъ само правительство уволило отъ солдатства. Веніаминъ коломенскій жаловался, что, по опредѣленію Конторы Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, изъ его домовой школы взяли въ военную службу 13 челов. церковническихъ дѣтей за неприсяганіе [3]).

Въ другихъ мѣстахъ также свѣтскіе командиры покушались брать дѣйствительныхъ церковниковъ, брали прямо незаконно. Пензенскій воевода Болтинъ, съ поручикомъ Воейковымъ, требовали для опредѣленія въ солдаты церковниковъ, не взирая ни на какія представленія духовной канцеляріи, а ихъ мѣста замѣщали старыми, дряхлыми, малолѣтними. Духовная канцелярія высказывала справедливое опасеніе, чтобы не послѣдовало остановки въ священнослуженіи, вслѣдствіе взятія членовъ причта, „ибо которые остаются

---

1) Дѣло въ Архивѣ Св. Синода 1736 г. № 177.

2) Книга всеподданѣйшихъ докладовъ 1738 г., № 42. Мая 20.

3) Дѣло 1737 г. № 213.

негодные, тѣ за старостью, а иные за неумѣніемъ грамотѣ, церковной службы никакъ править не могутъ, а другіе не токмо ту должность исправить, но уже и ходить возможности не имѣютъ; къ тому жъ таковыхъ негодныхъ по прежнему разбору сыскалось малое число, а малолѣтные, хотя и оставлены, но имѣютъ быть опредѣлены для обученія въ школы“ [1]).

Нижегородскій губернаторъ Волынскій не уступалъ пензенскому воеводѣ. Онъ бралъ въ указныя лѣта—отъ 15—40– не только дѣтей духовенства, но и служащихъ дьячковъ и пономарей, даже учившихся и учащихся въ еллино-греческой и славяно-латинской школахъ, „являя присланный къ нему въ губернскую канцелярію изъ Правительствующаго Сената указъ, въ которомъ отъ такого взятія въ службу тѣ дѣйствительные церковники и школьники не выключены“. Между тѣмъ большая часть церковниковъ нижегородской епархіи, которыхъ и такъ недостаточно, находится въ возрастѣ отъ 15—40 лѣтъ. Что же будетъ съ церквами, когда ихъ взять? И такъ уже не мало священно и церковно-служительскихъ вакансій пустуетъ, малолѣтніе не годятся еще въ церковную службу, выше 40 лѣтъ очень мало. Церквей Божіихъ, послѣ взятія причетниковъ, никакъ пополнить будетъ невозможно,—писала консисторія. Статистическія данныя опять подтверждали доношеніе. По указу 1737 года 7-го сентября уже взято въ службу 798 челов.; назначено къ отдачѣ еще 640. А изъ 961 церкви епархіи 21 пусты совершенно и 520 не имѣютъ полнаго числа причта. По сравненію съ прежнимъ, не хватаетъ 165 священниковъ, 12 протопоповъ, 187 діаконовъ, 498 церковниковъ—всего 822 человѣка [2]).

Но, не смотря на всѣ донесенія, разборъ продолжался. Два мѣсяца спустя, консисторія Нижняго-Новгорода сообщала, что церковниковъ, дьячковъ и пономарей и школьниковъ взято 126 человѣкъ. На праздныя 829 мѣстъ консисторія назначила было 522 человѣка; но пріѣхавшій спеціально для разбора поручикъ кн. Черкасскій потребовалъ ихъ на службу, и изъ нихъ къ 25 декабря 1737 года было уже взя-

1) Дѣло 1736 г. № 169. Донош. отъ 17 ноября 1737 г.

2) Дѣло 1736 г. № 171.

то 245 человѣкъ [1]). Мало того, Черкасскій пожаловался въ Кабинетъ, что архіерейскій домъ „достальныхъ церковническихъ дѣтей къ разбору для опредѣленія въ службу“ не представляетъ, ожидая отвѣта изъ Синода на свое доношеніе. Кабинетъ рѣшилъ, что никакихъ отвѣтовъ ждать нечего, такъ какъ правительственные указы всѣмъ извѣстны и имп велѣно: „у присягъ бывшихъ брать въ службу тѣхъ только, которые въ подушный окладъ не положены; а кто у присягъ не были, такихъ, хотя бъ въ подушную перепись написаны или не написаны, всѣхъ годныхъ взять въ службу“. Синоду предписывалось сообщить въ Нижній-Новгородъ, кому слѣдуетъ, чтобы, подъ „опасеніемъ жесточайшаго истязанія“, наборщикамъ помѣшательства не чинили. Въ этомъ кабинетскомъ указѣ о неприсягавшихъ сказано очень неясно: брать или не брать дѣйствительныхъ церковниковъ— не говорилось [2]).

Правительство, очевидно, однако, склонялось на сторону тѣхъ своихъ мѣстныхъ администраторовъ, которые дѣйствовали въ духѣ нижегородскаго губернатора и пензенскаго воеводы. Въ серединѣ 1738 года оно не замедлило высказаться на этотъ счетъ категорически и при томъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Мы видѣли выше, какъ возникъ въ епархіяхъ вопросъ о посвященіи въ священный чинъ неприсягавшихъ. Послѣ новаго разбора вопросъ этотъ еще болѣе обострился, ибо множество присягавшихъ попали въ солдатчину, и неприсягавшихъ церковниковъ замѣнить было некому. Въ апрѣлѣ 1738 года Московская Син. Пр. Канцелярія вынуждена была обратиться въ Синодъ съ просьбой: разрѣшить посвящать въ попы и діаконы и въ причтъ производить неприсяжныхъ, хотя бы по учиненіи имъ наказанія, такъ какъ „многія знатныя и прочія персоны прошеніями показуютъ, что за непроизводствомъ священниковъ и діаконовъ въ исправленіи священнослуженія и всякихъ требъ происходитъ крайняя остановка“. Синодъ обратился съ докладомъ въ Кабинетъ, предлагая, какъ и въ докладѣ 20-го мая (замолчанномъ), учинить неприсягавшимъ церковникамъ наказаніе плетьми (если они были во время присяги выше

1) Дѣло 1737 г. № 213. Донош. отъ 30 дек. 1737 г.

2) Дѣло 1736 г. № 171. 25 дек. 1737 г.

12 лѣтъ) и пропзводить ихъ въ причтъ, когда не откроется за ними злаго умысла (23-го іюня). Но резолюція Кабинета (1-го іюля) должна была какъ громомъ поразить духовенство и, пожалуй, заставить раскаяться Синодъ за свой докладъ, подавшій поводъ къ ней. Кабинетъ-министры писали: „Учинить по мнѣнію Св. Правительствующаго Синода виновнымъ наказаніе, и которые годны въ солдаты, тѣмъ учиня наказаніе, отослать для опредѣленія въ полки въ военную коллегію, а на ихъ мѣста опредѣлить другихъ“ [1]).

Это была какая-то горькая насмѣшка надъ духовенствомъ, особенно ссылка на мнѣніе Св Синода, какъ будто суть его доклада заключалась въ предложеніи наказанія. Легко было писать „опредѣлить другихъ“; а гдѣ ихъ взять, когда отовсюду жаловались на „конечное оскудѣніе“? Но духовное высшее правительство не осмѣлилось и теперь протестовать; къ тому же это было бы безполезно. Напротивъ, съ этой знаменательной резолюціи замѣчается усиленная строгость синодскихъ указовъ. Синодъ рѣшилъ закрыть глаза на вопіющія жалобы епархій и не только не смягчалъ чего-либо въ требованіяхъ правительственныхъ распоряженій, но проявлялъ неумолимую суровость даже тамъ, гдѣ безъ ущерба могъ бы ее избѣгнуть. Было тяжелое время разгаръ политическихъ розысковъ, открытіе нѣсколькихъ заговоровъ,— и безпощадно-подозрительное настроеніе правительства вселяло такую же безпощадность въ неотличавшееся мужествомъ „синодальное правленіе“. Страшно было навлечь на себя малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ послабленіи и неисправности.

Государству нужны были солдаты. Война затягивалась и поглощала массу человѣческихъ жертвъ. Вотъ почему былъ безпощаденъ такъ и Кабинетъ. Чрезъ 2 дня послѣ 1-го іюля былъ объявленъ указъ и о всеобщемъ наборѣ рекрутъ, и въ немъ не преминули подтвердить разборъ духовенства, угрожая грозной карой духовнымъ властямъ за укрывательство, споры, „продолженіе времени“, и требуя немедленно доносить о всемъ такомъ въ Сенатъ или Синодъ [2]).

---

1) Дѣло 1736 г. № 177.
2) П. С. З. X, 7610.

Московская Канцелярія, доношеніе которой вызвало суровую резолюцію, однако, рѣшилась не сразу сдаться побѣдителю. Основываясь на томъ, что въ резолюціи 1-го іюля сказано было, чтобы на мѣста взятыхъ церковниковъ опредѣлены были другіе, она осмѣлилась еще разъ замолвить свое слово. Она рѣшительно заявила, что если взять изъ дѣйствительнаго причта, то замѣнить взятыхъ некѣмъ, ибо кромѣ указнаго числа никого не оставлено. Надѣяться на тѣхъ, которые были въ 1730—31 гг. меньше 12 лѣтъ, нельзя, такъ какъ „изъ того никаковаго наполненія къ церквамъ не будетъ, для того, что изъ оныхъ которые церковническую должность понести могутъ, тѣ по нынѣшнимъ разборамъ оставлены въ числѣ дѣйствительныхъ церковниковъ, а въ священники и діаконы за малолѣтствомъ произвести ихъ невозможно". Въ отвѣтъ на это Синодъ, не имѣя возможности помочь дѣлу, потребовалъ только точной вѣдомости, по которой можно было бы судить о дѣйствительномъ состояніи епархіи [1]) Очевидно, онъ замышлялъ выступить предъ Кабинетомъ съ болѣе осязательнымъ орудіемъ въ рукахъ—статистическими данными.

Вторая половина 1738 года и начало 1739-го являетъ намъ картину судорожныхъ попытокъ съ одной стороны набрать какъ можно больше рекрутъ изъ церковниковъ, при очевидномъ уже опустошеніи церквей, съ другой—защитить приходы отъ таковаго опустошенія; но послѣднія попытки были тщетны.

Въ ноябрѣ 1738 года капитанъ Юрьевъ донесъ Синоду изъ Москвы, что Синодальная канцелярія упорно отвѣчаетъ, что неприсягавшихъ церковниковъ отдать нельзя, такъ какъ замѣнить ихъ некѣмъ. Недѣйствительно служащіе отданы всѣ, развѣ только, „гдѣ есть за укрывательствомъ несысканные пѣтчики" [2]). На это Синодъ шлетъ указъ московской

1) Дѣло 1736 г. № 177. Донош. 19 окт. 1737 г Синод. постан. 15 ноября.

2) „Пѣтчики" дѣйствительно существовали всюду. Это были люди, бѣжавшіе отъ грознаго разбора. Въ концѣ 1737 г. Рязанскій еп. писалъ, напримѣръ, Синоду, что изъ назначенныхъ къ разбору 132 ч. въ свѣтскую команду отослано 49 ч., а остальные, по показанію поповскихъ старостъ и доѣзчиковъ архіерейскихъ, „изъ домовъ своихъ и съ домашними своими и съ дороги отъ посланныхъ бѣжали незнамо куда" (Дѣло 1737 г. № 213).

канцеляріи слѣдующаго содержанія: „Церковныхъ причетниковъ, которые у состоявшихся въ 1730 и 1731 годахъ присягъ не были, а въ тѣхъ годахъ отъ рожденія имѣли не меньше 12 лѣтъ, и священно и церковно-служительскихъ дѣтей, кромѣ въ школахъ обучающихся, всѣхъ, въ числѣ которыхъ и нѣтчиковъ, къ разбору на смотръ представить въ самомъ скоромъ времени, не причиняя никаковыхъ въ томъ вымысловъ и суетныхъ отговорокъ и не продолжая ни мало времени, подъ опасеніемъ жесточайшаго истязанія. Что же оная Синодальнаго Правленія канцелярія о церковникахъ оному капитану Юрьеву письменно объявляетъ: по нынѣшнимъ разборамъ кромѣ указнаго числа никого при церквахъ не оставлено,—и потому тоя канцеляріи является быть весьма непристойная отговорка и не для чего иного приведенная, точію къ прикрытію и защищенію оныхъ церковныхъ отъ смотру“ [1]).

Такое отношеніе Синода вполнѣ отвѣчало правительственному настроенію. Черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго синодскаго постановленія (оно было 20 ноября 1738 г.) въ Синодъ изъ Кабинета былъ присланъ весьма суровый указъ. Дѣло въ томъ, что капитанъ Юрьевъ одновременно донесъ и Кабинету о томъ, что отвѣчаетъ ему синодальная канцелярія. Тогда Кабинетъ вооружился статистикой —(впослѣдствіи мы увидимъ насколько она справедлива) - и изрекъ такое распоряженіе. „Оныхъ отговорокъ за справедливый резонъ почесть невозможно,—говорили Кабинетъ-министры о доводахъ московскихъ епархіальныхъ правителей, ибо по генералитетской переписи такихъ неположенныхъ въ окладъ написано подъяковъ и пѣвчихъ 366, ихъ дѣтей 143, протопоповъ, поповъ и церковниковъ дѣйствительно служащихъ 37.048, ихъ дѣтей 29.554—итого 67.111 человѣкъ, а нынѣ самъ Св. Правит. Синодъ такихъ духовныхъ персонъ объявляетъ на лицо 124.923 души; сверхъ генералитетской переписи прибыло 57.812 чел., и по такому ихъ множеству не токмо всѣ Божіи церкви служителями удовольствовать можно, но и затѣмъ для употребленія въ школы останется довольно“. Затѣмъ относительно непрнсягавшихъ церковниковъ Кабинетъ пускается въ правоучительныя разсужденія.

---

1) Дѣло 1736 г. № 177.

„Весьма-бъ предосудительно было, чтобъ такихъ людей къ церквамъ опредѣлять, которые въ вѣрности своей ея императорскому величеству присяги не учинили и подлежатъ жесточайшаго наказанія, отъ котораго ея императорское величество изъ высочайшей своей милости освободить и вмѣсто того въ военную службу (гдѣ-бъ они могли такую вину свою заслужить) опредѣлить повелѣла". Поэтому „въ Кабинетѣ ея императорскаго величества разсуждено въ Св. Прав. Синодъ сообщить, чтобъ о представленіи вышеупомянутыхъ чиновъ людей, изъ которыхъ по ея императорскаго величества указамъ годныхъ въ службу брать велѣно, не токмо въ Москву, но и въ прочіи епархіи подтверждено было указами съ такимъ напкрѣпчайшимъ подверженіемъ, что ежели по полученіи тѣхъ послѣднихъ указовъ въ мѣсяцъ къ разбору всѣ представлены не будутъ, то духовныя власти лишены быть имѣютъ чиновъ своихъ, а свѣтскіе судьи, яко укрыватели отъ службы судимы будутъ" [1]). Синодъ поспѣшилъ исполнить кабинетное требованіе [2]).

Между тѣмъ и безъ этого указа послѣ резолюціи 1-го іюля разборъ церковниковъ во всѣхъ епархіяхъ происходилъ безъ приостановленія. Въ томъ самомъ Суздалѣ, гдѣ сама провинціальная канцелярія, какъ мы видѣли, отсылала назадъ присланныхъ въ нее людей во вниманіе къ нуждамъ церкви, теперь, за отдачей почти всѣхъ непрнсягавшихъ, осталось 73 человѣка не отосланы. Попросили хоть ихъ оставить при церквахъ. Синодъ приказалъ отослать немедленно для опредѣленія въ военную службу. Юрьевская провинціальная канцелярія отослала назадъ присланныхъ къ ней 35 церковниковъ, „чтобъ церкви Божіи безъ пѣнія не были". Синодъ опредѣлилъ: объ отдачѣ ихъ въ солдаты учинить по указамъ ея императорскаго величества [3]). Въ Смоленскъ, откуда слышались горькія жалобы на оскудѣніе, посылается указъ: „если по окончаніи разбора смоленской епархіи, при которыхъ церквахъ и мѣстахъ священно и церковно-служительскія дѣти опредѣлены такіе, которые у присягъ не были, а во время тѣхъ присягъ имѣлось имъ не менѣе 12

---

1) Книга высоч. указовъ 1738 г., № 67, 25 ноября.

2) Книга всеподд. докладовъ 1738 г., № 107.

3) Дѣло 1736 г. № 164. Постан. 21 авг. и 19 сент. 1738.

лѣтъ, то о немедленномъ собраніи къ смотру и разбору таковыхъ учинить его преосвященству непремѣнно“ [1]).

Нижегородскую епархію, гдѣ всѣ поголовно дѣти духовенства не были у присягъ, указъ 1-го іюля затронулъ чрезвычайно больно. Оттуда написали, что небывшихъ у присягъ дьячковъ и пономарей нашлось 499 чел., которые уже потерпѣли наказаніе плетьми и приведены къ присягамъ въ 1737 году и за крайнею нуждою опредѣлены были къ церковной службѣ. Епархія разобрана до чиста: остались одни дѣйствительно служащіе, да малолѣтніе школьники. При 961 церкви не хватаетъ 680 священно и церковно-служителей. Если взять указанныхъ 499, то будетъ недоставать 1179 человѣкъ. Синодъ на это постановляетъ (29 сент. 1738 г.): „Во оной архіерейскій домъ къ управителямъ послать указъ, въ которомъ написать, дабы въ разборѣ и въ отдачѣ къ смотру помянутыхъ церковниковъ и священно и церковно-служительскихъ дѣтей поступали они управители, какъ ея императорскаго величества указы повелѣваютъ, непремѣнно“. Между тѣмъ поручикъ Черкасскій все слалъ жалобы за жалобами на укрывательство духовныхъ персонъ (это при 1179 свободныхъ мѣстахъ!), а синодальное правительство въ отвѣтъ на нихъ слало указы за указами въ Нижній-Новгородъ. Такъ же было въ Архангельскѣ, гдѣ дѣйствовалъ сподвижникъ Черкасскаго, Перепечинъ [2]). Такъ было вѣроятно всюду, откуда шли молчаливые рапорты о неуклонномъ исполненіи правительственныхъ распоряженій. А послѣ указа 25 ноября строгость разбора еще болѣе должна была усилиться подъ тяготѣніемъ грозной кары суда и наказанія.

Бросимъ взоръ и на отдаленную Сибирь, гдѣ, среди холодныхъ и непріютныхъ лѣсовъ, вплоть до океана, текла своимъ потокомъ народная жизнь, вмѣстѣ и жизнь религіозная. Всегда малонаселенная, внушающая страхъ всѣмъ, кого судьба туда заносила. Сибирь не избѣгла грозы, разразившейся надъ духовенствомъ; ее не спасли отъ разборовъ ни отдаленное положеніе, ни всегда ощущаемая скудость въ священно и церковно-служителяхъ. Конечно, она не могла поставлять сотни рекрутъ изъ среды духовенства, по примѣру велико-

1) Дѣло 1736 г. № 163. Проток. Син. 16 февр. 1739 г.
2) Дѣло 1736 г. № 171. Дѣло 1736 г. № 166.

русскихъ епархій; но и тѣ десятки, которые у нея похитили разборы, были здѣсь дороже сотенъ въ другихъ мѣстахъ. Въ 1738 году тобольскій митрополитъ Антоній доносилъ Синоду, что порожнихъ мѣстъ при церквахъ святыхъ, не имѣющихъ поповъ, діаконовъ и прочихъ причетниковъ, оказалось многое число, и они остаются безнадежно праздны, такъ какъ дѣти духовенства отъ 15 лѣтъ и выше должны идти въ солдаты, что и дѣлается, негодные въ военную службу большею частью увѣчные и неученые, малолѣтніе еще не годятся въ церковную службу, потому „удовольствовать святыя церкви не можно“ и служба при церквахъ во многихъ мѣстностяхъ грозитъ остановиться. Синодъ, сообщая объ этомъ Кабинету, просилъ хоть немного помочь этой нуждѣ, не посылая въ Охотскъ четырехъ приговоренныхъ къ ссылкѣ за общеніе съ князьями Долгорукими священниковъ. Кабинетъ не согласился и велѣлъ опредѣлить въ Томскъ и прочія мѣста другихъ, воображая, что они явятся какимъ-то чудомъ [1]). Въ 1739 году явственно обнаружилась вопіющая скудость и въ восточной половинѣ Сибири —въ иркутской епархіи, такъ что Сенатъ долженъ былъ дозволить тамъ посвящать на церковныя должности людей свѣтскаго званія [2]).

Тѣмъ временемъ, какъ шла переборка по второму разбору, объявленному въ сентябрѣ 1737 года, въ началѣ января 1738 года вышло знаменательное по своему характеру предписаніе Синоду свыше. Солдатчина опустошала церковные причты и оставляла десятки свободныхъ мѣстъ. Указъ 7-го сентября ускорилъ это разрушительное для церковнаго строя дѣло. Но правительство стояло вдали отъ русской жизни, до него мало доносились встревоженные голоса провинціи. Оно знало лишь политику внутреннюю и внѣшнюю, блюло государственные интересы и, сообразно своимъ соображеніямъ, принимало тѣ или иныя мѣры относительно духовенства. И императрица, и ея министры, кажется, мало интересовались, какъ отзовется ихъ замыселъ на церковныхъ интересахъ. Впрочемъ, правительство было, повидимому, твердо увѣрено, что духовенство, наполненное „тунеядцами“, легко можетъ поставить тысячи людей для полковъ арміи,

---

1) П. С. З. X, 7646.
2) П. С. З. X, 7836.

и церковная жизнь отъ этого не выйдетъ изъ своего нормальнаго теченія. И вдругъ благочестивой императрицѣ, ревностно лично заботящейся о церковномъ богослуженіи, стало извѣстно, что есть много церквей въ государствѣ, которыя не только не имѣютъ тѣхъ достойныхъ учительныхъ священниковъ, о которыхъ постоянно говорилось въ указахъ правительства, но не имѣютъ никакихъ, стоятъ праздны, „понеже бывшіе при церквахъ священники померли, а другіе за вины и непорядочное житіе отлучены[1]),—а между тѣмъ люди безъ покаянія и безъ причастія святыхъ таинъ помираютъ, слѣдственно надлежитъ и тому быть, что въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ люди принуждены жить безъ принятія отъ церкви брака, и такъ многія души погибаютъ напрасно". Такое положеніе вещей не могло не смутить не только благочестивую государыню, но и нѣмцевъ—министровъ. Послѣдніе, назначая разборъ, никакъ не намѣревались опустошать церкви; они лишь хотѣли привлечь на службу государству безполезныхъ для него людей. Они могли предполагать нѣкоторое стѣсненіе въ церковныхъ дѣлахъ; но думали, вѣроятно, что это будетъ уменьшеніе многолюдства духовенства—и только, а никакъ не поведетъ къ совершенному опустѣнію церквей. Религіозную жизнь народа затрогивать было бы и неполитично, да этого вовсе и не замышляли и не желали министры. Поэтому тотчасъ же рѣшились принять мѣры къ устраненію указаннаго явленія. Но на верху не сообразили, что причиной его служатъ разборы. Тамъ были все еще увѣрены, что духовенство обладаетъ достаточнымъ количествомъ людей, чтобы пополнить и церкви, и армію. Запустѣніе храмовъ сочли слѣдствіемъ небреженія духовнаго начальства. Архіереямъ надлежало бы тотчасъ же замѣщать свободныя мѣста, а они „толико важное и человѣческому спасенію потребное дѣло" весьма забвенію предали. А если такъ, то достаточно издать указъ построже—и дѣло поправится. И вотъ явился указъ Синоду 8-го января 1738 года, которымъ „ея императорское величество, ревнуя по закону Божію, имѣя всегда крайнее свое императорскаго величества попеченіе о благочестіи и прославленіи величества славы Божія и о спа-

1) Такъ ложно объяснялъ оскудѣніе причтовъ указъ, если, конечно, не считать въ числѣ упоминаемыхъ „винъ" непріисканіе.

сеніи душъ человѣческихъ..., повелѣть соизволила, чтобъ ко всѣмъ тѣмъ церквамъ, а особливо въ уѣздахъ, при которыхъ священниковъ нѣтъ, нынѣ немедленно опредѣлить, выбравъ людей добраго и непорочнаго житія и прилежныхъ въ чтеніи книгъ съ разумомъ священнаго писанія, такожъ и въ пѣніи церковномъ искусныхъ; и о томъ имѣетъ Синодъ во всѣ епархіи къ архіереямъ послать ея императорскаго величества указы". При этомъ приводилась та самая статистика, которую мы уже встрѣтили въ позднѣйшемъ ноябрьскомъ указѣ Кабинета, именно, что, по сравненію съ генералитетской переписью, численность духовнаго сословія увеличилась на слишкомъ 57.000 человѣкъ. „И по такому ихъ множеству, ежели Синодъ свое радѣніе, такожъ и архіереи во епархіяхъ своихъ прилагать будутъ, то не токмо всѣ церкви удовольствованы быть могутъ добрыми священнослужителями, но и затѣмъ останется ихъ довольно; изъ которыхъ, выбравъ молодыхъ людей, можно употреблять въ школы и обучать вышнимъ наукамъ" [1]). Такъ легко разрѣшивъ смутившій было вопросъ, правительство успокоилось и опять принялось за разборъ, съ спокойной совѣстью отбирая у церквей церковниковъ.

Съ апрѣля 1739 года въ исторіи аннинскихъ разборовъ начинается послѣдній ихъ періодъ — періодъ ходатайствъ Синода за духовенство и постепенныхъ уступокъ правительства на эти ходатайства. Синодъ осмѣлился, наконецъ, выступить въ защиту духовнаго сословія и опустошаемыхъ церквей, сознавая, очевидно, что дальше дѣло оставлять такъ нельзя — нельзя слать указы за указами въ мѣста уже и безъ того разоренныя. Съ другой стороны, необходимо было открыть глаза правительству, что церкви пустѣютъ не въ силу небреженія духовной команды, а въ силу правительственной политики; что указъ 8-го января 1738 года направленъ не по адресу главнаго виновника опустошенія епархій. Къ тому же молчать долѣе было и не безопасно: январьскій указъ строго предписывалъ немедленно удовольствовать церкви Божіи; это было невозможно при настоящемъ состояніи духовенства; между тѣмъ неисполненіе воли правительства

[1]) П. С. З. X, 7734.

грозило вызвать новое, еще болѣе рѣзкое напоминаніе Синоду о его обязанностяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же указъ давалъ духовной власти теперь и точку опоры въ ея ходатайствахъ: она могла представить свое безвыходное положеніе предъ неразрѣшимой задачей—и рекрутъ поставлять и храмы святые удовольствовать.

Въ концѣ января 1739 года изъ архангельской губернской канцеляріи пришло донесеніе, которое свидѣтельствовало, что сами свѣтскіе командиры начали сознавать ненормальность теченія дѣлъ. Сама канцелярія не рѣшалась больше отдавать въ службу церковниковъ и требовала синодскаго разрѣшенія. Въ синодѣ сначала рѣшили подать докладъ Кабинету объ одной архангельской епархіи (13 марта); но вскорѣ же раздумали, найдя это слишкомъ недостаточнымъ, въ виду жалобъ отовсюду на оскудѣніе. 29-го марта рѣшено было подать общій докладъ о всѣхъ епархіяхъ [1]). Докладъ былъ составленъ и подписанъ 27-го марта. Въ немъ Синодъ излагаетъ предъ правительствомъ, что „воспослѣдовало въ церковномъ клирѣ“ отъ разбора церковниковъ и дѣтей духовенства; а чтобы избѣгнуть подозрѣнія въ преувеличеніи, онъ старается приводить донесенія не епархіальныхъ начальствъ, а провинціальныхъ свѣтскихъ властей. Въ докладѣ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія, отчасти уже намъ извѣстныя, но мы повторимъ вкратцѣ и ихъ, чтобы было ясно, что узнало правительство.

Прежде всего въ синодальномъ докладѣ стоятъ извѣстія изъ Москвы, подвергшейся, какъ мы видѣли, безпощадному разгрому. Московская Синодальная Канцелярія доносила, что, по резолюціи перваго іюля 1738 года, велѣно неприсягавшихъ дѣйствительныхъ церковниковъ взять въ солдаты; между тѣмъ, послѣ бывшихъ уже разборовъ, оставлено при церквахъ лишь опредѣленное число, при многихъ церквахъ оставлено церковниковъ по одному человѣку, у нѣкоторыхъ нѣтъ никого, кромѣ малолѣтнихъ Если отдать оставленныхъ въ дѣйствительномъ причтѣ, то замѣстить ихъ некѣмъ, некого будетъ посвящать въ священники и діаконы. Это донесеніе синодальной канцеляріи въ февралѣ было подтверждено даже свидѣтельствомъ московскаго впце-

1) Дѣло 1739 г. № 295

губернатора кн. Юсупова и лейбъ-гвардіи капитана Юрьева, которые говорили, что указъ 8-го января о удовольствованіи церквей исполнить невозможно, за недостаткомъ нужныхъ людей. И отдавать больше въ солдаты нельзя.

По извѣщенію псковской архіерейской консисторіи, въ псковской епархіи 55 праздныхъ церквей, не считая 17 приписныхъ къ архіерейскому дому, и удовольствовать ихъ некѣмъ; требуется для наполненія ихъ и пополненія другихъ причтовъ 89 протопоповъ и поповъ, 19 діаконовъ, 9 пѣвчихъ и подьяковъ, 167 церковниковъ—всего 287 человѣкъ.

Извѣстный своей ревностью новгородскій вице-губернаторъ Бредихинъ, его товарищъ Квашнинъ-Самаринъ и новгородская коммиссія о разборѣ доносили, что съ перваго разбора отдано въ солдаты до 1739 года 1293 чел., а малолѣтнихъ отослано въ школы 621 чел.; при церквахъ и у родителей осталось лишь немного негодныхъ къ службѣ и малолѣтнихъ; если взять дѣйствительныхъ дьячковъ и пономарей, то въ службѣ церковной учинится остановка. По присланнымъ отъ закащиковъ и поповскихъ старостъ вѣдомостямъ, въ Новгородѣ и его пяти пятинахъ праздныхъ мѣстъ имѣется 231 священнослужительскихъ и 406 церковнослужительскихъ. Чинить дальнѣйшій разборъ коммиссія не рѣшается безъ особаго указа.

Духовная дикастерія донесла о самомъ градѣ Москвѣ, что тамъ 60 праздныхъ мѣстъ.

Архангельская губернская канцелярія сообщала, что въ ней опредѣлено пока не брать, до указа свыше, дѣйствительныхъ неприсягавшихъ церковниковъ, такъ какъ архіерейская канцелярія потребовала въ послѣдній разъ таковыхъ взятыхъ обратно, говоря, что „при церквахъ Божіихъ за отсылкою ихъ во всякомъ церковномъ пѣніи чинится нынѣ крайняя остановка“, а особымъ указомъ велѣно церкви непремѣнно удовольствовать. Канцелярія губернская въ свою очередь подтверждала, что если брать изъ дѣйствительнаго причта неприсягавшихъ, то на ихъ мѣсто опредѣлить некого, и церкви останутся совсѣмъ безъ церковниковъ. Въ епархіи недостаетъ уже до указнаго числа въ причтѣ 107 человѣкъ, да есть 8 праздныхъ церквей, куда потребно еще 28 человѣкъ.

Тверскій еп. Митрофанъ доносилъ, что въ его епархіи совершенно праздныхъ 58 церквей, не считая скудости въ другихъ, и къ опредѣленію къ нимъ выбрать некого, такъ какъ, кромѣ больныхъ и престарѣлыхъ, дѣти духовенства всѣ взяты въ военную службу, даже и выше 40 лѣтъ. При церквахъ было оставлено при прежнихъ разборахъ по одному и по два человѣка, а гдѣ и никого. Послѣ указа 1-го іюля берутся въ солдаты дѣйствительные церковники, вслѣдствіе чего часто при церквахъ остаются одни попы. Даже ученики славяно-греко-латинской школы въ Твери требуются въ провинціальную канцелярію.

По присланной въ Синодъ вѣдомости, въ вологодской епархіи праздныхъ церквей 44; къ нимъ нужно 46 поповъ, 62 дьяка и пономаря.

Всего только въ 4-хъ епархіяхъ —тверской, псковской, архангельской, вологодской — праздныхъ церквей 182; къ нимъ, не включая 58 церквей тверской еп., о которыхъ не прислано вѣдомости, сколько туда надо причта,—въ московскіе соборы и новгородскую епархію потребно протопоповъ, поповъ, ключарей и діаконовъ 553 человѣка; пѣвчихъ, поддьяковъ, дьяковъ, псаломщиковъ, пономарей, сторожей, звонарей 675 челов; да къ 58 церквамъ тверскимъ, если считать по одному священнику, то надобно 58; всего 1286 человѣкъ. Изъ прочихъ епархій вѣдомостей не прислано, но вѣроятно и тамъ подобный же недостатокъ. Если, какъ гласитъ кабинетскій указъ 25-го ноября 1738 года, „весьма предосудительно опредѣлять къ церквамъ такихъ людей, которые въ вѣрности ея императорскому величеству присяги не учинили“, то еще болѣе многія церкви останутся праздны, разсуждалъ Синодъ въ своемъ докладѣ. А именнымъ указомъ 8-го января 1738 года „между прочимъ паикрѣпчайше Св. Синоду подтверждено, чтобы ко всѣмъ праздным церквамъ, а особливо въ уѣздахъ, при которыхъ священниковъ нѣтъ, ныпѣ немедленно опредѣлить“. Основываясь на этомъ, Синодъ и предлагаетъ уволить оставшихся за разборомъ церковниковъ, не бывшихъ у присягъ, отъ взятія въ военную службу еще не взятыхъ, а взятыхъ послѣ указа 25-го ноября, если они не отправлены въ армію, возвратить, взявъ съ нихъ штрафъ по примѣру малороссіянъ; „а кои платить не похотятъ или къ платежу не въ состояніи, тѣмъ

наказаніе чинить, какъ прежними ея императорскаго величества указами повелѣно; и по приведеніи къ тѣмъ присягамъ, быть имъ при церквахъ по прежнему".

Затѣмъ синодальный докладъ разъясняетъ несостоятельность тѣхъ статистическихъ аргументовъ, которые уже дважды, какъ мы знаемъ, приводило въ своихъ распоряженіяхъ правительство. Послѣднее считало, что послѣ генералитетской переписи 1722 года духовное сословіе возросло въ численности на 57,812 человѣкъ, судя по исповѣднымъ вѣдомостямъ 1737 года. Но исповѣдныя вѣдомости были составлены до вторичнаго разбора по указу 7-го сентября 1737 года, когда разборъ еще находился въ своей легкой начальной фазѣ. Послѣ сентября 37 года были взяты главныя массы дѣтей духовенства. Затѣмъ увеличеніе духовнаго сословія произошло отчасти вслѣдствіе произведенія въ клиръ изъ подушнаго оклада послѣ генеральной переписи—произведенія, вызваннаго недостаткомъ духовенства. Въ третьихъ, въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ числится въ духовномъ сословіи около 14,000 малороссіянъ; а ревизіи и переписи въ Малороссіи не было. Надо принять во вниманіе также то, что средп духовнаго сословія есть множество малолѣтнихъ, счетъ которыхъ сильно преувеличиваетъ его дѣйствительныя, наличныя силы. Наконецъ, сама генералитетская перепись не точно представляетъ тогдашнюю численность духовенства, потому что при 15,761 церквахъ Великороссіи, если считать въ причтѣ при каждой по три человѣка, у нихъ же дѣтей мужскаго пола положить „къ половинѣ по два, къ другой половинѣ по одному сыну", то уже было бы дѣтей и отцовъ 118,207 человѣкъ; а перепись насчитываетъ только 67,111. Очевидно, увеличеніе духовнаго сословія съ 722 года на 57 тысячъ есть совершенно эфемерное.

Высочайшая резолюція на синодскомъ докладѣ состоялась 4-го апрѣля и гласила: „по сему сообщенію, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ другихъ священниковъ и церковныхъ причетниковъ, окромѣ такихъ небывшихъ у присягъ, нѣтъ, изъ оныхъ оставить, однакожъ положа на нихъ денежный штрафъ такимъ образомъ, какъ на другихъ той же ради причины положено, и о произведеніи изъ церковниковъ, такожъ и изъ дѣтей оныхъ духовныхъ чиновъ въ священники и въ прочіе церковническіе чины, поступать по послѣднему дан-

ному Святѣйшему Правительствующему Синоду указу“ [1]). Въ послѣднихъ словахъ, хотя неопредѣленно, давался положительный отвѣтъ на давно представляемую просьбу Синода—дозволить производить во священный чинъ неприсягавшихъ церковниковъ (такъ понялъ эти слова Синодъ). Видимо правительство стало разубѣждаться въ правотѣ своихъ прежнихъ взглядовъ и статистическихъ соображеній. Резолюція 4-го апрѣля открыла рядъ уступокъ со стороны Кабинета, закончившихся прекращеніемъ разбора и возвращеніемъ даже нѣкоторыхъ назадъ изъ солдатства. Параллельно съ тѣмъ и тонъ правительствующихъ указовъ понижается. У правителей нѣмцевъ поколебалась увѣренность въ своей непогрѣшимости и государственной мудрости въ отношеніяхъ къ церкви.

Въ апрѣльской резолюціи Кабинетъ, по своему обыкновенію, замолчалъ вторую часть просьбы Синода—возвратить взятыхъ въ солдаты, но не отосланныхъ въ армію церковниковъ. На эту уступку, очевидно, министры не были согласны. Потому, хотя былъ въ іюлѣ (25) новый синодальный докладъ объ этомъ, а также о тѣхъ церковно-служителяхъ, которые штрафа заплатить не въ состояніи (Синодъ предлагалъ ихъ вмѣсто штрафа наказать плетьми), но и этотъ докладъ остался безъ послѣдствій [2]).

Въ октябрѣ (5) былъ поданъ синодальный докладъ о лицахъ священнаго сана, угодившихъ въ солдаты по дѣлу о присягахъ. Неприсягавшіе попы и діаконы были, какъ мы знаемъ, освобождены отъ грозы военной службы: ихъ наказывали только плетьми [3]). Оказались, однако, между ними такіе, которые со страху предъ карой, постигавшей вообще неприсягавшихъ, подписывались заднимъ числомъ подъ присяжными листами. Несчастные вмѣсто пользы принесли себѣ этимъ одинъ вредъ: Тайная Канцелярія стала таковыхъ за подложную подписку отдавать въ солдатчину. Въ 1737 г. 28 декабря въ Московскую синодальнаго правленія Канце-

---

1) П. С. З. X, 7790. Дѣло въ Архивѣ Синода 1739 г. № 275.

2) Книга всеподдан. докладовъ 1738 г., № 53.

3) Впрочемъ, были все-таки священники и діаконы, попавшіе въ солдаты за одно неприсяганіе (см. напр. О. А. С. С. XII, $^{22}/_{22*}$; А. С. С. Дѣла 1740 г. №№ 292 и 330—о возвращ. сана таковымъ).

лярію было прислано изъ конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ 34 человѣка священно-служителей для лишенія сана, такъ какъ контора приговорила ихъ за вышеуказанную вину къ нещадному плетьми наказанію и отдачѣ въ солдаты. Но въ концѣ апрѣля (29) 1738 года строгость наказанія такихъ лицъ была смягчена: велѣно брать съ нихъ штрафа 50 рублей и нелишенныхъ еще священства оставить при немъ, а лишенныхъ, если они заплатятъ штрафъ, выключать изъ военной службы и записывать въ купечество, цехи, кто куда способенъ; немогущихъ заплатить штрафа годныхъ по прежнему отдавать въ солдаты, а негодныхъ ссылать въ Оренбургъ на вѣчное житье [1]). Два изъ лишенныхъ въ Московской Канцеляріи сана священниковъ (Александровъ и Никитинъ), по этому послѣднему указу, заплативъ за себя штрафъ, были выключены изъ полковъ и препровождены въ московскую губернскую канцелярію для положенія въ подушный окладъ. Но они просили возвратить имъ священный санъ. Тогда Синодъ, воспользовавшимъ этимъ случаемъ и видимымъ смягченіемъ правительственной строгости, просилъ у Кабинета, ссылаясь на крайнюю нужду въ служителяхъ церкви, возвратить санъ всѣмъ лицамъ священнаго чина, лишенныхъ священства за подложную подписку къ присягамъ. По синодальному мнѣнію, они уже достаточно наказаны и плетьми, и солдатчиной, и штрафомъ [2]). Однако, Кабинетъ, опять по своей привычкѣ дѣлать уступки съ нѣмецкой постепенностью и медлительностью, дозволилъ только Никитину и Александрову, если они „добраго состоянія и священниками быть достойны“, возвратить прежній санъ, а о всѣхъ ихъ сотоварищахъ по участи благоразумно умолчалъ [3]). Лишь на повторенную просьбу Синода [4]) въ мартѣ 1740 года было получено желаемое разрѣшеніе кабинетъ-министровъ [5]).

Въ февралѣ 1740 года было торжественно провозглашено на всю Россію радостное событіе: кончилась изнурительная, тяжелая турецкая война, заключенъ желанный миръ. Для

---

1) См. справку въ дѣлѣ А. А. С. 1741 г. № 414, л. 3—4.
2) Книга всеподдан. докл. 1739 г., № 68. Окт. 5.
3) Книга высочайш. указовъ 1739 г., № 40. Ноября 15.
4) Книга всеподдан. докл. 1740 г., № 12. Февраля 28.
5) П. С. З. XI, 8040; Марта 20-го 1740 г.

духовенства эта вѣсть подавала надежду, что кончатся и разборы, производившіеся во имя „крайней въ укомплектованіи полковъ нужды“. Св. Синодъ поспѣшилъ воспользоваться счастливымъ моментомъ и выступить передъ правительствомъ съ ходатайствомъ о прекращеніи разбора и возвращеніи къ алтарямъ похищенныхъ у нихъ служителей, кого судьба сохранила на полѣ битвы. 26 февраля 1740 года явилось всеподданѣйшее доношеніе Синода на имя государыни слѣдующаго содержанія:

„Имянными вашего императорскаго величества неоднократно повтореннымъ указамъ накрѣпчайше Синоду подтверждено, дабы находящіеся въ всероссійской имперіи святыя церкви, которыя отъ чего либо опустѣли, всѣми потребностьми, напаче же священно-служительми, гдѣ оныхъ не имѣется, неотмѣнно были удовольствованы, впредь же къ произведенію въ священный чинъ приходскіе люди, гдѣ священно-служители будутъ надобны, представляли бъ на одно мѣсто по два и по три кандидата, достойныхъ людей честнаго и воздержнаго житія. А попеже изъ присылаемыхъ въ Синодъ вѣдомостей усмотрѣно: что отъ извѣстно бывшихъ и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производящагося церковникамъ и ихъ дѣтямъ въ военную службу разбора воспослѣдовалъ въ церковномъ клирѣ крайній недостатокъ, ибо не точію священно и церковно-служительскія дѣти, которыя внѣ дѣйствительнаго церковнаго причта находились, но и изъ дѣйствительно служащихъ дьячки и пономари, по причинѣ небытія ихъ у состоявшихся въ 1730 и 1731 годахъ присягъ, въ военную службу побраны, а во многихъ мѣстахъ церковническимъ дѣтямъ взятіе въ службу было безъ разбору, не оставляя для опредѣленія на то время, доколѣ малолѣтные подростутъ и изъ школьныхъ выйдутъ, на убылыя мѣста, такожъ и вмѣсто взятыхъ церковниковъ въ солдаты на мѣста ихъ въ церковный причтъ; и тако церкви святыя многія не точію безъ дьячковъ и пономарей, но и безъ священниковъ (которые по разнымъ случаямъ убыли) остались, а изъ оставшаго за разборомъ причта, овыхъ за увѣчьемъ и старостью, иныхъ же за другими неспособностями, да и въ числѣ самихъ ихъ недостаточностью, а изъ малолѣтнихъ, коп отъ разборовъ же въ военную службу и за опредѣленіемъ въ школьное ученіе остались, за ихъ мало-

лѣтствомъ не точію въ священники, но и во дьячки и пономари опредѣлить еще нельзя, и въ кандидаты не только что по два, и по три къ произведенію въ священника или діакона могло гдѣ сыскаться, но и по единому во многихъ же мѣстахъ не обрѣтаются, какъ о томъ въ Синодѣ сверхъ вышеозначенныхъ изъ епархій присланныхъ вѣдомостей и чрезъ поданныя приходскихъ людей изъ разныхъ мѣстъ прошенія оказалось, отъ чего обрѣтающіеся при такихъ церквахъ прихожане принуждены въ мірскихъ по должности христіанской требахъ имѣть крайнюю нужду и лишеніе духовенства и прочихъ церковныхъ таинствъ. Того ради Синодъ всеподданѣйше у вашего императорскаго величества проситъ, ради вышепоказанныхъ резоновъ и крайней въ церквахъ святыхъ обстоящей нужды, не соизволитъ ли ваше императорское величество всемилостивѣйше указать помянутый церковникамъ и ихъ дѣтямъ въ военную службу разборъ, въ которыхъ мѣстахъ оный еще не окончен, за нынѣ дарованный отъ Бога Россіи блаженный и благополучный миръ, оставить, и кои изъ дѣйствительныхъ церковниковъ и священно и церковно-служительскихъ дѣтей грамотѣ обученныхъ въ военную службу взяты и нынѣ въ наличіи въ полкахъ лейбъ-гвардіи, такожъ въ драгунскихъ и пѣхотныхъ полевыхъ и гарнизонныхъ имѣются, кромѣ неумѣющихъ грамотѣ, и двоеженцевъ и троеженцевъ, изъ военной службы къ церквамъ святымъ уволить по прежнему, а которые изъ нихъ у вышеупомянутыхъ присягъ въ настоящее время не были, за то вмѣнить учиненное имъ при отдачѣ въ службу наказаніе и службу ихъ въ бытность въ солдатахъ; такожъ и тѣхъ, которые по сплѣ состоявшагося вашего императорскаго величества указа вмѣсто себя поставили рекрутъ и указныя на платье, ружье и амуницію деньги отдали, или откупъ за себя—указную сумму денегъ дали, а сами записаны въ купечество и въ цехи и въ подушный окладъ положены, или по канцеляріямъ въ разсыльщики опредѣлены, а нынѣ желаютъ въ церковный причетъ по прежнему, изъ посаду и изъ цеховъ и изъ подушнаго окладу выключить и опредѣлить къ церквамъ".

17 мая состоялась резолюція: „По сему доношенію, вышепоказаннымъ церковникамъ и ихъ дѣтямъ разборъ, въ которыхъ мѣстахъ понынѣ оный не оконченъ, велѣть окан-

чивать, и кто изъ нихъ годные въ службу назначены будутъ, тѣхъ до указа не брать, а между тѣмъ Святѣйшему Правительствующему Синоду по сношенію съ Правительствующимъ Сенатомъ учинить вѣдомость, сколько всѣхъ такихъ церковниковъ въ службу дѣйствительно взято и по послѣднему разбору годныхъ назначено будетъ". Вѣдомость подать въ Кабинетъ, и тогда „имѣетъ разсмотрѣніе учинено быть" [1]).

Такимъ образомъ, правительство опять удовлетворило только часть ходатайства Синода. Разборъ былъ остановленъ, но возвращеніе взятыхъ къ церквамъ было отложено до неопредѣленнаго времени подачи и разсмотрѣнія вѣдомости. По всѣмъ признакамъ, министры были не особенно склонны исполнить всѣ синодальныя просьбы. Но крайней мѣрѣ, наканунѣ послѣдней резолюціи, въ Кабинетѣ состоялась резолюція на другой докладъ Синода именно въ отрицательномъ духѣ. Синодъ просилъ (28 сентября 1739 года [2]) оставить въ синодальномъ вѣдомствѣ хотя дѣтей неприсягавшихъ негодныхъ въ солдаты церковниковъ, которые писались въ подушный окладъ, если не могли заплатить штрафа; малолѣтнія дѣти ихъ могли бы пригодиться на служеніе церкви по обученіи наукамъ. Кабинетъ (16 мая 1740) года не согласился и велѣлъ не бывшихъ у присяги церковниковъ, неспособныхъ ни въ военную, ни въ церковную службу, писать въ подушный окладъ и съ дѣтьми ихъ, „ибо ежели однихъ отцовъ въ подушный окладъ положить, а дѣтей ихъ оставить въ вѣдомствѣ синодскомъ, то никто одинъ ихъ за собою написать не похочетъ" [3]).

Но все-таки, хотя и туго, правительство смягчало свою прежнюю строгость, во вниманіе къ дѣйствительно печальному положенію церкви. Миръ съ Турціей давалъ къ тому же и поводъ съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія: свои уступки власть теперь могла дѣлать въ видѣ какъ бы милости, не сознаваясь въ опрометчивости своей прежней церковной политики. Въ началѣ іюня (8) Синодъ получилъ неожиданно милостивое соизволеніе на одно изъ своихъ ходатайствъ. Еще въ 1739 году (28 сентября) [4]) си-

1) Дѣло въ Архивѣ Св. Синода 1740 г. № 279.
2) Книга всеподдан. докладовъ 1739 г., № 66.
3) П. С. З. XI, 8105.
4) Книга всеподдан. докл. 1739 г., № 64.

подальное правленіе представляло, что есть бѣлые попы и діаконы неприсягавшіе въ свое время, которымъ не дается за ихъ вину движенія по службѣ. По спошенію съ Тайной Канцелярієй, Синодъ рѣшилъ очистить таковыхъ отъ тяготѣвшей надъ ними вины посредствомъ штрафа въ 30 рублей, а неимущихъ посредствомъ наказанія плетьми, и спрашивалъ у Кабинета, утвердитъ ли онъ это соглашеніе. Но Кабинетъ отмалчивался до іюня слѣдующаго года, когда, наконецъ, милостиво рѣшилъ: привесть къ присягамъ не бывшихъ у нихъ поповъ и діаконовъ и, „ежели по подлинному свидѣтельству явится, что они подлинно не отъ злости и упрямства или отъ какой другой злой причины, по токмо отъ одной своей простоты у тѣхъ присягъ не были, то такихъ, для дарованнаго отъ Бога съ Портою Оттоманскою мира, отъ тѣлеснаго наказанія и отъ штрафа освободить, и быть имъ въ прежнихъ своихъ чинахъ“ [1]).

Церковно-служителей не касалась милостивая резолюція. Съ нихъ, по прежнему указу 4 апрѣля 1739 года, брали штрафъ по 30 рублей. Ободренный хорошимъ расположеніемъ Кабинета, Синодъ рѣшилъ не терять дорогаго времени и 13-го же іюня вошелъ съ ходатайствомъ и о церковникахъ и дѣтяхъ духовенства. Московская синодальнаго правленія Канцелярія и архангельская губернская канцелярія требовали отвѣта, какъ поступить съ церковниками и церковно-служительскими дѣтьми, которые штрафа заплатить не могутъ? Въ Москвѣ и Архангельскѣ рѣшили не производить ихъ пока въ церковный причтъ, не смотря на то, что праздныя церкви пустовали. Теперь Синодъ, ссылаясь на указъ 8 іюня, просилъ, не соизволитъ ли ея императорское величество „и оныхъ всѣмъ церковникамъ и священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ у присягъ не бывшимъ, которые на то противнаго умысла не имѣли, какъ и прочимъ, вины отпустить, и по прежнему имъ при церквахъ, за крайній въ нихъ во многихъ церквахъ недостатокъ, быть“. Но на этотъ разъ кабинетъ-министры (резол. 21 іюня) оказались менѣе уступчивы. Они не желали сразу простить такъ тяжко караемыхъ въ теченіи десяти лѣтъ неприсягавшихъ и опять отложили рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока будетъ пред-

1) П. С. З. XI, 8130. Въ Казанской еп., напримѣръ, воспользовались этою милостью 54 попа и 41 діаконъ. (Дѣло 1740 г. № 259).

ставлена вѣдомость о небывшихъ у присягъ церковникахъ и дѣтяхъ духовенства, не имѣвшихъ на то противнаго умысла „сколько ихъ“, „гдѣ“, „и въ каковы кто лѣта“, „по чему тогда и опредѣленіе учинено будетъ“ [1]).

Сенатъ съ своей стороны распорядился, чтобы свѣтскія начальства, по требованію духовныхъ, доставляли имъ всѣ необходимыя свѣдѣнія для составленія требуемыхъ вѣдомостей [2]); но тѣмъ не менѣе дѣло затянулось. Затѣмъ тотъ же Сенатъ рѣшилъ поддержать даже просьбу Синода и отъ себя, въ дополненіе къ синодскому докладу, подать собственный, дабы церковники и дѣти духовенства, неприсягавшіе отъ простоты, были освобождены отъ штрафа и наказанія. Пока же собственною властью Сенатъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы считать свободными отъ взысканія тѣхъ, которые были во время присягъ менѣе 15 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ 12 лѣтъ) [3]).

Нѣмецкая методичность, однако, вовсе не подходила къ тогдашнему положенію церквей. Разоренныя церкви требовали немедленнаго опредѣленія къ нимъ служителей, а Кабинетъ все откладывалъ окончательныя рѣшенія, все замалчивалъ различные пункты синодскихъ ходатайствъ. Синодъ принужденъ былъ безпрестанно напоминать о своихъ просьбахъ. Въ извѣстной резолюціи 17 мая не было сказано ничего о выключеніи дѣтей духовенства и церковниковъ изъ подушнаго оклада, цеховъ, разсыльщиковъ; напротивъ, за день предъ тѣмъ, Кабинетъ подтверждалъ закрѣпленіе даже малолѣтнихъ въ окладѣ. 3-го сентября 1740 года Синодъ обращается вновь съ представленіемъ въ Кабинетъ уволить дѣтей духовенства и церковниковъ изъ вышеуказанныхъ состояній и возвратить къ церквамъ, гдѣ прихожане остаются безъ исполненія христіанскихъ обязанностей, гдѣ замолкло пѣніе и славословіе Богу, о славѣ имени Котораго такъ печется ея императорское величество. При этомъ Синодъ осмѣлился поставить на видъ, что запись въ посады, цехи, разсыльщики учинена хотя и „по указамъ ея и в., да не съ такимъ отъ коммисіи усмотрѣніемъ, какъ ея императорскаго величества сентября 28-го дня 1736 года всемилостивѣйшимъ указомъ чинить повелѣно, а именно, чтобъ изъ церковниковъ, которые по заплатѣ за себя указанной денегъ

1) Дѣло въ Архивѣ Св. Синода 1740 г. № 260.
2) П. С. З. XI, 8155.
3) П. С. З. XI, 8148.

суммы, или по отдачѣ вмѣсто себя наемщиковъ изъ службы будутъ уволены, къ посадамъ приписывать такихъ, которые при церквахъ... за опредѣленнымъ числомъ останутся".

При докладѣ, для убѣжденія министровъ, прилагался экстрактъ, весьма интересный, о праздныхъ церквахъ епархій русской церкви. Этотъ экстрактъ открываетъ предъ нами и открывалъ предъ правительствомъ завѣсу, которая скрывала истинное положеніе церковной жизни послѣ погрома въ 1736—1739 гг., и уголокъ которой былъ приподнятъ въ синодскомъ докладѣ 22-го марта 1739 года. Вотъ онъ:

ЭКСТРАКТЪ.

сколько по вѣдомостямъ, собраннымъ въ Святѣйшій Синодъ, въ синодальной области и въ епархіяхъ праздныхъ церквей, и что къ тѣмъ праздным церквамъ и къ прочимъ церквамъ священно и церковно-служителей потребно.

ЗВАНІЕ ЕПАРХІЙ.	Сколько праздныхъ церквей.	Сколько нужно священно и церковно-служителей къ праздным и прочимъ церквамъ.							
		Протопоповъ.	Поповъ.	Дьяконовъ.	Пѣвчихъ и подъякон.	Дьячковъ.	Пономарей.	Сторожей и звонарей.	Итого.
Синодальной област. московск. шести 40-хъ да 49 Духовныхъ правленіяхъ (кромѣ 6)	165	6	105	118	—	681	786	—	1696
Новгородская	35	5	282	164	11	298	324	2	1086
Казанская	—	5	107	125	—	176	243	—	656
Астраханская	—	—	10	3	19	4	4	—	40
Тобольская	—	9	124	36	—	149	162	—	480
Ростовская.	111	1	222	164	—	365	455	—	1207
Псковская	55	3	89	19	9	92	67	8	287
Смоленская	29	3	32	8	—	138	217	—	398
Крутицкая	12	3	—	136	—	84	139	4	366
Нижегородская съ приписными городами	23	3	135	187	—	314	514	—	1153
Бѣлгородская.	68	5	119	26	—	110	125	17	402
Суздальская	20	—	—	71	9	163	293	—	536
Коломенская	50	4	—	187	—	134	122	—	447
Архангельская	6	—	26	7	—	58	61	—	152
Устюжская.	2	—	13	12	2	21	25	13	86
Воронежская, кромѣ городовъ Бахмута, Павловска и Острогорска . . .	—	—	—	—	—	3	20	1	24
Рязанская.	37	Вѣдомостей не прислано.							
Вологодская	33								
Тверская	60								
Итого. .	706	47	1264	1263	50	2790	3557	45	9016

Кромѣ того, въ вятской епархіи, по доношенію преосвященнаго Веніамина, было болѣе 50 праздныхъ церквей, а сколько именно, вѣдомостей не прислано [1]). Таковы были результаты Кабинетной политики для церкви русской: болѣе 700 опустѣвшихъ церквей, нѣсколько сотъ полу-опустошенныхъ и болѣе 9000 праздныхъ мѣстъ въ церковныхъ причтахъ. Какъ, должно быть, были поражены мудрые государственные мужи, увидя плоды дѣлъ своихъ! Они ополчались противъ „тунеядцевъ“ и политически неблагонадежныхъ людей, заботились о „благѣ“ церковномъ, стараясь возвысить „достоинство“ пастырей церкви, и многорѣчиво разсуждали о удовольствованіи церквей учительными священниками и вдругъ ихъ взору предстала картина раззоренія. Упрямая жизнь опровергла кабинетныя выкладки и соображенія. Теперь приходилось заботиться уже не о „учительныхъ“, а хоть бы только „добраго житія“ пастыряхъ, чтобы залечить раны, нанесенныя церковному строю во время разборовъ.

Но аннинскому правительству не суждено было завершать то дѣло, которое было начато по его иниціативѣ. Уже послѣ смерти императрицы Анны, въ правленіе герцога Бирона послѣдовало удовлетвореніе послѣднихъ ходатайствъ Святѣйшаго Синода. По манифесту 23-го октября объявлялось прощеніе между прочимъ и неприсягавшимъ церковникамъ и дѣтямъ духовенства. 27-го октября высочайшею резолюціею было велѣно выключить, по синодскому докладу, бывшихъ лицъ духовнаго сословія изъ посадовъ, цеховъ, разсыльщиковъ, „для представленныхъ отъ Святѣйшаго Синода резоновъ“, и по прежнему къ церквамъ опредѣлить, впрочемъ съ тою оговоркой, чтобы выключались только тѣ,

---

1) Дѣло въ Архивѣ Св. Синода 1740 г. № 291. Изъ дѣла 1742 года № 401 мы можемъ почерпнуть нѣкоторыя данныя о числѣ взятыхъ въ солдаты по разборамъ изъ духовнаго сословія. По свѣдѣніямъ военной коллегіи, было взято и въ полки отослано изъ провин. канцелярій (не считая записанныхъ въ подушный окладъ, опредѣленныхъ въ разсыльщики): въ Московской син. области 805 ч.; Костромск. еп.—564; Переяславля-рязанскаго—228; Суздальской—260; Тульской—173; Переяславля-залѣсск.—84; Ярославской—365; Владимірской—391; Бѣлгородской—415; Орловской 377; Смоленской—56; Казанской—1464; Симбирской—307; Пензенской—357; Свіяжской—43; Новгородской—1296; Вѣлозерской -226; Псковской—279; Тверской—506; Вологодской—374; Нижегородской—1233; Устюжской—347; Галицкой—358; Воронежской—597; Вятской—783;

которые достойны опредѣленія въ причтъ [1]). Что же касается возвращенія назадъ изъ полковъ взятыхъ церковниковъ и священно-служительскихъ дѣтей, то хотя Синодъ (20-го ноября) и ходатайствовалъ, чтобы таковыхъ уволили отъ службы, не дожидаясь вѣдомостей, которыя скоро составить оказалось невозможно [2]); но, повидимому, ходатайство это такъ и было оставлено безъ послѣдствій. По крайней мѣрѣ, распоряженія свыше объ этомъ мы не знаемъ. Отдѣльные случаи увольненія бывали, и довольно часто; но главная масса солдатъ изъ духовенства такъ и осталась пребывать въ полкахъ. Болѣе того, по нѣкоторымъ признакамъ и изъ подушнаго оклада и изъ разсыльщиковъ вернулось къ церквамъ самое незначительное количество: на практикѣ указъ (27-го октября) правительства остался почти безсиленъ и не нашелъ себѣ полнаго осуществленія [3]). Въ результатѣ церковь лишь была избавлена отъ дальнѣйшаго разгрома, а разъ потерянное для нея погибло безвозвратно.

---

1) П. С. З. XI, 8268.
2) Дѣло 1740 г. № 296.
3) Дѣло 1742 г. № 401.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отношеніе правительства къ монашеству.—Общій взглядъ на монастырскую жизнь. Мѣры, предпринятыя правительствомъ для упорядоченія и ограниченія монашества. Политическіе розыски въ монашеской средѣ. Церковноимущественный вопросъ при импер. Аннѣ.

I.

Въ какія отношенія стало правительство Анны Іоанновны къ монашескому классу въ русской церкви, не трудно предвидѣть послѣ предыдущаго изложенія. Мы видѣли, съ какимъ недоброжелательствомъ смотрѣла верховная власть на праздныхъ тунеядцевъ въ средѣ бѣлаго духовенства, съ какою безпощадностью очищала она ряды послѣдняго отъ всѣхъ безполезныхъ элементовъ. „Польза государственная“ не допускала, чтобы кто либо подъ кровомъ государственности велъ жизнь, свободную отъ всякихъ государственныхъ повинностей и обязанностей, пользовался привиллегіями, ничего не давая съ своей стороны, жилъ на счетъ трудовъ другихъ. Отсюда проистекало стремленіе уничтожить въ корнѣ тунеядство въ бѣломъ духовенствѣ, выразившееся въ разборахъ со всею силою. Но бѣлое духовенство было еще трудящимся сословіемъ въ сравненіи съ монашествомъ. Затѣмъ оно не пользовалось и особенными привиллегіями, не обладало матеріальною обезпеченностью, дающею возможность пользоваться благами и удобствами жизни. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ монашествомъ.

Уже давно монашескій институтъ пересталъ быть тѣмъ къ чему обязывала его идея этого учрежденія [1]) Про восем-

---

1) Темныя стороны жизни русскаго монашества до XVIII вѣка въ рѣзкихъ чертахъ отмѣчены у Ростиславова, Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей, Спб. 1876 г., стр. 24—41.—Уже въ XVI вѣкѣ лучшіе представители монашества, какъ троицкій игуменъ Артемій, и просвѣтитель лопарей Ѳеодоритъ, оказывались не въ силахъ бороться съ необузданностью и своеволіемъ монаховъ (Павловъ, Ист. оч. секул. стр. 126—127).

надцатый вѣкъ нужно сказать это въ особенности. Русская монашеская жизнь XVIII столѣтія далеко отклонилась отъ тѣхъ строгихъ правилъ духовнаго міросозерцанія и суроваго аскетизма, которыя завѣщаны были благочестивыми подвижниками египетскихъ и палестинскихъ пустынь. Мысль монашествующаго брата о Богѣ терялась и исчезала въ суетныхъ поискахъ мірскихъ благъ, удобствъ и удовольствій; молитвенный вопль кающейся души замиралъ и глохъ среди мірскихъ страстей. Монашествующій братъ XVIII столѣтія одержимъ былъ стремленіемъ къ роскоши и собиранію сокровищъ, не уступая въ этомъ отношеніи людямъ міра и презирая всякій трудъ. Присутствіе въ монастыряхъ посторонпихъ элементовъ въ родѣ вкладчиковъ, вкладчицъ, призрѣваемыхъ всякаго рода, ссыльныхъ, вносило еще большую дезорганизацію въ монашескую среду. Нравственный уровень послѣдней сверху до низу не отличался процвѣтаніемъ христіанскихъ добродѣтелей. Напротивъ, пьянство, ссоры, брань, клевета и другіе „непорядочные поступки“ наполняли содержаніе праздной жизни обитателей монастырей [1]).

Можно представить себѣ, какъ смотрѣло на монашество анпинское правительство, при его взглядахъ и убѣжденіяхъ! Уже Петръ Великій обратилъ вниманіе на нестроенія монастырской жизни. Правила Духовнаго Регламента обрушивались съ рѣзкой критикой на монашескіе пороки и безпорядки. Монастырскія богатства, обезпечивавшія праздное и безпутное времяпровожденіе монаховъ, Преобразователь обратилъ на служеніе обществу и государству. На мѣсто праздности хотѣлъ онъ водворить въ монастыряхъ трудъ, на мѣсто разгула, роскоши—умѣренную благочестивую жизнь, какъ и подобаетъ людямъ, отрекшимся отъ міра, посвятившимъ себя Богу. Но усилія Петра Великаго и его правой руки, Ѳеофана Прокоповича, не могли, конечно, уничтожить зло, вкоренившееся вѣковой привычкой. Преобразованіе внутренней жизни монастырей нельзя было совершить одними указами. Невѣжественныхъ, грубыхъ людей, мало способныхъ

---

1) Множество фактовъ, характеризующихъ такое печальное состояніе монастырей, собрано въ IV т. Описанія Москов. Архива Мин. Юстиціи, стр. 49—81, въ статьѣ „Сыскной Приказъ“.

къ духовной жизни, какъ превратить въ благочестивыхъ подвижниковъ, чуждыхъ суеты мірской? Нужно было наполнить ихъ праздную жизнь духовными интересами, нужно было поднять ихъ умственный и нравственный уровень; а все это совершается продолжительнымъ воспитаніемъ, не создается императорскимъ указомъ. Поэтому мѣры петровскія, носящія болѣе дисциплинарный характеръ, на внутреннюю жизни монастырей отразились несущественно. Внѣшняя сторона предпринятыхъ преобразованій, конечно, могла осуществиться. Монастырскія имущества, изъятыя изъ безконтрольнаго вѣдѣнія монастырей, перестали быть источникомъ излишней роскоши. Но при всѣхъ ограниченіяхъ, монашество не лишилось при Петрѣ до такой степени матеріальныхъ средствъ жизни, чтобы быть поставленнымъ въ необходимость умѣренности. Монастырскіе доходы продолжали съ излишкомъ покрывать издержки на содержаніе и давали возможность вести жизнь, не имѣющую ничего общаго съ аскетизмомъ. Когда твердая рука Преобразователя оставила бразды правленія и наступили времена, благопріятныя для русскаго стариннаго благочестія, то монашескій бытъ началъ пріобрѣтать характеръ почти допетровскій, хотя законодательство оставалось неизмѣнно. Впрочемъ, вообще петровская реформа мало очистила отъ тины застоявшуюся жизнь монастырей, особенно въ отдаленныхъ отъ столицъ мѣстахъ, въ глухихъ уголкахъ Россіи. Тамъ регламентскія правила существовали лишь на бумагѣ, а дѣйствительность текла своимъ путемъ.

При Аннѣ Іоанновнѣ высшій контроль надъ монастырскою жизнью сдѣлался гораздо строже. Правительство, проникнутое западными взглядами, смотрящее на дѣло съ просвѣщенной точки зрѣнія европейской государственности, не могло равнодушно смотрѣть на предстоящую его взору картину монашескаго быта; оно не могло допустить, чтобы подъ эгидой благочестиваго подвижничества скрывались праздность, тунеядство, распущенность. Не отрицая идеи монашества, оно требовало отъ носителей монашескихъ обѣтовъ ихъ исполненія.

Нелюбовь къ монашескому сословію, въ его тогдашней постановкѣ, аннинское правительство должно было еще получить и какъ наслѣдіе прошлаго петровскаго времени. Θео-

фанъ Прокоповичъ тутъ могъ быть вдохновителемъ правительственныхъ мѣропріятій. Его отрицательное воззрѣніе на монашество, по крайней мѣрѣ въ существовавшемъ тогда видѣ, нашло яркое выраженіе въ „Регламентѣ“, „Прибавленіи къ Регламенту“ [1]), и особенно въ „Объявленіи“ о монашествѣ [2]). „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть—тунеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность, и сколько забобоновъ (суевѣрій) раскольныхъ и возмутительныхъ произошло, вѣдомо есть всѣмъ тако-жъ; прилежатъ же ли разумѣнію божественнаго писанія? всячески нѣтъ. А что, говорятъ, молятся,—то и всѣ молятся. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистинну, токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть“. Такой безотрадный приговоръ надъ современною монашескою жизнью произносило „Объявленіе“. Этотъ приговоръ раздѣлялъ вполнѣ и Преобразователь, рядомъ указовъ сдѣлавшій попытку стѣснить сословіе, уклонившееся отъ своего назначенія, и вернуть монашество къ первохристіанскому идеалу [3]). Но такъ какъ монастыри и монахи послѣ петровскихъ указовъ не стали тѣмъ, къ чему обязывало ихъ призваніе; то, понятно, что не долженъ былъ измѣниться и взглядъ правительства, проникнутаго петровскими идеалами. Въ этомъ отношеніи аннинскому царствованію предстояло продолжать борьбу, начатую Преобразователемъ. А та глухая ненависть, то упорное противодѣйствіе, не гнушающееся даже низкими средствами клеветы, пасквиля, подметныхъ писемъ и т. п.—все, чѣмъ встрѣтило монашество рѣзкое вторженіе въ свою застоявшуюся жизнь,—должны были усиливать суровость правительственныхъ мѣропріятій. Для власти, болѣзненно подозрительной ко всякому намеку на недовольство, какова была власть нѣмецкаго правленія, мона-

---

1) П. С. П. и Р. II, 596. П. С. З. VI, 4022.

2) П. С. П. и Р. IV, 1197.

3) Хотя нельзя не замѣтить, что Петръ понималъ иноческій идеалъ не какъ идеалъ отшельничества, а какъ идеалъ самоотверженнаго служенія обществу. Такое пониманіе разсматриваемое теоретически, имѣетъ за себя не мало основаній. У Петра же сказался въ данномъ случаѣ также и его практическій взглядъ на религію.

стыри должны были казаться прямыми очагами крамолы, такъ какъ еще во время Петра выяснилось, что отъ монашества правительство не можетъ ожидать ничего, кромѣ фанатичнаго протеста. Въ Θеофанѣ Прокоповичѣ нашелся лучшій проводникъ въ церковную сферу всѣхъ ограничительныхъ и исправительныхъ мѣръ, какія получали санкцію трона. Іерархъ, стоящій въ челѣ церкви, заправлявшій Синодомъ, могъ теперь безпрекословно проводить въ жизнь регламентскія начала. И монахи не даромъ чувствовали Θеофановскую руку въ постигавшихъ ихъ несчастьяхъ и ненавидѣли ихъ виновника.

Съ самаго начала правленія Анны Іоанновны начинается рядъ мѣръ, предпринятыхъ противъ злоупотребленій, существовавшихъ въ средѣ монашества, направленныхъ къ осуществленію петровскихъ узаконеній въ жизни. При этомъ нужно замѣтить, что ни духовная, ни гражданская власть новаго ничего не предпринимали: только подтверждались узаконенія прежнихъ лѣтъ и строго слѣдили за ихъ исполненіемъ. Если для кого, то особенно для монашества царствованіе Анны было продолженіемъ царствованія Петра Великаго.

Одно изъ главныхъ золъ монашеской жизни было то, что множество этихъ мнимыхъ подвижниковъ обращались въ бродягъ, переходили съ мѣста на мѣсто, изъ монастыря въ монастырь, „волочились“, по тогдашнему выраженію. Имъ скучно было жить на одномъ мѣстѣ, ихъ натура просила свободы, и вотъ подъ прикрытіемъ монашескаго платія они странствовали по Руси святой, существуя на счетъ простодушной довѣрчивости народа, воображавшаго въ этихъ бродягахъ служителей Божіихъ. Противъ таковыхъ монаховъ правительство всегда принимало строгія мѣры. При Екатеринѣ I (ук. 1-го ноября 1725 г.) было повелѣно волочащихся монаховъ забирать, снимать съ нихъ санъ и представлять въ свѣтскій судъ для публичнаго наказанія [1]). Однако, зло продолжало существовать во всей силѣ. При Аннѣ Іоанновнѣ, когда въ политикѣ правительства обозначилось ясно его намѣреніе приняться за монашескую жизнь и требовать соблюденія прежнихъ узаконеній, Синодъ прежде всего обратилъ

1) П. С. П. и Р. V, 1678. 1732.

вниманіе на указанное зло. Вѣроятно, Ѳеофанъ Прокоповичъ поставилъ на очередь этотъ вопросъ. Какъ бы то ни было, въ сентябрѣ (9) 1732 года былъ изданъ синодскій указъ объ устроїствѣ монашествующихъ. Указъ этотъ краснорѣчиво изображалъ темныя стороны монашеской жизни, свидѣтельствуя, насколько распустилось это сословіе и какъ сильно требовало оно энергичныхъ мѣръ для своего исправленія. О монахахъ говорится, что многіе изъ нихъ, „презрѣвъ и не помянувъ должности чина своего, не токмо внутрь монастыреї не весьма исправны, и не какъ во время постриженія обѣщались, пребываютъ, но изъ монастырей самовольно исходя (что и самая есть продерзость непростительная) и по разнымъ мѣстамъ безъ потребы скитаяся, безчиннаго житія образъ производятъ, и которые должны суть всякими добродѣтелями нелицемѣрно украшать себя къ созиданію церкви, тіи злообразіемъ дѣлъ своихъ подаютъ соблазнъ къ развращенію и не мало не помышляютъ, что черезъ нихъ хулится имя Божіе“. Стараясь остановить ходячее по міру „развращеніе“ и упорядочить монастырскую жизнь, Синодъ предпринималъ такую мѣру для прекращенія бродяжничества.

Архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ монастыреї предписывается завести у себя книги, въ которыя вписать о каждомъ іеромонахѣ, іеродіаконѣ, монахѣ: имя, прозваніе, мѣсто и время рожденія, родителеї, чинъ мірскої, искусство книжное и проч, также мѣсто и время постриженія, съ обозначеніемъ лица постригавшаго; если онъ священнаго чина свидѣтельство, что имѣетъ ставленную грамоту. Лицъ, не имѣющихъ ставленныхъ грамотъ, не допускать до священнослуженія. Книги должны быть зашнурованыя, за монастырскою печатью; записи должны быть скрѣплены руками настоятелеї и братіи. Свѣдѣнія, сообщаемыя о записанныхъ, должны быть засвидѣтельствованы по возможности посторонними лицами. Изъ книгъ этихъ сочинить перечневыя 3 табели: одну держать въ монастырѣ, другую подать мѣстному архіерею, третью прислать въ Синодъ.

Эти записи должны были въ результатѣ показать, нѣтъ ли въ монастырѣ лицъ, незаконно постриженныхъ въ монашество: чрезъ нихъ Синодъ началъ косвенно контроль надъ монастырями. Съ другої стороны, онѣ должны были положить конецъ бродяжничеству монаховъ. Записать въ

книги повелѣвалось всѣхъ, находящихся въ извѣстномъ монастырѣ при полученіи указа, кромѣ временно пребывающихъ по дѣлу и имѣющихъ правдивые паспорты. Записью монашествующіе закрѣплялись за тѣми монастырями, къ которымъ были приписаны, и впредь оттуда имъ запрещено было отлучаться. Находящіеся въ законномъ отпуску записывались въ своемъ монастырѣ.

Свою мѣру противъ бродяжничества Синодъ ограждалъ строжайшими угрозами. Всѣхъ бѣжавшихъ велѣно розыскать и наказать. Ни одинъ настоятель не имѣлъ права изгнать даже виновнаго монаха безъ архіерейскаго распоряженія, чтобы не создавать бродягъ. Самъ архіерей могъ переводить изъ монастыря въ монастырь только по важной нуждѣ. Настоятель не могъ посылать монаха въ другую епархію безъ дозволенія и паспорта архіерейскаго ни за какими нуждами. Въ паспортѣ должны быть обозначены нужды, мѣсто посылки и срокъ возвращенія: при этомъ, явившійся внѣ своего монастыря послѣ обозначеннаго срока, монахъ считался бѣглецомъ. Бѣжавшіе монахи, поіманные въ свѣтскомъ платьѣ, подвергались лишенію сана и, по наказаніи, отсылкѣ въ сибирскіе горные заводы на вѣчное житіе [1]). Настоятели монастырей не имѣли права принимать къ себѣ монаховъ безъ паспорта, подъ угрозой строгаго наказанія. Братія должны были доносить на неисправнаго настоятеля сначала архіерею, а потомъ, въ случаѣ если архіерей оставитъ донось безъ вниманія,—Синоду.—Всѣ вышеозначенныя правила имѣли силу и относительно женскихъ монастырей [2]).

Въ послѣдующіе годы постановленія противъ бродяжничества монаховъ не разъ подтверждались и ограждались новыми мѣрами. Въ 1734 году было запрещено священнослужителямъ и причетникамъ принимать въ свои дома монаховъ безъ паспортовъ даже на ночь [3]). Въ 1738 году

1) Сенатъ съ своей стороны подтвердилъ о пріемѣ таковыхъ въ свѣтскій судъ (П. С. З. VIII, 6189).

2) П. С. З. VIII, 6177. П. С. П. и Р. VII, 2604. Аналогичный, но не такъ строгій, указъ былъ изданъ также въ 1722 г., когда Синодъ постановилъ потребовать изъ всѣхъ монастырей именныя вѣдомости о монахахъ и монахиняхъ и воспретилъ имъ переходить изъ одного монастыря въ другой (П. С. П. и Р. II, 626).

3) П. С. З. IX, 6561.

(23 янв.) архіереямъ, монастырямъ и другимъ духовнымъ властямъ запрещалось употреблять монаховъ и монахинь для посылки по дѣламъ [1]). Въ 1739 году монахинямъ, именнымъ указомъ, возбранялось отлучаться изъ монастырей безъ позволенія настоятельницы [2]). Монахамъ, посылаемымъ въ разныя епархіи, велѣно непремѣнно давать подорожныя [3]).

За пріемъ бѣглыхъ монаховъ начальствующія лица платились поистинѣ жестоко. Напримѣръ, въ 1737 году кабинетъ-министры приговорили лишить іеромонашества и, бивъ нещадно плетьми, сослать въ дальній монастырь строителя Софроніевой пустыни іеромонаха Сергія за то, что онъ принялъ къ себѣ бѣглаго іеромонаха Димитрія и укрывалъ его въ своей пустыни [4]).

Но трудно было искоренить зло бродяжничества среди монашества, не искоренивъ его главной причины—неосмотрительнаго постриженія монаховъ безъ достаточнаго ручательства за искренность ихъ иноческихъ обѣтовъ. Постриженные настоятелями монастырей сбродные монашествующіе люди часто оказывались вовсе не имѣющими монашескихъ наклонностей. Переполненные монастыри служили неистощимымъ источникомъ бродячаго монашества. Правительство дѣлало попытки бороться и съ этимъ зломъ; но оно боролось только отрицательно. Понимая, что законодательными мѣрами нельзя поднять нравственный цензъ монашествующихъ, правительство рѣшилось до крайности стѣснить доступъ въ монахи, чтобы хотя такимъ образомъ уменьшить зло, если нельзя его исправить, превратить въ добро. Указами Петра Великаго постриженіе въ иноческій чинъ было строго ограничено. Убѣжденный въ безполезности монашескаго сословія, исключая ученаго монашества, Петръ всѣми силами старался остановить размноженіе монаховъ. Къ концу царствованія Петрова, 28 января 1723 года былъ изданъ указъ [5]), запрещавшій даже совершенно постригать вновь въ монахи и монахини. Преобразователь предпочиталъ обратить монастыри въ богадѣльни и благотворительныя заведенія, чѣмъ

1) П. С. З. X, 7493.
2) П. С, З. X, 7953. Ср. П. С. П. и Р. I, 258.
3) П. С. З. XI, 8012.
4) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 155.
5) П. С. З. VII, 4151. П. С. П. и Р. III, 997.

давать въ нихъ мѣсто здоровымъ тунеядцамъ. Черезъ годъ послѣ этого (31 января 1724 г.) императоръ, дѣйствительно, издалъ постановленіе, превращающее монастыри въ лазареты. По монастырямъ предписано было расписать отставныхъ солдатъ, которые трудиться не могутъ, и нищихъ, и устроить госпитали по Регламенту; монаховъ же опредѣлить для ухода за ними по одному къ 2—3 человѣкамъ. Излишнимъ повелѣвалось отвесть монастырскія земли, чтобы они сами себѣ промышляли хлѣбъ; а когда упалыя мѣста будутъ у служащихъ, то вписывать изъ тѣхъ, которые опредѣлены на землю, не постригая на мѣсто послѣднихъ никого. Только когда не будетъ пашенныхъ, то позволялось на упалыя мѣста, въ услуженіе призрѣваемымъ, постригать, съ соблюденіемъ должныхъ условій [1]). Такимъ образомъ монашествующіе обращались въ братьевъ милосердія. 5-го февраля 1724 года въ дополненіе къ этому указу былъ изданъ новый, съ разрѣшеніемъ такого рода: „въ священники и діаконы принимать и постригать въ указное число на убылыя мѣста, ежели не будетъ годныхъ, изъ пашенныхъ“ [2]). Лишь одна Малороссія пользовалась льготою: указъ 28-го января 1723 года, по разъясненію Синода, до малороссійскихъ монастырей не относился [3]).

Послѣ Петра строгости, видимо, стали ослабѣвать. Правда, 3-го марта 1725 г. мы еще встрѣчаемъ синодское постановленіе о точномъ исполненіи январьскаго указа 1723 г. о непостриженіи вновь въ монахи и монахини, исключая вдовыхъ священниковъ и діаконовъ (по ук. 5-го февраля 1724 г.) [4]). Но уже 13 ноября 1727 года тотъ-же Синодъ постановляетъ, въ виду оскуденія монашествующихъ, ходатайствовать предъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ объ отмѣнѣ

---

1) П. С. З. VII, 4450. II. С. П. и Р. IV, 1197.

2) П. С. З. VII, 4455. Потомъ было разъяснено, что тутъ разумѣются вдовые священнослужители (3 марта 1725 г. II. С. З. VII, 4672).

3) П. С. П. и Р. V, 1490. Синодъ мотивировалъ свое толкованіе тѣмъ, что указъ 28-го января вызванъ потребностью освободить мѣста для отставныхъ военныхъ, а послѣдніе въ Малороссію не посылались.

4) П. С. П. и Р. V, 1492. Любопытно, что и при этомъ уже Синодъ сдѣлалъ прибавку, что запрещается постриженіе „безъ указа отъ Св. Синода“. Императорскія распоряженія совсѣмъ не допускали такого условія. Между тѣмъ Синодъ, дѣйствительно, сталъ, вопреки точному смыслу закона, давать свои разрѣшительные указы.

петровскихъ запретительныхъ указовъ [1]). Просимаго разрѣшенія постригать въ монашество по прежнему не послѣдовало, не смотря на вторичное представленіе Синода [2]). Однако общее правительственное настроеніе въ царствованіе Петра II не замедлило отразиться на практикѣ. Синодъ самъ своею властью сталъ допускать уклоненіе отъ петровскихъ узаконеній. Такъ, Синодомъ было разрѣшено постриженіе, по просьбѣ иркутскаго преосвященнаго [3]); дозволено постригать престарѣлыхъ вкладчицъ въ женскихъ монастыряхъ [4]); церковниковъ, - по просьбѣ псковскаго архіерея [5]). 30-го іюня 1729 года послѣдовала уступка и со стороны Верховнаго Совѣта: разрѣшено постригать отставныхъ солдатъ, присланныхъ въ монастыри для пропитанія [6]).

Съ началомъ царствованія Анны Іоанновны стали смотрѣть строже за соблюденіемъ вышеприведенныхъ запретительныхъ указовъ. Въ послѣ петровское время послабленія допускались не только властью Синода, но еще чаще безъ всякаго разрѣшенія. Постриженія совершались противозаконно во множествѣ, какъ это обнаружилось изъ наряженнаго потомъ слѣдствія. Когда же въ политикѣ правительства почуялся духъ Петровъ, духовныя власти стали осмотрительнѣе; по крайней мѣрѣ юридически исключеніе изъ прежде изданныхъ правилъ совершалось только по высочайшей волѣ [7]), или разрѣшеніе постричься давалась въ видѣ награды за заслуги [8]). Но указы стали соблюдаться

---

1) П. С. П. и Р. VI, 2076.

2) О. А. С. С. VII, № 333/110. Вторичное представленіе было въ январѣ 1729 г.

3) П. С. П. и Р. VI, 2196.

4) П. С. П. и Р. VI, 2205.

5) П. С. П. и Р. VI, 2215,

6) П. С. П. и Р. VI, 2237. П. С. З. VIII, 5435.

7) А. С. С. Дѣла 1731 г. №№ 348 и 156. По первому, разрѣшеніе постричься дано было истопнику царевны Екатерины Іоанновны; по второму, иверскому архимандриту разрѣшалось постричь въ монашество нѣсколько мірскихъ людей для экономическихъ нуждъ монастыря.

8) О. А. С. С. X, № 466/446. Синодъ разрѣшаетъ постриженіе синодальному пѣвчему Игнатьеву за долголѣтнюю его службу. Строго сталъ взыскивать Синодъ и за неуказное постриженіе: 23 ноября 1730 года, напримѣръ, синодальнымъ опредѣленіемъ былъ осужденъ на лишеніе сана игуменства игуменъ Колесниковской пустыни Костромского уѣзда Игнатій (П. С. П. и Р. VII. 2399). Всякаго исключенія изъ общаго правила своею

строже лишь на верху; въ отдаленныхъ же уголкахъ Россіи беззаконностъ царила во всей силѣ еще въ первые годы правленія Анны Іоанновны. Въ Берлюковской пустыни, напримѣръ, обнаружено было, что зачастую постригали неуказныхъ лицъ, держали бѣглыхъ монаховъ, записывали монахами даже непостриженныхъ [1]).

Синодальный указъ 1732 года о устроеніи монашества, какъ мы видѣли, имѣлъ уже тенденцію обратить вниманіе на неуказныя постриженія. Записи въ книги должны были изобличить, кто постриженъ законно и кто незаконно. Очевидно, высшему духовному правительству было внушено свыше или указано Ѳеофаномъ, что верховная власть не оставитъ безъ вниманія существующія злоупотребленія, потребуетъ соблюденія прежнихъ узаконеній. Аннинское правительство было убѣжденнымъ сторонникомъ всякихъ ограниченій монашескаго сословія, такъ что ждать послабленій было невозможно.

Синодскій указъ былъ преддверіемъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, подготовлялъ почву для нихъ. Получивъ его, монастырскія власти и обитатели монастырей должны были насторожиться, ожидая, что ихъ потребуютъ къ отвѣту за нарушеніе законовъ. Множество людей, постриженныхъ самовольно, ждали теперь ежечасно грозы надъ своею головою. Иные изъ нихъ пускались на всевозможныя хитрости, чтобы избѣжать грядущаго гнѣва. Одинъ изъ таковыхъ, Зарыкинъ, выдумалъ цѣлую исторію о бѣсахъ, послужившую началомъ длиннаго процесса, чтобы избѣжать разстриженія [2]). но гроза все-таки разразилась надъ нелегальнымъ монашествомъ и сильно заставила порѣдѣть его ряды.

Въ началѣ 1733 года правительство рѣшило назначить слѣдствіе, насколько соблюдаются въ дѣйствительности запретительныя узаконенія, и привлечь къ отвѣту людей,

---

властью Синодъ сталъ избѣгать. Когда въ 1733 году, уже послѣ указа о слѣдствіи, епископъ вологодскій Аѳанасій просилъ (доношеніемъ отъ 31 мая) постричь имѣющихся у него нѣсколько вдовыхъ церковнослужителей, говоря, что изъ нихъ удобно производить въ іеромонахи и іеродіаконы, въ которыхъ ощущается большой недостатокъ; то Синодъ ничего ему не отвѣтилъ (А. С. С. Дѣло 1733 года № 167).

[1]) Чистовичъ, стр. 557—559.

[2]) Дѣло это у Чистовича, стр. 516 и слѣд.

изобличенныхъ въ ихъ нарушеніи. 28-го января Ѳеофанъ словесно объявилъ Синоду, что государыня накануне именнымъ указомъ повелѣла Св. Синоду „прилѣжно вездѣ испытать, кромѣ тѣхъ чиновъ людей, каковыхъ указами блаженныя памяти ихъ императорскихъ величествъ велѣно, не постригали ли гдѣ въ монахи и въ монахини безъ указу“ [1]). Возможно, что самъ Ѳеофанъ былъ инициаторомъ этого слѣдствія, намекнувъ на существующія злоупотребленія и необходимость ихъ изслѣдовать 19-го февраля Синодъ постановилъ разослать указы во всѣ епархіи и ставропигіальные монастыри, требуя извѣстія о незаконно постриженныхъ въ монашество [2]). Началось обширное дѣло. А пока по епархіямъ перебирали монаховъ, правительство издало подтвердительный указъ, приправивъ его самыми грозными аргументами. Именно, 10 іюня 1734 года Ѳеофанъ опять представлялъ Синоду, что „ея императорское величество во всѣхъ всероссійскихъ монастыряхъ, кромѣ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ и отставныхъ солдатъ, которыхъ указами постригать въ монашество повелѣно, въ мужескихъ въ монахи, а въ дѣвичьихъ въ монахини, отнюдь никого ни изъ какихъ чиновъ людей постригать не повелѣла; и указала ея императорское величество о томъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, куда надлежитъ, послать свои императорскаго величества, съ объявленіемъ крѣпкаго подтвержденія, указы, безъ всякаго замедленія“. „Крѣпкое подтвержденіе“ со стороны Синода было реализовано въ слѣдующемъ видѣ: архіереямъ за незаконное постриженіе впредь угрожалось штрафомъ 500 рублей изъ собственныхъ ихъ денегъ; монастырскимъ властямъ—лишеніемъ сана, ссылкой въ вѣчную работу и конфискаціей имущества; постриженнымъ незаконно—снятіемъ сана и „жестокимъ наказаніемъ“. Кромѣ того, и вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ запрещалось постригать безъ разрѣшенія архіерея или, въ синодальной области,—Синода [3]). Полгода спустя (31 января 1735 г.), Синодъ, чтобы еще болѣе стѣснить возможность нарушенія указовъ о постригѣ, повелѣлъ настоя-

---

1) П. С. П. и Р. VIII, 2689. Синодскія разрѣшенія, стало-быть, не признавались.

2) А. С. С. Дѣло 1733 г. № 162. П. С. П. и Р. VIII, 2689.

3) П. С. З. IX, 6585. А. С. С. Дѣло 1734 г. № 178.

телямъ постригать въ монашество непремѣнно самимъ, при всей братіи; въ случаѣ, если настоятель не іеромонахъ, то съ его вѣдома и опять таки въ присутствіи братіи постриженіе совершать духовникамъ [1]).

Между тѣмъ не осталось безъ послѣдствій и дѣло о прежнихъ незаконныхъ постриженіяхъ. Они не были прощены. Слѣдствіе, начатое по именному указу, продолжалось и заставило всколыхнуться монашескій міръ [2]). Архіереи, понявъ, что теперь нужно правительству, стали энергично расправляться съ незаконно постриженными монахами. Питиримъ нижегородскій въ своей епархіи сдѣлалъ распоряженіе: лишить монашества незаконно постриженныхъ, отобрать у нихъ монашеское одѣяніе, остричь волосы на головѣ и бородѣ и разослать въ прежнія жилища. Съ безпутно волочащимися монахами онъ поступилъ еще строже: ихъ велѣно было, послѣ всего указаннаго, отослать въ свѣтскій судъ. Монастырскихъ начальниковъ, постригавшихъ не изъ указныхъ чиновъ и принимавшихъ волочащихся монаховъ послѣ указа 28 января 1733 года, Питиримъ велѣлъ лишить начальства и іеромонашества и разослать въ другіе монастыри подъ начало. Съ начальницами женскихъ монастырей поступать такимъ же образомъ. Тѣмъ лицамъ изъ братіи, которыя настоятелей подговаривали къ незаконному постриженію или пріему, приказано было Питиримомъ учинить жестокое шелепами наказаніе при собраніи братства. Тѣхъ начальниковъ, которые виновны были въ незаконныхъ дѣйствіяхъ до 1733 года, въ нижегородской епархіи отрѣшали отъ начальства. Впрочемъ Питиримъ, показавшій такую строгость, самъ долженъ былъ представить Синоду, что послѣдняго рода виновныхъ настоятелей отрѣшать не слѣдуетъ, а лучше положить на нихъ штрафъ, такъ какъ виновныхъ находится слишкомъ большое количество.

Когда Питиримъ доложилъ Синоду о принятыхъ имъ мѣрахъ, то Синодъ нашелъ ихъ удобными и 11 марта 1735 года постановилъ Питиримовскую практику распространить на всѣ епархіи, съ небольшими измѣненіями. Съ незаконно постриженными и волочащимися монахами Синодъ распоря-

---

1) П. С. З. IX, 6683.

2) Слѣдственное дѣло-дѣло въ архивѣ Синода 1734 г. № 181.

дился поступать, какъ поступилъ и Питиримъ. Но съ начальствующими лицами обошлись мягче. „Архимандритовъ, игуменовъ, строителей и прочихъ начальниковъ, которые въ противность ихъ императорскихъ величествъ указовъ не изъ указныхъ чиновъ постриженіе и пришлымъ монахамъ, безъ указовъ и безъ правильныхъ паспортовъ, пріемъ чинили, по состоянію означеннаго іюня 10 дня 1734 года именного ея величества указа, начальствъ, іеромонашества не лишать, и въ другіе монастыри подъ началъ не посылая, взять съ нихъ штрафъ, а именно: за постриженіе и пріемъ, также и за сіе, кои настоятели монахамъ изъ монастырей своихъ отпускъ чинили безъ благословныхъ впиъ, за каждаго человѣка по 10 рублеи, а если кому такого штрафа заплатить будетъ нечѣмъ, таковыхъ лишивъ монашества и іеромонашества, сослать подъ началъ въ другіе монастыри, по разсужденію онаго преосвященнаго Питирима, архіепископа нижегородскаго". Въ остальномъ принималась Питиримовская практика [1]).

Этотъ синодскій указъ—результатъ высочайше учрежденнаго слѣдствія -долженъ былъ поистинѣ громомъ разразиться надъ монашествомъ. Постриженные за запретительными указами и пришлые волочащіеся монахи составляли почти половину контингента монашескаго сословія. Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя, подтверждающія такое положеніе дѣла [2]),

Учиненный въ Духовной Дикастеріи реестръ о монахахъ московскихъ монастырей, постриженныхъ и принятыхъ за запретительными указами, представлялъ слѣдующую картину состоянія московскаго монашества.

---

1) Синодъ утверждалъ и гораздо болѣе суровыя Питиримовскія резолюціи. Такъ, въ 1734 году, по опредѣленію Питирима, утвержденному Синодомъ, былъ лишенъ сана (архимандричьяго и іеромонашескаго) и сосланъ въ Сибирь въ монастырь близъ Березова архимандритъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря Исаія за постриженіе изъ неуказныхъ чиновъ (съ 1729 1733 г.) 30 человѣкъ, съ согласія братіи, и пріемъ 22 безпаспортныхъ монаховъ. Постриженные незаконно были разстрижены и отосланы на мѣста жительства, а пришлые отосланы въ свѣтскій судъ для наказанія и ссылки на сибирскіе горные заводами. Братія наказана шелепами (П. С. П. и Р. VIII, 2782).

2) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 181.

ЗВАНІЕ МОНАСТЫРЕЙ.	По табели показано монаховъ.	Постриженныхъ послѣ 1723 года.	Пришлыхъ по 1725 годъ.	Пришлыхъ съ 1725 года.	Затѣмъ что осталось.
Въ Чудовѣ	85	10	4	48	23
Въ Новоспасскомъ	85	20	—	33	32
Въ Симоновѣ	65	15	2	16	32
Въ Петровскомъ	39	7	3	7	22
Въ Богоявленскомъ	32	—	5	21	6
Въ Андроніевѣ	33	14	—	2	17
Въ Донскомъ съ припис. .	144	10	4	13	117
Въ Заиконоспасскомъ	20	5	2	4	9
Въ Златоустовѣ	26	6	—	6	14
Въ Знаменскомъ	25	3	2	6	14
Въ Крестовоздвиженскомъ . .	16	1	2	1	12
Въ Срѣтенскомъ	7	Не имѣется		—	7
Въ Даниловѣ	25	5	1	3	16
Въ Покровскомъ	11	3	1	4	3
Въ Новинскомъ	17	10	—	4	3
Въ Андреевскомъ	17	2	—	4	11
Итого. .	647	111	26	172	338

Въ Троицко-Сергіевомъ же монастырѣ постриженныхъ и принятыхъ за указами оказалось 395 человѣкъ.

Въ переяславской епархіи оказалось постриженныхъ не изъ указныхъ чиновъ 10 монаховъ и 24 монахини. *Въ бѣлогородской* епархіи подлежало разстриженію 144 монаха и 23 монахини, да волочащихся 79 человѣкъ; за разстриженіемъ ихъ въ епархіи оставалось 224 монаха и 183 монахини. *Въ нижегородской* епархіи подлежало разстриженію 293 чел. въ мужскихъ монастыряхъ и 224 въ женскихъ. *Въ ростовской* епархіи лишено монашества 86 мущинъ и 70 женщинъ. *Въ тобольской* епархіи незаконно пострижено 150 монаховъ. *Въ псковской* епархіи разстрижено 33 человѣка. *Въ новгородской* подлежало разстриженію 411 монаховъ и монахинь. *Въ архангельской*—54 монаха и 14 монахинь. *Въ вятской*—301 чел. монаховъ. *Въ черниговской*—150 человѣкъ незаконно постриженныхъ и 60 пришлыхъ.

Отсюда ясно, что слѣдствіе и указъ о разстриженіи должны были опустошить монашескій классъ, какъ опустошили разборы ряды бѣлаго духовенства, только въ гораздо большихъ размѣрахъ пропорціонально численности этихъ двухъ духовныхъ сословій. Разстриженіе грозило въ общемъ не менѣе, чѣмъ одной трети монашествующихъ, и постигло большинство изъ этихъ обреченныхъ жертвъ мартовскаго указа. Нѣкоторые монастыри были поставлены прямо въ критическое положеніе и возопили о пощадѣ. Въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ съ приписными было разстрижено 60 человѣкъ. Подлежало разстриженію еще 24 человѣка монаховъ. Тогда архимандритъ Вавила съ братіею обратились съ просьбою къ своему епископу, пощадить отъ разстриженія хоть этихъ оставшихся еще не лишенными сана. Свою просьбу они мотивировали печальнымъ положеніемъ монастыря, въ которое ставитъ его указъ о разстриженіи. Именно, въ Бѣлозерскомъ и приписныхъ къ нему монастыряхъ въ 10 церквахъ совершается повседневное служеніе; въ Поморьѣ у Кириллова монастыря есть соляные и рыбные промыслы, въ которыхъ необходимы для присмотра монахи; внутри монастыря также не мало различныхъ службъ. Въ случаѣ разстриженія остальныхъ, которымъ оно угрожаетъ, возникнутъ неминуемо затрудненія и въ священнослуженіи и въ экономическомъ хозяйствѣ монастыря отъ недостатка монаховъ. Епископъ вологодскій Аѳонасій поддержалъ ходатайство монастырскихъ властей въ доношеніи Си-

ноду и съ своей стороны подтвердилъ, что монастырскія дѣла обстоятъ именно такъ, какъ говорятъ власти въ своемъ прошеніи. При этомъ онъ давалъ понять, что указъ о разстриженіи уже началъ совершать разрушительное дѣло совершеннаго опустошенія монастырей. Недостатокъ въ Кирилловомъ монастырѣ, говорилъ Аѳонасій, онъ не можетъ восполнить, переведя туда нѣсколько монаховъ изъ другихъ монастырей своей епархіи, потому что „за оскудѣніемъ монаховъ переселять некого, ибо три пустыни уже и въ пустѣ находятся, а изъ вдовыхъ поповъ и діаконовъ и изъ отставныхъ солдатъ къ постриженію желателей не имѣется“ [1]).

Кіевскую епархію, разсадникъ ученаго монашества,— указъ о разстриженіи поразилъ только съ одной своей стороны, но поразилъ не менѣе жестоко. Въ кіевской епархіи, доносилъ архіепископъ Рафаилъ, хотя есть-постриженные изъ неуказныхъ чиновъ, но пострижены они на основаніи указа Екатерины I (26 мая 1726 г.), который разрѣшалъ постригать въ кіевскихъ монастыряхъ ученыхъ студентовъ и „прочихъ достойныхъ и потребныхъ людей“, желающихъ монашества [2]), Напротивъ, въ Кіевской епархіи „не малое число“ пришлыхъ монаховъ, принятыхъ въ монастыри безъ паспортовъ. Это явленіе возникло, благодаря давнему обычаю переходить свободно изъ одного монастыря въ другой. Здѣсь то и угрожалъ грозою указъ о разстриженіи. Если, говорилъ архіепископъ, лишить сана этихъ всѣхъ незаконно принятыхъ монаховъ, то „монастыри епархіи кіевской въ крайнее придутъ запустѣніе“.—Судьба этого донесенія неизвѣстна.

Такимъ образомъ, надъ монашествомъ нависла гроза запустѣнія монастырей. Но указъ о лишеніи сана незаконно постриженныхъ и принятыхъ монаховъ не считался еще съ одною стороною дѣла, которая на практикѣ тотчасъ же создала недоразумѣнія. Многіе изъ лицъ, подпадавшихъ лишенію чина, были уже священнослужителями, посвящены въ іеромонахи, іеродіаконы. Были даже архимандриты изъ такихъ же людей. Въ послѣпетровское время вообще мало обращали вниманія на запрещенія и, пользуясь благопріятнымъ време-

---

1) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 181.

2) Да и вообще Малороссіи запретит. указы не касались. И здѣсь бросается въ глаза строгость аннинскаго правительства: оно, видимо, не намѣрено было дѣлать никакихъ исключеній.

немъ, дѣйствовали такъ, какъ будто и указовъ запретительныхъ не было. Указъ 11 марта 1735 года не дѣлалъ никакихъ исключеній, онъ не предвидѣлъ, повидимому, указаннаго случая. Но какъ только началось его дѣйствіе, изъ епархій стали спрашивать, разстригать ли іеромонаховъ, іеродіаконовъ, архимандритовъ? Разстригать ихъ многіе архіереи не рѣшались на свой страхъ, хотя въ другихъ мѣстахъ разстригали и священнослужителей. Синодъ на доношеніе епархіальныхъ архіереевъ постановилъ подождать съ разстриженіемъ таковыхъ и подать о нихъ докладъ государынѣ [1]).

21-го іюля 1737 года синодальный докладъ былъ подписанъ. Въ немъ говорилось, послѣ упоминанія о постановленіи 11 марта 1735 г., о возникшемъ недоумѣніи слѣдующее. „Понеже изъ таковыхъ противно указамъ постриженныхъ въ монашество нѣкоторые до вышереченнаго синодальнаго марта 11 дня 1735 года опредѣленія произошли уже не точію во іеродіаконы и іеромонахи, но и въ настоятели, какъ игумены, такъ и архимандриты, которыхъ отъ прочихъ отмѣнить и оставить безъ разстриженія Синоду учинить невозможно, а состоитъ оное въ особливомъ соизволеніи вашего императорскаго величества; того ради Синодъ о вышевоспомянутыхъ имѣющихся въ монастыряхъ всероссійской имперіи іеродіаконахъ, іеромонахахъ и настоятеляхъ, какъ игуменахъ, такъ и архимандритахъ, постриженныхъ въ монашество и произведенныхъ въ священные и настоятельскіе чины за запретительными указами, а именно: 723 генваря отъ 28, марта до 11 числъ 735 годовъ, ради высоко особливаго вашего императорскаго величества благоволенія симъ всеподданнѣйше донесши, ожидать будетъ всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества резолюціи. А дондеже резолюція вашего императорскаго величества послѣдуетъ, таковые іеродіаконы и іеромонахи, и настоятели въ монастыряхъ всероссійской имперіи Синодомъ оставлены попынѣ безъ разстриженія“.

Но правительство не очень было расположено дѣлать какія либо послабленія по отношенію къ строгому указу 11 марта, который несомнѣнно былъ продиктованъ свыше

1) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 171.

Синоду посредствомъ того или иного рода давленія. Кабинетъ-министры привыкли къ точности: они сначала хотѣли узнать, какое число людей обниметъ просимое Синодомъ исключеніе. 23-го августа 1737 года на синодальномъ докладѣ Кабинетъ положилъ такую резолюцію: „по сему доношенію, о всѣхъ такихъ монахахъ подать обстоятельное извѣстіе, съ означеніемъ, кто изъ какого чина и кѣмъ и въ которое время постриженъ и для чего состоявшійся указъ 723 по 735 годъ въ дѣйство не произведенъ, безъ котораго обстоятельнаго извѣстія о семъ опредѣленія учинить невозможно“.

Синодъ сталъ собирать требуемыя свѣдѣнія. Были сдѣланы запросы въ епархіи, а пока по старымъ присланнымъ въ Синодъ вѣдомостямъ, начиная съ 1732 года, сдѣланы были справки и въ результатѣ ихъ получилась любопытная таблица, дающая возможность опредѣлить, какой массѣ священнослужителей монашескаго чина угрожало разстриженіе. Незаконно постриженныхъ и произведенныхъ въ священные чины оказалось такое число по разнымъ епархіямъ.

ВЪ КАКИХЪ МѢСТАХЪ.	Архимандритовъ.	Игуменовъ.	Іеромонаховъ	Іеродіаконовъ.	Итого.
Въ Синодальной области . .		4	31	55	87
Въ епархіяхъ:					
Новогородской			3	5	8
Нижегородской				1	1
Вологодской		1	7	5	13
Крутицкой			2	7	9
Казанской	1				1
Тверской				2	2
Кіевской		4	52	101	157

ВЪ КАКИХЪ МѢСТАХЪ.	Архимандритовъ.	Игуменовъ.	Іеромонаховъ.	Іеродіаконовъ.	Итого.
Въ епархіяхъ:					
Тобольской		1	3		4
Черниговской			16	32	48
Ростовской			1	2	3
Коломенской			3	3	6
Псковской				4	4
Смоленской			4	2	6
Рязанской				1	1
Суздальской				3	3
Бѣлоградской		1	37	31	69
Архангельской			7	4	11
Вятской	1		1	3	5
Устюжской		3	31	6	40
Воронежской		3	40	14	57
Астраханской			6	3	9
Иркутской			2		2
Переяславской			10	6	16
ВЪ СТАВРОПИГІАЛЬНЫХЪ МОНАСТЫРЯХЪ:					
Въ Троицко-Серг. съ припис.			19	6	25
Въ Кіевопечерск. съ припис.		2	11	35	48
Въ Кіево-межигорскомъ . . .			3	7	10
Итого. .	2	16	289	338	645

Эта таблица не представляетъ точнаго положенія дѣлъ въ 1737 году, потому что составлена по прежнимъ вѣдомостямъ. За промежуточное же время могли многіе умереть или выбыть другимъ образомъ. Поэтому самъ Синодъ не рѣшился представить Кабинету эту табель и потребовалъ изъ епархій новыхъ свѣдѣній о имѣющихся въ наличіи незаконно постриженныхъ и произведенныхъ въ священные чины монахахъ. Но эти послѣднія свѣдѣнія присланы были далеко не отовсюду и отличались безпорядочностью; такъ что ихъ обобщить и систематизировать невозможно. Однако, хотя приведенная таблица и не точна для времени своего составленія, она даетъ понять, какое число іеромонаховъ и іеродіаконовъ находилось подъ грозою; уменьшеніе этого числа къ 1737 году дѣйствительно должно было произойти, но не могло во всякомъ случаѣ быть очень значительнымъ. Пусть выбыла изъ вышеприведеннаго реестра половина—и то болѣе 300 человѣкъ ожидали ежечасно разстриженія и съ тревогой ждали результата синодскаго ходатайства.

Синодъ, кажется, такъ и не представилъ Кабинету требуемаго извѣстія. Собраніе справокъ затянулось. Кабинетъ, поэтому, такъ и не далъ отвѣта на синодальный докладъ. Дѣло о разстриженіи монаховъ священнаго чина, такимъ образомъ, осталось въ неопредѣленномъ положеніи. Такъ какъ съ одной стороны Синодъ не отмѣнялъ своего постановленія не разстригать до времени таковыхъ, а правительство ничего на это говорило; съ другой же стороны гражданская власть не давала и разрѣшенія оставить въ санѣ незаконно постриженныхъ монашествующихъ священнослужителей: то въ результатѣ они находились между небомъ и землею. Въ большинствѣ случаевъ указъ о разстриженіи къ нимъ не примѣняли. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ свидѣтельствуютъ епархіальныя донесенія, разстригали и іеромонаховъ и іеродіаконовъ.

Таковы были результаты высочайшаго указа 28 января 1733 года о производствѣ слѣдствія надъ незаконно-постриженными въ монастыряхъ. Ряды монашескаго сословія опустошались съ каждымъ мѣсяцемъ, каждымъ годомъ, болѣе и болѣе. А пополнять убылыя мѣста было некѣмъ. Отставные солдаты и вдовые священнослужители не очень то охот-

но стремились принимать иноческій чинъ. При тогдашнихъ условіяхъ монашеской жизни, при правительственномъ режимѣ по отношенію къ ней, монашество перестало быть предметомъ желаній. Подъ рясой монаха было опаснѣе жить, чѣмъ подъ платьемъ мірскаго человѣка. Оскудѣніе грозило и ученому монашеству, которое всегда находилось въ привиллегированномъ положеніи, къ которому и правительство Анны Іоанновны относилось съ большимъ снисхожденіемъ, такъ какъ оно было нужно ему для просвѣтительныхъ цѣлей. Стѣснительныя условія, которыми было обставлено принятіе монашескаго чина, должны были сократить ряды ученыхъ монаховъ. Запретительные указы вообще не касались ученаго монашества. Постригать студентовъ никогда не запрещалось безусловно [1]). Только, по Духовному Регламенту, требовалось отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ ищущихъ монашества, предварительное трехлѣтнее искушеніе. Постановленія эти часто нарушались до Анны Іоанновны [2]). Когда же правительство послѣдней взялось за монашество, Синодъ поспѣшилъ издать подтвердительное распоряженіе и на счетъ студентовъ, запретивъ строго постригать (29 окт. 1733 г.) безъ трехлѣтняго искуса, хотя позволивъ принять за таковой 3-хъ лѣтнее учительство въ школахъ [3]). Не рѣшались теперь постригать и безъ предварительнаго разрѣшенія свыше, при чемъ не Синода только, но и Кабинета. Изъ Малороссіи болѣе всего поступало въ Синодъ прошеній о постриженіи. Малороссійскіе архіереи стали просить дозволить постриженіе въ монашество нѣкоторымъ желаю-

---

1) Поэтому Синодъ давалъ разрѣшеніе на постриженіе таковыхъ не только въ малороссійскихъ епархіяхъ, гдѣ не дѣйствовали запретительныя распоряженія (П. С. П. и Р. V, 1842. 1911), но и въ великороссійскихъ (въ Москвѣ—П. С. П и Р. VI, 2248).

2) При Петрѣ Великомъ Синодъ требовалъ довольно строго соблюденія регламентскихъ условій. Такъ, въ 1722 г. онъ постановилъ, въ отвѣтъ на просьбу кіевскаго архіепископа Варлаама разрѣшить постриженіе студентовъ, не выдержавшихъ трехлѣтняго искуса: поступать неотмѣнно по Регламенту, лишь въ крайней нуждѣ допуская обращеніе къ высшему духовному правительству за разрѣшеніемъ постриженія безъ указнаго искушенія (П. С. П. и Р. II, 671). Но послѣ смерти Преобразователя постриги безъ трехлѣтняго испытанія разрѣшались неоднократно (П. С. П. и Р. V, 1490. VI, 2212).

3) П. С. З. IX, 6504.

щимъ достойнымъ лицамъ, какъ изъ студентовъ, такъ и не изъ нихъ. Просьбы постригать и не изъ ученыхъ людей, конечно, раздавались изъ Малороссіи только потому, что эта область помнила свои старыя льготы. Петровскіе указы о непостриженіи никого впредь въ монашество кромѣ вдовыхъ священнослужителей имѣли цѣлью обратить монастыри въ богадѣльни для отставныхъ солдатъ; но въ малороссійскіе монастыри солдатъ не посылали. Отсюда, какъ мы знаемъ, по воззрѣнію духовной власти, уже петровскія узаконенія исключали Малороссію изъ района своего дѣйствія. Церковное правительство осталось при прежнихъ взглядахъ и въ царствованіе Анны. Указъ 1734 года, запрещавшій постриженіе въ монастыряхъ „россійской имперіи“, считался не относящимся къ Малороссіи. Такъ понималъ его Синодъ, какъ видно изъ синодальнаго опредѣленія 22-го декабря 1735 года. Но исключительное положеніе кіевскихъ и другихъ малороссійскихъ монастырей не было легализировано оффиціальнымъ признаніемъ свѣтскаго правительства. Въ строгое правленіе Анны Іоанновны архіереи малороссійскіе не рѣшались уже по прежнему пользоваться этимъ установившимся за ними обычнымъ правомъ. Указы Синода могли бы быть для нихъ точкой опоры; однако объ нихъ не осмѣливались напомнить. Указы эти спасли Кіевскую епархію отъ грозы разстриженія незаконно постриженныхъ въ монашество; но силу свою они потеряли при Аннѣ Іоанновнѣ. Мы видимъ теперь, что малороссійскіе архіереи, на основаніи прежнихъ своихъ обычаевъ, осмѣливаются только на то, на что не осмѣливались архіереи великороссійскіе: они просятъ у правительства разрѣшенія, по частнымъ случаямъ, постригать въ монашество и не изъ указныхъ чиновъ.

Въ 1734 году Рафаилъ кіевскій ходатайствовалъ о разрѣшеніи постричь нѣсколько человѣкъ въ монашество на убылые мѣста. Кабинетъ потребовалъ, чтобы поданъ былъ реестръ желающихъ монашества съ обозначеніемъ именъ, чиновъ, лѣтъ и проч. Реестръ былъ поданъ. Синодъ сообщилъ Кабинету, что желаютъ монашества въ кіевской епархіи 19 человѣкъ студентовъ и кромѣ того нѣсколько человѣкъ другихъ чиновъ, которые необходимы въ монастыри для священнослуженія и другихъ монастырскихъ потребъ

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о этихъ лицахъ Синодъ сообщалъ Кабинету и о доношеніяхъ другихъ архіереевъ черниговскаго и вологодскаго. Доношеніе черниговскаго епископа могло показать, какъ отзывается на ученомъ монашествѣ строгій порядокъ постриженія, съ длинной волокитой доставки свѣдѣній въ Кабинетъ и ожиданія его резолюціи. Въ домѣ преосвященнаго черниговскаго было нѣсколько человѣкъ студентовъ, просящихъ монашества. Архіерей обѣщалъ имъ выхлопотать разрѣшеніе на ихъ постриженіе; но они, зная строгость правительства, усумнились въ этомъ и „изъ дому отлучились“. Амвросій вологодскій просилъ о постриженіи двухъ учителей вологодской семинаріи.

Кабинетъ разрѣшилъ (19 авг. 1738 г.) постричь въ Кіевопечерской лаврѣ и приписныхъ къ ней монастыряхъ тѣхъ желающихъ, реестръ которыхъ былъ ему представленъ. Кромѣ того, видимо щадя малороссійское монашество, всегда стоявшее во главѣ просвѣтительнаго движенія, и во вниманіе къ прежнимъ обычаямъ, Кабинетъ дозволилъ постригать въ тѣхъ монастыряхъ и впредь желающихъ, „однако жъ съ доклада Св. Прав. Синоду, а отъ Синода представлять въ Кабинетъ, прописывая имянно состояніе ихъ“ [1]). Но о вологодскихъ учителяхъ не было упомянуто ни слова. Не было сказано ничего и о черниговской епархіи. Обычная тактика Кабинета: не отвѣчать сразу на всѣ предъявленные запросы... Лишь на новый докладъ Синода было дано кабинетское разрѣшеніе постричь желающихъ въ другихъ монастыряхъ Кіевской епархіи, вологодскихъ учителей, а также малороссіянъ въ епархіяхъ черниговской и переяславской. Малороссія получила, такимъ образомъ, юридическое право постригать не изъ указныхъ чиновъ достойныхъ людей на убылыя мѣста. Однако, позволеніе давалось на прежнемъ условіи: доставлять въ Кабинетъ свѣдѣнія о состояніи каждаго лица, ищущаго постриженія [2]).

Если въ Кіевскихъ и другихъ малороссійскихъ монастыряхъ начиналъ ощущаться недостатокъ монашествую-

---

1) П. С. З. X, 7634.

2) П. С. З. X, 7671 Окт. 25. 31-го Августа того же года было разрѣшено принимать въ Кіевопечерскій монастырь приходящихъ изъ Польши православныхъ монаховъ, бѣжавшихъ отъ уніатскаго гоненія, дабы они могли быть учителями школъ (П. С. З. X, 7645).

щихъ, то въ монастыряхъ великороссійскихъ этотъ недостатокъ былъ еще больше. Не имѣя за собою ни привиллегіи, ни традиціи на послабленіе строгости запретительныхъ указовъ, великороссійское монашество не могло разсчитывать на снисхожденіе. Оно молчало, не подавало просьбъ; оно только сообщало Синоду о постепенномъ опустошеніи монастырей. Запустѣніе и оскудѣніе все грознѣе охватывало монастырскій міръ и особенно грозно было будущее. Къ 1739 году голоса изъ епархій, наконецъ, возбудили въ Синодѣ сознаніе необходимости предпринять что нибудь для спасенія монашества. Замышляя, видимо, документальными, точными данными воздѣйствовать на правительство, Синодъ постановилъ собрать статистическія свѣдѣнія о губительныхъ послѣдствіяхъ правительственной политики. 13-го апрѣля 1739 года состоялось слѣдующее синодское опредѣленіе. Разсуждая, что изъ присланныхъ извѣстій „о числѣ обрѣтающихся въ монастыряхъ синодальной области и въ епархіескихъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ усмотрѣно, что во многихъ монастыряхъ іеромонаховъ весьма недостаточно, почему чаятельно отъ того въ таковыхъ монастыряхъ противъ прежнихъ лѣтъ служба Божія совершается не во всѣхъ храмахъ“, Синодъ приказалъ въ теченіи мѣсяца по полученіи этого указа прислать изъ всѣхъ монастырей и пустыней вѣрныя вѣдомости „въ сплѣ слѣдующей“: 1) сколько въ которомъ монастырѣ и пустыни имѣется для службы Божіей престоловъ, 2) при колькихъ престолахъ нынѣ служба Божія совершается, и сколько жъ нынѣ въ коемъ монастырѣ и пустынѣ іеромонаховъ, іеродіаконовъ въ наличіи и сколько кому отъ роду лѣтъ, 3) напредь сего въ тѣхъ монастыряхъ, а именно въ 720 и 721-мъ и въ 730-мъ годахъ сколько въ которомъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ обрѣталось же“ [1]).

Это синодальное опредѣленіе было разсчитано на то, чтобы собрать данныя, наиболѣе уважительныя въ глазахъ правительства. Синодъ не требовалъ извѣстія о простыхъ монахахъ, потому что они считались правительствомъ людьми безполезными, и оскудѣніе ихъ ни мало не тронуло бы, а скорѣе обрадовало министерство. Но верховная власть по-

[1]) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 65.

стоянно заявляла свое попеченіе о удовольствованіи церквей священнослужителями, требовала, чтобы священнослуженіе совершалось всюду безъ остановки. Вотъ сюда то и мѣтилъ Синодъ. Онъ хотѣлъ показать, что правительственная политика неминуемо опустошала и ряды священствующаго монашества, останавливала исправное служеніе въ монастырскихъ храмахъ. Большинство іеромонаховъ и іеродіаконовъ выходили не изъ среды вдоваго бѣлаго духовенства, а изъ среды простаго монашества, потому что вообще вдовыхъ священнослужителей постригалось незначительное число. Запрещеніе постригать въ монахи, разстриженіе незаконно постриженныхъ тотчасъ же отозвалось и на священствующемъ монашествѣ. Ресурсы его прекратились почти совершенно, а неумолимая смерть и старость быстро удаляли отъ служенія церкви служителей монастырскихъ храмовъ. Это и стремился выяснить Синодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ синодальная мѣра еще имѣла въ виду узнать, насколько политика правительства Анны Іоанновны, опираясь всецѣло на петровскія узаконенія, губительнѣе, однако, отзывалась на монашескомъ сословіи, вслѣдствіе своей неумолимости и строгости. Сравнительныя данныя 720, 721, 730 и 739 годовъ должны были показать указанное различіе.

Но пока собирались свѣдѣнія, нѣкоторые епархіальные архіереи прислали извѣстія, побудившія Синодъ обратиться съ докладомъ Кабинету по возникшимъ насущнымъ требованіямъ. На ряду съ другими строгими ограниченіями монашескаго пострига, при Аннѣ Іоанновнѣ наблюдалось неуклонно трехлѣтнее искушеніе постригаемыхъ. Между тѣмъ въ связи съ всеобщимъ оскудѣніемъ монашества, такое правило создавало еще большія затрудненія Когда просили постриженія лица даже „указныхъ чиновъ“, нужно было ждать три года, прежде чѣмъ постричь ихъ, а праздные храмы тѣмъ временемъ пустовали, освобождались новыя мѣста, некому было совершать богослуженіе. Въ концѣ марта (31-го) 1739 года кіевскій архіепископъ Рафаилъ просилъ у Синода дозволенія постричь въ монашество іерея Манунла Казачинскаго, ученаго человѣка, не дожидаясь трехлѣтняго искуса. Изъ доношенія Рафаила видно, что, несмотря на привиллегированное положеніе, въ Кіевѣ монашество оскудѣваетъ. Архіерей горько жаловался на оскудѣніе, особенно

ученыхъ монаховъ. Тверскій епископъ Митрофанъ писалъ (отъ 11 апрѣля 1739 г.), что въ монастыряхъ и пустыняхъ его епархіи не только не достаетъ монаховъ, іеромонаховъ и іеродіаконовъ, но при нѣкоторыхъ изъ числа священствующихъ остались одни настоятели; церковныя службы остановились. Есть желающіе постриженія вдовые священники и діаконы: но ихъ нельзя постричь безъ 3-хъ лѣтняго искушенія. Если же ждать три года, то въ концѣ концовъ монастыри станутъ оставаться и безъ настоятелей.

Тогда Синодъ (5-го іюня) доложилъ Кабинету о донесеніяхъ кіевскаго и тверскаго архіереевъ и представилъ такое мнѣніе съ своей стороны. „Хотя въ Духовномъ Регламентѣ такое запрещеніе, чтобъ безъ трехлѣтняго искушенія не постригать и положено, и то учинено (какъ видно) не о священномъ чинѣ, но болѣе о разночинцахъ, каковыхъ являлось тогда къ постриженію довольное число. А вдовымъ попамъ и діаконамъ съ благословенія епархіальныхъ ихъ архіереевъ, по засвидѣтельствованію же прихожанъ о благоговѣйномъ ихъ житіи, позволяется и вящее служеніе совершать,си есть священнодѣйствіе, нежели какъ только монахомъ быть, и потому видится, что таковыхъ и безъ трилѣтняго искушенія постригать не безъ благословно бъ было, а наипаче на сіе нынѣ позволить бы за самую крайнюю нужду, ибо во многихъ монастыряхъ уже не по единому іеромонаху не находится и церкви святыя стоять праздны; а гдѣ іеромонахи и есть, то въ числѣ ихъ по большей части престарѣлые, а ежели трилѣтняго искушенія ожидать, то чрезъ такое время и наивяще въ чинѣ іеромонашескомъ и іеродіаконскомъ воспослѣдуетъ нужда. Подобно жъ тому разсуждается и объ отставныхъ штабъ, оберъ и унтеръ офицерахъ, драгунахъ и солдатахъ, такожъ и о студентахъ, которые, проходя школьное ученіе до вышнихъ наукъ, принуждаютъ себя несть въ томъ немалые денно-нощные труды, скудости и недостатки, и когда касаются философическаго и богословскаго (ученія) и безпорочнаго и отъ честныхъ людей въ томъ свидѣтельствованнаго будутъ житія, за трилѣтнее искушеніе можно было бы вмѣнить многолѣтнее ихъ въ ономъ школьномъ ученіи трудопонесеніе, какъ и о вышесказанномъ іереѣ Мануилѣ Казачинскомъ отъ честныхъ людей и вѣроятія достойныхъ лицъ и отъ самаго кіевскаго

архіерея засвидѣтельствовано, котораго, какъ Синодъ разсуждаетъ, по девятимѣсячномъ времени во искушеніи уже бывшаго, монашескаго чина и безъ дальнаго ко искушенію отложенія возможно сподобить; а отставнымъ вышепоказаннымъ чинамъ по тому жъ за трилѣтнее искушеніе вмѣнить бы долговременное ихъ въ службѣ военной пребываніе и чрезъ то много-претерпѣнные ихъ труды, а нѣкоторыхъ и раны и прочье увѣчье". Ради всѣхъ указанныхъ мотивовъ, Синодъ испрашивалъ позволенія замѣнить шестимѣсячнымъ трехлѣтнее искушеніе для вдовыхъ священнослужителей, студентовъ, отставныхъ офицеровъ и солдатъ, благонравіе и безпорочность которыхъ будутъ засвидѣтельствованы.

Императорскій Кабинетъ остался, однако, вѣренъ себѣ. Онъ не хотѣлъ положиться на духовныя начальства, предоставивъ имъ право постригать вышеуказанныхъ лицъ по 6 мѣсячномъ искусѣ, хотя въ то же время сознавалъ необходимость требуемой уступки. Тогда съ синодскимъ докладомъ рѣшили поступить, какъ съ просьбами малороссійскихъ архіереевъ. Докладъ былъ возвращенъ назадъ съ такимъ словеснымъ приказаніемъ, „чтобъ о таковыхъ вдовыхъ священникахъ и діаконахъ, такожъ о студентахъ и штабъ и оберъ и унтеръ-офицерахъ, которые нынѣ о постриженіи въ монашество просятъ, изъ Святѣйшаго Синода для разсмотрѣнія о томъ въ Кабинетъ ея императорскаго величества сообщенъ былъ именной реестръ; и впредь о желающихъ того, собирая оныхъ человѣкъ до 10 или больше, по тому жъ сообщать въ Кабинетъ ея императорскаго величества именные реестры". Пока же Кабинетъ разрѣшалъ постричь, не дожидаясь трехлѣтняго искушенія, только одного Мануила Казачинскаго, и то въ отвѣтъ на новый докладъ Синода объ одномъ этомъ іереѣ [1]).

Синодъ поспѣшилъ распорядиться, чтобы епархіальные архіереи представили списки желающихъ постриженія на новомъ льготномъ условіи. Желающихъ нашлось не мало (въ нижегородской еп., напримѣръ, 56 чел.). И все-таки эта мѣра не способна была остановить раззореніе монашества, наполнить его порѣдѣвшіе до крайности ряды, возстановить богослуженіе въ опустѣвшихъ монастырскихъ храмахъ. По-

1) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 194.

литика правительства слишкомъ глубоко затронула монашеское сословіе. Изъ епархій стали получаться затребованныя (13 апрѣля) вѣдомости отъ монастырей. Вотъ какая картина предстала предъ Синодомъ—(мы беремъ нѣкоторыя данныя), въ отвѣтъ на сдѣланные имъ запросы къ епархіальнымъ властямъ [1]).

Въ какихъ епархіяхъ.	Сколько монастырей и пустынь.	Сколько престоловъ.	При скольких совершается служба.	Сколько іеромонаховъ.	Сколько іеродіаконовъ.	Сколько было въ 720 и 721 гг. іеромонаховъ.	Сколько было въ 720 и 721 гг. іеродіаконовъ.	Сколько было въ 730 г. іеромонаховъ.	Сколько было въ 730 г. іеродіаконовъ.
Вологодской	45	155	54[2]).	53	14	67	22	65	17
Тверской	14	44	20	32	17	50	25	53	25
Казанской	непок	азано	110	54	26	86	44	61	32
Архангельской . . .	24	84	27	56	10	52	18	64	22
Кіевской	не	пока	зано	169	110	не по	казано.	198[3]	116[4]
Вятской	16	35	12	20	8	30	12	30	11
Нижег. и припис. къ ней	не показ	103	40	29	19	89—79	37—44	61	26
Устюжской	26	65	30	45	18	44	14	50	14
Черниговской	19	64	—	122	44	не по	казано.	182	88
Синодальной области .	45	135	75	72	27	90—96	54	99	51
Новгород. и припис. [5]).	112	332	154 (повсюду) 178 (пр.)	65	23	130	45	130	48

---

[1]) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 65.

[2]) Въ трехъ пустыняхъ не совершается ни при одномъ престолѣ. за неимѣніемъ іеромонаховъ.

[3]) Не считая 5 монастырей, откуда свѣдѣній не прислано.

[4]) Тоже.

[5]) Въ 33 монастыряхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ нѣтъ, и служба совершается бѣлыми попами.

Такимъ образомъ оказывалось, что нѣкоторые монастыри и пустыни совершенно остались безъ богослуженія; множество храмовъ монастырскихъ не оглашались болѣе звуками церковнаго пѣнія. Въ иныхъ мѣстахъ служеніе въ монастыряхъ совершалось бѣлымъ духовенствомъ. Число іеромонаховъ и іеродіаконовъ сильно уменьшилось по сравненію съ прежнимъ, доаннинскимъ временемъ. При этомъ сравнительныя данныя обнаруживаютъ любопытное явленіе. Съ 720-730 годъ, не смотря на дѣйствіе запретительныхъ указовъ въ этотъ періодъ, оскудѣнія въ священствующемъ монашествѣ не замѣчается. Сколько было его до перваго запретительнаго указа 723 года, столько же почти было и въ 730-мъ году. Между тѣмъ подъ вліяніемъ аннинскихъ указовъ ряды чернаго духовенства быстро порѣдѣли. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что петровскія и послѣпетровскія узакопенія на практикѣ дѣйствовали далеко не съ такою строгостью, какъ распоряженія правительства Анны Іоанновны, которое лишь подтверждало ихъ. Суровый характеръ политики императорской власти по отношенію къ монашеству, безпощадное разстриженіе нелегальныхъ монаховъ, тяжело отозвались на монастырской жизни и грозили въ будущемъ запустѣніемъ множеству монастырей, если строгость указовъ не будетъ смягчена.

Синодъ понялъ, что одно постриженіе изъ указныхъ чиновъ, даже безъ 3-хъ лѣтняго искуса, не спасетъ монашеское сословіе. Въ числѣ чернаго духовенства, какъ обнаружили епархіальныя донесенія, оскудѣніе шло съ такою быстротою, что его не могли пополнить вдовые священнослужители и другія лица, которымъ Кабинетъ, повидимому, обѣщался облегчить доступъ въ монашество. Масса показанныхъ въ вѣдомостяхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ были люди престарѣлые; они не обѣщали быть долго служителями церкви, и стало быть съ каждымъ годомъ уменьшеніе ихъ должно было возрастать. Синодъ рѣшился обратиться въ Кабинетъ съ новымъ докладомъ, требуя отмѣны самыхъ запретительныхъ указовъ (24 августа). Синодальный докладъ, на основаніи присланныхъ вѣдомостей, говорилъ, что во всѣхъ епархіяхъ оказался большой недостатокъ монашествующихъ, а во многихъ монастыряхъ не осталось никого. Въ средѣ чернаго духовенства много престарѣлыхъ и увѣч-

ныхъ. Монастыри пустѣютъ. Съ теченіемъ времени эта скудость усиливается; некому становится исправлять богослужебныя и экономическія службы. Вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ, желающихъ принять монашество, является очень мало. Да если бы кто и пожелалъ изъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ принять иноческій чинъ, то и въ церквахъ нынѣ, вслѣдствіи разборовъ въ военную службу, большой недостатокъ въ причтѣ и удовольствовать его не изъ кого; такъ что вдовые священники и діаконы нужны для приходскихъ церквей. Поэтому Синодъ просилъ, не соблаговолено ли будетъ указомъ ея императорскаго величества постригать въ монашество и разночинцевъ, удовлетворяющихъ необходимымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ кандидату на монашество въ Духовномъ Регламентѣ [1]).

Къ своему докладу Синодъ присоединилъ любопытную таблицу о числѣ монаховъ и монахинь въ монастыряхъ синодальной области и епархій слѣдующаго содержанія [2]).

Именованіе мѣстъ.	СКОЛЬКО МОНАШЕСТВУЮЩИХЪ.															
	Число муж. мон.	Архимандритовъ.	Игуменовъ.	Строителей.	Намѣстниковъ.	Казначеевъ.	Іеромонаховъ.	Іеродіаконовъ.	Монаховъ.	Итого монаховъ.	Число жен. мон.	Игуменій.	Намѣстн.	Монахинь.	Итого монахинь.
Въ Синодальной области.	156	27	41	37	15	73	248	144	1395	1980	54	36	9	2239	2284
В Ъ Е П А Р Х І Я Х Ъ.															
Новгородской . . .	110, изъ нихъ б. м. 17.	10	5	45	—	47	68	23	310	508	28	8	13	284	305
Вологодской	45 1 безъ мон.	4	16	13	3	22	52	14	221	345	2	2	—	120	122
Псковской	Въ домѣ арх. и 17 мон.	3	6	5	—	7	26	8	36	91	15	7	8	60	75
Нижегородской . .	39, въ томъ ч. б. м. 2	5	8	9		17	19	25	251	334	22	10	3	630	643
Ростовской . . .	26, изъ нихъ б. м. 3.	8	8	2	1	18	33	26	185	281	5	3	2	128	133
Кіевской	27	4	11	1	6	—	233	127	277	659	12	9	3	491	503

1) А. С. С. Книга всеподдан. докладовъ 1739 г. № 56.

2) Таблица заимствована нами изъ М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, книг. № 103/1180, л. 81-82. ВъСинодальномъ дѣлѣ ея нѣтъ.

Именованіе мѣстъ	СКОЛЬКО МОНАШЕСТВУЮЩИХЪ.															
	Число муж. мон.	Архимандритовъ.	Игуменовъ.	Строителей	Намѣстниковъ.	Казначеевъ.	Іеромонаховъ	Іеродіаконовъ.	Монаховъ.	Итого монаховъ.	Число жен. мон.	Игуменій.	Намѣстн.	Монахинь.	Итого монахинь.
ВЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ.															
Черниговской . . .	16	3	—	—	—	—	136	51	154	344	4	4	4	125	133
Казанской	29	6	10	6	2	19	47	21	152	263	15	11	1	548	560
Крутицкой	17	7	5	2	—	—	39	26	145	224	10	8	—	208	216
Тобольской	15	6	4	3	5	10	3	8	65	131	6	2	4	102	108
Тверской	Въ д. арх. и 14 мон.	3	5	2	1	—	45	22	113	191	3	3	—	56	59
Астраханской . . .	5	2	1	1	—	—	11	4	38	57	3	2	—	56	58
Коломенской	10	3	1	4	5	—	29	10	46	98	3	3	—	86	89
Устюжской	26	3	7	10	2	—	40	20	74	156	4	2	—	64	66
Смоленской	7	1	2	3	—	—	31	13	33	83	1	1	—	43	44
Рязанской	26	8	4	7	—	12	44	13	119	207	13	5	5	184	194
Бѣлгородской . . .	23	3	8	—	8	5	72	36	219	351	8	4	4	211	219
Архангелогор. . . .	24	3	4	11	—	—	45	11	97	171	3	2	—	18	20
Вятской	13	2	3	3	1	6	34	16	92	158	5	2	2	54	58
Суздальской	Въ домѣ арх. и 19 м.	5	6	6	1	6	31	16	87	158	18	3	10	348	361
Воронежской . . .	Въ домѣ арх. и 14 м.	5	6	5	—	—	54	15	123	208	4	2	2	67	71
Переяславской . . .	3	—	2	—	—	—	16	4	9	31	1	—	—	26	26
ВЪ СТАВРОПИГІАЛЬН. МОНАСТЫРЯХЪ.															
Въ Троицко-Серг. съ приписн.	14	1	—	12	—	1	46	31	218	309	1	1	—	105	106
Въ Троицк. Алекс. Нев. съ приписн. .	3	1	—	1	1	—	24	13	4	44	—	—	—	—	—
Въ Кіевопечерск. съ приписными . . .	7	1	3	—	2	—	114	56	182	358	—	—	—	—	—
Въ Кіевомежигор. .	1	1	—	—	1	1	12	5	33	53	—	—	—	—	—
Въ Бизюковѣ . . .	2	1	—	—	1	—	2	2	4	10	—	—	—	—	—
Итого .	Въ 4-хъ дом. арх. и 705 м. (въ томъ числ. 23 безъ мон.	126	166	188	55	244	1551 +38	752	4682	7802	240	130	70	6253	6453

Такимъ образомъ, въ мужскихъ монастыряхъ число монашествующихъ въ 1739 году опредѣлялось 7802 челов. Между тѣмъ, по опредѣленію монастырскаго приказа въ петровское время, каковое опредѣленіе и было основаніемъ штатныхъ монашескихъ мѣстъ, въ мужскихъ монастыряхъ полагалось быть 8976 чел. монашествующихъ [1]). При этомъ въ счетъ не входили епархіи кіевская, черниговская, переяславская, новгородская, тобольская, астраханская и изъ ставропигіальныхъ монастырей Александро-Невскій и кіевскіе. Если изъ предыдущей таблицы мы исключимъ эти епархіи и монастыри, то получимъ цифру монашествующихъ 5670 чел., каковой въ опредѣленіи монастырскаго приказа соотвѣтствовала цифра 8976 чел. До штатнаго числа не хватало, стало быть, въ 1739 году 3306 человѣкъ (считая, кромѣ того, не всѣ епархіи). Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ монашество оскудѣло на половину и даже болѣе по сравненію съ опредѣленіемъ монастырскаго приказа. Такъ сократилась численность монашествующихъ (мужск.) въ епархіяхъ: нижегородской съ 853 на 334; ростовской—съ 606 на 281; суздальской съ 515 на 158; казанской съ 600 на 263; вятской съ 424 на 158; вологодской—съ 810 на 345; устюжской съ 400 на 156; холмогорской (арханг.) съ 510 на 171; воронежской—съ 512 на 208; псковской—съ 232 на 91.

Обращаясь въ Кабинетъ съ указанной просьбой, духовная власть разсчитывала, вѣроятно, на то, что министры уступятъ предъ фактами; прежняя нѣкоторая уступчивость въ вопросѣ о постриженіи „указныхъ чиновъ“ безъ трехлѣтняго искуса ободряла Синодъ на новое требованіе. Но синодальный докладъ остался безъ послѣдствій. Министры, не желая отступать отъ своей политики и отказываться отъ прежнихъ запретительныхъ указовъ, замолчали просьбу, какъ обыкновенно поступалъ Кабинетъ въ подобныхъ случаяхъ. Уже послѣ смерти Анны Іоанновны новое правительство, на повторенный докладъ Синода, положило милостивую резолюцію (22 дек. 1740 г.). Дозволено было постригать и разночинцевъ, „которые отъ командъ своихъ вольные паспорты имѣютъ и никакими дѣлами не обязаны“, и изъ помѣщичьихъ людей и крестьянъ, получившихъ свободный отпускъ. Постриженіе

1) Горчаковъ, Монастырскій приказъ, стр. 43-44 Приложеній.

разрѣшалось совершать съ позволенія епархіальныхъ архіереевъ въ епархіяхъ и Синода въ синодальной области, только безъ излишества, столько, сколько нужно въ каждомъ монастырѣ [1].—Такимъ образомъ запретительные указы были отмѣнены. Милостивымъ указомъ теперь хотѣли привлечь на свою сторону монашеское сословіе, которое могло составить не малую поддержку еле державшемуся царствующему дому, когда младенецъ императоръ сидѣлъ на престолѣ, а слабая мать его всюду искала опоры. Но потрясенное монашество и полу-опустошенные монастыри не скоро оправились послѣ тяжелыхъ дней Анны. Синодъ, впрочемъ, сдѣлалъ все съ своей стороны, чтобы загладить слѣды прошлаго. Съ указомъ 22 декабря сразу пали строгости прежняго времени. 16-го января 1741 года было отмѣнено распоряженіе постриженныхъ за запретительными указами до 1735 г. Нѣкоторымъ какъ то удалось доселѣ избѣжать тяготѣющей надъ ними кары. Теперь счастливцы могли ничего не опасаться болѣе. Разстриженнымъ предоставлялось вновь получить монашество, если пожелаютъ. Настоятелямъ прощались штрафы за ихъ самовольные постриги; лишенные своихъ мѣстъ снова получили настоятельство [2]. Гроза миновала и монастырская жизнь входила въ прежнюю колею. Что же положительнаго внесло въ нее аннинское царствованіе?

Вооружаясь противъ монашества, уклонившагося отъ своей идеи, борясь съ недостатками и нестроеніями монашеской жизни, правительство дѣйствовало болѣе внѣшними мѣрами, ограниченіями, чѣмъ стремилось уничтожить зло въ самомъ корнѣ—преобразованіемъ внутренней монастырской жизни. На эту задачу не считала себя способной императорская власть; между тѣмъ здѣсь то и лежалъ путь къ исправленію монашества. Ограничивая доступъ въ монашеское сословіе, жестокими мѣрами карая бродяжничество, правительство не вносило еще этимъ благоустройство въ стѣны монастыря. Конечно, законодательнымъ путемъ невозможно поднять нравственный уровень монашества. Въ распоряженіи всякой власти бюрократической находятся одни дисципли-

---

1) П. С. З. XI. 8303

2) А. С. С. Дѣло 1741 г. № 285.

нарныя средства. Но во власти правительства было дать монастырямъ такое внутреннее устройство, которое бы болѣе обезпечивало соблюденіе порядка и благочинія въ оградѣ монастырскихъ стѣнъ. Много нестроеній среди монаховъ происходило отъ безпорядка и распущенности, царившихъ въ монастырскомъ управленіи. Сюда бы должно было обратиться вниманіе правительства. Къ сожалѣнію, мы знаемъ лишь одинъ частный случай, когда законодательство пыталось внести благоустройство въ монастырское управленіе путемъ не общихъ фразъ, а практическою мѣрою. Это—именной указъ Синоду о сочиненіи инструкціи для управленія Троицко-Сергіева монастыря (21 сентября 1738 г.) [1]).

Для избѣжанія злоупотребленій со стороны монастырскихъ властей—архимандрита, келаря, казначея, которые расхищали и раздавали монастырское имущество, пользуясь своимъ положеніемъ, въ Сергіевомъ монастырѣ учреждалось соборное управленіе, подобное существующему въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Въ составъ его опредѣлялось выбирать Синоду двѣнадцать разумныхъ, достойныхъ людей; въ томъ числѣ былп архимандритъ, келарь и казначей. Это собраніе должно было рѣшать всѣ дѣла письменно на оффиціальныхъ засѣданіяхъ, при чемъ протоколы и приговоры подписывались всѣми участниками, пользовавшимися равнымъ правомъ голоса. Свобода послѣдняго строго ограждалась. Архимандритъ не имѣлъ власти ни смѣнять, ни наказывать соборныхъ монаховъ, но долженъ былъ писать о томъ въ Синодъ. На убылыя мѣста общимъ собраніемъ избирались три или два кандидата, а выборъ изъ нихъ предоставленъ Синоду. Вѣдѣнію этого соборнаго управленія предоставлялись какъ экономическія такъ и внутреннія дѣла монастыря. Виновные въ нарушеніи монашескихъ обѣтовъ, невоздержаніи, пьянствѣ, безчинствѣ, послѣ увѣщанія архимандрита, въ случаѣ неисправленія, подвергались соборному суду и наказывались при общемъ собраніи братіи. Неисправимыхъ монаховъ велѣно отдавать на судъ Синода, который имѣлъ разсматривать ихъ и отсылать въ Сенатъ молодыхъ и годныхъ для опредѣленія въ солдаты, а старыхъ и негодныхъ—въ рудники.

На указанныхъ основаніяхъ поручено было Синоду составить подробную инструкцію и подать въ Кабинетъ для

1) П. С. З. X, 7660.

„апробаціи“. Но этотъ случай правительственнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь монастыря былъ явленіемъ единичнымъ. Правительство не поручало Синоду позаботиться о преобразованіи монастырскаго управленія вообще, и нельзя не пожалѣть объ этомъ. Несомнѣнно, коллегіальное управленіе въ монастыряхъ, какое введено было въ лаврахъ, при строгомъ выборѣ соборныхъ монаховъ, должно было бы внести свѣтлую струю въ застоявшуюся монашескую жизнь. Единоличное управленіе пагубно вліяло на монастырское благоустройство. Своеволіе монастырскихъ властей не знало часто предѣловъ; жизнь ихъ служила нерѣдко отрицательнымъ примѣромъ для иноковъ. Отсюда въ значительной мѣрѣ царила въ монастыряхъ распущенность, тѣмъ болѣе, что настоятели плохо большею частью смотрѣли за ввѣреннымъ ихъ попеченію монастыремъ. Если бы императорская власть обратила свои заботы на внутреннее устройство монастырской жизни съ такою же энергіею, какъ старалась она о соблюденіи запретительныхъ указовъ, то этимъ она больше бы внесла хорошаго въ монашество, больше содѣйствовала бы поднятію монашескаго сословія и искорененію зла, чѣмъ неумолимо-строгими ограниченіями, опустошившими монастыри и однакожъ скоро отмѣненными, жестокими карами и наказаніями. Тогда бы аннинское царствованіе оказало положительную заслугу предъ чернымъ духовенствомъ и церковью. Теперь же оно пронеслось разрушительнымъ ураганомъ надъ монашествомъ и исчезло въ дали прошлаго, ничего не создавъ, но многое разрушивъ.

II.

Стѣсненное принципомъ ограниченія, лежавшимъ въ основѣ правительственной политики въ монашескомъ вопросѣ, монашество кромѣ того должно было нести также гнетъ общаго настроенія верховной власти. Мы знаемъ, въ какой тяжелой политической атмосферѣ протекала жизнь высшей іерархіи и бѣлаго духовенства въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія, какую безпокойную эпоху политическихъ подозрѣній, доносовъ, розысковъ, переживала русская учащая церковь того времени. Монашество не только не избавилось отъ общей участи, но, напротивъ, навлекло на себя особен-

нос вниманіе Тайной Канцеляріи и всѣ сопряженныя съ этимъ послѣдствія.

Печальная исторія Ѳеофановскихъ процессовъ прежде всего втянула въ себя множество лицъ монашескаго сословія. Имя новгородскаго архіерея для монашества было грознѣе, чѣмъ для высшей іерархіи. Преобразованія Петровскаго царствованія, Духовный Регламентъ, цѣлый рядъ мѣръ къ ограниченію и очищенію монашества и монастырей—все это исходило отъ Ѳеофана, по убѣжденію русскаго духовенства. Въ монастыряхъ Прокоповича открыто считали еретикомъ; здѣсь находили себѣ твердую опору всѣ козни враговъ Ѳеофана, боровшихся съ нимъ подпольнымъ оружіемъ доносовъ, подметныхъ писемъ, пасквилей и т. п. Монахи вѣчно не давали покоя Прокоповичу, обвиняли его въ лютеранствѣ, распускали объ немъ нелѣпые слухи, ждали его погибели. Сильные противники Ѳеофана избирали своимъ орудіемъ всегда монаховъ и нападали на него черезъ ихъ посредство. Маркеллъ Родышевскій—креатура Дашкова—много крови испортилъ новгородскому архіерею. За то и Ѳеофанъ не зналъ пощады по отношенію къ своимъ фанатичнымъ врагамъ. Пользуясь обычною тактикою, онъ сумѣлъ навлечь на монашество подозрѣніе въ политической неблагонадежности, открывалъ въ средѣ его слѣды мнимыхъ заговоровъ и возмущеній, дѣятельность „злодѣйской факціи“. Сотни людей монашескаго чина побывали изъ за него въ Тайной Канцеляріи, огласили своими стонами и обагрили своею кровью ея мрачныя стѣны.

Придать политическую окраску своимъ личнымъ счетамъ съ монахами и выдать ихъ политическими преступниками Ѳеофану было не трудно, потому что враги Прокоповича не были осмотрительны въ выраженіяхъ, дѣлая иногда намеки на правительство. Напримѣръ, іеродіаконъ Іона къ житію Ѳеофана, написанному Маркелломъ Родышевскимъ, сдѣлалъ нѣкоторыя приписки, намекающія на лютеранство приближенныхъ императрицы. Здѣсь сейчасъ же усмотрѣли противоправительственыя возмутительныя мысли,—и Іона лишился сана и въ качествѣ разстриги Осипа повисъ на дыбѣ [1]). Маркеллъ написалъ тетради о монашествѣ, критикуя

[1]) Чистовичъ, стр. 310—311.

„Объявленія о монашествѣ“ и Духовный Регламентъ, порицая петровскія нововведенія, отстаивая патріаршество. Свои удары Маркеллъ обращалъ противъ Θеофана, какъ автора этихъ произведеній. Прокоповичъ указалъ здѣсь поношеніе чести государевой, такъ какъ Регламентъ и указъ о монашествѣ изданы Петромъ I, возмутительную пропаганду, смущающую народъ. Маркеллъ попалъ въ Бѣлозерскій монастырь въ ссылку послѣ длинной волокиты въ Тайной Канцеляріи [1]). Пасквильныя тетради на Θеофана принесли много горя монашеству. Въ дѣло запутано было множество лицъ и привезено въ Москву. Троицкій архимандритъ Варлаамъ жаловался государынѣ, что изъ троицкаго монастыря забраны люди на 50 подводахъ. Ушаковъ объявилъ, что взяты они за поношеніе новгородскаго архіерея [2]). Когда возникло второе дѣло о Георгіѣ Дашковѣ, опять отовсюду повлекли въ Тайную монашествующихъ [3]). Несчастный пасквиль, погубившій Θеофилакта Лопатинскаго, наполнилъ тюрьмы колодниками, обвинявшимися въ принадлежности къ подпольной возмутительной дѣятельности [4]). Страданія колодниковъ были ужасны; душа и тѣло ихъ терзались немилосердно [5]). Били плетьми за одну переписку подозрительныхъ сочиненій, за чтеніе ихъ и т. п. Лишили сана протопопа Родіона Никитина, подняли на дыбы и потомъ сослали въ Сибирь за чтеніе прихожанамъ тетради о житіи Θеофана [6]). Монахъ Климентій подвергся страшной пыткѣ, разстриженію и ссылкѣ въ Сибирь за переписку Θеофилактова сочиненія противъ Буддея [7]).

Правительство чувствовало, что монашескій міръ съ глухою ненавистью смотритъ на него за строгости, обрушившіяся послѣ извѣстнаго указа 28 января 1733 года. Отсюда оно готово было видѣть крамолу во всякомъ подозритель-

---

1) Чистовичъ, стр. 313—334. Родышевскій скоро снова попалъ въ Тайную Канцелярію и содержался въ ней до смерти имп. Анны (Чистовичъ, стр. 448, 679).

2) Чистовичъ, стр. 338—339.

3) Ibid., стр. 354—355

4) Ibid., стр. 435—437, 475—482.

5) Ibid., стр. 479—480.

6) Ibid., стр. 494—498.

7) Ibid., стр. 657.

помъ движеніи, во всякомъ выраженіи неудовольствія распоряженіями высочайшей власти. Когда началось слѣдствіе о монахахъ, незаконно постриженныхъ, и монашескій міръ заволновался, то не нужно было бы и указаній Ѳеофана, чтобы монашество подпало подъ негласный надзоръ Тайной Канцеляріи. А Ѳеофанъ какъ разъ въ это время выступилъ съ разборомъ Маркелловой тетради о монашествѣ, представляя, что она направлена къ возмущенію народа, есть „готовый нарочитый факелъ къ зажженію смуты, мятежа и бунта“; что самъ Маркелъ есть только членъ „нѣкоего немалочисленнаго сковничества“, подкапывающагося подъ государственную власть [1]). Тайная Канцелярія поднялась на ноги. Маркелловы тетради, какъ оказалось, ходили среди монашества; стало быть, тамъ таится искра возмущенія, строятся ковы противъ правительства. Подозрительность послѣдняго еще болѣе обострилась, стала еще бдительнѣе и недовѣрчивѣе. Рѣчи, раздававшіяся среди монашества, о томъ, напримѣръ, что при избраніи Анны на престолъ была обойдена Елизавета Петровна [2]), что „знатныя персоны“ въ „наученія странна и различна уклоняются“ [3]), должны были только болѣе озлоблять правительство, узнававшее о монашескихъ толкахъ изъ рукъ разныхъ слѣдователей. Несчастные обитатели саровской и берлюковской пустынь, среди которыхъ найдены были маркелловы „факелы смуты, мятежа и бунта“, подверглись страшному разгрому: разстриженію, изувѣченію, ссылкѣ въ Сибирь, на горные заводы [4]). Въ Иверскомъ монастырѣ были разстрижены всѣ іеромонахи, іеродіаконы и монахи [5]). Обитатели Бизюкова монастыря, впутанные въ дѣло о подметномъ письмѣ, всѣ были забраны подъ арестъ, по приказанію Тайной Канцеляріи, такъ что для отправленія священнослуженія туда пришлось послать іеромонаха и іеродіакона изъ Московскихъ монастырей [6]). Чиновные и не чиновные люди монашескаго сана наполняли тюрьмы Тайной Канцеляріи; Іоасафъ Маевскій, измученный пытками,

---

1) Ibid, стр. 527—531.
2) Ibid., стр. 545.
3) Ibid., стр. 546.
4) Ibid., стр. 533—568. 696 -697.
5) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 365.
6) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 55, 1739 г. № 208.

жилъ стѣна объ стѣну съ сотоварищами по сану, которыхъ жестокая судьба, часто по ничтожному поводу, бросала изъ обители мира въ обитель безпощадной жестокости [1]).

Подъ какимъ гнетомъ должно было жить монашество послѣ этого, можно судить по одному любопытному дѣлу, которое такъ же характерно въ данномъ случаѣ, какъ для жизни высшей іерархіи—дѣло Варлаама псковскаго: по такому невинному и ничтожному поводу оно возникло. Оно показываетъ, что малѣйшій голосъ со стороны монастырей въ свою защиту отъ строгости указа о разстриженіи незаконно постриженныхъ считался уже бунтомъ, заслуживающимъ кары.

Въ концѣ іюня 1735 года государыня получила самое раболѣпное письмо отъ находящагося въ Пиловой пустыни на обѣщаніи бывшаго корельскаго и ладожскаго епископа Аарона. Ааронъ писалъ, послѣ витіеватаго вступленія: „Нынѣ въ обители у насъ велія туга и печаль во братіи имѣется о слышаніи состоявшагося изъ святѣйшаго Правительствующаго Синода Вашего императорскаго в-ва указа о разстриженіи монашескаго чина, которые послѣ Регламента постриженны. И если, государыня, надъ нашею убогою пустынью сіе состоится, то весьма монашескимъ чиномъ оная обитель наша оскудѣетъ, и по указамъ Вашего императорскаго величества богомолія о здравіи и спасеніи Вашемъ молебновъ, также и о поминовеніи родителей и сродниковъ вашихъ, панихидъ отправлять будетъ некому, и сего ради церковь Божія безъ пѣнія опустѣти можетъ. Того ради, слезно припадая къ всечестнымъ стопамъ Вашего императорскаго величества, съ наземнымъ поклоненіемъ, какъ игуменъ со всею братіею, такъ и азъ всенижайшій рабъ Вашего императорскаго величества, умилосердися, всемилостивѣйшая государыня наша, призри на святую обитель нашу и на насъ убогихъ богомольцевъ твоихъ, не даждь отъ сего намъ въ велікомъ оскудѣніи быть, благоволи государыня отъ сего отягощенія своимъ милостивымъ призрѣніемъ свободить, за что мы убозіи непрестанный долгъ имѣемъ всегда молити всеусердно Божію благость о Вашемъ императорскомъ званіи и спасеніи, дабы Господь Богъ даровалъ Вашему величеству здѣ здраво и благополучно, душеспасительно же и многолѣтно

[1]) Чистовичъ, стр. 662—663.

пребывати, въ будущемъ же вѣцѣ присно радостную жизнь получити въ нескончаемые вѣки".

Трудно увидѣть что либо преступное въ этомъ письмѣ смиреннаго епископа. Правда, прошенія на высочайшее имя были запрещены (23 апрѣля 1730 г.). Но епископъ рѣшился писать, потому что видѣлъ грозу надъ головою, видѣлъ, что треть (21 изъ 67) монашествующихъ его пустыни подлежатъ позорному разстрижению, и нигдѣ не могъ найти заступничества, кромѣ самой императрицы. Однако, не такъ отнеслись къ прошенію Аарона на верху. Государыня приказала чрезъ Θеофана, чтобы подобныя „утружденія" ея Аарону были возвращены, а о „дерзновеніи" его учинено было бы слѣдствіе. Въ послѣднемъ повелѣніи чуялось, что за письмомъ епископа подозрѣвали уже какое то преступное броженіе въ монашествѣ. Синодъ такъ именно и понялъ приказаніе. Началась переборка, перевернувшая весь монастырь изъ за несчастнаго письма.

Подозрительность изощрялась до крайности, и рѣшительно каждый пунктъ письма и каждый фактъ, къ нему относящійся, представлялись какимъ то преступленіемъ. Указъ о монашествѣ 11 марта 1735 года еще не былъ опубликованъ, когда писалъ Ааронъ. И вотъ его спрашивали, откуда узналъ объ онъ указѣ. Лицо, сказавшее ему о немъ, представляется уже преступнымъ возмутителемъ, распространяющимъ волнующіе слухи и, если его найдутъ, то приказано заковать его въ кандалы и отправить немедленно въ Петербургъ. Ааронъ писалъ какъ бы отъ лица всей братіи. Значитъ, заключали слѣдователи, въ монастырѣ обсуждались слухи объ указѣ, произошло броженіе. На автора письма посыпались вопросы, съ кѣмъ онъ говорилъ о синодскомъ постановленіи, какіе были разговоры.—Епископъ, стараясь разжалобить государыню, обмолвился на счетъ царскихъ службъ. Къ нему приступили съ допросомъ, подозрѣвая въ его словахъ скрытое намѣреніе, угрозу, чего ради и по чьему совѣту написалъ онъ „неприличныя и весьма продерзостныя слова", что некому будетъ отправлять молебновъ и панихидъ по императорской фамиліи?—Ааронъ умолялъ избавить пустынь отъ „отягощенія". Придрались къ этому слову, усмотрѣли тутъ ропотъ и недовольство властью и допрашивали: „въ какую силу" написано это,

„отъ кого именно та тягость“, „и кому же не дано было-бъ привесть пустынь къ оскуденію, и къ какому именно, и кто въ такомъ разсужденіи были ему сообщники“?—Ааронъ былъ для слѣдователей прямо возмутителемъ, и они грозно вопрошали его въ заключеніе: откуда онъ взялъ смѣлость писать государынѣ, какъ „онъ толь высокославную ея императорскаго величества монаршую персону и съ какимъ намѣреніемъ равну быть пріуподоблялъ; также чего ради и съ какимъ же намѣреніемъ и между братіею оной пустыни о такомъ заподлинно неизвѣстномъ дѣлѣ чинилъ столь важное возмущеніе и кто ему въ томъ намѣреніи его были сообщники“.?

Послѣ длиннаго слѣдствія, наконецъ, произнесли приговоръ надъ „возмутителемъ“ (и то жалѣя старость его): сдѣлать ему строгій выговоръ, запретить вступать въ правленіе монастыря, ни въ каковые совѣты съ братіею и игуменомъ не вступать, братіи же и игумену отъ него удаляться, „бумаги и чернилъ не давать“. „Братія“ оказалась непричастной письму: но все таки надъ ней велѣно наблюдать строго и отобрать у всѣхъ бумагу и чернила. „Совѣтники“ сообщники Аарона, за исключеніемъ игумена Ниловой пустыни Авраамія, отдѣлавшагося одной волокитой,—именно, пребывающіе въ пустынѣ: бывшій игуменъ Селижарова монастыря Паисій, бывшій игуменъ Ниловой пустыни Иларіонъ, казначей Авраамій и іеромонахъ Гурій, просившіе Аарона написать письмо,—были разстрижены и посланы бѣльцами въ Иркутскъ къ преосвященному Инокентію, которому, впрочемъ, велѣно было снова возвратить санъ ссыльнымъ [1]). Такъ жестоко закончилась невинная попытка отвратить грозу разстриженія отъ монастыря!

Лица, такъ или иначе замѣшанныя въ дѣла Таіной Канцеляріи, находились въ ея полномъ безконтрольномъ распоряженіи; ряса монаха не спасала ихъ, не спасалъ никакой санъ. Учрежденіе генерала Ушакова даже обыкновенно не находило нужнымъ сообщать Синоду, за какія вины томятся въ застѣнкахъ монашествующіе колодники. Синодъ только увѣдомлялся, что такой-то приговоренъ къ такому-то наказанію „за важныя вины“, и требовалось прислать „ду-

1) А. С. С. Дѣло 1735 г. № 121.

ховную персону“ для снятія сана съ подсудимаго [1]). Архимандритовъ разстригали такъ же легко, какъ простыхъ монаховъ, подвергали пыткѣ, поднимали на дыбы и проч., а затѣмъ ссылали въ отдаленныя мѣста. Въ 1733 году, напримѣръ, былъ разстриженъ и сосланъ въ вятскій Трифоновъ монастырь старецъ архимандритъ Зилантова монастыря казанской епархіи Евфимій за то, что не доносилъ на Сильвестра [2]). Въ 1738 году Тайная Канцелярія и Кабинетъ-министры приговорили къ лишенію сана трехъ архимандритовъ новгородской епархіи, „по секретнымъ дѣламъ“ [3]) Въ 1739 году „за важныя вины“ лишенъ сана и монашества игуменъ Кривоозерскаго монастыря Мелетій и отосланъ въ

---

1) Тайная Канцелярія вообще старалась упростить свой самосудъ надъ духовными лицами. Въ 1732 году она предлагала, напримѣръ, Синоду лицъ, приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію безъ лишенія сана, наказывать въ самой Тайной Канцеляріи, не отсылая въ Синодъ, какъ практиковалось раньше. Но Синодъ рѣшительно воспротивился этому, считая подобную комбинацію унизительной для духовенства, такъ какъ въ Тайной Канцеляріи производятся „кровавые розыски“ (П. С. П. и Р. VII, 2550). Любопытно при этомъ, что Тайная Канцелярія,—гдѣ практиковались всевозможныя пытки,—изволила обидиться синодскимъ выраженіемъ о „кровавыхъ розыскахъ“, и Синодъ, по ея требованію, долженъ былъ измѣнить редакцію своего указа (П. С. П. и Р. VII, 2573. О. А. С. С. XII, № 54—230).

2) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 163. Кромѣ того въ вину ему было поставлено невозношеніе титула Св. Синода. По послѣднему поводу въ Казани, въ связи съ дѣломъ Сильвестра, велось особое слѣдствіе. Поводъ къ нему заключался въ томъ, что въ Казани и казанскомъ уѣздѣ, по приказанію Сильвестра, не возносили во время литургіи по „Достойно“ титула Св. Синода. За эту вину, а вѣрнѣе за, якобы, солидарность съ Сильвестромъ, поплатились многія лица изъ монастырскихъ властей. Такъ, архимандритъ раифской пустыни Іаковъ былъ приговоренъ къ лишенію архимандритства и священства и ссылкѣ въ отдаленный монастырь устюжской епархіи въ монастырскіе труды. Келарь Свіяжскаго мон. іеромонахъ Макарій осужденъ на наказаніе плетьми и ссылку въ Астрахань за то, что ѣздилъ къ Игнатію, по приказанію Сильвестра, и отдавалъ ему честь, какъ архіерею. Игуменъ Семіозерной пустыни Савватій, протопопъ Анисимъ Емельяновъ, крестовый іеромонахъ Іоаннъ, строитель Кизичевскаго монастыря іеромонахъ Іоиль, за невозношеніе титула и особенно за укрывательство въ этомъ Сильвестра, осуждены на лишеніе сана, остриженіе волосъ на головѣ и бородѣ и ссылкѣ въ Сибирь въ работы. Къ тому же приговоренъ архимандритъ Спасскаго Преображенскаго монастыря Питиримъ (О. А. С. С. XII, № 121/146. П. С. П. и Р. VII, 2640).

3) А. С. С. Дѣло 1738 г. № 207.

застѣнокъ для допроса „съ пристрастіемъ“ [1]); лишенъ сана и отосланъ въ Сибирь „по нѣкоторому дѣлу“ іеромонахъ Кіевопечерской Лавры Іоакимъ Макеимовичъ [2]). Въ томъ же 1739 году Канцелярія сообщила Синоду, что ею опредѣлено, „по велико важному дѣлу“, бывшаго въ Смоленскѣ въ Авраміевомъ монастырѣ и при школахъ учителемъ іеромонаха Кирилла Ерошевича, лиша іеромонашества и монашества, „изъ подлинной правды пытать“, и требовала прислать лицо для снятія съ него сана [3]) Иногда приговоры бывали еще ужаснѣе и все такъ же безапелляціонны, безотчетны. Такъ, одинъ содержащійся подъ арестомъ при Синодѣ сторожъ обвинилъ въ какихъ-то „злодѣйственныхъ словахъ“ колодника Тайной Канцеляріи, бывшаго архимандрита вятскаго Трифонова монастыря Александра. Канцелярія, послѣ расиросовъ о сихъ злодѣйственныхъ словахъ, опредѣлила лишить архимандрита сана, а потомъ присудила его къ смертной казни [4]). Къ смертной казни—за слова [5])!

Тотъ источникъ безпрерывныхъ розысковъ, который наполнялъ арестантами изъ среды бѣлаго духовенства тюрьмы учрежденія генерала Ушакова—„царскія службы“,—нерѣдко приводилъ къ слѣдствію и монашествующихъ священнослужителей. Въ 1732 году Тайная Канцелярія приговорила, напримѣръ, къ лишенію монашества, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ дальній монастырь въ вѣчные труды экономa Троицкаго Тюменскаго мон. Іоаникія за неотправленіе богослуженія въ день коронаціи государыни [6]). Въ 1733 году попалъ въ московскій Приказъ Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ архимандритъ Богословскаго мон. рязанской еп. Ларонъ за то, что нѣсколько разъ, по различнымъ причинамъ, не присутствовалъ при богослуженіи въ царскіе

---

1) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 170.

2) А. С. С. Дѣло 1742 г. № 325, о возвращеніи ему сана.

3) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 204.

4) А. С. С. Дѣлъ 1734 г. № 157.

5) Какъ вообще было легко попасть въ Тайн. Канц., видно, напримѣръ, изъ полу-курьезнаго факта: въ 1732 году отосланъ былъ для слѣдствія, какъ оскорбитель чести Е. В., въ Тайн. Канц. іеромонахъ Чудова м. Серафимъ за то, что назвалъ въ служеніи императрицу Іоанной (Опис. д. и д. спп. Арх. XII, № 216/171).

6) О. А. С. С. XII, № 283/219.

дни [1]). Въ 1734 году были приговорены къ лишенію іеромонашества и монашества и тѣлесному наказанію строитель Троицкаго Лисагорскаго мон. воронежской еп. іеромонахъ Боголѣпъ и іеромонахъ Антоніи за неслуженіе литургіи и молебна въ день тезоименитства государыни [2]). Въ томъ же году за неслуженіе молебновъ въ торжественные и викторіальные дни былъ приговоренъ къ нещадному наказанію плетьми архимандритъ Спасскаго (около Новгородъ-Сѣверска) мон. черниговской еп. Ѳаддѣй Какуйловичъ [3]). Въ 1736 году былъ наказанъ жестоко шелепами и отосланъ въ монастырь на 3 мѣсяца архимандритъ муромскаго Борисоглѣбскаго мон. Ѳеодосій за неслуженіе въ нѣкоторые высокоторжественные дни [4]). Въ томъ же году осужденъ на нещадное наказаніе плетьми и ссылкѣ въ Крестный мон. для содержанія до смерти въ черной работѣ простымъ черпецомъ одинъ іеросхимонахъ Бесѣднаго мон. обонежской пятины новгор. еп. за неслуженіе въ день коронаціи [5]). Игуменъ Никандровой пустыни (новг. еп.) Германъ въ 1737 году не отслужилъ нѣсколько панихидъ по лицамъ царской фамиліи и попалъ за то въ подначалъ въ монастырь [6]). Строго взыскивали въ то время за незначительное опущеніе въ богослуженіи, касающееся власти. Въ 1734 году былъ оштрафованъ, напримѣръ, 30 рублями казначей бѣлоградскаго архіер. дома іеромонахъ Іоасафъ за неупоминаніе на ектеніи во время молебна о здравіи Е. В-ва высочайшаго титула [7]), а въ 1738 году игуменъ Киренскаго Троицкаго мон. (иркутской еп.) Пахомій былъ нещадно наказанъ плетьми (и то во вниманіе къ его болѣзни!) за то, что не приказалъ читать прибавочныхъ ектеній и молитвъ о побѣдѣ надъ непріятелемъ, желая, по болѣзненности, сократить службу [8]). Даже отдаленный Китай не спасалъ отъ слѣдствія. Въ 1732 году до Синода дошло донесеніе находящаго-

---

1) А, С. С. Дѣло 1733 г. № 145.
2) А. С. С. Дѣло 1734 г № 144.
3) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 155.
4) А. С. С Дѣло 1735 г. № 157.
5) А. С. С. Дѣло 1736 г. № 192 л. 2 об.
6) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 142.
7] А. С. С. Дѣло 1734 г. № 190.
8) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 217.

гося въ Пекинѣ архим. Антонія Платковскаго, что находящійся при немъ іеромонахъ Іоасафъ не пришелъ на служеніе панихиды по царевнѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ и царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ (8 и 13 мая). Синодъ потребовалъ Іоасафа для допроса въ Петербургъ [1]).

Кромѣ ужасовъ Тайной Канцеляріи надъ монашествомъ въ продолженіи всего аннинскаго царствованія царила угроза солдатчины. Въ солдаты отдавали монаховъ и іеромонаховъ иногда за бродяжничество [2]), но наиболѣе всего поплатилось ихъ за ложное сказываніе „слова и дѣла государева“. Мы знаемъ, сколько жертвъ вырвалъ изъ среды бѣлаго духовенства указъ 1733 года 22-го ноября [3]) о наказаніи лицъ духовнаго чина, сказывающихъ безъ причины слово и дѣло. Указъ этотъ относился въ равной степени и къ монашествующимъ. Если кто изъ нихъ объявлялъ слово и дѣло въ пьянствѣ, или въ ссорѣ, или со злости, или избывая наказаніе, по первымъ двумъ пунктамъ, то, по снятіи сана, остриженіи головы и бороды, отсылался въ свѣтскій судъ. Оттуда таковыхъ, наказавъ плетьми, или писали въ солдаты (годныхъ), или (негодныхъ), вырѣзавъ ноздри, посылали въ вѣчную каторжную работу. Сказывавшіе „слово и дѣло“ просто терпѣли тоже изувѣченіе и посылались на житье въ Сибирь. Среди бѣлаго духовенства этотъ жестокій указъ нашелъ себѣ обильную пищу; среди монашества онъ дѣйствовалъ съ еще большею силою. Страсть къ политическимъ доносамъ свирѣпствовала вродѣ повальной болѣзни въ монашеской средѣ. Такъ какъ пьянство, ссоры и т. п. не прекращались за монастырскими стѣнами, то какой либо безумецъ то и дѣло кричалъ „слово и дѣло“ государево, безразсудно обрекая себя на жертву указа. Вотъ нѣсколько примѣровъ лицъ, попавшихъ въ солдаты по этому поводу отъ алтаря храмовъ, лицъ священнаго чина, не считая множества простыхъ монаховъ: іеродіаконъ Давидъ псковской епархіи (1734 года), іеродіаконъ Высокопетровскаго московскаго монастыря Гедеонъ (1736 года), іеродіа-

---

1) О. А. С. С. XII, № 358/176.

2) Въ 1733 году былъ отданъ въ солдаты за бродяжничество іеродіаконъ новгор. епар. Ипфонтъ. (Дѣло 1741 г. № 402).

3) П. С. З. IX, 6506.

конъ суздальскаго Евѳи́міева монастыря Павелъ (1739 года), іеромонахъ Борисоглѣбскаго мон. Пафнутій Захаржевскій (1739 года), іеродіаконъ Николаевскаго Рихловскаго монастыря Иннокентій (1738 года), іеродіаконъ Симонова монастыря Тимофей, іеродіаконъ Дмитровской пустыни Соломонъ, (1736 года), іеродіаконъ Знаменскаго монастыря Корнила (1737 года), іеродіаконъ Троицкаго Козловскаго монастыря Ѳеофанъ (1739 года) [1]). Лишены сана и сосланы въ Сибирь въ 1735 году іеродіаконъ Антоніева Сійскаго мон. Иларіонъ [2]) и іеродіаконъ Можайскаго Лужецкаго мон. Андреи [3]). Извѣстны случаи лишенія сана и отдачи въ военную службу даже архимандритовъ: такая участь постигла архимандрита астраханскаго Иваповскаго монастыря Аркадія [4]) и архимандрита Васильевскаго монастыря суздальской епархіи Аарона [5]). Но это только ничтожная часть всѣхъ пострадавшихъ въ силу ноябрьскаго указа 1733 года. Когда послѣ смерти Анны Іоанновны Синодъ подалъ (28 января 1741 года) докладъ государю, чтобъ были выключены изъ военной службы и возвращены къ прежнимъ мѣстамъ жертвы неразумнаго „слова и дѣла“, то цѣлая длинная вереница ихъ вышла на свѣтъ Божій. А когда вступила на престолъ Елизавета, то Синодъ выступилъ предъ императрицей съ просьбой совѣмъ отмѣнить позорное для церкви наказаніе за указанную вину и предоставить судъ надъ виновными духовнымъ властямъ, а не свѣтскимъ. 16-го апрѣля 1742 года всенародно объявленный высочайшій указъ избавлялъ, наконецъ, монашество и бѣлое духовенство отъ подобнаго позора, которымъ безпощадно клеймило ихъ анпинское царствованіе. Согласно прежнему, доаннинскому, порядку вещей, духовныя лица подлежали теперь снова вѣдѣнію „духовныхъ командъ“ за сказываніе слова и дѣла безъ основаній [6]).

---

1) А. С. С. Дѣло 1741 г. № 402.

2) А. С. С. Дѣло 1735 г. № 176.

3) П. С. П. и Р. Царств. Елиз. II, т. I. № 327, о возвращеніи.

4) А. С. С. Дѣло 1740 г. № 167.

5) А. С. С. Дѣло 1740 г. № 168, о возвращеніи ему сана

6) А. С. С. Дѣло 1741 г. № 401. Съ концомъ царствованія Анны стали возвращать вновь санъ монашествующимъ, сдѣлавшимся жертвами Тайной Канцеляріи и строгихъ указовъ, сосланнымъ въ Сибирь (см. напр.

III.

Рѣзко отрицательный взглядъ аннинскаго правительства на современный ему монастырскій строй жизни уже заранѣе даетъ предвидѣть, какое положеніе заняла государственная власть по отношенію къ одному изъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ монашескаго быта—вопросу о церковныхъ имуществахъ. Наслѣдовавъ отъ петровской эпохи всю ревность о возвращеніи монашества на путь подвижничества, а главное, побуждаемое желаніемъ привлечь церковь на службу экономическимъ интересамъ государства, правительство имп. Анны неминуемо должно было высказаться въ церковноимущественномъ вопросѣ въ духѣ петровскаго времени. Монастыри тутъ являлись первымъ и главнымъ объектомъ государственныхъ вожделеній, и изъ нихъ преимущественно извлекало государство экономическія выгоды, привлекая ихъ всѣми средствами на служеніе нуждамъ общественнымъ и обще-государственнымъ. Петровское царствованіе, сдѣлавшее рѣшительные шаги въ этомъ направленіи, много завѣтовъ оставило будущему. Великому государю не удалось при жизни своей справиться вполнѣ с[illegible] „экономической" стороной монастырскаго вопроса. Наслѣдникамъ его политики, каковыми были министры Анны Іоанновны, предстояло продолжить и, если можно, довершить начатое дѣло. Но и аннинскому правительству мало удалось достигнуть прочныхъ результатовъ въ осуществленіи идей и плановъ Преобразователя.

Еще при Петрѣ I государство старалось принудительнымъ путемъ косвенно заставить монастыри нести обязанности общественнаго характера, которыя лежали на государственныхъ средствахъ; съ этимъ намѣреніемъ велѣно было въ 1723 году не постригать впредь никого—мѣра, вскорѣ нѣсколько смягченная въ пользу вдовыхъ священно-служителей,—а на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ для пропитанія [1]). Монастыри должны были замѣнять при-

А. С. С. Дѣла: 1742 г. № 331, 1743 г. № 192, 1735 г. № 192, 1747 г. № 131), попавшимъ въ солдаты или потерпѣвшимъ другія наказанія за слово и дѣло (см. наприм. А. С. С. Дѣла: 1741 г. №№ 292, 293, 294, 296; 1742 г. №№ 317, 318, 323; 1743 г. №№ 185, 187; 1744 г. № 260)

1) Правительство не стѣснялось и прямо выгонять монаховъ для освобожденія монашескихъ „порцій". Въ 1722 г. императорскимъ указомъ

юты для инвалидовъ, избавляя государственную казну отъ лишнихъ расходовъ. Императоръ, однако, не принялъ во вниманіе, какія послѣдствія для монастырской жизни будетъ имѣть это введеніе въ нее посторонняго мірского элемента. Военные люди сдѣлались чистымъ бѣдствіемъ для монастырей, и послѣдніе иногда горько жаловались на правительственное распоряженіе. Казанскій митрополитъ Сильвестръ доносилъ, напримѣръ, въ 1730 году, что архимандриты, игумены и строители слезно просили его освободить ихъ монастыри отъ присылаемыхъ воиновъ, потому что они въ работахъ монахамъ не помогаютъ, а чинятъ одни безобразія: настоятелямъ непослушны, честныхъ іеромонаховъ и старцевъ бьютъ и нагло ругаютъ, насильно берутъ братскую пищу и напитки; отъ ихъ озорничества многіе старцы изъ монастырей ушли, братство оскудѣло, церковная служба остановилась, въ монашество постричаться боятся; военные ѣздятъ на монастырскихъ лошадяхъ и отлучаются изъ монастырей даже на полъ-года; въ 1729 году въ уфимскомъ Успенскомъ монастырѣ они зарѣзали до смерти игумена Іоакима и келейника его;—монастыри и пустыни всѣ переполнены ими [1]).

Нечего и говорить, что при Аннѣ Іоанновнѣ было не время ходатайствовать объ отмѣнѣ тяжелаго Петровскаго распоряженія. Синодъ и не помышлялъ объ этомъ. Отставные военные продолжали переполнять монастыри, а вслѣдствіи строгаго подтвержденія запретительныхъ указовъ составляли все большій и большій контингентъ монастырскаго населенія [2]). Мы видѣли, что къ концу царствованія импе-

было велѣно изъ тѣхъ монастырей, въ которыхъ число монаховъ полное, перевести треть или половину штатнаго числа въ монастыри, не получающіе жалованья, а на ихъ мѣсто водворять отставныхъ воиновъ (П. С. П. и Р. II, 536. П. С. З. VI, 4107).

1) О. А. С. С. X, № 63-286,

2) Не стѣснялись нисколько посылать въ монастыри даже людей неправославныхъ, которые были тамъ уже совсѣмъ чуждымъ элементомъ. Въ 1732 году военная Коллегія обратилась съ запросомъ къ Сенату, что дѣлать съ отставными офицерами неправославнаго исповѣданія, которымъ „по ихъ законамъ“ при монастыряхъ быть не можно. Но Сенатъ ничего невозможнаго не нашелъ, и приказалъ отсылать таковыхъ въ монастыри, разсуждая, что на счетъ ихъ закона „никакого предосужденія быть не имѣетъ, понеже получать будутъ пропитаніе по указу, а до вѣры ихъ въ томъ не касается“ (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 19/781, л. 1349—1350).

ратрицы, архіереи рады были даже отставнымъ солдатамъ и офицерамъ, желающимъ принять монашество. Если послѣднихъ находилось не много, то конечно потому, что военнымъ и безъ рясы жилось не дурно въ монастыряхъ. Мало было пользы и отъ монаховъ, вышедшихъ изъ инвалидовъ: слишкомъ не монашескія наклонности преобладали у этихъ личностей; отсюда, надо думать, въ значительной мѣрѣ зависѣли нестроенія монастырской жизни того времени. Правительство въ непонятномъ ослѣпленіи не понимало или не хотѣло понять этого и, грозно ополчаясь противъ „зазорнаго житія“ монаховъ, само противорѣчило своимъ стремленіямъ исправить монастырскую жизнь, переполняя монастыри воинщиной и изъ ея же среды навязывая кандидатовъ на постриженіе[1]). Вмѣстѣ съ заведеніемъ богадѣленъ въ средѣ монастырской, Петръ I подъ монастырскимъ же кровомъ находилъ удобнымъ основывать пріюты для бѣдныхъ сиротъ. При Аннѣ Іоанновнѣ правительство старалось также заставить монастыри нести эту службу обществу. Давая въ 1738 году именной указъ о составленіи инструкціи для управленія Троицкаго Сергіева монастыря, императорская власть повелѣла основать при томъ монастырѣ сиротскій пріютъ, приставивъ къ дѣтямъ монахинь для надзора и воспитанія. Синоду при этомъ внушалось озаботиться открытіемъ подобныхъ благотворительныхъ учрежденій и въ другихъ епархіяхъ [2]). Въ 1740 г. сиротскій домъ учрежденъ былъ въ новгородскомъ Колмовомъ монастырѣ. Въ той же новгородской епархіи основанъ госпиталь. Содержаніе этихъ благотворительныхъ учрежденій отнесилось на доходы архіерейскаго дома и вошло въ штатъ послѣдняго [3]).

Монастыри же служили для правительства тюрьмами для политическихъ заключенныхъ. Туда посылали обыкновенно архіереевъ, архимандритовъ, іеромонаховъ, и даже

---

1) Въ женскіе монастыри посылались на пропитаніе вдовы военныхъ. Въ 1739 году Кабинетъ подтвердилъ опредѣленіе ихъ въ монастыри (П. С. З. X, 7761). Въ 1731 году были утверждены табели о количествѣ желающихъ опредѣлиться въ монаст. отставн. военныхъ (П. С. З. VIII, 5688).

2) П. С. З. X, 7660.

3) П. С. З. Книга штатовъ, 1740 г. № 8118.

свѣтскихъ людей, имѣвшихъ несчастіе отвѣдать Тайную Канцелярію. На монастыряхъ лежала обязанность караулить заключенныхъ и съ нихъ строго взыскивалось за всякое упущеніе. Процессы Игнатія коломенскаго, Георгія Дашкова показываютъ, какую отвѣтственность несли на себѣ монастырскія власти въ надзорахъ надъ ссыльными. Наконецъ, монастыри играли еще роль психіатрическихъ заведеній для того времени. При Петрѣ практиковалось нѣкоторое время посылать въ монастыри сумасбродныхъ преступниковъ. Но въ концѣ его правленія (5 сент. 1723 г.) эта практика была отмѣнена [1]). Императрица Екатерина I снова возобновила ее (ук. 15 марта 1727 г.) [2]). При Аннѣ Іоанновнѣ этотъ порядокъ вещей продолжался; теперь число сумасшедшихъ стало особенно обильно, такъ какъ въ застѣнкахъ Тайной Канцеляріи люди не рѣдко сходили съ ума; несчастныхъ посылали подъ монастырскій кровъ, при чемъ опять ихъ было необходимо караулить. Въ 1735 году Синодъ намѣревался обратиться съ просьбой къ государынѣ возстановивъ Петровское запрещеніе принимать въ монастыри безумныхъ, потому что караулить ихъ некому: служителей монастырскихъ едва хватаетъ для исправленія монастырскихъ нуждъ [3]); но докладъ поданъ, кажется, не былъ, потому что Ѳеофанъ при слушаніи о немъ въ Синодѣ заявилъ, что онъ лично просилъ уже Ушакова не посылать сумасшедшихъ въ монастыри. Между тѣмъ правительство въ томъ же году особымъ указомъ повелѣло посылать въ Синодъ умалишенныхъ изъ Тайной Канцеляріи для отсылки въ монастыри подъ крѣпкое наблюденіе [4]). Такимъ образомъ представленіе Синода не получило удовлетворенія. Въ 1739 году Синодъ, воспользовавшись тѣмъ, что всѣ доходы синодскіе отданы были въ вѣдомство Коллегіи Экономіи, заявилъ, что у него денегъ нѣтъ на отправку сумасшедшихъ. Тогда было приказано отправлять ихъ самой Тайной Канцеляріи, но и то на время: впредь до сочиненія синодскаго штата, когда предполагалось снова возложить на Синодъ неудобную обязанность [5]).

---

1) П. С. З. VII, 4296.
2) П. С. З. VII. 5034.
3) А. С. С. Дѣло 1735 г. № 70.
4) П. С. З. IX, 6803.
5) П. С. З. X, 7793.

Обративъ монастыри въ богадѣльни, тюрьмы и смирительныя заведенія, правительство не ограничивалось этимъ въ способахъ извлеченія изъ нихъ „пользы государственной". Монашество не несло военной службы. Набирать изъ него рекрутъ не рѣшалось даже анненское правительство. Однако, былъ другой способъ отправленія военной повинности, который примѣнялся къ духовному сословію еще при Петрѣ I. Это сборъ драгунскихъ лошадей на армію. Бѣлое духовенство, какъ мы знаемъ, несло въ теченіи 30-хъ годовъ эту повинность почти безостановочно. Указы, опредѣляющіе безденежную поставку лошадей, относились равно и къ монастырямъ. По именному указу 1733 года (9 окт.) управители синодальнаго и архіерейскихъ домовъ и монастырскія власти обязывались поставить изъ собственныхъ средствъ по одной лошади съ 370 душъ крестьянъ, за какимъ монастыремъ есть деревни [1]). Лишь малые монастыри были избавлены отъ этого [2]). Въ 1737 году повелѣвалось поставить съ монастырскихъ и архіерейскихъ конныхъ заводовъ „четвертую лошадь", съ общаго числа имѣющихся за архіерейскимъ домомъ или монастыремъ лошадей [3]). Когда въ 1738 году велѣно было собрать по духовному вѣдомству 25[0] лошадей, то архіерейскіе домы и монастыри опять были привлечены къ взысканію [4]). Въ 1739 году одинъ мудрый мужъ—оберъ-егермейстеръ А. П Волынскій – составилъ проэктъ, грозящій въ конецъ разорить монастыри драгунскою повинностью. Проэктъ предполагалъ учредить въ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ государственные конные заводы, которые могли бы поставлять лошадей для арміи. Для этой

---

1) П. С. З. IX, 6497 При этомъ монастыри и архіерейскіе дома должны были купить на свои средства лошадей и за заопредѣленныя вотчины, доходы съ которыхъ шли въ Коллегію экономіи. Синодъ нашелъ это несправедливымъ и потребовалъ отъ Сената, чтобы указъ былъ разъясненъ въ надлежащемъ смыслѣ. Но Сенатъ нашелъ, что монастырскія и архіерейскія власти обязаны платить и за заопредѣленныя вотчины. Тогда Синодъ обратился съ жалобой къ государынѣ, доказывая, что за заопредѣленныя вотчины должна платить Коллегія экономіи. Результаты жалобы неизвѣстны (М. А. М Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 8/1085, л. 163—167).

2) П. С. З. X. 7205.

3) П. С. З. X, 7424.

4) П. С. З. X, 7611.

цѣли предназначалось собрать предварительно съ синодальной области, архіерейскихъ домовъ и монастырей съ 100 состоящихъ за ними душъ по одной русской кобылѣ [1]). Проэктъ былъ принятъ; приказано было осуществить его. Предполагаемый сборъ повелѣвалось сдѣлать съ домашнихъ архіерейскихъ и монастырскихъ доходовъ [2]). Особая коммиссія занялась этимъ дѣломъ. Къ счастью для монастырей, его осуществленіе не состоялось. Анна Іоанновна умерла; а однимъ изъ первыхъ дѣйствій правительницы Анны Леопольдовны было уничтоженіе проэкта Волынскаго. Манифестъ правительницы (13 ноября 1740 г.), уничтожавшій проэктъ, ярко свидѣтельствуетъ, чѣмъ угрожалъ замыселъ епархіямъ и монастырямъ. Оказалось, что коммиссія по устройству конныхъ заводовъ пришла къ заключенію, что учрежденіе таковыхъ приведетъ „епархіи и монастыри въ самое разореніе и обнищаніе“, такъ что даже Анна Іоанновна хотѣла отмѣнить свое распоряженіе, но не успѣла сдѣлать этого [3]). Такимъ образомъ изобрѣтеніе А. П. Волынскаго кануло въ Лету. Сборъ лошадей для предполагаемыхъ заводовъ также былъ отмѣненъ.

Затронули монастырское благосостояніе и аннинскіе разборы въ военную службу послѣднихъ лѣтъ правленія императрицы. Отъ нихъ пострадало не мало монастырское хозяйство. Извѣстный указъ 28 сен. 1736 г., объявляя наборъ въ средѣ духовенства, между прочимъ, захватывалъ синодальныхъ и архіерейскихъ дворянъ, монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ. Всѣ эти лица исполняли тѣ или иныя экономическія обязанности. Синодальные и архіерейскіе дворяне были правителями синодальныхъ и архіерейскихъ вотчинъ,

---

1) П. С. З. X, 7928.

2) П. С. З. X. 7954. Сборъ вызвалъ большія затрудненія, такъ какъ многіе монастыри и архіерейскія домы средствъ для того вовсе не имѣли. Мусинъ-Пушкинъ предложилъ, не долго думая, употребить на это деньги назначенныя на содержаніе монаховъ (А. С. С. Дѣло 1739 г. № 112, л. 67—68). Но Синодъ выразилъ Сенату энергичный протестъ, говоря, что „ежели такія опредѣленныя на содержаніе монастырей деньги на покупку кобылъ употребить, то и монашествующимъ жить въ монастыряхъ не при чемъ и отъ неполученія жалованья, за неимуществомъ платья и обуви и въ церковь ходить имъ будетъ не въ чемъ“ (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 23/1100, л. 874).

3) П. С. З. XI, 8290.

исправляли многочисленныя хозяйственныя нужды. Дѣти боярскіе и монастырскіе слуги были тѣмъ же для монастырей. На нихъ лежала хозяйственная и экономическая часть, завѣдываніе вотчинами, сборами; монастырскіе слуги исполняли всѣ почти работы монастыря. Правительственный указъ повелѣвалъ взять въ солдаты всѣхъ ихъ, оставивъ только необходимое число „для всякихъ касающихся по указамъ отправленій, денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ и прочихъ необходимыхъ нуждъ“. Небывшихъ у присяги велѣно было взять всѣхъ безъ разбору [1]). Изъ послѣдняго опредѣленія и истекали непріятности для монастырей. Монастырскіе слуги и служебники почти всѣ были положены въ подушный окладъ и, какъ поселяне, не были у присяги Стало быть указъ грозилъ имъ всѣмъ солдатчиной. Въ новгородской епархіи съ ними такъ и стали поступать, а Сенатъ съ своей стороны постановилъ (13 янв. 1737 г.) брать всѣхъ неприсягавшихъ, хотя и въ подушный окладъ положенныхъ, „дабы смотря на то, другіе такъ безстрашно чинить не отважились; а за кѣмъ оные въ подушный окладъ положены, тѣмъ зачесть ихъ какъ въ нынѣшній, такъ и въ предбудущіе рекрутскіе наборы“ [2])

Для монастырей взятіе въ солдаты слугъ и служебниковъ было весьма тягостно въ экономическомъ отношеніи. Положенные въ подушный окладъ платили за себя сборы; когда же ихъ брали въ службу, то сборы располагались на остальныхъ, не взятыхъ. Въ монастыряхъ, гдѣ, вслѣдствіе неприсяганія, солдатчина брала массу служителей,—не такъ какъ изъ поселянъ, -плата за выбывшихъ тяжело ложилась на плательщиковъ и исправно не могла собираться. Образовались доимки, за которыя расплачивалось монастырское начальство, отвѣтственное за исправность сборовъ. Съ другой стороны, за недостаткомъ служителей, дѣла монастырскихъ вотчинъ терпѣли „вящую остановку“, хозяйство запутывалось. Всѣ эти доводы представляли Синоду монастырскія начальства [3]).

Чтобы остановить разорительное дѣйствіе указовъ о монастырскихъ служителяхъ, Синодъ въ 1737 году предста-

---

1) П. С. З. IX, 7070.
2) П. С. З. X, 7158.
3) А. С. С, Дѣло 1736 г. № 177.

вилъ Кабинету, что монастырскіе служители не были у присягъ потому, что положены въ подушный окладъ, поселянамъ же присягать не полагается, и что если подушныя деньги за взятыхъ въ солдаты расположить на оставшихся, то послѣднимъ будетъ невыносимое отягощеніе. Кабинетъ на это постановилъ: архіерейскихъ и монастырскихъ служителей, происходящихъ изъ крестьянъ, которые сами и отцы ихъ въ подушный окладъ положены, въ военную службу не брать; взятыхъ, но въ армію не отправленныхъ, возвратить, а отправленныхъ зачесть въ будущіе рекрутскіе наборы; за неприсягу, однакожъ, учинить имъ наказаніе [1]).

Сенатъ также понялъ, что брать слугъ монастырскихъ невыгодно и для государства, такъ какъ образуется недоимка въ сборахъ податей. Поэтому онъ предложилъ Кабинету уволить отъ военной службы не только служителей изъ крестьянъ, но и не изъ крестьянъ, положенныхъ въ подушный окладъ, также и выключенныхъ изъ оклада, взявъ съ послѣднихъ по 200 р. или рекрутъ. Но на это Кабинетъ (21 янв. 1739 г.) далъ резолюцію, показывающую, что онъ гораздо болѣе заботился о интересахъ арміи, чѣмъ монастыряхъ. „По сему сообщенію—писали кабинетъ-министры монастырскихъ служителей, не бывшихъ у присягъ, которые сами и отцы и дѣды ихъ изъ крестьянъ и въ подушный окладъ положены и подушные деньги платятъ и рекрутъ и лошадей ставятъ, оныхъ въ службу не брать; а за неприсягу чинить имъ наказаніе по прежнимъ указамъ, или вмѣсто наказанія брать штрафъ противъ малороссіянъ, денегъ по 30 рублей съ человѣка; а не изъ положенныхъ въ подушный окладъ кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ, не принимая за нихъ рекрутъ и деньги, самихъ отсылать въ военную службу, понеже такіе мастеровые люди при полкахъ весьма потребны; прочихъ же мастеровыхъ людей, столяровъ, рѣзчиковъ, живописцевъ, иконописцевъ, золотарей, серебряниковъ, мѣдниковъ, оловянщиковъ и прочихъ, такожъ и подъячихъ, которые при монастыряхъ потребны, оставить при тѣхъ монастыряхъ по прежнему, взявъ у оныхъ людей съ каждаго человѣка по одному рекруту съ указными деньгами или за рекрутъ по 200 рублей съ человѣка, да за неприсягу

---

1) П. С. З. X. 7531. 1738 г. Мр. 9.

штрафа противъ малороссіянъ же по 30 рублей съ человѣка. А ежели кто изъ нихъ рекрутъ или денегъ за себя платить не похотятъ, то ихъ самихъ брать по тому-жъ въ службу безъ всякаго зачета, а негодныхъ въ службу съ женами и съ дѣтьми на сибирскіе казенные заводы въ работу“ [1]).

Заплатить по 260 рублей (30 еще на аммуницію), или купить рекрутъ, не могли монастырскіе служители, кромѣ единичныхъ исключеній. Монастыри должны были отдавать нужныхъ имъ людей; неположенные въ подушный окладъ монастырскіе слуги всѣ почти были отняты отъ своего дѣла Провинціальныя власти брали, не смотря на указы, и положенныхъ въ окладъ служителей за неприсягу, не дѣлая часто никакого зачета ихъ въ будущіе рекрутскіе наборы, какъ повелѣвало правительство [2]). Монастырское хозяйство и экономическія дѣла монастырей, между тѣмъ, все болѣе запутывались по мѣрѣ хода разборовъ. Синодъ не напрасно представлялъ правительству (26 февраля 1740 г.), что вслѣдствіи разборовъ монастырскихъ слугъ накопляются большіе недоимки на нихъ и тѣмъ, которые несли тяготу налоговъ за взятыхъ въ солдаты, грозитъ „крайнее убожество“. Такимъ образомъ государственная власть своимъ образомъ дѣйствіи подрывала собственные интересы. Создавая экономическія затрудненія для монастырей, она разоряла своихъ денежныхъ плательщиковъ.

Но главное вниманіе правительства всегда привлекали не такія частныя государственныя новинности монастырей. Для государства самымъ интереснымъ былъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ общимъ церковно-имущественнымъ вопросомъ, составляетъ центръ послѣдняго, а потому и разсматривать его мы будемъ въ этомъ, болѣе широкомъ видѣ.

Недвижимыя имущества церкви (патріаршія, архіерейскія, монастырскія вотчины) давно были предметомъ вожде-

---

1) П. С. З. X, 7738

2) Объ этомъ говоритъ синодскій докладъ 26 февраля 1740 г. (дѣло 1740 г. № 279). Въ немъ Синодъ просилъ выключить и монастырскихъ служителей, взятыхъ въ службу, изъ полковъ

лѣній государственной власти [1]). Въ первоначальную эпоху своего существованія церковныя земли обыкновенно пользовались самыми широкими привиллегіями, свободою отъ всѣхъ государственныхъ повинностей, разсматривались какъ исключительно церковное достояніе. Но чѣмъ дальше шло развитіе государственности, тѣмъ напряженнѣе становилось стремленіе правительства ограничить это исключительное положеніе церковныхъ имѣній, привлечь ихъ на службу государству. Въ XVI—XVII вѣкѣ правительственная тенденція въ данномъ отношеніи ясно обозначилась. Постепенно, шагъ за шагомъ, церковныя земли привлекались къ отправленію повинностей, уравнивались съ обще-государственными владѣніями [2]) Теперь шелъ вопросъ уже не объ свободѣ церковныхъ имуществъ отъ обще-государственныхъ повинностей, какія несли другія владѣльческія земли, а о переходѣ церковнаго достоянія въ собственность государства. Въ началѣ XVIII столѣтія это дѣло было поставлено прямо на очередь. Петровскія преобразованія требовали напряженія матеріальныхъ средствъ страны; государственная казна всюду искала источниковъ дохода. Обширныя владѣнія церкви, при такихъ обстоятельствахъ, обратили на себя особенное вниманіе. Дѣятельность правительства прежде всего направилась къ изъятію церковныхъ вотчинъ изъ вѣдомства духовныхъ властей: государство не хотѣло прямо заявить, что оно въ свою пользу намѣрено обратить церковное достояніе, а брало только церковныя земли подъ свое вѣдѣніе, руководствуясь тѣмъ мотивомъ, что духовные управители ихъ распоряжаются имѣніемъ не такъ, какъ должно. Однако, хотя правительственная дѣятельность въ началѣ XVIII вѣка развивалась именно въ указанныхъ рамкахъ, истиннымъ мотивомъ и конечною цѣлью государственной власти было не упорядоченіе управленія церковными имуществами, а извлеченіе возможно большей пользы изъ нихъ для государства. Церковныя земли несли къ тому времени, наравнѣ съ владѣніями частныхъ

---

1) Впервые открыто выразилъ ихъ вел. кн Іоаннъ III. Попытки секуляризаціи въ XVI в.—у Павлова, Истор. оч. секул. церк. земель.

2) Въ XVII вѣкѣ съ церковныхъ имѣній государственныхъ податей нерѣдко взималось гораздо болѣе даже, чѣмъ съ земель помѣстныхъ (Горчаковъ. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митроп., патріарховъ и Св. Синода, стр. 339 примѣч. и 413—414).

лицъ, обще-государственныя повинности. Право же частной собственности на нихъ принадлежало церкви. Вотъ это то право частной собственности и желало государство перенести на себя, разсуждая, что церкви не нужно богатство. Цѣлью правительства было отобрать церковныя земли, а вмѣсто того владѣльцамъ этихъ земель назначить опредѣленное содержаніе. Весь излишекъ доходовъ, такимъ образомъ, шелъ бы на государственныя и общественныя нужды. Въ такой краткой формулѣ представляется смыслъ церковно-имущественнаго вопроса [1]). Но въ своемъ развитіи онъ долженъ былъ

1) Въ литературѣ высказывались, однако, взгляды иного рода на смыслъ церковно-имущественнаго вопроса А. А. Завьяловъ въ своемъ изслѣдованіи „Вопросъ о церковныхъ имуществахъ при имп. Екатеринѣ II“ старается представить дѣло такъ, какъ будто государственная власть, секуляризируя церковныя земли, имѣла въ виду церковные интересы, а не государственную выгоду. Но такое воззрѣніе лучше всего опровергается фактами. Правда, правительство, налагая свою руку на имущество церкви, всегда выставляло мотивомъ своихъ дѣйствій попеченіе о благѣ церковномъ. Іоаннъ III дѣйствуетъ подъ флагомъ идеальныхъ понятій объ иноческой жизни партіи нестяжателей. Іоаннъ Грозный, которому проф. Павловъ приписываетъ вполнѣ опредѣленныя секуляризаторскія намѣренія (стр. 147—149), упрекаетъ духовенство за неправильное употребленіе богатствъ и на этомъ упрекѣ основываетъ свои планы (по свидѣтельству Горсея о соборѣ—1580 года, по Павлову, стр. 145—147) Петръ Великій опирается на то-же неправильное распоряженіе имѣніемъ со стороны церковныхъ властей и хочетъ якобы своими мѣрами лишь уничтожить злоупотребленія. Екатерина II говоритъ о несвойственныхъ духовному сану экономическихъ заботахъ и желаетъ будто-бы только избавить церковь отъ „отягощенія“ и доставить ей болѣе удобнымъ способомъ матеріальное обезпеченіе. Но всѣ эти оффиціальныя заявленія лишь тогда заслуживали бы довѣрія, если бы съ словами согласовались и правительственныя дѣйствія, если бы переведя на себя церковныя имущества государство использовало ихъ на многочисленныя нужды и цѣли церкви. Между тѣмъ мы этого вовсе не находимъ. Петръ, сдѣлавшій первый опытъ секуляризаціи, отчуждилъ въ пользу государства около $^2/_3$ доходовъ церковнаго вѣдомства. Изъ 188,935 р. доходовъ, перешедшихъ въ вѣдѣніе монастырскаго приказа въ 1701 г., на учрежденія церковныя, просвѣтительныя и благотворительныя ассигновано было всего 109,204 р., считая и содержаніе приказа (Горчаковъ, Мон. приказъ, стр. 243—244 и Приложеніе № 25, стр. 95—98). Изъ 29, 516 р. доходовъ дворцоваго приказа при Петрѣ выбыло въ Ижорскую канцелярію и Ратушу 21,336 р. (П. С. П. и Р. V, 1715). Доходы приказа 1701—1720 г.г. болѣе всего расходовались на государственныя нужды (Горчаковъ, О земельн. влад., стр. 507). А между тѣмъ предъ правительствомъ стояла неотложная необходимость улучшить матеріальное положеніе духовенства и поставить на ноги

пройти нѣсколько стадій, прежде чѣмъ нашелъ свое разрѣшеніе въ смыслѣ правительственныхъ намѣреній. Насъ интересуетъ собственно то, что сдѣлало въ дѣлѣ разрѣшенія церковно-имущественнаго вопроса аннинское правительство. Чтобы выяснить это, необходимо познакомиться съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ застали 30-е года XVIII вѣка вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ.

просвѣтительное дѣло, требующее средствъ. При окончательной секуляризаціи церковныхъ имѣній при Екатеринѣ II повторилось то-же. Изъ 1,366 тысячъ рублей оброчнаго сбора съ церковныхъ вотчинъ по переходѣ ихъ въ государственное вѣдѣніе, за вычетомъ всѣхъ расходовъ на церковныя, просвѣтительныя, благотворительныя учрежденія, въ государственномъ карманѣ должно было оставаться около 600,000 р. на потребности чисто государственныя. Таково вычисленіе А. А. Завьялова. Послѣ этого его же утвержденіе, что секуляризація не принесла ущерба интересамъ церкви, а лишь повела къ болѣе равномѣрному распредѣленію матеріальныхъ средствъ духовнаго вѣдомства между церковными учрежденіями, совершенно непонятно. Что касается ссылки на то, что ассигновки на духовное вѣдомство впослѣдствіи увеличились, и при Павлѣ I штаты повышены были почти вдвое (стр. 340): то, очевидно, авторъ не принялъ во вниманіе, что крестьяне церковныхъ имѣній уже съ 1768 г. платили оброчнаго сбора не 1½ р. съ души, какъ въ 1764 году, а 2 р; съ 1783 года оброчный сборъ достигъ 3 р. (Семевскій, Крестьяне въ ц. имп. Екатерины II, т. II, стр. 269); такъ что увеличеніе ассигновокъ отнюдь не совершалось на счетъ уменьшенія государственнаго „дивиденда" отъ секуляризаціи. Съ теченіемъ времени государственные барыши отъ секуляризаціонной операціи дѣлались только болѣе огромными. Насущныя же нужды церкви и духовныя потребности народа, удовлетворять которыя было вмѣнено въ обязанность духовенству, оставались безъ достаточнаго удовлетворенія вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ средствъ. Послѣ всего этого говорить о „безкорыстіи" государства въ церковно-имущественномъ вопросѣ не приходится. Заботься правительство, дѣйствительно, только о правильномъ употребленіи церковныхъ богатствъ, оно должно было бы обратить ихъ на улучшеніе благосостоянія пастырей, находившихся въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, и на поддержаніе духовнаго просвѣщенія, влачившаго жалкое существованіе. Разъ мы ничего подобнаго не видимъ, а видимъ, напротивъ, что половина бывшихъ церковныхъ доходовъ перешла въ разрядъ спеціальныхъ средствъ государства, то мы вправѣ считать главнымъ мотивомъ секуляризаторскихъ стремленій не пользу церкви, а выгоды государственной казны.—Ошибоченъ также взглядъ Ростиславова (Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и дох наш. мон., глава III), который представляетъ секуляризацію церковныхъ имѣній при Екатеринѣ II истекающей изъ заботы правительства о крестьянахъ, волновавшихся подъ гнетомъ духовнаго управленія. Серьезный изслѣдователь крестьянскаго вопроса, В. И. Семевскій совершенно справедливо указалъ, что волненія церковныхъ крестьянъ были для правительства только прекраснымъ «по-

Въ царствованіе Петра Великаго государство взяло церковныя имущества какъ бы подъ свою опеку. Опытъ таковой былъ сдѣланъ еще въ XVII вѣкѣ въ видѣ учрежденія монастырскаго приказа; но послѣдній былъ закрытъ по требованію церковныхъ властей [1]). Со смертью патріарха Адріана, когда государь замыслилъ коренной переворотъ въ церковномъ управленіи, воспользовавшись наступившимъ неопредѣленнымъ положеніемъ отсутствіемъ главы русской церкви, государство нашло удобнымъ распорядиться по своему желанію съ церковными имѣніями. Въ 1701 году (24 янв.) былъ возстановленъ монастырскій приказъ, принявшій на себя завѣдываніе церковными вотчинами [2]). Онъ долженъ былъ описать ихъ, производить сборы и распоряженія ими, сообразно назначеніямъ государственной власти. Дѣятельность приказа имѣла въ виду внести порядокъ въ экономическія дѣла церкви. Въ бытность его послѣднія обстояли въ такомъ видѣ. Монастыри и архіерейскіе дома, обладавшіе болѣе или менѣе значительными земельными имуществами [3]), на свое содержаніе получили или извѣстное количество ихъ собственныхъ вотчинъ, доходы съ которыхъ шли въ ихъ пользу,—эти вотчины были названы „опредѣленными“,—или извѣстную часть доходовъ съ своихъ имѣній [4]). Доходы съ остальныхъ вотчинъ –„заопредѣленныхъ“, или остальная (за опредѣленіемъ) сумма, шли въ монастырскій приказъ, которому принадлежало завѣдованіе вотчинами заопредѣленными и расходованіе стекавшихся въ его казну доходовъ отчасти на церковныя учрежденія, от-

---

водомъ» къ секуляризаціи (стр. 252—253 вышеупом. соч.). Если бы государство имѣло въ виду ни что иное, какъ благо крестьянства, то Екатерина II должна была бы уничтожить крѣпостное право, а не отбирать имѣнія у церкви: крестьяне волновались повсемѣстно.

1) Впрочемъ монастырскій приказъ Алексѣя Михайловича былъ болѣе учрежденіемъ судебнымъ, чѣмъ хозяйственнымъ.

2) П. С. З. IV, 1829. Петровскій м. приказъ былъ уже учрежденіемъ какъ судебнымъ, такъ и хозяйственнымъ

3) Малоземельныя церковныя учрежденія были предоставлены своей судьбѣ и только въ случаѣ крайней скудости получали ругу.

4) На архіерейскіе дома и монастыри было опредѣлено 33,038½ дворовъ съ доходами 80.169 р. денегъ, 29,413 четв. хлѣба оброчнаго и 15.779 четв. съ десятинной пашни. Изъ этихъ доходовъ чрезъ мон. приказъ проходило 43,574 р. (Горчаковъ, Мон. пр., стр. 243—244).

части на государственныя нужды. Именно, суммы монастырскаго приказа шли, во первыхъ, на больницы, на пропитаніе нищихъ и убогихъ въ богадѣльняхъ, призрѣніе бѣдныхъ, несчастныхъ, устройство и содержаніе школъ, типографій; во вторыхъ, на покрытіе расходовъ по содержанію войска и другія государственныя потребности. Отсюда же шло жалованье ружнымъ церквамъ и монастырямъ (вотчинъ которыхъ недостаточно для ихъ содержанія), архіереямъ и монастырскимъ властямъ. Нѣкоторыя вотчины, впрочемъ, были отдѣлены отъ монастырскаго приказа и подчинены другимъ учрежденіямъ, какъ преображенскій, адмиралтейскій и ямской приказы, олонецкіе желѣзные заводы и проч. [1]). Что касается самого управленія заопредѣленными вотчинами на мѣстѣ, то приказъ или чрезъ своихъ людей завѣдывалъ ими, или же отдавалъ ихъ на оброкъ, во владѣніе служилымъ людямъ, а часто возвращалъ ихъ и въ вѣдѣніе ихъ прежнихъ владѣльцевъ, церковныхъ учрежденій, являвшихся такимъ образомъ теперь не хозяевами, а управителями своихъ земель. Въ административномъ отношеніи монастырскій приказъ былъ подчиненъ Сенату. 16-го октября 1720 года монастырскій приказъ былъ закрытъ; высшее управленіе церковными вотчинами перешло къ новому финансовому учрежденію государства—камеръ коллегіи, а мѣстное управленіе монастырскими имѣніями было повсемѣстно передано монастырскимъ властямъ, которыя обязаны были доставлять окладные доходы въ камеръ-коллегію [2]). Въ 1721 году въ судьбѣ церковныхъ имуществъ произошла новая перемѣна. Открылась дѣятельность Св. Синода, и однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было —подать государю докладъ, чтобы церковныя вотчины были возвращены въ высшее вѣдѣніе церковной власти, потому что отъ гражданскихъ управителей онѣ пришли „въ скудость и пустоту“. Государь утвердилъ докладъ, и церковныя имѣнія перешли въ вѣдомство Синода [3]). Послѣдній для управленія вотчинами сначала возстановилъ монастырскій приказъ, подъ своимъ уже вѣдѣніемъ (1721 г.) [4]), а за тѣмъ этотъ приказъ былъ переименованъ (14 янв. 1725 г.) въ Камеръ-

1) Горчаковъ. Мон. приказъ, стр. 161.
2) П. С. З. VI, 3659. Горчаковъ. Мон. пр., стр. 166—168.
3) П. С. З. VI, 3734, п. 5. П. С. П. и Р. I, 3.
4) П. С. П. и Р. I, 69. Барсовъ. Син. учр., 171—183.

контору синодальнаго правительства [1]). Въ 1726 году состоялось новое преобразованіе, которымъ Синодъ былъ раздѣленъ на два апартамента—духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ [2]). Послѣдній апартаментъ, состоявшій изъ свѣтскихъ людей, долженъ былъ исполнять функціи уничтоженной теперь камеръ-конторы. 29-го сентября 1726 года онъ получилъ наименованіе Коллегіи Экономіи синодальнаго правленія [3]). При преобразованіи Синода въ 1730 году Коллегія Экономіи продолжала оставаться по прежнему [4]).

Такимъ образомъ къ началу царствованія императрицы Анны вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ находился въ слѣдующемъ положеніи. Заопредѣленныя монастырскія и архіерейскія вотчины вѣдались въ Коллегіи Экономіи сборами, судомъ и расправою; на мѣстѣ же ими управляли монастырскія власти и управители архіерейскихъ домовъ, присылая въ Коллегію окладные сборы. Что касается самой Коллегіи, то она была учрежденіемъ не равны і Синоду, какъ второй его апартаментъ, а подчиненнымъ. Послѣ манифеста 1726 года Синодъ постарался поставить ее въ такія отношенія. Императорскій указъ не опредѣлялъ точно положеніе „второго апартамента“; выяснить это положеніе и дать „апартаменту“ опредѣленное устройство предоставлялось Синоду. Не въ интересахъ Синода было имѣть рядомъ съ собою учрежденіе равное, завѣдывающее экономическими дѣлами церкви; правительство также не рѣшалось поставить „второй апартаментъ“ рядомъ съ Синодомъ. Поэтому онъ получилъ названіе „Коллегіи“ и въ качествѣ таковой сталъ подчиненнымъ высшему духовному правительству [5]). Кромѣ

[1]) П. С. З. VII, 4632. О камеръ-конторѣ у Т. В. Барсова, Синод. учрежд., стр. 183—187. Горчаковъ отмѣчаетъ, что въ названіи мон. приказа камеръ-конторою выразилось уже снова стремленіе правительства ввести церковныя вотчины въ обще-государственное вѣдѣніе (М. пр, стр. 293-294).

[2]) П. С. З. VII, 4927.

[3]) П. С. З. VII, 4959.

[4]) Вышеизложенное подробнѣе см. въ изслѣдованіяхъ: Завьялова, „Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при имп. Екатеринѣ II“, стр. 55—70; Барсова: „Синодальныя учрежденія прежняго времени“, стр. 168 и слѣд. У Милютина Петровское законодательство объ управленіи церковными вотчинами см. на стр. 505—522.

[5]) Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митроп., патріархоъ и Св. Синода, стр. 515—520.

того, въ вѣдомствѣ же Синода находились два другія учрежденія: Дворцовый приказъ, вѣдавшій бывшія патріаршія, а теперь синодальныя вотчины, и Казенный, вѣдавшій церковные сборы по синодальной области. Приказы эти сначала юридически зависѣли отъ Коллегіи Экономіи; но фактически они сразу стали въ ближайшія отношенія къ самому Синоду и вскорѣ перешли въ его непосредственное вѣдѣніе [1]). Отсюда, слѣдовательно, всѣ церковныя вотчины находились подъ высшимъ управленіемъ Св. Синода. По сравненію съ прежнимъ, допетровскимъ временемъ, разница была въ томъ, что раньше церковныя имѣнія были собственностью монастырей, архіерейскихъ домовъ, патріаршей каѳедры, и доходы съ нихъ шли на эти церковныя учрежденія. Теперь церковныя вотчины de facto сдѣлались собственностью государства. Государство какъ бы управляло ими и распоряжалось ихъ доходами, но распоряжалось и управляло чрезъ высшее духовное правительство. Государство не обратило всѣхъ церковныхъ имѣній на свои чисто государственныя потребности, да и не могло обратить, такъ какъ тогда все-равно пришлось бы изъ другихъ своихъ средствъ содержать церковныя учрежденія. Доходы Коллегіи Экономіи шли большею частью на благотворительныя и просвѣтительныя заведенія, содержать которыя было, по убѣжденію правительства, дѣло церкви. Государство взяло только подъ свою опеку церковныя вотчины, слѣдило за употребленіями доходовъ, обращая остатки ихъ на свои нужды. Церковныя земли теперь были особою областью подъ синодальнымъ вѣдѣніемъ. Прежніе ихъ владѣльцы стали управителями. Это, конечно, была уже въ нѣкоторомъ родѣ секуляризація; но далеко не полная. Во первыхъ, имѣнія церковныя находились все-таки въ управленіи и высшемъ вѣдѣніи церковной власти. Во вторыхъ, для ихъ прежнихъ собственниковъ было весьма важно то обстоятельство, что ближайшее завѣдованіе церковными имѣніями поручалось имъ. На первый взглядъ кажется не понятнымъ, какая польза могла быть церковнымъ учрежденіямъ отъ управленія заопредѣленными вотчинами. Сборы съ нихъ церковныя власти обязаны были отсылать въ Коллегію Экономіи; стало-быть, имъ пользы отъ

---

1) Ibid, стр. 520—521. П. С. П. и Р. II, 708. П. С. З. VI, 4045.

управленія, повидимому, быть не могло. Между тѣмъ мы видимъ, что монастыри усиленно домогались получить заопредѣленныя имѣнія въ свое управленіе. Очевидно, для нихъ отъ этого была выгода, и не малая. Источники таковой не трудно предугадать: управители, несомнѣнно, не безкорыстно несли свой трудъ. Управленіе имѣніями для монастырей и архіерейскихъ домовъ служило значительнымъ источникомъ дохода [1]). Но для государства такое положеніе вещей было не выгодно: оно могло бы больше получать съ заопредѣленныхъ вотчинъ при полномъ подчиненіи ихъ государственному вѣдомству.

Очевидно, въ интересахъ государственныхъ наилучшимъ разрѣшеніемъ церковно-имущественнаго вопроса была совершенная секуляризація всѣхъ церковныхъ вотчинъ, т. е. обращеніе ихъ въ государственное имущество вполнѣ, подъ вѣдѣніемъ свѣтскаго мѣстнаго и центральнаго правительства. Церковныя же учрежденія должны были получать опредѣленное содержаніе, подобно другимъ учрежденіямъ общегосударственнымъ. Возвращеніе церковныхъ земель въ вѣдѣніе Св. Синода въ дѣлѣ осуществленія правительственнаго идеала было, такимъ образомъ, шагомъ назадъ. Аннинское правительство снова стало усиленно наклонять вопросъ въ пользу изъятія церковныхъ имуществъ изъ духовнаго вѣдомства [2]). Будучи принципіальнымъ сторонникомъ секуляризаціи, оно предприняло продолженіе дѣла Петрова и достигло значительныхъ результатовъ, хотя не прочныхъ.

Стремленіе правительства перевести церковныя вотчины въ государственное управленіе, находили себѣ постоянную поддержку со стороны самой Коллегіи Экономіи, состоящей подъ вѣдомствомъ Синода. Это учрежденіе, составъ котораго наполняли свѣтскія лица, съ самаго начала тяготилось своимъ отношеніемъ къ высшему церковному правительству. Коллегія неустанно стремилась къ большей самостоятельности, выражала попытки дѣйствовать независимо. Но Синодъ зорко слѣдилъ за ея дѣйствіями, требовалъ отчетности, стѣснялъ

---

1) См. объ этомъ ниже.

2) Нужно помнить впрочемъ, что вниманіе правительства привлекали собственно вотчины, вѣдомыя въ Коллегіи. Вопросъ о секуляризаціи всѣхъ церковныхъ имѣній аннинское правительство не поднимало. Во всей своей широтѣ этотъ вопросъ поднятъ былъ лишь при Екатеринѣ II.

въ распоряженіяхъ вообще безпрестанно напоминалъ о ея подчиненности. Кромѣ Синода, Коллегія получала указы и изъ свѣтскихъ учрежденій—Сената, Верховнаго Тайнаго Совѣта, Кабинета; должна была сообразоваться съ распоряженіями камеръ-штатсъ-конторъ и ревизіонъ-коллегіи [1]). Для государства подчиненность Коллегіи Синоду была стѣснительна отчасти уже по этой спутанности отношеній; въ связи же съ вопросомъ о церковно-имущественномъ правѣ, она прямо шла въ разрѣзъ съ государственнымъ принципомъ, положеннымъ въ основу отношеній государства къ земельнымъ имуществамъ церкви. Поэтому стремленія Коллегіи выйти изъ подъ вѣдома Синода шли на встрѣчу желаніямъ правительства и привели въ концѣ концовъ къ отдѣленію управленія имѣніями отъ духовной власти.

Почвой, на которой совершилось это отдѣленіе, былъ насущный экономическій вопросъ того времени —недоимки сборовъ, подлежащихъ уплатѣ въ Коллегію. Явленіе это, нужно замѣтить, было общимъ финансовымъ недугомъ. Государственное казначейство при Аннѣ Іоанновнѣ сильно страдало отъ неисправныхъ платежей, и правительство принимало энергичныя мѣры взысканій. Мы знаемъ, какъ тяжело ложились на народъ эти взысканія аннинскаго времени, знаемъ, какими яркими красками изображали современники народное бѣдствіе отъ жестокихъ правежей; съ такою же строгостью требовало правительство исправности сборовъ и отъ духовныхъ властей. Исторія Коллегіи экономіи въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка вся наполнена дѣлами о недоимкахъ. Управленіе церковными имѣніями на мѣстѣ было поручено мѣстнымъ духовнымъ властямъ—владѣльцамъ, обязаннымъ вносить сборы „бездоимочно“. На нихъ Коллегія и слагала всю отвѣтственность за накопившіеся недоборы. Въ отвѣтъ на это верховная власть издавала грозные указы.

Въ 1732 году Коллегія донесла Сенату, что недоимки за церковными вотчинами накопилось 81,127 рублей, при чемъ, по ея мнѣнію, этотъ „великій недоборъ“ произошелъ отъ того, „что въ прошлыхъ годахъ монастырскія вотчины отданы всѣ въ присмотръ тѣхъ же монастырей властямъ, изъ которыхъ многія и обязались, чтобъ тѣ доходы платить

1) Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ, стр. 522.

имъ бездоимочно и по тѣмъ обязательствамъ оныя власти запустили многую доимку". Когда Сенатъ представилъ верховной власти о донесеніи Коллегіи, то послѣдовалъ именной указъ. Въ немъ заявлялось, что „понеже съ тѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ излишніе, сверхъ опредѣленнаго ихъ содержанія, доходы положены на содержаніе госпиталей, богадѣленъ, школъ и на прочіе тому подобные расходы, то, за упущеніемъ тѣхъ доходовъ многаго числа въ доимку, тѣ расходы остановились... А такая многая прошлыхъ лѣтъ доимка учинена не отъ чего другаго, точію послабленіемъ, или излишними издержками духовныхъ властей и ихъ приказныхъ и прочихъ управителей". Поэтому велѣно было губернаторамъ, воеводамъ и штабъ-офицерамъ требовать, чтобы духовныя власти заплатили доимку немедленно. Съ обязавшихся платить бездоимочно, приказано взыскать „безъ всякія поповровки"; взысканія окончить къ будущему 1733 году (указъ изданъ 23 окт.). Если духовныя власти издержали сборы на свои расходы, то о таковыхъ повелѣвалось прислать въ Сенатъ немедленно вѣдомость.— Вмѣстѣ съ тѣмъ надъ монастырскимъ управленіемъ былъ наряженъ контроль: губернаторамъ и воеводамъ, повелѣвалось изслѣдовать, не налагаютъ ли архіерейскіе и монастырскіе управители лишнихъ сборовъ, отчего и происходитъ недоимка въ сборахъ Коллегіи. Но кромѣ монастырскихъ и архіерейскихъ властей императорскій указъ видимо обвинялъ въ недоборахъ и высшее духовное правительство, подъ вѣдѣніемъ котораго состояла Коллегія Экономіи. „А Святѣйшему Нашему Синоду тѣмъ духовнымъ властямъ, которые тѣхъ положенныхъ денегъ на прошлые годы не платили, послать Наши крѣпкіе указы, и въ томъ крайнее попеченіе и стараніе имѣть, дабы тѣ доимочныя деньги въ Коллегію Экономіи платили сполна; понеже о тѣхъ сборахъ и о вѣдомствѣ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ отъ Синода въ прошломъ 1721 году поданными Дядѣ Нашему... Петру Великому требовано докладными пунктами, представляя въ томъ свое вѣрное правленіе и учиненную присягу, которые сборы въ вѣдомствѣ синодскомъ были по 727 годъ, въ которыхъ годахъ вѣдомства синодскаго тако-жъ многая доимка запущена; а ежели тѣ положенные доходы изъ доимки выбраны

не будутъ, или впредь духовныя власти повсегодно тѣ деньги сполна платить не станутъ, то положенныя деньги на гошпиталь и на содержаніе богадѣльныхъ нищихъ и на прочіе подобные тому расходы сбираны и отдаваны будутъ прежде отъ свѣтскихъ управителей въ Коллегію Экономіи, а на собственное содержаніе духовной власти и подчиненныхъ имъ жалованіе будетъ удержано“ [1]).

Этотъ правительственный указъ весьма знаменателенъ и по тону, и по содержанію. Онъ показываетъ прозрачно проглядывающія въ немъ отношенія правительства къ синодальному управленію церковными имѣніями. Во главѣ завѣдыванія экономическими дѣлами стояла собственно Коллегія Экономіи; между тѣмъ свои угрозы и предписанія указъ направляетъ вовсе не въ нее. Вмѣстѣ съ Коллегіей, отвѣтственность за недоимки правительство слагаетъ на монастырскихъ и архіерейскихъ властей, а затѣмъ переноситъ ее на высшую инстанцію—Синодъ. Указъ не упустилъ поставить на видъ послѣднему, что церковныя вотчины отданы ему въ управленіе въ отвѣтъ на его просьбу и, такъ сказать, подъ его ручательство, и что недоимки накопились во время синодскаго управленія. Угроза удерживать жалованіе должна была также рѣзко уколоть „синодальную команду“.

Черезъ три дня (26 октября) послѣдовало новое распоряженіе: составить вѣдомость о доимкахъ по синодальному вѣдомству съ 1719 года, объяснивъ причины того явленія [2]). Синодъ съ своей стороны приказалъ разослать строгіе указы во всѣ епархіи, монастыри и пустыни, требуя прислать вѣдомости о недоимкѣ и немедленно заплатить ихъ, угрожая за неисполненіе штрафомъ архіереямъ и монастырскимъ властямъ и конфискаціей имущества приказнымъ правителямъ [3]). Но не смотря на угрозы, доимка все существовала, и правительство издавало указы за указами о ея взысканіи. Въ 1736 году ея было 51,400 руб. Кабинетъ приказалъ собрать недоборъ въ 2 мѣсяца, а если архіерейскія и монастырскія власти будутъ слабо дѣйствовать, то доправить доимку

---

1) П. С. З. VIII, 6937. П. С. П. и Р. VII, 2617.
2) П. С. П. и Р. VII, 2619.
3) П. С. П. и Р. VII, 2621.

на нихъ [1]). Конечно, приказаніе не было исполнено [2]). Въ 1737 году Синодъ грозилъ духовнымъ властямъ лишеніемъ сана, если „въ самомъ скоромъ“ времени не заплатятъ требуемое, а пока не заплатятъ, запретилъ настоятелямъ монастырей становиться въ церквахъ на властелинскія мѣста [3]). Съ теченіемъ времени указы становились все строже и строже, какъ строже становилась доимочная политика правительства. Съ народа взыскивали недоборы безъ милосердія, безъ пощады. Тамъ страдали отъ грозы губернаторы и воеводы, отвѣчавшіе своимъ имуществомъ за недоимки; но выше уже не на комъ было вымѣщать свое недовольство. За недоимки же съ церковныхъ имѣній Синоду приходилось выслушивать не мало упрековъ отъ верховной власти. Коллегія Экономіи все слагала съ себя отвѣтственность на духовныхъ управителей, а правительство обвиняло синодальное управленіе, какъ источникъ всѣхъ неисправностей. Наконецъ, недоимочный вопросъ въ 1738 году привелъ къ изъятію Коллегіи изъ вѣдома Синода, къ чему сама Коллегія давно стремилась.

Однако, справедливо ли правительство обвиняло въ недоимкахъ духовныхъ властей въ ущербъ Коллегіи Экономіи? Въ дѣйствительности дѣло обстояло не совсѣмъ такъ, какъ представляла Коллегія. Когда въ 1732 году былъ изданъ вышеприведенный грозный указъ, то Синодъ рѣшилъ выяснить дѣло, заявляя, что вина за недоимки возлагается на него пристрастно. Синоду было извѣстно, гдѣ истинный источникъ недоимокъ. Оказывается, что Коллегія Экономіи посылала отъ себя для сбора недоимокъ особыхъ людей; а посланные эти, вмѣсто того, нерѣдко обирали крестьянъ, брали съ нихъ взятки и за это дѣлали послабленія въ сборѣ надлежащихъ доходовъ. Крестьяне, по своей простотѣ, не смотрѣли на будущее. Откупаясь на время взятками, они все болѣе запутывались въ недоим-

---

[1]) А. С. С. Книга высоч. указ. 1736 г., № 15.

[2]) Съ 1736 года непрерывно велась оживленная переписка Кабинета съ Коллегіей Экономіи и Синодомъ о недоимкахъ. При этомъ Коллегія жаловалась на епископовъ, епископы же жаловались на Коллегію и ея „посягательства“, разумѣя, очевидно, безцеремонный способъ взысканій (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 14/1091, л. 186).

[3]) А. С. С. Книга всеподд. доклад. 1737 г., № 14.

къ; когда же послѣднюю стали собирать, крестьяне должны были продавать свои пожитки: они, такимъ образомъ, платили двойные сборы—въ видѣ взятокъ и положенные законно. Брали взятки посланные и съ монастырскихъ и архіерейскихъ властей за отсрочку сборовъ. Синодъ выражалъ подозрѣніе, не участвуютъ ли даже въ этомъ взяточничествѣ сами члены Коллегіи Экономіи или по крайней мѣрѣ служители коллежскіе; между тѣмъ духовный чинъ, „якобы въ неплатежѣ той допмки, всегда находится въ немаломъ нареканіи, и у ея императорскаго величества... подъ мнѣніемъ". Синодъ весьма „соболѣзновалъ" объ этомъ, совершенно отрицая всякую свою отвѣтственность за недоимки послѣ того, какъ завѣдованіе имущественными дѣлами было поручено „второму апартаменту". Съ цѣлью документально выяснить злоупотребленія посланныхъ Коллегіи и ея служителей, Синодъ сдѣлалъ запросъ въ епархіи и монастыри, предлагая откровенно объявить, сколько и когда взятокъ брали коллежскія посланцы, сколько дано было имъ и коллежскимъ членамъ и служителямъ со стороны архіереевъ и монастыскихъ начальствъ. Взяточничество по всему видно, было колоссальное, и требуемая откровенность могла бы дать Синоду въ руки сильное оружіе противъ беззастѣнчивыхъ обвиненій Коллегіи Экономіи въ послабленіяхъ и неисправностяхъ духовныхъ властей [1]).

Мало того, что Коллегія Экономіи сваливала съ себя вину на чужую голову: она дѣлала нарочно начеты въ своихъ представленіяхъ правительству, показывая цифру недоимки гораздо выше дѣйствительной [2]). Мы имѣемъ документальныя свидѣтельства, что Коллегія насчитывала большія суммы. Это обнаружилось въ 1732 1733 г.г. Послѣ указа 23 октября 1732 г. Синодъ рѣшился раскрыть глаза правительству. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ у Коллегіи Экономіи

---

[1]) П. С. П. VII, 2622, 6 ноября. Опис. д. и д. Арх Св Син. XII, № 324/5. Здѣсь мы находимъ отвѣты изъ епархій и монастырей. Насколько они подтверждаютъ синодскія подозрѣнія, точно опредѣлить трудно, такъ какъ и отвѣты присланы далеко не отовсюду и въ откровенности ихъ можно сомнѣваться. Но что взяточничество практиковалось, это доказываютъ нѣкоторыя, хотя и немногія, доношенія (III, XXIV, XXXII).

[2]) Такъ же поступала въ свое время предшественница Коллегіи Экономіи—Камеръ-Коллегія. См. у Горчакова, Мон. Прик., стр. 261—278.

вѣдомостей о заопредѣленныхъ вотчинахъ, сколько съ нихъ полагается доходовъ въ Коллегію, кто былъ туда посланъ для ихъ сборовъ, записаны ли сборы эти въ книги и даны ли росписки, сколько израсходовано доимочныхъ денегъ на монастырское строеніе и т. п. Духовная власть хотѣла провѣрить показанія Коллегіи о недоимкѣ. Но Коллегія отнюдь не была склонна подвергнуть себя контролю (что не говоритъ уже за ея добросовѣстность) и обратилась къ Сенату съ запросомъ, слѣдуетъ ли ей давать въ Синодъ требуемыя вѣдомости, такъ какъ, по указамъ, въ свѣтскихъ дѣлахъ Коллегія должна отвѣтствовать предъ Сенатомъ, а не предъ Синодомъ; дѣла же о сборахъ свѣтскія и духовной власти не подлежатъ. Коллегія полагала, что не слѣдуетъ, не смотря на угрозы Синода штрафомъ и жалобой императрицѣ. Сенатъ вполнѣ поддержалъ Коллегію и рѣшилъ, что вѣдомостей давать Синоду не слѣдуетъ, и штрафовать Коллегію за это и требовать „сатисфакціи“ у Ея И. В-ва Синодъ не имѣетъ права, такъ какъ вообще по дѣламъ свѣтскимъ Синодъ безъ сношенія съ Сенатомъ посылать указовъ въ Коллегію не долженъ [1]). Такимъ образомъ Синодъ обвинялъ въ небреженіи и не давали въ то же время доказательствъ своего обвиненія. Но синодальному правительству удалось другимъ путемъ найти данныя для своей реабилитаціи, именно, изъ донесеній епархіальныхъ и монастырскихъ властей на сдѣланный имъ запросъ. Картина раскрылась, дѣйствительно, любопытная. Оказывается, Коллегія Экономіи считала въ доимкѣ деньги, выключенныя изъ доимки, отданныя на жалованье монастырскимъ властямъ, служителямъ и солдатамъ, отданныя на строеніе и ремонтъ зданій ею же самою, зачтенныя въ платежъ за что либо, за отписанныя отъ монастырей вотчины. Такихъ начетовъ оказалось на 24.357 рубл 93½ коп. Кромѣ того запущено въ доимку самой Коллегіей, что она также слагала на монастырскихъ властей, 8.853 руб. 52 коп. Подлинной доимки, по разсчету Синода, выходило до подачи доимочнаго реестра 54 113 руб. 23 коп. Изъ этого числа, послѣ подачи реестра, было заплачено, сложено и отдано въ монастыри на строе-

[1]) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 20/782, лл. 188—203, 836 об.

ніе, расходы и жалованье, 38.462 руб. 73¼ коп. Въ доимкѣ (не считая запущенной самой Коллегіей) осталось всего 15.680 руб. 49¼ коп. Да и объ этой доимкѣ, судя по рапортамъ изъ епархій, нужно сказать, что она явилась большею частью вслѣдствіе уменьшенія платежныхъ силъ, опустѣнія деревень или обнищанія крестьянъ, такъ что по существу и тутъ монастырскія власти были не виноваты [1]).

Вооружившись статистическими данными, Синодъ рѣшился защитить себя отъ упрековъ и подалъ докладъ государынѣ (20 сентября 1733 г.), разъясняющій настоящее положеніе дѣла о недоимкахъ. Синодъ прекрасно сознавалъ, что „Коллегіи Экономіи въ Сенатъ протестъ въ рѣчи послабленія, какъ видно, не до иныхъ духовныхъ властей касается, но токмо до Синода". Желая показать несправедливость обвиненій синодальной команды, Синодъ обнаруживалъ всю неблаговидную тактику Коллегіи: и то, что она сама себѣ противорѣчитъ въ цифрахъ недоимокъ, показывая ихъ различно; и то, что она представляетъ, будто всѣ монастырскія власти дали подписку платить бездоимочно, тогда какъ изъ 60 монастырей дали такое обязательство лишь 8; и то, что она совсѣмъ умалчиваетъ въ докладѣ высшей свѣтской власти о принятыхъ Синодомъ мѣрахъ взысканія, какъ будто таковыхъ совершенно не предпринято. Онъ указывалъ всѣ начеты Коллегіи и ея собственныя „послабленія". Съ особенной силой отмѣчалось въ синодскомъ докладѣ, что, по

---

1) Опустѣніе деревень въ началѣ XVIII вѣка засвидѣтельствовано переписями Мон. приказа (Горчаковъ, Мон. Пр., стр. 140). Въ патріаршихъ вотчинахъ Московской губерніи съ 1710—1714 г.г. убыло и запустѣло изъ 5505 дв., 1167 дв., противъ переписи 1678 года (Горчаковъ, О зем. вл., стр. 460—461). Между тѣмъ оброчный сборъ въ Коллегію собирался по этой послѣдней переписи (Ibid., стр. 528—529). Замышленная въ 1725 году переоброчка несостоялась (П. С. П. и Р. V, 1520, 1650), а запустѣніе продолжалось, что подтверждается неоднократными свидѣтельствами. Въ 1731 году, напр., крестьяне вологод. архіерейск. дома просили о сложеніи съ нихъ недоимки и заявляли, что въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ изъ 80 жилыхъ вытей осталось только 40, опустѣло 50 деревень (О. А. С. С XI, № 490—92). Въ 1733 г. былъ сильный неурожай въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, послужившій причиной бѣгства крестьянъ изъ многихъ деревень (Семевскій, Крестьяне въ царст. имп. Екатерины II, т. II, стр. 86—88). Неурожаи аннинскаго времени, несомнѣнно, сильно увеличили нищенство населенія и запустѣніе полей.

существу дѣла, доимочный вопросъ (со времени учрежденія „второго апартамента“) Синода вовсе не касается, что онъ не обязанъ имъ заниматься, и его вмѣшательство въ это дѣло своими распоряженіями въ помощь Коллегіи есть, такъ сказать, сверхдолжная заслуга Синодъ высказывалъ, что, яко бы, ему совсѣмъ не желательно вмѣшиваться въ экономическіе вопросы; при этомъ онъ дѣлалъ любопытное толкованіе синодскаго доклада 1721 года объ отдачѣ церковныхъ вотчинъ въ синодское вѣдомство: по его словамъ, тогдашнее предложеніе было не о тѣхъ доходахъ, которые собираются въ Коллегію, но о государственныхъ податяхъ [1]).

Что касается мотивовъ такого образа дѣйствій Коллегіи Экономіи, что угадать ихъ не трудно. Коллегія, очевидно, понимала скрытое желаніе правительства лишить Синодъ управленія церковными имуществами, знала, что за недоимку станутъ упрекать не ее, а Синодъ. Стремясь выйти изъ подъ власти послѣдняго, она увеличивала сумму недоимки, чтобы побудить правительство къ изъятію церковныхъ вотчинъ изъ Синодскаго вѣдомства. Въ послѣдствіи Синодъ въ докладѣ правительницѣ Аннѣ указывалъ на фактъ начетовъ, и давалъ ему именно такое объясненіе [2]) Конечно, еслибы правительство было настроено иначе, если бы само оно не искало повода и удобнаго случая перевести церковныя имѣнія въ государственное вѣдѣніе, то тактика Коллегіи не имѣла бы смысла. Синодъ справедливо говорилъ, что въ сущности вся отвѣтственность за недоимки лежитъ на второмъ „апартаментѣ“. Но правительство пристрастно переносило вину на синодальную команду, слагая ее съ Коллегіи, и уже въ вышеприведенномъ указѣ 1732 года косвенно намекало, что недоимочный вопросъ можетъ привести къ прежнему поряд-

---

1) О. А. С. С. XI, № 233/10. Повѣрить, что Синодъ не интересовался экономическими вопросами, конечно, нельзя, такъ какъ иначе будетъ непонятно его стремленіе возвратить въ свое вѣдѣніе Коллегію Экономіи (послѣ ея изъятія въ 1738 г.) и заопредѣленныя вотчины въ вѣдѣніе духовныхъ властей. Но, конечно, такое положеніе дѣлъ, когда Коллегія дѣлала изъ Синода отвѣтственное лицо за свое управленіе, не могло нравиться послѣднему, и онъ готовъ былъ скорѣе совсѣмъ отстраниться отъ экономическихъ вопросовъ, чѣмъ выслушивать несправедливые упреки Толкованіе синодскаго доклада 1721 года также совершенно неправильное, въ чемъ убѣждаетъ самый послѣдній докладъ.

2) П. С. З. XI, 8406.

ку вещей (до 1721 г.). Коллегія Экономіи шла только на встрѣчу правительственнымъ желаніямъ, давая возможность дѣлать упреки синодальному управленію. Оправданія послѣдняго, повидимому, не имѣли ровно никакого дѣйствія. И послѣ 1733 года, какъ мы видѣли выше, издавались указы за указами о недоимкахъ съ упреками по адресу Синода. Судя по прецеденту 1732 года, мы въ правѣ предположить, что показанія Коллегіи въ доимочныхъ реестрахъ и впослѣдствіи грѣшили противъ истины по прежнему; но верховная власть принимала ихъ на вѣру и, очевидно, не довѣряла Синоду, а не Коллегіи.

Въ 1738 году правительство нашло возможнымъ окончательно рѣшить вопросъ въ томъ смыслѣ, какой былъ желателенъ и для него и для Коллегіи. 15-го апрѣля былъ изданъ именной указъ: „Коллегіи Экономіи быть подъ вѣдѣніемъ Сената, а Синоду отъ сего времени тоей Коллегіи не вѣдать, понеже въ оной Коллегіи состоять сборы и другія экономическія дѣла, которыя подлежатъ къ вѣдѣнію Сената, а духовныхъ дѣлъ, какія бы могли касаться до Синода, не бываетъ: а ежели Синоду что будетъ изъ тоей Коллегіи когда потребно, о томъ сноситься съ Сенатомъ, и отуда все, что потребно, получать могутъ“ [1]). Но въ вѣдѣніи Синода были еще два финансовыя учрежденія—приказы дворцовый и казенный. Не довѣряя духовному правительству въ экономическихъ дѣлахъ, государственная власть, велѣдъ за первымъ шагомъ по отношенію къ Коллегіи Экономіи, перевела въ свое вѣдѣніе и дворцовый и казенный приказы. Поводомъ была опять недоимка, которой по вѣдомству этихъ приказовъ къ 1738 году накопилось болѣе 40.000 рублей. Указомъ 30-го октября 1738 года было заявлено: „понеже собираніе и выбираніе доимокъ дѣло свѣтское, а Святѣйшій Синодъ и безъ того важнѣйшими духовными дѣлами весьма отягощенъ: того ради за благо разсудили мы опые синодальный (казенный) и дворцовый приказы сообщить къ Коллегіи Экономіи, и всѣ оныя синодальныя вотчины оной Коллегіи въ полное вѣдѣніе поручить“ [1]). 40.000 недоимки велѣно взыскать къ началу будущаго года.

---

1) П. С. З. X, 7558.
1) П. С. З. X, 7679.

Однако жъ передачей управленія церковными вотчинами въ свѣтское вѣдомство была сдѣлана только половина дѣла. Передача произошла въ центральномъ управленіи, а управленіе мѣстное продолжало оставаться въ рукахъ монастырскихъ властей и архіерейскихъ домовъ. Это было опять не желательно для государства и для Коллегіи Экономіи. Государство желало получить церковныя земли въ свое полное распоряженіе и устранить всякое вмѣшательство ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Монастырскія власти, какъ управители, не пользовались довѣріемъ у правительства; оно высказывалось о нихъ въ томъ смыслѣ, что они нерѣдко разоряютъ монастырскія имѣнія [1]). Коллегія также косо смотрѣла на монастырскихъ и архіерейскихъ управителей и постоянно на нихъ слагала вину за недоборы, хотя въ значительной мѣрѣ была виновата въ нихъ сама. Послѣ указовъ 1738 года Коллегія повела свою тактику къ довершенію начатаго дѣла изъятія вотчинъ изъ подъ вѣдома духовныхъ властей. И снова виноватой оказалась синодальная команда, которой по прежнему посылались требованія озаботиться сборами недоимки, потому что подъ ея властью находились духовные управители. Въ 1739 году Коллегія доносила Кабинету, что монастырскія власти доходовъ съ заопредѣленныхъ вотчинъ въ Коллегію „ослушаніемъ своимъ“ не платятъ, такъ что на одномъ Савиномъ монастырѣ въ Звенигородѣ состоитъ доимки 20.415 рублей, а на требованія объяснить причины такой доимки, никакого объясненія не даютъ. Кабинетъ сообщилъ Синоду, чтобы напкрѣпчайше было подтверждено въ епархіи и монастыри о немедленной уплатѣ недоимокъ [2]). И опять оказалось, что Коллегія дѣйствовала прежнимъ недобросовѣстнымъ путемъ. Синодъ, справившись, заявилъ, что числимая за Савиномъ монастыремъ доимка „не настоящая, которой никогда ни откуда въ Савинъ монастырь не сбирывалось“. Деньги взыскивались за вотчины, отданныя въ Савинъ монастырь изъ за Меньшикова, по тому окладу, какой собирался въ домъ Меньшикова. Но вотчины поступили въ монастырь не въ томъ видѣ, какъ были

---

1) П. С. З. X, 7660.

2) А. С. С. Книга высоч. указ, 1739 г., № 41, дек. 7. М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 103/1180. л. 89-91.

въ домѣ Меньшикова, такъ какъ многіе дворцовые и помѣщичьи пришлые крестьяне были при отдачѣ высланы на прежнія мѣста. Сенату уже сообщалось объ этомъ, но безрезультатно [1]).—Коллегія же экономіи съ своей стороны не стѣснялась примѣнять всѣ мѣры строгости къ взысканію недоборовъ. Находясь теперь подъ вѣдѣніемъ свѣтскаго правительства, она не задумывалась даже превышать свои полномочія при взысканіяхъ. Грубый произволъ сборщиковъ не зналъ удержу. Стали подвергать аресту монастырскую братію и даже настоятелей, между тѣмъ какъ указомъ 1732 года такія мѣры допускались лишь по отношенію къ приказнымъ управителямъ. Монастыри начали жаловаться въ Синодъ, а послѣдній сталъ требовать удовлетворенія отъ Сената. Такъ, напримѣръ, въ 1739 году Синодъ писалъ Сенату, что архимандритъ московскаго Высоко-Петровскаго монастыря съ братіею за недоимки арестованы были „въ томъ монастырѣ, чрезъ присланнаго изъ оной Коллегіи поручика съ солдатами, марта съ 30-го по 11 апрѣля, безъ выпуску, а монастырскій ихъ подъячій въ большой цѣпи, и при томъ чинены въ томъ монастырѣ ему, архимандриту, поносительныя слова и озлобленія". „А Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Дмитровѣ, архимандритъ въ содержаніи за такую же доимку, іюня съ 30-го 1738 года по 16 января 1739 года, подъ арестомъ и умре: а и прочихъ монастырей архимандритовъ и другихъ настоятелей оная Коллегія съ не малымъ озлобленіемъ заарестовала". Вмѣстѣ съ тѣмъ Коллегія постоянно грозила, будто „для взысканія заопределенныхъ доходовъ доимки духовныя власти—архимандриты и игумены—въ губернію взяты будутъ сами, а кои въ городахъ, тѣ и съ приказными и стряпчими и слугами—въ воеводскія канцеляріи, и буде вскорѣ платить не будутъ, то имѣнія ихъ конфисковать и для продажи отсылать въ конфискацію". Синодъ требовалъ отъ Сената, чтобы обиды, озлобленія и аресты духовныхъ властей были запрещены, и Сенатъ велѣлъ разсмотрѣть дѣло. Но Коллегія и послѣ того не измѣнила своего образа дѣйствій по отношенію къ монастырскимъ властямъ [2]).

---

1) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, № 103/1180. л. 130-131.

2) Внутренній бытъ, II, 333-334.

Жалобы на неисправность монастырскихъ и архіерейскихъ управителей подготовили почву для окончательнаго отобранія церковныхъ земель въ свѣтское управленіе. Это и совершилось въ послѣдній годъ царствованія императрицы Анны. 6-го марта завѣдывавшій Коллегіею Экономіи графъ Мусинъ-Пушкинъ [1]) подалъ государынѣ докладъ слѣдующаго содержанія. Упомянувъ о большой доимкѣ, лежавшей на заопредѣленныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ и мѣрахъ, принятыхъ къ ея взысканію Коллегіей, докладчикъ вину за нихъ слагаетъ всецѣло на духовныхъ властей. Онъ намекаетъ, что взыскать доимку невозможно при духовномъ управленіи: нѣкоторыя духовныя власти издержали доходы Коллегіи на свои собственные расходы и показываютъ, что издержали ихъ на строеніе монастырей, „чего имъ въ противность указовъ чинить не надлежало“, „такъ и другія чинятъ многія отговорки, на которыхъ утверждаться невозможно“. Многія власти, въ бытность которыхъ запущена доимка, умерли, такъ что и спрашивать не съ кого. Все это приводитъ Мусина-Пушкина къ убѣжденію, что всю доимку взыскать невозможно; а главное—возбуждаетъ опасеніе, что при такомъ порядкѣ вещей съ каждымъ годомъ доимка будетъ увеличиваться. Тутъ мысль докладчика сразу переносится къ временамъ монастырскаго приказа, рисующимся въ самомъ розовомъ свѣтѣ. „А когда всѣ архіерейскія и монастырскія вотчины были въ вѣдомствѣ въ монастырскомъ приказѣ,—вспоминаетъ докладъ, - тогда, какъ архіерейскіе домы, такъ и монастыри были во всякомъ довольствіи, да сверхъ того изъ оныхъ же доходовъ содержано было какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ не малое число бѣдныхъ людей въ богадѣльняхъ да въ Москвѣ госпиталь, въ которомъ было по нѣсколько сотъ, и до тысячи человѣкъ больныхъ. И за всѣмъ тѣмъ съ 701 по 711 годъ осталось въ казнѣ больше милліона рублей, а доимокъ никакихъ не было и сверхъ положеннаго окладу на крестьянъ ничего не прибавлено, и вышеписанный доходъ былъ, кромѣ новгородской, псковской, сибирской, казанской, астраханской и кіевской и прочихъ малороссійскихъ епар-

1) Смѣнившій ген. л. Волкова, по именному указу 9-го ноября 1739 года (П. С. З. X. 7941).

хіи и Троицко-Сергіева и Новодѣвичья монастыря и вотчинъ, которыя даны были бывшему князю Меньшикову, понеже вышеписанныя епархіи, монастыри и вотчины въ монастырскомъ приказѣ были не вѣдомы. И съ 1711 году сочинены какъ архіерейскимъ домамъ, такъ и монастырямъ окладъ (кромѣ вышепомянутыхъ епархіи и монастырей), по чему имъ получать на свое пропитаніе, столько имъ и вотчинъ въ ихъ владѣніяхъ опредѣлено, а остальныя оставались въ вѣдомствѣ монастырскаго приказа какъ доходами, такъ судомъ и расправою, и тогда доимки никакой не было жъ". Хотя Петръ I возвратилъ церковныя вотчины въ синодальное вѣдомство,—продолжаетъ докладъ послѣ свѣтлаго воспоминанія,—но въ концѣ своей жизни онъ самъ пришелъ снова къ убѣжденію, что управленіе имѣніями не свойственно духовной власти и ведется ею неисправно, такъ что государь намѣревался снова изъять изъ духовнаго вѣдомства экономическую часть, но за смертью не успѣлъ исполнить своего намѣренія. Раздѣленіе Синода на два департамента при Екатеринѣ I было шагомъ къ изъятію церковныхъ земель изъ подъ власти Синода, а указъ 1738 года окончательно совершилъ это изъятіе. Послѣ всѣхъ этихъ прецедентовъ и историческихъ справокъ, Мусинъ-Пушкинъ еще разъ говоритъ, что „непорядочными поступками духовныхъ властей недоимка умножается"; а затѣмъ переходитъ и къ главной цѣли своего доклада: „того ради ея императорскаго величества Кабинету покорное мое мнѣніе предлагаю: не соизволено ль будетъ какъ архіерейскимъ, такъ и монастырскимъ заопредѣленнымъ вотчинамъ и подлежащимъ доходамъ до Коллегіи Экономіи быть сборами и судомъ и расправою и всѣми дѣлами вѣдомымъ въ Коллегіи Экономіи, какъ были вѣдомы въ монастырскомъ приказѣ, а духовнымъ властямъ въ оное правленіе и въ сборы не вступать (ибо и вышепоказанными указами свѣтское правленіе отъ духовной власти отрѣшено), а имѣть имъ правленіе тѣхъ токмо вотчинъ, которыя имъ опредѣлены на ихъ содержаніе; понеже заопредѣленныя вотчины и доходы Коллегіи Экономіи на ихъ употребленіе не отданы и къ ихъ правленію по указамъ не подлежатъ". Польза отъ этого, по убѣжденію докладчика, будетъ и государству и духовнымъ властямъ. Вопервыхъ, „доимки такой великой уже быть опасности не

можетъ, какъ нынѣ имѣется, понеже коллежскіе члены о томъ будутъ имѣть лучшее попеченіе, ибо чего не доберутъ и въ доимкѣ неосмотрѣніемъ запустятъ, то, гдѣ бъ изъ нихъ кто ни былъ, съ того доправлено будетъ". Во—вторыхъ, „духовныя власти будутъ съ покоемъ, безъ всякой суеты, ибо какъ въ доимкахъ, такъ и по крестьянскимъ челобитьямъ, которые во взяткахъ и прочихъ обидахъ на властей бьютъ челомъ, имъ никакого безпокойства чинено не будетъ; а нынѣ нѣкоторые власти бьютъ челомъ, что взыскатели доимки поступаютъ съ ними невѣжливо и тѣмъ имъ чинятъ обиду, а тогда вышеписанныя обиды имъ чиниться не будутъ" [1]).—На докладѣ послѣдовала резолюція (25 апрѣля): „учинить по сему представленію".

Такимъ образомъ, и Коллегія Экономіи и правительство пришли, наконецъ, къ осуществленію своихъ желаній: церковныя заопредѣленныя вотчины поступили въ полное вѣдѣніе и управленіе государства. Линіинское царствованіе въ 1740 году достигло, стало-быть, полной секуляризаціи заопредѣленныхъ вотчинъ. Какое же значеніе имѣлъ этотъ фактъ для церкви и государства?

Въ числѣ мотивовъ, приведшихъ къ вышеуказанной развязкѣ дѣла, выставлялись, какъ мы видѣли, двоякаго рода соображенія. Первое и болѣе слабое было то, что монастырскіе управители отягощаютъ крестьянъ неправильными поборами; второе, и самое главное,—накопившіеся недоборы въ коллежскую казну. Что касается перваго мотива, то нужно сознаться, что крестьяне очень неблагопріятно отнеслись къ духовному управленію. Жалобы на „обиды и разоренія„ повторялись безпрестанно съ ихъ стороны [2]). Ихъ симпатіи вообще лежали гораздо болѣе къ Коллегіи Экономіи, чѣмъ къ монастырямъ, почему они встрѣтили недовольствомъ передачу ихъ въ руки духовенства въ 1762 году [3]). Секуляризація заопредѣленныхъ вотчинъ, такимъ образомъ,

---

1) А. С. С Книга высоч. указ. 1740 г., № 21. Докладъ напечатанъ у Барсова, „Синодальныя учрежденія", стр. 197-199.

2) См., наприм., П. С. П. и Р. VII, 2323; О. А. С С. X, № 41/117; XII, № 212/80. А. С. С. Дѣло 1733 г. № 178. М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн № 28/790. лл. 514-529, 770-776. Сборн Харков. истор. филолог., общ. т. IV. стр. 193-198. Всѣ факты 30-хъ г.г. XVIII вѣка.

3) Семевскій, Крестьяне при имп. Екатеринѣ II, т. II, стр. 244.

съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ, была мѣрою благотворною.

Но правительство Анны Іоанновны гораздо болѣе думало объ интересахъ фиска, чѣмъ народномъ благосостояніи въ вопросѣ о церковныхъ имѣніяхъ. Достигло ли же оно въ этомъ отношеніи благопріятныхъ результатовъ? Конечно, объ этомъ судить трудно, такъ какъ секуляризація заопредѣленныхъ вотчинъ продолжалась всего годъ. Однако, повидимому, и здѣсь послѣдствія реформы были для правительства благопріятны. По крайней мѣрѣ по реестру, приложенному къ сенатскому вѣдѣнію начала 1743 года [1]) съ показаніемъ недоимки на церковныхъ учрежденіяхъ, послѣдней, числится за 1730-1739 гг. съ небольшимъ 10.000 руб., за 1741 г. 3304 руб., а за 1742 г. 33.840 руб. При этомъ сообщалось, что на 1742 годъ духовныя власти почти совсѣмъ ничего не заплатили, и, иногда, вмѣсто платежа бранили и били сборщиковъ, какъ то въ Спасскомъ ярославскомъ монастырѣ. Эти не многіе факты даютъ подозрѣвать, что духовные управители были, дѣйствительно, плохими повѣренными государства. Незначительное количество недоимки за 1740 г. (время секуляризаціи) говоритъ въ пользу коллежскаго управленія; а огромная цифра 1742 г. и демонстративное поведеніе управителей свидѣтельствуютъ, что на нихъ никакъ нельзя было полагаться. Что во время правленія Анны Іоанновны сборы въ Коллегію Экономіи выплачивались довольно исправно, по синодальному показанію, и Коллегія была неправа въ своихъ выкладкахъ—это вполнѣ допустимо. Строгій характеръ правленія побуждалъ къ исполнительности. Поэтому то къ концу правленія императрицы за 10 лѣтъ (1730—1739 гг.) въ недоимкѣ осталось всего 10.000 рубл. 1740 годъ -годъ полнаго распоряженія Коллегіи -былъ также благопріятнымъ. 1741 годъ- отзвукъ прошлаго царствованія—далъ только 3304 рубля недобора. Но стоило вступить на престолъ Елизаветѣ и повѣять новымъ вѣяніемъ въ церковно-государственныхъ отношеніяхъ, какъ духовныя власти сочли возможнымъ не платить почти ничего. Принимая все это во вниманіе, приходится признать, что государству управленіе Коллегіи Экономіи гораздо бо-

---

1) П. С. П. и Р. Царств. имп. Елизаветы, т. I, № 285.

тѣе обезпечивало полученіе доходовъ въ коллежскую казну, чѣмъ управленіе духовныхъ управителей, и правительство поступало вполнѣ логично, утверждая докладъ Мусина-Пушкина.

Теперь, что же теряли церковныя учрежденія съ изъятіемъ изъ ихъ вѣдома заопредѣленныхъ вотчинъ? Повидимому, они ничего бы не должны терять, такъ какъ доходы съ этихъ вотчинъ шли въ Коллегію Экономіи. Мало того, они даже выигрывали, освобождаясь отъ тягостной обязанности и отвѣтственности за сборы. Для нихъ въ сущности не было дѣла и до того, худо ли, хорошо ли управляетъ Коллегія. Едва-ли въ церковныхъ властяхъ могла таиться скрытая надежда, что когда либо правительство вернется къ допетровскому порядку вещей и отдастъ снова церковныя имѣнія въ безконтрольное распоряженіе церкви. Стало быть, о судьбѣ ушедшаго изъ ихъ рукъ достоянія нечего было бы заботиться. Но въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ, и мы можемъ убѣдиться въ этомъ.

Заопредѣленныя вотчины, номинально предназначенныя отдавать свои доходы въ коллежскую казну, для церковныхъ учрежденій не только не были безразличны въ матеріальномъ отношеніи, а оставались источникомъ дохода значительно большаго, чѣмъ тотъ, который шелъ въ Коллегію. Доходы съ населенныхъ имѣній во время крѣпостного права, какъ извѣстно, извлекались двоякимъ способомъ: или крестьяне платили денежный оброкъ, или обрабатывали на помѣщика извѣстное количество пашни и исполняли разныя натуральныя повинности [1]). Часто оброчная и барщинная системы существовали одновременно, и часть дохода получалась деньгами, часть- натуральными произведеніями и крѣпостнымъ трудомъ. Въ монастырскомъ хозяйствѣ послѣдняя смѣшанная система была наиболѣе обычною. Главное значеніе для монастырей, имѣвшихъ обширныя пустоши, имѣлъ не денежный оброкъ, а крѣпостной трудъ. Крестьяне монастырскихъ вотчинъ должны были обрабатывать монастырскія поля, косить сѣно, жать, молотить и возить хлѣбъ, рубить и возить лѣсъ, дрова, чинить монастырскія постройки, давать съѣстные припасы и исполнять множество другихъ

1) Краткое перечисленіе ихъ см. у Милютина, стр. 345—350.

мелкихъ повинностей. Стоимость этихъ натуральныхъ повинностей вычислить трудно; она почти всегда при смѣшанной системѣ была гораздо больше, чѣмъ денежный оброкъ. Вообще же мы можемъ приблизительно такъ опредѣлить общее количество сборовъ съ души съ церковныхъ вотчинъ того времени. В. И. Семевскій полагаетъ возможнымъ принять стоимость наиболѣе обыкновенныхъ повинностей или нормальный оброкъ для 50-хъ годовъ XVIII вѣка въ 1 руб. (тогдашній) [1]), при чемъ, какъ видно изъ его вычисленій, это самая минимальная цифра. Если принять это во вниманіе, а также то, что оброкъ всегда былъ легче барщины, практиковавшейся въ монастырскомъ хозяйствѣ, то едвали будетъ ошибочно признать за среднюю норму и 30-хъ годовъ XVIII столѣтія 1 рубль [2]). Правда, по разсчету, сдѣланному на основаніи таблицы, помѣщенной у Завьялова [3]) и относящейся къ самому началу 60-хъ годовъ, выходитъ, что архіерейскіе крестьяне вносили въ это время въ среднемъ съ души по 49 коп. и по 2,6 четверика хлѣба, монастырскіе—по 26 коп. и по 3,1 чек., и крестьяне Троице-Сергіевой Лавры и ставропигіальныхъ монастырей по 43 к. и по 2,3 чек. Но въ этотъ разсчетъ не входитъ барщина, столовые и другіе запасы, подводы и проч. повинности и сборы, стоимость которыхъ не поддается точному вычисленію, но дѣлаетъ несомнѣнной по меньшей мѣрѣ рублевую оцѣнку общаго дохода съ души [4]).

Теперь спрашивается, сколько получала Коллегія Экономіи съ заопредѣленныхъ вотчинъ? За невозможностью точныхъ вычисленій, опять придется ограничиться прибли-

---

1) В. И. Семевскій, Крестьяне въ цар. имп. Екатерины II, т. II, стр. 209.

2) Беря въ разсчетъ, что къ 50-мъ годамъ по сравненію съ 30-ми нѣсколько понизилась цѣнность рубля (на 1/15 по Семевскому).

3) Завьяловъ, Вопросъ о церк. им. при имп. Екатеринѣ II, СПБ. 1900 г., стр. 346—348.

4) Что въ 30-хъ годахъ доходность церковныхъ имѣній опредѣлялась около 1 руб. съ души, это подтверждаетъ м. проч. табель о крестьянахъ Алекс. Невск. мон. (О. А. С. С. XII, Приложенія, стр. 143—146). Въ 1731 г., по этой табели, крестьяне монастыря (9247 д.) платили деньгами съ души около 72 к. и хлѣба около 1,1 чек. Присоединяя сюда другія натуральныя повинности, мы получимъ минимальный рублевый доходъ съ души.

зительными данными. У Завьялова на страницѣ 102—106 помѣщена таблица, гдѣ обозначено число душъ въ заопредѣленныхъ вотчинахъ 4-хъ архіер. домовъ и 41 монастыря всего 117.137 д. и количество положенныхъ съ нихъ по окладнымъ книгамъ сборовъ. По этой таблицѣ въ среднемъ приходится на душу сбора около 22 коп [1]). При этомъ можно сдѣлать любопытное сопоставленіе: тогда какъ въ среднемъ выводѣ относительно всѣхъ церковныхъ вотчинъ по табели 1762 г. [2]) приходится на душу сбора денегъ 35,9 к. и хлѣба 2,8 чек., на крестьянъ заопредѣленныхъ вотчинъ положено болѣе, чѣмъ на $^1/_3$ менѣе. Уже это сопоставленіе наводитъ на вопросъ: куда же шла эта треть? Или крестьяне заопредѣленныхъ вотчинъ находились въ особо льготномъ положеніи? Послѣднее предположеніе, однако, ничѣмъ не подтверждается. Эта треть шла туда же, куда пила вся недостающая до 1 рубля съ души сумма. Въ отношеніи тяжести повинностей крестьяне вотчинъ заопредѣленныхъ стояли, надо полагать, на одинаковомъ уровнѣ съ другими крестьянами церковныхъ учрежденій и несли повинности въ общей стоимости около 1 руб. съ души. Коллегія Экономіи изъ этого количества получала всего, какъ оказывается, четверть суммы. Остальная часть, падавшая преимущественно на крѣпостной трудъ и натуральные сборы, которыми не могла пользоваться Коллегія, шла въ карманъ церковныхъ управителей. Такимъ образомъ послѣдніе получали за свои управительскіе труды гонораръ въ размѣрѣ 75%. И сама церковная власть не скрывала, что заопредѣленныя вотчины служатъ для монастырей и архіерейскихъ домовъ источникомъ не малаго дохода. Это вполнѣ засвидѣтельствовалъ Синодъ въ докладѣ правительницѣ Аннѣ, когда мотивомъ своей просьбы возвратить управленіе заопредѣленными вотчинами духовнымъ властямъ выставлялъ донесенія изъ епархій и монастырей, что „посланные въ заопредѣленныя вотчины отъ Коллегіи Экономіи управители всякіе доходы

1) Кромѣ того въ мон. вотчинахъ на душу приходится около $^1/_7$ чек. хлѣба и $^1/_{50}$ дес. пашни; но эти мелкія цифры можно не принимать во вниманіе, такъ какъ и хлѣбъ бралея и пашня обрабатывалась въ немногихъ монастыряхъ.

2) Завьяловъ, стр 346—348.

и съѣстные и хлѣбные припасы, кои посылались въ домы и въ монастыри на пропитаніе, и въ вотчинныхъ селахъ скотъ и прочее, все отъ нихъ отнято, и оныхъ заопредѣленныхъ вотчинъ крестьяне никакихъ архіерейскихъ домовъ и монастырскихъ работъ не исправляютъ, отъ чего де оные домы и монастыри приходятъ въ оскудѣніе и обветшалыхъ строеній починить нечѣмъ“ [1]).

Понятно, что для церковныхъ учрежденій было очень и очень нежелательно терять изъ своихъ рукъ такую доходную статью. Намъ неизвѣстно въ точности все число заопредѣленныхъ вотчинныхъ крестьянъ въ періодѣ 30—40 годовъ XVIII вѣка. У Завьялова въ 4-хъ архіер. домахъ и 41 монастырѣ къ началу 1760-хъ годовъ числится таковыхъ 117 т. Судя же по словамъ синодскаго доклада 20 сентября 1733 года, 60 монастырей имѣли у себя вотчины заопредѣленныя. Повидимому, количество послѣднихъ вообще измѣнялось, такъ какъ Коллегія Экономіи въ отдачѣ вотчинъ въ монастырское управленіе не руководствовалось никакими опредѣленными правилами. Если, на основаніи приведенной у Завьялова табели, для 1740 г. принять за среднюю цифру заопредѣленныхъ крестьянъ только 110 т. душъ [2]); то и тогда реформа 1740 года лишала церковныя учрежденія болѣе 80 тысячъ рублей годоваго дохода, что составитъ на наши деньги (по вычисленію Семевскаго) болѣе 600,000 руб.

Къ счастью для владѣльцевъ секуляризованныхъ имѣній, секуляризація эта была непродолжительна. Духовныя власти, какъ должно ожидать, встрѣтили съ большимъ неудовольствіемъ новое распоряженіе. Обѣщанное имъ спокойствіе отъ всякой суеты и обидъ далеко не покупало тѣхъ матеріальныхъ потерь, которыми грозило отнятіе у нихъ управленія имѣніями. Поэтому, вскорѣ послѣ смерти Анны Іоанновны, Синодъ, воспользовавшись перемѣною правленія, выступилъ съ энергичнымъ ходатайствомъ о возвращеніи

---

1) П. С. З. XI, 8406.

2) Судя по пропорціи—[всѣхъ крестьянъ въ церковныхъ имѣніяхъ въ 1739 году въ докладѣ Волынскаго (А. С. С. Дѣло 1739 г. № 112, л. 4) было показано 758,802 д.; а въ 1762 г., по таблицѣ у Завьялова (стр. 346—348), ихъ было 816,736 д.]—въ 1740 г. населеніе заопредѣленныхъ вотчинъ, указанныхъ у Завьялова, было меньше, чѣмъ къ началу 60-хъ годовъ, на $^1/_{15}$.

церковныхъ имѣній въ духовное вѣдомство и успѣлъ въ этомъ. Любопытенъ самый синодальный докладъ, поданный правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Онъ представляетъ изъ себя критику вышеприведеннаго доклада Мусина-Пушкина и критику довольно основательную, разоблачающую всѣ натяжки мартовскаго доклада 1740 года. Нарисовавъ, въ пику Мусинскому представленію, свѣтлую картину состоянія церковныхъ имѣній до 1701 года, когда „и крестьяне находились въ добромъ состояніи“, и работы всѣ исправлялись заблаговременно подъ присмотромъ архіерейскихъ домовъ, и монастырей, и хозяйство процвѣтало, и монастыри и дома архіереевъ были въ довольствѣ; упомянувъ о исторіи церковныхъ вотчинъ до 1740 года, Синодъ заявлялъ, что представленіе Мусина-Пушкина было „не столько для интереса казеннаго и соблюденія крестьянъ, сколько съ обидою домамъ архіерейскимъ и монастырямъ“ Доказательства къ тому представлялись весьма вѣскія. Во-первыхъ, оказывается, что Коллегія Экономіи дѣлала колоссальный начетъ. Въ докладѣ Мусина-Пушкина считалось недоимки на заопредѣленныхъ вотчинахъ 90,000 руб. Синодъ говорилъ, что въ дѣйствительности изъ этой суммы въ доимкѣ „развѣ малое число „ [1]): остальное заплачено, и напримѣръ, только на трехъ монастыряхъ: Новоспасскомъ, Саввинѣ Старожевскомъ и Спасоевфиміевомъ въ Суздалѣ непастоящей доимки показано было 27.290 р. Мотивомъ начетовъ Синодъ выставлялъ желаніе Коллегіи отнять вотчины въ свое полное вѣдомство. Затѣмъ слѣдовалъ разборъ остальныхъ пунктовъ доклада Мусина-Пушкина. Во время существованія монастырскаго приказа, говорилъ Синодъ, монастыри и архіерейскіе дома находились не въ „довольствѣ“, а „въ великихъ скудостяхъ и недостаткахъ“. Въ московскомъ госпиталѣ такого количества больныхъ, какое показывалъ Мусинъ-Пушкинъ, никогда не содержалось. Милліона рублей въ остаткѣ не бывало и быть не могло, потому что всего оклада съ заопредѣленныхъ

---

1) И это вполнѣ подтверждается тѣмъ, что въ табели Сената начала 1743 года (П. С. П. и Р. Царств. имп. Елизаветы, т. I, № 285) недоимки за 1730—1739 г. показано всего около 10.000 руб. Едва ли Коллегія Экономіи успѣла въ два года взыскать такую огромную сумму, какая представляется у Мусина-Пушкина.

вотчинъ получалось 50.000 руб. въ годъ [1]); стало быть, въ 10 лѣтъ (съ 701 711 г.г.) милліона никакъ не могло остаться даже безъ расходовъ, а между тѣмъ суммы монастырскаго приказа еще постоянно расходовались. Доимки были и въ монастырскомъ приказѣ, который передалъ управленіе Синоду съ значительной суммою недоимокъ. Въ заключеніе Синодъ указывалъ, что архіереи и монастыри просятъ возвращенія заопредѣленныхъ вотчинъ въ ихъ вѣдѣніе, жалуются на экономическое раззореніе ихъ коллежскими управителями, на невозможность поддерживать монастырское благоустройство и исправлять монастырскія работы съ помощью крестьянъ однихъ опредѣленныхъ вотчинъ. Съ своей стороны Синодъ просилъ возвратить заопредѣленныя вотчины въ монастыри и архіерейскіе дома по прежнему.

Правительство въ отвѣтъ на этотъ докладъ постановило передать заопредѣленныя вотчины, „впредь до дальнѣйшаго разсмотрѣнія и опредѣленія“, по прежнему въ вѣдомство духовныхъ властей, „только того накрѣпко смотрѣть, чтобъ тѣ доходы въ Коллегію Экономіи ежегодно исправно и бездоимочно доходить и плачены быть могли“ (26-го іюня 1741 года) [2]). Значитъ, произведенная въ 1740 году, секуляризація продолжалась всего годъ. Коллегія Экономіи по-прежнему осталась въ вѣдѣніи Сената. Центральное управленіе церковными имѣніями государственная власть удержала за собой, но отъ мѣстнаго отказалась. Чѣмъ же объяснить непрочность анненскаго разрѣшенія церковно-имущественнаго вопроса? Не синодскіе доводы разрушили мѣропріятіе 1740 года. Правительство не измѣнило своихъ стремленій къ полной секуляризаціи. Перемѣна на тронѣ не могла повліять на политику государства въ церковно-имущественномъ вопросѣ, потому что политика эта твердо установилась въ одномъ направленіи. Да и при Аннѣ Леопольдовнѣ Кабинетъ министровъ, вѣдавшій государственныя дѣла, остался тѣмъ же, какимъ былъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Непрочность анненскаго распоряженія, отмѣна указа 25 апрѣля, указа, отвѣчавшаго неизмѣннымъ желаніямъ правительства, истекала

---

1) По вѣдомостямъ мон. приказа съ заопредѣленныхъ вотчинъ числился окладъ 52.336 р. (П. С. П. и Р. V, 1520).

2) П. С. З. XI. 8406.

изъ его безпочвенности. Мѣра эта была еще преждевременной, необходимо было прежде исполнить много другой подготовительной работы, чтобы совершить коренную перемѣну въ управленіи церковными имѣніями. Отсюда происходили всѣ колебанія первой половины XVIII вѣка въ разрѣшеніи церковно-имущественнаго вопроса. И въ 1741 году правительство, соглашаясь на просьбу Синода, ясно говорило, что оно дѣлаетъ лишь временную уступку, „впредь до дальнѣйшаго разсмотрѣнія“. Окончательное рѣшеніе вопросу о церковныхъ имѣніяхъ суждено было получить уже при Екатеринѣ II. Въ аннинское царствованіе эта задача еще не настолько созрѣла, не настолько подготовлено было ея осуществленіе, чтобы его могло совершить правительство императрицы, не приступавшее къ тому же къ разсмотрѣнію вопроса въ корнѣ, къ его основательному изученію и разработкѣ.

Считаясь съ принципіальной, главной стороной церковно-имущественнаго вопроса, правительство Анны не оставляло безъ вниманія и другихъ, болѣе частныхъ его сторонъ. Проникнутое секуляризаторскими стремленіями, оно позаботилось между прочимъ о томъ, чтобы монастырскія имущества не увеличивались въ своемъ объемѣ. Для Великороссіи этой заботы не существовало, потому что здѣсь уже ранѣе было запрещено продавать и жертвовать монастырямъ имѣнія. Но въ Малороссіи вопросъ оставался открытымъ; здѣсь производились и купля и пожертвованія въ пользу монастырей земельныхъ имуществъ. Въ это дѣло рѣшило вмѣшаться правительство и въ 1735 году указомъ опредѣлило: „впредь отнюдь земель и деревень въ монастыри не продавать и не отдавать“ [1]). Когда же малороссійское духовенство и архіереи вздумали просить отмѣны этого запрещенія, ссылаясь на свои прежнія права, то получили строгій выговоръ за свою смѣлость. А князю Шаховскому—начальнику Малороссіи было поручено „секретнымъ образомъ склонять генеральную старшину, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ, чтобъ прислали просьбу о неукрѣпленіи мірскаго чина лю-

1) П. С. З. IX, 6891.

дей, земель и угодій за монастырями и духовными лицами, на которую просьбу получать желаемую резолюцію Также людямъ находящимся при составленіи малороссійскаго уложенія, напоминать, что малороссійскій народъ отъ такого укрѣпленія земель терпитъ большое разореніе, и лишенные родительскаго имѣнія, отказаннаго въ монастыри, служить не въ состояніи, отъ чего и государственному интересу вредъ происходитъ, склонять ихъ, чтобъ пункть о неотчужденіи недвижимыхъ имѣній, какъ неважнѣйшій, внесенъ былъ въ уложеніе“ [1]).

Однако, мы знаемъ отъ аннинскаго времени нѣсколько примѣровъ, когда правительство надѣляло монастыри землями и угодіями или же подтверждало прежнія жалованныя грамоты. Эти факты идутъ какъ бы въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ правительственной политики; но въ дѣйствительности этого противорѣчія нѣтъ: то были частныя уступки, сдѣланныя по тѣмъ или инымъ мотивамъ, и при томъ всегда въ сферѣ прежнихъ владѣтельныхъ правъ монастырей. Такъ, въ 1731 году дѣвичью Ѳеодоровскому монастырю Переяславля Залѣсскаго были отданы мельницы, рыбныя ловли и пустоши въ „опредѣленное владѣніе“, хотя до того времени онѣ были въ окладѣ. Но эта отдача учинена была по представленію Сената, уступая дѣйствительнымъ нуждамъ монастыря, причемъ высочайшая резолюція гласила: „отдать, а впредь никому не отдавать“ [2]). Въ томъ же году были отданы Валаамскому монастырю прежде принадлежавшія ему въ кексгольмскомъ уѣздѣ соляная варница, мельницы, монастырскій дворъ и нѣкоторыя другія угодья [3]). Александро-Невскому монастырю были отданы Старорусскія вотчины Иверскаго монастыря, взамѣнъ отобранныхъ у него волостей: Толмачевской, Дорской, Охонской [4]). Въ 1738 году Донскому московскому монастырю, по челобитью архимандрита съ братіею, отдано въ вѣчное владѣніе село „Сокольи горы“ казанскаго уѣзда, по силѣ прежней жалованной грамоты [5]).

---

1) Соловьевъ, т. XX, 314.
2) П. С. З. VIII, 5686.
3) П. С. З. VIII, 5887
4) П. С. З. IX, 6437.
5) П. С. З. X, 7524.

Въ 1731 году дана была жаловапная грамота Харьковскому Покровскому монастырю [1]); а въ 1733 году подтверждены прежнія жалованныя грамоты Крестовоздвиженскому Бизюкову монастырю Смоленской губерніи [2]).

Заботы правительства возбуждало въ значительной мѣрѣ и монастырское управленіе вотчинами вообще, какъ опредѣленными, такъ и заопредѣленными. На эту сторону дѣла обращалось не разъ правительственное вниманіе по частнымъ поводамъ. Когда въ 1738 году Синоду поручалось составить инструкцію для управленія Троицкаго Сергіева монастыря, то въ числѣ главныхъ пунктовъ намѣченной инструкціи стоялъ вопросъ о хозяйствѣ монастырскомъ.—Архимандриту съ соборными монахами повелѣвалось „всевозможное стараніе и попеченіе имѣть“ о исправномъ веденіи экономическихъ дѣлъ“, сборовъ съ монастырскихъ земель, приходовъ и расходовъ и т. п. Монастырскимъ крестьянамъ соборное управленіе монастыря должно было обезпечить справедливый судъ по челобитьямъ, огражденіе отъ взяточничества и хищничества управителей [3]). Опять нельзя не пожалѣть, что соборное завѣдываніе и экономическими дѣлами правительство не пыталось распространить на другіе монастыри... Въ 1739 году сдѣлано было строгое предписаніе новгородскимъ управителямъ архіерейскаго дома и монастырскимъ властямъ, чтобъ они „порядочно поступали“ въ управленіи вотчинъ, содержали экономію въ добромъ порядкѣ, подъ угрозою штрафа за упущеніе [4]). Иногда правительство, вслѣдствіе безпорядочнаго управленія, поручало даже монастырь свѣтскимъ лицамъ. Такъ въ 1733 году было назначено слѣдствіе надъ игуменьей Вознесенскаго женскаго монастыря Евстоліей „о употребленіи ею на свои расходы монастырскихъ денегъ и хлѣба и о излишнихъ со крестьянъ по прихотямъ сборахъ“. А на время слѣдствія управленіе монастыря было поручено капитану Ладыгину [5]).

---

1) П. С. З VIII, 5716.
2) П. С. З. IX, 6333,
3) П. С. З. X, 7660.
4) П. С. З. X, 7791.
5) Описаніе док. и бум. М. А. М. Ю., IV, 51-52.

Но наиболѣе озабочивало правительство одно дѣло, стоящее въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ земель,—составленіе штата для архіерейскихъ домовъ и монастырей –Штатъ былъ второй половиной церковно-имущественнаго вопроса. Цѣлью правительства было совершенно уничтожить вотчинное церковное владѣніе, а давать архіереямъ и монастырямъ опредѣленное содержаніе. Когда въ 1701 году былъ поднятъ вопросъ о церковныхъ имѣньяхъ и учрежденъ монастырскій приказъ для ихъ управленія, то указъ императора о новомъ хозяйственномъ устройствѣ монастырей видимо предполагалъ дать дѣлу вышеуказанный оборотъ; тогда же былъ намѣченъ и штатъ для содержанія монастырей. „Въ монастыри монахамъ и монахинямъ, гласилъ указъ, давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами имъ и никакими угодьями не владѣть, не ради разоренія монастырей, но ради лучшаго исполненія монашескаго обѣщанія, понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питаша отъ трудовъ своихъ, но сами чуждые труды поядаша, и начальные монахи въ многія роскоши впадаша, а подначальныхъ монаховъ въ нуждную нищу введоша; и вотчинъ же ради свары, и смертныя убивства, и неправыя обиды многи творяша. И сея ради вины указалъ великій государь равное даяніе учинити, яко начальникамъ, тако и подначальнымъ монахамъ, по 10 рублей денегъ, по 10 четвертей хлѣба, и дрова въ довольность ихъ, и собирати съ вотчинъ ихъ всякіе доходы въ монастырскій приказъ на вышепомянутыя монахамъ дачи. А которыхъ монастырей монахамъ и монахинямъ съ вотчинъ по окладамъ ихъ вышеписанное указное число сполна не будетъ, и въ тѣ монастыри давать, сколько у нихъ было всякихъ доходовъ прежде сего, а слугъ и служебниковъ въ монастырѣ оставить самое малое число, безъ которыхъ по самой нуждѣ быть невозможно. А что будетъ въ остаткѣ хлѣба и денегъ, сверхъ вышеписанныя монахамъ дачи, и изъ того остатка давать на пропитаніе нищихъ въ богадѣльни и въ убогіе неимущіе монастыри вотчинъ; а въ которыхъ монастыряхъ есть малыя вотчины, или какія угодья, и тѣми съ вотчинъ и съ угодій

доходами накормить монаховъ невозможно, а прежде сего въ тѣ монастыри давано было его великаго государя жалованье, хлѣбъ и деньги, и нынѣ въ тѣ монастыри давать хлѣбное и денежное жалованье, безъ чего по самой нуждѣ быть невозможно“ [1]).

Этотъ петровскій указъ намѣчалъ ясно все дѣло хозяйственной реформы въ монастыряхъ. Реформа должна была состоять въ отобраніи монастырскихъ имуществъ, составленіи штатовъ для монастырей и распредѣленіи доходовъ съ церковныхъ земель на монастыри и общественныя учрежденія. Штаты были здѣсь необходимымъ условіемъ упорядоченія экономическаго вопроса. Нужно было опредѣлить, сколько денегъ и хлѣба должно пойти на каждый монастырь, всѣ ли монастыри надѣлять штатнымъ опредѣленіемъ, а для этого опредѣлить нормальный составъ монастырскихъ обитателей; послѣ того уже выяснялось, какими суммами располагало государство на общественныя и государственныя потребности. Теперь, когда правительство взяло на себя завѣдываніе матеріальными средствами церкви, ему было необходимо выяснить размѣръ назначаемаго бывшимъ владѣльцамъ церковныхъ земель содержанія. Опредѣленное въ указѣ 1701 года штатное содержаніе монахамъ и начальствующимъ было скоро признано неудовлетворительнымъ и во всякомъ случаѣ было только началомъ штатнаго опредѣленія. Необходимо было составить опредѣленіе и для архіерейскихъ домовъ.

Петровское царствованіе такъ и не рѣшило поставленнаго на очередь вопроса о штатѣ окончательно. Монастыри и архіерейскіе домы получили „опредѣленіе“; но „опредѣленіе“ состояло изъ земель и не могло быть точно опредѣленнымъ содержаніемъ, о какомъ говорилъ указъ Преобразователя [2]). Въ 1724 году были высочайше утверждены монастырскіе штаты, въ которыхъ подробно и точно опредѣлено количество хлѣбнаго и денежнаго жалованья, слѣдующаго монахамъ, монахи-

---

1) П. С. З. IV, 1886.

2) Въ вѣдомство мон. приказа получили табельные оклады 15 арх. домовъ, въ 1710 г. (Горчаковъ, Мон. Пр., стр. 176—177). Изъ монастырей точное опредѣленіе въ концѣ концовъ получили только 52 патріаршихъ и 28 епархіальныхъ (Ibid. стр 175)

нямъ и монастырскимъ служителямъ [1]). Но этимъ не было закончено дѣло штатныхъ опредѣленій. Трудно было примѣнить къ каждому отдѣльному монастырю эти нормальные штаты, выработанные теоретически. Не было выяснено самое число монастырей, обнимаемыхъ штатомъ, такъ какъ далеко не всѣ наличные монастыри признавались въ правѣ своего существованія; многіе малобратственные монастыри подлежали упраздненію чрезъ соединеніе ихъ съ другими. Не было опредѣлено точно и число монаховъ для каждаго отдѣльнаго монастыря. Не были, наконецъ, собраны точныя свѣдѣнія о церковныхъ имуществахъ, ихъ хозяйственномъ, экономическомъ состояніи, безъ чего составленіе окончательныхъ штатовъ было невозможно. Поэтому въ петровское время, хотя вопросъ о штатахъ никогда не сходилъ со сцены, онъ не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Были составлены и утверждены штаты отдѣльныхъ монастырей; но „генеральное опредѣленіе“ осталось завѣтомъ для будущаго времени [2]). Два послѣдующія царствованія не подвинули разрѣшеніе вопроса впередъ [3]), такъ что къ началу правленія Анны Іоанновны дѣло о штатахъ находилось почти въ томъ же положеніи, какъ при концѣ жизни Преобразователя.

Аннинское правительство, съ большимъ вниманіемъ отнесшееся къ церковно-имущественному вопросу и сдѣлавшее энергичную попытку рѣшить его принципіальную сторону, должно было неминуемо взяться и за продолженіе дѣла составленія штатовъ. Государственное владѣніе церковными вотчинами могло принять прочную, устойчивую форму только тогда, когда ихъ прежніе владѣльцы были бы обезпечены въ своемъ содержаніи точнымъ штатнымъ опредѣленіемъ. Раздѣленіе церковныхъ вотчинъ на опредѣленныя и заопредѣ-

---

1) П. С. З Книга штатовъ, 24 мая 1724 г. № 4511. П. С. П. и Р. IV, 1266.

2) Подробно о петровскихъ штатахъ см. у Завьялова, стр. 250—261; у Милютина, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства, стр. 513 – 527. Въ концѣ царствованія Петра продолжали собирать, по его повелѣнію, свѣдѣнія о доходахъ духовенства, чтобы составить окончательное „генеральное опредѣленіе“ объ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ (П. С. З. VII, 4488, 4608. П. С. П. и Р. IV, 1237, 1379, 1435).

3) При Екатеринѣ I все еще собирали вѣдомости (П. С. З. VII. 5005. П. С. П. и Р. V, 1571).

ленныя было только переходной стадіей въ исторіи вопроса о содержаніи архіерейскихъ домовъ и монастырей, потому что цѣлью государства было изъять изъ духовнаго вѣдомства всѣ населенныя земельныя имущества и выдавать ихъ владѣльцамъ вмѣсто того жалованья. Поэтому то задача составленія штатовъ всегда стояла наряду съ задачей секуляризаціи и разработывалась параллельно съ нею.

Первыя попытки въ этомъ направленіи анпинскаго правительства обнаружились еще въ 1733 году [1]); но усиленная работа началась во вторую половину царствованія императрицы, въ 1737 году. Въ предшествующее время было уже многое сдѣлано въ дѣлѣ подготовки матеріаловъ для штатовъ. Но требовалось собрать еще много свѣдѣній, преимущественно о экономическомъ состояніи монастырей. За это и взялся Кабинетъ министровъ.

1-го декабря 1737 года призванъ былъ въ Кабинетъ синодальный оберъ-секретарь Леванидовъ и ему дана была записка, требующая отъ Синода извѣстія такого рода: 1) копіи со всѣхъ указовъ о сочиненіи штата о монастыряхъ, 2) учрежденіе государя царя Алексѣя Михайловича о нищихъ и копіи съ слѣдующихъ потомъ указовъ по этому предмету, 3) все, что приготовлено въ Синодѣ по вопросу о сочиненіи штата всѣмъ монастырямъ, 4) вѣдомость о всѣхъ монастыряхъ государства, въ которомъ сколько нынѣ на лицо монаховъ, различая ихъ по чинамъ. Синодъ распорядился: „по тому требованію, о чемъ въ Св. Синодѣ извѣстіе имѣется, то учиня сообщить, что же требуется о количествѣ монаховъ, и о томъ послать во всѣ епархіи указы“ [2]).

Затѣмъ въ теченіи 1738 и 1739 годовъ Кабинетъ неоднократно дѣлалъ Синоду запросы частнаго и общаго со-

1) 14 мая 1733 года Синодъ получилъ отъ кабинетъ-министровъ увѣдомленіе, что скоро отъ него будутъ потребованы вѣдомости къ сочиненію штата объ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. Синодъ тогда же послалъ вѣдѣніе Прав. Сенату въ Москвѣ, чтобы таковыя вѣдомости были въ самой скорости посланы въ Синодъ изъ Коллегіи Экономіи. Но Коллегія заявила, что эти вѣдомости постоянно нужны для справокъ, заявляя при этомъ, со словъ недавняго сенатскаго разъясненія, что по свѣтскимъ дѣламъ Синодъ у нея вѣдомости требовать и права не имѣетъ (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 20/789, л. 832—840). Такъ тормозилось дѣло, благодаря соперничеству двухъ вѣдомствъ.

2) А. С. С. Дѣло 1737 года № 117.

держанія о монастыряхъ. Въ августѣ 1738 года Кабинетъ потребовалъ вѣдомости о монастыряхъ, бывшихъ прежде въ непосредственномъ вѣдомствѣ патріарховъ [1]). Въ октябрѣ того же года были затребованы вѣдомости о 13 исковскихъ женскихъ монастыряхъ, сколько тамъ монахинь, земель, угодій, крестьянъ, доходовъ [2]). Въ августѣ 1739 года Кабинетъ запросилъ вѣдомость 1) о архіерейскихъ домахъ, сколько за которымъ порозпь деревень и въ которыхъ уѣздахъ и по сколько гдѣ душъ мужскаго пола, сколько собирается хлѣба, сѣна и т. п.; 2) о мужскихъ монастыряхъ въ Великороссіи, особенно о тѣхъ, которые имѣютъ за собою болѣе 2.000 душъ, съ тѣми же вопросами [3]). 7-го сентября того же года изъ Кабинета послѣдовалъ указъ Коллегіи Экономіи собрать вѣдомости „къ разсмотрѣнію о монастыряхъ“ о монастырскихъ церквахъ, строеніяхъ, монашествующихъ, служителяхъ, вотчинахъ, угодьяхъ, доходахъ съ нихъ [4]). Въ 1740-мъ году требовали въ Кабинетъ извѣстія, по сколько денегъ и хлѣба опредѣлено держать въ годъ въ архіерейскихъ домахъ [5]).

Съ цѣлью подробнаго описанія монастырскихъ вотчинъ и монастырей, а также и для контроля монастырскаго управленія, Кабинетъ назначалъ особыя ревизіи. Описанія церковныхъ земель были предприняты еще монастырскимъ приказомъ [6]), и въ этомъ направленіи было исполнено многое; но прежнихъ свѣдѣній было недостаточно, онѣ были не полны и не точны. Въ 1738-мъ году въ новгородскую епархію былъ посланъ подполковникъ Дурновъ съ приказаніемъ: освидѣтельствовать всѣ мужскіе и женскіе монастыри епархіи, „которые особые свои деревни и доходы имѣютъ“, „переписать, сколько въ коемъ по чинамъ монаховъ и монахинь и разныхъ званій свѣтскихъ служителей обрѣтается, и о всѣхъ доходахъ и расходахъ, начавъ съ прошлаго 1734 года, освидѣтельствовать“; все движимое и недвижимое имущество переписать. О неподлежащихъ рас-

---

1) А. С. С. Дѣло 1738 г. № 81.

2) А. С. С. Дѣло 1738 г. № 101

3) А С. С Дѣло 1739 г. № 109. Этотъ запросъ былъ, впрочемъ, вызванъ главнымъ образомъ проектомъ Волынскаго о конскихъ заводахъ.

4) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 14/1091, л. 240 244.

5) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 103/1180, л. 342.

6) Горчаковъ, Монастырскій приказъ, стр. 136-143

ходахъ, допущенныхъ монастырскими властями, которые „полную мочь имѣли и что хотѣли дѣлали“, повелѣно было представить особый экстрактъ; а чтобы ничего не могли скрыть изъ незаконныхъ дѣйствій во время ревизіи, всѣ письма прошлыхъ лѣтъ, наличныя деньги и хлѣбъ запечатать, оставивъ лишь на нѣсколько времени для пропитанія [1]). По окончаніи ревизіи, которая выяснила, сколько ежегодно должно было оставаться денегъ и хлѣба за монастырскими расходами, приказано было остаточные за расходомъ деньги въ монастыряхъ новгородской епархіи отдавать въ новгородскую губернскую канцелярію, а хлѣбъ— въ тамошній магазинъ, и ни въ какіе расходы безъ указовъ изъ Кабинета ихъ не употреблять [2]). Результаты этой ревизіи должны были еще болѣе утвердить секуляризаторскія намѣренія правительства. Полковникъ Дуриовъ нашелъ хозяйство новгородскихъ монастырей въ самомъ запущенномъ состояніи. Расходъ и приходъ ничѣмъ нельзя было провѣрить, такъ какъ приходо-расходныя книги были не въ порядкѣ, дѣлались произвольныя затраты и т. п. [3]). Всѣ разсчеты на обильные остатки для государственной казны были обмануты. Кабинетъ велѣлъ „остаточные“ доходы отдать въ провинціальную канцелярію. Коммиссія Дурнова насчитала такихъ остатковъ, по приходо-расходнымъ книгамъ, за 1738-1739 года 7.389 рубл. 86 коп. денегъ и 31.474 четв. хлѣба. Но когда потребовали ихъ съ монастырей, то всѣ они заявили, что у нихъ ни того, ни другого не имѣется, то за непоступленіемъ доходовъ, то за чрезвычайными расходами [4]). Удалось лишь съ новгородскаго архіерейскаго дома получить 13.610 рублей, которые и были употреблены немедленно на военныя нужды [5]). Послѣ этого частнаго опыта, въ

---

1) П. С. З. X, 7526.

2) П. С. З. X, 7904.

3) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 14/1091. л. 302-303.

4) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 22/784. л. 404-417. 491-503.

5) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 14/1091, л. 355. Новгородскій арх. домъ до самой смерти Ѳеофана Прокоповича былъ неопредѣленнымъ. При громадныхъ его доходахъ, это объяснялось единственно положеніемъ самого Ѳеофана. Но какъ только послѣдній умеръ, Кабинетъ наложилъ свою руку на богатую епархію. 28-го октября 1736 года приказано было Коллегіи экономіи расписать доходы новгородской

мартѣ 1740 года была назначена общая ревизія. Членамъ Коллегіи Экономіи было поручено осмотрѣть архіерейскія и монастырскія вотчины до самыхъ мелкихъ подробностей хозяйства, собрать подробныя свѣдѣнія о экономическомъ состояніи церковныхъ земель [1]).

Въ 1740 же году было приступлено, наконецъ, къ составленію штата на основаніи собранныхъ ранѣе матеріаловъ. 8-го сентября объявленъ былъ Синоду именной указъ, которымъ въ С.-Петербургѣ возобновлялась контора Коллегіи Экономіи (Коллегія находилась въ Москвѣ; контора ея въ С.-Петербургѣ была закрыта въ сентябрѣ 1739 года, какъ ненужная; Коллегію же хотѣли перевести въ Петербургъ, но оставили въ Москвѣ по просьбѣ Мусина-Пушкина) [2]). Въ контору было приказано выслать изъ Москвы одного члена Коллегіи Экономіи, которому поручалось „собрать полученныя въ тое контору о монастыряхъ и о другихъ экономическихъ дѣлахъ вѣдомости, и которыя впредь присланы будутъ, ко онымъ первымъ присовокуплять, и изъ оныхъ вѣдомостей дѣлать формуляръ штата о всѣхъ приходахъ и расходахъ, сколько какихъ присылать въ Коллегію Экономіи, и сколько при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ на ихъ собственные расходы употреблять потребно; и перво начать о монастыряхъ новгородской епархіи— (ревизія Дурнова приготовила для этого матеріалы) [3])—и, окончивъ, для разсмотрѣнія подать въ Кабинетъ, съ приложеніемъ своего мнѣнія, а потомъ и о прочихъ сочинять; и

епархіи по образцу другихъ, назначивъ извѣстную сумму на содержаніе архіерейскаго дома, а остальные безъ указу не тратить. Деревни, принадлежавшія лично Прокоповичу, были отписаны ко дворцу (П. С. З. IX, 7085).

1) П. С. З. XI, 8029. По предложенію Мусина-Пушкина, который находилъ, что необходимо сдѣлать ревизію—въ ближайшихъ къ Москвѣ мѣстахъ чрезъ членовъ Коллегіи, а въ отдаленныхъ чрезъ губернаторовъ и воеводъ, ибо „безъ подлиннаго о томъ свидѣтельства на присланныхъ отъ тѣхъ монастырей вѣдомостяхъ утвердиться не можно“ (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 31/793, л. 507).

2) П. С. З. X, 7896, 7941, 7944.

3) Предварительное „опредѣленіе“ новгородскихъ монастырей состоялось въ Коллегіи Экономіи уже въ концѣ 1738 года, на основаніи ревизіи, при чемъ содержаніе было назначено „съ великимъ умаленіемъ“ противъ прежняго (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 14/1091, л. 355).

въ томъ свое наикрѣпчайшее радѣніе показать, дабы сіе полезное дѣло окончено быть могло какъ наискорѣе“ [1]).

Однако, „полезное дѣло“ не удалось совершить аннинскому правительству, какъ не удалось и петровскому. Императрица умерла въ октябрѣ 1740 года. При Аннѣ Іоанновнѣ мы почти не видимъ даже составленія отдѣльныхъ штатовъ. Былъ лишь составленъ штатъ—Троицкаго Александро-Невскаго монастыря—еще въ началѣ царствованія[2]),—да въ 1740 году предписано было составить „въ самомъ скоромъ времени“ штатъ монастыря Троицко-Сергіева и собраны были для этого матеріалы [3]). Въ 1740 же году утвержденъ штатъ новгородскаго архіерейскаго дома [4]) Не было составлено даже штата о монастыряхъ ружныхъ, хотя заботы о немъ наполняютъ вторую половину правленія Анны Іоанновны. Ружные монастыри, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго петровскаго указа, существовали еще прежде Петра. Съ теченіемъ времени число ихъ нѣсколько увеличивалось, потому что иногда правительство само отбирало у монастыря вотчины и назначало ему ругу. Такъ, въ 1731 году назначено было жалованье въ Ильинскій дѣвичій монастырь города Вязьмы взамѣнъ отобранной вотчины [5]), въ 1739 году московскому Николаевскому Греческому монастырю опредѣлено было жалованье также вмѣсто отобранной земли [6]). Изъ исторіи бѣлаго духовенства при Аннѣ видно, что правительство императрицы издавало указы за указами о сочиненіи штата ружниковъ Въ числѣ послѣднихъ подразумѣвались и ружные монастыри. Но дѣятельность правительства въ этой области—мы знаемъ—привела лишь къ отрицательнымъ результатамъ: жалованіе перестали выдавать, такъ какъ и Штатсъ-Контора и Коллегія Экономіи не считали это на своей обязанности до новаго

---

1) П. С. З. XI, 8232.

2) П. С. П. и Р. VII, 2569, 2636. Описаніе д. и д. Арх. Св. Спн. XII, 153/58.

3) А. С. С. Книга всеподд. докладовъ 1740 г., № 17.

4) П. С. З. Кн. штатовъ, № 8118.

5) П. С. З. VIII, 5889.

6) П. С. З. X. 7933.

штата [1]). Въ концѣ царствованія Анны монастырямъ приходилось говорить, что они „погибаютъ гладомъ“ за невыдачей содержанія [2]). Перестали выдавать (съ указа 30 января 1736 года) деньги также на строеніе и починку архіерейскихъ домовъ и монастырей. До сихъ поръ то и другое производилось изъ суммъ, оставшихся за опредѣленіемъ. По указу 1736 года эти суммы должны были пойти на дачу ружникамъ. Когда вскорѣ же пришлось встрѣтиться съ этимъ вопросомъ, и Сенатъ, по поводу просьбы архимандрита Данилова (Переяславля-Залѣскаго) монастыря, запросилъ у Кабинета, изъ какихъ доходовъ держать теперь деньги на строеніе и починку архіерейскихъ домовъ и монастырей; то кабинетъ-министры отвѣтили (13 мая 1736 года), что до сочиненія штата о ружникахъ этого рѣшить невозможно [3]). Иначе говоря, монастыри и архіерейскіе домы должны были оставаться безъ ремонта. Зданія и церкви монастырскія приходили въ ветхость, а сверху только торопили составленіемъ штата [4]), который составить, какъ мы видѣли, было почти немозможно на указанныхъ условіяхъ. О „немедленномъ“ его окончаніи писалось и въ послѣдній годъ правленія императрицы [5]) также безрезультатно, какъ пять лѣтъ раньше.

Все-таки 30-е годы XVIII столѣтія не прошли безплодно для разрѣшенія вопроса о штатѣ монастырей. Въ это время продолжалось дѣло петровскаго царствованія—собираніе матеріаловъ—и было много исполнено этой подготовительной работы Не успѣвъ выполнить предпринятую об-

---

1) Тутъ опять нужны были отдѣльныя просьбы, чтобы получить что-нибудь. Въ 1740 году игуменья Новгор. женск. мон. Таисія била челомъ государынѣ, чтобы выдали имъ жалованье на 39 и 40 г.г., котораго губернская канцелярія выдать „не смѣетъ“. На запросъ Штатсъ-Контора отвѣтила, что Коллегія Экономіи, изъ суммъ которой съ 1736 года положено давать жалованье ружникамъ, денегъ этихъ въ Штатсъ-Контору не платитъ, почему какъ новгородскимъ, такъ и другимъ ружникамъ денегъ давать не изъ чего и надлежитъ требовать съ Коллегіи. Сенатъ, приказалъ выдать просительницѣ изъ Коллегіи Экономіи (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 30/792, лл. 1604-1607).

2) П. С. З. XI, 8044.

3) Сборн. Рус. Истор. Общ., т. 114, стр. 203-204.

4) М. А. М Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 31/793, лл. 428-445.

5) П. С. З. XI, 8044.

ширную задачу, правительство Анны Іоанновны завѣщало ее послѣдующему времени. Составленіе штата было для государства такимъ насущнымъ вопросомъ, что даже въ короткое правленіе принцессы Анны Леопольдовны штатъ монастырскій и архіерейскій стоялъ на очереди. Вѣдѣніемъ Правительствующаго Сената 8-го сентября 1741 года Синоду напоминалось о скоромъ учиненіи по указу того же дня прошлаго года; и Синодъ (9-го сентября) распорядился послать подтвердительные указы о присылкѣ изъ монастырей необходимыхъ вѣдомостей, безъ которыхъ дѣло о штатѣ не могло двигаться впередъ [1]).

Окидывая общимъ взглядомъ всѣ мѣропріятія аннинскаго царствованія по отношенію къ монашеству, нельзя не замѣтить ихъ рѣзкой отличительной черты: всѣ онѣ почти носятъ отрицательный характеръ и отличаются недолговѣчностью. Монашество ограничиваютъ, подозрѣваютъ въ политической неблагонадежности и за это пытаютъ, наказываютъ, ссылаютъ, разстригаютъ; стараются стѣснить его имущественные права, строго контролируютъ его хозяйственное управленіе. Государственная власть усиленно покоряетъ „тунеядцевъ“ и всѣми способами привлекаетъ монастыри на службу государству. Мѣры правительства строги и рѣзки, не допускаютъ противорѣчія и никто не осмѣливается выступить съ таковымъ, а если выступаетъ, то слышитъ суровый окрикъ свыше. Но проходитъ не много времени, и строгости отмѣняются слѣдующимъ царствованіемъ, причемъ отмѣнѣ подвергаются главнѣйшія мѣры 30-хъ годовъ по монашескому и церковно имущественному вопросу (запретительные указы о постриженіи и полная секуляризація заопредѣленныхъ вотчинъ). Чѣмъ объяснить эту непрочность изданныхъ правительствомъ Анны распоряженій? Ея источникъ именно въ ихъ рѣзкости, неподготовленности, бюрократическомъ характерѣ. Правительство не считалось съ потребностями и условіями русской жизни, съ состояніемъ той среды, которую задѣвали его указы, ихъ практи-

1) А. С. С. Дѣло 1740 г, № 468.

ческимъ дѣйствіемъ и слѣдствіями послѣдовательнаго примѣненія (запретительные указы); не сообразило своихъ собственныхъ средствъ и не подготовило почву для успѣшнаго примѣненія своихъ узаконеній (секуляризація). Поэтому то работа аннинскаго царствованія не дала никакихъ прочныхъ, положительныхъ результатовъ; а ея отрицательное направленіе, рѣзкій и суровый характеръ правительственныхъ отношеній, наложили мрачный колоритъ на монашескую жизнь того времени.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Заботы правительства о духовномъ просвѣщеніи. Учрежденіе семинарій. Противорѣчія правительственной политики, невниманіе къ духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ школьнаго дѣла. Оцѣнка просвѣтительныхъ заботъ.

До сихъ поръ правительственныя отношенія къ церкви въ царствованіе императрицы Анны представляли намъ невеселую картину. За немногими исключеніями, политика правительства шла въ разрѣзъ церковнымъ интересамъ, принципы, положенные въ основу этой политики, возбуждали въ церковной сферѣ недовольство, затрудненія, были источникомъ пстинныхъ бѣдствій для церкви. Теперь мы приступаемъ къ области, гдѣ взору изслѣдователя предстоитъ картина иного рода: государственная власть идетъ на встрѣчу желаніямъ и потребностямъ церковнымъ, ратуетъ за начала, принимаемыя и одобряемыя самою церковью. Это область просвѣтительная.

Своими заботами о просвѣщеніи духовенства анненское правленіе стяжало себѣ почетное положеніе среди царствованій XVIII столѣтія. Правительство, руководимое иностранцами, выходцами и питомцами запада, и не могло поступать иначе. Просвѣщеніе было его излюбленнымъ дѣтищемъ (по крайней мѣрѣ на словахъ), въ немъ видѣла верховная власть лучшее средство для исцѣленія всѣхъ золъ общественныхъ и народныхъ, могучее орудіе для созиданія государственнаго благоустройства. Духовное сословіе должно было привлечь усиленное вниманіе просвѣтителей, потому что его невѣжественность вызывала у нихъ негодующіе упреки, а близкая связь духовенства съ народомъ указывала на образованіе пастырей церкви, какъ на ближайшій проводникъ просвѣтительныхъ идей въ народныя массы. Свои убѣжденія во всемогущей силѣ духовнаго образованія и духовнаго просвѣщенія народа и служителей алтаря, отъ которыхъ изливался свѣтъ на народъ, правительство открыто заявляло въ

своихъ указахъ; оно вѣрило даже до наивности слѣпо въ благотворное дѣйствіе ученаго священника на свою паству. „Мы всегда особливое тщаніе и стараніе имѣемъ въ томъ наипаче всего провозглашалъ императорскій указъ въ 1738 году,—чтобъ святыя церкви снабжены были учительными священниками, для лучшаго подтвержденія христіанскаго народа и благочестія, поученіями, проповѣдью Слова Божія изъ священнаго писанія, ибо простый подлый народъ, не имѣя въ сердцахъ страха Божія и надлежащаго наставленія къ добрымъ дѣламъ, и тако отъ невѣжества и грубіанства преклоняются во всякое зло, а именно: впадаютъ въ лѣность, пьянство, въ татьбы, разбои, въ смертныя убійства и прочая богомерзостныя дѣла тѣмъ подобныя, и чинятъ прочимъ людямъ разоренія и отъ того многіе страждутъ и тѣломъ и духомъ пропадаютъ“. Ученію посвящается цѣлый параграфъ въ правительственномъ указѣ. Желая дать идейное обоснованіе своимъ просвѣтительнымъ стремленіямъ, верховная власть распространяется о государственномъ значеніи образованія духовенства, въ виду народно-общественной миссіи послѣдняго. „Ученіе есть дѣло весьма въ государствѣ полезное и нужное, во-первыхъ къ просвѣщенію разума человѣческаго, а наипаче къ совершенному познанію и истинному почитанію всемогущаго Творца и Создателя всѣхъ Бога и ко утвержденію православнаго исповѣданія нашего христіанскаго закона, къ наставленію исполненія божественныхъ заповѣдей и правильнаго христіанскаго житія и спасенія; единымъ словомъ сказать: ученіе есть сѣмя премудрости и благодати Божіей, всѣваемое Духомъ Святымъ въ сердца человѣческая, отъ Него же всѣ добродѣтели рождаются и процвѣтаютъ; чего ради необходимо потребно, чтобъ въ государствѣ священническій чинъ божественнымъ ученіемъ просвѣщенъ былъ, ради проповѣди Слова Божія, ко искорененію богопепавистныхъ страстей, нечестія и всякаго злодѣянія“. Не забывало правительство и задачъ миссіонерскихъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Обширное русское государство вмѣщало въ себѣ не мало племенъ, не просвѣщенныхъ еще свѣтомъ христіанства. Тутъ открывалось широкое поле для апостольской дѣятельности церкви; а государству миссія представлялась дѣломъ полезнымъ въ чисто государственномъ отношеніи, какъ средство къ ассимиляціи чужихъ

племенъ съ коренною русской народностью. Поэтому, обосновывая свои заботы о духовномъ просвѣщеніи, правительство не упускало прибавить, что этого требуетъ между прочимъ нужда „обращенія и крещенія невѣрныхъ, обрѣтающихся внутрь государства нашего, то есть Мордвы, Чуваши, Черемисъ и прочихъ тѣмъ подобныхъ народовъ, которыхъ легко можно привесть ученіемъ святымъ въ вѣру Христову, если-бъ учительные священники были, и архіереи бъ въ епархіяхъ своихъ къ тому тщаніе и прилежность, по своему званію, имѣли“ [1]).

Эти принципіальные взгляды устремляли правительственныя заботы на образованіе учительныхъ священниковъ, заставляли повышать требованія, предъявляемыя къ духовнымъ руководителямъ народа. Правительственный идеалъ служителя церкви отчасти уже намъ знакомъ изъ исторіи бѣлаго духовенства. Цѣлью просвѣтительныхъ заботъ было подготовить такихъ именно служителей алтаря, которые отвѣчали бы нуждамъ народа и государства. Учительность стала считаться необходимымъ качествомъ духовнаго лица еще въ петровское время. Тогда же были приняты мѣры къ практическому удовлетворенію ясно сознанной потребности. Духовный Регламентъ, опредѣляющій основы преобразованнаго строя русской церковной жизни, проэктировалъ открыть цѣлую серію учебно-образовательныхъ заведеній для дѣтей духовенства и сдѣлать обученіе въ нихъ conditium sine qua non полученія священнаго сана. „Вельми ко исправленію церкви полезно есть, говорилось въ Регламентѣ,—чтобъ всякъ епископъ имѣлъ въ домѣ своемъ или при домѣ школу для дѣтей священническихъ или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ. . Таковыхъ единыхъ, въ школѣ архіерейской наставленныхъ учениковъ, когда уже за помощью Божьею довольное число ихъ покажется, производить на священство, или, аще кто отъ нихъ монашескій чинъ изберетъ, то въ архимандриты или игумены. А если епископъ неученаго въ оной школѣ человѣка поставитъ въ священники, или въ монашескій степень, минувъ ученаго, безъ вины правильной, то подлежитъ наказанію, яковое опредѣлено будетъ въ

---

1) П. С. З. X, 7660; Книга штатовъ, № 8118. Ук. 24 мая 1740 г.

Духовномъ Коллегіумѣ“ [1]). Дѣтямъ духовенства ученіе въ школахъ было вмѣнено въ обязанность; неученымъ открывался одинъ выходъ—солдатчина [2]). На содержаніе архіерейскихъ школъ, учреждаемыхъ Регламентомъ, велѣно было собирать хлѣбную дань съ епархіи 20-ю часть хлѣбныхъ доходовъ съ монастырскихъ земель и 30-ю съ земель церковныхъ (приходскихъ церквей) [3]). Такимъ образомъ петровское царствованіе дало опредѣленную организацію духовно-учебному дѣлу и намѣтило главныя задачи въ этой области. Были выдвинуты основные принципы, которые должны были лечь въ основу будущей государственной просвѣтительной дѣятельности: обязательность школьнаго обученія для дѣтей духовенства, если они хотятъ только остаться въ своемъ сословіи, обязательность опредѣленнаго образовательнаго ценза для служителей церкви. А отсюда уже вытекали практическія задачи: открытіе во всѣхъ епархіяхъ школъ опредѣленнаго типа, обезпеченіе ихъ духовными и матеріальными средствами, привлеченіе въ нихъ дѣтей священно и церковно-служителей

Что касается самаго типа духовной школы, то въ Регламентѣ ихъ рисовалось два. Составителю предносился, какъ идеалъ духовно-учебнаго заведенія, типъ школы съ среднеобразовательнымъ по нашему и высшимъ по тому времени курсомъ, который онъ и изображаетъ въ отдѣлѣ о „домахъ училищныхъ“. Это—Академія съ восмью классами, съ предметами географіи, исторіи, ариѳметики съ геометріей, логики или діалектики, реторики, физики съ краткой метафизикой, политики, богословія; съ установившимся начальническимъ институтомъ въ видѣ ректора, префекта; съ необходимой принадлежностью учепаго дѣла библіотекой. При Академіи проэктируется „Семинаріумъ“ общежительное учрежденіе для учениковъ, учащихся въ Академіи. Регламентъ какъ то очень неопредѣленно разграничиваетъ Академію и Семинарію. Но всему видно, что это должны были быть двѣ части одного учебнаго заведенія, при чемъ учебная задача

---

1) Регламентъ, глава „О епископахъ“, п. 9 и 10.

2) П. С. З. № 2186. Ук. 1708 г., янв. 15. По ук. 1723 г. (П. С. П. и Р. Ш, 1098) повелѣвалось обучать въ школахъ священно-церковнослуж. дѣтей даже и неволею.

3) Реглам., гл. о еписк. п. 11. Учителей содержать на счетъ архіерейской казны, равнымъ образомъ и учебныя пособія.

возлагалась на Академію, а воспитательная на Семинарію. Впрочемъ, составитель предполагалъ возможность существованія семинаріи и отдѣльно отъ Академіи, такъ, что „школы“ будутъ въ самой семинаріи [1]). Послѣдній типъ, гдѣ учебная и воспитательная задачи лежатъ на одномъ учрежденіи, и есть выработавшійся впослѣдствіи типъ семинарскій. Но для Регламента это была не норма епархіальныхъ училищъ, а лишь идеальный образъ. Общеобязательный типъ епархіальной школы неизмѣримо далеко отстоялъ отъ этого идеала. Глава „о епископахъ“ сводила образовательныя требованія отъ архіерейскихъ училищъ до возможнаго minimum'а. Въ ней составитель писалъ: „а въ школѣ той былъ бы учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что хотя нужное, обаче еще не довольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть. И если можно, и пользуетъ читать двѣ книжицы: одну о догматѣхъ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ, когда таковыя изданы будутъ“ [2]). Въ 1722 году Синодальный указъ „за скудостью довольныхъ учителей“ программу епархіальныхъ школъ ограничивалъ изученіемъ „перваго ученія отрокомъ“ Прокоповича, и славянской грамматики, изданной въ Москвѣ Поликарповымъ [3]).

Петровское царствованіе и не могло требовать чего либо большаго. Оно не въ состояніи было осуществить свой идеальный проэктъ и поставить его нормою уже по одному тому, что не было духовныхъ средствъ для этого. Больное мѣсто тогдашняго образованія было въ недостаткѣ учителей. Самъ Регламентъ на вопросъ, гдѣ взять ихъ для проэктируемой идеальной школы, отвѣчалъ довольно оригинально, что одинъ учитель можетъ обучать нѣсколькимъ предметамъ сразу; наприм., съ грамматикой изучать исторію и географію [4]); что на первыхъ порахъ достаточно одного учителя, а на другой годъ можно найти другаго [5]). За недостаткомъ ученыхъ предположено было въ кандидатахъ искать хотя

1) II. 22. „О домахъ училищныхъ“.
2) II. 9.
3) II. C. 3. VI, 4021. II. C. II. и P. II, 648.
4) II. 9, „О домахъ училищныхъ“.
5) II. 1—2, «О домахъ училищныхъ».

простого здраваго смысла, природнаго ума, и заставлять ихъ самихъ учиться „отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ“ [1]). Находящіеся на лицо учителя въ епархіяхъ сами большею частью обладали лишь искусствомъ читать и писать, а потому могли быть лишь руководителями элементарныхъ училищъ, да и то плохими.

Неудивительно послѣ этого, что царствованіе Петра Великаго не особенно блестящее наслѣдство въ области духовнаго просвѣщенія оставило своимъ преемникамъ II духовная и матеріальная (правительство возлагало образовательное дѣло всецѣло на средства духовнаго вѣдомства [2]) скудость не давали расцвѣсти насаждаемому дереву просвѣщенія. Въ какомъ состояніи находилось просвѣтительное дѣло къ концу 20-хъ годовъ XVIII вѣка, документально обрисовываетъ отчетъ Синода, поданный въ отвѣтъ на запросъ Верховнаго Т. Совѣта 14-го іюня 1727 года [3]). Школы съ курсомъ семинаріи существовали лишь въ Кіевѣ, Москвѣ, Харьковѣ; въ Черниговѣ (черниговскій Коллегіумъ съ 1700 года) курсъ доходилъ до реторики [4]). Въ Новгородѣ въ греко-славянской школѣ при архіерейскомъ домѣ преподавали греческую и славянскую грамматику, піитику, риторику; въ С.-Петербургѣ при Александро Невскомъ монастырѣ въ школѣ изучали латинскій и греческій языки, ариѳметику, геометрію; да въ Казанскомъ училищѣ существовалъ какой то смѣшанный курсъ, безъ правильныхъ семинарскихъ классовъ, но съ латинскимъ языкомъ. Изъ нихъ прочно поставлены были только 5 первыхъ школъ. Школа въ Петербургѣ основана всего съ 1721 года и имѣла въ 27 году 48 учениковъ; а казанская (въ Ѳедоровскомъ мон.) была собрана лишь въ 26 году Сильвестромъ, который опредѣлилъ въ нее 70 церковно-

---

1) П. 1 и 4 „О домахъ училищныхъ“.

2) Въ концѣ 1724 г. Синодъ постановилъ предложить Сенату опредѣлить извѣстную денежную сумму на каждую архіерейскую школу Мѣра—безусловно необходимая и единственно обезпечивавшая устойчивость духовно-учебн. дѣлу. Но никакого ассигнованія не послѣдовало (II С. П. и Р. IV, 1434).

3) См. у Пекарскаго, „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, т. I, СПБ. 1862 г., стр. 109—121 II. С. II. и Р. VI. 2004. О. А. С С. VII, № 223/12.

4) Полный семинарскій курсъ—классы: фара, инфима, грамматика, синтаксима, поэтика, реторика, философія, богословіе.

причетническихъ дѣтей и 10 новокрещеновъ Къ этой же группѣ училищъ нужно отнести „еллино-греческую“ школу въ Нижнемъ-Новгородѣ (съ 1721 г.), гдѣ ученіе доходило до пиитики. Въ остальныхъ епархіальныхъ училищахъ программа осуществляла минимальныя требованія: въ Ростовѣ обучали только „славянской наукѣ и пѣнію“ (2 школы); въ Тверп (съ окт. 17 2 г.)—грамматикѣ и букварю (въ школѣ всего 20 учениковъ); въ Коломнѣ—букварю и латинскимъ элементарямъ; въ Переяславлѣ Рязанскомъ букварямъ, „наукѣ элементарной латинской“, славянской грамматикѣ, часослову и псалтири; въ Смоленскѣ (въ 28 г. 19 учениковъ), Вяткѣ (35 учен.), Псковѣ (58 учен.), Архангельскѣ (въ Холмогорахъ), Томскѣ, Иркутскѣ и въ славяно-россійской нижегородской школѣ – обычное элементарное ученіе (чтеніе, письмо, буквари, часословъ, псалтирь). Учителей, кромѣ лучшихъ школъ, вездѣ было мало (1). Въ Воронежѣ за недостаткомъ учителей и школа не открывалась; въ Устюгѣ она была въ 1725 году, но закрылась за непмѣніемъ учителя. Изъ Рязани и Вятки доносили, что для ученія высшаго, чѣмъ элементарное, тамъ не имѣется учащихъ. Почти отовсюду жаловались на недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школы „за скудостью“ совсѣмъ не открывались (крутицк., переяславск., астраханск.); въ другихъ онѣ закрывались по той же причинѣ (ростовск., суздальск., — открыта въ 23 г., закрыта 26 г., — вологодская откр. въ 24 г., закрыта въ 25 г.).

Картина эта ясно показываетъ, какъ непрочно и неустойчиво было положеніе духовно-учебнаго дѣла ко времени 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Большинство епархіальныхъ училищъ еле влачили свое существованіе. О надлежащей постановкѣ обученія не могло быть и рѣчи [1]). Въ такомъ видѣ и застало духовную школу аннинское царство-

1) Нельзя не отмѣтить въ высшей степени странное, при указанныхъ условіяхъ, распоряженіе Верх Совѣта 9 ноября 1726 г. объ отдачѣ въ вѣдомство Синода также и школъ гражданскихъ Этой мѣрою правительство хотѣло возложить на духовное вѣдомство всѣ расходы на народное образованіе. Синодъ выразилъ естественное недоумѣніе, на какія средства содержать передаваемыя школы, когда и свои едва существуютъ? П. С. П. и Р. V, 1858. 1887. Но Верх. Совѣтъ отвѣта не далъ, а въ Синодъ уже начали обращаться учителя свѣтскихъ школъ съ своими нуждами (П. С. П. и Р. VI, 2083).

ваніе, послѣдовавшее завѣты и задачи Великаго государя. Провозгласивъ себя продолжительницею дѣла Петрова, императрица съ своими министрами тѣмъ самымъ принимала на себя обязательство слѣдовать петровскимъ идеямъ и въ дѣлѣ духовнаго образованія. Взглядъ на важность послѣдняго у правительства Анны Іоанновны выработанъ былъ твердо и обоснованъ принципіально съ точки зрѣнія государственной, какъ видно было изъ приведеннаго указа 1738 года. Петровскіе принципы обнимались этимъ взглядомъ всецѣло. Учительныхъ священниковъ нельзя было получить иначе, какъ предъявивъ категорическое требованіе извѣстнаго образовательнаго ценза къ кандидатамъ на церковныя должности, обязавъ ихъ школьному обученію. Задача была теперь въ практическомъ осуществленіи принципіально сознанныхъ началъ, въ прочной организаціи духовно-учебнаго дѣла и поднятіи его уровня. На это и была направлена дѣятельность государственной власти въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка.

При самомъ вступленіи на престолъ императрицы, императорскій манифестъ Синоду напоминалъ о регламентскихъ указаніяхъ по духовно-образовательному вопросу. „Училища учредить по Регламенту Духовному говорилось въ манифестѣ и всѣми потребными удовольствовать и смотрѣть, чтобъ въ училищахъ доброе смотрѣніе и порядокъ былъ“ [1]). Здѣсь не слышится еще никакихъ новыхъ замысловъ. Духовная школа утверждается въ своемъ прежнемъ петровскомъ типѣ школъ архіерейскихъ. Въ такомъ направленіи и идетъ духовно-образовательное дѣло до 1737 года. Правительство имъ, очевидно, интересовалось и хотѣло выяснить, какіе плоды доселѣ принесло духовное просвѣщеніе, какіе результаты дала школьная дѣятельность. Государыня, въ началѣ царствованія сама занимавшаяся дѣлами, выразила Ѳеофану желаніе имѣть свѣдѣніе объ учившихся въ школахъ московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, и таковыя свѣдѣнія Синодъ поспѣшилъ собрать [2]). Но все-таки въ этотъ періодъ времени (до 1737 года) собственно законодательная дѣятельность правительства на поприщѣ

1) П. С. З. VIII, 5518.
2) О. А. С. С. X, № 445/5.

просвѣтительномъ себя еще не проявляла. Это было время, такъ сказать, переходное: духовно-учебное дѣло начинаетъ подниматься подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній; но дѣйствуетъ одна духовная власть. Получивъ въ манифестѣ 17-го марта программу, намѣченную новымъ правительствомъ, Синодъ понялъ требованія новаго правленія и самъ началъ проявлять усиленный интересъ къ духовному просвѣщенію. Первою заботою его было наполнить школы и для этого настаивать на обязательности обученія для дѣтей духовенства. Настойчивость требовалась самыми условіями школьной жизни. Питомцы духовной школы принадлежали обычно къ духовному сословію, школа имѣла сословный характеръ съ самаго своего возникновенія. Въ русскомъ духовенствѣ обычай наслѣдственности укоренился настолько прочно, что когда законодательство предъявило просвѣтительные запросы къ нему, то оно не имѣло въ виду ничего другаго, какъ заставить учиться именно дѣтей духовенства, принимая ихъ за естественныхъ кандидатовъ на церковныя должности. Духовная школа не была учрежденіемъ, приготовляющимъ пастырей церкви изъ лицъ разнаго состоянія: доступъ въ нее посословнымъ былъ почти закрытъ. Отсюда неминуемо вытекало, что плодотворность дѣятельности духовно-учебныхъ заведеній зависѣла отъ наличности достаточнаго контингента учащихся дѣтей духовныхъ лицъ. Съ другой стороны, религіозное просвѣщеніе страны зависѣло отъ скорѣйшаго поднятія образовательнаго уровня пастырей церкви. Стало быть, и для церкви и для государства, желающихъ имѣть просвѣщенныхъ руководителей народа, было необходимо наблюдать, чтобы работа учебныхъ заведеній была какъ можно богаче результатами и чтобы школы не пустовали, а наполнялись всегда достаточнымъ количествомъ учениковъ. Между тѣмъ духовенство не смотрѣло на школу, какъ на желательное явленіе. На школьное обученіе въ духовной средѣ установился взглядъ, какъ на принудительную повинность. Когда образованіе сдѣлалось необходимымъ условіемъ для полученія священнаго сана, то духовенство предпочитало отдавать своихъ дѣтей въ коллегіи и канцеляріи, чѣмъ въ школы. Законодательство еще при Петрѣ Великомъ обратило вниманіе на подобное нежелательное явленіе и, обязывая дѣтей духовенства обучаться въ духов-

ныхъ училищахъ не однократными указами (11-го ноября 1710 г., 31-го мая 1722 г., 1-го сентября 1723 г.) [1]) запретило принимать нежелающихъ учиться никуда, кромѣ военной службы. Но запрещеніе, повидимому, соблюдалось плохо. Бѣгство отъ „учебы“ къ 1730 году такъ развилось, что изъ Москвы, напримѣръ, ректоръ Московской Академіи Германъ Концевичъ писалъ Синоду въ сентябрѣ 1730 года, что священно и церковнослужители дѣтей своихъ въ Академію не отдаютъ, инословныхъ туда принимать запрещено по указу 1728 года; а потому „число учениковъ во всей Академіи зѣло умалилося и ученія распространеніе пресѣкается“. Зная торжественно заявленную просвѣтительную ревность правительства, ректоръ выражалъ опасеніе, какъ бы за недостаткомъ учащихся ученіе совсѣмъ не прекратилось и не обвинили бы за это начальство Академіи. Въ іюлѣ 1731 года новый ректоръ Академіи Софроніи Мигалевичъ снова жаловался, что Академія „оскудѣла“, такъ какъ духовенство отдаетъ своихъ дѣтей вмѣсто Академіи въ разныя коллегіи и канцеляріи [2]). Синодъ на это донощеніе запретилъ (18-го ноября 1731 года) московскому духовенству отдавать дѣтей по коллегіямъ, канцеляріямъ и въ другіе чины, а приказалъ отдавать въ школу „безъ всякаго отлагательства“, подъ угрозой за непослушаніе лишенія чиновъ и безпощаднаго наказанія. Указъ распространялся и на другія епархіи. Отъ Сената Синодъ потребовалъ, чтобы онъ съ своей стороны запретилъ пріемъ дѣтей духовенства въ Коллегіи и Канцеляріи [3]), что и было исполнено. Однако, въ 1732 году изъ епархій въ Синодъ были получены новыя донощенія, изображающія картину успѣшнаго бѣгства отъ науки. Архіереи писали, что священно и церковно-служители дѣтей своихъ „въ школы не отдаютъ и, проча ихъ въ приказные и другіе чины, укрываютъ дальними отъѣзками и прочими тому подобными образами, отъ чего школьныхъ учениковъ весьма умаляется“. Синодъ постановилъ послать указы въ епархіи, чтобы архіереи ревностно старались собирать дѣтей къ школьному ученію; а у Сената опять по-

---

1) П. С. З. IV, 2308; VI 4022; VII, 4291.
2) О. А. С. С. X, № 378/15.
3) II. С. З. VIII, 5882. II. С. П. и Р. VII, 2488.

требовалъ, чтобы провинціальнымъ губернаторамъ и воеводамъ было приказано не принимать дѣтей духовенства ни въ какіе чины, кромѣ солдатства, и отсылать ихъ къ епархіальнымъ архіереямъ для опредѣленія въ училища [1]).

Такъ, побуждаемый просвѣтительною ревностью правительства, Синодъ усиленно настаивалъ на обязательности школьнаго обученія для духовнаго сословія. Въ епархіяхъ также началась усиленная просвѣтительная дѣятельность. Въ отвѣтъ на послѣдній указъ Синода стали присылать донесенія (изъ воронежской, тверской, новгородской, черниговской, иркутской еп.), что школы учреждены и дѣти духовенства спѣшно собираются особыми посланными въ архіерейскіе домы [2]). Но само правительство молчало до 1737 года, когда вдругъ началась спѣшная и напряженная законодательная дѣятельность въ области духовнаго образованія, при чемъ сама духовная школа получила новое устройство, организовалась по иному типу, чѣмъ петровская.

Хронологическая связь даетъ возможность подозрѣвать, что просвѣтительная горячка отчасти возникла вслѣдствіи одного обстоятельства. Въ 1735 году въ Казани закрылась архіерейская школа, которая въ 1732-1735 годахъ быстро шла впередъ, благодаря ученому архіерею Иларіону Рогалевскому. Онъ преобразовалъ прежде существовавшее при домѣ архіерейскомъ училище въ семинарію учебное заведеніе высшаго типа; по высочайшему рескрипту начата была постройка особаго каменнаго школьнаго зданія. И вдругъ, послѣ перевода Иларіона въ другую епархію, новый епископъ Гавріилъ, человѣкъ древне-русской настроенности, распустилъ учениковъ; постройка остановилась; все дѣло Иларіона грозило погибнуть [3]). Слухъ объ этомъ дошелъ до правительства, и высочайшимъ указомъ 4-го января 1737 года велѣно было казанскому губернатору Голицыну вмѣстѣ съ бывшимъ наставникомъ школы архимандритомъ

1) П. С. З. VIII, 6267. П. С. П. и Р. VII, 2627.

2) О. А. С. С. X, № 378/15. Собственно во всѣхъ указанныхъ тутъ епархіяхъ школы были и раньше, кромѣ Воронежа Въ послѣднемъ школа около этого времени открылась, стало быть, вновь. Въ остальныхъ мѣстахъ стали заботиться о умноженіи числа учащихся.

3) Знаменскій. „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.“, стр. 159-161.

Германомъ Барутовичемъ разслѣдовать дѣло о распущеніи, вновь собрать всѣхъ школьниковъ, подать вѣдомость о ученикахъ и училищныхъ доходахъ (школа была закрыта якобы за неимѣніемъ средствъ) [1]). Можно думать, что событіе въ Казани возбудило у правительства и духовной власти усиленное вниманіе къ школьному дѣлу. Правительство должно было увидѣть, какъ непрочно еще стоитъ лелѣемое имъ духовное просвѣщеніе, какъ много зависитъ успѣхъ его отъ личностей и какъ, стало быть, нуждается оно въ болѣе твердой регламентаціи. Въ февралѣ 1737 года Сенатъ потребовалъ отъ Синода извѣстія: „по силѣ духовнаго Регламента, въ которыхъ епархіяхъ имѣются школы, и въ оныхъ какимъ именно наукамъ обучаются, такожъ не имѣется ли какихъ другихъ въ вѣдомствѣ Св. Прав. Синода школъ, и буде имѣются, въ которыхъ именно мѣстахъ“ [2]). Видимо, въ высшихъ сферахъ рѣшили заняться духовно-учебнымъ дѣломъ, взять его подъ свое наблюденіе. Скоро правительство высказалось опредѣленно о своихъ желаніяхъ и просвѣтительныхъ намѣреніяхъ, высказалось при этомъ въ смыслѣ разширенія школьнаго курса. Въ указѣ 7-го сентября 1737 года намѣчалась новая школьная организація, такъ что указъ этотъ долженъ былъ составить эпоху въ дѣлѣ духовнаго образованія. Начертывалась такая программа. Дѣтей духовенства правительство находило нужнымъ обучать для опредѣленія къ церквамъ не только русской грамотѣ, а и „грамматикѣ, риторикѣ и другихъ вышнихъ наукъ“. А для этого „во всѣхъ епархіяхъ и въ другихъ пристойныхъ городахъ школы учредить и искусныхъ учителей, и на содержаніе тѣхъ школъ и на пропитаніе школьниковъ изъ архіерейскихъ и монастырскихъ и церковныхъ доходовъ, которые по сіе время на архіереевъ и въ монастыри собирались, сумму опредѣлить, въ чемъ особливо Синоду стараніе и

---

1) А. С. С. Книга всеподд. доклад. 1737 г., № 3. М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 23/1100, л. 103 и слѣд. Дѣло о распущеніи Каз. семинаріи. А. С. С. Дѣло 1735 г. № 336. А. Благовѣщенскій, Исторія Казанской духовной семинаріи за XVIII—XIX ст., Казань, 1883 г.; стр. 25—36.

2) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 304. А Синодъ еще ранѣе, 27 января 1737 г. постановилъ требовать изъ всѣхъ епархій присылки ежегодныхъ вѣдомостей о школахъ и ученикахъ въ нихъ (А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. I, л. 2-3).

трудъ приложить, и сіе весьма полезнѣйшее дѣло толь наскорѣе въ дѣйство произвесть, чтобъ отъ сего времени неученые люди въ церковные чины опредѣляемы не были“ [1]).

Правительство дѣлало сразу значительный шагъ впередъ. Указъ проэктировалъ поднять духовенство цѣлою ступенью выше по сравненію съ петровскими замыслами. Духовно-учебныя заведенія, учреждаемыя по указу 7-го сентября, были совсѣмъ не то, что прежнія архіерейскія школы, почему и говорится о нихъ, какъ о явленіи новомъ. Архіерейскія школы, узаконяемыя Регламентомъ, были низшими учебными заведеніями. Высшій образовательный типъ предносился издателямъ Регламента только какъ идеалъ, а отнюдь не какъ общеобязательная норма. Анишнское правительство рѣшило сразу обратить въ норму идеальное предначертаніе. Новыя школы должны были быть регламентскими семинаріями, съ 8 лѣтнимъ курсомъ, съ раздѣленіемъ на классы. Въ нихъ были введены, какъ необходимая принадлежность, классическіе языки, о которыхъ хотя не упоминаетъ указъ 7-го сентября но которые были отличительною чертою средняго образованія, проэктируемаго послѣднимъ распоряженіемъ. Въ указѣ о учрежденіи троицкой семинаріи (1738 г.) семинарскій курсъ опредѣлялся въ его полномъ видѣ такимъ образомъ: языки латинскій, греческій и если можно еврейскій, классы грамматики, реторики, философіи и богословія[2]). Сентябрьскимъ указомъ правительство хотѣло, такимъ образомъ, требуемый отъ кандидатовъ священства образовательный цензъ повысить до уровня средней школы-семинаріи. Съ чисто бюрократическою самонадѣянностью и твердой вѣрой съ созидательную силу законодательства, оно предпринимало съ легкимъ сердцемъ общее переустроійство духовно-учебнаго дѣла, не спрашивая ни о духовныхъ, ни о матеріальныхъ средствахъ, какими располагало духовное вѣдомство...

Указавъ нормальный типъ духовно-учебнаго заведенія и узаконивъ его немедленное осуществленіе, государствен-

---

1) П. С. З. X, 7364.

2) П. С. З. X, 7760. Низшіе классы тутъ не упоминаются, но сами собой подразумѣваются, такъ какъ вѣдь нельзя созидать зданіе безъ фундамента.

пая власть рѣшила также взять въ свои руки высшій надзоръ за учебнымъ дѣломъ. Вскорѣ послѣ вышеприведеннаго указа, послѣдовало распоряженіе собрать въ Синодъ вѣдомости, начавъ съ 730 года, сколько въ которомъ году гдѣ въ школахъ было учениковъ, чему они обучались, куда опредѣлены по окончаніи наукъ, „и впредь собирать и ея императорскому величеству рапортовать погодно, сколько выучилось и куда опредѣлены, и сколько осталось въ школахъ, и какихъ наукъ они выучились и еще обучаются“ [1]). Учреждалась отчетность предъ императорскимъ правительствомъ, подчиняющая духовную школу его надзору. Школьное дѣло пріобрѣтало характеръ государственный. Это должно было поднять его значеніе, а въ епархіальныхъ начальствахъ и высшей церковной власти усилить просвѣтительную ревность еще болѣе прежняго.

Законодатели между тѣмъ все больше увлекались своей образовательной программой. Издавъ указы, регламентирующіе новую систему духовно-учебныхъ заведеній, они были увѣрены (по незнанію дѣйствительной жизни), что исполнить ихъ заманчивые прекрасные проэкты не трудно; имъ представлялось, что Россія быстро покроется сѣтью семинарій и учительные священники по городамъ и весямъ скоро станутъ отвращать народъ отъ всякаго зла, поселяя въ немъ сѣмена ученія—источникъ всѣхъ добродѣтелей; что явятся сразу и матеріальныя средства и должное благоустройство школьнаго дѣла. Поэтому слышится большое удивленіе и неудовольствіе въ Кабинетномъ сообщеніи въ Синодъ 8-го іюня 1738 года. Кабинету стало извѣстно, что въ новгородской школѣ находится около 500 человѣкъ учениковъ, и въ будущемъ предвидится еще больше, а между тѣмъ ни учителей настоящихъ, ни лекаря для леченія больныхъ не опредѣлено, ни штата порядочнаго о содержаніи школы и учениковъ не учинено. Если, заключалъ Кабинетъ, въ ближайшемъ отъ императорской резиденціи мѣстѣ „не сдѣлано добраго порядка о содержаніи школъ, то удивительно, что въ прочихъ епархіяхъ также школы въ такихъ же безпорядкахъ находятся“. Догадка была болѣе, чѣмъ вѣроятна. Тотчасъ же Синоду дали указъ: сочинить штатъ для семи-

[1]) П. С. З. X, 7385. 25 сент. 1737 г.

нарій. Устроїство послѣднихъ проэктировалось на довольно широкую ногу. „Понеже,—говорилъ Кабинетъ, учрежденіе и содержаніе всѣхъ такихъ для духовнаго ученія школъ до Св. Прав. Синода принадлежитъ, и оный вящее старапіе и попеченіе имѣть о томъ долженъ, того ради ея императорское величество указала Св. Прав. Синоду сообщить, дабы о семъ, яко самомъ нужнѣйшемъ дѣлѣ, имѣли разсужденіе не объ одной новгородской, но и о прочихъ всѣхъ школахъ: 1) какое число гдѣ школьниковъ содержать по числу имѣющихся въ той епархіи церквей, 2) чему ихъ обучать и сколько и какихъ наукъ учителей содержать и откуда ихъ опредѣлить, 3) какія для ученія ихъ книги и инструменты имѣть и откуда ихъ получать, 4) какое жалованье учителямъ и ученикамъ пропитаніе въ годъ положить и какой пищей имъ довольствоваться и откуда оную получать, и сколько гдѣ лекарей для пользованія больныхъ съ ихъ медикаментами и на какомъ жалованіи содержать. И о всемъ томъ основательный штатъ учинить, примѣняясь къ апробованному штату о гарнизонныхъ для солдатскихъ дѣтей школахъ, и дабы сіе толь нужнѣйшее дѣло какъ наискорѣе начато и въ дѣйствіе произведено быть могло, для того подлежитъ, оставивъ другія не весьма важныя дѣла, о семъ трудиться и окончить и для всемилостивѣйшей ея имп. величества апробаціи въ Кабинетъ подать“ [1]).

Правительство признавало новую организацію духовныхъ школъ насущной задачей времени, стремилось скорѣе дать имъ устойчивое существованіе. Штатное опредѣленіе должно было служить этой цѣли. Но нельзя было разсчитывать на желаемую скорость. Судьба всѣхъ штатныхъ опредѣленій, прошлыхъ и настоящихъ, была тому порукой. Синодъ въ сентябрѣ того же года, убѣдившись въ невозможности скоро окончить штаты, докладывалъ Кабинету, что имъ посланы указы о присылкѣ изъ епархій нужныхъ вѣдомостей, а больше онъ сдѣлать пока ничего не можетъ, потому что штата составить нельзя, „не собравъ къ тому надлежащихъ вѣдомостей и не имѣя извѣстія, какая по тѣмъ вѣдомостямъ на содержаніе опыхъ школъ сумма въ синодаль-

[1]) А. С. С. Книга высоч. указовъ 1738 г., іюня 8, № 30.

ной командѣ можетъ сыскаться; а тѣхъ вѣдомостей, какъ чаятельно, вскорѣ въ присылкѣ быть, хотя о томъ Св. Синода и ревностное тщаніе напредь сего было и нынѣ есть, ненадежно". Синодъ лишь прибавилъ въ утѣшеніе, что, сколько возможно, „надлежащее о сочиненіи того о школахъ штата исполненіе чинить будетъ" [1]).

Болѣе ничего нельзя было обѣщать при существующихъ условіяхъ. Введеніе семинарскаго образованія во всѣхъ епархіяхъ могло совершиться лишь постепенно. Тѣмъ не менѣе правительство не отказывалось отъ намѣченной имъ задачи и продолжало настаивать на учрежденіи всюду среднихъ духовныхъ школъ. Въ 1739 году, правда, пришлось сдѣлать уступку и помириться съ болѣе низкимъ образовательнымъ цензомъ. Къ этому времени, какъ извѣстно, стали выясняться опустошительные результаты разборовъ, „неожиданно" дошло до слуха верховной власти, что многія церкви пустуютъ безъ причта. Тогда послѣдовалъ указъ 8-го января 1739 года о удовольствованіи церквей, и для удовлетворенія насущной потребности, въ видахъ приготовленія кандидатовъ на священство, былъ учрежденъ особый просвѣтительный институтъ обученія ставленниковъ [2]). Къ послѣднимъ предъявлялись требованія, уже весьма далекія отъ семинарской программы. Однако, мысль о повсемѣстномъ введеніи семинарскаго обученія и семинарскомъ образовательномъ цензѣ для духовенства ни мало не поколебалась: уступка дѣлалась только на время. Молодыхъ людей, оставшихся въ средѣ духовнаго сословія послѣ удовольствованія церквей, велѣно было опредѣлить въ школы по прежнему „и обучать высшимъ наукамъ., дабы впредь къ церквамъ въ священники опредѣлены были изъ школъ ученые люди". Рядомъ съ намѣченнымъ, довольно элементарнымъ, институтомъ ставленническаго обученія, Синоду внушалось „наиприлежнѣйшее и ревностное попеченіе имѣть, дабы во всѣхъ епархіяхъ впредь неотмѣнно настоящія учреждены были семинаріи". Подтверждалось тутъ же и распоряженіе составить штатъ семинарскій, „не отлагая отъ времени до времени".

---

1) А. С. С. Книга всеподд. докл. 1738 г, № 84.
2) П. С. З. X, 7734.

Синодъ даже обидился постоянными понуканіями правительства и язвительными намеками на медлительность и нерадѣніе. Онъ рѣзко написалъ въ указѣ 8-го февраля, изданномъ въ подтвержденіе ранѣе посланнаго указа о обученіи ставленниковъ, по адресу епархіальныхъ властей колкую замѣтку, что хотя „объ учрежденіи семинарій и многіе указы въ епархіи посланы, раченіе въ нѣкіихъ мѣстахъ является быть не токмо слабое, но почти и мало нѣтъ его: а чего ради такое небреженіе чинится, неизвѣстно, что все относится наипаче на главную духовную команду, а тому виновные хотя то и явственно видятъ, обаче толь отважно и не чувственно пребываютъ, какъ бы собственнаго ихъ долга въ томъ не мало не зависитъ [1]).

Система семинарскаго образованія усиленно вводилась правительствомъ и Синодомъ. Но средняя школа, каковой была семинарія, всегда нуждается еще въ школѣ низшей, какъ учрежденіи подготовительномъ. Первоначально законодательство не обратило вниманія на эту сторону вопроса и, всецѣло занявшись семинаріей, не заботилось о ея основномъ базисѣ—низшей школѣ. Но уже въ 1738 году правительство, издавая указъ о троицкой семинаріи, ясно указывало на необходимость предварительной подготовки къ семинарскому курсу: въ семинарію было велѣно принимать дѣтей отъ 10 -15 лѣтъ, умѣющихъ читать и писать по русски. Въ 1740 году, при утвержденіи штата новгородской семинаріи, это требованіе подтверждалось; при этомъ опредѣленіѣе намѣчалась и организація начальнаго обученія. Приказано было учредить по городамъ и уѣздамъ школы для преподаванія русской грамоты и письма, назначить къ нимъ учителей изъ хорошо грамотныхъ священниковъ и церковниковъ съ назначеніемъ платы за обученіе. Впрочемъ, расходы на содержаніе этихъ учителей падали на родителей учениковъ. Неграмотные дѣти возвращались родителямъ съ обязательствомъ, чтобы они до 12 лѣтъ обучены были читать и писать; за неисполненіе этого, родителямъ угрожалъ штрафъ, а дѣтямъ за лѣность и нерадѣніе—отдача въ военную службу [2]). Въ августѣ того же 1740 года обязанность

---

1) П. С. З. X, 7749.

2) Книга штатовъ 1740 г. № 8118 (П. С. З.).

низшаго элементарнаго обученія для дѣтей духовенства на счетъ родителей была подтверждена относительно всѣхъ епархій. Низшихъ училищъ этотъ указъ не узаконялъ. Родителямъ приказывалось обучать дѣтей, какъ они хотятъ; обучать ихъ на средства архіерейскаго дома прямо не рекомендовалось, если такіе расходы будутъ въ ущербъ семинаріи. Только тамъ, гдѣ архіереи сами пожелаютъ и имѣютъ возможность взять на себя первоначальное обученіе, дозволялось обучать грамотѣ при архіерейскихъ домахъ. Но не говоря ни слова о учрежденіи элементарныхъ школъ грамоты по городамъ и уѣздамъ, указъ дѣлалъ ихъ учрежденіе необходимымъ на практикѣ, такъ какъ подъ угрозой штрафа обязывалъ родителей обучать дѣтей чтенію и письму и представлять затѣмъ въ семинарію (отъ 10—12 л.). Школы грамоты должны были неизбѣжно возникнуть по частной иниціативѣ, по примѣру прежнихъ до-петровскихъ школъ, гдѣ особые учителя, за извѣстную плату отъ родителей, обучали учениковъ читать и писать [1]).

Законодательство аннинскаго царствованія установило, такимъ образомъ, цѣлую стройную систему духовнаго просвѣщенія. Нормою духовно-учебнаго заведенія, приготовляющаго „въ надежду священства“, была сдѣлана семинарія. Подготовительною ступенью къ ней служили низшія элементарныя школы, или частныя, или архіерейскія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прежнія архіерейскія училища стали исполнять роль низшихъ по учрежденіи семинаріи. Высшаго центральнаго учебнаго заведенія для всей имперіи не существовало; московская и кіевская академіи приравнивались къ епархіальнымъ семинаріямъ по своему курсу. Семинарское образованіе было окончательнымъ. Центральное управленіе сѣтью этихъ духовно-учебныхъ заведеній находилось въ рукахъ Синода, а высшій надзоръ приняло на себя само правительство.

Создавая такую организацію учебнаго дѣла, верховная власть утверждала въ то же время сословный характеръ духовной школы и ея замкнутость. Семинаріи предназначались въ правительственныхъ указахъ для обученія исключительно дѣтей духовенства въ надежду священства, а не

---

1) См. этотъ указъ у Знаменскаго, стр. 247—248.

были общеобразовательными заведеніями. Цѣль ихъ была чисто профессіональная—приготовлять служителей церкви. Императорскіе указы никогда не обмолвились ни однимъ словомъ о болѣе общемъ просвѣтительномъ назначеніи этихъ школъ. Харьковскій коллегіумъ,—гдѣ, по словамъ жалованной грамоты, назначалось учить „всякаго народа и званія дѣтей православныхъ“, былъ исключеніемъ, не подходящимъ въ этомъ отношеніи къ прочимъ семинаріямъ [1]). Да иначе и быть не могло, потому что нужда въ ученыхъ лицахъ духовнаго сана была настолько вопіющей, что заставляла обращать всѣ просвѣтительныя средства семинаріи на обученіе именно духовенства. Къ тому же духовная школа содержалась исключительно на счетъ церкви: естественно, она должна была и служить ей. Ратуя за религіозно-нравственное просвѣщеніе народа, требуя отъ церкви ученыхъ священно-служителей, государство, будучи послѣдовательнымъ, должно было заботиться о томъ, чтобъ духовная школа служила всецѣло духовному вѣдомству. Принципъ сословности и профессіональности, съ точки зрѣнія высказываемыхъ правительствомъ взглядовъ, подлежалъ соблюденію какъ въ составѣ учащихся, такъ и въ ихъ будущемъ назначеніи. Но на счетъ послѣдняго правительство допускало значительныя отступленія отъ принятаго имъ принципа. Признавая въ теоріи, что воспитанники духовной школы предназначены на служеніе церкви, государственная власть иногда сама отрывала ихъ отъ прямого назначенія, въ ущербъ церковнымъ интересамъ. Духовная школа, при недостаткѣ образовательныхъ средствъ страны, поставляла государству ученыхъ людей на различныя поприща. Главнымъ изъ нихъ было медицинское. Здѣсь преимущественно страдала московская славяно-греко-латинская академія. Ея питомцы были лучшими кандидатами на спеціально меди-

---

1) П. С. З. VIII, 5716. Въ аналогичномъ положеніи, хотя и неузаконенномъ законодательствомъ, находились Коллегіумъ черниговскій и кіевская Академія. Въ обоихъ училищахъ иносословныхъ учениковъ было гораздо больше, чѣмъ дѣтей духовенства Въ Черниговѣ въ 1736 году изъ 253 учен.—175 иносословныхъ; въ 39 г. изъ 202—135 иносословн. (А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. I, л. 145—155; т. III, л. 21, 28). Въ Кіевѣ въ 38 году изъ 444 учениковъ 352 было иносословныхъ (А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. II, л. 798—809).

цинское обученіе, потому что знали латинскій языкъ. Требованіе учениковъ академіи въ медицинскую канцелярію, для приготовленія изъ нихъ врачей, раздавались неоднократно. Въ 1733 году, напримѣръ, было вытребовано 37 человѣкъ [1]). А въ 1736 году знаменитый указъ о разборѣ 28 сентября нарочно не включалъ учениковъ академіи въ число оставленныхъ на убылыя мѣста, чтобы имѣть право брать ихъ на лекарскую службу [2]). Брали учениковъ академіи и въ иностранную Коллегію [3]). Брали семинаристовъ въ академію наукъ для слушанія наукъ въ учрежденной при этой академіи семинаріи. Съ 1735 года, когда потребовалъ Сенатъ изъ Спасскаго училищнаго монастыря 20 учениковъ [4]), эти вызовы сдѣлались постоянными. Указъ 25 сентября 1737 года даже прямо открылъ доступъ въ гражданскую службу обучившимся въ школахъ дѣтямъ духовенства, не желающимъ оставаться въ духовномъ вѣдомствѣ [5]). Эта свобода, предоставленная ученикамъ, была, конечно, мѣрой разумной. Но съ точки зрѣнія церкви и самаго государства на духовную школу, она шла въ разрѣзъ и церковнымъ интересамъ и императорскимъ указамъ, которые издавались въ духѣ исключительнаго духовнаго назначенія семинаристовъ. Иногда—хотя очень рѣдко—государственная власть нарушала и чисто сословный характеръ духовной школы по составу учащихся, пользуясь ею для образованія служилыхъ людей. Въ 1736 году, напримѣръ, въ московскую академію было прислано до 150 дворянскихъ недорослей [6]). Очевидно, интересы обще-государственные заставляли правительство нарушать принципы, положенные имъ въ основу заботъ о духовномъ образованіи.

Таково было законодательство. Чѣмъ же отвѣчала ему реальная жизнь, каковы были его практическіе результаты? Мы видѣли выше, въ какомъ состояніи находилось духов-

---

1) А. С. С. Дѣло 1733 г. № 339.
2) П. С. З. IX, 7070.
3) П. С. П. и Р. XII, 2552.
4) П. С. З. IX, 6816.
5) П. С. З. X, 7385.
6) Знаменскій, „Приходское духовенство“, стр. 89.

ное образованіе на порогѣ аннинскаго времени. До начала усиленной дѣятельности правительства, въ учебномъ дѣлѣ хотя и произошли измѣненія, но онѣ были незначительны. Въ различныхъ епархіяхъ были попытки повышенія образовательнаго типа. Такъ, до 1737 года были преобразованы: славяно-россійская школа въ Холмогорахъ, гдѣ въ 1730 году введенъ латинскій языкъ; вологодская (1730 г.), коломенская (1731 г.), псковская (1733 г.), казанская (1731 г.), вятская (1735 г.) школы. Но преобразованія эти всѣ состояли лишь въ введеніи латинскаго языка и низшихъ семинарскихъ классовъ [1]). Въ Казани, напримѣръ, въ 1737 году изъ 105 учениковъ нѣкоторые изучали реторику, а большая часть была въ низшемъ обученіи [2]). Въ Вологдѣ къ 38 году было всего 29 учениковъ, изъ которыхъ 25 обучались словарю и переводить съ русскаго на латинскій, 4— риторикѣ [3]). Въ Холмогорахъ школа въ 35—37 гг. совсѣмъ не существовала [4]). Въ Коломнѣ обучали латинскимъ элементарямъ, а о семинарскихъ классахъ и не думали [5]). Вятская и псковская школы болѣе подвинулись впередъ: здѣсь въ 1737 году ученіе происходило по реторику включительно [6]). Въ остальномъ съ 727—728 года, когда Синодъ подавалъ свой отчетъ Верховному Т. Совѣту, произошло лишь одно существенное измѣненіе. Въ 728 году были построены школы въ Смоленскѣ; указомъ Петра II назначалось имъ 500 руб. ежегоднаго содержанія изъ заопредѣленныхъ доходовъ архіерейскаго дома; къ 38 году школы выросли въ цѣлую семинарію съ курсомъ до философіи; ученіе происходило на языкахъ славянскомъ, латинскомъ, польскомъ. Кромѣ того, съ теченіемъ времени въ смоленской епархіи организовалась сѣть низшихъ приготовительныхъ учебныхъ заведеній. Были учреждены школы въ Дорогобужѣ,

---

1) Подробно объ этомъ у Знаменскаго, „Духовныя школы“, стр. 158—166. У Владимірскаго-Буданова, „Государство и народное образованіе въ XVIII вѣкѣ“, стр. 305—309.

2) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. I, л. 295—310.

3) Тамъ-же, т. II, л. 365, 399—400. Эта „реторика“, очевидно, не была реторикой семинарскаго класса.

4) Тамъ-же, т. IV, л. 569.

5) Тамъ-же, т. II, л. 109.

6) Тамъ-же, т. II, л. 537 об., 35—52.

Рославлѣ, Бѣлоі; въ нихъ назначались учителя изъ учениковъ смоленской семинаріи: обучали русскому, польскому, латинскому чтенію и письму; отсюда ученики поступали въ смоленское училище [1]).

Въ 1737—1738 году началась успленная образовательная дѣятельность во всѣхъ епархіяхъ. Въ бѣлоградскоі основывается (кромѣ харьковскаго Коллегіума) три училища—въ Бѣлгородѣ, Старомъ Осколѣ, Курскѣ. Въ 37 -38 г. въ нихъ учатъ алфарю, элементарю, аналогіи, грамматикѣ; но предположено довести курсъ до піитики и, такимъ образомъ, сдѣлать изъ нихъ полу-семинаріи. Кромѣ того въ Старомъ Осколѣ и Курскѣ заводятся школы славяно-россіійскія [2]). Въ Казани въ 1738 г. школа устанавливается прочно; курсъ пока по реторику; учениковъ 180 человѣкъ; школы переведены изъ Зилантова монастыря въ Казань въ нижніе этажи вновь построенныхъ зданіі [3]). Въ Архангельскѣ (въ Холмогорахъ) еп. Ааронъ въ 1737 году вновь собираетъ распущенную славяно-латинскую школу; къ 38 году въ ней существуетъ 35 учениковъ, изъ которыхъ три обучаются славянскоі грамматикѣ, 13—латинскоі, 4 піитикѣ, 11—осмочастія, 4—сочиненія грамматическаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1737 же году вызвана здѣсь къ жизни школа славяно-россіійская, наполнившаяся многочисленнымъ количествомъ учащихся (359) [4]). Архіерейская коломенская школа въ 1738 году вступила на путь семинарскаго образованія, начавъ съ низшихъ классовъ. Архіереі коломенскіі повелѣлъ учредить и три епархіальныхъ училища въ Коломнѣ, Тулѣ и Орлѣ, съ низше-образовательнымъ курсомъ [5]). Возвратившійся въ свою епархію изъ Петербурга нижегородскіі архіепископъ Питиримъ въ 38 году, кромѣ существовавшихъ „еллиногреческоі“ и славяно-россіійскоі школъ,

---

1) Тамъ-же, т. II, л. 210 и слѣд. Въ 1730 г. заведена была славяно-россіійская школа въ Юрьевѣ повольскомъ нижегор. еп. (То-же дѣло, т. I. л. 45—46). Училище въ Александро-Невскомъ монастырѣ въ 1729 г. осталось безъ учителей; ученіе по настоящему возобновилось лишь въ 1736 году (Чистовичъ, Исторія С.-Петерб. Дух. Акад, СПБ. 1857 г., стр. 15-17).

2) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. I, л. 247—263. т. II. л. 160—207.

3) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. II. л. 732—734.

4) Тамъ-же, т. II, л. 60—91.

5) Тамъ-же, т. II, л. 109—111.

опредѣлилъ при домѣ своемъ славяно-латинскую школу; набрано было въ нее 110 человѣкъ и назначенъ учитель іеромонахъ Венедиктъ Турапскій. Кромѣ того архіерей проэктировалъ учредить 13 школъ въ разныхъ городахъ и селахъ своей епархіи и приписныхъ, назначивъ въ нихъ по 2 учителя изъ обучившихся въ нижегородскихъ школахъ. Священнослужители тѣхъ мѣстъ, гдѣ предназначались школы, брали на себя ихъ содержаніе [1]). Въ Устюгѣ школы не было съ 1726 года, до прибытія въ Устюгъ преосвященнаго Луки. Съ 1 января 1738 года послѣдній учредилъ школы славяно-россійскую и славяно-латинскую; ученіе въ послѣдней началось съ элементарныхъ классовъ [2]). Въ Воронежѣ, не имѣвшемъ прежде совсѣмъ училища, въ августѣ 38 года уже существовали 2 школы—славяно-латинская и славяно-россійская. Въ первой было 120 учениковъ, въ низшемъ классѣ фары; во второй 407 учениковъ, изучавшихъ букварь, псалтирь и часословъ [3]). Въ Переяславлѣ, откуда еп. Арсеній 22 марта 1737 года писалъ, что здѣсь школъ не было и нѣтъ, въ 1738 году школы были заложены и строились; ученики обучались русской и латинской грамотѣ, а въ будущемъ обѣщалось завести настоящую семинарію [4]). Въ Рязани, гдѣ съ 1726 года школа была, но въ 729 году закрылась, въ началѣ 1738 года была заведена школа славяно-россійская и въ серединѣ года въ ней было 153 ученика [5]). Въ Тверп въ 38 году была школа славяно-греческая [6]).

Въ какомъ положеніи находилось школьное дѣло къ половинѣ 1739 года, мы можемъ судить по учиненной около этого времени въ Синодѣ вѣдомости [7]).

Вѣдомость, учиненная въ Синодальной Канцеляріи, какія въ которой епархіи школы учреждены и сколько въ нихъ учениковъ:

---

1) Тамъ-же, т. II, л. 319—321.
2) Тамъ-же, т. I, л. 38; т. II, л. 94—101.
3) Тамъ-же, т. II, л. 614, 640—641.
4) Тамъ-же, т. I, л. 39; т. II, лл. 120, 652, 655
5) Тамъ-же, т. I, л. 173—176; т. II, л. 774—791.
6) Тамъ-же, т. II, л. 113—116.
7) Тамъ-же, т. II, л. 873 об., 874.

Въ нижеозначенныхъ мѣстахъ.	Въ латинскихъ школахъ.									Въ елинотреч.	Въ славянорусс.	Всего.
	Въ фарѣ.	Въ инфимѣ.	Въ грамматикѣ.	Въ синтаксимѣ.	Поэтикѣ.	Реторикѣ.	Философіи.	Богословіи.	Итого.			
Моск. Слав. Гр Лат. Ак.	148	111	34	39	21	16	12	11	392	—	37	429
Кіевской академ. . . .	96	40	50	53	53	105	36	11	444	—	—	444
Бѣлоград. Харьковск. ак.	184	29	50	32	20	28	14	13	370	—	152	522
Новгород. семин. . . .	106	123	80	—	—	—	—	—	309	50	300	659
Казанск. семин.	81	6	11	15	15	32	—	—	160	—	10	170
Алекс. Нев. семин. . . .	6	--	36	9	—	—	—	—	51	—	3	54
Въ Черниг. Коллегіумѣ.	19	15	27	47	27	54	—	—	189	—	—	189
Вологодской	25	—	—	—	—	4	—	—	29	—	—	29
Псковской	45	12	20	22	8	13	—	—	120	--	82	202
Смоленской	104	45	26	26	19	17	14	—	251	—	410	661
Коломенской	6	—	5	—	—	—	—	—	11	—	13	21
Вятской	60	24	33	8	11	19	—	—	155	—	42	197
Арханг.(Холмогорской) .	11	4	13	—	4	—	—	—	32	—	362	394
Устюжской	32	7	—	—	—	-	—	—	39	—	56	95
Воронежской	120	—	—	—	—	—	—	—	120	—	407	527
Переяславской	34	8	5	—	—	--	—	—	47	—	—	47
Тверской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	14	39
Нижегородской	100	—	—	—	—	--	—	-	100	18	123	241
Ростовской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	77	77
Рязанской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	153	153
Тобольской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41	41
Иркутской	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	14
Итого .	1177	424	390	251	178	288	76	35	2819	93	2296	5208

Такимъ образомъ, къ половинѣ 1739 года не было школъ никакихъ въ 3-хъ епархіяхъ: суздальской, крутицкой и астраханской. Въ Суздалѣ школа когда то была (съ 723—726 г.), но закрылась. Въ 36—37 годахъ здѣсь опять завели низшее элементарное обученіе, но въ концѣ послѣдняго года ученики были снова распущены [1]). Въ крутицкой и астраханской епархіяхъ школъ совсѣмъ не открывалось [2]). Въ епархіяхъ тверской, ростовской, рязанской, тобольской, иркутской до сихъ поръ не приступали къ устройству семинаріи.

Въ 1739—1740 годахъ школьное дѣло еще быстрѣе идетъ впередъ. Подъ вліяніемъ грозныхъ указовъ свѣтской и духовной власти, епархіи дѣлаютъ всевозможныя усилія. Тамъ, гдѣ учебное дѣло стояло слабо, это особенно замѣтно. Въ Суздалѣ, подъ вліяніемъ настоянія Синода [3]), учреждается, наконецъ, въ 1740 году славяно-латинская школа въ Спасо-Евфимьевомъ монастырѣ; въ 40 году существуетъ въ ней низшій классъ—фара (38 учен.)[4]), въ 41 и 42 годахъ открываются послѣдовательно слѣдующіе классы (инфима, грамматика), хотя контингентъ учащихся очень небольшой (44—45 чел.) [5]). Въ отвѣтъ на категорическое приказаніе свыше [6]), опредѣлилъ учредить школы въ 4-хъ мѣстахъ своей епархіи (въ городахъ: Болховѣ и Бѣлевѣ бѣлогородск. губ., Вязьмѣ смоленской губ., Ливнахъ воронежской губ.) и крутицкій архіерей Леонидъ [7]). Изъ этихъ намѣченныхъ школъ одна (въ Вязьмѣ) начала дѣйствовать съ 1 сентября 1739 года. Учителемъ въ нее былъ назначенъ ученикъ московской академіи школы богословія Матѳіи Діонисіевъ. Вмѣсто же остальныхъ трехъ училищъ, такъ какъ тамъ школамъ быть оказалось неудобно, архіерей учредилъ школу при архіерейскомъ домѣ на 60 человѣкъ, съ учителемъ Андреемъ Ивановымъ (школы богословія, Моск. А.) [8]). Въ 1740 году въ послѣдней

---

1) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. I, л. 194; т. II, л. 147.
2) Тамъ-же, т. I, л. 14, 36; т. II, л. 107.
3) Тамъ-же, т. II, л. 147 об. Проток. 7 іюля 38 года.
4) Тамъ-же, т. III, л. 631–633.
5) Тамъ-же, т IV, л. 85—90, 509—512.
6) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 311, л. 60 об.
7) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. II, л. 826.
8) Тамъ-же, т. III, л. 19.

школѣ преподавали до грамматики включительно, а учитель былъ уже другой—Евстафій Щербинскій (учениковъ, однако, только 37 человѣкъ) [1]). Когда астраханскій епископъ Иларіонъ получилъ отъ Синода упрекъ, что если бы въ Астрахани былъ другой архіерей, то школы навѣрно были бы заведены [2]), то онъ напрягъ всѣ средства епархіи, и въ маѣ 1739 года здѣсь уже была заведена славяно-латинская школа, въ которой въ 40-мъ году существовали первые два класса; но учащихся было лишь 18 человѣкъ [3]).

Епархіи съ элементарными училищами старались завести у себя семинарское образованіе. Въ 1739 году была учреждена славяно-латинская школа въ Угличѣ, ростовской еп. Въ 40 г. въ ней было 56 учениковъ и три класса; славяно-россійская школа въ Ярославлѣ существовала само собою [4]). Въ Рязани начала дѣйствовать съ 30 апрѣля 1740 года славяно-латинская школа, учрежденная по синодальному настоянію; къ концу года въ ней было 90 человѣкъ, а въ школѣ славяно-россійской —110; ученіе въ 41 году простиралось до класса грамматики, а въ 42 г. до поэтики; но число учащихся прогрессивно уменьшалось: въ 41 г. ихъ было 70, въ 42 г.—42 чел. [5]). Въ Твери новый архіерей Митрофанъ Слотвинскій энергичными мѣрами преобразовалъ въ 1739 греко-славянскую школу въ семинарію [6]). Въ Тобольскѣ въ 1739 г. также, наконецъ, открылась славяно-латинская школа; собрано было въ нее 15 ученик. и обучать ихъ фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, синтаксимѣ, поэтикѣ и реторикѣ опредѣленъ былъ ссыльный распопъ, Іоаннъ Якимовичъ [7]). Только въ Иркутскѣ, не смотря на всѣ усилія, семинарское образованіе и не начиналось.

Въ школахъ, недавно начавшихъ свою дѣятельность, дѣло по немногу упрочивалось. Нижегородская епархія осу-

---

1) Тамъ-же, т. IV, 107—111.

2) Тамъ-же, т. II, л. 736—738.

3) Тамъ-же, т. II, л. 834; III, л. 83—85, 623—626.

4) Тамъ-же, т. III, л. 411—415, 600—613

5) Тамъ-же, т. III, л. 420—424, 474; т. IV, л. 73—84, 584.

6) Вл. Колосовъ, Исторія тверской духовной семинаріи, Тверь, 1889 г., стр. 44—54.

7) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. III, л. 1—2.

ществила проэктъ епархіальныхъ училищъ. Въ 1740 году 13 славяно и греко-грамматическихъ школъ въ городахъ и селахъ епархіи уже существовали [1]). Въ Архангельскѣ (въ Холмогорахъ) къ 40 году было 78 учениковъ въ классахъ фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ, синтаксимѣ [2]). Впрочемъ, архангельская школа находилась все еще въ переходномъ положеніи. Ученіе здѣсь то прекращалось, то возобновлялось, и число учащихся въ 40 году вдругъ уменьшилось до 14, такъ какъ архіерей Савва распустилъ въ серединѣ года остальныхъ школьниковъ, безъ окончанія курса [3]). Въ Вологдѣ въ 1740 году 30 учениковъ обучались „реторикѣ письменной", просодіи и „стихи слагать"; въ 41 году учащихся было 49 человѣкъ, до реторики [4]). Въ коломенской школѣ при архіерейскомъ домѣ въ 40-мъ году было 36 учениковъ, преподавали до грамматики; въ 41-мъ году открылся классъ синтаксимы [5]). Въ Переяславлѣ въ 39 40 годахъ ученіе было уже по реторику; число учениковъ возросло до 110 (въ 39 г.)—123 (40 г.) человѣкъ [6]). Въ Устюгѣ къ 41 году были классы грамматики и синтаксимы, учащихся 76 человѣкъ [7]). И старыя школы развивали свое дѣло. Казань имѣла въ 40—41 году въ своей семинаріи уже философскій классъ (учениковъ 193 чел.) [8]). Новгородская семинарія шла въ поступательномъ направленіи, открывая новые классы ежегодно; къ 42 году здѣсь преподавали поэтику, а число семинаристовъ было 293 человѣка [9]).

Результаты просвѣтительной дѣятельности второй половины 30-хъ годовъ, какъ видно, были не маловажные. Какъ бы ни были плохи тогдашнія семинаріи, но Россія покрылась ими, и одинъ отдаленный Иркутскъ не вошелъ въ общую семинарскую семью. Но было бы не совсѣмъ справедливо это быстрое развитіе школы приписать всецѣло правп-

---

1) Тамъ-же, т. III, л. 326—330.
2) Тамъ-же, т III, л. 243.
3) Тамъ-же, т IV, л. 103—104, 119—121
4) Тамъ-же, т III, л. 443—445; т. IV. л. 113—116.
5) Тамъ-же, т. IV, л. 65—67, 69—71.
6) Тамъ-же, т. III, л. 31, 44, 342—350.
7) Тамъ-же, т. III, л. 563—584.
8) Тамъ-же, т III, л. 496—517.
9) Тамъ-же, т. IV, л. 337—361.

тельству и по нему оцѣнивать правительственныя мѣропріятія въ учебной области. Безспорно, законодательство дало толчекъ усиленной работѣ епархіальныхъ начальствъ: не будь его грознаго воздѣйствія, дѣло шло бы гораздо медленнѣе Однако, эта медлительность имѣла для себя оправданіе въ полной неподготовленности, духовной и матеріальной, духовнаго вѣдомства. Чтобы судить объ истинной долѣ правительственнаго участія въ поднятіи духовнаго образованія, нужно именно опредѣлить, насколько правительство старалось дать прочную постановку созидаемой школѣ. Вѣдь издавать указы съ приказаніемъ учредить семинаріи не трудно; и составители Регламента могли также легко предписать подобную мѣру. Но они не сдѣлали этого, а ограничились введеніемъ обязательныхъ низшихъ училищъ потому, что сознавали невозможность практически осуществить приказъ, какъ бы онъ ни былъ грозенъ. Препятствіе тому было въ отсутствіи почвы для широкой организаціи школьнаго дѣла. Путь къ реализаціи „идеальнаго“ предначертанія Регламента лежалъ прежде всего въ подготовленіи фундамента для будущихъ семинарій, въ изысканіи духовныхъ и матеріальныхъ средствъ. Только тогда могли стать прочно на ноги учреждаемыя учебныя заведенія Если же мы сопоставимъ аннинскіе блестящіе образовательные планы съ другими сторонами государственно-церковной политики, то увидимъ не только отсутствіе необходимой подготовительной работы, но и не мало противорѣчій законодателей, которые сами одною рукою разрушали то, что созидали другою.

Начнемъ снизу—съ самихъ школьниковъ. Намъ уже случалось упомянать о неблагопріятномъ взглядѣ на школу, существовавшемъ среди духовенства. Въ духовномъ сословіи не было сознанія нужды въ образованіи; въ послѣднемъ видѣли лишнюю тяжесть, источникъ лишнихъ расходовъ. Не только дѣти, но и родители смотрѣли на обученіе, какъ на бѣдствіе. Наборъ учениковъ въ архіерейскія училища, а потомъ въ семинаріи, приходилось производить силой, гоняться за бѣглыми, отыскивать укрываемыхъ. Въ одной инвективѣ XVIII вѣка весьма удачно выраженъ взглядъ духовенства на школу; тамъ раздается горькій плачь дьячка, у котораго отобрали въ семинарію дѣтей:

„О, мои дѣтушки сердечные!
Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное...
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
Нежели въ „семинарію“ на муку отдавалъ“ [1]).

Учитель тверской школы Евдокимовъ въ 1734 году доносилъ Ѳеофилакту Лопатинскому, что родители всякими способами стараются спасти своихъ дѣтей отъ „муки семинарской“, накидываютъ или уменьшаютъ имъ лѣта, представляютъ ихъ больными, увѣчными, бѣсноватыми и т. п. [2]). Даже изъ школы ученики нерѣдко убѣгали и ихъ должно было долго разыскивать начальство [3]).

При такомъ взглядѣ духовенства на ученіе было въ высшей степени неполитично и пагубно для школъ усилить еще больше существующее отвращеніе къ школьному обученію. Между тѣмъ политика аннинскаго правительства часто была неосмотрительна въ этомъ отношеніи. Думая заставить духовенство учить своихъ дѣтей, законодательство достигало иногда противоположныхъ результатовъ Начиная съ 1736 года, когда начались разборы въ военную службу, угроза солдатчины должна была служить побужденіемъ къ образованію. Школьники, какъ извѣстно, освобождались отъ солдатства; напротивъ, всѣ неученые безпощадно забирались въ армію. Дѣтямъ духовныхъ лицъ приказывалось учиться непремѣнно; въ противномъ случаѣ ихъ могли взять въ службу ежечасно, разъ только они имѣли подходящій возрастъ (отъ 15 лѣтъ). Угроза принесла, правда, свою пользу; нѣкоторыя школы быстро наполнились учениками съ началомъ разбора (новгородская). Но указы правительства обрекали на солдатчину не однихъ неучившихся, а и дурно учившихся. Въ указѣ 25-го сентября 1737 года прямо было сказано: „непонятныхъ въ наукахъ долго въ школахъ от-

1) Знаменскій, «Духовн. школы», стр. 91.

2) Ibid., стр. 322—323.

3) Въ Вяткѣ особенно было распространено бѣгство изъ науки. Въ 38 году (7 август) еп. вятскій Кипріанъ писалъ въ Синодъ, что ученики постоянно бѣгаютъ; нѣкоторые, доучившіеся даже до поэтики, пожелали лучше уйти въ солдаты, чѣмъ продолжать ученіе. Большая половина школы находилась въ бѣгахъ: на лицо было 198 чел., а бѣжавшихъ 253 (А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. II, л. 483, 537).

людь не держать, но отсылать ихъ къ гражданскимъ управителямъ для опредѣленія въ военную службу, дабы на такихъ глупыхъ или лѣнивыхъ людей напраснаго расхода и другимъ трудолюбивымъ людямъ въ ихъ наукахъ препятствія отъ нихъ не было". Мѣра же эта была обоюду острая. Побуждая школьниковъ учиться, она еще болѣе побуждала непоступившихъ въ школу уклоняться отъ нея; укрыться отъ школы было легче, чѣмъ скрыть свою неспособность въ школѣ. Школа сдѣлалась дорогой къ солдатчинѣ; всѣмъ казалось, что вѣрнѣе попасть въ солдаты изъ школы, чѣмъ внѣ школы. Отвращеніе къ послѣдней, такимъ образомъ, усиливалось болѣе прежняго [1]). Правительство заставляло учиться и людей совершенно взрослыхъ (15—40 л.). Извѣстнымъ указомъ 6-го февраля 1737 года оно освободило, подъ условіемъ выкупа, желающихъ учиться отъ солдатства; но обязало ихъ письменными документами учиться грамматикѣ, риторикѣ и, „кто похочетъ", философіи. Установлены были для испытанія этихъ взрослыхъ школьниковъ публичные экзамены въ присутствіе архіереевъ вмѣстѣ съ губернаторами; неуспѣшные ученики опять безпощадно забирались въ солдаты. Взрослымъ людямъ трудно было, конечно, изучить въ три года высшія науки; успѣхи ихъ не могли быть значительны, и эти экзамены сдѣлались въ свою очередь предверіемъ солдатчины. Синодъ только въ 1740 году осмѣлился замолвить свое слово по этому поводу, представивъ Кабинету, что указъ 6-го февраля исполнить невозможно, и прося освободить отъ обученія „высшимъ наукамъ" дѣтей духовенства отъ 20—30 лѣтъ и выше. Кабинетъ неполнилъ просьбу [2]). Но свое отрицательное дѣйствіе указъ 6-го февраля, несомнѣнно, произвелъ: онъ заставилъ духовенство еще болѣе прежняго смотрѣть на обученіе, какъ на несчастье.

Указанныя распоряженія правительства подрывали довѣріе къ школѣ, усиливали отвращеніе къ ней и тѣмъ или въ разрѣзъ интересамъ духовнаго просвѣщенія. Кромѣ того,

1) И опасенія были весьма основательны: изъ Пскова, напримѣръ, писали (въ 1738 г. 18 марта), что, изъ учившихся въ школѣ, 61 человѣкъ попали въ солдаты (все почти изъ «непонятныхъ»). Въ коломенской еп. изъ 45 выбылыхъ учениковъ 17 (опять изъ «непонятныхъ») забраны въ военную службу (А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. II, л. 35—52, 109—111).

2) П. С. З. XI, 8199.

разборы послѣднихъ лѣтъ царствованія Анны затрогивали и прямо учебное дѣло. Ревностные провинціальные администраторы посягали въ пылу исполнительности на школьниковъ, особенно не бывшихъ у присягъ Мы знаемъ, какъ жаловались на это изъ Новгорода и другихъ епархій, гдѣ учениковъ брали въ военную службу, несмотря на правительственныя запрещенія. Разборы подрывали вновь основывающіяся школы и даже грозили самому ихъ существованію. Такъ, когда крутицкій архіерей распорядился объ учрежденіи училищъ въ 4-хъ городахъ своей епархіи, то школы эти долго не могли устроиться „за послѣднимъ о неприсягавшихъ церковникахъ разборомъ“ (какъ доносили духовные управители), „ибо къ тому разбору на смотръ свѣцкими командиры священно и церковнослужительскія дѣти требованы едва не всѣ поголовно“ [1]). Въ нижегородской еп. консисторія сомнѣвалась, въ 1738 г, основывать ли проэктированныя Питиримъ школы въ епархіальныхъ городахъ, такъ какъ священно-церковно сужительскія дѣти, предпазначаемыя въ ученіе, опредѣляются на праздныя мѣста къ церквамъ, откуда разборы отняли церковниковъ [2]). Подрывали, наконецъ, разборы замышленный правительствомъ проэктъ семинарскаго образованія, какъ нормы. Когда предстала картина опустошенія церквей, то образовательный цензъ по необходимости былъ пониженъ до несложной программы ставленическаго обученія. Пустовавшія вакансіи требовали немедленнаго заполненія: потому учениковъ должны были брать изъ школы, не давъ доучиться имъ и до половины. Гавріилъ устюжскій въ іюнѣ 1740 года просилъ у Синода разрѣшенія совсѣмъ не переводить въ латинскую школу изъ школы русской учениковъ, обучившихся читать и писать и знающихъ богослуженіе и имѣющихъ выше 15 лѣтъ (таковыхъ, навѣрно, было не мало), а опредѣлять ихъ прямо въ причтъ, такъ какъ, за-разборами, крайняя нужда въ священнослужителяхъ [3]).

Правительство не понимало, что его собственныя узаконенія подтачиваютъ излюбленное имъ просвѣтительное дѣло.

---

1) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380; т. II, л. 826.

2) Тамъ-же, т. III, л. 319—321. Удивляться этому нельзя, зная, что къ тогдашнія школы ученики поступали большею частью 15—20 лѣтъ.

3) Тамъ-же, т. III, л. 438.

Но разборы еще не стояли въ существенномъ противорѣчіи съ просвѣтительными задачами, не нанесли имъ значительнаго ущерба, хотя, несомнѣнно, тормозили ихъ осуществленіе. Не то нужно сказать о другихъ сторонахъ государственной политики. Дѣло просвѣщенія стояло въ законодательствѣ совершенно безпочвенно, и надо поистинѣ удивляться незнанію жизни, проявленному законодателями. Съ 1737 года организуется правильная система духовно-учебныхъ заведеній. Нужны были, конечно, духовныя и матеріальныя средства для приведенія въ исполненіе широкаго замысла. Что же? Справилось о нихъ правительство, позаботилось о ихъ изысканіи? Совсѣмъ напротивъ; оно способствовало ихъ оскудѣнію.

Въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка, когда началось усиленное просвѣтительное движеніе въ духовномъ вѣдомствѣ, обнаружился уже недостатокъ духовныхъ средствъ для предпринятаго дѣла. Школы открыть было велѣно, а учителей не могли достать. Одинъ Кіевъ оставался источникомъ ученыхъ людей. Однако и здѣсь чувствовался недостатокъ, такъ какъ отсюда требовала учителей вся Россія. Въ 1721 году кіевская Лавра доносила Синоду, что если выслать требуемыхъ въ Москву 4-хъ ученыхъ монаховъ, то кіевскія школы „будутъ праздны, и собранные ученики принуждены будутъ разойтись врозь и за границы для исканія ученія“. Въ 1723 году кіевскій архіепископъ Варлаамъ, на новое требованіе о высылкѣ ученыхъ, писалъ, что у него нѣтъ лишнихъ [1]). За непмѣніемъ учителей, какъ мы видѣли, нѣкоторыя епархіи совсѣмъ оставались безъ школъ, а другія довольствовались элементарнымъ обученіемъ. Между тѣмъ предпринятая въ 30-хъ годахъ реформа духовно-учебнаго дѣла—повсемѣстное устройство семинарій —требовала много ученыхъ силъ для реализаціи правительственнаго проэкта. Со стороны государства, задавшагося широкими замыслами, естественно было бы видѣть усилія и заботы о подготовкѣ духовныхъ средствъ для учебныхъ заведеній. Правительство, однако, о нихъ не поинтересовалось и узнать. Оно издало указъ и не допускало мысли, что его нельзя исполнить. А если бы поинтересовались ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, то узнали бы неутѣшительныя вѣсти.

1) Знаменскій, „Школы“, стр. 113.

Мы знаемъ, какъ, не смотря на грозные указы, не малое число епархій съ трудомъ могло приступить къ устройству семинарскихъ классовъ. Правительство, и духовное и свѣтское, видѣло тутъ одно лишь „небреженіе“ епархіальныхъ властей; но дѣло было не столько въ „небреженіи“, сколько въ недостаткѣ учительскаго персонала. Такіе центры просвѣщенія, какъ Кіевъ, Москва, Бѣлгородъ (Харьковъ), Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ были болѣе или менѣе обезпечены съ этой стороны. Впрочемъ, большинство изъ нихъ питалось на счетъ одного Кіева. По крайней мѣрѣ даже Москва требовала неоднократно въ свою Академію кіевскихъ учителей [1]). Южныя школы, несомнѣнно, черпали изъ этого источника, пока сами не стали на ноги. Сравнительно рано развившіяся училища сѣвера также пользовались кіевскими учеными силами [2]). Но Кіевъ не всюду былъ близокъ и не могъ поставлять учащихъ для всей Россіи. Центръ, востокъ и сѣверо-востокъ Великороссіи особенно ощущали поэтому духовную скудость, и этимъ обстоятельствомъ прежде всего объясняется медленное развитіе здѣсь учебнаго дѣла [3]). На недостатокъ учителей ссылались и въ Рязани, гдѣ не было школы до 1738 года; потому же здѣсь долго не заводили семинаріи [4]). За неимѣніемъ учителя не было школы до 38 года въ Устюгѣ [5]). Въ крутицкой епархіи по той же причинѣ не открывалось школъ до 39 года; да и въ этомъ году въ проэктированныя 4 училища предполагалось выбрать для обученія изъ священно и церковнослужителей „добрѣ умѣющихъ читать и писать“, а настоящихъ преподавателей потребовать у Синода [6]). Въ Астрахани въ 39 году славяно-латинскую школу основали (не могли ее долго основать опять главнымъ образомъ за не-

---

1) Въ 27, 28, 31, 32 гг. П. С. П. и Р. VII, 2366, 2486, 2613.

2) Въ 1732 г. въ Псковѣ требовали учителя изъ Кіева П. С. П. и Р. VII, 2628.

3) Даже столица имперіи страдала недостаткомъ ученыхъ силъ. Въ Александро-Невской семинаріи съ 1729-1733 гг. не было учителей (Чистовичъ, Исторія СПБ. Д. А., стр. 15-16).

4) Архим. Макарій, Историко-статистическое описаніе рязанской духовной семинаріи, Новгородъ, 1864 г., стр. 14.—Д. Агицевъ, Исторія рязанской духовной семинаріи, Рязань, 1889 г., стр 19-20.

5) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. I, л. 38.

6) Тамъ-же, т. I, л. 14; т. III, л. 9.

имѣніемъ учителя), но обучать учениковъ принуждены были назначить весьма не многоученаго діакона, который и самъ то нуждался еще въ семинарской наукѣ [1]). Изъ Суздаля въ началѣ 38 года писали, что элементарное ученіе здѣсь есть, а „вышнимъ наукамъ“ учить некому [2]), какъ некому было учить имъ и въ Рязани [3]). Архангельская школа въ Холмогорахъ, вслѣдствіи недостатка учительскаго персонала, должна была пережить цѣлую эпопею умираній и оживленій. Въ 1723-1731 годахъ она существовала подъ руководствомъ сначала іеромонаха Лаврентія, потомъ учителя Ивана Каргопольскаго. Въ 1731 году вновь прибывшій архіеп. Германъ отрѣшилъ послѣдняго за нерадивое и непонятное ученіе и самъ съ братомъ іеромонахомъ Игнатіемъ училъ учениковъ (которыхъ бывало отъ 50—100 чел.) 4 года даже до пиитики. По смерти Германа, въ 1735 году, ученики были распущены за отсутствіемъ учителя. Въ 37 году при Ааронѣ школа была вновь собрана и учителемъ опять назначенъ Каргопольскій. Въ 38 году послѣдній распустилъ школу, а въ 39 году прибывшій арх. Савва собралъ ее опять. Въ 40-мъ году ученіе снова прекратилось и возобновилось съ прибытіемъ арх. Варсонофія въ 41 году. Варсонофій назначилъ учителемъ іеромонаха Венедикта Голецкаго; но тотъ такъ училъ, что ученики ничего не понимали. Архіерей въ концѣ концовъ, не надѣясь, что кто либо захочетъ ѣхать въ бѣдную архангельскую епархію, рѣшилъ послать 2-хъ избранныхъ учениковъ для обученія вышнимъ наукамъ въ Москву, чтобы они потомъ заняли учительскія мѣста [4]). Въ Нижнемъ Новгородѣ въ 39 году не было совсѣмъ ученія въ латинской школѣ за смертью учителя; въ 40-мъ году присланъ былъ съ запада польскій шляхтичъ, обратившійся изъ католичества, Антоній Коссаковскій и принялъ на себя руководство школой [5]). Тѣмъ понятнѣе, что не нашлось учителей для семинаріи въ Сибири. Тобольскъ еще могъ воспользоваться въ 39 году ссыльнымъ Іоанномъ Якимовичемъ (который скоро же послѣ смерти Анны Іоанно-

1) Тамъ-же, т. II, л. 834.
2) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 311, л. 25.
3) Тамъ-же, л. 32.
4) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. IV, л. 569-570.
5) Тамъ-же, т. III, л. 326-330.

вны былъ возвращенъ изъ ссылки); но Иркутскъ такъ и не вкусилъ даже начатковъ семинарскаго ученія, ибо учителя найти оказалось невозможно [1]).

Вся безпочвенность повсемѣстной семинарской организаціи учебнаго дѣла, вся духовная неподготовленность къ ней Россіи, сказались яркимъ образомъ по случаю введенія института ставленическаго обученія въ 1739 году. Въ отвѣтъ на распоряженіе свыше, по указу 8 января, изъ множества епархій отвѣчали [2]), что и ставленниковъ обучать некому. Въ южныхъ и счастливо (сравнительно) поставленныхъ въ образовательномъ отношеніи малороссійскихъ епархіяхъ учителя нашлись (въ кіевской, бѣлгородской, переяславской, черниговской). Но уже смоленскій епископъ Гедеонъ высказывалъ затрудненіе въ учрежденіи образованія ставленниковъ, такъ какъ особаго учителя у него не было, а учителей семинарскихъ не хватало и для семинаріи. Въ Новгородѣ принуждены были опредѣлить людей невысокаго образовательнаго ценза, получившихъ обученіе въ мѣстной школѣ (попа и иподіакона софійскаго собора): одинъ изъ нихъ доучился до грамматики, другой до риторики. Но другія епархіи были въ далеко худшемъ положеніи. Въ Астрахани, Архангельскѣ, Устюгѣ, Рязани, Суздалѣ, Ростовѣ, Твери не нашлось никого. Въ Казани ученыя силы представлялись единственно учителями семинаріи. Архіерей Лука ихъ и вздумалъ опредѣлить для обученія ставленниковъ, оставивъ, кажется, семинарію безъ учителей. Синодъ, однако, категорически приказалъ опредѣлить „по указу ея им. в-ва“ къ ставленникамъ особаго учителя, не употребляя впредь никакихъ „своихъ резоновъ“. Лука нашелъ какого то іеромонаха. Въ Нижнемъ Новгородѣ принуждены были также возложить обязанность обученія ставленниковъ на учителя славяно-латинской школы іером. Венедикта Туранскаго. Но послѣдній умеръ въ 39 году, и школа и ставленники остались безъ ученія. Въ Вяткѣ опредѣлили въ руководительство будущимъ пастырямъ одного іеромонаха и одного іеродіакона. Но довѣріе къ нимъ было слабое: архіерей писалъ, что они „не весьма надежны“, ибо „въ школахъ не

1) Тамъ-же, т. III, л. 1-2; т. II, л. 764-765; т. III, л. 87-88.
2) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 551.

обучались". Въ Коломну въ 39 году тоже просили учителя.

Если не находилось учителей для ставленниковъ, для ихъ примитивнаго обученія, то гдѣ же было взять ихъ для семинарій? И для того и другого былъ единственный рессурсъ-Кіевъ, да отчасти еще Москва. Къ нимъ и обратился Синодъ въ трудную минуту. Въ крутицкую и вятскую епархію рѣшили послать двухъ іеромонаховъ изъ Москвы; въ архангельскую, смоленскую, суздальскую, устюжскую, казанскую, псковскую посланы были учителя изъ кіевскихъ монастырей (гдѣ они также были нужны). Тутъ опять оказалось, что правительственныя стремленія тормозились собственной правительственной политикой. Ученое монашество оскудѣло подъ вліяніемъ стѣснительныхъ узаконеній аннинскаго времени. Изъ Кіева, какъ мы знаемъ, раздавались голоса, что оскудѣніе достигло крайней степени. А съ оскудѣніемъ монашества истощался и главный рессурсъ учительскихъ силъ. Впослѣдствіи, при Аннѣ Леопольдовнѣ, Синодъ, подавая докладъ объ отмѣнѣ запретительныхъ указовъ, прямо говорилъ, что строгія узаконенія аннинскаго царствованія о монашествѣ имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что, „въ заведенныя, по силѣ Духовнаго Регламента и указовъ, для обученія вышнихъ наукъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей, въ надежду священства, въ епархіяхъ училища опредѣлять некого" [1]). Поэтому можно было лишь на словахъ говорить о повсемѣстномъ учрежденіи семинарій, а не на дѣлѣ. Быстрое развитіе семинарскаго дѣла не должно слишкомъ обольщать насъ. При тогдашнемъ положеніи духовныхъ средствъ страны, можно представить, какія были заведены семинаріи. Достаточнаго контингента учителей не было и въ нѣкоторыхъ лучшихъ школахъ, какъ смоленская [2]). Въ Казани въ 39 году архіерей считалъ необходимымъ прибавить для введенія полнаго и основательнаго семинарскаго курса 5 учителей къ 2-мъ имѣющимся на лицо [3]). А такъ какъ въ большинствѣ училищъ центра, сѣвера и сѣверо-востока было по одному учителю, при томъ иногда „непадежному", то въ каждое изъ нихъ

---

1) П. С. З. XI, 8303.
2) А. С. С. Дѣло 1739 г. № 551, л. 43.
3) А. С. С. Дѣло 1735 г. № 336, л. 296.

нужно было, стало быть, по 6 учителей для истиннаго семинарскаго (и то по тому времени) образованія. Но это былъ для аннинскихъ лѣтъ недосягаемый идеалъ, для осуществленія котораго правительство не сдѣлало ничего, а, напротивъ, отдаляло это осуществленіе своими собственными мѣропріятіями.

Послѣ обезпеченія учительскимъ персоналомъ самымъ существеннымъ вопросомъ семинарскаго дѣла былъ вопросъ о матеріальныхъ средствахъ Въ этомъ отношеніи государство опять оказалось не на высотѣ своихъ просвѣтительныхъ стремленій. Содержаніе семинарій оно возложило всецѣло на мѣстныя средства и не приняло на себя ни единой доли расходовъ. Школы содержались на доходы архіерейскихъ домовъ (учителя и учебныя принадлежности) и тотъ хлѣбный сборъ, который былъ установленъ въ петровское время (сборъ этотъ шелъ на пропитаніе учениковъ). Но послѣдній сборъ былъ, во-первыхъ, незначителенъ; во-вторыхъ, во многихъ мѣстахъ производился не сполна, а иногда и вовсе не производился за скудостью епархій [1]). Мы обладаемъ на этотъ счетъ, напримѣръ, документальными данными о ростовской епархіи. Въ ней въ 1741 году отъ монастырей 20-я доля составляла $22^1/_2$ чет. ржи и 79 чет. овса (при этомъ хлѣбъ этотъ взять почти было нельзя, такъ какъ его недоставало самимъ монастырямъ); съ церквей 30-я доля составляла $19^1/_2$ чет. ржи и $71^1/_2$ чет. ярового (и опять хлѣба не доставало причтамъ); а годъ былъ еще плодородный [2]). Во многихъ мѣстахъ, большей частію отъ скудости, хлѣбнаго сбора и не было вовсе (астрах., крутицк., вятск., черниговск., переяслав., тобольская, иркут., нижегород.); въ нижегородской епархіи, когда стали собирать хлѣбъ (въ 39 году), то его оказалось достаточнымъ лишь на 169 учениковъ, тогда какъ во всѣхъ епархіальныхъ школахъ таковыхъ было 1291 [3]). Поэтому случалось, ученики голодали и нищенствовали (Архангельскъ, Тверь) [4]). Часто они содержались на родительскомъ коштѣ (особенно въ мало-

---

1) Знаменскій, „Школы“, стр. 105-107

2) А. С. С. Дѣло 1741 г. № 366. Донесеніе изъ еп. 20 ноября 1743 г.

3) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. III, л. 326-330.

4) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. IV, л. 119-121. Колосовъ, Исторія тв. д. с., стр. 12-30.

россійскихъ епархіяхъ, гдѣ духовенство было состоятельно; тоже въ нижегородской). Но въ епархіяхъ бѣдныхъ приходилось имъ плохо; архіерейскій домъ въ такихъ случаяхъ содержалъ на свой счетъ бѣднѣйшихъ учениковъ. Такимъ образомъ, на его средства падали не только расходы на учителей и учебную обстановку, но не рѣдко и на пропитаніе школьниковъ. Въ указѣ 7-го сентября 1737 года повелѣвалось на содержаніе школъ и школьниковъ „изъ архіерейскихъ и монастырскихъ и церковныхъ доходовъ, которые и по сіе время на архіереевъ и въ монастыри собирались, сумму опредѣлить". Сталобыть, расходы располагались отчасти и на монастыри. Существованіе школъ ставилось въ зависимость отъ доходовъ архіереевъ и монастырей. Но привлеченіе послѣднихъ (не однимъ хлѣбомъ) къ поддержкѣ школьнаго дѣла было еще проэктомъ. Пока же архіерейскіе дома были главною опорою школы. Когда они обладали достаточными матеріальными средствами, школьное дѣло имѣло возможность существовать. Въ этомъ отношеніи въ общемъ болѣе благопріятно поставлены были епархіи неопредѣленныя. Ихъ бюджетъ былъ гораздо больше, чѣмъ у опредѣленныхъ епархіи. Цифры лучше всего говорятъ объ этомъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія объ 8 епархіяхъ первой и 12 второй категоріи. Въ 12 опредѣленныхъ епархіяхъ полагалось расходовать 17.497 руб. 12 коп. (въ ростовскомъ архіер домѣ 2014 руб.; въ крутицкомъ 1350 руб.; въ нижегородскомъ, рязанскомъ, суздальскомъ и бѣлогородскомъ по 1500 руб.; въ вологодскомъ 1333 руб. 12 коп.; въ смоленскомъ 1500 руб. да 500 руб. на содержаніе школъ; въ тверскомъ, вятскомъ, коломенскомъ и архангельскомъ по 1200 руб.). Въ 8 же неопредѣленныхъ епархіяхъ бюджетъ былъ въ 22.557 руб. 35 к. (въ новгородской 9244 руб. 87 к., псковской 3685 руб. 68 коп.. воронежской 1287 руб. 70 коп., устюжской 1853 руб. 29 коп., казанской 3342 руб. 72 коп., изъ которыхъ 669 руб. 18 коп. ассигновано на содержаніе новокрещеныхъ, тобольской 1729 руб. 2 коп., иркутской 697 руб. 44 коп., астраханской 716 руб. 62 к.) [1]). Въ параллель этимъ цифрамъ идетъ и состояніе школьнаго дѣла въ соотвѣтствующихъ епархіяхъ. Богатый Новгородъ имѣетъ

1) О. А. С. С. XII, № 64/124.

старую школу (съ 1708 г.); Псковъ обзавелся ею довольно рано; Казань тоже. Затѣмъ идутъ епархіи съ бюджетомъ 1200-2000 руб., и во всѣхъ почти ихъ мы видѣли медленное образовательное движеніе. Смоленскъ составляетъ тутъ исключеніе, такъ какъ тамъ отпускалась спеціальная сумма на школьное дѣло. Иркутскъ и Астрахань съ своими ничтожными средствами стоятъ позади всѣхъ и на поприщѣ просвѣщенія. Астраханскій архіерей лишь подъ вліяніемъ самыхъ категорическихъ и грозныхъ приказовъ завелъ школы; но при этомъ онъ справедливо представлялъ документальныя данныя, что ее содержать нечѣмъ. На учителя онъ отдалъ все остающееся ему изъ вышеприведенной суммы (ок. 40 руб.); а потомъ и школа, печально влачившая свое существованіе, скоро закрылась. Въ Иркутскѣ семинаріи не открывали [1]). Малороссійскія епархіи, никогда не подлежавшія контролю въ финансовомъ отношеніи, стояли впереди всѣхъ и по образованію.

Отсюда прямой выводъ для государственной власти того времени былъ тотъ, что для реализаціи просвѣтительныхъ проэктовъ необходимо увеличить финансовыя средства епархіальныхъ управленій. Отъ нихъ требовали содержанія школъ, устройства ихъ, выписки учителей и учебныхъ пособій; но все это хотѣли сдѣлать безъ копѣйки денегъ, всецѣло на мѣстныя средства. Когда архіереи спрашивали, на какія средства учреждать семинарію и просили у Синода указаній, то послѣдній, самъ, вѣроятно, сознавая свое безсиліе, отвѣчалъ лишь выговорами [2]). Между тѣмъ вопросъ этотъ приходилось задавать въ силу необходимости. Назначенныя на содержаніе архіерейскаго дома суммы были вѣдь въ большинствѣ случаевъ очень не значительны и расходовались на необходимыя потребности. Въ Ростовѣ, напримѣръ, по точному вычисленію, всякіе платежи и расходы по дому поглощали болѣе положеннаго оклада (2014 р.), не считая еще ремонта соборной церкви, на что архіерей счи-

---

1) Въ 39 году изъ Иркутска писали въ Синодъ, что тамъ не только семинарію завести не на что, но даже не на что поправить полуразвалившуюся русско-монгольскую школу при Вознесенскомъ монастырѣ (А. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. III, л. 87-88).

2) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. II, л. 831—832.

талъ нужнымъ ежегодно 3200 руб. [1]). Ясно, что архіерейскій домъ на ассигнованныя средства существовать не могъ. Большимъ подспоріемъ служили въ данномъ случаѣ заопредѣленныя вотчины, управленіе которыми значительно пополняло бюджетъ епархіальныхъ учрежденій. Если бы правительство изъ находящихся въ вѣдомствѣ Коллегіи Экономіи монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ извѣстную часть опредѣлило на школы, то этимъ, несомнѣнно, лучше всего обезпечило бы ихъ устойчивое существованіе. Епархіальныя начальства иногда дѣлали намекъ на это. Ростовскій архіепископъ Арсеній въ 1744 году, представляя стѣсненное положеніе ростовскаго училища, высказывалъ между прочимъ соображеніе, что хорошую семинарію, на подобіе новгородской, могъ бы содержать одинъ Спасо-Ярославскій монастырь, если бы былъ освобожденъ отъ платежа въ Коллегію и получилъ свои имѣнія въ свое распоряженіе [2]). Но аннинское правительство, относившее содержаніе школьнаго дѣла на средства архіерейскихъ домовъ и монастырей, свою церковно-имущественную политику вело въ направленіи ихъ возможно большаго стѣсненія. Не только не думая ассигновать часть доходовъ Коллегіи Экономіи на семинаріи [3]), оно секуляризаціей заопредѣленныхъ вотчинъ въ 1740 году отняло у епархіи, которыхъ коснулась эта реформа, и тотъ ресурсъ, съ помощью котораго единственно были возможны немалыя затраты на духовное образованіе. Лишившись части доходовъ, архіереи не могли на свой скудный опредѣленный бюджетъ широко поддерживать просвѣтительныя учрежденія, а монастыри не могли дѣлиться своими доходами, какъ предполагала правительственная власть. Экономическая политика аннинскаго царствованія, такимъ образомъ, въ корнѣ подрывала благосостояніе семинарій, не сдѣлавъ для ихъ обезпеченія ровно ничего.

Провозглашая необыкновенную заботливость объ обра-

---

1) А. С. С. Дѣло 1743 г. № 366.

2) А. С. С. Дѣло 1743 г. № 366. Доношн. 17 апр. 1744 г.

3) А сдѣлать это было вполнѣ возможно, такъ какъ съ 35—40 годъ въ коллежской казнѣ, за покрытіемъ окладныхъ расходовъ, оказалось остатковъ болѣе 230 тыс. рублей. Изъ нихъ 174 тыс. государство употребило на свои нужды и оставило въ своемъ распоряженіи. Отсюда можно было бы удѣлить кое что на семинаріи (Завьяловъ, стр. 79).

зованіи духовенства, аннинское правительство упорно отклоняло отъ себя всякія просьбы о матеріальныхъ пособіяхъ. Оно охотно покровительствовало школамъ, когда не требовалось на это расхода; а чуть дѣло доходило до послѣдняго, слышались отговорки, наступали замедленія. Такъ, когда епископъ бѣлгородскій Епифаній попросилъ у высочайшей власти жалованную грамоту харьковскому покровскому монастырю и славяно-латинскимъ школамъ, то грамота была дана, потому что расходовъ тутъ не требовалось. Коллегіумъ утверждался на вѣчныя времена нерушимо, ограждался отъ всякихъ обидъ и утѣсненій; а на счетъ содержанія школъ грамота изрѣкала: „довольствоваться тѣми доходами, чѣмъ они нынѣ удовольствованы“ [1]). Когда же архимандритъ спасскаго училищнаго монастыря вздумалъ (въ 1731 году) попросить жалованную грамоту этому монастырю и назначенія на содержаніе школы и учениковъ жалованія, то дѣло передали Синоду для разсмотрѣнія, предоставивъ ему изобрѣсти источникъ для требуемаго пособія; въ Синодѣ оно и заглохло [2]).—Въ 1730 году митрополитъ тобольскій Антоній доносилъ Синоду, что во имя „церковной и государственной пользы“ необходимо учредить въ Тобольскѣ семинарію съ полными семинарскими классами; но содержать ее на средства мѣстныя невозможно за ихъ скудостью, чему представлялись документальныя доказательства. Митрополитъ просилъ назначить ему ежегодно на семинарію (а также и на новокрещенныхъ) по 1000 р. Однако, не смотря на всѣ доводы, архіерей не получилъ ни рубля [3]), хотя 17-го марта того же года правительство торжественно провозглашало свое попеченіе о духовномъ просвѣщеніи.—Въ 1737 г. Св. Синодъ просилъ у Кабинета разрѣшенія употребить на достройку зданія казанской семинаріи деньги изъ оставшихся послѣ смерти духовныхъ особъ пожитковъ, каковые хранились въ Св. Синодѣ и могли расходоваться лишь по кабинетскимъ указамъ. Кабинетъ не сразу разрѣшилъ даже эту выдачу. Сначала онъ затребовалъ вѣдомости о семинаріи, когда она заведена, въ какомъ состояніи нахо-

---

1) П. С. З. VIII, 5716.
2) А. С. С. Дѣло 1731 г. № 287.
3) О. А. С. С. X, № 138—178.

дится и что достроить надо и проч. Только въ 1739 году послѣдовало разрѣшеніе употребить на достройку семинаріи 3000 рублей изъ указанныхъ денегъ [1]). Два года дѣло стояло изъ за справокъ, а между тѣмъ въ теченіи этихъ лѣтъ издавались указы за указами объ учрежденіи семинаріи. Правительство много говорило, да мало дѣлало... Въ 1738 году таже исторія повторилась въ увеличенномъ масштабѣ. Синодъ теперь просилъ разрѣшенія употребить на содержаніе школъ въ синодальной области штрафныя деньги, собираемыя и собранныя за неуказное постриженіе въ монахи въ прошлые годы, и деньги изъ оставшихся пожитковъ духовныхъ особъ. Кабинетъ не разрѣшилъ этого, говоря, что сначала долженъ быть составленъ штатъ о всѣхъ школахъ, согласно указу 8-го іюня. Кабинетъ прекрасно зналъ, что составленіе штата продолжается годы, и затягивалъ дѣло, очевидно не желая давать требуемыя деньги [2]).

Самые указы о составленіи штата были въ сущности громкой фразой. Мы знаемъ распоряженіе 8-го іюня 1738 года о составленіи штата для всѣхъ семинаріи. Но было бы ошибочно думать, что правительство намѣревалось принять содержаніе епархіальныхъ училищъ на средства центральнаго управленія. Судя по вышеприведеннымъ частнымъ фактамъ, законодатели не хотѣли ничуть отказаться отъ принципа, что содержаніе школъ должно лежать всецѣло на средствахъ епархіальныхъ. Синоду предоставлялось указать тѣ мѣстные источники, откуда могли бы покрываться расходы на семинарское образованіе. При такихъ условіяхъ составленіе общаго штата дѣлалось неизбѣжно мечтою, не подающей надежды на осуществленіе. Для тѣхъ епархій, гдѣ мѣстныя средства (преимущественно архіерейскаго дома) позволяли дать опредѣленное устройство семинаріи въ финансовомъ отношеніи, штатъ могъ быть составленъ. Въ Новгородѣ такъ, напримѣръ, и было. Здѣсь архіерейскій домъ обладалъ богатыми средствами. Поэтому штатъ былъ составленъ и апробованъ въ 1740 году. На содержаніе семинаріи была назначена солидная сумма—7591 рубл. въ годъ [3]). Въ другихъ же епархіяхъ дѣло обстояло иначе.

---

1) А. С. С. Книга им. указовъ 1737 г., № 67 и 1739 г., № 23.
2) А. С. С. Книга высоч. указ. 1738 г., № 32, іюня 26.
3) Книга штатовъ, 24 мая 1740 года, (П. С. З.).

Для казанской семинаріи также нашли средства содержанія и составили штатъ; но здѣсь дѣло его утвержденія уже затянулось; Кабинетъ велѣлъ его сначала разсмотрѣть Синоду и подать свое мнѣніе. Причина замедленія кроется опять въ финансовыхъ обстоятельствахъ. Хотя еп. казанскій Лука Конашевичъ выражалъ Синоду надежду, что расходы на семинарію (2662 руб.) будутъ покрываться изъ средствъ мѣстныхъ церковныхъ; однако намекалъ, что послѣднихъ можетъ недостать, и предполагалъ въ такомъ случаѣ восполнить недостатокъ изъ доходовъ казанской губерніи. Это предположеніе грозило затронуть государственный карманъ. Потому то, надо думать, Кабинетъ и велѣлъ пересмотрѣть штатъ Синоду, медлилъ его утвержденіемъ. Штатъ казанской семинаріи такъ и остался не апробованъ [1]). Что касается прочихъ епархій, то сочиненіе семинарскихъ штатовъ для нихъ въ большинствѣ случаевъ было невозможно. Мѣстныя средства не позволяли этого, а правительство и не думало дѣлать съ своей стороны какихъ либо расходовъ. Синодъ не располагалъ никакими суммами: у него были отобраны всѣ финансовыя учрежденія. Секуляризація заопредѣльныхъ вотчинъ въ 1740 году, напротивъ, еще болѣе стѣснила содержаніе школъ. Указъ о сочиненіи штатовъ былъ потому однимъ изъ такихъ благихъ намѣреній, которымъ завѣдомо не суждено осуществиться. Онъ во многомъ напоминаетъ собою правительственную попечительность о ружникахъ. Если тѣмъ пришлось плохо отъ попытки учредить штатное опредѣленіе, то школьное дѣло не могло ожидать ровно никакой поддержки отъ оказываемаго ему государственной властью вниманія. Любопытно было бы знать, на счетъ какихъ суммъ сталъ бы Синодъ сочинять штаты, напримѣръ, въ епархіяхъ опредѣленныхъ? Единственно развѣ на счетъ доходовъ, идущихъ въ Коллегію Экономіи. Но всѣ излишки послѣдней шли на государственныя нужды, а правительство ничуть не думало оказывать матеріальную помощь школамъ изъ своихъ, хотя и косвенныхъ, рессурсовъ. На словахъ проявляя необычную ревность о духовномъ просвѣщеніи, Кабинетъ сразу заговорилъ иначе, чуть затрогивались финансовые вопросы, проявлялъ необы-

1) А. С. С. Книга высоч. ук. 1740 г., № 45. Дѣло 1735 г. № 336.

чайную скупость. Черта эта особенно рельефно проявилась въ 1740 году по поводу одного случая Кіевскій архіепископъ Рафаилъ 10-го сентября донесъ Синоду, что за прекращеніемъ въ 1722 году отпуска изъ малороссійскаго войсковаго скарба ежегодно суммы въ 200 руб. на содержаніе кіевскихъ братскихъ школъ, „школы весьма обветшали, а учители возъимѣли великую нужду“ [1]). Синодъ обратился въ Кабинетъ съ ходатайствомъ, „учинить милостивую резолюцію“ на просьбу Рафаила выдавать по прежнему деньги и выдать невыданное. На представленіе Синода Кабинетъ отвѣтилъ: справиться въ Сенатѣ, дѣйствительно ли отпускались указанныя деньги до 1722 года, не былъ ли отмѣненъ этотъ отпускъ какимъ указомъ, и только если не былъ отмѣненъ, выдать деньги. По справкѣ оказалось, что отмѣны не было, и требуемую сумму приказано было выдать [2]). По принципъ кабинетской политики—не жертвовать никакими средствами на пользу духовнаго просвѣщенія изъ государственныхъ источниковъ—проявился здѣсь во всей силѣ. Кабинетъ, не смотря на „великую нужду“ кіевскихъ школъ, не намѣренъ былъ дать имъ ни копѣйки, если только оказалось бы, что они не имѣютъ юридическаго права на дачу.

Теперь ясно, на какомъ шаткомъ базисѣ покоились блестящіе образовательные проэкты аннинскаго царствованія. Они не соображались ни съ духовными, ни съ матеріальными средствами духовнаго вѣдомства. Правительство расчитывало одними указами поднять духовное просвѣщеніе; а свою церковную политику вело прямо въ разрѣзъ просвѣтительнымъ интересамъ, реальной помощи не оказывало и настоящаго дѣла въ области духовнаго образованія не дѣлало. Весь чиновническій бюрократизмъ аннинскаго правительства выступилъ наружу въ его просвѣтительныхъ заботахъ: незнаніе жизни, вѣра въ всемогущество законодательства, масса противорѣчій между распоряженіями, всецѣло покоящимися на теоретическихъ взглядахъ, оторванными отъ дѣйствительности. Все, что сдѣлало правленіе

---

1) Рафаилъ доносилъ объ этомъ еще въ 1732 году, но такъ и не получилъ удовлетворенія (Опис. д. и д. Арх. Св. Син. XII, № 285/321).

2) Внутренній бытъ, II, 313—314.

Анны Іоанновны для духовнаго просвѣщенія—это толчекъ, данный епархіальнымъ архіереямъ. Дѣло образованія въ епархіяхъ, дѣйствительно, двинулось впередъ; просвѣтительное движеніе отозвалось во всѣхъ концахъ Россіи. Но его выносили на своихъ плечахъ мѣстные архіереи, а не государство. Въ епархіяхъ дѣлалось все возможное для учрежденія семинаріи, отчасти подъ вліяніемъ указовъ, отчасти вслѣдствіе сознанія самихъ духовныхъ властей въ безусловной образовательной нуждѣ. Но мы нисколько не можемъ удивляться, что нѣкоторыя, вызванныя судорожнымъ напряженіемъ, школы едва существовали, а другія скоро и совсѣмъ угасли. Въ Рязани число учениковъ, какъ мы видѣли, прогрессивно уменьшалось, (въ 40-мъ г.—90; въ 41 г. —70; въ 42 г.—42). Въ крутицкой архіерейской школѣ въ 40 году учащихся было всего 37 человѣкъ; въ архангельской ихъ оказалось только 14. Въ коломенскомъ славяно-латинскомъ училищѣ въ 43 году было едва 43 ученика [1]). Въ Устюгѣ въ 42 г. обучалось 69 чел. [2]). Въ Вологдѣ въ 43 году 52 учен. [3]). Въ Ростовской (въ Угличѣ) школѣ въ 40 году было 56 учениковъ [4]). Въ 1743 году латинская школа здѣсь совсѣмъ закрылась. Синодъ потребовалъ отвѣта отъ Арсенія Мацѣевича, ростовскаго архіерея. Но тотъ отвѣтилъ, что содержать школу не на что, и документальными данными доказывалъ, что архіерейскій домъ средствъ не имѣетъ, а на собираемый съ епархіи хлѣбъ можно содержать не болѣе 10 учениковъ въ школѣ славяно-россійской грамматической. Синодъ далъ рѣзкій и колкій выговоръ Арсенію [5]), однако, дѣлу это не помогло, и въ 1745 году оставалась одна школа славяно-россійская [6]). Въ Тобольскѣ, въ бытность того же Арсенія архіереемъ, хотѣли въ 1742 году латинское ученіе также уничтожить. Арсеній писалъ Синоду, что въ Тобольскѣ совершенно нѣтъ духовныхъ средствъ для существованія семинаріи, такъ что можно развѣ по имени завести ее, а не въ дѣйствительности, и просилъ по-

---

1) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. IV, л. 741—744.
2) Тамъ-же, т. IV, л. 525—535
3) Тамъ-же, т. IV, л. 709—713.
4) Тамъ-же, т. III, л. 600—613.
5) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 366.
6) Амвросій, Исторія росс. іерархіи, ч. I, М. 1807 г., стр. 444.

зволенія оставить одно славяно-россійское ученіе. Синодъ не разрѣшилъ [1]). Но въ Астрахани школы не удалось спасти и синодскими предписаніями. Въ январѣ 1742 года астраханскій епископъ доносилъ, что школа латинская у него заведена, нашелся одинъ знающій латинскій языкъ діаконъ, который и обучаетъ школьниковъ „латинскому діалекту“. Но этотъ пьяница учитель совершенно „не надеженъ“ и ученики его ничего не знаютъ. Учениковъ весьма мало (въ 41 г. ихъ было всего 18 чел.), такъ какъ дѣти духовенства за разборами опредѣлены почти всѣ къ церквамъ. Матеріальныхъ средствъ нѣтъ и учителя изъ Кіева выписать не на что и не для кого. Архіерей просилъ уничтожить латинское ученіе и оставить одно славяно-россійское. Вскорѣ онъ донесъ, что учитель имъ отрѣшенъ и латинская школа уничтожена. Синодъ далъ было (2 марта 44 г) предписаніе и учителя выписать и содержаніе ему дать (а на какія средства—умалчивалось); но архіерей отвѣтилъ (8 мая 44 г.), что ученики уже къ церквамъ опредѣлены. Такъ и кончилось на сей разъ существованіе астраханской „семинаріи“ [2]). Въ 1742 году закрылись латинскія школы въ Воронежѣ и Суздалѣ [3]). При отсутствіи правительственной поддержки, при скудости духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, духовно-образовательное дѣло не могло, конечно, сложиться по предназначенной ему нормѣ, установиться прочно. Епархіи сдѣлали напряженныя усилія для учрежденія учебныхъ заведеній; но стать окончательно на ноги семинаріямъ не удалось еще долго. Судорожнымъ напряженіемъ нельзя создать прочной школьной организаціи, когда нѣтъ твердой основы для ея существованія.

Такимъ образомъ, просвѣщенное правительство императрицы Анны сдѣлало въ дѣйствительности для духовнаго просвѣщенія гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать отъ него, на основаніи провозглашенныхъ имъ убѣжденій и обилія громкихъ заявленій о своей заботливости о духовной

---

1) А. С. С. Дѣло 1737 г. № 380, т. IV, л. 368—373. П. С. П. и Р. Царств. Елизаветы, т. I, № 112.

2) А. С. С. Дѣло 1742 г. № 579.

3) Исторія Кіевск. Академіи, Іером. Макарія Булгакова, СПБ. 1843 г., стр. 184. Амвросій, Ист. Р. іер., ч. I, стр. 445.

школѣ. Въ 30-е годы XVIII столѣтія былъ выдвинутъ новый нормальный типъ духовно-учебнаго заведенія, повышенъ образовательный цензъ, необходимый для кандидатовъ на священство, положено основаніе среднимъ епархіальнымъ училищамъ. По сравненію съ петровскимъ временемъ, духовная школа сдѣлала значительный шагъ впередъ. Но вся созидательная работа совершалась снизу, а не сверху. Верховной власти принадлежала одна законодательная дѣятельность; на дѣлѣ же правительство скорѣе тормозило осуществленіе просвѣтительныхъ задачъ, чѣмъ способствовало этой созидательной работѣ. Поэтому и слава аннинскаго царствованія въ исторіи духовнаго просвѣщенія теряетъ половину своего блеска, меркнетъ и тускнѣетъ при ближайшемъ изученіи истиннаго положенія просвѣтительнаго дѣла въ то время.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мѣры противъ раскола и заботы о миссіонерскомъ дѣлѣ. Отношеніе къ иновѣрческой пропагандѣ. Помощь православнымъ церквамъ на востокѣ.

Участіе государственной власти при императрицѣ Аннѣ въ дѣлахъ церковныхъ внутреннихъ исчерпывается вышеразсмотрѣнными областями церковной жизни. Но у церкви есть еще дѣла внѣшнія, та область дѣятельности, гдѣ церковная жизнь выходитъ изъ своего центра на периферію. Мы разумѣемъ миссіонерскія задачи церкви. Для церкви русской эти задачи принимали двоякую форму, такъ какъ наша историческая жизнь выдвинула на сцену расколъ—явленіе, возбудившее усыпленную потребность миссіонерской дѣятельности. Расколъ, увлекшій за собою сотни тысячъ православныхъ людей и поставившій ихъ во враждебное отношеніе къ своей прежней духовной матери, стоялъ всегда живымъ призывомъ къ дѣлу обращенія въ церковное лоно. Сама церковь, признавъ раскольниковъ уклонившимися отъ истиннаго пути, порвала связь съ ними за ихъ упорство, отказалась отъ ихъ сыновства. Но въ дѣйствительности, она никогда не переставала смотрѣть на нихъ, какъ на свое достояніе, оторванное, правда, отъ нея на время, но все-таки принадлежащее ей по историческому праву. Поэтому то расколъ у насъ до самаго послѣдняго времени и не разсматривался какъ отдѣльное исповѣданіе, не получалъ тѣхъ правъ, какія имѣютъ другія неправославныя исповѣданія, хотя всѣми силами старался получить ихъ. Признавъ фактъ отдѣленія и неправославіе раскольниковъ, церковь, нѣсколько непослѣдовательно, не хотѣла отказаться отъ своихъ правъ и власти надъ ними, признать ихъ равноправность съ инославными христіанами. Государство въ данномъ случаѣ поддерживало церковь, потому что и въ его интересахъ было, чтобы полнаго разрыва съ господствующимъ исповѣданіемъ расколъ не дѣлалъ. Сходились также интересы церковные и

государственные и въ вопросѣ о противо-раскольнической миссіи. Для церкви заботы объ обращеніи раскольниковъ были насущнымъ вопросомъ потому, что она смотрѣла на расколъ, какъ временную болѣзнь, требующую скорѣйшаго излеченія, почему и не хотѣла дать ему равныхъ съ христіанскими исповѣданіями правъ, чтобы не закрѣпить отдѣленія. Государство принимало мѣры противъ раскола, какъ во имя интересовъ государственнаго исповѣданія, такъ и подъ вліяніемъ своего взгляда на раскольниковъ, какъ на людей, вредныхъ въ государственномъ отношеніи.

Аннинское правительство въ силу тѣхъ же мотивовъ обратило на расколъ вниманіе. Будучи весьма вѣротерпимымъ къ другимъ исповѣданіямъ, оно по отношенію къ расколу обнаруживало довольно большую строгость, не переходящую, впрочемъ, никогда въ общее преслѣдованіе. Взглядъ на вредность раскола проскальзываетъ въ извѣстной запискѣ Остермана, составленной въ 1740 году, когда онъ говоритъ, что вѣра заслуживаетъ „особливое вниманіе“ верховной власти „наипаче для многихъ въ государствѣ находящихся раскольниковъ и извѣстнаго сихъ злыхъ людей расположенія“. Этотъ взглядъ и руководилъ аннинскимъ правительствомъ въ его политикѣ по отношенію къ расколу. Послѣдняя была, подобно всей политикѣ церковной, всецѣло продолженіемъ завѣтовъ петровскаго царствованія. Петръ Великій смотрѣлъ на расколъ съ чисто государственной точки зрѣнія. Сначала онъ видѣлъ въ немъ не болѣе, какъ религіозную секту и относся къ нему потому довольно мягко. Онъ далъ раскольникамъ возможность жить спокойно, заплативъ за себя денежный выкупъ, въ концѣ царствованія выразившійся въ видѣ двойного подушного оклада [1]). Изъ раскола, такимъ образомъ, извлекала пользу государственная казна. Преслѣдованія за легализированный подобнымъ способомъ расколъ не было. Однако, Петру пришлось убѣдиться, что расколъ не безразличенъ и въ чисто государственныхъ интересахъ. Раскольники, какъ извѣстно, не чужды были ненависти въ верховной власти, которая ввела „никоніанскую ересь“ и воздвигла гоненіе на „древнее благочестіе“. Самого Петра они

---

1) П. С. П. и Р. IV, 1288, 1378. Незаписные раскольники пощады не находили; имъ грозила каторга (П. С. П. и Р. II., 454, П. С. З. VI, 4009).

подчасъ называли антихристомъ; всѣ его нововведенія возбуждали въ нихъ фанатическое отвращеніе, и за одну бороду они готовы были положить жизнь свою. Поэтому Петръ въ концѣ концовъ сталъ значительно суровѣе относиться къ старообрядцамъ.—Въ правленіе Анны Іоанновны государственная власть поступала совершенно также: съ одной стороны раскольники должны были нести усиленные денежные налоги, съ другой—ихъ всѣми мѣрами, и внѣшними и духовными, старались обратить къ церкви, или, по крайней мѣрѣ, пресѣчь дальнѣйшее распространеніе раскола, „ради извѣстнаго сихъ злыхъ людей расположенія“. Самые налоги имѣли отчасти цѣль побудить раскольниковъ оставить свое упорство.

Финансовая политика государства по отношенію къ расколу оставалась прежней. Казна требовала двойной окладъ неукоснительно. Его размѣръ въ сенатскомъ указѣ 1732 года опредѣлялся въ прежнемъ видѣ. „Съ записныхъ раскольниковъ съ купечества, сверхъ настоящихъ съ нихъ податей, брать за расколъ ихъ въ раскольническую контору по толикому числу, сколько кто подушныхъ денегъ въ гильдіяхъ платятъ... А съ раскольниковъ же крестьянъ, которые въ подушный окладъ положены, по силѣ указа іюля 15-го дня 1728 года, брать по семи гривенъ. Съ разночинцевъ, которые въ подушный окладъ не положены, по силѣ синодскаго опредѣленія сентября 30-го дня 1724 года, по рублю по 20 копѣекъ съ души на годъ“. Съ женскаго пола всѣхъ званій брать половину [1]). Правительство строго наблюдало за интересами фиска. Когда дошли до власти свѣдѣнія (1738 г.), что на заводахъ Демидова много раскольниковъ не переписанныхъ и оклада не платящихъ, то туда Кабинетъ велѣлъ послать нарочныхъ изъ Сената, чтобы сдѣлать перепись; съ раскольниковъ велѣно было взыскать двойной окладъ за все время, пока они его не платили, и впредь взыскивать [2]). Въ 1738 же году была наряжена коммиссія въ извѣстные раскольническіе центры—Ворлоозерскій погостъ и Выгорѣцкую пустынь, имѣвшая въ виду между прочимъ выяснить, всѣ

---

1) П. С. З. VIII, 6149. Распоряженіе подтверждено 27-го апрѣля 1740 года указомъ Кабинета: П. С. З. XI. 8083.

2) П. С. З. X, 7663.

ли раскольники тамъ записаны и въ окладъ положены [1]). Въ это же время обратило на себя вниманіе Кабинета одно ненормальное явленіе. Съ раскольниковъ доселѣ, взимая двойной окладъ, не брали рекрутъ, замѣняя эту повинность повышеніемъ денежнаго сбора. Въ такомъ смыслѣ еще въ 1730 году послѣдовало сенатское распоряженіе объ олонецкихъ раскольникахъ и пустынно-жителяхъ [2]). Не брали съ раскольниковъ и лошадей на армію. Подобный порядокъ вещей оказывался въ результатѣ не соотвѣтствующимъ основному принципу государственной политики по отношенію къ расколу. Раскольники по идеѣ должны были нести большую тягость, чѣмъ православные. Между тѣмъ свобода отъ рекрутскаго набора, даже съ повышеніемъ денежныхъ окладовъ, ставила ихъ въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ православныхъ, которые, кромѣ подушнаго сбора, несли на себѣ и рекрутскій наборъ, поставку лошадей, работниковъ, казенныхъ подводъ—повинности, отъ которыхъ раскольники освобождались. Такой порядокъ вещей началъ сказываться даже тѣмъ, что нѣкоторые уходили въ расколъ именно по этимъ финансовымъ соображеніямъ. Принимая во вниманіе эти обстоятельства и ссылаясь на нихъ, правительство (11-го декабря 1738 года) постановило собрать съ раскольниковъ „вмѣсто прошедшихъ и нынѣшнихъ наборовъ“ рекрутъ съ 50 душъ по человѣку и драгунскихъ лошадей по одной со ста душъ [3]). Вспомнили объ упущеніи, конечно, потому, что военныя нужды требовали усиленнаго напряженія... Впрочемъ, надо отдать справедливость правительству, оно не налагало слишкомъ большихъ тягостей на раскольниковъ и охраняло ихъ экономическое благосостояніе, когда ему грозила опасность отъ исключительныхъ раскольническихъ повинностей. Такъ, въ 1737 году раскольники—купцы города Романова подали жалобу Сенату, что ихъ, при двойномъ окладѣ, разоряетъ обязанность нести выборныя должности (къ денежному сбору въ счетчики, въ бурмистры къ питейнымъ

---

[3]) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 29/791, л. 29—36, 62. Состояла коммиссія изъ архимандрита Бѣлоозерскаго монастыря Вавилы, асессора Осипа Тимоф. Квашнина-Самарина и священника церкви Симеона Богопріимца и Анны Пророч. въ С.-Петербургѣ Ивана Григорьева.

[2]) П. С. З. VII, 5630.

[3]) П. С. З. X, 7702.

сборамъ, въ ларечные и цѣловальники). Сенатъ внялъ просьбѣ и освободилъ купцовъ отъ всѣхъ этихъ должностей, кромѣ счетчиковъ [1]). А въ 1740 году крестьянъ дворцовыхъ волостей изъ раскольниковъ Сенатъ не велѣлъ опредѣлять ни въ счетчики, ни въ другіе выборные (безплатные) службы, „дабы они предъ прочими излишней тягости не несли, и черезъ то въ платежахъ настоящихъ податей не пришли въ несостояніе“ [2]).

Хотя двойной окладъ, положенный на раскольниковъ, давалъ государственной казнѣ солидный доходъ, но вредъ раскола, во всякомъ случаѣ, въ глазахъ верховной власти далеко превышалъ тѣ выгоды, которыя извлекалъ изъ него фискъ. Убѣжденное въ „зломъ расположеніи“ раскольниковъ, правительство не подвергало, правда, преслѣдованію за содержаніе раскола раскольниковъ записныхъ; но всѣми возможными мѣрами старалось содѣйствовать пресѣченію зла. Мѣры эти были двоякаго рода. Одни направлялись къ тому, чтобы положить предѣлъ распространенію старообрядства, охранять отъ его вліянія здоровые элементы церкви; они отрицательно должны были вести къ искорененію раскольниковъ, не давая имъ размножаться. Другія имѣли цѣлью положительную борьбу съ расколомъ, путемъ соединенія съ церковью раскольниковъ, уже существующихъ.

Чтобы остановить распространеніе раскольническаго ученія, правительство твердо настаивало на соблюденіи прежнихъ узаконеній (15-го мая 1722 года, 16-го іюля 1728 года), по которымъ дѣти записныхъ раскольниковъ должны были воспитываться въ православной вѣрѣ, креститься и вѣнчаться въ православныхъ церквахъ православными священниками. Родители давали въ этомъ письменное обязательство и присягу [3]). Право на существованіе признавалось только за наличными записными раскольниками. Дѣти ихъ должны были быть православными и удаляться отъ всякаго общенія съ раскольническимъ заблужденіемъ. Понятно, однако, что это постановленіе, какъ прежде безпрестанно нарушалось, такъ нарушалось и при Аннѣ Іоанновнѣ, такъ какъ не было воз-

---

1) П. С. З. X, 7430.
2) П. С. З. XI, 8226.
3) П. С. З. VIII, 6149. IX, 6928.

можности наблюдать строго за его соблюденіемъ. Отцы всѣми силами старались воспитать дѣтей въ родительской старой вѣрѣ: ни присяга, ни „сказки“ тутъ не могли помочь дѣлу. Надо полагать, само правительство понимало всю безплодность попытокъ оторвать отъ раскола дѣтей раскольковъ. Поэтому центръ тяжести мѣръ, направленныхъ къ прекращенію распространенія лжеученія лежалъ, въ тѣхъ законахъ, которые воспрещали пропаганду среди православнаго населенія, а не въ вышеупомянутомъ постановленіи. Пропаганда шла обычно изъ центровъ раскола, гдѣ онъ ютился съ самаго своего возникновенія. Особенно много было раскольниковъ въ многочисленныхъ скитахъ въ глуши нижегородскихъ лѣсовъ. Отсюда разсѣевались сѣмена лжи по всѣмъ уголкамъ Россіи чрезъ посредство странниковъ, а также разныхъ „выходцовъ“, направлявшихся въ другія мѣста. Чтобы положить этому конецъ, было запрещено выдавать паспорты обитателямъ нижегородскихъ скитовъ, дабы они не смущали православныхъ въ другихъ губерніяхъ [1]). За совратительство карали жестоко. „Если кто правовѣрныхъ раскольническою ересью тайно или явно обольститъ,—говорилъ законъ,—таковаго по жестокомъ въ гражданскомъ судѣ наказаніи, посылать въ галерныя работы вѣчно, а движимое и недвижимое имѣніе отбирать въ казну“. Попустители раскольнической пропаганды подвергались равному наказанію съ совратителями [2]). Вождями раскола и главными пропагандистами были раскольническіе учители, и на нихъ потому правительство обратило особенное вниманіе. Не говоря уже о наказаніи разныхъ узурпаторовъ на священство [3]), гражданская власть стремилась лишить расколъ его главной опоры —фанатичныхъ „наставниковъ“, которыми раскольники такъ гордились и держались. Тутъ правительство обращалось даже къ хитрости. По высочайше утвержденному докладу Сената въ 1735 году, предписывалось мѣстнымъ властямъ отыскивать раскольническихъ учителей подъ предлогомъ опредѣленія ихъ къ раскольникамъ же, а потомъ найденныхъ держать подъ крѣпкимъ карауломъ [4]). За этими пред-

---

[1]) П. С. З. VШ, 6134.
[2]) П. С. З. VШ, 5554, 6149. IX, 6928 X, 7521.
[3]) П. С. З. IX, 6415.
[4]) П. С. З. IX, 6802.

ставителями раскольническаго ученія не признавалось права на существованіе [1]). Къ стѣсненію раскола направлялся отчасти и указъ 1734 г. о нестроеніи нигдѣ вновь часовень [2]). Во многихъ часовняхъ ютилось раскольническое богослуженіе.

Для обращенія раскольниковъ въ лоно церкви правительство принимало различныя мѣры. Во-первыхъ, матеріальныя выгоды должны были привлекать ихъ къ православію, такъ какъ обратившіеся не платили двоинаго оклада [3]) и освобождались даже отъ доимки, на нихъ числившейся [4]). Главнымъ же средствомъ обращенія было увѣщаніе, въ случаѣ неуспѣшности котораго иногда примѣнялись уже строгости. Увѣщаніе было собственно дѣломъ церковнымъ; правительство съ своей стороны только настаивало на немъ и посылало раскольниковъ для этого въ подходящія мѣста. Еще въ манифестѣ 17-го марта 1730 года Синоду говорилось: „раскольниковъ, невѣжествомъ своимъ противляющихся святѣй церкви, обращать увѣщаніемъ и ученіемъ“ [5]). Не много спустя именнымъ указомъ (8 мая 1730 года) было повелѣно Синоду въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ, заслуживающемъ „крѣпкаго прилежанія“, поступать по силѣ петровскихъ указовъ Питириму нижегородскому и всякое вспоможеніе чинить во всемъ, что служитъ къ искорененію противнаго ученія [6]). Въ видахъ успѣшнѣйшей противо-раскольнической дѣятельности Питирима, къ вѣдомству его въ 1730 году были присоединены города: Ярополчъ, Гороховецъ, Арзамасъ, Юрьевецъ-Поволжскій, Балахна, Вязниковская слобода съ уѣздами и Галицкій уѣздъ по рѣку Унжу [7]). Города эти были при Петрѣ уже въ Питиримовомъ вѣдѣніи; но послѣ него изъяты отъ пастырскаго попеченія архіепископа. Обративъ вниманіе на расколь и зная ревность Питирима въ борьбѣ съ нимъ, правительство вновь возвратило

---

1) П. С. З. IX, 6855.
2) П. С. З. IX, 6592
3) П. С. З. VIII, 6149.
4) П. С. З. VIII, 5998.
5) П. С. З. VIII, 5518.
6) П. С. П. и Р. VII, 2320.
7) П. С. З. VIII, 5564.

ему эти области «для ревностнаго его преосвященства тщанія».

Правительство требовало отъ Синода, чтобы онъ не забывалъ своей противораскольнической миссіи и духовными мѣрами увѣщанія обращалъ заблуждающихся. Много раскольниковъ для увѣщательныхъ цѣлей присылались въ Раскольническую контору. Для нихъ велѣно было опредѣлить „знатную персону въ Писаніи Святомъ довольно искусную“ [1]). Въ 1735 году Татищевъ доносилъ Кабинету изъ Оренбурга, что въ тамошнихъ мѣстахъ около заводовъ сильно умножилось число раскольниковъ, и просилъ прислать ученаго и искуснаго священника для ихъ обращенія. Кабинетъ сообщилъ объ этомъ требованіи Синоду [2]). Послѣдній рѣшилъ послать въ Оренбургъ на 3 года московскаго священника Ивана Ѳедорова, заявившаго себя на поприщѣ борьбы съ расколомъ; а потомъ чрезъ каждые три года мѣнять подобныхъ миссіонеровъ, выбирая ихъ изъ среды московскаго духовенства [3]).

Въ 1735 году возникъ вопросъ о раскольникахъ, выведенныхъ русскими войсками и вышедшихъ изъ за польской границы въ Россію. Сначала тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли отдаленное мѣстожительство, велѣно было поселить на Украйнѣ, чтобы этимъ привлечь другихъ бѣглецовъ къ добровольному переселенію на родину. Но потомъ, вслѣдствіе опасенія нежелательнаго вліянія подобнаго сосѣдства на донскихъ казаковъ, находящихся по близости и склонныхъ къ расколу, было сдѣлано распоряженіе раскольническихъ монаховъ и монахинь разослать по монастырямъ внутрь Россіи, а мірскихъ отослать на мѣста жительства; такая практика утверждалась и на будущее время. Увѣщательныя цѣли при этомъ опять стояли на первомъ мѣстѣ. Настоятелямъ и настоятельницамъ монастырскимъ предписывалось „стараться, и отыхъ раскольническихъ монаховъ, монахинь и пустынножителей увѣщевать и какъ возможно склонять къ соединенію правовѣрныхъ святой церкви“. Обратившихся разрѣшалось постригать вновь въ монашество—(знаменательное

---

1) П. С. З. VIII. 6149.

2) Сборн. р. и общ. т. III, стр. 148.

3) А. С. С. Дѣло 1734 г. № 352. Впрочемъ, посланъ былъ не Ѳедоровъ, а другой священникъ, такъ какъ Ѳедорову ѣхать не хотѣлось.

распоряженіе послѣ запретительныхъ указовъ, свидѣтельствующее, что правительство для цѣлей обращенія готово было даже поступиться своими принципами),—оставляя ихъ, впрочемъ, подъ крѣпкимъ надзоромъ. Необратившихся велѣно употреблять на монастырскія работы. Всѣмъ этимъ раскольникамъ давалось въ монастыряхъ только по $^1/_2$ порціи монашеской: жизнь впроголодь должна была тоже служить побужденіемъ обратиться въ лоно церкви, такъ какъ въ случаѣ обращенія имъ назначалось содержаніе наравнѣ съ монахами и монахинями. Мірскіе раскольники, отосланные на мѣста жительства, подлежали также увѣщанію, при чемъ въ качествѣ побудительнаго мотива къ обращенію для нихъ выставлялось облегченіе податей [1]). Однако, какія то государственныя соображенія заставили правительство измѣнить свое рѣшеніе, и раскольниковъ изъ Украйны, гдѣ они поселились въ особыхъ слободахъ, высылать на мѣста жительства было не велѣно. Стало-быть, и увѣщаніе къ обращенію для нихъ не состоялось. При сплоченности ихъ и исключительности положенія на Украйнѣ, тамъ о миссіи и не думали. Все-таки, чтобы ослабить расколъ, сдѣлано было распоряженіе—секретно наблюдать, чтобъ у этихъ украинскихъ раскольниковъ не было учителей [2]). Раскольническіе же монахи и монахини изъ Украйны были разосланы по монастырямъ подъ крѣпкій караулъ [3]).

Разсылка монаховъ и монахинь въ монастыри для содержанія и увѣщанія, имѣвшая въ виду выдѣлить изъ среды раскольниковъ этихъ лицъ, поддерживавшихъ расколъ, и вмѣстѣ сдѣлать попытку обратить ихъ, имѣла мѣсто не

---

1) П. С. З. IX, 6802.

2) П. С. З. IX, 6885.—Что касается мотивовъ, по которымъ раскольники были оставлены на Украйнѣ, гдѣ имъ давалась возможность сплотиться и образовать такимъ образомъ раскольническій центръ, то это были, повидимому, финансовыя соображенія. Раскольники заселяли на югѣ порожнія земли; на нихъ правительство, судя по указу, намѣревалось положить усиленный окладъ—(они сначала платили на Украйнѣ по примѣру прочихъ, а не двойной, окладъ). При сплоченности ихъ въ раскольническихъ слободахъ удобнѣе было извлечь изъ нихъ финансовыя выгоды, тѣмъ-болѣе, что они населяли земли, доселѣ не приносящія дохода..

3) П. С. З. X, 7521.

только по отношенію къ украинскимъ раскольникамъ, а и къ сибирскимъ. На уральскихъ заводахъ Демидова расколъ свилъ себѣ прочное гнѣздо. Татищевъ, мы знаемъ, просилъ прислать для противораскольнической миссіи ученаго священника. Правительство просьбу исполнило, но, видимо, не разсчитывая на особенную плодотворность миссіонерской дѣятельности, обратилось и къ болѣе энергичнымъ средствамъ, предписавъ развести раскольническихъ монаховъ съ Демидовскихъ заводовъ подъ карауломъ въ монастыри Сибири, по 2 и по 3 человѣка въ каждый, и содержать ихъ тамъ и увѣщевать на тѣхъ же основаніяхъ, какъ вышеупомянутыхъ заграничныхъ выходцевъ [1]). Но мѣра эта, какъ скоро выяснилось, грозила принести только вредъ церкви. Въ Сибири и прежде было много раскольниковъ и раскольническихъ старцевъ и старицъ, основавшихъ цѣлые скиты. Тобольскій митрополитъ Антоній еще въ 1730 году указывалъ на то, что обиліе раскольниковъ грозитъ здѣсь ущербомъ православію и просилъ выселить ихъ изъ Сибири [2]). Послѣ присылки въ монастыри раскольническихъ монаховъ и монахинь съ Уральскихъ заводовъ, митрополитъ послалъ новую жалобу. Онъ писалъ, что большинство присланныхъ увѣщанію не поддаются и даромъ обременяютъ монастыри, гдѣ не кому стеречь ихъ и удержать отъ бѣгства. Указывалъ онъ снова и на вредное вліяніе обилія раскольниковъ. Поэтому Синодъ сдѣлалъ докладъ Кабинету, предлагая, по примѣру петровскаго времени, отсылать впредь раскольниковъ на вѣчную работу въ Рогервикъ, находящихся же въ Сибири употреблять при горныхъ работахъ; а раскольницъ разослать на прежнія мѣста, откуда кто бѣжалъ. Кабинетъ принялъ предложеніе и велѣлъ возвратить всѣхъ присланныхъ въ Сибирь Татищевымъ раскольниковъ. Изъ нихъ теперь рѣшено было извлечь государственную пользу, заставивъ работать на горныхъ казенныхъ заводахъ. Чтобы они не разбѣжались, ихъ велѣно поселить въ особыхъ дворахъ съ высокимъ тыномъ и держать подъ крѣпкимъ карауломъ [3]).

1) П. С. З. IX, 6835. Дѣло Син. Арх. 1735 г. № 323.
2) Описаніе дѣлъ и докум. Арх Св. Синода, X, № 147-198.
3) П. С. З X, 7172. Впрочемъ, можно сомнѣваться относительно практической осуществимости этого распоряженія, ибо Татищевъ въ 1737 г. доносилъ, что посланные имъ въ Сибирскіе монастыри раскольники „всѣ до одного“ разбѣжались (Сб. р. и. о., т. 117, стр. 293).

Такимъ образомъ, раскольничьи монахи обращались въ своего рода каторжниковъ. Вообще правительство почти отчаялось въ успѣхѣ миссіи среди уральскихъ раскольниковъ, почему старалось по крайней мѣрѣ извлечь изъ нихъ возможныя выгоды. Расколъ на Демидовскихъ заводахъ размножался съ необычайной быстротою [1]). Обитали раскольники въ лѣсахъ, гдѣ у нихъ были цѣлыя селенія, скиты и пустыни. На счетъ обитателей послѣднихъ мы знаемъ правительственное распоряженіе. Въ концѣ концовъ они осуждались на горныя работы. Мірскихъ же раскольниковъ изъ посадскихъ, дворцовыхъ, государственныхъ и монастырскихъ крестьянъ, еще въ 1735 году приказано было вывести изъ лѣсовъ и поселить при заводахъ для заводскихъ работъ, отдѣливъ ихъ отъ сообщенія съ православными [2]). Впрочемъ, совершенно отъ надежды на нѣкоторые успѣхи миссіонерства правительство не отказалось и въ августѣ 1740 года требовало отъ Синода подтвердить указами, „чтобъ о увѣщаніи тѣхъ раскольниковъ ко обращенію ко святой церкви въ сибирской епархіи опредѣленныя къ тому духовныя персоны имѣли прилежное стараніе“. Синодъ рѣшилъ отправить „искусныхъ духовныхъ персонъ“ къ тобольскому митрополиту Никодиму для борьбы съ расколомъ [3]).

Важныхъ мѣропріятій по отношенію къ расколу, какъ видно изъ предыдущаго изложенія, мы не встрѣчаемъ со стороны аннинскаго правительства. Слѣдуя политикѣ Петра Великаго, оно смотрѣло на расколъ съ государственной точки зрѣнія и прибѣгая иногда къ строгостямъ, въ общемъ позволяло раскольникамъ жить безъ преслѣдованій, взимая съ нихъ положенные налоги. Царствованіе императрицы Анны было даже благопріятнымъ временемъ для раскола. Раскольническая пропаганда процвѣтала, не смотря на указы, жестоко карающіе за совращеніе. Указы были грозны лишь на словахъ; а на дѣлѣ контроля надъ раскольниками не существовало, и они продолжали и развивали

---

1) П. С. З. X, 7663.
2) П. С. З. IX, 6835.
3) Внутренній бытъ, II, 354.

свою подпольную дѣятельность. Правительство не имѣло ни времени, ни средствъ серьезно заняться расколомъ. На Демидовскихъ заводахъ, напримѣръ, расколъ умножился въ 30-хъ годахъ XVIII в. необычайно. Сами вожди раскола считали правленіе Анны счастливымъ для себя временемъ, по его терпимости. Выговскій историкъ Иванъ Филипповъ выражается объ немъ такъ: „ея императорское величество вѣры не отымаетъ..., истязанія о вѣрѣ отъ ея императорскаго величества и при ней отъ иныхъ не бывало“ [1]).

Гораздо суровѣе поступило правительство Анны Іоанновны съ появившимися въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка сектантами. Въ началѣ 1733 года гр. С. А. Салтыковъ донесъ Сенату слѣдующее. Явившійся съ повинной разбойникъ Семенъ Карауловъ объявилъ ему, что въ Москвѣ имѣются 4 дома, въ которыхъ по ночамъ въ праздники собираются разнаго чина люди, старцы, старицы и прочіе; нѣкоторые изъ нихъ выбираются начальниками и садятся въ переднихъ мѣстахъ; приходящіе кланяются имъ въ землю, цѣлуютъ руки и даютъ имъ деньги; иные изъ этого сборища пророчествуютъ. По показанію Караулова забрано было 48 человѣкъ и по слѣдствію явилось, что у нихъ наставниками были старица Ивановскаго дѣвичьяго монастыря Настасья, да двѣ старицы и старецъ, прельщавшіе приходящихъ мнимыми пророчествами и вмѣсто причастія дававшіе рѣзанный хлѣбъ съ квасомъ или водою.

Очевидно, дѣло шло о какой то ереси. Это была секта, впослѣдствіи назвавшаяся хлыстовщиною. Синодъ особой комиссіи поручилъ изслѣдовать дѣло. Оказалось вскорѣ, что московскіе сектанты были не одиноки, что ересь успѣла пустить корни въ нѣсколькихъ мѣстахъ. 21-го февраля 1734 года Ѳеофанъ объявилъ въ Синодѣ, что судья его архіерейскаго дома, архимандритъ Юрьева монастыря Андроникъ, сообщилъ словесно такія свѣдѣнія, которыя указываютъ на слѣды той же ереси, далеко раньше обнаружившейся въ ростовской епархіи. Андроникъ говорилъ, что въ бытность его въ ростовской епархіи въ Покровскомъ угличскомъ монастырѣ архимандритомъ и судьею духовныхъ

---

1) Изъ „Исторіи выговск. пустыни“, см. въ Историко-статистич. опис. С.-Петербур. еп., вып. I, стр. 255.

дѣлъ, онъ узналъ въ 1715 году о явившихся въ угличскомъ уѣздѣ еретикамъ, 20 человѣкъ которыхъ и было допрошено въ духовномъ правленіи. По справкамъ оказалось, что дѣйствительно въ 1717 году было допошеніе Андроника ростовскому епископу Досиѳею, свидѣтельствовавшее о поимкѣ имъ 21 чел. еретиковъ, въ томъ числѣ отставного стрѣльца Прокопья Лупкина. Лупкинъ былъ главой секты. Онъ называлъ себя Христомъ, учениковъ своихъ апостолами. Во время пѣнія молитвъ на собраніяхъ еретиковъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ будто-бы сходилъ духъ Святой и они кружились по получасу и больше. Причащались эти сектанты ломтиками калача. Прокопій училъ, что настало послѣднее время и на землѣ есть антихристъ отъ монашескаго чина. Всѣ черты угличскаго еретичества показывали, что эта самая ересь и явилась въ 1733 году въ Москвѣ.

Была учреждена, по высочайшему повелѣнію, особая комиссія, состоявшая изъ Ѳеофана, Леонида Сарскаго, Питирима нижегородскаго и изъ министровъ—Остермана, Черкасскаго и Ушакова. На допросахъ ересь выяснилась отчетливѣе въ слѣдующемъ видѣ. Сектанты собирались въ одно мѣсто, мущины и женщины и, пообѣдавъ, садились на лавки, съ одной стороны мущины, съ другой женщины; на первомъ мѣстѣ сидѣлъ въ качествѣ пастыря начальникъ или начальница. Потомъ, взявъ благословеніе у начальствующаго, собравшіеся плясали по избѣ парами, подскакивая насколько можно выше, и говорили, что ихъ поднимаетъ Духъ Святый. Нѣкоторые били себя палками и цѣпями. Потомъ начинались пророчества. Сектанты хулили законный бракъ и приказывали неженатымъ не жениться, а женатымъ разводиться. Причащались хлѣбомъ и квасомъ. Свои собранія называли крещеніемъ духомъ, а христіанское крещеніе считали крещеніемъ только водою. Свое ученіе они мнили ученіемъ отеческимъ. Собраніе нерѣдко завершалось развратомъ. Новые члены секты должны были дать клятву держаться твердо ученія и соблюдать тайну. Для лучшаго сокрытія своей ереси сектанты не запрещали исповѣдаться и причащаться въ православныхъ церквахъ.

Дѣло о этихъ „богопротивныхъ сборищахъ“ попало въ Тайную Канцелярію. Послѣ слѣдствія въ послѣдней, кабинетъ-министры—Остерманъ, Черкасскій и Ушаковъ—произ-

несли суровый приговоръ надъ виновными. 4-хъ старицъ—разстригъ: Екатерину Ларіонову, Авдотью Михайлову, Аксинью Яковлеву, Акулину Иванову велѣно бить кнутомъ и послать въ тобольскій дѣвичій Введенскій монастырь въ тяжкую работу. Старицу Настасью, іеромонаха московскаго Петровскаго монастыря Филарета и іеромонаха Тихона—разстригъ—приговорили къ смертной казни. Затѣмъ, по распоряженію высочайшей власти (12-го марта 1734 года), чтобы совершенно искоренить ересь, во всю имперію посланы были указы, дабы всѣ, какимъ либо образомъ причастные ереси, явились добровольно къ духовной власти. Явившимся обѣщалось полное прощеніе. Неявившимся, но открытымъ впослѣдствіи, угрожалось наказаніемъ, какое подобаетъ волшебникамъ (т. е. сожженіемъ). Срокомъ явки былъ назначенъ январь 1735 года [1]). Въ 1739 году были даже вынуты изъ могилъ трупы ересеучителей—Лупкина и Ивана Суслова—и сожжены, такъ какъ еретики почитали останки своихъ наставниковъ [2]).

Кабинетъ жестоко расправился съ ересью, но не уничтожилъ ея. Она продолжала жить подъ кровомъ тайны и въ послѣдующія царствованія не разъ возбуждала новыя преслѣдованія.

II.

Не отличаясь особенно энергичною дѣятельностью въ борьбѣ съ расколомъ, анненское царствованіе проявило себя успѣшными миссіонерскими заботами. Русская церковь и государство въ XVIII вѣкѣ имѣли предъ собою насущную задачу обращеніе въ христіанство массы инородцевъ, населяющихъ восточныя окраины Россіи. Особенное вниманіе привлекали къ себѣ тѣ племена, которыя обитали на рубежѣ Европы и Азіи, въ обширномъ Камскомъ краѣ и

---

1) П. С. З. IX, 6613, 6421. А. С. С. Книга имен. ук. 1734 г., № 4. П. С. И. и Р. VIII, 2687, 2688, 2700, 2707, 2753, 2763, 2792. А. С. С. Дѣло 1733 г. № 312. Участники «богопротивныхъ сборищъ» были приговорены къ наказанію плетьми. А. С. С. Дѣло 1734 г. № 353.

2) Внутренній бытъ, II, 358-360.

Поволжьѣ. Эти инородцы, населяющіе окраины государства, были оплотомъ послѣдняго. Но находясь на рубежѣ Азіи и ея безконечныхъ пространствъ, входящихъ въ составъ имперіи, инородческія племена, вслѣдствіе своей отдаленности по крови, культурѣ и религіи, отъ кореннаго населенія страны, служили плохимъ аванпостомъ русской государственности до тѣхъ поръ, пока хотя бы только одна религія не сближала ихъ съ господствующей народностью. Поэтому дѣло миссіи среди инородцевъ было у насъ всегда дѣломъ государственной важности. Для государства было необходимо заботиться о укрѣпленіи окраинъ, особенно такихъ, какъ восточная, граничащая съ плохо поддающейся обрусенію Сибирью. Въ дѣлѣ же ассимиляціи инородцевъ съ русскимъ племенемъ, къ чему стремилась государственная политика, обращеніе въ христіанство было первымъ и самымъ важнымъ шагомъ, помимо того, что параллельно съ проповѣдью религіозной велось и обрусеніе новокрещенныхъ. Правительство Анны Іоанновны, всегда отличавшееся заботою объ интересахъ государственныхъ, уже въ силу этого не могло оставить безъ вниманія миссіонерскихъ задачъ. Обычно скупое на денежные расходы, оно, къ удивленію, обнаружило замѣчательную для себя щедрость въ миссіонерскихъ расходахъ; въ теченіи всего царствованія, а особенно въ періодъ полномочной дѣятельности Кабинета, христіанская проповѣдь среди инородцевъ усиленно поощрялась и развивалась подъ прямымъ воздѣйствіемъ верховной власти.

Инородцы Казанской епархіи татары, вотяки, мордва, чуваши, черемисы, по своей многочисленности и сплоченности, заслуживали наиболѣе энергичныхъ мѣръ для своего обращенія. Правительство такъ и поступало, организовавъ въ Казанской губерніи цѣлый миссіонерскій институтъ. Съ начала царствованія ограничивались одними внѣшними мѣрами воздѣйствія для привлеченія къ крещенію. У татарскихъ мурзъ, которые не хотѣли креститься, отбирали деревни и отдавали ихъ крещеннымъ родственникамъ[1]). Новокрещеннымъ давалась 3-хъ лѣтняя льгота отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Послѣдняя мѣра, какъ ока-

---

1) П. С. З. VIII, 5511.

зывается, была весьма существенной. Она была введена еще при Петрѣ Первомъ; но плохо соблюдалась на практикѣ. Инородцы, видя неисполненіе обѣщанія, стали относиться къ нему недовѣрчиво и число желающихъ принять крещеніе сокращалось. Въ 1730 году казанскій митрополитъ Сильвестръ, жалуясь на затрудненія въ миссіонерскомъ дѣлѣ, писалъ Синоду, что „не малое препятствіе этому благому дѣлу за недачей новокрещеннымъ указной льготы чинится. Ибо по указу 1-го сентября 1720 года велѣно новокрещеннымъ во всякихъ государственныхъ денежныхъ сборахъ и издѣліяхъ давать льготы на три года, дабы придать тѣмъ и другимъ иновѣрцамъ къ воспріятію святаго крещенія лучшую охоту, которая льгота, до расположенія подушнаго оклада, отчасти инымъ новокрещеннымъ въ казанской губерніи и давалась: а по расположенію подушнаго оклада, съ 1724 года, помянутые новокрещенные, кои и не выдержали уреченныхъ лѣтъ льготы, а другіе ничего льготы не получили, всѣ безъ выключки съ прочими на ряду въ платежъ положены и по нынѣ съ того оклада платятъ подушныя деньги съ прочими въ равности, отъ чего имъ весьма суть претительно, ибо народъ есть подлой, ктому жъ и вольной и весьма грубой, хотя во проповѣдь Слова Божія и ко ученію нѣкоторые и впикаютъ, однако жъ и на воспріятіе льготы весьма уповаютъ“ [1]). Это донесеніе довольно откровенно указываетъ, что инородцы принимали христіанство, уповая на блага земныя, а не небесныя. Но первоначальная вѣра грубыхъ племенъ большею частью покоится на матеріальныхъ соображеніяхъ, и государство никогда не брезговало этимъ способомъ воздѣйствія, надѣясь, что постепенно христіанское ученіе войдетъ и въ сознаніе просвѣщаемыхъ. Потому, когда правительство узнало о несоблюденіи льготъ въ казанской епархіи, то высочайшимъ указомъ (1731 г.) вновь были подтверждены прежнія распоряженія по этому предмету [2]).

---

1) Описаніе дѣлъ и док. Син. Архива X, № 22-176.

2) П. С. З. VIII, 5737. Въ 1734 году Иннокентій иркутскій просилъ также о льготахъ новокрещеннымъ, и льготы были подтверждены правительствомъ (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду, кн. № 10/772, л. 202—204).

Матеріальныя выгоды, какъ ни были опѣ заманчивы, были, однако, непрочными средствами для успѣховъ миссіонерскаго дѣла. Правительство императрицы Анны поняло это прекрасно и выдвинуло другой, истинно могучій, рычагъ миссіонерства – просвѣщеніе. Здѣсь заслуженная слава принадлежитъ 30-мъ годамъ XVIII вѣка за то, что идея необходимости просвѣщенія инородцевъ легла въ основу правительственной политики. Дѣло миссіи должно всегда идти впередъ не съ помощью внѣшнихъ мѣръ, а мѣръ духовныхъ. Такою дорогою и повело правительство свою миссіонерскую дѣятельность на востокѣ. Мысль объ основаніи инородческихъ школъ была не новой для аннинскаго времени; но школы, существовавшія въ казанскомъ краѣ до 30-хъ годовъ XVIII вѣка, возникали и существовали безъ правительственной поддержки и инициативы, были всецѣло дѣломъ епархіальныхъ архіереевъ, а потому не прочны и неустойчивы. Начатое Гуріемъ, просвѣтителемъ казанскимъ, обученіе инородцевъ совершенно исчезло, кажется, въ XVII вѣкѣ. Оно снова появилось въ началѣ XVIII столѣтія стараніями казанскаго митрополита Тихона, задумавшаго въ 1721 году устроить нѣсколько школъ для дѣтей новокрещенныхъ. Къ сожалѣнію, проэкту, по всѣмъ даннымъ, не суждено было осуществиться. Ко времени аннинскаго правленія обученіе инородцевъ происходило только при домѣ архіерейскомъ. Уже въ 1732 году дѣятельный миссіонеръ, архимандритъ Алексѣй Раевскій, основалъ школу въ Свіяжскѣ, гдѣ до 20 человѣкъ новокрещенныхъ обучались въ надежду священства [1]).

Съ 1735 года правительство рѣшило дать инородческому образованію прочную организацію. Образованіе это принимало двоякую форму. Оно имѣло въ виду, съ одной стороны, инородцевъ некрещенныхъ, съ другой новокрещенныхъ. Первые чрезъ школу приготовлялись къ воспріятію христіанства, при томъ сознательно, а не „уповая“ на льготы. Для нихъ школа исполняла роль миссіонера. Вторые въ школѣ утверждались въ христіанскомъ ученіи, усвоивали его внутреннюю силу. Для нихъ она была воспи-

---

1) Е. Маловъ. О новокрещенскихъ школахъ XVIII вѣка. Правосл. Обозр. 1868 г. т. XXVI, стр. 350-353.

тательнымъ институтомъ, имѣющимъ цѣлью глубже и сознательнѣе внѣдрить въ новопросвѣщенныхъ сѣмена христіанства. Вышедшіе изъ школы ученики являлись въ своей родной средѣ піонерами христіанской вѣры, распространителями ея между соплеменниками. Такія соображенія и руководили правительствомъ, когда оно задумало организовать систему инородческаго обученія въ казанскомъ краѣ. Побуждающимъ мотивомъ было предложеніе Синода и донесеніе казанскаго губернатора и архіепископа Иларіона [1]). Во вниманіе къ нимъ Сенатъ въ 1735 году постановилъ учредить 4 школы въ казанской губерніи: первую въ самой Казани въ Федоровскомъ монастырѣ, вторую въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ, третью въ городѣ Цивильскѣ (Свіяжскаго уѣзда), четвертую въ Царевококшайскѣ (Казанскаго уѣзда). Мѣстности были выбраны, по замѣчанію Е. Малова, весьма удачно: школы расположены были по близости главныхъ центровъ инородческаго населенія [2]). Онѣ предназначались „для обученія какъ некрещенныхъ вотяковъ, мордвы, чувашъ, такъ разныхъ народовъ новокрещенныхъ дѣтей". Казанская школа, впрочемъ, предоставлялась исключительно некрещенымъ. Остальныя были смѣшанными. Для школъ былъ опредѣленъ и штатъ учениковъ по 30 человѣкъ въ каждой (по 10 человѣкъ каждаго племени). Возрастъ дѣтей былъ указанъ: для казанской школы 10—15 лѣтъ, для уѣздныхъ -отъ 7—15. Разница мотивировалась должно быть тѣмъ,— догадывается Владимірскій-Будановъ,—чтобы, во первыхъ, изъ уѣздныхъ школъ могли поступать въ центральную, во-вторыхъ, чтобы сдѣлать болѣе сознательнымъ обращеніе въ христіанство инородческихъ дѣтей, для которыхъ исключительно назначалась казанская школа [3]). Сенатскій указъ регламентировалъ и хозяйственную часть школьнаго устройства. На содержаніе и устройство школъ ассигновалось изъ собираемыхъ въ казанскую губернію съ вѣнечныхъ памятей денегъ 2000 рублей на первый годъ и по

---

[1]) Описаніе д. и д. Арх. Св. Син., XII, № 343/289. Дѣло по донесенію Иларіона. Тутъ и указъ Сената. П. С. П. и Р. VIII, 2806.

[2]) Вышеупом. ст., стр. 355—356.

[3]) Владимірскій-Будановъ. „Государство и народное образованіе", стр. 72—73.

1378 рублей 20 коп. впредь ежегодно [1]). Такой щедрости со стороны государства не видало духовное образованіе .. Въ послѣднемъ правительство не видѣло такой реальной государственной пользы, какъ въ инородческомъ обученіи, хотя много распространялось о немъ.

Что касается самыхъ предметовъ обученія, то указъ опредѣлялъ ихъ однимъ словомъ „славяно-россійскаго языка". Въ этомъ назначеніи школъ для обученія славяно-россійскому языку сказался взглядъ государственной власти на цѣль инородческаго просвѣщенія. Цѣль была насколько миссіонерской, настолько же и культурной. Школѣ инородческой ставились на ряду съ религіозными задачами задачи обрусенія инородцевъ, ассимиляція ихъ съ русской народностью. Указъ 1735 года, повидимому, къ послѣднимъ задачамъ тяготѣетъ даже гораздо сильнѣе, чѣмъ къ первымъ. Религіозныя соображенія оставляются въ сторонѣ; хотя онѣ присущи были несомнѣнно. На первый планъ выдвинуто *русское* направленіе школьнаго образованія, его культурно-обрусительная миссія [2]).

Реализація правительственнаго проэкта, однако, не удалась въ 1735 году, замедлилась по какимъ то причинамъ. Между тѣмъ правительство все болѣе убѣждалось въ необходимости правильной организаціи инородческой миссіи. Въ самомъ началѣ 1738 года казанскій губернаторъ Голицынъ представилъ въ Кабинетъ свои соображенія объ упорядоченіи миссіонерскаго дѣла, будучи вызванъ къ тому Кабинетнымъ указомъ (29 ноября 1737 г.) заботиться всячески о казанскихъ школахъ. По его мнѣнію, для обращенія инородцевъ нужно было принять слѣдующія мѣры. Учениковъ казанской семинаріи слѣдуетъ обучать инородческимъ языкамъ, чтобы они въ своей миссіонерской дѣятельности

---

1) Однако ассигновка эта довольно фиктивная. Оказалось, какъ видно изъ донесенія Арх. Иларіона, что съ вѣнечн. памятей собирается въ годъ всего около 1000 руб., да и тѣ расходуются отчасти на необход. нужды архіер. дома. Иларіонъ просилъ назначить еще 1000 руб. изъ губерніи или откуда-нибудь. На этомъ дѣло и затихло, и, надо полагать, именно вслѣдствіе экономической стороны вопроса. Правительство не сразу рѣшилось на новую расходную статью (Опис. д. и д. С. А., XII, № 343/289).

2) П. С. З. IX, 6695.

могли обходиться безъ переводчиковъ, такъ какъ большая часть новокрещенныхъ не понимаютъ русской рѣчи. Обучать нѣсколькихъ иновѣрческихъ дѣтей русской грамотѣ, а потомъ въ семинаріи, заботясь о томъ, чтобъ они не потеряли знанія своего природнаго языка; они будутъ священниками среди своихъ крещенныхъ соплеменниковъ. Продолжить время наставленія въ вѣрѣ приходящихъ къ крещенію, особенно магометанъ, чтобы они могли научиться русскому языку и „генеральное познаніе имѣть“ о важности святаго крещенія; наставлять ихъ довольное время и послѣ крещенія, для чего опредѣлить ученаго человѣка. Принять мѣры къ отдѣленію крещенныхъ отъ некрещеныхъ; организовать поселеніе первыхъ среди русскихъ, чего они сами желаютъ, и поощрять ихъ браки съ русскими.—Кабинетъ приказалъ (25 января 1738 г.) Сенату вмѣстѣ съ Синодомъ разсмотрѣть это доношеніе какъ можно скорѣе и учинить общее опредѣленіе [1]).

Въ мартѣ 1738 года въ Кабинетѣ получено было новое доношеніе Голицына съ предложеніемъ разныхъ мѣропріятій. Отзываясь рѣзко о печальномъ положеніи казанской семинаріи при еп. Гавріилѣ, когда „никакого прилѣжанія ни отъ кого не было, и всѣ пути къ оному благожелаемому плоду, для котораго оная паивяще учреждена, у оной отняты были“ и о мракофильствѣ казанскаго духовенства, Голицынъ рекомендуетъ поручить школу особой персонѣ, облеченной особой властью. Обращеніе иновѣрцевъ онъ находитъ необходимымъ поручить ученому человѣку, который могъ бы избрать себѣ соотвѣтственныхъ помощниковъ. Дѣйствительность не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Губернаторъ жалуется на небрежное веденіе дѣла. Архимандр. Свіяжскаго монастыря Алексѣй Рапѳскій за старостью съ трудомъ исполняетъ свои обязанности; новокрещенные остаются безъ наставленія; лица, которымъ поручено дѣло, невѣжественны и недостойной жизни. Особенно жалуется Голицынъ на помощника архим. Алексѣя протопопа Александра Козьмина, лишеннаго прежде за неисправности мѣста, а теперь попавшаго въ миссіонеры. Новокрещенные не знаютъ русскаго языка, а просвѣтители не знаютъ языковъ

1) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 23/1100, л. 271-276.

инородческихъ. Въ результатѣ нѣтъ ни наставленія, ни примѣра для обращенныхъ. Вкрались даже вопіющія злоупотребленія. Новокрещенская комиссія и упомянутый протопопъ, подъ видомъ наставленія въ вѣрѣ отдаютъ новокрещеновъ лицамъ разныхъ званій въ услуженіе, а тѣ держатъ ихъ, женятъ на своихъ крѣпостныхъ и стараются закрѣпить за собою. Голицынъ настаиваетъ, чтобы были опредѣлены для обращенія и наставленія инородцевъ лица, знающія ихъ языкъ; чтобы въ деревняхъ новокрещенскихъ при церквахъ были заведены школы, откуда учениковъ опредѣлять въ семинарію; чтобы злоупотребленія были уничтожены [1]).

Видимо подъ вліяніемъ губернаторскихъ донесеній, Кабинетъ потребовалъ у архимандрита Алексѣя отвѣта на разные вопросы, касающіеся миссіи. Именно, спрашивали, всѣ-ли новокрещенные иновѣрцы живутъ особо или нѣкоторые вмѣстѣ съ некрещеными, опредѣлены ли священники, знающіе ихъ языкъ, не опасно ли оставлять крестившихся въ обществѣ инородцевъ, нѣтъ ли какихъ способовъ „безъ убытка казнѣ“ пріобщить къ крещенію послѣднихъ, въ какомъ состояніи находятся новокрещенные, нѣтъ ли у нихъ въ чемъ недостатка, „что до вѣры касается“? Архимандритъ на это отвѣтилъ, что, дѣйствительно, нѣкоторые новокрещены живутъ въ языческой средѣ, и совѣтовалъ выселить ихъ въ русскія деревни или новокрещенскія, а на ихъ мѣста поселить русскихъ Для новокрещенныхъ заведено 20 церквей, къ которымъ опредѣлены священники изъ обучившихся новокрещенскихъ дѣтей и впредь изъ таковыхъ въ надежду священства обучаются 19 человѣкъ. Способомъ привлеченія къ крещенію арх. Алексѣй считалъ дарованіе льготъ и увеличеніе суммы для дачъ крещающимся. О состояніи крестившихся онъ говорилъ, что тѣ, которые живутъ вдали отъ сородичей, въ обществѣ русскихъ, тѣ лучше содержатъ христіанскій законъ, а живущіе въ отдаленіи отъ русскихъ „не весьма брегутъ о исправленіи христіанскихъ должностей“. Миссіонеръ находилъ также, что новокрещеные недостаточно утверждаются въ вѣрѣ послѣ кре-

---

1) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 23/1100, л. 296-306. Немного спустя губернаторъ прислалъ новую жалобу на небрежное веденіе дѣла Алексѣемъ Ранескимъ (Ibid, л. 407—414).

щенія. Причина этого въ отсутствіи средствъ долго содержать ихъ. Поэтому онъ совѣтовалъ построить для этой цѣли при новокрещенской комиссіи особую школу и содержать ее съ пропитаніемъ на казенномъ коштѣ. Кромѣ вышеприведенныхъ вопросовъ Кабинетъ проэктировалъ устроить особую „семинарію“ для инородческихъ дѣтей, и запрашивалъ у Алексѣя „какіе способы есть, чтобъ изъ нихъ семинарію учредить и русской, такожъ и на ихъ природныхъ языкахъ грамотѣ и писать и заповѣдямъ Божіимъ и прочимъ должностямъ христіанскаго закона обучать и чѣмъ къ тому ихъ пріохотить“. По этому поводу миссіонеръ высказалъ, что слѣдуетъ впредь, въ надежду священства, изъ новокрещенскихъ, или хотя бы иновѣрческихъ дѣтей, въ дополненіе къ обучающимся, набрать 80 человѣкъ и обучать славяно-россійской грамотѣ, письму и другимъ наукамъ; содержать ихъ отдѣльно, при монастырѣ Свіяжскомъ, чтобы, живя среди семинаристовъ, они не забыли своего языка. На содержаніе ихъ употребить деньги, идущія на пропитаніе отставныхъ офицеровъ и солдатъ, живущихъ въ монастырѣ, которыхъ перевести въ другое мѣсто, и идущіе съ того монастыря въ Коллегію Экономіи заопредѣленные доходы. Что же касается обученія инородцевъ грамотѣ и письму на ихъ языкахъ, то это устроить весьма трудно, такъ какъ нѣкоторые инородцы и письменъ не имѣютъ. Наконецъ, Кабинетъ велѣлъ Алексѣю Рапѳскому выбрать, ради его немощи, себѣ двухъ помощниковъ. Архимандритъ указывалъ на протопоповъ Казанскаго Благовѣщенскаго собора Степана Давыдова и Богородицкой церкви Ивана Филиппова. Предвидя свою близкую отставку, миссіонеръ давалъ совѣтъ сдѣлать новаго начальника новокрещенской конторы зависимымъ отъ Синода, а не отъ архіерея, ради лучшаго исправленія дѣла и „свободнаго голоса“. Въ заключеніе онъ высказывалъ свое мнѣніе объ организаціи новокрещенскихъ поселеній за Камой, ассигнованіи новыхъ суммъ на миссіонерское дѣло и огражденіи крестившихся отъ притѣсненія некрещенныхъ [1]).

Переписка эта достаточно выяснила, что миссія нуждается въ серьезной реорганизаціи. Выяснилось также, что

1) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 103/1180, л. 22-28.

на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ инородческихъ школахъ. И губернаторъ и миссіонеръ въ просвѣщеніи видѣли залогъ успѣха. Тогда Кабинетъ рѣшилъ дать, дѣйствительно, прочную постановку миссіонерскому дѣлу, не стѣсняясь даже расходами. Въ основу преобразованія легли представленія мѣстныхъ дѣятелей. 11 марта 1739 года Кабинетнымъ указомъ поручено Синоду разсмотрѣть пункты доношенія Алексѣя Рапѳскаго, снести ихъ съ ранѣе присланными и подать въ Кабинетъ свое мнѣніе, „какимъ образомъ впредь то богоугодное дѣло производить и упомянутыхъ иновѣрцевъ къ принятію христіанскаго закона добровольно и со всякимъ приласканіемъ, а не съ принужденіемъ приводить [1]). Мысль о прочности только нравственнаго, духовнаго вліянія, а не внѣшнихъ мѣръ и побужденій, стала теперь основнымъ базисомъ дальнѣйшихъ мѣропріятій. Въ 1740 году было, вѣроятно, представлено синодское мнѣніе въ Кабинетъ: и вотъ именнымъ указомъ 11-го сентября дѣло обращенія инородцевъ ставилось на твердую почву путемъ учрежденія не только инородческихъ школъ, но цѣлаго миссіонерскаго института съ центральнымъ управленіемъ въ видѣ новокрещенской конторы въ Казани.

Вновь организуемая миссія обнимала болѣе широкій кругъ дѣятельности, чѣмъ одна казанская губернія. Въ сферу вліянія ея входили иновѣрцы казанской, астраханской, нижегородской и воронежской губерній. Центръ ея былъ въ Казани—новокрещенская контора. Во главѣ предпріятія былъ архимандритъ Димитрій Сѣченовъ, изъ учителей московской Академіи. Въ помощь ему даны „для воспитанія и разсылокъ къ новокрещеннымъ въ жилищахъ ихъ ради пазиданія и обученія оныхъ христіанскому закону“ два протопопа и пять переводчиковъ. Задачей ихъ было наставленіе и утвержденіе въ вѣрѣ новокрещенныхъ, обученіе ихъ основнымъ христіанскимъ догматамъ, преданіямъ и важнѣйшимъ молитвамъ. По рядомъ съ этимъ стояла и собственно миссіонерская цѣль —обращеніе въ христіанство магометанъ и язычниковъ. Способы воздѣйствія на инородцевъ правительство предписывало самые гуманные. Понимая притягательную силу для грубыхъ и неразвитыхъ людей

[1]) А. С. С. Книга имен. указ. 1739 г., № 13.

внѣшнихъ приманокъ, государственная власть не оставила ихъ. Новокрещеннымъ гарантировалась трехлѣтняя льгота отъ повинностей; освобождались отъ казенныхъ работъ на 3 же года тѣ изъ нихъ, которые работали на казенныхъ заводахъ. Приходящимъ къ крещенію велѣно выдавать даромъ крестъ, рубаху, кафтанъ, обувь и прочее; кромѣ платья мущины и женщины получали деньгами отъ 50 коп. до 1 рубля 50 коп., смотря по возрасту и полу. Новокрещенной семьѣ давали иконы Спасителя и Богоматери. Съ вступающихъ въ бракъ не брали вѣнечныхъ и лазаретныхъ денегъ. Всѣ эти внѣшнія приманки играли большую роль для инородцевъ. Но внѣшнее воздѣйствіе дозволялось только въ такомъ видѣ. Насильственныя и принудительныя мѣры правительство строго запрещало. Примѣры прошлаго давали возможность предполагать, что принудительныя тенденціи обнаружатся у просвѣтителей. Потому указъ постановилъ, что къ крещенію можно лишь увѣщевать, а принуждать не слѣдуетъ [1]).

Та же мягкость примѣнялась и въ отношеніяхъ къ новокрещеннымъ. Имъ предписано было внушать, чтобы они посѣщали церковь въ праздники и воскресные дни, исповѣдывались и причащались ежегодно. Однако за неисполненіе церковнаго долга, чего слѣдовало ожидать на первыхъ порахъ, предполагалось налагать только легкую эпитимію, а не штрафъ, который взимали съ православныхъ [2]). Даже упорныхъ магометанъ штрафовать дозволялось лишь въ

---

1) Синодъ еще въ 1730 году, по случаю жалобъ на насильственное принужденіе къ крещенію сибирскихъ инородцевъ, доказывалъ отъ Св. Писанія необходимость смиренія и кротости въ дѣлѣ миссіи и запрещалъ принужденіе и угрозы (П. С. П. и Р. VII, 2394). Инструкція, данная Синодомъ камчатскимъ миссіонерамъ (1733 г.) не допускаетъ также никакого насилія (Опис. д. и д. Син. Арх., X, Прилож. XXXI). Высшая власть, свѣтская и духовная, вообще стояла за гуманный способъ миссіонерской пропаганды. Къ сожалѣнію мѣстные исполнители не всегда слѣдовали этому мудрому правилу.

2) Опять противоположность грубымъ представленіямъ нѣкоторыхъ архіереевъ. Казанскій митрополитъ Сильвестръ въ свое время считалъ лучшимъ средствомъ, чтобы новокрещенные „исправились въ должностяхъ христіанскихъ“ и „въ истинный законъ могли придти“, „штрафовать ихъ съ правежемъ безъ упущенія“ (М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 8/1085, л. 68—70).

случаѣ крайняго упорства; а до тѣхъ поръ вліять на нихъ духовными мѣрами увѣщанія. Въ обращеніи съ новокрещенными рекомендовалось всякое снисхожденіе, милость и благодѣяніе. Правительство старалось избавить ихъ даже отъ обычной въ тогдашнемъ судопроизводствѣ волокиты и приказывало судебныя дѣла ихъ рѣшать скоро и по всей справедливости.

Чтобы парализовать затягивающее дѣйствіе языческой среды и изъять новокрещенныхъ изъ подъ вліянія бывшихъ единовѣрцевъ, ихъ старались сблизить по возможности съ русскими и удалить отъ некрещенныхъ соплеменниковъ. Этимъ вмѣстѣ достигались и цѣли обрусенія. Съ указанной цѣлью поощрялось воспріемничество русскими новокрещенскихъ дѣтей и браки новокрещенныхъ съ лицами русской народности. Новокрещенныхъ, живущихъ въ однихъ деревняхъ съ некрещеными, приказано было перевесть въ другія деревни, поселить среди крещенныхъ и русскихъ, надѣливъ ихъ землею и угодьями,—сколько они имѣли прежде. Выходящимъ въ казанскую губернію изъ другихъ мѣстъ и желающимъ принять крещеніе отвести особыя мѣста для поселенія. Такъ какъ всѣ новокрещенные съ русскими въ однихъ деревняхъ умѣститься не могутъ, то поселить ихъ между Саратовомъ и Царицыномъ на отведенной для нихъ землѣ, снабдить угодіями. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей этихъ выселенцовъ и наставленія ихъ въ вѣрѣ построить церкви—по одной на 250 дворовъ,—назначивъ къ нимъ по два священника, діакона и по три церковника изъ ученыхъ, искусныхъ и трезвыхъ людей. Выходцамъ давать мѣстное самоуправленіе, посредствомъ выборныхъ старостъ. Для защиты ихъ отъ непріятелей построить спеціальную крѣпостцу.

Самой же вѣрной мѣрой къ обрусенію инородцевъ и утвержденію въ вѣрѣ новокрещенныхъ должно было служить обученіе въ школахъ молодаго поколѣнія. Указъ 1740 года вновь говоритъ о учрежденіи тѣхъ самыхъ четырехъ школъ, которыя проэктировались указомъ 1735 года. Очевидно, школы доселѣ не возникли, не смотря на ассигновку суммъ для этого [1]). Для школъ велѣно составить штатъ и

1) И, вѣроятно, не безъ вліянія фактивности ассигновки.

подать въ Кабинетъ для утвержденія. Въ новомъ указѣ правительства слышится уже другая тенденція и относительно задачъ инородческаго просвѣщенія. Цѣли культурно-миссіонерскія не преобладаютъ надъ религіозно-миссіонерскими, какъ въ указѣ 1735 года. Программа обученія опредѣляется въ слѣдующимъ видѣ: русская грамота по алфабету и слогамъ, букварь съ десятисловіемъ, часословъ, псалтирь, катехизисъ, скоропись. При этомъ,—что весьма важно, внушалось заботиться, чтобъ ученики не забыли своихъ природныхъ языковъ. Какъ видно по преобладанію религіознаго обученія и послѣднему замѣчанію, питомцы школъ предназначались быть миссіонерами среди своихъ соплеменниковъ. Потому особенно поощрялось принятіе ими священнаго сана; съ нихъ не велѣно брать ставленныхъ пошлинъ за посвященіе. Направленіе инородческаго образованія, данное въ указѣ 1740 года, было несомнѣнно плодотворнѣе, чѣмъ то, которое проводилось за 5 лѣтъ до того. Правда, Владимирскій-Будановъ видитъ противорѣчіе между двумя задачами школы культурной и религіозной,– отзывающееся вредно на результатахъ школьнаго дѣла. Но мы такого противорѣчія совершенно не видимъ. Напротивъ, одна задача восполняла другую и содѣйствовала ея осуществленію. Воспитанные въ русской школѣ, съ знаніемъ русскаго языка въ дополненіе къ языку природному, инородцы хотя не удалялись совершенно отъ родного племени, сами достаточно сродняпсь съ русскими, чтобы служить и проводниками русской цивилизаціи и христіанства среди соплеменниковъ. Забвеніе роднаго языка и подавляющее вліяніе всего русскаго вовсе не есть необходимое условіе обрусенія, понимаемаго въ истинномъ смыслѣ воспріятія русской культуры. Да и во всякомъ случаѣ, та польза, которую могли принести русскому дѣлу и христіанству питомцы инородческихъ школъ, не разрывая съ родною средой, а возвращаясь потомъ въ нее, была гораздо больше той капли, какую внесли-бы они въ море русской народности, слившись съ нею совершенно, но потерявъ всякое вліяніе на свое племя.

На содержаніе новокрещенской конторы, на школы и дачи новокрещеннымъ, правительство ассигновало крупную сумму—10,000 рублей и 5000 четверт. хлѣба изъ Коллегіи Экономіи ежегодно Видно опять изъ этой щедрости, несвой-

ственной аннинскому царствованію, что государственная польза миссіонерскаго дѣла была слишкомъ важной въ глазахъ государственной власти [1]. Однако, самая постройка школъ затянулась, и только въ концѣ 1749 года проэктъ аннинскаго правительства былъ окончательно приведенъ въ исполненіе.

Миссія среди инородцевъ сѣверо-востока—Мордвы, Чувашъ, Черемисовъ, Лопарей, и Самоѣдовъ возбудила у правительства въ 1740 году мысль основать даже спеціальный учительскій институтъ для обученія инородческихъ миссіонеровъ. Къ такому намѣренію привело сознаніе, что успѣхи проповѣди христіанской между язычниками требуютъ, чтобы она происходила на родномъ ихъ языкѣ. 16 января 1740 года изъ Кабинета Синоду былъ объявленъ именной указъ, которымъ повелѣвалось выбрать въ казанской губерніи 30, да въ архангельской 15 человѣкъ, изъ дѣтей священно и церковно-служителей, купцовъ, которые ѣздятъ по инов'ерческимъ деревнямъ, шляхтичей, имѣющихъ не менѣе 15 лѣтъ отъ роду. При выборѣ будущихъ миссіонеровъ соблюли и государственные интересы. Купцы, дѣти которыхъ предназначались для миссіи, должны были имѣть торгу не выше 150 рублей, шляхтичи-убогіе; т. е. выбирать велѣно было изъ тѣхъ людей, уходъ которыхъ изъ своего сословія не нанесъ бы послѣднему чувствительнаго ущерба. Выбирались дѣти, умѣющіе читать и писать по русски и знающіе инородческіе языки. Ихъ приказано было одѣть на казенный счетъ и отправить на казенныя средства въ Петербургъ, гдѣ Синоду предстояло опредѣлить ихъ въ „школы, для обученія о таинствахъ церковныхъ и истолкованію заповѣдей и прочаго, что до священства принадлежитъ, и по обученіи произвесть ихъ по усмотрѣнію въ діаконы и священники и отпустить для опредѣленія въ тѣ же губерніи, чтобъ они помянутымъ народамъ на ихъ языкѣ могли проповѣдь чинить“ [2]. Но потомъ, по предложенію Синода, обучать помянутыхъ дѣтей велѣно было въ казанской и архангельской епархіяхъ подъ присмотромъ епархіальныхъ архіереевъ, такъ какъ въ Петербургѣ не оказалось нужныхъ

---

1) П. С. З. XI, 8236.
2) П. С. З. XI, 8004.

школъ подъ вѣдомствомъ синодскимъ, да и выгоднѣе было въ экономическомъ отношеніи обученіе на мѣстахъ, чѣмъ въ отдаленной столицѣ [1]).

О результатахъ этихъ распоряженій свѣдѣній нѣтъ. Едва ли Кабинетскій проэктъ былъ приведенъ въ исполненіе. По крайней мѣрѣ и изъ архангельской и изъ казанской губерній донесли, что дѣтей вышеуказанныхъ чиновъ, знающихъ лопарскій, самоѣдскій, мордовскій, чувашскій и черемисскій языки, „не обыскалось“ [2]). При томъ обученіе миссіонеровъ для казанскихъ инородцевъ должно было неизбѣжно слиться съ инородческимъ образованіемъ, организація котораго была регламентирована указомъ 11 сентября 1740 года. При существованіи инородческихъ школъ, гдѣ дѣти не забывали своихъ языковъ и программа которыхъ имѣла въ виду именно миссіонерскіе интересы, отдѣльное обученіе миссіонеровъ русскихъ теряло почти весь свой смыслъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ правительство также всегда шло на встрѣчу нуждамъ просвѣщенія иновѣрцевъ свѣтомъ христіанства; старалось по возможности удовлетворять духовнымъ запросамъ новокрещенныхъ. Такъ, въ 1740 году, въ отвѣтъ на выраженное одной мордовской деревней желаніе креститься, велѣно было Синоду опредѣлить для новокрещенныхъ ученаго священника, построить церковь и снабдить ее надлежащею утварью [3]). Даже инородцы, перенесенные судьбою съ родины въ другіе уголки Россіи, пользовались правительственнымъ вниманіемъ. Въ августѣ того же года Синоду былъ объявленъ высочайшій указъ „о отправленіи въ Ревель, ко обращенію имѣющихся въ ревельскомъ гарнизонѣ мордвы и чувашъ некрещенныхъ, двухъ или трехъ священниковъ изъ бѣлыхъ или іеромонаховъ“. Священники были пріисканы, но не отправлены, такъ какъ дѣло замедлилось изъ за назначенія жалованія [4]).

Для обращенія другихъ инородцевъ, населяющихъ восточную окраину европейской Россіи, государственная власть

---

1) П. С. З. XI, 8090.

2) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Кабинету, кн. № 103/1180, л. 232—233, 237.

3) П. С. З. XI, 8075.

4) Внутренній бытъ, II, 373.

употребляла тѣ же самыя средства, какъ по отношенію къ инородческимъ племенамъ казанской и архангельской губерній. Правительство занимала миссія среди калмыковъ и башкировъ, кочующихъ въ восточномъ Заволжьѣ. Въ цѣляхъ государственныхъ и религіозныхъ въ 1732 году въ астраханскомъ Ивановскомъ монастырѣ указано было учредить училище „для обученія новокрещенныхъ калмыцкихъ дѣтей русской и калмыцкой грамотѣ“, употребивъ на содержаніе учениковъ до 300 рублей изъ доходовъ астраханской губерніи. Для упроченія будущаго экономическаго благосостоянія школы, предписывалось учинить штатъ, послѣ того какъ выяснятся расходы [1]). Астраханская калмыцкая школа должна была отвѣчать и государственнымъ и миссіонерскимъ задачамъ вмѣстѣ. Учрежденіе ея состоялось по предложенію Синода [2]), который преслѣдовалъ интересы миссіи религіозной. Государству же кромѣ того люди, знающіе русскій и калмыцкій языки, полезны были для цѣлей администраціи.

Для башкировъ самарской губерніи построено было 20 церквей. Кабинетъ поручилъ Синоду снабдить эти храмы сосудами, книгами, антиминсами и священно-служителями [3]). Въ 1736 году въ Оренбургѣ, по требованію статскаго совѣтника Ивана Кириллова, постановлено Синодомъ открыть школу для новокрещенныхъ дѣтей съ программой семинарской. Ректоромъ школы назначался протоіерей оренбургской соборной церкви; другіе священно-служители той церкви предназначались исполнять обязанности префекта (ключарь) и учителей; 4 церковника должны были заниматься въ низшихъ классахъ. Всѣхъ этихъ лицъ прддполагалось выбрать изъ ученыхъ людей въ Москвѣ [4]). Впрочемъ, нельзя назвать удачнымъ такое соединеніе обязанностей церковныхъ съ преподавательскими. Да и посылка духовенства для башкиръ изъ Москвы вообще была мѣрой неудобной, потому что эти священно-служители не знали языка башкиръ. Между тѣмъ, по доношенію Кириллова, главное несчастье башкирской миссіи и причина ея неуспѣха были въ томъ, что попы толко-

---

1) П. С. З. VIII, 5960. П. С. П. и Р. VII, 2551.
2) П. С. П. и Р. VII, 2514.
3) А. С. С. Книга высоч. ук. 1737 г., № 7. Мр. 15.
4) А. С. С. Дѣло 1736 г. № 157.

вали съ инородцами черезъ толмачей. Потому то среди башкирскаго населенія процвѣтала магометанская пропаганда, которая въ родномъ для башкиръ языкѣ проповѣди находила для себя лучшее обезпеченіе успѣха [1]).

Въ Саратовской губерніи въ 1737 году для крещеныхъ калмыковъ съ княгиней Анной Тайшиной отведено было особое поселеніе на рѣкѣ Токъ, защищенное крѣпостью. Для наставленія ихъ христіанскому закону и для службы Божіей туда повелѣвалось опредѣлить „искуснаго архимандрита и нѣсколько священниковъ съ пристойнымъ числомъ церковниковъ, по разсмотрѣнію Св. Синода". Этимъ лицамъ назначалось содержаніе: архимандриту 300 р., священникамъ по 200 р. и церковникамъ по 100 р. Для калмыковъ, живущихъ по улусамъ, Синоду предстояло отправить нѣсколько походныхъ церквей и достаточное число причта, назначивъ послѣднему жалованіе. Проэктировался переводъ на калмыцкій языкъ символа вѣры, Новаго Завѣта и другихъ священныхъ книгъ, для чего опредѣлялся переводчикъ Иванъ Кондаковъ. При новомъ поселеніи должна была открыться и школа [2]). Но такъ какъ вопросъ о содержаніи послѣдней не былъ выясненъ правительственнымъ указомъ, то ея учрежденіе состоялось уже въ 1741 году, послѣ новаго представленія иностранной коллегіи о необходимости калмыцкаго училища. Замедленіе возникло отчасти и потому, что присланные духовныя лица не знали калмыцкаго языка и не могли быть учителями калмыцкихъ дѣтей. Другихъ же учителей не на что было содержать, такъ какъ особой суммы на школу не опредѣлялось. Въ 1741 году на школьныя издержки Сенатъ постановилъ вычитать 500 р. ежегодно изъ жалованія духовенства, опредѣливъ особыхъ учителей, знающихъ языкъ калмыковъ. На основаніи этой первоначальной неудачи калмыцкой школы, мы можемъ судить, насколько много препятствовало успѣху дѣла соединеніе обязанностей учительскихъ съ церковными въ лицѣ посланнаго въ Оренбургъ духовенства, незнакомаго съ башкирскимъ языкомъ.

---

1) Соловьевъ, XX, 317.
2) П. С. З. X, 7228, 7335.

Рядомъ съ миссіей европейской, правительственныя заботы простирались и на миссію азіатскую. Анненское царствованіе здѣсь проявило себя попеченіемъ объ отдаленнѣйшемъ краѣ имперіи—Камчатскомъ полуостровѣ, гдѣ миссія совпадала съ дѣломъ колонизаціи. Въ 1730 году въ камчатскихъ острогахъ предположено было построить 5 новыхъ церквей. Сенатъ заботился о снабженіи ихъ священно-служителями и утварью, опредѣлялъ жалованную ругу на ихъ содержаніе. Новокрещеннымъ давались льготы въ платежѣ ясака на 10 лѣтъ. Верховная власть указывала Синоду, чтобы попы тамъ были, насколько возможно, люди искусные и во всякомъ бы острогѣ склоняли аманатовъ и другихъ охотниковъ учиться грамотѣ и наказывали бы имъ законъ христіанскій. Государыня въ 1731 году требовала отъ Синода подать ей экстрактъ о положеніи христіанской проповѣди въ Камчатской землѣ по поводу представленій извѣстнаго камчатскаго миссіонера Игнатія Козыревскаго [1]). Козыревскій выступилъ предъ правительствомъ съ своими замыслами о мѣрахъ къ распространенію православія на Камчаткѣ, и всѣ его представленія были приняты во вниманіе. Но самого миссіонера постигла несчастная участь: онъ былъ сосланъ въ Угрѣшскій монастырь на безысходное житье, по высочайшему повелѣнію 7-го іюля 1731 г., за ложную жалобу на Св. Синодъ въ неисполненіи его просьбъ по дѣламъ миссіи [2]). Для службы въ церквахъ и просвѣщенія камчатскаго края, туда предположено было послать изъ Москвы нѣсколько вдовыхъ викарныхъ, безмѣстныхъ и крестцовыхъ священниковъ и діаконовъ и церковниковъ и грамотныхъ монаховъ [3]). Въ декабрѣ 1732 года опредѣлены были въ камчатскую миссію игуменъ Варѳоломеій Филевскій, іеромонахъ Варлаамъ и іеродіаконъ Александръ. Сенатъ опредѣлилъ миссіонерамъ жалованіе (игумену 300 р., іеромонаху 200 р., іеродіакону 130 р.) изъ якутскихъ доходовъ и къ свѣтскимъ сибирскихъ властямъ послалъ указы—содѣйствовать

---

[1]) О. А. С. С. X, № 87—177. П. С. П. и Р. VII, 2456.

[2]) П. С. П. и Р. VII, 2458. См. дѣло о немъ въ О. А. С. С. X, № 81/177.

[3]) П. С. П. и Р. VII, 2459.

во всемъ дѣлу миссіи и ея дѣятелямъ [1]); Синодъ разрѣшилъ построить въ Камчаткѣ 4 церкви, опредѣлилъ снабдить ихъ церковными принадлежностями, выдать игумену Варѳоломею 200 букварей для обученія новокрещенныхъ инородцевъ [2]). Филевскому не долго, впрочемъ, было суждено сѣять сѣмена христіанства на камчатской почвѣ. Въ 1736 году онъ былъ привезенъ въ Москву за какія то преступленія и попалъ въ Контору Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, гдѣ умеръ 10-го октября того же года [3]). Выборы миссіонеровъ были не удачны. Вины Филевскаго мы не знаемъ; а о Козыревскомъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что это былъ чистый разбойникъ: онъ вмѣстѣ съ якутскими казаками убилъ одного прикащика въ камчедальскомъ острогѣ и смертно мучилъ другого. За это онъ былъ въ 1732 году лишенъ монашества и отосланъ изъ Угрѣшскаго монастыря въ гражданскій судъ для наказанія [4]).

За предѣлами Россіи въ аннинское царствованіе пользовалась правительственной поддержкой пекинская миссія. Въ Пекинѣ было двѣ русскихъ церкви; одна изъ нихъ вновь построена. Сенатъ заботился о снабженіи ихъ причтомъ и необходимыми принадлежностями, назначалъ жалованіе на ихъ содержаніе [5]); а въ 1735 году на украшеніе пекинской церкви, на покупку церковныхъ домовъ и на жалованье крестящимся бѣднымъ отпущено было изъ иркутской провинціи 2 01 р. единовременно. На церковныя нужды новопостроенной церкви ежегодно давалось 50 рублей. Посланному въ Пекинъ архимандриту Иларіону Трусову назначалось жалованія 600 руб. въ годъ; 2-мъ іеромонахамъ по 300 р., іеродіакону по 200 р., 5-ти причетникамъ по 60 руб., кромѣ прогонныхъ [6]).

---

1) П. С. П. и Р. VII, 2632, 2642. П. С. З. VIII, 6193. Опис. д. и д. Син. Арх., X, № 504/188.

2) П. С. П. и Р, VIII, 2718.

3) Тр. К. Д. А. 1861 г. т. I, стр. 45.

4) П С. П. и Р. VII, 2557.

5) О. А. С. С X, № 23—186; XI. № 197/225. П. С. П. и Р. VII, 2489. П. С. З. VIII. 6057. 6281.

6) П. С. З. IX, 6666.

Рядомъ съ миссіонерскими заботами на пользу распространенія православной вѣры, правительственной задачей всегда было огражденіе православныхъ отъ иновѣрной пропаганды Здѣсь на свѣтской власти лежали большія обязанности, чѣмъ на церковной, потому что сама церковь, безъ помощи государства, не могла оградить своихъ чадъ отъ совратителей. Хотя у кормила правленія стояли въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка у насъ иностранцы; но интересы православія строго соблюдались правительствомъ. Наибольшія поползновенія къ пропагандѣ имѣло католичество, всюду раскидывавшее сѣти своей миссіонерской дѣятельности. Противъ него, преимущественно, направлялись и предостереженія. Въ 1730 году Сенатъ приказалъ выслать подъ карауломъ обратно за границу польскаго выходца Бернадина Вербицкаго, явившагося въ Россію для совращенія русскихъ подданыхъ въ римскую вѣру. При этомъ было приказано объявить пограничнымъ властямъ, „чтобъ таковымъ въ Россійскую имперію выходить было запрещено. А ежели впредь будутъ таковые выходить, то съ ними поступать будутъ по правамъ. Тако жъ и на учрежденныхъ форпостахъ смотрѣть накрѣпко, дабы таковыхъ отнюдь не пропускать. А буде которые гдѣ пройдутъ воровски: таковыхъ, имая, распрашивать и чинить по прежде посланному въ ту губернію о томъ указу“ [1]). А смоленскіе шляхтичи, обратившіеся было въ католичество и снова возвращенные въ православіе, отданы были, съ ручательствомъ, подъ строжайшій надзоръ; духовнымъ же властямъ Синодъ подтвердилъ зорко смотрѣть и карать всякое совращеніе [2]).

Въ 1735 году, 22-го февраля, вышелъ высочайшій манифестъ, запрещавшій всякую иновѣрную пропаганду. Манифестъ ограждалъ свободное отправленіе службы Божіей другихъ христіанскихъ исповѣданій, и именно: „лютеранскаго, реформатскаго и римскаго“, дарованное еще при Петрѣ I. Но за этимъ слѣдовало разъясненіе, что воля императорской власти всегда была и есть, „чтобъ тѣхъ исповѣданій духовныя особы жили во всякой кротости, и особливо не дерзали изъ Нашихъ подданныхъ, какого бы званія

---

1) П. С. З. VIII, 5538

2) П. С. П. и Р. VII, 2408.

они ни были, въ свою вѣру призывать, толь меньше же еще превращать, какъ то во многихъ другихъ государствахъ въ предосужденіе настоящаго того государства закона весьма не позволяется". Между тѣмъ до свѣдѣнія правительства дошло, что нѣкоторыя иновѣрныя духовныя лица, вопреки указамъ, православныхъ „всякими своими внушеніями въ свой законъ приводить стараются". Императорскій манифестъ вновь подтверждалъ, „чтобъ никто изъ вышеписанныхъ законовъ духовныя особы отнюдь не дерзали, какимъ бы образомъ и подъ какимъ претекстомъ то ни было, изъ Нашихъ подданныхъ, какого бъ народа и званія оные ни были, въ свой законъ превращать подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ съ ними поступлено будетъ по Нашимъ государственнымъ уставамъ и указамъ" [1]. Въ 1737 году, въ инструкціи кіевскому губернатору внушалось: всякихъ религіозныхъ совратителей въ ереси и расколы арестовывать и отправлять въ Синодъ за карауломъ; иновѣрныхъ пропагандистовъ брать и разыскивать на мѣстахъ, донося Сенату и ожидая его распоряженія [2]. За обращеніе въ жидовство и магометанство аннинское правительство налагало страшныя кары. Въ 1738 году были присуждены къ сожженію капитанъ Возницинъ, принявшій еврейскую вѣру, и жидъ Борохъ, его совратившій [3]. Въ 1740 году подвергся смертной казни казакъ Исаевъ, обратившійся въ магометанство [4]. За принятіе католической вѣры даже вельможи терпѣли наказаніе. За такую вину гр. Алексѣй Апраксинъ былъ сдѣланъ придворнымъ шутомъ. Тесть его, кн. Михаилъ Голицынъ, за то-же сидѣлъ въ Тайной Канцеляріи, разжалованъ въ пажи и сдѣланъ шутомъ и квасникомъ при дворѣ. Фанатическая ревность католиковъ была настолько извѣстна правительству и такъ возбуждала его опасенія, что въ 1739 году Кабинетъ не согласился на предложеніе Синода оставить двухъ принявшихъ православіе католиковъ, „по постриженіи ихъ въ монашество, въ Смоленскѣ для учительской дѣятельности. Кабинетъ не довѣрялъ вполнѣ даже этимъ обращенцамъ и для безопасности велѣлъ опредѣлить ихъ въ

---

1) П. С. З. IX 6693.
2) П. С. З. X, 7161. § 23, 24.
3) П. С. З. X, 7612
4) П. С. З. XI, 8125.

монастыри внутри государства, а не въ Смоленскѣ—на границѣ съ католической Польшей, гдѣ всегда угрожала опасность католической пропаганды [1]).

Но за предѣлами Россіи—въ Польшѣ Кабинетъ не отличался особенной заботливостью о цѣлости православной вѣры. Здѣсь интересы послѣдней тѣсно сплетались съ политикой между-народныхъ отношеній и политическія соображенія доминировали надъ религіозными. Русско-польскія отношенія требовали большой осторожности. Потому Синодъ по цѣлымъ годамъ не получалъ отвѣта и содѣйствія на свои просьбы защитить отъ насильственнаго привлеченія въ унію, раззоренія и убійствъ православныя церкви и православное населеніе бѣлорусской епархіи, и епископъ бѣлорусскій, Іосифъ Волчанскій, тщетно слалъ въ Петербургъ, одну за другою, жалобы на притѣсненія [2]).

Наконецъ, заслуживаетъ упоминанія помощь русскаго правительства другимъ православнымъ церквамъ, которыя въ Россіи видѣли свою благотворительницу. Государственная власть помогала дѣлу православія тамъ главнымъ образомъ путемъ матеріальнымъ. Для Грузіи въ Россіи печатались церковныя книги на грузинскомъ языкѣ [3]). Восточные патріархи, палестинскіе духовныя власти и монастыри получали денежныя пособія. Въ 1733 г правительство рѣшило урегулировать эту помощь восточнымъ церквамъ, и императрица приказала сочинить штатъ милостинныхъ дачъ [4]). Штатъ былъ составленъ Синодомъ и утвержденъ въ 1735 году высочайшей властью. Установленъ былъ порядокъ выдачи

---

1) А. С. С. Книга всепод. доклад. 1739 г., № 76.

2) А. С. С. Книга всепод. доклад. 1740 г., №№ 43, 58. Подобнѣе у И. А. Чистовича, „Очеркъ исторіи западно-русской церкви“, ч. II. Спб. 1884 г., стр. 62—66. Синодъ дѣлалъ свои представленія Коллегіи Иностр. Дѣлъ; но пользы отъ нихъ не было никакой (П. С. П. и Р. VII, 2578, 2637. О. А. С. С. XII, № 23·260). Нельзя не противопоставить такому поведенію правительства импер. Анны дѣятельное участіе въ судьбѣ православнаго населенія въ Польшѣ Петра I (Чистовичъ, стр. 50—59) и возрожденіе такого же участія со вступленіемъ на престолъ имп. Елизаветы (Ibid, стр. 67 и слѣд.).

3) П. С. З. X, 7411.

4) П. С. П. и Р VIII. 2719.

денежныхъ пособіи патріархамъ и монастырямъ востока. На эти пособія ежегодно ассигновывалась изъ Коллегіи Экономіи прежде выдаваемая на тотъ же предметъ сумма 5000 р. Кромѣ того особыя суммы были назначены на дачу грузинскимъ духовнымъ персонамъ [1]). Для поддержанія древней славы „ктиторства“ по отношенію къ униженнымъ восточнымъ собратіямъ аннинское правительство, во главѣ съ императрицей, не жалѣло денегъ [2]). Ни урѣзываній, ни скупости, обнаруживаемыхъ по отношенію къ потребностямъ русской церковной жизни, не замѣчается по отношенію къ православному востоку. Напротивъ, Синоду давалось полномочіе, если потребуется, требовать изъ Коллегіи Экономіи прибавки къ назначеннымъ суммамъ для милостинныхъ дачъ.

---

1) П. С. З. IX, 6738.

2) О благотворительности русскихъ государей православному востоку въ XVI -XVII ст., формулированной указами Петра В. и аннинскими штатами, см. у Н Каптерева. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII ст., изд. 2-е, Москва 1885 г., главы IV VI. Подробное документальное обозрѣніе сношеній съ восточными церквами, преимущественно на почвѣ благотворительности, у А. Муравьева. Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ, два тома, Спб 1858—1880 г., обнимающіе XVI и первую половину XVII вв.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Контроль верховной власти надъ исполненіемъ подданными христіанскаго долга. Преслѣдованіе суевѣрій.

Для полноты обзора правительственныхъ отношеній къ церковнымъ дѣламъ при Аннѣ Іоанновнѣ намъ остается упомянуть о мѣропріятіяхъ, касающихся наблюденія за исполненіемъ церковнаго долга православными и направленныхъ къ пресѣченію всякихъ ненормальностей религіознаго характера

Правительство требовало отъ подданыхъ православныхъ, чтобы они ежегодно исповѣдались и пріобщались. Исполненіе этихъ обязанностей христіанскихъ для государства было желательно особенно потому, что такимъ путемъ можно было узнавать тайныхъ раскольниковъ, укрывавшихся отъ двойного оклада. Узнать раскольниковъ, носящихъ личину православія, было трудно, и часто только уклоненіе ихъ отъ исповѣди и причастія обнаруживало ихъ принадлежность къ расколу. Съ другой стороны, государственная власть сумѣла извлекать финансовыя выгоды вообще изъ своего контроля надъ поддапными въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Съ неисповѣдавшихся брали штрафъ, а правительство зорко слѣдило за всякими сборами въ интересахъ фиска. Еще петровское царствованіе ввело упомянутый контроль, воспользовавшись съ обычною своею изобрѣтательностью новымъ источникомъ дохода [1]). При вступленіи на престолъ Екатерины I штафъ за небытіе у исповѣди былъ отмѣненъ для поселянъ и оставленъ только для разночинцевъ и посадскихъ людей [2]). Аннинское правительство возстановило во всей силѣ прежнюю систему, такъ какъ она была выгодна для государства.

---

1) Указъ 17 февр 1718 г. Распоряженіе подтверждалось въ 1721 и 1722 гг. (П. С. П. и Р. I, 33; II, 453, 721).

2) П. С. П. и Р. V, 1473, 1889.

Петровскіе указы на этотъ счетъ были подтверждены въ 1737 году. Тогда вспомнили объ ослабѣвшемъ, какъ оказывается, контролѣ, вѣроятно по финансовымъ соображеніямъ. По крайнѣй мѣрѣ правительственный указъ производитъ такое впечатленіе, что шрафы интересовали правительство болѣе всего; хотя на первомъ планѣ приводятся другіе мотивы. Именное повелѣніе объявлено было публично въ сенатскомъ указѣ 16 апрѣля. Вотъ онъ. „Объявляется во всенародное извѣстіе. Аще уже и довольно о всемилостивѣйшемъ ея императорскаго величества сопзволеніи и повелѣніи, дабы ея императорскаго величества вѣрные подданные въ вѣрѣ исповѣданія святыя православныя восточныя церкве находящіеся, исповѣдались грѣховъ своихъ и Святыхъ Божественныхъ Таинъ тѣла и крови Христовой пріобщались по вся годы, всѣмъ извѣстно есть. Однакожъ, какъ нынѣ ея императорскому величеству вѣдомо учинилось, что многіе, не радя о своемъ спасеніи, угождая же лѣности своей, не точію того не исполняютъ, но и весьма о томъ не брегутъ; и тако не имѣя душеспасительнаго въ себѣ дара, то есть сообщенія тѣла и крови Христовой, и впадающе во грѣхи различные, отходятъ въ крайнее заблужденіе, и отъ того же происходитъ склонность, и рождается самое раскольническої прелести преумноженіе, а тому виною можетъ быть не что иное, точію пастырей о паствахъ своихъ небреженіе, свѣтскихъ же командъ отъ слабаго, какъ въ попужденіи подчиненныхъ своихъ ко исполненію оной исповѣди, такъ и въ сборахъ съ неисповѣдающихся положенныхъ штрафовъ, поступка и крайняго въ томъ сборѣ упущенія. И того ради ея императорское величество, видя толикое во многихъ небреженіе и слабость, именнымъ своимъ императорскаго величества сего 1737 года февраля 4-го дня состоявшимся и за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ, Святѣйшему Синоду присланнымъ указомъ, накрѣпчайше повелѣваетъ, чтобъ всѣ ея императорскаго величества вѣрные подданные, исповѣданія Святыя православныя восточныя церкви, всякаго чина мужеска и женска пола люди отъ семилѣтневозрастныхъ до самыхъ престарѣлыхъ, во дни святыя четыредесятницы, у отцовъ своихъ духовныхъ исповѣдались и пріобщались святыхъ таинъ повсягодно, безъ всякаго отъ таковаго душеспасительнаго долга

избѣжанія, лѣности же и небреженія своего. Буде же кто, за какою либо крайне благословною виною, въ Святую четыредесятницу онаго не исполнитъ: то таковымъ тое исповѣдь чинить въ послѣдующіе тому два поста, въ Петровъ или Успенскій неотмѣнно и потому жъ Святыхъ Таинъ пріобщаться. Аще ниже кто уже и за симъ ея императорскаго величества указомъ во дни святыя четыредесятницы или слѣдующихъ потомъ двухъ постовъ исповѣдываться и пріобщаться Святыхъ Таинъ не будетъ: съ таковыхъ, ктобъ какого званія и чина ни былъ, губернаторамъ и воеводамъ и прочимъ свѣтскимъ командирамъ... взыскивать штрафы безъ всякаго послабленія".

Какъ видно изъ указа, главною цѣлью его было слѣдить за тайнымъ расколомъ и неупустительно собирать штрафы; обнаруженіе раскола имѣло въ виду опять преимущественно наложеніе двойнаго оклада. Мѣры, постановленныя Синодомъ, обще съ Сенатомъ, во исполненіе императорскаго повелѣнія, только болѣе подтверждаютъ указанныя цѣли распоряженія.

Священникамъ и причту всѣхъ приходскихъ церквей велѣно было сочинить вѣдомости прихожанъ отъ мала до велика, гдѣ отмѣчать бытіе ихъ у исповѣди и причастія; вѣдомости подавать къ Ѳоминой недѣлѣ за подписью причта въ духовныя правительства, откуда ихъ отсылать въ высшее духовное управленіе по синодальной области въ Духовную Дикастерію, по Нигерманландіи—въ С.-Петерб. Духов. Правленіе, по епархіямъ же въ архіерейскіе домы. Отсюда уже подавать обстоятельныя вѣдомости въ Синодъ для подачи экстракта изъ нихъ ея величеству.

При исповѣди священники обязаны были спрашивать у исповѣдниковъ, какъ кто изображаетъ крестное знаменіе—двумя или тремя перстами; на крестящихся двоеперстно и отвергающихъ троеперстіе доносить архіереямъ.

Этимъ всѣ прихожане ставились подъ надзоръ самого правительства. Вѣдомости подчиняли всѣхъ контролю, а допросы на исповѣди выясняли тайныхъ раскольниковъ.

Съ неисповѣдавшихся полагалось взимать штрафъ, по силѣ указовъ 17-го февраля 1718 г. и 10-го февраля и 19-го декабря 1721 года, на содержаніе военныхъ госпиталей. Штрафъ этотъ былъ важенъ какъ доходъ, почему священ-

никъ, ложно записавшій бывшими у исповѣди и причащенія небывшихъ, подвергался наказанію.

Бывшіе во время четыредесятницы въ отъѣздѣ обязывались исповѣдаться тамъ, гдѣ они будутъ, и представить объ этомъ удостовѣреніе своему священнику, снова исповѣдавшись, впрочемъ, у него, „чтобъ такими отъѣздами и извиненіями бывшей въ отъѣздѣ исповѣди, не могли прикрываться раскольники“. Неисполнившіе этого подвергались штрафу наравнѣ съ неисповѣдавшимися. Поступившихъ такъ три года сряду велѣно считать раскольниками и брать съ нихъ двойной окладъ [1]).

Преобладаніе экономическихъ соображеній звучитъ и въ другомъ указѣ, изданномъ 14-го августа 1740 года въ подтвержденіе распоряженія 1737 года. Тамъ особенно настаивалось на отдачѣ вѣдомостей о собранныхъ штрафахъ за небытіе у исповѣди [2]). Самъ Синодъ такъ и понялъ, что правительству нужны больше всего отчеты финансоваго характера. Поэтому въ синодскомъ докладѣ о исполненіи послѣдняго указа (докл. 17 сент. 1740 г.) говорилось объ однихъ штрафныхъ вѣдомостяхъ [3]).

Учрежденная отчетность и контроль какъ нельзя лучше отвѣчали правительственнымъ желаніямъ. Между тѣмъ самая форма составленія и посылки исповѣдныхъ вѣдомостей тяжело легли на епархіальныя архіерейскія канцеляріи. Особенно затрудняла переписка особыхъ экземпляровъ для подачи Синоду. По опредѣленію 1737 года былъ установленъ такой порядокъ, что собранныя съ приходовъ вѣдомости должны были храниться при архіерейскихъ домахъ, а для Синода ихъ нужно было переписать вновь [4]). Эта переписка была весьма затруднительна. Въ 1738 году (8-го іюля) Синодъ поэтому вошелъ съ докладомъ въ Кабинетъ, предлагая отмѣнить посылку въ Синодъ исповѣдныхъ вѣдомостей изъ епархій, замѣнивъ ихъ присылкой только об-

---

1) П. С. З. X, 7226.

2) П. С. З. XI, 8204.

3) А. С. С. Книга всеподд. доклад. 1740 г., № 87.

4) Между тѣмъ въ до-аннинское время Синоду представляли лишь табели о неисповѣдающихся и собранныхъ съ нихъ штрафахъ (П. С. П. и Р. V, 1730).

щихъ экстрактовъ, такъ какъ переписка ихъ отнимаетъ много времени и препятствуетъ отправленію другихъ канцелярскихъ дѣлъ; да и въ Синодѣ негдѣ хранить эту массу бумаги (ежегодно должны были получаться десятки тысячъ экземпляровъ). Однако Кабинетъ не согласился отмѣнить прежнее распоряженіе, мотивировавъ отказъ тѣмъ, что „какъ Синодъ, такъ и Кабинетъ, именныхъ ея императорскаго величества указовъ перемѣнять не долженъ". Мотивъ, конечно, не удовлетворительный, потому что, во-первыхъ, такая частная черта указа могла быть удобно отмѣнена и Кабинетомъ; во-вторыхъ, ни что не мѣшало Кабинету испросить у государыни санкцію своему распоряженію; кромѣ того въ другихъ случаяхъ Кабинетъ измѣнялъ своею властью (его указы тогда вѣдь имѣли силу именныхъ) детали повелѣній императорскихъ. Настоящая причина отказа на просьбу Синоду крылась въ томъ, что правительство находило болѣе вѣрнымъ средствомъ контроля присылку „обстоятельныхъ вѣдомостей", а не экстрактовъ [1]).

Приходское духовенство въ свою очередь сильно затруднялось обязанностью составлять исповѣдныя вѣдомости. Петербургскіе причты представили, напримѣръ, такія вѣдомости за 1737 годъ только въ 1740 году. С.-Петербургскіе священнослужители слезно просили Синодъ замѣнить составленіе исповѣдныхъ вѣдомостей такимъ порядкомъ, „чтобъ обывателямъ сообщать приходскимъ своимъ священникамъ именные о всѣхъ обрѣтающихся у него живущихъ въ домѣ за своими руками списки, а священникамъ давать тѣмъ людямъ за своими-жъ руками и печатьми письма, которыя бъ свидѣтельствовать и взыскивать того, кто исповѣдывался и кто не исповѣдывался, полиціи". Синодъ сообщилъ Кабинету эту просьбу. Отвѣтъ полученъ былъ уже въ 1741 году (4-го февраля). Сообщеніе возвратили Синоду съ тѣмъ, чтобы вновь разсмотрѣть, какимъ бы образомъ въ томъ возможно было безъ дальняго священнослужителямъ затрудненія и обывателямъ безъ излишняго обязательства поступить и въ томъ лучшій порядокъ установить [2]). Очевидно, контроли-

---

1) А. С. С. Книга всеподд. докл. 1738 г., № 56. Книга высоч. ук. 1738 г., № 50.

2) Внутренній бытъ, II, 366.

рованіе „исполненія христіанскаго долга“ правительству желательно было поставить какъ можно лучше, потому что тутъ замѣшаны были выгоды государственныя.

Суевѣріе во всѣхъ его видахъ было ненавистно анпинскому правительству, какъ болѣзненное извращеніе истинной религіозности, дающее къ тому же возможность всякимъ шарлатанамъ жить праздно на счетъ другихъ. Въ этомъ отношеніи оно всецѣло держалось взгляда Ѳеофана, преслѣдовавшаго суевѣрцевъ, ханжей и лицемѣровъ насмѣшкою и иными, болѣе реальными, средствами [1]). Поэтому въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія было издано нѣсколько общихъ и частныхъ строгихъ указовъ относительно суевѣрцевъ.

Въ 1731 году до правительства дошли слухи о существованіи волшебниковъ среди народа. Именнымъ повелѣніемъ опредѣлена была казнь чрезъ сожженіе за волшебство; а призывающіе къ себѣ волшебниковъ присуждались къ жестокому наказанію и даже смерти. Запрещалось даже разговаривать съ волшебниками [2]).

Особенно многочисленно расплодились въ XVIII вѣкѣ среди суевѣрнаго и невѣжественнаго общества и народа юродивые, ханжи, и т. п. лица, извлекавшіе изъ людской глупости пользу для своего кармана. Противъ этого зла боролась и церковная и гражданская власть. Синодъ, узнавъ, что въ петербургскихъ храмахъ совершаются юродскія безчинства, запретилъ въ 1732 году пускать въ храмы юродивыхъ въ кощунственныхъ одѣяніяхъ или вообще нарушающихъ благочиніе и велѣлъ высылать ихъ вонъ [3]). Въ 1737 году узнало и правительство, что несмотря на всякія запрещенія, юродство процвѣтаетъ въ первопрестольной Москвѣ и другихъ мѣстахъ. 14-го ноября посланъ былъ императрицей указъ начальнику Москвы С. А. Салтыкову, выражающій сильное недовольство государыни на московскія безчинства юродивыхъ. „Вамъ памятно быть можетъ, – писалось

---

1) Въ 1722 г распоряженіемъ Синода было велѣно помѣщать ханжей въ монастыри и употреблять ихъ въ труды до конца жизни (П. С. II. и Р. II, 477).

2) II. С. З. VIII, 5761. II. С. II. и Р. VII, 2451.

3) II. С. З. VIII, 6136. II. С. II. и Р. VII, 2600.

Салтыкову, коимъ образомъ въ прошедшія годы поступано было съ являющимися въ Россійской имперіи суевѣрцами, особливо кликушами, и какія о престереженіи и недопущеніи такихъ шалостей впредь указы крѣпчайшіе выданы, по которымъ чрезъ нѣкоторые уже лѣта подобныхъ тому суевѣрій не слышно было. Но нынѣ извѣстно здѣсь учинилось, что въ Москвѣ въ церквахъ и монастыряхъ явились вновь многія кликуши, которыя не токмо отъ того не унимаются, но и наипаче надъ ними молитвы отправляются". Выразивъ неудовольствіе на коломенскаго архіерея, управлявшаго синодальными дѣлами въ Москвѣ, и самаго Салтыкова за недосмотръ, императрица повелѣвала взять явившихся въ Москвѣ кликушъ подъ караулъ, допросить и впредь крѣпко смотрѣть и не допускать ихъ до такихъ шалостей. Архіерею велѣно учинить выговоръ [1]). Синоду въ тотъ же день (14-го ноября) данъ былъ императорскій указъ, подтверждавшій всѣ прежніе указы и постановленія Духовнаго Регламента о пресѣченіи и искорененіи суевѣрій. Синодъ принялъ свои мѣры. Духовнымъ властямъ предписано было тщательно наблюдать, не появятся ли гдѣ какія либо суевѣрія при иконахъ, кладезяхъ, источникахъ, ложныя чудеса и мощи, кликуши, юродивые, босые, съ колтунами и проч. Для наблюденія за этимъ архіереи въ епархіяхъ и духовныя правительства синодальной области должны были опредѣлить по всѣмъ городамъ закащиковъ, а закащики къ каждымъ десяти церквамъ десятоначальника изъ священнаго чина. Приходскіе причты обязывались доносить чрезъ посредство десятоначальниковъ и закащиковъ о появленіи въ ихъ приходахъ суевѣрій высшему начальству. Послѣднее должно было требовать къ себѣ „проявителя" и по распросѣ отсылать къ свѣтской власти для наказанія. За утайку суевѣрій виновнымъ грозила тяжелая кара, до лишенія сана включительно. Мѣстныя епархіальныя власти обязывались дважды въ годъ рапортовать Синоду о суевѣріяхъ [2]). Коломенскаго архіерея Синодъ тотчасъ же запросилъ, зачѣмъ онъ допустилъ безобразіе кликушъ въ мо-

---

1) Чтеніе М. О. И. и Др. 1878 г., I. Письма и указы Анны Іоан. къ С. А. Салтыкову. Стр. 193-194.

2) А. С. С. Книга имен. указовъ 1737 г., № 53. II. С. З. X, 7450.

сковскихъ церквахъ, пригрозивъ ему лишеніемъ сана за ложный отвѣтъ [1]).

Съ хапжами и суевѣрами въ аннинское царствованіе расправлялись энергично. Одного бродячаго хапжу въ 1730 году Синодъ приговорилъ къ отсылкѣ на сибирскіе горные заводы въ вѣчную работу [2]). Изъ-за ложно вымышленнаго чуда возникло цѣлое обширное дѣло, и виновникъ попалъ въ дальній монастырь [3]). Въ Ригѣ заподозрили въ суевѣріи протопопа Николая Ростовецкаго, о которомъ узнала императрица, что онъ спрашивалъ вдову одного умершаго попа, пойдетъ ли она замужъ или нѣтъ, объявляя, что, смотря по этому, онъ погребетъ ея мужа безъ ризъ или въ ризахъ. Псковскому архіепископу велѣно было допросить Ростовецкаго и впредь искоренять такія суевѣрія [4]). Въ Никандровой пустыни новгородской губерніи чтили одинъ камень, на которомъ яко-бы спалъ при жизни преп. Никандръ. Узнавъ объ этомъ, Ѳеофанъ приказалъ арестовать сей камень и бросить въ Неву, а пустынь подтвердить, чтобы подобнаго суевѣрія не чинили [5]). Въ Вяткѣ, не далеко отъ города былъ чтимый источникъ, при которомъ 29-го іюня совершались языческіе обряды; въ самомъ городѣ при церкви Вознесенія въ богадѣльнѣ совершались въ праздникъ Рождества Богородицы суевѣрныя приношенія жареныхъ птицъ, кости коихъ почитались за святыя. Послѣ мѣстнаго слѣдствія, Кабинетъ, по докладу Синода, повелѣлъ учинить наказаніе всѣмъ уличеннымъ въ тѣхъ суевѣріяхъ и засыпать источникъ [6]). Въ 1739 году Кабинетъ же распорядился взять и

---

1) А. С. С Книга всепод. докл 1737 г., № 88.

2) П. С. П. и Р. VII, 2318. По случайнымъ обстоятельствамъ, попалъ хапжа, впрочемъ, лишь въ Соловецкій монастырь въ тягчайшіе труды (П. С. П. и Р. VII, № 2360).

3) Описаніе дѣлъ и докум. Син. Арх. X, № 470/98.

4) П. С. З. IX, 6478. П. С. П и Р. VIII, 2739. Во всѣ епархіи были посланы указы—развѣдывать, нѣтъ ли между духовенствомъ какихъ либо суевѣрій.

5) А. С. С. Дѣло 1735 г. № 330.

6) А. С. С. Книга всепод. докл. 1739 г., № 43. Книга высоч. ук. 1739 г., № 30. Вообще остатки подобныхъ суевѣрныхъ языческихъ обрядовъ существовали во многихъ мѣстахъ, и духовная власть обычно распоряжалась жестоко наказывать плетьми виновныхъ (П. С. П. и Р. VIII. 2748, 2768. 2769, 2770).

послать въ монастыри двухъ новгородскихъ ханжей, жившихъ въ шалашахъ у городской стѣны. При этомъ дѣлалось и общее распоряженіе: впредь подобныхъ ханжей, гдѣ бы они ни явились, престарѣлыхъ отсылать въ монастыри, молодыхъ отдавать въ солдаты, малолѣтнихъ помѣщикамъ, родственникамъ или поселянамъ, смотря по ихъ происхожденію и состоянію. Праздность такихъ личностей особенно возмущала правительство, не могущее допустить существованіе праздныхъ и здоровыхъ людей въ государствѣ. Указъ предписывалъ наикрѣпчайше наблюдать, чтобъ „таковыхъ шатающихся въ праздности, которые не хотятъ трудами хлѣбъ получать, отнюдь не было“ [1]).

---

1) П. С. З. X, 7959.

Заключеніе.

Вотъ мы и при концѣ настоящаго обзора правительственныхъ отношеній къ церковнымъ дѣламъ при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Оглядываясь на пройденный путь, мы приходимъ къ тѣмъ самымъ положеніямъ, которыя высказали въ началѣ изслѣдованія. Фактическія данныя, историческая перспектива, подтверждаютъ нашъ взглядъ на основные принципы правительственной дѣятельности въ церковныхъ вопросахъ. Красною нитью проходитъ чрезъ всѣ 30-е годы XVIII столѣтія государственная точка зрѣнія на церковь и ея дѣла, проведенная съ неумолимой послѣдовательностью въ церковной политикѣ. Правительство всегда ставитъ на первый планъ интересы обще-государственные, когда они сталкиваются съ церковными; при этомъ характерно именно то, что предпочтеніе дѣлается нерѣдко въ ущербъ послѣднимъ. Въ высшемъ церковномъ управленіи этотъ взглядъ сказался приниженіемъ центральнаго органа церковной власти, который правительство старалось низвести на обыкновенное бюрократическое учрежденіе, вродѣ министерства, всецѣло подчиненное высшему центральному свѣтскому управленію. А экономическія затрудненія и скупость государства по отношенію къ Синоду ясно свидѣтельствовали, что церковную организацію правительство ставило не очень то высоко по ея значенію въ строѣ государственной жизни. Духовенство находилось въ такихъ же условіяхъ. Его не выдѣляли въ особое положеніе во вниманіе къ характеру его служенія; напротивъ, политическая подозрительность ставила его на одинъ уровень со всѣми другими подданными государства. Служители церкви—простые чиновники въ глазахъ аннинскаго правительства, и съ ними обращались, какъ съ таковыми. Іерархи раздѣляли судьбу вельможъ, навлекшихъ на себя царскую опалу. Низшее духовенство ставилось въ ряду съ среднимъ классомъ общества, и санъ не спасалъ никого отъ Тайной Канцеля-

ріи. Въ лицахъ духовнаго сословія государственная власть цѣнила ихъ значеніе для жизни общественной, а не религіозной. Отсюда стремленіе поднять нравственный и умственный уровень священнослужителей во имя ихъ просвѣтительнаго вліянія на народъ, заставить ихъ служить обществу и иными, болѣе матеріальными средствами. Бѣлое духовенство подвергается безпощаднымъ разборамъ; строгость запретительныхъ указовъ искореняетъ тунеядство въ монашествѣ, а церковно-имущественная политика привлекаетъ всѣми способами церковь на служеніе государству и обществу на финансовой почвѣ. Само государство оказываетъ существенную поддержку церкви и идетъ на встрѣчу ея задачамъ и интересамъ только тамъ, гдѣ предвидится осязательная государственная польза (расколъ, миссія, контроль надъ исповѣдью и причастіемъ). Чѣмъ меньше этой „осязательности“, тѣмъ скупѣе правительство и тѣмъ болѣе склонно оно ограничиваться громкими фразами и грозными указами (духовное просвѣщеніе). Вообще же политика его не отличается дальновидностью. Въ будущее заглядывается рѣдко; на результаты, подготовку, прочность и своевременность мѣропріятій мало обращается вниманія. Забывается часто и та основная истина, что вѣдь если даже разсматривать церковь какъ часть обще-государственной организаціи, то она требуетъ, по крайней мѣрѣ, такого же вниманія, какъ другія части государственнаго организма Государственныя соображенія примѣняются въ церковныхъ дѣлахъ съ прямолинейностью, приводящей иногда къ результатамъ печальнымъ и неожиданнымъ для самаго правительства, создающимъ массу противорѣчій въ достиженіи цѣлей законодательства. Въ концѣ концовъ главнѣйшія мѣры оказываются недолговѣчными и падаютъ черезъ нѣсколько лѣтъ подъ ударами жизненнаго опыта, не внеся въ церковную и даже государственную жизнь ничего положительнаго.

Чѣмъ объяснить такую судьбу аннинскаго царствованія? Оно богато дѣятельностью въ области церковныхъ вопросовъ, особенно во вторую свою половину, когда Кабинетъ правилъ всѣмъ. Правительство было, повидимому, искренно одушевлено благими намѣреніями поднять духовное сословіе и монашество, внести благоустройство въ церковный строй жизни и въ церковное управленіе, завершить петров-

ское дѣло реформы. Оно имѣло въ виду свершить созидательную работу; самыя отрицательныя распоряженія преслѣдовали эту цѣль. Между тѣмъ отъ обзора правительственной дѣятельности получается такое впечатленіе, что результаты были въ общемъ отрицательными. Достоинство церковнаго правительства унижено, высшая іерархія запугана, духовенство и монашество терроризированы, религіозно-церковная жизнь вышла изъ нормальнаго теченія. Печальные плоды политики, направленной на исправленіе „нестроеній духовнаго чина"!.. Искать ли разгадку этого явленія въ исключительныхъ условіяхъ аннинскаго времени? Но это будетъ несправедливо. Причина лежитъ глубже, она коренится въ самыхъ церковно-государственныхъ отношеніяхъ, созданныхъ петровской реформой. Государственная власть, поставивъ церковную жизнь подъ свое высшее руководительство, не приняла во вниманіе, что церковь есть не столько гражданско-юридическое общество, сколько духовный союзъ, органическое стройное цѣлое, живущее и развивающееся по своимъ законамъ. Пусть въ жизнь этого организма вкрались нестроенія, требующія исправленія; послѣднее возможно единственно путемъ возрожденія жизненныхъ силъ церковнаго общества, путемъ свободной самодѣятельности, а отнюдь не путемъ бюрократически-административныхъ начинаній. Государственная власть пошла, между тѣмъ, именно послѣднимъ путемъ. Не будучи въ состояніи, конечно, взять на себя нравственную миссію, она включила церковную сферу въ строгія рамки государственнаго уклада и на служителей духа, носителей нравственныхъ идеаловъ, стала смотрѣть съ формально-чиновничьей точки зрѣнія. При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что государственная политика иногда не только не обезпечивала благосостоянія церковнаго общества, но даже разрушала его. Стоя внѣ внутренней связи съ жизнью церкви и въ тоже время стремясь руководить ею, она легко могла не понимать ея потребностей, незнать настоящихъ средствъ для удовлетворенія таковыхъ, приносить интересы церкви въ жертву интересамъ государства и, въ результатѣ, совершать вмѣсто дѣла созиданія дѣло разрушенія.

Петровская реформа послужила въ значительной сте-

пени почвой и для такихъ фактовъ, какъ политическій терроръ аннинскаго времени. Она поставила церковь въ полную зависимость отъ настроенія правительства, теченій внутренней политики, даже дворцовыхъ интригъ и личнаго фавора. Подозрительность нѣмецкаго правленія, Остермановскій режимъ, Ѳеофановщина—все это стало такъ возможно послѣ открытаго признанія за тропомъ верховнаго значенія въ церковныхъ дѣлахъ (Петръ Вел.—„крайній судья“ Духовнаго Коллегіума). Вмѣстѣ съ другими сферами государственной жизни церковь была поставлена въ необходимость приспособляться къ настроенію власти и испытывать на себѣ перемѣны политическаго курса со всѣми ихъ послѣдствіями. И мы дѣйствительно видимъ, что въ XVIII—XIX вв. теченіе духовныхъ дѣлъ у насъ неразрывно связывается съ измѣнчивымъ чередованіемъ не только правительствъ, но и разныхъ господствующихъ вѣяній въ средѣ одного и того-же правительства. Въ аннинское царствованіе сказалось лишь съ исключительною силою дѣйствіе подобныхъ церковно-государственныхъ отношеній, такъ какъ тогда комбинація указанныхъ общихъ условій съ болѣе случайными факторами, каковы личныя качества, національность и политическіе взгляды государственныхъ дѣятелей, а также политическія обстоятельства времени, поставила русскую церковь въ особо-неблагопріятное положеніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.—**Литература предмета. Задача изслѣдованія** . . . . . III—XI.

ВВЕДЕНІЕ.—**Общій взглядъ на церковную политику правительства императрицы Анны Іоанновны** . . . . . 1—38.

ГЛАВА I.—**Святѣйшій Синодъ. Правительство императр. Анны Іоанновны въ отношеніи къ высшему органу церковнаго упоавленія.**—Вопросъ объ устройствѣ Синода. Мѣсто его въ ряду государственныхъ учрежденій. Вмѣшательство гражданской власти въ синодскія дѣла. Синодскій штатъ. . . . . 39—71.

ГЛАВА II.—**Отношеніе правительства къ высшей іерархіи.**—Процессы архіереевъ: Льва Юрлова, Георгія Дашкова, Игнатія Смолы, Сильвестра казанскаго, Варлаама Вонатовича, Θеофилакта Лопатинскаго, Варлаама псковскаго. . . . . 72—163.

ГЛАВА III.—**Государственная политика по отношенію къ бѣлому духовенству.**—Общій взглядъ. Замѣщеніе церковныхъ должностей. Бродячее духовенство. Матеріальное обезпеченіе духовенства; ружный штатъ. Государственныя повинности. Политическія дѣла. Разборы. . . . . 164—271.

ГЛАВА IV.—**Отношеніе правительства къ монашеству.**—Общій взглядъ на монашескую жизнь. Мѣры, предпринятыя правительствомъ для упорядоченія и ограниченія монашества. Политическіе розыски въ монашеской средѣ. Церковно-имущественный вопросъ при императрицѣ Аннѣ. . . . 272—370.

ГЛАВА V.—**Заботы правительства о духовномъ просвѣщеніи.**—Учрежденіе семинарій. Противорѣчія правительственной политики, невниманіе къ духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ школьнаго дѣла. Оцѣнка просвѣтительныхъ заботъ . . . . . 371—417.

ГЛАВА VI.—Мѣры противъ раскола и заботы о миссіонерскомъ дѣлѣ. Отношеніе къ иновѣрческой пропагандѣ. Помощь православнымъ церквамъ на востокѣ . 418—453.

ГЛАВА VII.—Контроль верховной власти надъ исполненіемъ подданными христіанскаго долга. Преслѣдованіе суевѣрій . . . . . 454—462.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. . . . . 463—466.

Сокращенія, принятыя въ цитатахъ.

А. С. С.—Архивъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода

О. А. С. С.—Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ С. Прав. Синода.

П. С. П. и Р.—Полное Собраніе Постановленій и Распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи.

П. С. З.—Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи (первое).

М. А. М. Ю.—Московскій Архивъ Министерства Юстиціи.

Дѣла, цитуемыя безъ обозначенія архива, а также книги высочайшихъ указовъ и всеподданѣйшихъ докладовъ, относятся къ архиву Синода.

Главнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
III	22 сн.	таинственнагс	таинственнаго
IX	17 св.	духовпаго	духовнаго
XI	2 св.	дли	для
3	16 сн.	ужеи	уже и
17	6 св.	генералъ-прокуромъ	генералъ-прокуроромъ
19	1 сн.	дросни. транцы	др. иностранцы
20	13-14 св.	объстоятельствамъ	обстоятельствамъ
24	20 сн.	временн	времени
35	17 сн.	О. В. Благовидовъ	Ѳ. В. Благовидовъ
52	12 сн.	вноситъ	вносить
54	10 сн.	прекращалнсь	прекращались
62	15 сн.	грыбы	грибы
67	12 св.	Освободившихсь	Освободившись
68	3 св.	декладывалъ	докладывалъ
71	6 св.	принцыпы	принципы
77	10 св.	Кабъ	Какъ
85	3 сн.	пректированное	проектированное
90	4 сн.	№ 1171/05	№ 117/105
111	7 св.	очемъ	о чемъ
—	13 св.	(п. в)	(п. 3)
112	10 сн.	без лодны	безплодны
113	10 сн.	клубокѣ	клобукѣ
126	6 св.	часла	числа
142	4-5 св.	понято	понятно
157	9 св.	Ушакому	Ушакову
168	3 сн.	призирая	презирая
183	5 сн.	отмалчивалась	отмалчивались
185	7 св.	н	и
202	15 сн.	опредѣленіемъ	опредѣленіемъ
205	10-11 сн.	старовты	старосты
215	2 сн.	П. С. З. X, 714	П. С. З. X, 7144
224	11 сн.	темныя	тайныя
232	1 сн.	Св. Синооа	Св. Синода
254	7 сн.	заносила.	заносила,
262	11 св.	правительствующихъ	правительственныхъ
263	5 сн.	А. А. С.	А. С. С.
268	8 сн.	ея и в.	ея и. в.
281	18 сн.	давалась	давалось
305	14-15 св.	распоряженіе	разстриженіе
309	1 св.	Объявленія	Объявленіе
328	16 св.	Въ на алѣ	Въ началѣ
335	14 сн.	стремленіе	стремленія
336	16 св.	вопрсоъ	вопросъ
363	5 св.	жалованья	жалованье
337	2 сн.	начали	начали
378	2 св.	продолжительницею	продолжательницею

2007089623